

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИН
ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

ТОМ
I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 5 6

Пушкинский кабинет ИРЛИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. П. Алексеева

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение жизни и творчества А. С. Пушкина развивается непрерывно, приобретая все больший размах, широту и глубину. Литература о Пушкине растет, обогащая наше представление о величайшем русском национальном поэте новыми фактическими данными и критическими истолкованиями. 150-летие со дня рождения Пушкина, широко отмеченное в 1949 году как в Советском Союзе, так и за рубежом и явившееся всенародным праздником советской социалистической культуры, в особенности содействовало дальнейшему разворачиванию изучения Пушкина и популяризации его творческого наследия. Текущая научная литература о Пушкине за последние годы так велика и появляется в столь разнообразных изданиях на столь многих языках, что следить за ней и пользоваться представляемыми ею результатами становится все более трудным делом. Выпускаемые Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР ежегодные библиографические указатели вновь вышедших изданий произведений Пушкина и литературы о нем¹ могут оказать лишь частичную помощь для первоначальной ориентировки в множестве посвященных Пушкину исследований — книг, статей, заметок и разного рода сообщений. Критический отбор наиболее важных в научном отношении итогов этих исследований и публикаций, содействие дальнейшему углубленному изучению проблем пушкиноведения и обнаруженных новых материалов не может входить в задачу библиографических пособий и должно быть сосредоточено в особом издании.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, основанный в память великого поэта и носящий его имя, за время своего более чем полувекового существования издавал несколько серий неперIODических сборников, посвященных изучению жизни и творчества Пушкина. Такова в первую очередь серия сборников «Пушкин и его современники» (выпуски I—XXXIX, вышедшие в 1903—1930 годах). Серия этих сборников была результатом деятельности Пушкинской комиссии, образованной в 1900 году при Отделении русского языка и словесности Академии Наук; на эту комиссию возложена была обязанность наблюдать за изданием «Полного собрания сочинений» Пушкина. Печатным органом этой комиссии и сделались сборники «Пушкин и его современники», в которых, кроме протоколов заседаний комиссии, помещались «труды ее членов и посторонних ученых, посвященные изучению биографии и сочинений Пушкина и писателей его эпохи, а равно лиц, имевших то или иное отношение к поэту».

¹ «Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем»; в настоящее время вышли в свет четыре выпуска этого издания: 1949 (Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1951); то же за 1950 год (1952); то же за 1951 год (1954); то же за 1952—1953 годы (1955).

Следующая серия неперIODических сборников «Временник Пушкинской комиссии» (т. т. 1—6, вышедшие в 1936—1941 годах), являясь органом обновленной «Пушкинской комиссии Академии Наук СССР», имела своей ближайшей целью содействовать основным предварительным работам по подготовке нового юбилейного академического «Полного собрания сочинений» Пушкина: выявлению всего наличия пушкинских автографов и списков, пополнению и проверке биографического материала, учету литературы о Пушкине. Прервавшееся в годы Великой Отечественной войны издание этих сборников не было возобновлено прежде всего потому, что между 1945 и 1949 годами все силы исследователей Пушкина были сосредоточены на издании полного собрания его сочинений в шестнадцать томах, успешно завершено в юбилейном 1949 году.

В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР сосредоточены в настоящее время все автографы Пушкина, а пушкинский фонд богатейших книжных собраний Института непрерывно пополняется текущей литературой о его жизни и деятельности; не ослабевает ведущаяся в Институте работа по изучению рукописного наследия поэта, вносящая существенные поправки в полное собрание его сочинений; накапливаются новые ценные данные для текстологического, реального и историко-литературного комментария к этому изданию, для завершения которого потребуются соединенные усилия исследователей в течение ряда лет. Укажем, наконец, на то, что организуемые Институтом русской литературы с 1949 года ежегодно по постановлению Президиума Академии Наук СССР «Всесоюзные Пушкинские конференции», ставящие одной из своих задач координацию деятельности различных, связанных с именем Пушкина, организаций и учреждений (Пушкинских комиссий в национальных республиках Советского Союза, музеев, заповедников, памятных мест и т. д.), а также сплочение творческих сил исследователей Пушкина,² привлекают к себе все большее количество участников и обеспечивают поступление в Институт новых и ценных научных разысканий о жизни и деятельности поэта, о значении его наследия для социалистической культуры, о продолжающемся мощном воздействии его на прогрессивное искусство, о все возрастающей популярности его во всех странах мира и т. д.

Все высказанные выше соображения привели Институт русской литературы к мысли о необходимости выпускать новую серию сборников под заглавием: «Пушкин. Исследования и материалы», в которой могли бы получить свое отражение очередные задачи изучения поэта и его творчества в ближайшие годы. В каждом томе настоящей серии сборников, по мере возможности и накопления соответствующих материалов, предусматриваются следующие четыре раздела: I. Исследования, статьи, доклады; II. Материалы и сообщения; III. Критико-библиографические обзоры и рецензии; IV. Хроника.

В первом разделе будут печататься исследования и статьи общего характера, доклады, читанные на пушкинских конференциях, труды итогового характера с теоретическим уклоном. Во втором разделе предполагается помещать статьи на более частные темы, в особенности включающие в себя рукописные материалы или соображения, требующие специального обоснования, а также публикации документальных материалов (сведения о вновь

² «Труды Первой и Второй Всесоюзных Пушкинских конференций» вышли в свет в издании Академии Наук СССР в 1952 году, «Труды Третьей конференции» опубликованы в отдельном томе под заглавием «Пушкин. Исследования и материалы» в 1953 году.

найденных автографах Пушкина, результаты изучения отдельных вопросов его биографии, произведений и т. д.). Третий раздел будет посвящен критическим обзорам литературы о Пушкине, общим и тематическим, а также рецензиям научного характера на вновь вышедшие работы, имеющие ближайшее отношение к Пушкину, его времени и современникам или трактующие проблемы его восприятия в русской литературе и за рубежом, и т. д. В четвертом разделе будут сосредоточены фактические данные о ходе изучения и популяризации Пушкина в Советском Союзе и за рубежом, о деятельности пушкинских комиссий, музеев, о работах пушкинских семинаров в вузах, об охране памятных мест, связанных с именем поэта, о важнейших событиях в искусстве, имеющих непосредственное отношение к его творчеству, и т. д.

Указанная серия сборников, призванная заменить предшествующие серийные издания Института русской литературы (в том числе и «Труды Всесоюзных Пушкинских конференций»), будет издаваться по мере возможности регулярно, с новой последовательной нумерацией томов.

Большую помощь в редактировании настоящего тома оказал Н. В. Измайлов.

С Т А Т Ь И

М. П. АЛЕКСЕЕВ

ПУШКИН И НАУКА ЕГО ВРЕМЕНИ

(Разыскания и этюды)¹

Многосторонность и всеобъемлющий характер творчества Пушкина, изумительная широта, с которой сумел он охватить своим умственным взором всю современную ему действительность, засвидетельствованы давно и неоднократно подвергались специальному обсуждению. Еще Белинский отмечал, что поэзия Пушкина «проникнута насквозь действительностью»,² подчеркивая кипучую стремительность русского культурного развития в те годы, когда зарождалось, складывалось и мужало творчество великого русского поэта. «... Пушкин откликнулся на всё, в чем проявлялась русская жизнь; он обозрел все ее стороны, проследил ее во всех степенях», — писал Добролюбов.³ Эти утверждения, исходившие от людей, близких к поколению самого Пушкина, имеют силу исторических свидетельств, тем более интересных, что они сказаны проникательными критиками лишь на основании изучения творчества Пушкина, знакомого им с гораздо меньшей полнотой, чем оно известно нам сейчас.

Но и ближайшие современники Пушкина, находившиеся с ним в личном общении и имевшие возможность непосредственно наблюдать за самым методом его творческого восприятия действительности, утверждали то же самое. Таково, например, свидетельство Гоголя, которое можно было бы считать своего рода лирическим преувеличением, если бы оно не было окружено другими ясными и точными свидетельствами по этому же поводу. Гоголь писал о Пушкине: «На всё, что ни есть во внутреннем человеке, начиная от его высокой и великой черты до малейшего вздоха его слабости и ничтожной приметы, его смутившей, он откликнулся так же, как он откликнулся на всё, что ни есть в природе видимой и внешней».⁴ Друзья Пушкина, удивляясь его гениальной творческой восприимчивости, способной понять всё то, что хотя бы случайно оказалось доступным его наблюдению и вниманию, пытались найти объяснения этому всех поражавшему явлению и указывали прежде всего на исключительную емкость и цепкость его памяти как на основу, незыблемый фундамент его могучего творческого ума. «Природа, кроме поэтического таланта, наградила его

¹ Настоящие этюды представляют собой переработку части более общего доклада под этим заглавием, прочитанного на Четвертой Всесоюзной Пушкинской конференции в Ленинграде в июне 1952 года (см. «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», 1952, т. XI, вып. 6, стр. 564—565).

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, Пгр., 1917, стр. 395.

³ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. I, Гослитиздат, М., 1934, стр. 114.

⁴ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1952, стр. 380—381.

изумительной памятью и пронизательностью, — писал о Пушкине П. А. Плетнев. — Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадали для него на целую жизнь».⁵ У нас, действительно, есть множество указаний относительно того, что Пушкин запоминал сказанное, слышанное, промелькнувшее в его уме, — всё и навсегда. «Помилуй! что у тебя за дьявольская память? .. — писал Д. В. Давыдов Пушкину 4 апреля 1834 года, — когда-то на лету я рассказал тебе ответ мой о М. А. Нарышкиной. . . ты слово в слово поставил это эпитафией в одном из отделений Пиковой Дамы».⁶ Анна Семеновна Сиркур (рожденная Хлюстина), говоря о последних своих встречах с Пушкиным в 1836 году (письмо от 23 декабря 1837 года), рассказывала, что «его ум, отличавшийся способностью угадывать всё, что могло быть воспринято только с помощью интеллекта», поразил ее так же, как и «тот поэтический облик, который бессознательно придавала всякой вещи его воспринимающая мысль».⁷

Всё сказанное подтверждает лишний раз, что потребность знать Пушкина как можно шире и глубже в разнообразных проявлениях его гения и во всех возможных отношениях к окружавшей его действительности определяет одну из задач нашего пушкиноведения. Нельзя сказать, чтобы эта задача не привлекала к себе исследователей: медленно, шаг за шагом, но всё отчетливее вырисовываются перед нами отдельные детали интересующей нас картины. Мы представляем себе теперь, хотя всё еще с недостаточной полнотой, разнообразные отношения, связывавшие творчество Пушкина с русским и западным искусством его времени. Всё более увлекательными становятся разыскания об отношении Пушкина к гуманитарному знанию: Пушкин-историк, филолог-лингвист, этнограф или даже экономист всё чаще становится предметом новых статей и исследований.⁸

Тем не менее все уже выполненные разнообразные и многосторонние исследования далеко еще не охватили во всем объеме проблему об отношении Пушкина к науке его времени, в первую очередь к русской науке. Предпринятые, например, за последнее время работы о Пушкине как географе далеко еще не завершены; вопрос об отношении Пушкина к естествознанию и к «точным», экспериментальным наукам даже еще не ставился вообще, а между тем время, в которое жил Пушкин, было эпохой заметного роста и значительных достижений именно в этих областях знания, и Пушкин не мог остаться безмолвным свидетелем этих достижений, как важных факторов нашего культурного развития.

В этом вопросе существуют противоречивые свидетельства, давшие повод к неосновательным и плохо аргументированным суждениям исследователей. «У Пушкина нет стремления к овладению силами природы. Ему чужда идея господства над природою. . . его отношение к природе опре-

⁵ П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. I, СПб., 1885, стр. 366.

⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XV, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 123. В дальнейшем цитируется по этому изданию (т.т. I—XVI 1937—1949).

⁷ M. Hoffmann. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. Paris, 1926, стр. 35—36.

⁸ Напомним, что, когда в начале 1930-х годов П. Е. Щеголев опубликовал статью «Пушкин-экономист» («Известия», 1930, № 17, 17 января), она показалась многим и неожиданной, и неоправданной, а между тем в настоящее время экономические воззрения Пушкина стали предметом немаловажных изысканий, подтвердивших самостоятельность суждений Пушкина по экономическим вопросам, общность экономических воззрений Пушкина и декабристов, роль журнала Пушкина «Современник» в развитии русской экономической мысли и т. д. (ср.: И. Н. Трегубов. К вопросу об экономических взглядах А. С. Пушкина. «Пушкинский юбилейный сборник», Ульяновск, 1949, стр. 40—57).

деляется не желанием овладеть ею и технически использовать. В нем нет устремленности, которая, например, заставила Гете создать образ Фауста-инженера», — совершенно бездоказательно утверждал, например, Гл. Глебов.⁹ Столь же бездоказательными и ошибочными были, с нашей точки зрения, мнения комментаторов «Евгения Онегина», пояснявших стихи, в которых говорится о спорах, которые вели между собой Онегин и Ленский (VI, 38):

Меж ними всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Пламен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло...

Н. Л. Бродский предположил, что под «плодами наук» Пушкин разумел в данном случае разговоры на научно-технические, сельскохозяйственные темы, которые должны были вести между собой «Онегин, владелец заводов и вод, и богатый помещик Ленский», т. е. о «применении машинной техники» к улучшению крепостного хозяйства.¹⁰ А. Иваненко возразил Н. Л. Бродскому, и с нашей точки зрения столь же неосновательно, что под «плодами наук» «разумеется скорее всего руссоистская тема влияния цивилизации на нравы, а не „технический прогресс“». ¹¹ Но почему Онегин и Ленский не могли спорить на тему о науке в более общем смысле — ее общественном назначении и о результатах ее применения к практической жизни, если именно этот вопрос был у нас в 20—30-е годы «в повестке дня» и широко обсуждался в русской печати? Ведь и Пушкин подчеркнул широту и многосторонность, а не узость той проблематики, — разумеется злободневной, — которой касались горячие споры его героев («Всё подвергалось их суду»).

Недооценка значения проблемы науки в общественной жизни 20—30-х годов для изучения мировоззрения и творчества Пушкина приводила и к ряду других погрешностей, недомолвок, неправильных умозаключений. Частично они основывались на старых, односторонних суждениях, восходящих к свидетельствам враждебно настроенных к Пушкину современников, которые пытались утверждать, что, будучи поэтом, Пушкин мало интересовался всем, выходящим за пределы искусства. Таково, например, утверждение Н. И. Тарасенко-Отрешкова, лица, сыгравшего весьма сомнительную роль в жизни Пушкина. В своих недостоверных и не имеющих никакой цены воспоминаниях о поэте Отрешков утверждал, что «Пушкин в лице отклонялся от изучения наук положительных и предавался только чтению книг, более или менее относящихся до словесности. К этому можно прибавить, что этому вкусу или потребности природы своего дарования он не изменил впоследствии и не читал и или читал мало книг по иным предметам». Далее, с беспримерной развязностью тот же мемуарист пытался доказать, что в течение всей своей жизни Пушкин якобы «не имел времени заняться науками и чтением книг, до них относящихся». «Конечно, — восклицал он, — для поэта нужны книги, нужны познания и особенно в словесности; но главное нужно вдохновение; нужен простор его творчеству. Иное дело для приобретения познаний в науках. Здесь необходим труд, труд упорный и продолжительный, необходимо чтение книг, и притом мно-

⁹ Гл. Глебов. *Философия природы в теоретических высказываниях и творческой практике Пушкина*. «Временник Пушкинской комиссии», вып. 2, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1936, стр. 191.

¹⁰ Н. Л. Бродский. *Евгений Онегин*. Роман А. С. Пушкина. Изд. 3-е, Учпедгиз, М., 1950, стр. 144.

¹¹ «Временник Пушкинской комиссии», вып. 6, 1941, стр. 528.

гих книг». Но «природная склонность к произведениям собственной словесности не допустила его предаться иному чтению и наукам».¹² Нет ничего несправедливее этих близоруких или злонамеренных утверждений. Их полностью опровергают свидетельства других, гораздо более авторитетных и близких к поэту лиц, например П. Б. Козловского, вспомнившего признания Пушкина о чтении им в журналах «полезных» статей «о науках естественных»,¹³ или В. Ф. Одоевского, писавшего, что Пушкин был «поэт в стихах и бенедиктинец в своем кабинете», и прибавлявшего: «ни одно из таинств науки им не было забыто».¹⁴ Об этом же неопровержимо свидетельствует состав библиотеки Пушкина, в которой находились книги по многим отраслям знаний, в том числе по естественной истории, физиологии, астрономии и даже по математической теории вероятностей. Случайны ли были эти последние или же они входили в широкую программу самообразования, им себе поставленную, которая не исключала и этих областей знания? Был ли у Пушкина интерес к наукам «точным» и к их техническим применениям и не оставили ли они каких-либо следов в его творчестве?

Именно эти вопросы и пытаются поставить настоящие разыскания и этюды. Предпринимая их, я был далек от мысли исчерпать всю указанную проблему об отношении Пушкина к науке его времени. Это дело будущих, более широких исследований. Настоящие подготовительные этюды пытаются лишь осветить некоторые возможные подходы к таким исследованиям и поделиться первыми полученными результатами собственных разысканий в этой области.

1

В лицейские годы для Пушкина и его ближайших друзей наука смешивалась еще с учением и школьной премудростью, поэтому художественное творчество, в частности поэзия, противопоставлялось ими и учению и науке как высшая форма умственной деятельности. В стихах Пушкина лицейских лет слова «мудрец», «ученый» обычно вставлялись в юмористический или сатирический контекст и звучали насмешливо и задорно. Среди описанных в этих стихах вакхических и эротических проказ мы находим эпизоды, подчеркивающие ироническое отношение юного поэта к «хладному разуму» и «строгой мудрости», в том числе различные юмористические применения классических анекдотов об ученых древности или нового времени. Так, в поэме «Монах» в шутивных стихах описано, как

Панкратий вдруг в Невтоны претворился.
Обдумывал, смотрел, слыхал, смекнул
И в радости свой опрокинул стул.

(I, 16)

А далее повествуется о превращении героя в нового Архимеда, с его классическим возгласом — «Эврика, эврика!»:

И, как мудрец, кем Сиракуз спасался,
По улице бежавший бос и гол,
Открытием своим он восхищался
И громко всем кричал: «нашел! нашел!»¹

(I, 16).

¹² Н. О. Лернер. Из неизданных материалов для биографии Пушкина. «Русская старина», 1908, № 2, стр. 431.

¹³ «Современник», 1837, т. VII, стр. 51.

¹⁴ «Русский архив», 1864, № 7—8, стб. 828.

¹ Анекдот, который Пушкин имел в виду, приписывает Архимеду случайное открытие основного закона гидростатики во время купания (см.: Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., Гослитиздат, 1955, стр. 615).

Не были, впрочем, Пушкиным забыты и классические типы ученых нового времени. В одном из юмористических стихотворений Пушкина тех же лицейских лет мимоходом вычерчен, например, именно такой типичный карикатурный силуэт ученого-педанта:

...седой профессор Геттингена,
На старой кафедре согнувшийся дугой...
(«Красавице, которая нюхала табак»; I, 44)

Едва ли случайностью можно объяснить то, что общее представление об ученой сухости, отвлеченности, педантизме охотнее всего связывалось лицеистами с представителями точных наук: гуманитарная направленность лицейского образования давала себя знать и в системе преподавания, и в личных вкусах лицеистов. Математика и физика не увлекали и не давались многим из них, вызывая смешанные чувства уныния и досады.

Один из усердных школьников-лицеистов А. Д. Илличевский, описывая в 1814 году своему молодому другу лицейских наставников и профессоров, хотя и отзывался весьма почтительно об «адъюнкт-профессоре математических и физических наук» Я. И. Карцове (как об одном из тех лицейских преподавателей, которые «путешествовали по Европе, слушали известных ученых»), но признавался, что он беспомощно опускает руки перед представляемой им областью знания:

О Ураньи чадо темное,
О наука необъятная,
О премудрость непостижная,
Глубина неизмеримая!

Смысл этого стихотворного экспромта Илличевского заключался в признании, что ему на роду было написано взирать на математику «с благоговением», но как огня бояться «плодов ее учености».

«Признаюсь, и рад еще повторить прозой, — прибавлял Илличевский. — В ней, кажется, заключила природа всю горечь неизъяснимой скуки. Нельзя сказать, чтоб я не понимал ее, но... право, от одного воспоминания голова у меня заболела».²

В своей антипатии к точным наукам Илличевский среди лицеистов не был одинок. М. А. Корф в своих поздних воспоминаниях о лицейской жизни, рассказывая о занятиях с тем же Карцовым, свидетельствует о своих школьных товарищах: «...математике все мы вообще сколько-нибудь учились только в первые три года; после, при переходе в высшие ее области, она смертельно всем надоела, и на лекциях Карцова каждый обыкновенно занимался чем-нибудь посторонним: готовился к другим предметам, писал стихи или читал романы... Во всем математическом классе шел за лекциями и знал что преподавалось один только Вальховский»,³ за что он, повидимому, и был осмеян в одной из лицейских песен.⁴ Насмешливо-ироническое отношение к физико-математическим наукам нашло свое выражение в ряде эпиграмм Илличевского 1814 года.⁵

² Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы. Изд. 2-е, СПб., 1899, стр. 61, 60.

³ Там же, стр. 229.

⁴ К. Я. Грот. Пушкинский лицей. 1811—1817. Бумаги 1-го курса. СПб., 1911, стр. 223, 230. — О Я. И. Карцове и программе его занятий по физике и математике см.: И. Селезнев. Исторический очерк имп. бывшего Царскосельского лицея за первое его пятидесятилетие. СПб., 1861, стр. 129—131.

⁵ Н. Гастфрейд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицейю. Материалы для словаря лицеистов первого курса 1811—1817 гг., т. II. СПб., 1912, стр. 135, 149, 151.

Сходные чувства к этой области знания питал также А. А. Дельвиг. Об этом можно заключить, например, из нескольких ранних его поэтических опытов, в частности из стихотворения «К поэту-математику», увидевшего свет в том же 1814 году в «Вестнике Европы».⁶

В своей статье о детстве и юности Дельвига, написанной около 1833 года, Пушкин вспоминал о цикле стихов своего друга, которые тогдашний издатель «Вестника Европы» В. В. Измайлов напечатал в своем журнале без имени автора; Пушкин прибавлял, что эти первые опыты Дельвига, «уже носящие на себе печать опыта и зрелости», привлекли к себе внимание знатоков (XI, 274). Именно в этом цикле и находится большое стихотворение Дельвига «К поэту-математику». Начинается оно с вопросительного обращения к некоему лицу:

Скажи мне, Финиас любезный!
 В какие веки неизвестны
 Была Урания дружна
 С поэзией голубоокой?
 Скажи, не вечно ли она
 Жила не с нею, одиноко,
 И в телескоп вперяя око,
 Небесный измеряя свод
 И звезд блестящих быстрый ход?
 Какими же, мой друг! судьбами
 Ты математик и поэт?
 Играешь громкими струнами,
 И вдруг, остановя полет,
 Сидишь над грифельной доскою,
 Поддерживая лоб рукою,
 И пишешь с цифрами ноли,
 Проводишь длинну апофему,
 Доказываешь теорему,
 Тупые, острые углы?⁷

Вопрос, поставленный Дельвигом, имеет принципиальный, теоретический характер и в этом смысле оправдывает суждение Пушкина о том впечатлении «опыта и зрелости», которое произвели первые напечатанные стихи Дельвига на тогдашних любителей поэзии, не подозревавших, конечно, что автором их был еще шестнадцатилетний школьник. Стихотворение «К поэту-математику», во всяком случае, является не столько стихотворной шалостью, поднимающей на смех конкретное лицо, сколько представляет собой более серьезное раздумье о несовместимых, как представляется Дельвигу, качествах рассудочного аналитика, исследующего абстрактные математические закономерности, и преисполненного лирической силы вдохновения восторженного поэта.

Дельвиг говорит в этом стихотворении о коренном, как ему кажется, противоречии, существующем между поэтическим и научным отношением к действительности; ради юмористического эффекта он противопоставляет метафорический язык поэзии рассудочному языку научной прозы; переведенная на эту «рассудочную прозу» поэтическая речь, по его мнению, не только теряет всё свое очарование, но прямо становится бессмысленной:

В восторге говорит поэт,
 Любовь Алине изъясняя:
 «Небесной красотой сияя,
 Ты солнца помрачаешь свет!

⁶ «Вестник Европы», 1814, ч. LXXVIII, № 21, ноябрь, стр. 24—29.

⁷ А. А. Дельвиг, Полное собрание стихотворений, редакция и примечания Б. Томашевского, «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1934, стр. 228. В дальнейшем цитируется по этому изданию.

Твои блестящи, черны очи,
 Как светлый месяц зимней ночи
 Кидают огонь из-под бровей!»
 Но математик важно ей
 Всё опровергнет, всё докажет,
 Определит и солнца свет
 И действие лучей покажет
 Чрез преломленье на предмет;
 Но верно утаит, что взоры
 Прелестной, райской красоты
 Воспламеняют камни, горы,
 И в сердце сладки льют мечты.

(Стр. 229)

И чтобы еще нагляднее представить читателю несовместимость, противоположность процесса поэтического творчества, оперирующего художественными образами, и аналитической научной мысли, Дельвиг представляет в своем стихотворении две параллельные картины: явление «богини измерения» — Урании — ученому-математику и явление Музы — вдохновительницы лирического поэта. Явление Урании прозаично, как и она сама; чтобы увидеть своего приверженца,

На острый нос очки надвинуя,
 Берет орудия богиня,
 Межует облаков квадрат.
 Большие блоки с небесами
 Соединяются гвоздями
 И под веревкою скрипят.

(Стр. 230)

Не такова Муза, у которой вдохновения просит бряцающий на лире поэт:

Но грянет по струнам поэт
 И лишь богиню призовет —
 При звуке сладостных лиры,
 Впрягутся в облако зephyры,
 Крылами дружно размахнут,
 Помчатся с Пинды, понесут —
 И вот в эфирном одеяньи,
 Певец! Она перед тобой
 В венце, в божественном сияньи.
 Плениющая красотой!
 И ты падешь в благоговеньи
 Перед подругою твоей!
 Гремешь струнами в восхищеньи,
 И ты могучий чародей!

(Стр. 232)

Рисую в привычных античных образах двух столь отличных друг от друга вдохновительниц творческого труда — научного и поэтического, юный Дельвиг имеет в виду не только противоположность самого творческого процесса, но и его результаты. Дельвиг явно стоит на стороне поэтических творцов; изображенная им Урания, обещая ученому лавровые венцы, если он будет испытывать природу, бесстрашно измерять пучину и открывать новые звезды, не может утаить от него печальную участь, которая в конце концов уготована всем его творческим усилиям, сколь бы ни были они удачны и счастливы. Урания не может скрыть от своего приверженца

унылую толпу ученых «промчавшихся веков», толстые творенья которых время рвет без всякой пощады.

Что делать, — плачут, да идут,
И средь такого треволнения
Одни — за Алгеброй бегут,
Те — Геометрию хватают,
Иль, руки опустя, рыдают.

(Стр. 231)

Поэтому своему стихотворцу-математику Дельвиг не предрекал ни бессмертья, ни удачи. Напротив, его пиитические опыты заранее противопоставлены Дельвигом творениям поэтов, вдохновленных Музой поэзии: Державина, который «метал перуны» на «сильных» и «добродетель прославлял», и Жуковского, автора «Певца во стане русских воинов», который

... дивными струнами
Мечи ко мщенью извлекал...

(Стр. 233)

Таким образом, общественное назначение поэзии и даже ее результаты, играющие, с точки зрения Дельвига, огромную действительную историческую роль, противопоставлены им здесь малой пользе науки, по крайней мере в том случае, если ученый стремится к тому, чтобы быть одновременно и поэтом, т. е. идти сразу по этим двум никогда не пересекающимся дорогам. И вновь адресуясь к математику, пожелавшему быть также и поэтом, и указывая ему на завидную судьбу и славу главных деятелей тогдашнего русского Парнасса, Дельвиг спрашивает:

Но ты сравнишься ли с ними,
Когда, то Музами водимый,
То математикой своей,
Со всеми разною стезей
Идешь на высоты Парнасса
И ловишь сов или Пегаса?

(Стр. 234)

К кому адресовано стихотворение Дельвига и кто выведен им под пасторальным именем Финиаса, остается неизвестным и донныне. Очень возможно, что здесь имелся в виду друг А. Д. Илличевского, Павел Николаевич Фусс (1797—1855), ставший вскоре видным математиком, а с 1826 года, уже в звании академика, вступивший в должность неперменного секретаря петербургской Академии Наук.⁸ В тот год, когда было напечатано стихотворение Дельвига «К поэту-математику», Фусс учился еще в петербургской гимназии и вместе с приятелем своим А. Г. Гофманом нередко ездил в Царское Село к своим друзьям-лицеистам, которых у него было не-

⁸ Я. Грот. Пушкин, его лицейские друзья и наставники, стр. 63. — П. Н. Фусс был сыном известного петербургского академика, также математика, и приходится правнуком по матери знаменитому Леонарду Эйлеру. Любопытно, что Илличевский, задумывая в это время написать книгу биографических очерков «о великих мужах России» и собираясь включить туда также биографию Эйлера, просил Фусса доставить ему сведения об Эйлере, как «ближайшем его родственнике» (там же, стр. 64). Ср.: Éloge de P. N. Fuss. Discours de M. Otto Struve. Compte rendu de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg, 1856, стр. 89—122; отдельное издание: Éloge de P. N. Fuss. Discours de M. Otto Struve, St.-Petersbourg, 1857, 18 стр.

сколько, помимо А. Д. Илличевского; несомненно, что он встречался тогда и с Пушкиным.⁹ В эти юношеские годы, несмотря на вполне определившиеся уже в то время склонности к занятиям математикой, П. Н. Фусс, повидимому, несколько грешил стихотворством; по крайней мере, А. Д. Илличевский в письмах к нему этих лет упоминает «прекрасное сочинение» Фусса «о красоте русского слова» и его же немецкие стихотворные переводы из Крылова и Капниста, в которых, по его словам, «дух авторов удержан совершенно»;¹⁰ в то же время Илличевский сообщал, очевидно, интересовавшие Фусса сведения о лицейских стихотворцах и списки их поэтических произведений.

Сколь ни отвлеченно, в условно-мифологических декорациях, поставлен был Дельвигом вопрос о противоречии творческих методов ученого и поэта, но это не исключало, конечно, конкретного повода к созданию его стихотворения; возможно поэтому, что, предупрежденный одним из лицейских друзей о математических способностях Фусса, он осудил как бесполезные его поэтические опыты.

Впрочем, случай, описанный Дельвигом, был довольно распространенным. Сам Дельвиг год спустя напечатал другое стихотворение — «К Т-ву», в котором мы находим то же противопоставление поэзии ученому труду, юмористические намеки на психологические трудности и конфликты, возникающие в личной судьбе тех, кто одновременно увлечен наукой и искусством; всё это осложнено не совсем понятным для нас любовным эпизодом. Речь идет здесь о некоем человеке, который,

... взявши посох в руки,
На цыпочках, тишком
Укрылся от науки

и стал петь «на томной лире» о радости и любви. Но это — не свойственная ему сфера творческой деятельности; поэтому у него

... в песнях дышит холод,
В элегиях бомбаст,

и уделом его «на Пинде» будет «сатиров громкий хохот».¹¹ К. Н. Батюшков, в свою очередь, рассказывает в статье 1815 года, оставшейся не напечатанной при его жизни, о близком друге своем Петине, воспитанике Московского университетского благородного пансиона, товарище его по заграничным военным походам, на двадцать шестом году жизни убитом в сражении под Лейпцигом. Петин был одаренным математиком и печатал кое-что по этой части в специальных русских журналах. Батюшков рассказывает, что Петин «посреди рассеяния, мирных трудов военного ремесла и балов... любил уделять несколько часов науке, требующей самого постоянного внимания...». «Однажды... он пришел ко мне с свитком бумаг. „Опять математика?“ спросил я, улыбаясь. „О, нет!“ отвечал он, краснея более и бо-

⁹ Я. Грот. Пушкин, его лицейские друзья и наставники, стр. 62, примечание 1. — Поклоны Пушкина Фуссу и Гофману Илличевский передал в письме к первому из них от 16 января 1816 года, присоединив к этому свидетельство о литературных планах поэта: «Кстати о Пушкине: он пишет теперь комедию в 5 действиях, в стихах, под названием „Философ“» (там же, стр. 67). Вскоре Илличевский послал Фуссу просимое им стихотворение Дельвига вместе с подробной характеристикой его как поэта, а вслед за тем и «две *зусарские* пиесы нашего Пушкина» (там же, стр. 68, 69).

¹⁰ Там же, стр. 62, 66.

¹¹ «Российский музеум», 1815, ч. II, № 5, стр. 136—137; А. А. Дельви́г, Полное собрание стихотворений, 1934, стр. 243—244, 464.

лее, — „это... стихи, прочитай их и скажи мне твое мнение“. Стихи были писаны в молодости и весьма слабы, но в них приметны были смысл, ясность в выражении и язык довольно правильный. Я сказал, что думал, без прикрасы, и добрый Петин прижал меня к сердцу». ¹²

У нас есть все основания думать, что в ту историческую пору, когда русская поэзия гигантскими шагами двинулась к своему расцвету, когда количество стихотворцев возрастало с чудодейственной быстротой, творческие срывы и конфликтные положения подобного рода были довольно частым, обиходным явлением. В Лицее пушкинских лет, во всяком случае, где господствовало общее увлечение поэтическим творчеством, захватывавшее как воспитанников, так и их наставников, вопросы о предназначении поэта и качествах стихотворца, противопоставления истинного поэта-творца простому версификатору и т. д., несомненно, представляли для многих жизненный интерес и не могли не волновать в особенности тех, кто готов был поэтическую деятельность считать своим призванием. В этом смысле стихотворение Дельвига «К поэту-математику», повидимому, было типическим для умонастроения многих из лицейстов. Несмотря на юношескую наивность в решении некоторых из поставленных в нем вопросов, например о результатах и общественной ценности научного и поэтического творчества, высказанные в нем мысли, вероятно, разделялись многими из сверстников Дельвига. Нельзя не увидеть здесь еще незрелых, не оформившихся вполне, но тем более привлекательных мечтаний о призвании, о роде избираемой деятельности, мечтаний, теснейшим образом связанных с теми литературными образцами, которые лицейсты изучали в свои школьные годы.

Дельвиг, который в Лицее, по свидетельству Пушкина, «не расставался с Державиным» (XI, 273), мог именно в творчестве этого поэта найти одушевившие его мысли о поэтическом вдохновении, отзвуки которых присутствуют в стихотворном обращении к «поэту-математику». В известной статье Державина о вдохновении и восторге, напечатанной в 1811 году, сказано, что «в прямом вдохновении нет ни связи, ни холодного рассуждения; оно даже их убегает и в высоком парении своем ищет только живых, чрезвычайных, занимательных представлений».

«Вдохновение, — по словам Державина, — не что иное есть, как живое ощущение, дар неба, луч божества. Поэт, в полном упоении чувств своих разгораясь свещным оным пламенем или, проще сказать, воображением, приходит в восторг, схватывает лиру и поет, что ему велит его сердце. Не разгораясь и не чувствуя себя восхищенным, и приниматься он за лиру не должен». ¹³ Таков мог быть один из источников мыслей Дельвига о закономерном несоответствии поэтического воспроизведения действительности в творениях искусства — рассудочному ее истолкованию; «лирического бес-

¹² К. Н. Б а т ю ш к о в, Сочинения, т. II, СПб., 1885, стр. 196.

¹³ «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. II, стр. 15—16; Д е р ж а в и н, Сочинения, т. VII, Изд. Академии Наук, СПб., 1872, стр. 523. — Впрочем, мысли Державина вызывали и возражения современников. А. Ф. Мерзляков, например, в одной из своих статей о Державине, напечатанной в «Амфионе» (1815, июль), писал: «... пусть говорят, что от оды невозможно требовать плана! Он должен быть и есть в творениях великих писателей; тем труднее сохранить его, что он скрыт и имеет все наружные признаки беспорядка, столь свойственного испуганному воображению и пламенным чувствам... Природа и в самую бурю, когда всё, кажется, готово разрушиться, не теряет своей стройности, или лучше, самая буря имеет свои законы, начало, переходы и конец; почему же не должны иметь сего порядка, сих законов бури сердечные? — В порывах чувств есть своя система постоянная и верная: ее-то и должен открыть и исполнить стихотворец» (стр. 31). (Ср.: П у ш к и н, Сочинения, т. IX, ч. 2, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1929, стр. 30—31).

порядка» в поэзии — строгой системе и безупречной логике рассуждения в научном труде, в особенности в той области, которая поэтическому взору представляется идеальной логической абстракцией. Такое представление о поэзии могло быть усилено у Дельвига чтением некоторых иностранных поэтических образцов и эстетических трактатов, по преимуществу немецких. Характерно, что на той же точке зрения стоял и В. К. Кюхельбекер, который, — также по свидетельству Пушкина, — прочел с Дельвигом на лицейской скамье «Клопштока, Шиллера и Гельти» (XI, 273).

Сходные мысли бродили тогда у многих русских юношей, воспитывавшихся на образцах не только немецкой, но и французской сентиментально-романтической литературы. П. Н. Сакулин¹⁴ считает, например, очень типичным для направления другой знаменитой русской школы этого времени — Московского университетского пансиона — выбор для перевода молодым В. Ф. Одоевским, только что окончившим полный «курс наук» в этом пансионе, фрагмента главы из «Духа христианства» Шатобриана — «Astronomie et Mathématique». Под заглавием «Отрывок о математике» этот перевод В. Одоевского был напечатан в «Вестнике Европы» 1821 года;¹⁵ мы находим здесь тот же круг мыслей, что и у лицейстов: противопоставление гуманитарных знаний — точным наукам, не в пользу последних, поэтического творчества — науке вообще: «Как ни тягостна эта истина для математиков, — пишет, например, Шатобриан в переведенном Одоевским отрывке, — но должно признаться, что природа как бы воспрещает им занимать первое место в ее произведениях. Исключая некоторых математиков-изобретателей, она осудила их на мрачную неизвестность, и даже сии самые гении изобретатели угрожаются забвением, если историк не оповестит о них миру. Архимед обязан своею славою — Полибию, Ньютон — Вольтеру, Платон и Пифагор бессмертны, может быть, еще более как философы, законодатели, Лейбниц и Декарт как метафизики, нежели как математики. Даламберт если бы не соединил в себе славы ученого с славою литератора, то имел бы участь Вариксона и Дюгамеля, коих имена, уважаемые в школах, существуют для света в одних похвальных речах Академических — и нигде более. Поэт с несколькими стихами уже не умирает для потомства, соделывает век свой бессмертным, переносит во времена грядущие людей, им воспетых на лире. Ученый же, едва известный в продолжении жизни, уже совершенно забыт на другой день смерти своей. . . Тщетно положит он имя своего благодетеля в печь химика, или в физическую машину; почтенные усилия, которые не произведут ничего знаменитого! . . .». «Пусть же перестанут математики жаловаться на то, что все народы, по какому-то общему инстинкту, предпочитают словесные науки, — заключает отсюда Шатобриан, — ибо, в самом деле, человек, оставивший по себе хотя одно нравственное правило, произведший в чьей-либо душе чувство добра — не полезнее ли обществу математика, открывшего смелые изящные свойства треугольника? . . .».

Естественно, что эта статья не могла остаться без возражений. «Сын отечества» поместил вскоре «Замечания на статью о математике» некоего В. Ар. . . , ядовито замечавшего, что отрывок из Шатобриана наглядно демонстрирует две истины: «сколь опасно предаваться воображению там, где должен решать один холодный рассудок», и, «во-вторых, что ни автор, ни его знаменитый переводчик в математике не имеют надлежащего поня-

¹⁴ П. Н. Сакулин. Князь В. Одоевский, т. I, ч. 1. М., 1913, стр. 79.

¹⁵ К. О. (Кн. В. Ф. Одоевский). Отрывок о математике. «Вестник Европы», 1821, ч. 116, № 4, февраль, стр. 283—287 и ч. 117, № 5, март, стр. 51—55.

тия».¹⁶ Слова Шатобриана «очень заблуждается тот, кто думает, что весь гений, вся мудрость человека должна заключаться в детском кругу механических изобретений», вызвали особенное негодование критика «Сына отечества», саркастически предлагавшего переводчику допустить, что «с помощью красноречивой страницы из Аталы, без астрономических методов, можно вести корабль мореходцу, что поучившись несколько у вас, защитник отечества точнее нацелит разрушающий огонь бойниц на неприятельские лагеря, что по правилам хрии воздвигнутся в нашем отечестве лучшие памятники, нежели по расчетам математической архитектуры, что без математики легче строить корабли и побеждать на морях, что сочинение солнечных и лунных таблиц, строение огромных телескопов по правилам строжайшей математической оптики, механизм хронометра, разложение солнечного луча и объяснение радуги, усовершенствование артиллерии и инженерного искусства и другие бесчисленные открытия военных и гражданских математиков не доказывают еще мудрости человека и причисляются к детскому кругу механических изобретений». Впрочем, «Вестник Европы» не оставил без возражений и эту красноречивую защиту математики и поместил вновь статью некоего Игнатия Веритова.¹⁷

Разгоревшаяся вокруг перевода из Шатобриана журнальная полемика свидетельствует о том, что поднятые ею вопросы имели злободневный интерес еще в начале 20-х годов. В эти годы и Дельвиг продолжал высказывать в стихах мысли, весьма сходные с теми, которые одушевляли его в лицейские годы. Любопытно, например, что противопоставление «бесмертной» поэзии «смертным» творениям науки мы находим в стихотворении Дельвига «К А. С. Пушкину», написанном в 1819—1820 году;

Нет, Пушкин, рок певцов бессмертье, не забвенье,
 Пускай Армениус ученьем напыщен,
 В архивах роется и пишет рассужденье,
 Пусть в академиках почетный будет член, —
 Но он глупец — и с ним умрут его творенья!
 Ему ли быть твоих гонителем даров?

(Стр. 283)

Дело не меняется от того, что под Армениусом здесь имеется в виду «зоил» и гонитель Пушкина — М. Т. Каченовский, т. е. историк, а не представитель точных наук, не ученый математик или естествоиспытатель: Дельвиг не только отказывает ему в критическом даре и поэтическом чувстве, в возможности понимать истинную поэзию; он прямо утверждает «бесмертье» поэзии и ограниченный предел возраста «ученых творений», умирающих нередко вместе с их создателями.

Может быть, поздним отзвуком подобных убеждений, этих еще лицейских примеров и сравнений, усвоенных в дружеском поэтическом кружке, является мысль, высказанная Пушкиным в так называемом «Проекте предисловия к последним главам „Евгения Онегина“ (28 ноября 1830 года), в котором Пушкин, правда, в полемических целях, затронул волновавший его современников вопрос о сравнительной ценности научного знания и художественного творчества: «Если» век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, — то поэзия ос-

¹⁶ В. А. р. . . Замечания на статью о математике. «Сын отечества», 1821, № XIV, стр. 305—312.

¹⁷ Игнатий Веритов. К господам критикам (произведшим замечания на статью о математике в 14-й кн. «Сына отечества»). «Вестник Европы», 1821, ч. 118, № 9, май, стр. 44—51.

тается на одном месте. . . Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими — произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны» (VI, 540, 541). Тем не менее по основному вопросу, затронутому Дельвигом в его стихотворении 1814 года, о противоположностях научного и поэтического мышления Пушкин не раз высказывался в смысле, противоположном Дельвигу, и у нас есть все основания думать, что еще в лицейские годы Пушкин сохранял самостоятельное суждение по этому поводу.

До нас не дошел отзыв Пушкина о стихотворении «К поэту-математику», которое он, вероятно, перечитывал после смерти Дельвига; догадка, что Пушкин готовил издание его стихотворений и что цитированная выше его статья о юности Дельвига была задумана как предисловие к этому изданию,¹⁸ кажется очень правдоподобной. Прибавим, что точная ссылка Пушкина на измайловский «Вестник Европы» 1814 года едва ли не свидетельствует, что в начале 30-х годов он освежил в своей памяти юношеские стихи своего покойного и нежно любимого друга. Но еще и до этого времени в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях» напечатанных (без подписи) в «Северных цветах» на 1828 год, Пушкин поместил несколько «мыслей», которые кажутся неожиданными, если мы не поставим их в прямую связь с той проблемой, которой было посвящено указанное выше стихотворение Дельвига. Пушкин писал здесь: «„Всё, что превышает геометрию, превышает нас“, сказал Паскаль. И в следствии того написал свои философические мысли!».¹⁹ И далее: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» (XI, 54).

Хотя «Отрывки из писем, мысли и замечания» и увидели свет в 1827 году, но, как известно, частично они были выбраны Пушкиным из более ранних рукописей.²⁰ Так, интересующие нас слова о вдохновении в геометрии в почти тождественной форме оказались в более ранней рукописи поэта, относящейся, повидимому, к 1826 году и печатавшейся в дореволюционных изданиях сочинений Пушкина под заглавием «О вдохновении и восторге». Полностью по рукописному тексту, со всеми вариантами, этот отрывок опубликован был В. И. Срезневским.²¹ Интересующее нас место в этом отрывке имеет ясно выраженный полемический характер (в редакции, напечатанной в «Северных цветах», сильно ослабленный): «Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии. Критик смешивает вдохновение с восторгом» и т. д.²²

¹⁸ Б. Модзалевский. Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского Дома. Сборник Пушкинского Дома на 1923 год, Пгр., 1922, стр. 9. — «Статья эта, — пишет Б. Л. Модзалевский, — предназначалась, быть может, для помещения при сборнике стихотворений Дельвига; по крайней мере рукописи его, находящиеся ныне в Пушкинском Доме, носят на себе следы помет Пушкина, — помет редакционного характера, свидетельствуя о работе его над ними как редактора» (стр. 9).

¹⁹ Изречение: «Ce qui passe la géométrie nous surpasse» действительно находится в «Мыслях» Паскаля (В. P a s c a l. Pensées, t. II. Paris, 1828, стр. 31).

²⁰ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. В издании: Пушкин, Сочинения, т. I, СПб., 1855, стр. 110—111, примечание. — П. В. Анненков предположил даже (см. в его книге: А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. 1799—1826 гг. СПб., 1874, стр. 155—156), что «Отрывки из писем, мысли и замечания» начаты были еще в Кишиневе; ряд их, действительно, восходит к более раннему времени, чем 1827 год (П. Е. Щеголев. Пушкин. Очерки. СПб., 1912, стр. 89, примечание).

²¹ В. И. Срезневский. Новый автограф Пушкина. Замечания по поводу двух статей В. К. Кюхельбекера. «Пушкин и его современники», вып. XXXVI, Пгр., 1923, стр. 34—41.

²² Там же, стр. 40; см. также: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, стр. 41.

Очевидно, мысль эта была дорога поэту, если он воспроизвел ее из более ранней статьи, оставшейся неопубликованной, и включил в «Отрывки», предназначенные для альманаха Дельвига.

С кем, однако, спорил Пушкин? Еще П. В. Анненков, напечатавший этот отрывок впервые,²³ предположил вполне основательно, — и эта догадка считается ныне бесспорной, — что замечания Пушкина, касающиеся вдохновения и восторга, представляют собой ответ на статьи В. Кюхельбекера, появившиеся во второй и третьей частях альманаха «Мнемозина» 1824 года («О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие» и «Разговор с Ф. В. Булгариным»). В этих статьях Кюхельбекер отдавал предпочтение лирике перед эпосом, а из жанров лирических ставил на первое место оду, создаваемую вдохновенным восторгом, понимаемым в архаическом смысле. Это и вызвало критическую реплику Пушкина; он возразил против отождествления «восторженности» и «вдохновения» и определил последнее с полной трезвостью; не согласился Пушкин и с пристрастием Кюхельбекера к оде, жанру, уже сыгравшему свою историческую роль и, кроме того, не оправдывавшему себя по теоретическим соображениям, поскольку ода «исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого». «Нет; решительно нет, — свидетельствовал Пушкин, — *восторг* исключает *спокойствие* — необходимое условие *прекрасного*» (XI, 42, 41).

Таким образом, в цитированных словах Пушкина о вдохновении и геометрии мы находимся в кругу тех мыслей, истоки которых ведут к лицейским спорам и юношеским стихам его друзей. Пушкин, в сущности, дает здесь ответ и Дельвигу, отрицавшему для поэзии значение того «вдохновенья», которое может внушить «богиня измеренья» Урания, и Кюхельбекеру, архаистическая поэтика которого защищала высокое паренье поэзии и «одический беспорядок» в противовес рассудительности, обдуманности, логике, системе. Для изучения теоретических воззрений Пушкина на произведения поэтического творчества мысли его, подкрепленные ссылкой на Паскаля и лаконические собственные формулировки, имеют, конечно, первостепенное значение. Они раскрывают нам противоречия двух мировоззрений и соответственно двух поэтических систем, из которых одна имеет свои корни в немецком философском идеализме конца XVIII века, другая — во французском рационализме и русской просветительской мысли того же XVIII столетия.

Нас, однако, не может не поразить в «Отрывках» Пушкина еще одна, до сих пор не замеченная сторона. В тот момент, когда Пушкин печатно признавал роль вдохновения при создании выдающихся произведений, точных наук и настаивал на том, что «вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии», в Казани уже была произнесена речь Н. И. Лобачевского о воображаемой геометрии, первый очерк одного из гениальных творений русской математической мысли.²⁴

Хронологические совпадения редко бывают случайными. Причинная между ними связь может быть установлена даже тогда, когда они кажутся особенно неожиданными. Необходимо лишь найти промежуточные звенья в той общей исторической цепи, которая их связывает, чтобы случайность стала закономерностью. Не было, конечно, никакой случайности и в том, что величайшие создания пушкинского гения возникли в то самое время, когда

²³ Пушкин, Сочинения, т. I, 1855, стр. 257—258.

²⁴ Речь Н. И. Лобачевского, в которой впервые вложены были начала неевклидовой геометрии, была им прочитана в Казанском университете 24 февраля 1826 года. Хотя текст этой речи до нас не дошел, но он может быть восстановлен по извлечениям, опубликованным в 1829—1830 годах. «Воображаемая геометрия» появилась в 1835 году в «Ученых записках» Казанского университета.

русская научная мысль дала ряд блестящих результатов, обладавших той же степенью универсального, мирового значения. Пушкин и Лобачевский были порождены одной и той же эпохой нашего культурного развития. Они не только были современниками, но, несомненно, знали друг о друге.²⁵

2

Близкое знакомство Пушкина с французской литературой просветительского века еще в лицейские годы (как об этом свидетельствует хотя бы его стихотворение «Городок») уже тогда могло предостеречь его от слишком прямолинейных противопоставлений поэзии науке. Убеждение Пушкина, что в том чрезвычайном напряжении интеллектуальных сил, которое именуется «вдохновением», неизбежно участие разума, могло опираться на авторитет французских рационалистов XVIII века. По сочинениям Вольтера, Лебрена, д'Аламбера и других Пушкин, конечно, был знаком и с французским вариантом теории об «энтузиазме», своеобразие которого заключалось в признании разума как главной вдохновляющей и действенной силы, определяющей совершенство художественного творения. Ода Лебрена «Об энтузиазме» прямо основывалась на том, что «вдохновенный разум» в особенности проявил себя в области наук точных и экспериментальных.¹

Эстетика французских просветителей XVIII века не только не противопоставляла поэзию науке, но, напротив, создала образцы того, что в XIX веке получило наименование «научной поэзии». Фюзиль в своем исследовании, посвященном истории «научной поэзии» во Франции, ведет ее начало от середины XVIII века,² а Ральф Крам в книге «Научная мысль в поэзии» посвящает особую, пятую, главу откликам французской художественной литературы на быстрый рост научной и технико-изобретательской мысли во Франции перед революцией 1789 года.³ Действительно, про-

²⁵ Хотя о личном знакомстве Пушкина с Лобачевским во время пребывания поэта в Казани в 1833 году не сохранилось никаких документальных свидетельств (Л. Б. Модзалевский. *Материалы для биографии Н. И. Лобачевского*, М.—Л., 1948, стр. 784), но сношения Пушкина с казанской профессурой и литературными кругами 30-х годов делают вполне вероятным, что он знал о Лобачевском. В особенности существенно то обстоятельство, что среди знакомцев и корреспондентов Пушкина был И. Е. Великопольский, единоутробный брат жены Н. И. Лобачевского, Варвары Алексеевны. Сохранилась переписка Великопольского как с Пушкиным, с которым он виделся в Пскове в 1826 году и, может быть, в Михайловском (Б. Л. Модзалевский. *И. Е. Великопольский*. Сборник «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. 359 и сл.; П. И. Зиссерман. *Пушкин и Великопольский*. «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII—XXXIX, Л., 1930, стр. 257—280), так и с Н. И. Лобачевским (Б. Л. Модзалевский. *Н. И. Лобачевский*. Письма его к И. Е. Великопольскому. «Известия Физико-математического общества при имп. Казанском университете», вторая серия, т. XII, № 2, Казань, 1902, стр. 86—101). Сохранились также стихотворные послания И. Е. Великопольского к Пушкину и Н. И. Лобачевскому. Известно, с другой стороны, что Н. И. Лобачевский любил и хорошо знал произведения Пушкина. С. М. Великопольская свидетельствует (в письме из Казани от 17 января 1832 года), что Лобачевский «читал нам русские песни барона Дельвига, мелкие стихотворения Пушкина и стихотворения Баратынского, который здесь, в Казани...» (Л. Б. Модзалевский. *Материалы для биографии Н. И. Лобачевского*, стр. 303). Дочь Лобачевского, В. Н. Ахлопова, в свою очередь вспоминала, что ее отец любил декламировать стихотворения Пушкина «в семейном кругу своем» (там же, стр. 594).

¹ Le Brun. *Ode l'enthousiasme*. *Œuvres choisies*, Paris, 1829, стр. 486; цитировано в: А. С. Пушкин, *Сочинения*, т. IX, ч. 2, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1929, стр. 927; ср. также статью Вольтера «Энтузиазм» во II томе его «Философского словаря» (*Voltaire, Œuvres complètes*, t. LIV, Paris, 1826, стр. 353—361).

² C. Fusil. *La poésie scientifique de 1750 à nos jours*, Paris, 1918.

³ Ralph B. Crum. *Scientific Thought in Poetry*. N. Y., 1931, стр. 81—109.

славление науки, способствующей познанию мира и подчинению сил природы творческому могуществу человеческой мысли, составляет одну из излюбленных тем французских од, посланий и описательных поэм этого времени. Сен-Ламбер в предисловии к своим «Временам года» утверждал, например, что «успехи наук, объединяемых под наименованиями физики, астрономии, химии, ботаники и т. д., помогли познанию дворца мира и людей, которые в нем обитают... Красноречивые философы превратили физику в приятную науку, распространили ее идеи и сделали их популярными. Поэтому язык философии может стать и языком поэзии; стало возможно создавать поэмы, требующие разнообразного знакомства с природой».⁴ Еще поэт Гудар де ла Мотт (1672—1731) сочинил большую оду «Академия наук», в которой прославлен Парнас, на котором утвердилась Механика, примененная ко многим чудесным и уже в этом смысле вполне «поэтическим» явлениям физического мира. Механика побеждает все препятствия и заставляет служить своим чудесным опытам Воздух, Огонь, Ветры и Воды.⁵

Особые строфы поэт посвятил в этой оде Геометрии, путеводительнице Механики, непрерывно освещающей ей путь своими правилами и своим компасом, и в особенности стремился прославить «точную Алгебру», это великое искусство, заключающее в себе нечто магическое, столь же пренебрегавшееся доселе, сколь и знаменитое:

La Géométrie est le guide
Qui sans cesse éclairant leur pas,
Leur prête les secours solides
De sa Règle et de son Compas...
Mieux qu'elle encore l'exacte Algèbre,
Ce grand art aux magiques traits,
Aussi négligé que célèbre.⁶

Поэтому французская поэзия второй половины века прославляла не только науку, но и ее деятелей в прошлом и настоящем. Восхищение вызывали, в частности, те ученые, которые не гнушались также и поэзией. Напомним хотя бы похвалу Вольтера (в его «Храме вкуса», 1783), адресованную Фонтенеллю, этому ученому и поэту, который «одной рукой легко брал и компас, и перо, и лиру»:

D'une main légère il prenait
Le compas, la plume, et la lyre.⁷

«Энциклопедический дух» в эту пору получил выражение в многочисленных произведениях целой группы поэтов, у которых поэзия стала верной служанкой науки: Пуэнсине написал поэму о прививке оспенной вакцины, маркиз Дефонтен — об астрономии, Пьер-Луи Кастель — о растениях, Люс де Лансиваль — о географии, Лемьерр — о происхождении химии.⁸ Основная

⁴ Ralph V. Crum. Scientific Thought in Poetry, стр. 97.

⁵ Там же, стр. 97.

⁶ Там же, стр. 97—98.

⁷ Voltaire. Le temple du goût. Œuvres complètes, t. XV. Paris, 1828, стр. 58. Леонардо Ольшки в своей богатой наблюдениями и обобщениями статье «Геометрический дух в литературе и искусстве» («Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte», Jhg. 8, 1930, Н. 3, стр. 516—568) вскрыл близкое родство, существовавшее между математическими исследованиями и французской эстетической мыслью XVII—XVIII вв.; это родство сказалось в пристрастии к точным пропорциям в поэзии и прозе, в поисках симметрических логико-грамматических и ритмико-мелодических конструкций во французском литературном языке и т. д.

⁸ Ralph V. Crum. Scientific Thought in Poetry, стр. 98.

задача всех этих произведений — прославить новый научный метод, внушить самое возвышенное представление о безграничной смелости, дерзаниях и счастливых достижениях человеческого ума, о неисчерпаемых возможностях и грядущем прогрессе научного знания.

Духом «Энциклопедии» веет также и от поэмы «Три царства природы» Делиля, этого «парнасского муравья», по определению Пушкина (V, 377). Характерно, что в первой части этой поэмы Делиль посвятил особые стихотворные строфы геометрическим исследованиям Паскаля и электрическим явлениям, а в других частях писал о химии и вулканических процессах земли, о ботанических исследованиях Линнея, о любви растений и т. д. И уже на пороге нового века Андре Шенье начал поэму «Изобретение» («L'Invention»), которая должна была прославить новую науку и сделать ее достоянием новой поэзии. Торричелли, Ньютон, Кеплер и Галилей были и более знающими и более счастливыми в своих могучих творческих усилиях, чем ученые древности, свои сокровища они открыли новому Вергилию, и теперь слово за ним, — утверждает здесь Шенье. По его мнению, «все искусства взаимосвязаны», «человеческие знания не могли бы расширить пределы своего владычества, не содействуя в то же время успеху поэзии»:

Tous les arts sont unis: les sciences humaines
N'ont pu de leur empire étendre les domaines,
Sans agrandir aussi la carrière des vers.⁹

Для Пушкина и для многих его сверстников все перечисленные имена французских писателей и поэтов просветительского века были еще именами живыми, конкретными, как и для представителей старшего поколения русских любителей литературы. Произведения этих поэтов, стремившихся объединить усилия науки и художественного слова ради наиболее полного раскрытия и истолкования физической природы или картины вселенной, были хорошо известны у нас и в подлинниках, и в переводах. Цитаты из Делиля, наряду с самостоятельными опытами описательных «научных» поэм (вроде дерптской поэмы А. Воейкова «Искусства и науки», 1817, отрывки из которой печатались в «Вестнике Европы», 1819), из Лемьерра, д'Аламбера и многих других, нередко приводились в русских журналах двух первых десятилетий как привычные, знакомые читателям. Уже в выборе этих цитат порою чувствовалось, что тот вопрос, который поднимался в юношеском стихотворении Дельвига «К поэту-математику», интересовал не его одного, что проблема противоречий между научным и художественным познанием действительности, различия в методах её изучения и истолкования была проблемой действительной и в теории, и в практике.

Если Дельвиг, как мы видели, отрицательно решал вопрос о совместности увлечений точным знанием и поэзией; если для него, по крайней мере в юные годы, не подлежала сомнению неоднородная общественная ценность науки и поэзии в общих творческих усилиях человеческого ума; если ему была чужда самая мысль о возможности «научной поэзии», — то, например, Батюшков, воспитавшийся на произведениях французских просветителей, стоял на противоположных эстетических позициях. Касаясь того же противопоставления ученого и поэта, что и Дельвиг, приблизительно в те же годы (1816), Батюшков сочувственно цитировал д'Аламбера, также противопоставлявшего их, но далеко не в пользу поэтического творца. Ба-

⁹ A. Chénier, Oeuvres complètes, Paris, 1819, стр. 5.

тюшков писал в своем «Вечере у Кантемира»: «Бросьте на остров необитаемый математика и стихотворца, говорил д'Аламбер: первый будет проводить линии и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюдениями; второй перестанет сочинять стихи, ибо некому хвалить их: следовательно, поэзия и поэт, заключает *рассудительный философ*, питаются суетностью».¹⁰ В оставшейся незаконченной статье 1822 года ««О прозе»» Пушкин тоже сослался на д'Аламбера по поводу суждения последнего о Бюффоне. Характерно, что и эта цитата имеет непосредственное отношение к тому же спору о поэзии и науке, но вопрос сосредоточен здесь в иной плоскости: речь идет у Пушкина о нежелательности «поэтического языка» в научной прозе, что, несомненно, родственно общей проблеме о вдохновении, питающем научную и поэтическую мысль (XI, 18—19).

Отзвуки близкого знакомства Пушкина с французской научно-художественной литературой и просветительской философией XVIII века, утверждавших его с юности в мысли о мнимом противоречии поэзии как искусства и научного знания, еще долго встречались в его творчестве. Онегина, после объяснения его с Татьяной, он заставил прочесть «скептического Беля» и «творенья Фонтенелля» (VI, 183), а в октавах «Домика в Коломне», вычеркнутых поэтом из текста, стоят рядом имена Вольтера и Делиля, осуществивших, каждый на свой манер, этот союз поэзии и экспериментальной науки:

И ты, Вольтер, философ и ругатель,
[Поэт, астроном, умственный Протей],
И ты, Делиль, парнасский муравей...

(V, 377)

Тем не менее вопрос о соотношении поэзии и науки, о различиях их методов или близости между ними, о возможностях их сочетания, объединения их усилий решался у нас в эти годы не только на примерах французской литературы просветительского века, но и на более близких образцах русской литературы XVIII века, в которых эта проблема поставлена была отнюдь не с меньшей остротой. Для Пушкина особенности этой проблемы в ее русской форме должны были иметь особо важное значение.

Русская поэзия XVIII века довольно широко отразила процесс становления и быстрого развития русской науки в этом столетии — от Ломоносова и до Радищева включительно. В этом, в частности, получала свое выражение просветительская тенденция русской литературы этого века. Уже Кантемир был сатириком-просветителем своеобразного склада: стихотворство было для него одним из средств популяризации научных знаний. В его сатирах заключена весьма красноречивая апология точных наук, того «математического естествознания», которым Кантемир увлеченно занимался и сам еще до своего отъезда за границу; в примечаниях к сатирам изложены научные теории (например, закон всемирного тяготения; отличие систем Коперника и Птолемея представлено им в первой сатире еще до начала его работы над переводом «Разговоров о множественности миров» Фонтенелля),¹¹ объяснены

¹⁰ К. Н. Б а т ю ш к о в, Сочинения, стр. 220. — Впоследствии Е. А. Баратынский в письме к И. В. Киреевскому (июнь 1832 года) цитировал слова Виланда, являвшиеся, повидимому, возражением д'Аламбера: «Виланд, кажется, говорил, что ежели б он жил на необитаемом острове, он с таким же тщанием отделывал бы свои стихи, как в кругу любителей литературы» (Е. А. Баратынский, Стихотворения, поэмы, проза, письма. Гослитиздат, М., 1951, стр. 519).

¹¹ Б. Е. Р а й к о в. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Изд. 2-е, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1947, стр. 220. — Еще Батюшков отметил, что Кантемир с увлечением занимался алгеброй посреди своих поэтических занятий (К. Н. Б а т ю ш к о в. Вечер у Кантемира. Сочинения, т. II, стр. 219).

научные термины, охарактеризованы инструменты для научных экспериментов, — например, микроскоп или химический горн, — вероятно, впервые названные в русском стихотворном тексте. Написанная в 1735 году Кантемиром «песня», т. е. ода «В похвалу наук» не только прославляет благотворительную силу знания, но и набрасывает целую историю наук в круговороте времен и в связи с территориальным перемещением очагов цивилизации: от Египта, Греции и Рима до возрождения наук в Италии и обратного движения с Запада на Восток.

Еще более наглядный пример представляло собой творчество Ломоносова, совместившего в себе ученого и поэта, которое служило предметом удивления и внимательного изучения Пушкина и его современников. Одна из важнейших и излюбленных мыслей Ломоносова, одушевлявших его оды, — практическое значение науки, которая должна сыграть важную роль в развитии государственной мощи и укреплении благосостояния страны. Отчетливо высказана эта мысль в оде 1747 года:

Возри в поля Твои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство в оных потаенно
Наукой будет откровенно...

В оде 1750 года мы находим уже и более детализованную картину государственного значения отдельных наук и практического применения их в отечественных условиях — механики, химии, астрономии, географии. Обращение к механике предполагает в первую очередь грандиозную программу кораблестроительных и гидрографических работ:

Наполни воды кораблями,
Моря соедини реками,
И рвами блага иссуши...

Химия тесно связана с металлургией, геологией, почвоведением:

В земное недра ты, Химия,
Проникни взора остротой,
И что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой.

Здесь идет речь даже о метеорологии:

Наука легких метеоров,
Премены неба предвещай.
И бурный шум воздушных споров
Чрез верны знаки предъявляй...¹²

Это не только целая программа будущего развития русских научных исследований, но и поэтический вызов отечественной науке, вдохновенный гимн ее будущему. Такие стихотворные произведения Ломоносова, как «Размышления» или эпистола «О пользе стекла», — это уже подлинные образцы своеобразной, полной национальной окраски русской «научной поэзии».

По стопам Ломоносова шел его ученик Николай Никитич Поповский (его стихотворное «Письмо о пользе наук» помещено в «Живописце», т. 1, 1772, лист 8), а затем эта же тенденция к сближению задач поэзии и науки развивалась и дальше в русской поэзии XVIII века, ощущаясь то сильнее,

¹² М. В. Ломоносов, Сочинения, т. I, СПб., 1891, стр. 149, 219.

то слабее, давая своеобразные и неожиданные сочетания у поэтов разного склада и стиля, но не исчезая вовсе из русских поэтических текстов.¹³ Очень своеобразные образцы русской «научной поэзии» имеются в творениях С. С. Боброва, которым, как известно, так интересовался Пушкин. В «Тавриде», например, Бобров в вставном эпизоде рассказывает о гибели Рихмана при «испытании электрической силы» и с восторгом описывает научные опыты Ломоносова:

Ах! — как он в сердце восхищался
При испытании эфира,
Когда шипящие лучи
Одеяны в цветы различные
Скакали с треском из металла?¹⁴

В «Тавриде» же мы находим целые стихотворные трактаты на разнообразные естественно-научные темы. В другое, более позднее творение С. Боб-

¹³ Одно из первых крупных произведений молодого Хераскова — дидактическая поэма «Плоды наук» (1761), прославляющая пытливость человеческого ума и общественную пользу научных знаний. Основные ее тезисы выражены в таких строках:

Что мы ни вообразим, наукой основалось...

или:

Возри, коль надобны для общества науки!

Может быть, эта поэма задумана как опровержение основных положений знаменитого рассуждения Руссо на тему о том, «способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов», но в своих существенных частях поэма Хераскова прежде всего повторяет мысли Ломоносова о практическом значении наук для благоденствия отечества; здесь также механика стоит на первом месте; с нею связаны успехи сельского хозяйства:

Цветущие сады когда мы вообразим,
На земледельцовы орудия возарим,
Увидим, что прервать хотяща наше бедство,
Механика сие изобретала средство...

или военного искусства:

Дабы рука сильней в сражении была,
Механика свои орудия дала.

Астрономия обеспечивает мастерство кораблевождения:

Когда через моря стремятся корабли,
На камни бы они, или на мель текли,
Когда б через свою великую науку
Нам астрономия не подавала руку...

В заключении поэмы говорится о значении науки в русской общественной жизни:

Проник в закрытый храм природы испытатель;
И химик действует, сокровищей податель;
Явилась в наши дни наука врачевства,
Для пользы общия в сиянье торжества;
Не нужны будут нам теперь страны чужия:
Науки преподаст из уст своих Россия.

(М. М. Херасков. Эпические творения, ч. II. М., 1820; стр. 259, 264, 259, 260, 264). Отметим впрочем, что в поэме, написанной тридцать лет спустя («Вселенная», 1791), Херасков отрекался уже от прославления силы разума и с реакционно-мистических позиций выступал против «разрушающей» силы умствований.

¹⁴ С. Бобров. Таврида. Николаев, 1798, стр. 183.

рова включена небольшая поэма «Обузванный Юпитер или Громовый отвод» с маленьким трактатом по электричеству в подстрочных примечаниях и ссылками на сочинения Эйлера.¹⁵

Имя Радищева особенно ярко блистает в той же связи: глубокие, никогда не прекращавшиеся занятия науками, сопровождавшиеся самостоятельными экспериментами, не могли не отразиться не только в философских работах Радищева, но и в его поэтическом творчестве. В оде «Вольность» отчетливо высказана мысль о великом освободительном значении научного творчества: успехи наук находятся в прямой зависимости от «зжидительного духа свободы», идущего наперекор церковному авторитету (ломающего «опор духовной власти», строфа 26) и зажигающего «светильник истины», «лучи просвещения»; поэтому в оде прославляются и великие ученые — Галилей, Ньютон:

Но чудо Галилей творить
Возмог, протекши пустотою,
Зжидительной своей рукою
Светило дневно утвердить...
Венец, наукой соплетенный,
Носим Невтоновой главой;
Таков, себе всегда мечтая,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможет вся;
[По всей вселенной пронесется;]
Миров до края вознесется...¹⁶

Даже в свою «богатырскую повесть» «Бова» Радищев не побоялся вставить стихи, посвященные истории химических открытий, в частности рассказ об открытии фосфора, требующий в настоящее время особых пояснений, похвалу искусству изготовления цветного стекла или описанию плавильного процесса в доменной печи, примененное в качестве развернутой поэтической метафоры.¹⁷

Вслед за Радищевым поэтические прославления наук и новые образцы русской «научной поэзии» дали поэты той весьма прогрессивной по своим общественным воззрениям группы, которая получила у нас наименование «поэты-радищевцы». Многие поэты «Вольного общества» и сами с интересом изучали математику, физику, астрономию и в своих стихах ревностно популяризировали их; для прочих прославление экспериментальных наук и их воспитательной и просветительной роли являлось как бы частью их общественной программы. Напомним хотя бы оды И. П. Пнина «Время» и особенно «Солнце неподвижно между планетами»; в последней дается новое поэтическое изложение системы Птолемея и Коперника; в частности, в полном противоречии с упомянутым выше стихотворением Дельвига «К поэту-математику», у Пнина именно Урания вызывает вдохновенного поэта воспеть на лире надзвездные миры:

Какой бессмертной пред очами
Отверзла Урания ход?
Твоими ли зовусь устами,
Богиня, на небесный свод?
Спешу вослед я за тобою

¹⁵ С. Б о б р о в. Рассвет полночи, ч. III, Игры важной Полигимнии. СПб., 1804, стр. 34—36.

¹⁶ А. Н. Р а д и щ е в, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 9, 12.

¹⁷ См. в моей статье «К истолкованию поэмы А. Н. Радищева „Бова“» (сборник «Радищев. Статьи и материалы», изд. Ленинградского Гос. университета, Л., 1950, стр. 206—211).

И возвышенною душою
С земли поднимаюсь в небеса,
Светильник твой меня предводит
Ко храму, где мой взор находит
Природы тайны чудеса.¹⁸

Другие поэты воспевают электрические явления в природе, сопровождая свои стихи научно-популярными пояснениями. Так, например, в одном из стихотворений А. П. Бенитцкого («Трус») к стихам:

Небось вы мыслите, что я иду спасенья
От грома и янтарного огня? —

сделано следующее примечание автора: «Первое действие электрической силы открыто было чрез янтарь — по гречески *электр*, — от которого она и получила свое название».¹⁹ В стихах другого второстепенного поэта-радищевца Ф. И. Ленкевича, специально интересовавшегося физикой, мы находим аналогичное указание.

Кто б мог провидеть, что крупинка,
Найденная у вод морских,
Покажет путь к уразуменью,
Как погасить небесный огонь?..

В примечании автора объяснено: «Электрическая сила в первый раз замечена в янтаре Фалесом почти за 600 лет до Р. Х.».²⁰ Характерно, что тот же Ф. И. Ленкевич посвятил особое произведение результатам физического опыта, быть может, проведенного самим поэтом, «Стихи на разрыв эолипылы — физического инструмента, которым доказывается упругость паров»:

Во медяном шару, как будто в чреве Этны,
Вступила в бой вода с врагом своим — огнем;
Но видя большее упорство, силу в нем,
Пустилась с быстротой через преграды медны:
Как облак громовой, шар треснул, загремел;
Как град, металл вокруг звенящий полетел.²¹

Поэты-радищевцы посвящали свои стихи также успехам русской медицины («Ода на болезнь» И. П. Пнина, посвященная знаменитому русскому врачу О. К. Каменецкому), исследованиям русских естествоиспытателей («Ода на случай нового сочинения г. академика Лепехина» В. В. Попугаева), «бессмертным умам» великих ученых вообще («К строителям храма познаний» А. Х. Востокова).²²

В высшей степени характерно, что стихи, затрагивающие научные темы, изредка встречаются и у русских поэтов иных направлений, прошедших иную поэтическую школу и вдохновлявшихся иными образцами. В стихах молодого

¹⁸ Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Изд. «Советский писатель», Л., 1935, стр. 172.

¹⁹ Там же, стр. 690.

²⁰ Там же, стр. 639.

²¹ Там же, стр. 637.

²² О пропаганде поэтами-радищевцами передового научного мировоззрения и об их вкладе в русскую «научную поэзию» см.: В. Н. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. Изд. 2-е, Гослитиздат, М., 1953, стр. 431—438.

Карамзина, например, засвидетельствован его интерес к оптическим исследованиям Ньютона. В «Анакреонтических стихах» (1789) Карамзин рассказывает:

Рассматривал я присму,
Желая то увидеть,
Что Нютонову душу
Толико занимало —
Что Нютоново око
В восторге созердало.

Правда, в последующих стихах Карамзин должен был признаться, —

Что Нютонова дара
Совсем я не имею;
Что мне нельзя пропикнуть
В состав чудесный света,
Дробить лучей седмичных
Великого светила.²³

В конце концов «Я Ньютона оставил», говорил он здесь же не без горечи, но тем не менее, если не сочинения Ньютона, то по крайней мере какие-нибудь изложения его «Оптики» сопутствовали Карамзину при его изучении спектрального анализа. Отметим, впрочем, что это стихотворение Карамзина дало повод для не вполне правильных, на наш взгляд, умозаключений его исследователей. Так как «Анакреонтические стихи» посвящены другу Карамзина, его «Агатону» — А. А. Петрову, то с влиянием последнего связывались и занятия молодого Карамзина «естественными науками», которые он «бросился изучать», но испытал разочарование и неудачу.²⁴ При этом указывают на интерес Карамзина к Копернику и на собственные его признания в том, что одно время наука была предметом его стихотворных восхвалений:

Я пел хвалу Наукам,
Которые нам в душу
Свет правды проливают;
Которые нам служат
В час горестный отрадой.

(«Мшескье», 1790)²⁵

В числе приписываемых Карамзину стихотворений находится напечатанное в «Московском журнале» 1791 года (ч. II) стихотворение «К текущему столетию», в котором высказана поэтическая хвала не только наукам, но и технико-изобретательской мысли, в частности тогдашним опытам воздухоплавания:

О век чудесностей, ума, изобретений!..
В тебе открылся путь свободный в храм Наук...
В тебе и Естества позналися законы;
В тебе щастливейши Икары, презря страх,
Полет свой к небу направляют;
В воздушных странствуют мирах,
И на земле опять без крыл себя являют.²⁶

²³ Н. М. Карамзин, Сочинения, т. I, Стихотворения, Пгр., 1917, стр. 22, 23.

²⁴ Именно так объясняет это стихотворение В. В. Сиповский в примечаниях к нему (см.: Н. М. Карамзин, Сочинения, т. I, стр. 403—404) и подробнее в своей книге: Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника», СПб., 1899, стр. 112—113.

²⁵ Н. М. Карамзин, Сочинения, т. I, стр. 46 — Ср. похвалу науке, которую у Пушкина царь Борис произносит своему сыну Федору («Борис Годунов»).

²⁶ Н. М. Карамзин, Сочинения, т. I, стр. 333—334.

Разносторонность интересов Карамзина в его молодые годы не подлежит сомнению, но не следует и преувеличивать его увлечения экспериментальными науками. По крайней мере, собственный рассказ Карамзина в «Анакреонтических стихах» о Ньюtone и опытах преломления солнечных лучей через призму, повидимому, имел своим непосредственным источником не столько трактаты великого английского ученого, сколько произведения английской поэзии, в которых дана их интерпретация, и в первую очередь поэмы Дж. Томсона, упомянутые в «Анакреонтических стихах».

Я Томсоном быть вадумал.
И петь золотое лето...²⁷

Известно, что научные трактаты И. Ньютона, и в частности его «Оптика» (1704), оказали разностороннее влияние на английскую поэзию XVIII века. Как показали недавние исследования, в особенности исследования Маржори Никольсон, открытия Ньютона сильно воздействовали на воображение современных ему поэтов и вызвали множество стихотворных откликов. Изложению и своеобразному истолкованию в английской поэзии первой половины XVIII века подверглось, в частности, учение Ньютона о физике света; оно послужило основой новых эстетических теорий того времени — об эстетике света и красочно-цветовых соотношений, о гармоническом соответствии красок и звуков («синэстезия»), содействовало разработке новой колористической гаммы в поэтическом словаре, совершенствовало технику описательной поэзии и т. д.²⁸ Среди целой группы второстепенных английских поэтов-ньютонианцев первой половины XVIII века (Блэкмор, Брук, Мозес Браун и др.) выделяется Джеймс Томсон, автор «Времен года» («Seasons»), как бы сосредоточивший в этой своей прославленной поэме всё разнообразие воздействий и вдохновляющих идей, шедших от научных теорий Ньютона к английским поэтам его времени.²⁹ Следует думать, что «Времена года» Томсона, пользовавшиеся столь длительной популярностью во всех европейских литературах XVIII века, в том числе и в русской,³⁰ и явились непосредственным источником, в котором молодой Карамзин почерпнул интерес к Ньюtone и его опытам с призмой: все световые и колористические эффекты «Времен года» Томсона, включая его описание радуги, вся его пейзажная техника и поэтический словарь основаны на тщательном изучении творений Ньютона, воспроизводят его терминологию, придавая ей эстетический смысл; сам Ньютон неоднократно прославлен здесь как гениальный истолкователь «божественно простых» законов природы (см., например, «Лето», стихи 1560—1562).³¹

«Ньютонианство» Дж. Томсона, современника Ломоносова и, между прочим, автора стихотворного панегирика Петру I как насадителю наук,

²⁷ Н. М. Карамзин, Сочинения, т. I, стр. 23.

²⁸ Marjory Hope Nicolson, *Newton Demands the Muse. Newton's «Opticks» and the Eighteenth Century Poets*. Princeton, 1946. — В предшествующих работах того же автора (в особенности в ее книгах «The Microscope and English Imagination» и «A World in the Moon») собрано много интересных данных о воздействии научных исследований, производившихся с помощью микроскопа и телескопа, на английскую художественную мысль.

²⁹ Herbert Drennon, *Newtonianism in James Thomson's Poetry*. «Englische Studien», Bd. 70, 1935—1936, стр. 358—372.

³⁰ О Томсоне и его переводных описательных поэмах на русской почве см.: В. И. Резанов, Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. II. Пгр., 1916, стр. 498—513.

³¹ M. H. Nicolson, *Newton Demands the Poetry*, стр. 43—54.

ремесл и искусств в преобразованной России,³² — лишь один эпизод из истории английской «научной поэзии», интересный для нас благодаря известности поэзии Томсона в русской литературе, в кругах, близких Пушкину. Другие и даже более характерные образцы английской «научной поэзии» XVII—XVIII веков едва ли были у нас широко известны; стоит, однако, подчеркнуть, что ближайшие предшественники и современники Дж. Томсона, английские стихотворцы конца XVII и начала XVIII века, придерживались гораздо более прямолинейных взглядов на соотношение поэзии и науки, чем этот предтеча сентиментально-романтической поэзии второй половины XVIII века. Если Томсон искусно применял результаты ньютоновских открытий к природоописательной, пейзажной технике своих поэм, способствовал созданию новых эстетических представлений о соотношениях света и краски и их словесного выражения, то другие поэты-ньютонианцы, приверженцы классицистической поэтики, не видели препятствий к тому, чтобы непосредственно выражать в своих стихах формулированные Ньютоном «Законы чисел, тел и движения»;³³ геометрические исследования они считали достойной темой для поэтического изложения и равноправной всякой другой.³⁴ «Гимн науке» («Hymn to Science») Марка Экенсайда, постулирующий единство целей философов, ученых и поэтов в их усилиях проникнуть в тайны природы и понять управляющие ею законы, несомненно выражал мнение целой группы поэтов, разделявших подобные воззрения.³⁵

К концу XVIII века взгляды на поэтическое и научное творчество в Англии коренным образом изменились, как изменилось и отношение к самой науке в различных общественных кругах. В предисловии к «Лирическим балладам» (1800), этом манифесте романтической школы, Вордсворт высказался весьма неуверенно по поводу содержания ученого (Man of Science) и поэта (Poet), уклончиво допустив, что если бы наука стала более понятной и доступной, то открытия ученых могли бы сделаться более законными темами для поэтического творчества.³⁶ И если относительно Шелли, например, известно, что он с интересом следил за химическими исследованиями своего времени и основательно штудировал ньютоновские «Начала» (и то и другое не прошло бесследно для его поэтического творчества),³⁷ то о Китсе современники свидетельствовали, что он, наоборот, хулил Ньютона, в частности, за то, что тот «уничтожил всю поэзию радуи, разложив ее на ее призматические цвета».³⁸

³² Этот панегирик включен Томсоном во «Времена года» («Зима», 1726); всю относящуюся к Петру I цитату Карамзин привел в «Письмах русского путешественника» (Лион, 9 марта 1790 года) на том основании, что «может быть, не все читатели знают эти стихи».

³³ М. Н. Nicolson. *Newton Demands the Poetry*, стр. 55.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. — Вопрос о воздействии научного естествознания на английскую литературу и эстетическую мысль XVII—XVIII веков составляет особую тему, выводящую за пределы настоящих размышлений и этюдов. Укажем лишь, что она хорошо разработана в литературоведении, хотя бы в связи с научными описательными поэмами Эразма Дарвина «Botanic Garden» и «Temple of Nature» (ср.: Эразм Дарвин. Храм природы. Перевод Н. А. Холодковского, предисловие, редакция и комментарии академика Е. Н. Павловского, Изд. Академии Наук СССР, М., 1954; см., например: James V. Logan. *The Poetry and Aesthetics of Erasmus Darwin*. Princeton, 1937). Новейшая научная литература о взаимоотношениях науки и поэзии собрана в указателе: Fred. A. Dudley. *The Relation of Literature and Science. A Selected Bibliography 1930—1949*. Washington, 1949.

³⁶ М. Н. Nicolson. *Newton Demands the Muse*, стр. 55—56.

³⁷ Carl Grabo. *A Newton among the Poets*. Chapell Hill, 1930; М. Н. Nicolson. *Newton Demands the Muse*, стр. 3.

³⁸ Там же, стр. 1.

Таким образом, в пределах одной литературной эпохи и даже в условиях близкого литературного общения проблема взаимоотношений науки и поэзии могла решаться различно в зависимости от личных вкусов и predisположений поэтов. Аналогичным примером могли бы служить изложенные выше расхождения во взглядах на этот предмет Дельвига и Пушкина.

Представляло бы особый интерес определить отношение Пушкина к русской научной поэзии XVIII и начала XIX века, поскольку она не могла не остановить на себе его внимания в той же связи. Повидимому, это отношение испытывало различные колебания и пересматривалось. С наибольшей полнотой эти колебания отразились в истории его отношений к наследию Ломоносова. Первоначально Пушкин гораздо увереннее отказывал Ломоносову в звании поэта, возвышая его как ученого. «Уважаю в нем великого человека, но, конечно, не великого поэта», — писал Пушкин о Ломоносове в письме к А. А. Бестужеву в 1825 году (конец мая—начало июня) (XIII, 173) и в том же году в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» развивал ту же мысль, подкрепляя ее характерными аргументами: «Поэзия бывает исключительно страстию немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни; но если мы станем исследовать жизнь Ломоносова, то найдем, что науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же — иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения» (XI, 32—33).

Не находимся ли мы и здесь в сфере тех самых споров, которые Пушкиным велись еще в лицейские годы? Не отзвук ли это тех же самых идей о противоречии между «пламенным» воображением и трезвой аналитической мыслью, которые развивали в свое время и Дельвиг и Кюхельбекер, тех же их юношеских мечтаний о поэтическом призвании, исключающем всякую другую творческую деятельность? Может быть, Пушкин возражает здесь против традиционных в его время оценок Ломоносова как «придворного» стихотворца или преимущественных восхвалений его как одического поэта, в противовес его научному творчеству, всё величие которого тогда еще не было раскрыто?³⁹

Отзвук тех же привычных осуждений Пушкиным Ломоносова как поэта слышится еще в «Путешествии из Москвы в Петербург» («В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения»); «С каким презрением говорит он о Сумарокове, страстном к своему искусству, об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем рифмачестве, не думает... Зато с каким

³⁹ В риторических похвалах Ломоносову различия между ним как поэтом и ученым обычно не делались. В стихотворной характеристике Ломоносова, включенной А. Воейковым в его поэму «Искусства и науки» («Вестник Европы», 1819, ч. III, № 8, стр. 248—249), он прославлялся за то, что первый проложил у нас «дорогу к музам в храм, дорогу в храм Минервы»:

Хвала! ты был для нас Франклином и Ньютоном,
И совместил в себе Пиндара с Цицероном.

Батюшков в своих мыслях о Ломоносове, занесенных в его записную книжку (1817), напротив, удивляется прозаическому стилю творений Ломоносова, «красоте и точности сравнения», «порядку всех мыслей», «точности и приличию эпитетов» и с большой тонкостью подмечает, что источники всех этих красот — «беспреданное размышление о науках» и «созерцание чудес природы, его первой наставницы» (Сочинения, т. II, СПб., 1885, стр. 344—345). О «тщательной отделке холодного искусства» в стихах Ломоносова тогда же писал П. А. Вяземский (Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1878, стр. 19—20).

жаром говорит он о науках, о просвещении»; XI, 249). Тем не менее уже здесь Пушкин отклоняется от своих односторонних приговоров более ранних лет и намечает иное решение проблемы. Совершенно новый, принципиально отличный от прежних суждений взгляд Пушкин высказывает в статье «Мнение М. Е. Лобанова» (1836): «... У Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титул поэта... ныне вошло в обыкновение хвалить в нем мужа ученого, унижая стихотворца» (XII, 72). Мы не знаем в точности, какие именно факты из истории литературной репутации Ломоносова Пушкин имел в виду в данном случае, но он, несомненно, верно уловил основную линию в развитии критических оценок наследия Ломоносова, которым свидетелем был сам,⁴⁰ и его слова о «неосновательности» отказа Ломоносову в звании поэта звучат как своего рода самоосуждение.⁴¹ Изменилось ли собственное отношение Пушкина к поэзии Ломоносова? Пересмотрел ли он заново всё ту же проблему о соотношении поэзии и науки в индивидуальном творческом труде? Во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что Пушкин долго и упорно размышлял над этой проблемой в целом и что она неоднократно привлекала его внимание.

Освещая на примере Ломоносова предполагаемый «конфликт» между наукой и поэзией, Пушкин уже в «Путешествии из Москвы в Петербург» давал ему то решение, которое намечалось значительно раньше. Объявив Ломоносова «самобытным сподвижником просвещения» и «первым нашим университетом» (XI, 249), Пушкин как бы уничтожал противоречия в творческой деятельности Ломоносова, делал их несущественными: одновременные труды Ломоносова в области науки и искусства сливались в некий единый и неразложимый комплекс величественного творческого дела.

«Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, химик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник...», — писал Пушкин еще в 1825 году в статье «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (XI, 32).

«Обнять все отрасли просвещения» в глазах Пушкина было признаком творческой силы, а не слабости. Такую задачу могли ставить перед собой и ученые, и поэты: и во времена Ломоносова и во времена Пушкина это был важнейший вопрос русской культуры. Пушкин также ставил перед собой подобную задачу. Существенно было бы проследить, как менялось и усложнялось в словоупотреблении Пушкина понятие «просвещение»; не подлежит, однако, сомнению, что в 20-е годы в это понятие Пушкиным включалось и представление о многообразии научных отраслей; знакомство с ними Пушкин считал для себя обязательным и деятельно стремился к этому, чтобы, как он и сам признавался в своем послании к Чаадаеву,

⁴⁰ Получившая печальную известность ошибка французского историка науки Ф. Хофера в его «Histoire de la chimie» (Paris, 1862, стр. 367), писавшего о «Ломоносове-химике, которого не следует смешивать с носившим это же имя поэтом» (цитировано у Б. Г. Кузнецова в его книге «Патриотизм русских естествоиспытателей и их вклад в науку» (М., 1951, стр. 24) и в статье С. М. Бурдина «Роль М. В. Ломоносова в создании русской естественно-научной терминологии» («Ученые записки Ташкентского Гос. педагогического института», вып. II, Ташкент, 1954, стр. 76)), закономерно восходит к этой, отмеченной Пушкиным, тенденции возвышать в Ломоносове ученого, умаляя его значение как стихотворца.

⁴¹ Об отношениях Пушкина к Ломоносову-поэту см.: Б. И. Коплан. «Полтавский бой» Пушкина и оды Ломоносова. «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII—XXXIX, Л., 1930, стр. 113—121, где указана и литература вопроса.

«в просвещении стать с веком наравне» (II, 187). «Любопытен только вопрос — что значило тогда в русском обществе: стать с веком наравне?» — спрашивал П. В. Анненков, цитируя эти стихи.⁴² С нашей точки зрения, Пушкин подразумевал здесь прежде всего пополнение своих знаний в различных областях науки.

3

Астрономические познания и представления Пушкина уже привлекали к себе внимание исследователей, но его несомненный интерес к науке о небесных светилах и строении вселенной подчеркнут не был. Планеты, звезды, кометы с их античными именами и связанными с ними легендами нередко упоминаются в его стихах в соответствии с русской поэтической традицией XVIII века, но наряду с этим, в особенности начиная с середины 20-х годов, мы встречаемся в его творчестве с отзвуками новейших научно-космогонических теорий и открытий в области астрофизики.

Специальных пояснений потребовало, как известно, стихотворение «Редеет облаков летучая гряда...» (1820), с его обращением к «вечерней звезде»:

Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины...

(II, 157)

«Астрономическая картина в этом стихотворении совершенно ясна, — писал по этому поводу Н. Кузнецов; — поэт, увидев на вечернем небе звезду и приняв ее за „знакомое светило“ — Венеру, вспоминает ее восход „над мирною страной“, в описании которой не трудно узнать южный берег Крыма...». Однако в 1820 году в Гурзуфе он не мог видеть Венеру на вечернем небе, где могли быть видимы в то время только две другие планеты — Юпитер и Сатурн; последний находился в созвездии Водолея и заходил около полуночи. «Таким образом, — заключал отсюда Н. Кузнецов, — Пушкин, хотя и ошибся, приняв одну из этих планет (вероятно, Юпитера, как более яркую) за Венеру, но всё же проявил незаурядную наблюдательность, признав в случайно проглянувшей из-за облаков звезде планету».¹ В поисках «астрономических мотивов» в творчестве Пушкина, «поэта, изумительного по точности описаний природы и по необыкновенной художественной добросовестности и правдивости»,² тот же исследователь не обратил, однако, внимания на некоторые другие произведения поэта, в которых эти мотивы представляют еще больший интерес, так как они основаны не на одной лишь наблюдательности, но и на сведениях, полученных из книжных источников. Таков, например, набросок, предположительно относимый к 1825 году, оставшийся неотделанным и неоконченным и начинающийся следующими стихами:

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?

⁴² П. В. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 156.

¹ Н. Кузнецов. «Вечерняя звезда» в одном стихотворении Пушкина. «Мироведение», 1923, № 1 (44), стр. 88, 89.

² Там же, стр. 87.

Ближнего Меркурия,
Аль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?³

(II, 1. 447)

В вариантах мы находим поиски поэтом различных стилистических комбинаций с наименованиями планет; при этом даваемые звездам эпитеты подчеркивают другие их особенности, не расстояния между ними, но степень их яркости, например:

Золотая звездочка
Али Марса яркого...
Марса аль Меркурия...

(II, 2. 977)

Смысл начальных вопросов данного наброска только противопоставительный; поэт хочет сказать, поэтизируя старинные астрономические представления, что судьбой его героя управляли не какие-либо знаменитые светила, а случайная, «прелестная звезда»,⁴ лишь на одно мгновение зажегшаяся на темном небе:

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшю
В тишине небес.

(II, 1. 447)

Тем существеннее для нас встречающееся в основном тексте наброска, но имеющее в данном случае характер случайной и второстепенной детали

³ Этот отрывок впервые опубликован П. О. Морозовым (Новые стихи Пушкина. «Русское слово». 1916, № 83, 10 апреля) и введен в том же году в академическое издание сочинений Пушкина (т. IV, 1916, стр. 294—295); к датировке его см.: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1937, стр. 34, № 81.

⁴ Под «прелестными звездами», по разъяснениям А. С. Шишкова, понимались тогда «ниспадающие звезды, кои потом исчезают», «обманчивые» звезды, метеориты. В. Виноградов (Язык Пушкина. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 182—183) обратил на это внимание в связи с известными стихами из «Евгения Онегина»:

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве —

(VI, 161)

подчеркнув, что Пушкин, пользуясь этим термином, «каламбурно играет двойственностью его возможных осмыслений, связью эпитета „прелестный“ со словом „красавица“...» (ср.: Н. А. Бродский. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Изд. 3-е, Учпедгиз, М., 1950, стр. 273—274); к стихам Пушкина были указаны и характерные параллели в оде В. Петрова «Как промеч звезд луна», у Карамзина («Наталья, боярская дочь»), в «Тавриде» (1789) С. Боброва, где есть такие стихи:

Все звезды в севере блестящи,
Все дщери севера прекрасны;
Но ты одна средь них луна...

(С. Бобров. Таврида, Николаев, 1798, стр. 71).

сопоставление «ближнего Меркурия» и «Сатурна дальнего». В пушкинское время не всякий образованный человек обязан был помнить, что Меркурий является планетой, ближайшей к солнцу; что касается Сатурна, то до открытия Урана (в 1781 году) он, действительно, считался планетой, самой удаленной от солнца; удержать в памяти данные этого рода мог лишь человек, интересовавшийся звездным небом. Каталог библиотеки Пушкина действительно свидетельствует, что астрономические сочинения не были ему чужды.⁵

В 1824 году в Михайловском, создавая свои «Подражания Корану», Пушкин написал в пятом отрывке:

Земля недвижна — неба своды,
Творец, поддержаны тобой,
Да не падут на сушь и воды
И не подавят нас собой —

и сопроводил их следующим примечанием: «Плохая физика: но зато какая смелая поэзия!» (II, 1, 354, 358). Указанный отрывок, как отмечено было К. С. Кашталева,⁶ подобно всему произведению в целом, основан на подлинном тексте Корана в русском прозаическом переводе М. И. Веревкина («Создал горы, удерживая землю от движения..., покрыл их небом, поддерживая оное, да не падет на них»). «... Пушкин, — замечает в свою очередь Н. А. Смирнов, — блестяще уловил ведущую идею Корана... В пятом „Подражании“ точно передается представление Корана о неподвижности земли».⁷ Особое примечание, сделанное Пушкиным к указанным стихам, представляется нам знаменательным: оно свидетельствует, что при чтении Корана Пушкина поразило существующее здесь противоречие между «смелым» поэтическим представлением и научными данными о движении небесных тел, с таким трудом добытыми и доказанными европейской наукой. Это было одно из тех противоречий между научным и поэтическим мышлением, которое, как мы видели выше, всегда интересовало Пушкина; но в данном случае он, вероятно, задумался еще раз и над самой научной проблемой. Мы судим об этом на основании стихотворения «Движение»,

⁵ В библиотеке Пушкина сохранились две книги английского астронома Джона Гершеля (сына) во французских переводах: *Traité d'Astronomie... suivi d'une Addition sur la Distribution des Orbites cométaires dans l'Espace* (Bruxelles, 1835) и *Publication complète des nouvelles découvertes de Sir John Herschel dans le Ciel Austral et dans la Lune* (Paris, 1836). (Б. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 248, №№ 982, 983). Имя этого астронома, как и прославленное имя его отца, Вильяма Гершеля, открывшего Уран и построившего знаменитые телескопы, несомненно было хорошо известно Пушкину значительно раньше, так как об их открытиях много писали в русских журналах первой трети XIX века. Можно высказать предположение, что интерес к астрономии был усилен у Пушкина беседами в Кишиневе с «первым декабристом» В. Ф. Раевским, давно и серьезно занимавшимся этой наукой: в своих стихотворных посланиях 1818—1819 годов к другу своей юности, будущему декабристу Г. С. Батенькову, Раевский недаром упоминал и имя Гершеля «с циркулом планет»; Раевский был уверен, что и Батеньков «мыслию летал»

С Невтоном, с Гершедем в планетах отдаленных,
Движенья их, часы, минуты исчислял...

(«Атеней». Историко-литературный временник, кн. III, Л., 1926, стр. 7; «Ученые записки Ульяновского Гос. педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник», Ульяновск, 1949, стр. 287).

⁶ К. С. Кашталева. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. Записки Коллегии востоковедов, т. V, Л., 1930, стр. 252.

⁷ Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения ислама в СССР. Изд. Академии Наук СССР, М., 1954, стр. 32—33, 227—228; И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. Изд. Академии Наук СССР, М., 1950, стр. 241.

написанного около того же времени, самый выбор темы которого нельзя объяснить случайностью.

Так как в истории создания этого стихотворения существует еще много неясностей, нам необходимо остановиться на нем несколько подробнее.

В конце ноября—начале декабря 1825 года из Михайловского Пушкин послал П. А. Вяземскому несколько мелких стихотворений «для какого-то альманаха»; эти стихотворения в том же письме названы Пушкиным «эпиграммами» («вот тебе несколько эпиграмм, у меня их пропасть, избираю невиннейших»; XIII, 245).⁸ Альманахом, куда они направлялись и в редакцию которого они были доставлены Вяземским, была «Уrania. Карманная книжка на 1826 год для любителей и любителей русской словесности», изданная М. Погодиным (М., 1826). Здесь действительно напечатаны Пушкиным все пять пьес («Совет», «Соловей и кукушка», «Движение», «Дружба», «Мадригал»).

Отнесение всех этих пьес, включая «Движение», к эпиграмматическому роду имело, конечно, совершенно определенный смысл; с точки зрения Пушкина, все они вполне соответствовали тому привычному пониманию «эпиграммы» как стихотворного жанра, которое было усвоено им еще в лицейские годы. Все эти маленькие пьесы названы «эпиграммами» прежде всего потому, что каждая из них имеет в виду конкретный объект насмешки или обличения, а все вместе они образуют своего рода цикл, направленный против вполне злободневных явлений современной поэту идейной и литературной жизни. Первая, «Совет», подсказана досадой на «рой журнальный» докучных критиков и прямо считает «эпиграмму» наиболее действенным средством борьбы с ними; вторая, «Соловей и кукушка», направлена против элегиков; недаром Баратынский сразу же догадался, куда метил поэт: «... как ты отдела элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достается, да и поделом», — писал он по этому поводу Пушкину (Пушкин, XIII, 254); четвертая и пятая пьесы «эпиграмматически» выворачивают наизнанку привычные определения дружбы или подоплеку стихотворного комплимента, вскрывая житейское несоответствие сущности явления устойчивому его наименованию.⁹

Жанровое родство всех указанных пяти пьес бросается в глаза, так же как и своего рода законченность образуемого ими цикла; из всех написанных им эпиграмм Пушкин выбрал пять «невиннейших», т. е. не содержащих в себе каких-либо общественно-политических намеков и, следовательно, не опасных в цензурном смысле, но в смысле выбора их для печати он, несомненно, руководствовался общей мыслью, определившей, быть может, даже последовательность их расположения, к сожалению, нарушаемую в собраниях его сочинений.¹⁰

⁸ Историю появления этих стихотворений в альманахе «Уrania» см.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. I. СПб., 1888, стр. 316—319.

⁹ К последней «эпиграмме» («Мадригал») прямую параллель мы находим в «Евгении Онегине»:

И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!

(VI, 86)

¹⁰ Представило бы известный интерес выяснение тех причин, по которым нарушен был порядок расположения этих «эпиграмм», первоначально установленный самим Пушкиным. В «Урании» они напечатаны не в той последовательности, в какой они были сообщены самим поэтом в письме к Вяземскому: «Мадригал» стоит на первом месте, затем идут «Движение», «Совет», «Соловей и кукушка» и «Дружба»; во второй части «Стихотворений» Пушкина издания 1829 года порядок снова изменен: весь цикл открывается «Движением», за которым следуют «Дружба», «Соловей и кукушка» и «Совет».

Из всех указанных пьес эпиграмматический смысл третьей, «Движения», обычно ускользает от исследователей, как, впрочем, и теснейшее родство ее с двумя заключительными («Дружба» и «Мадригал»). Напомним эту эпиграмму, так как для последующего анализа значение имеет каждое слово:

ДВИЖЕНИЕ

Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,
Однако ж прав упрямый Галилей.

(II, 1, 432)

В кого метит эта «эпиграмма» и почему в середине 20-х годов она должна была иметь характер злободневного отклика? Что такой именно характер должен был быть ей присущ по замыслу Пушкина, видно из того, что она занимает третье место в этом маленьком цикле, логический ход которого ведет нас от более частных и конкретных нападений к критике более общих философских проблем гносеологического и лингвистического характера.

Эпиграммы, в которых высмеивались не столько научные теории, сколько нерадивые восприемники школьной премудрости, были распространены в Лицее. Пушкин не мог не знать, что А. Д. Илличевский под своим лицейским псевдонимом (-ийший) напечатал в «Российском музее» эпиграмму «Философия пьяного астронома»:

Коперник справедлив — тут нечему дивиться;
Я вижу сам, земля вертится.
Но это что за чудеса?
Два солнца светят мне в глаза.¹¹

Как ни естественна сама по себе житейская ситуация, положенная в основу этой эпиграммы, развернувшей в анекдот обиходное выражение («двоится в глазах»),¹² но в русской литературе тот же мотив и также

¹¹ «Российский музей», 1815, ч. II, № 5, май, стр. 143.

¹² В дневнике Ф. Малевского (под 19 февраля 1827 года) вкратце описан вечер у Н. А. Полевого, на котором, кроме самого Малевского и друга его Мицкевича, присутствовали Пушкин, Вяземский, Дмитриев, Соболевский, Баратынский, Полторацкий. Беседа зашла, между прочим, относительно «сна, в котором два солнца»; Малевский приводит по этому поводу язвительное замечание, сделанное, повидимому, И. И. Дмитриевым: «Если бы кончил на бутылке шампанского, ничего не было бы удивительного, что у него бы в глазах двоилось». (Т. Г. Цявловская я. Пушкин в дневнике Франтишка Малевского. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 226). Как отметил Д. Suževskij («Zeitschrift für slavische Philologie», 1955, Bd. XXIII, Heft 2, стр. 390), речь, несомненно, шла о незадолго перед тем появившемся в «Московском вестнике», без подписи, стихотворении С. П. Шевырева «Сон», в котором развернута своеобразная астрономическая картина, вызвавшая трезвое скептическое замечание Дмитриева:

Гляжу — с заката и с восхода,
В единый миг на небосклон
Два солнца всходят лучезарных...
...
Все дышет жизнью двойной:
Два солнца отражают воды,
Два сердца бьют в груди природы...

(См. «Московский вестник», 1827, ч. I, № IV, стр. 249—250; С. П. Шевырев. Стихотворения. Изд. «Советский писатель», Л., 1939, стр. 28—30).

в анекдотическом плане еще шире разработан был на полвека раньше Ломоносовым в стихотворении, получившем широкую популярность.

Среди «Кратких замысловатых повестей», помещенных в знаменитом «Письмовнике» Н. Г. Курганова, — книге, столь хорошо известной Пушкину, — помещен, между прочим, следующий анекдот:

«Молодой звездочет, будучи в беседе, уверял, что солнце, а не земля обращается, и хотя вытти; тогда один шутник ему сказал: пожалуй, побудьте с нами немного, я хочу доказать противное вашему мнению. Знаете ли, что солнце оживотворяет, греет и печет всё на земле? Правда, отвечал на то звездарь. Так видно, продолжал шут, что не солнце, да земля вертится, ибо, когда жарят птиц, тогда вертят их, а не очаг. Это правде подобно, сказал другой, но весьма далеко от мнения многих ученых мужей и от истины, и я знаю таких писателей, кои разумно утверждают на том мнении. Может статья, отвечал шут. Да веришь ли, что правда в вине? Слышал. . . Хорошо, так напейся же до пьяна, тогда увидишь, что земля, а не солнце вертится».

«То же доказано в следующих стихах», — продолжает Курганов и приводит стихотворение на ту же тему, не называя, впрочем, его автора:

Случились вместе два астронома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: земля вертятся круг солнца ходит.
Другой, что солнце все с собой планеты водит:
Один Коперник был, другой слыл Птоломей;
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: ты звезд теченье знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?
Он дал такой ответ: что в том Коперник прав:
Я правду докажу, на солнце не бывав.
Кто видел простяка из поваров такова,
Который бы вертел очаг кругом жаркова?¹³

Хотя автор стихотворения не назван, но составитель «Письмовника» знал его хорошо: это был Ломоносов, напечатавший эти стихи в своей брошюре «Явление Венеры на солнце, наблюденное в Санктпетербургской Академии Наук мая 26 дня 1761 года» (СПб., 1761, стр. 10—12), первую половину которой составляет описание ученых наблюдений над прохождением Венеры двух петербургских астрономов — А. И. Красильникова и будущего составителя «Письмовника» Н. Г. Курганова.¹⁴

Стихотворение Пушкина «Движение», сохраняя известное жанровое родство и с указанным произведением Ломоносова, и с эпиграммами лицейских лет, вроде приведенной выше эпиграммы Илличевского, не имеет, однако, с ними ничего общего по существу. Если Ломоносов написал свое шуточное стихотворение для популяризации гелиоцентрической теории Коперника, встречавшей еще враждебное отношение в России в XVIII веке в реакционных кругах, чем и воспользовался знакомец и почитатель Ломоносова Н. Г. Курганов в тех же просветительских целях, то в эпиграмме Илличевского перед нами простая житейская шутка, намекающая на известную научную теорию, но снижающая смысл ее положений сугубо быто-

¹³ Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забавного вещесловия. Составил Н. Курганов, ч. I, изд 9-е, СПб., 1818, стр. 158—159.

¹⁴ Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомятина, т. II. Изд. Академии Наук, СПб., 1893, стр. 225, 327—328; Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Изд. 2-е, 1947, стр. 309—311. — «Письмовник» Н. Г. Курганова не указан ни в том, ни в другом источнике.

вым применением; то же снижающее бытовое применение находим и в широко распространенных впоследствии школьных виршах с именами Пифагора, Коперника или Галилея в качестве лукаво утверждаемых или опровергаемых житейскими доводами ученых авторитетов. «Движение» Пушкина — это удивительное по своей мысли философское суждение, имеющее в то же время явно полемический характер; в противном случае оно не было бы «эпиграммой» и не должно было войти в данный злободневный эпиграмматический цикл.

В рукописях Пушкина сохранилась запись на французском языке, которую с давних пор принято считать «источником» или «первым очерком темы» «Движения» или его «планом». «Превозносили [Фил<ософа>] Цинника, который начал ходить перед тем, кто отрицал движение. Солнце поступает так же, как Диоген, но никого не убеждает.¹⁵ Уже давно было разъяснено, что «брадатый мудрец», отрицавший движение, — это Зенон Элейский, древнегреческий философ V века до н. э., а его оппонент, вступивший с ним в «безмолвный спор», — «Диоген-цинник».¹⁶ Последний назван здесь, кстати сказать, по недоразумению, вместо другого философа, которому античная традиция приписывала наглядную аргументацию возможности движения на глазах у Зенона, — Антисфена.¹⁷ Сведения, кото-

¹⁵ Эта запись, впервые опубликованная П. В. Анненковым (Пушкин, Сочинения, т. I, СПб., 1855, стр. 272), находится на обороте автографа стихотворения «Все в жертву памяти твоей...», датированного здесь же самим поэтом 1825 годом. П. В. Анненков вполне правильно предположил, что высказанная в этой записи мысль «породила небольшое стихотворение: *Движение*». Воспроизводя эту заметку, П. О. Морозов (А. С. Пушкин, Сочинения, т. I, СПб., 1887, стр. 353—354) ошибочно утверждал, что «приписку, которая и послужила для него темою», Пушкин якобы сделал при стихотворении «Движение». И. А. Шляпкин, вновь опубликовавший эту запись по принадлежности ему автографу Пушкина, следуя Морозову, ошибочно утверждал, в свою очередь, что «эта приписка повторяется в рукописи стихотворенья *Движение*», из чего следовало, что якобы запись эта повторена Пушкиным дважды (И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, стр. 3; «Рукою Пушкина». М.—Л., 1935, стр. 496—497).

¹⁶ Н. И. Черняев. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900, стр. 327—333.

¹⁷ Диоген не мог быть этим философом, так как он жил по крайней мере на сто лет позже Зенона Элейского. А. Маковельский приводит первоисточник этого анекдота из трактата Элиаса (In Categ., стр. 109, 6 по изданию Буссе), где говорится о Зеноне: «И еще в другой раз как-то, выступив в защиту того же самого учителя <Парменида>, говорившего, что сущее неподвижно, он <Зенон> подкрепляет учение о неподвижности сущего пятью эпихеремами. Будучи не в состоянии ответить на них, цинник Антисфен встал и начал ходить, полагая, что доказательство действительное сильнее всякого словесного выражения» (А. Маковельский. Досократики. Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований, ч. II. Казань, 1915, стр. 78). Гл. Глебов упрекнул Пушкина за то, что он в своей заметке допустил «две неточности»: во-первых, приписал Диогену то, что относится к Антисфену, и, во-вторых, что он «сместил историческую перспективу»: «ведь „действие“ солнца на небе в течение тысячелетий убеждало людей в том, что оно вращается вокруг неподвижной земли. Потребовалась огромная работа ума для понимания действительного положения вещей»; лишь «в процессе осуществления своего замысла Пушкин эти неточности устранил». (Гл. Глебов. Философская эпиграмма Пушкина. «Временник Пушкинской комиссии», т. 3, М.—Л., 1937, стр. 400). Отметим со своей стороны, что в окончательном тексте «Движения» нет никакого исторического колорита, и это, по нашему мнению, лишний раз свидетельствует об интересе Пушкина к существу проблемы, а не к легендарно-анекдотическим подробностям из истории ее научной разработки. Единственная живописная деталь во всем тексте «Движения», которая могла бы быть истолкована как намек на историческое время, к которому относится воспроизводимый в нем философский анекдот, — это эпитет, которым Пушкин наделяет мудреца, не называя его по имени. Однако «мудрец брадатый» не обязательно должен был вызывать в представлении читателей образ древнегреческого философа (выразительные скульптурные изображения которых Пушкину были столь хорошо знакомы хотя бы по царскосельской «Камероновой галерее»).

рые можно получить о Зеноне в любой истории древнегреческой философии, всё же не могут дать нам никакого ответа на поставленный выше вопрос: почему «Движение» включено Пушкиным в эпиграмматический цикл и какие факты современной ему научно-философской мысли он имел в виду, посвящая свою эпиграмму данной проблеме.

Очень вероятно, что о Зеноне и о выдвинутых им доказательствах против движения Пушкин знал еще из лицейских лекций А. И. Галича,¹⁸ тем не менее мы предполагаем, что непосредственным поводом для возникновения эпиграммы «Движение» явилась статья В. Ф. Одоевского, напечатанная им в четвертой части альманаха «Мнемозина» под заглавием «Секта идеалистико-элеатическая» и представлявшая собой отрывок из задуманного им «Словаря истории философии».¹⁹

В. Ф. Одоевский дал в этой статье характеристику четырех философов-«досократиков» элейской школы — Ксенофана, Парменида, Мелисса и Зенона. Выбор этой школы, или «секты», как она именуется Одоевским, имел глубокий смысл в связи с увлечениями его в то время немецким философским идеализмом, в частности Шеллингом. Одоевский и сам подчеркнул в своей статье, что элейцы и пифагорейская школа явились предтечами Платона, породили некоторые позднейшие философские системы и, наконец, «были основанием теории многих новейших мыслителей, далеко оставивших за собою все усилия прежде бывшихлюбомудров».²⁰ «Элеатику-метафизику» Зенону Одоевский посвятил заключительный раздел своей статьи.

Считая Зенона «явлением весьма достопримечательным в летописях ума человеческого», Одоевский дал следующую оценку его учению: «Зенон не составил никакой особенной системы; его целию было поддержать мнения Парменидовы, доказать, что опытность имеет множество различных сторон, из коих каждая может быть справедлива и несправедлива, и что следственно опытность ведет к заблуждениям; наконец, что одно умозрение может довести нас до истины».²¹

Таким образом, усматривая в элейской школе и, в частности, в положениях Зенона «основание» «теории многих новейших мыслителей», Одоевский, несомненно, имел в виду Шеллинга и его ранних русских ревнителей; характеристика идеалистической элейской школы, Парменида и Зенона делалась Одоевским в «Мнемозине» прежде всего для подкрепления тех положений «новейших мыслителей», которые он считал в то время справедливыми и бесспорными.²²

¹⁸ А. И. Галич посвятил четыре страницы своей «Истории философских систем» (кн. 1, СПб., 1818) «идеалистическому училищу первых элеатиков» (стр. 50—54), особое внимание уделив именно Зенону (стр. 52—54). Характерно, однако, что Галич далек от каких-либо восхвалений этого философа; он считает, что Зенон «довершил расторженность, открывшуюся между познаниями смысла и чувств», так как он «противопоставлял друг другу смысл и опыт (наипаче касательно движения...)». Имея в виду прежде всего аргументы Зенона против движения и пространства, Галич был убежден, что они имели отрицательное значение для последующего развития философской мысли: «...воздвигая, утверждая и опровергая противоречивые положения, запутывал он разум в собственные свои хитросплетения, оглушал слушателей, не научая ничему, рассеивал молву о необычайной крепости своего ума, и, соделавшись, таким образом, с одной стороны, изобретателем скептики и софистики, вынуждал, с другой, диалектику, — искусство словопрения, развязывающее хитросплетенные узлы» (стр. 52—53).

¹⁹ «Мнемозина», ч. IV, 1825, стр. 160—192.

²⁰ Там же, стр. 169—170.

²¹ Там же, стр. 187, 189.

²² Впоследствии, более тридцати лет спустя, в предисловии к своим «Русским ночам», написанным около 1860 года, Одоевский вспоминал о своей «юношеской самонадеянности», которой «представлялось доступным исследовать каждую философскую систему

Характерно, что в той же четвертой книжке «Мнемозины», где была напечатана указанная статья В. Ф. Одоевского, М. Г. Павлов (скрывшийся за двумя греческими буквами π. π.) напечатал свою статью «О способах исследования природы». Это была его первая большая статья натур-философского содержания, в которой он защищал «умозрение» против «эмпириков». «... Природа, — писал здесь М. Г. Павлов, — исследуется двумя способами: аналитическим — эмпирическим и синтетическим — умозрительным. По первому способу во главу угла полагается опыт, и на нем зиждется всё знание; по второму — умозрение; по первому от явлений восходят к началам, по второму от начал к явлениям. Совокупность сведений, первым способом приобретенных, называется эмпирическими, а вторым — умозрительными естественными науками».²³ Вся статья М. Г. Павлова и направлена против эмпиризма. «... Эмпирия от окружности устремляется к центру на удачу; умозрение от центра поступает к окружности на верное»; по его мнению, эмпирические науки обогатили наше знание, но мы всё еще не знаем, что такое электричество, гальванизм, магнетизм и т. д. «Опыт может доводить до открытий, но до знания оных никогда»; теории эмпириков беспрерывно сменяются одна другою (например, теория горения), но в конце концов они не что иное, как старая и новая ложь.²⁴

Разбор философских учений элейской школы, представленный Одоевским в «Мнемозине», сделан ради защиты тех же положений, что и у Павлова; именно эти положения и составляют ее существо. Поэтому аргументы Зенона против движения и пространства изложены Одоевским с очень ясно выраженной тенденцией. «Силлогизмы» и «апоории» Зенона Одоевский изложил, опираясь на некоторые новейшие немецкие источники, и придал им прежде всего полемический смысл. Зенон, по словам Одоевского, «явился на сцену в то время, когда все были вооружены против элеатиков за их недоверчивость к чувствам. Парменидовой идее об единстве противуполагали многообразliche предметов, утверждаемое опытностью; опровержению движения — противупоставлялось беспрестанное изменение предметов, ощущаемое чувствами. Зенон решился поразить противников их же собственным оружием: рассуждая о каком-либо предмете, он как бы брал сторону своего соперника, развивал его собственную мысль и доводил ее — до нелепости». С этой точки зрения Одоевский изложил и некоторые силлогизмы Зенона, «которыми он приводил в затруднение защитников опытности». В частности, одно из пяти зеноновых «опровержений движения» имеет у Одоевского следующий вид: «Положим, что пущенная стрела движется; но в каждое мгновение она находится в пространстве, ей равном; следственно, она в сем пространстве находится в покое; следственно, она каждое мгновение находится в покое и в движении, что невозможно».²⁵

порознь (в виде философского словаря)... и потом все эти системы свести в огромную драму, где бы действующими лицами были все философы от элеатов до Шеллинга...» (П. Н. Сакулин. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 2. М., 1913, стр. 215—216). Статья его «Секта идеалистико-элеатическая» и была первым фрагментом этого юношеского замысла; в другом месте своей работы П. Н. Сакулин предположил, что статья Одоевского примыкала «к подобным же статьям Давыдова по истории древней философии» (т. I, ч. 1, 1913, стр. 141).

²³ «Мнемозина», ч. IV, стр. 8—9.

²⁴ Там же, стр. 30, 32, 33.

²⁵ Там же, стр. 187, 188. — Ср. изложение этого аргумента (именуемого «Стрела») у А. Галича: «Каждое движущееся тело во всякое данное мгновение находится в равном ему пространстве, и потому в каждое мгновение — в покое. Если бы оно действительно двигалось, то в каждое данное мгновение было бы и в покое и в движении, что нелепо...» (История философских систем, кн. 1, стр. 53—54).

Добавим ко всему сказанному, что ни в книге Галича, ни в статье Одоевского анекдот о наглядных возражениях Антисфена (или, как указывали прежде, Диогена) «апориям» (аргументам) Зенона Элейского не указывается; следовательно, Пушкин нашел его в другом источнике, скорее всего французском, на что указывает и французский язык его заметки-концепта, послужившей ему материалом для эпиграммы «Движение». Такой источник может быть в настоящее время указан: им, несомненно, являлась большая статья «Зенон» в «Историческом и критическом словаре» Пьера Бейля, столь хорошо известном Пушкину: шестнадцатитомное переиздание этого знаменитого словаря 1820—1824 годов сохранилось в библиотеке Пушкина.²⁶ Между прочим, на словарь Бейля, как на один из источников своих сведений об «элеатах» и, в частности, о Зеноне, ссылается и Одоевский в «Мнемозине», относясь, впрочем, довольно критически к этому французскому рационалисту и скептику XVII века.²⁷

Статья о Зеноне Элейском в том издании «Словаря» Бейля, которым располагал Пушкин, находится в пятнадцатом томе.²⁸ Она представляет собой серьезное и чрезвычайно широко документированное историко-философское исследование; мы находим здесь и свод данных о жизни Зенона, именуемого «одним из важнейших философов древности», и подробное изложение его учения на основании критического сопоставления различных источников, и всю историю истолкования этого учения от философов древности до современных Бейлю европейских ученых, философов, физиков и математиков. Значительное место статья Бейля уделяет также изложению всех аргументов Зенона против движения и всех позднейших, этими аргументами порожденных, ученых споров. Внимание Пушкина должен был особенно привлечь тот отдел этой статьи (стр. 57—59), в котором Бейль, широко привлекая разнообразие материалы из древних и новых авторов, доказывает следующее положение: «*Ответ, подобный данному Диогеном, более софистичен, чем доводы нашего Зенона*». Повидимому, именно на основании данного раздела указанной статьи Пушкин и составил свою уже приводившуюся выше французскую заметку, послужившую основанием для эпиграммы «Движение». Однако эта заметка не является выпиской из статьи Бейля в точном смысле этого слова, но заметкой-концептом, передающей самую суть заинтересовавших Пушкина страниц, хотя все же удерживающей также дословно и некоторые формулировки французского оригинала. Слишком обильные и мелочные подробности, в которые входил Бейль и во всей статье, и в данном ее разделе, Пушкину не были нужны: он вкратце изложил древний анекдот о наглядном, но безмолвном возражении Зенону (приведенный Бейлем во всех кратких и распространенных вариантах по всем доступным ему источникам в греческих текстах и латинских переводах)²⁹ и, кроме того, принял доказательства Бейля относи-

²⁶ Pierre Bayle. Dictionnaire historique et critique, t. I—XVI. Nouvelle édition, Paris, 1820—1824, 8° (Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 154, № 586). — Для дальнейшего изложения мы пользовались экземпляром этой книги, принадлежавшим Пушкину и хранящимся в ИРЛИ АН СССР в Ленинграде. Никаких помет или отчеркиваний книга не имеет.

²⁷ «Мнемозина», ч. IV, стр. 189.

²⁸ Pierre Bayle. Dictionnaire historique et critique, t. XV, 1820, стр. 30—60.

²⁹ Бейль приводит самую краткую редакцию этого рассказа из «Жизни философов» Диогена Лаэртца, позднего греческого философа и историка конца II и начала III века н. э., и более распространенные варианты из знаменитого трактата Секста Эмпирика. греческого философа, астронома и врача начала III века н. э., «Пирроновские основоположения» (Πυρρονεία ὑποτύψεις, в 3 книгах), который содержал в себе критику

тельно того, что Диоген-циник по хронологическим соображениям не мог быть оппонентом Зенона, которого различные авторы смешивали с другим, более поздним греческим философом, Зеноном-эпикурейцем.³⁰ Этим, повидимому, и объясняется то, что в тексте эпиграммы «Движение» не названы по именам ни оппонент Зенона Элейского («другой смолчал»), ни он сам («мудрец брадатый»), тогда как в заметке-концепте имя Диогена еще присутствует.

В подлинном тексте заметки Пушкина (перевод ее дан выше) говорится:

„On a admiré le [Phi <losophe>] Cynique qui marcha devant celui qui niait le mouvement — le soleil fait tous les jours la même chose que Diogène, mais ne persuade personne“.³¹

В „Словаре Бейля“ (стр. 58):

Ils <les auteurs modernes ont nommé le philosophe qui niait le mouvement, ils ont embelli les circonstances de la réponse pratique, ils en ont fait la matière des chrées actives à l'usage des jeunes rhétoriciens. Je m'étonne que Sextus Empiricus n'ait daigné nommer celui qui réfuta de la sorte les objections contre l'existence du mouvement. Ce qu'il a dit de moins vague est qu'un cynique se servit de cette manière de les réfuter:... „Ideòque cùm proposita esset philosopho oratio motum negans, tacitus ambulare coepit“ (Sextus Empiricus. Pyrrhon. Hypotypos., lib. II, cap. XXII, page 104). Dans un autre endroit il s'exprime ainsi:... „Ideòque quidam ex cynicis, cùm ei proposita esset contra motum oratio, nihil respondit; sed surgens ambulare coepit, opere et actu ostendens existere motum“ (Idem, ibidem, lib. III, cap. VIII, page 124)“.³²

И далее (стр. 59): „Qui qu'il en soit, la réponse de Diogène le cynique au philosophe qui niait le mouvement est le sophisme que les logiciens appellent *ignorationem elenchi*. C'était sortir de l'état de la question: car ce philosophe ne rejetait pas le mouvement apparent, il ne

догматизма в логике, физике и этике, складывающаяся в целую систему скептических воззрений, а также из сочинений еще более поздних писателей, в частности португальских иезуитов и испанских схоластиков, комментаторов «Физики» Аристотеля.

³⁰ «Лучше не называть никого, чем уверять, что Диоген-циник и Зенон Элейский были действующими лицами этого рассказа», — пишет, между прочим, Бейль (т. XV, стр. 58). Статья о Зеноне — «эпикурейском философе» помещена в «Словаре» непосредственно вслед за статьей о Зеноне Элейском (т. XV, стр. 60—67). Этого Зенона-стоика или эпикурейца Пушкин хорошо знал еще в лицейские годы, как это видно из его «Послания Лиде» (1816). М. М. Покровский полагает, что знакомству с циниками и стоиками Пушкин в те годы был обязан прежде всего лекциям Куницына (Временник Пушкинской комиссии, т. 4—5, 1939, стр. 30—31).

³¹ Приводим текст по сверке с автографом, хранящимся в ИРЛИ (ф. 244, оп. 1, № 77), так как в большинстве существующих публикаций этой заметки она приводится с мелкими неточностями. В сборнике «Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты» (М.—Л., 1935, стр. 496—497) неточность допущена в транскрипции имени Диогена: Dioguène (sic) вместо Diogène; только так Пушкин и мог написать это имя, которое в автографе написано неотчетливо.

³² «Они <новейшие писатели> назвали философа, который отрицал движение; они украсили обстоятельство его практического ответа; они сделали его материалом для хрип. пригодных для употребления молодых риториков. Я удивляюсь, что Секст Эмпирик не соблаговолил назвать того, кто опроверг подобным образом возражения против существования движения. То, что он сказал менее неопределенного, сводится к тому, что один циник воспользовался данным способом, чтобы их опровергнуть: ... „И потому, как рассказывают, был философ, который в опровержение речи против движения безмолвно начал ходить“. В другом месте он <Секст Эмпирик> выражается так: „... и потому некто из циников, которым предложена была речь против движения, не ответил ничего; но поднявшись начал ходить, самым делом и действием показывая существование движения“».

niait pas qu'il ne semble à l'homme qu'il y a du mouvement; mais il soutenait que réellement rien ne se meut, et il le prouvait par des raisons très-subtiles et tout-à-fait embarrassantes".³³

Сопоставление пушкинской заметки с ее первоисточником приводит к нескольким существенным выводам. Заметка наглядно демонстрирует начальный момент в развитии творческого замысла «Движения»: лаконичная запись-концепт удерживала для памяти основное зерно будущей эпиграммы. Пушкин не только записал для себя суть аргументации Бейля в пользу Зенона и против его древнего оппонента, но и придумал сам очень удачный пример той логической ошибки, которую Бейль определил термином «ignotatio elenchi». Пример с Галилеем у Бейля отсутствует, он избран самим Пушкиным, быть может, по ассоциативной связи с теми источниками (лицейская эпиграмма Илличевского, стихотворение Ломоносова и «замысловатая повесть» в «Письмовнике» Курганова), которые он знал раньше; этот пример заместил собою тот, который приводит Бейль в заключительной части того же раздела своей статьи³⁴ и который был отброшен Пушкиным, как значительно менее удачный и выразительный.

Таким образом, весь процесс создания «Движения» представляется нам в следующем виде. Пушкин прочел в Михайловском свежую четвертую книжку «Мнемозины» со статьей В. Ф. Одоевского,³⁵ с которым он в то время еще лично не был знаком,³⁶ но который уже интересовал его как создатель (совместно с В. К. Кюхельбекером) популярного альманаха. Не согласившись ни с общей идеалистической направленностью статьи Одоевского, ни с данной в ней интерпретацией «аргументов» Зенона, Пушкин заглянул в указанный Одоевским «Исторический и критический словарь» Бейля: здесь нашелся и анекдот о «безмолвном оппоненте» Зенона, и критика логической ошибочности и беспомощности опровержения одного из важнейших аргументов Зенона, которую Пушкин принял, подкрепив самостоятельно избранным примером. Вся проблема о «возможности»

³³ «Как бы там ни было, ответ Диогена-диника философу, отрицавшему движение, является софизмом того рода, который логики называют *ignotatio elenchi*. Это означало выйти за пределы вопроса, потому что философ не отбрасывал видимость движения; он не отрицал, что человеку кажется, что движение существует, он утверждал лишь, что в действительности ничто не движется, и он доказывал это доводами очень хитроумными и повергающими в полное смущение».

³⁴ Pierre Bayle, t. XV, стр. 60. — Имеем в виду то место, где Бейль рассказывает о софисте Диодоре, «который не был в состоянии смеяться, когда на него нападали с лукавой иронией за то, что в своих лекциях он отрицал существование движения...». Нижеследующие строки Бейля могли Пушкину внушить четвертый стих его «Движения» («Хвалили все ответ замысловатый...»): «Из всего этого следует, что ответ Диогена был софистическим, хотя он и способен был вызвать аплодисменты всей компании. Этот ответ был издевательским, но я думаю также, что философ, заинтересованный его существованием, мог лишь отнестись к нему с презрением» (стр. 60).

³⁵ Хотя цензурное разрешение этой части «Мнемозины» датировано 13 октября 1824 года, но книга вышла в свет с запозданием на целый год — между первым и двадцатым октября 1825 года (Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837. Изд. 2-е, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 30—31; М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. Изд. Академии Наук СССР, М., 1951, стр. 641—642). В этой же книжке «Мнемозины» впервые напечатано стихотворение Пушкина «К морю», и его имя упомянуто еще несколько раз, в частности в апологе Одоевского «Новый демон». Стихотворение Пушкина «Движение» до сих пор датируется очень неопределенно — между январем и ноябрем 1825 года (М. А. Цявловский. Летопись..., стр. 563). Если справедливо наше предположение, что непосредственным поводом для его возникновения явилась статья Одоевского, то «Движение» следует датировать более точно: между серединой октября и ноябрем 1825 года, — иными словами, вскоре после получения Пушкиным «Мнемозины».

³⁶ Н. В. Измайлов. Пушкин и кн. В. Ф. Одоевский. Сборник «Пушкин в мировой литературе», Л., 1926, стр. 290.

или «невозможности» движения осветилась для Пушкина совсем с другой стороны. Это и послужило поводом для создания эпиграммы «Движение», направленной прежде всего против идеалистической концепции Одоевского и защищаемых им теорий новейших «умозрителей», опровергавших «опытность» как метод познания мира.

С точки зрения Одоевского, Зенон своими доказательствами «приводил в затруднение защитников опытности»; в частности, парадокс о покое летящей стрелы казался ему хитроумным софизмом, в котором с издевательской целью доводились до явной бессмыслицы собственные аргументы противников древнего философа — ионийских эмпириков. Это была, так сказать, компрометация эмпиризма на самой заре европейской науки, как полагал Одоевский вместе со многими другими философами-идеалистами своего времени, опиравшимися на парадоксы Зенона для доказательства непознаваемости вселенной и действующих в ней сил. Пушкин не разделял подобных воззрений, и его «Движение» намечает другой путь подхода к апориям Зенона, достигая при этом удивительной глубины и теснейшим образом соприкасаясь с важнейшими проблемами теории познания.

Философская оценка этого древнего спора, изложенного уже в шестой книге «Физики» Аристотеля (которая и сохранила нам «аргументы» Зенона вместе с возражениями на них), и в новейшее время приводила к резким разногласиям среди европейских мыслителей. Помимо Пьера Бейля, статью которого о Зеноне (пытавшуюся взять под защиту его положения против Аристотеля), как мы видели, читал Пушкин, свои доводы за и против Зенона и свои замечания о сущности понятия движения делали Декарт, Локк и Лейбниц, Кант, Герbart и Гегель и многие другие философы, а также теоретики в различных областях знания.

В 20—30-е годы XIX века интерес к аргументам Зенона обновился. Заново Гегель уделил Зенону внимание в своих знаменитых «Лекциях по истории философии», где заявил, в частности, что «зенонова диалектика материи доньше не опровергнута». ³⁷ В. Кузену, посвятившему особую работу элейцам, приписывают обоснование исторического взгляда на Зенона; с точки зрения этого французского философа, Зенон не был ни «скептиком», ни «софистом» и вовсе не стремился к тому, чтобы довести понятие движения «до абсурда»: его аргументы носили конструктивный, а не полемический характер. ³⁸ Следовательно, проблема была как раз в это время весьма актуальной, тем более, что с ее решением весьма тесно связывались и новейшие астрономические теории, и разработка важнейших

³⁷ G. W. F. Hegel's Vorlesungen über Geschichte der Philosophie, hrsg. von D. Karl Ludwig Michelet, Erster Band, Berlin, 1833; о Зеноне см. здесь, стр. 302—307; на стр. 309 Гегель утверждает, что у Зенона мы находим «действительно объективную диалектику» («die wahrhaft objective Dialektik»); на стр. 314 приведен анекдот о наглядных, хотя и безмолвных возражениях Зенону «циника Диогена из Синопа». Хотя эти знаменитые «Лекции» Гегеля впервые напечатаны в цитируемом издании 1833 года, но, как известно, многие их положения были широко известны еще до этого времени.

³⁸ Victor Cousin. Nouveaux fragmens philosophiques. Paris, 1828. — Зенону Элейскому посвящен здесь отдельный очерк (стр. 96—150), в котором, в частности, подробно изложены его аргументы против движения (стр. 119—127), а также критика их в последующей европейской философской мысли. Кузен отмечает «превосходную» статью о Зеноне Пьера Бейля, но с особенной похвалой отзывается о Канте, который в «Критике чистого разума» первый признал объективную философскую ценность аргументов Зенона; особые страницы посвящены Кузену вопросу о понимании учения Зенона немецкими философами-идеалистами конца XVIII—начала XIX века, среди которых он пользовался известной популярностью. Отметим, со своей стороны, что в год написания Пушкиным «Движения» в Марбурге вышла новая работа о тех же аргументах Зенона: L. Gerling. De Zenonis Eleatici paralogismis motum spectantibus. Marburgi, 1825.

математических задач, и обоснование механики как теоретической дисциплины. Вопросы диалектики научных понятий приобретали особый смысл и занимали не только философов, но и ученых разных специальностей и широкие читательские круги. Интересное подтверждение этому мы находим, например, в письме Ф. П. Фонтона, знакомого Пушкина, Дельвига и Баратынского, написанном им в 1829 году из лагеря действующей Дунайской армии: «Астроном Гершель утверждает, что в солнце не жарко, и что солнечные лучи, то есть сияющая атмосфера солнца, производит теплоту, только когда падают на средину, их унимающую <т. е. на воспринимающую их среду>...»

«С другой стороны, многие философы доказывают, что все явления природы, показывающиеся нам противоположными, как-то шум и тишина, движение и покой, свет и темнота, жар и холод, суть только относительные понятия.

«Хотел бы я, однако же, господина Гершеля и этих философов пустить под мою палатку, они бы скоро убедились, что солнце греет, и что жар не есть холод».³⁹

Таков был житейский аргумент, противопоставлявший личный опыт теориям «умозрителей», по существу своему близко соответствовавший безмолвному хождению Антисфена перед философствовавшим Зеноном. Но дело в том, что Пушкин в своем «Движении» пошел дальше и аргументации Антисфена и ее защитников и хулителей в новой европейской философии, прекрасно понимая, что следовало вести речь о *сущности* и *определении* движения, а не о его *видимости*.

К этому, вообще говоря, и сводились в основном дальнейшие споры вокруг данной проблемы, так как она не перестала привлекать к себе ученое внимание и в то же время вызывать новые разногласия. В XIX веке эта проблема породила огромную философскую литературу, в том числе и на русском языке. Характерно, однако, что лишь в немногих русских работах, посвященных данному вопросу, не была забыта эпиграмма Пушкина;⁴⁰ впрочем, и в специальной пушкинской литературе еще недостаточно было подчеркнута, что в истории спора о «движении» как научном понятии Пушкин занял самостоятельную позицию, сумев близко подойти к важнейшим гносеологическим выводам.

Еще в конце XIX века многие историки философской мысли, возвращаясь к аргументам Зенона, утверждали, что его апории основаны на разногласии между мышлением и чувственным восприятием и что он злоупотребил первым в ущерб второму. Время и пространство, утверждали они, — непрерывные величины, и только мышление делает их суммой отдельных моментов и точек; отсюда они приходили к неравномерному выводу, что мышление является несовершенным орудием для понимания действительности. Вопросы о том, можно ли путем логического конструирования достичь понятия непрерывной величины, отправляясь от понятия величины прерывной, внушенного нам непосредственным чувственным

³⁹ Ф. П. Фонтон. Воспоминания, т. II. Лейпциг, 1862, стр. 37.

⁴⁰ С. А. Богомолов. Аргументы Зенона Элейского при свете учения об актуальной бесконечности. ЖМНПр., 1915, апрель, стр. 327. — Из более старой русской литературы по этому вопросу см.: В. П. Сватковский. Парадокс Зенона о летящей стреле. ЖМНПр., 1888, № 4, стр. 203—239; Н. Х. Херсонский. У истоков теории познания (По поводу аргументов Зенона против движения). ЖМНПр., 1911, № 8, стр. 207—221; М. И. Мандес. Элеаты. Филологические разыскания в области истории греческой философии. «Записки имп. Новороссийского университета историко-филологического факультета», вып. IV, Одесса, 1911 (гл. III «Зенон и его софизмы», стр. 198—244) и др.

восприятием времени и пространства, и отвлекаясь от него, составляли спорную проблему логики, математики и других наук.⁴¹ Еще в первой работе Анри Бергсона (1888), оказавшей столь решительное воздействие на развитие идеалистических концепций в точных и экспериментальных науках на рубеже XIX—XX веков, аргументы Зенона возрождались вновь для обоснования метафизических воззрений на движение и материю. С точки зрения Бергсона, аргументы Зенона произошли из смешения понятий о движении и пространстве; однако он считал также, что подобное смешение свойственно было не только греческим философам, так как, по его мнению, «и в наши дни его постоянно делают в самой науке о движении, механике, и в науке, от нее зависящей, астрономии... Движение, которое изучает механика, есть лишь сопоставление точек пространства. Физик и астроном работают лишь над неподвижностью»; между тем «нельзя наблюдать движение в неподвижности, равно как нельзя пространство обратить во время».⁴²

Марксистская история философии думает об этом иначе. В заслугу Зенона она вменяет то, что ему удалось указать на реальную противоречивость пространства и движения, но считает бесспорным, что он не сумел выразить эту противоречивость в логике понятий. Именно к такому выводу пришел В. И. Ленин, конспектируя лекции Гегеля по истории философии. Как известно, Гегель цитирует здесь и Аристотеля и статью о Зеноне в «Словаре» Бэйля. По этому поводу В. И. Ленин замечает в своем конспекте: «Неправ Иберверг-Гейнце, 10 изд., стр. 63 (§ 20), говоря, что Гегель „защищает против Бэйля Аристотеля“. Гегель опровергает и скептика (Бэйля) и антидиалектика (Аристотеля)».⁴³

Сочувственно цитирует В. И. Ленин следующие слова Гегеля: «Сущность времени и пространства есть движение потому, что оно всеобщее; понять его, значит высказать его сущность в форме понятия». На полях Ленин отметил: «Верно!».⁴⁴ К словам Гегеля «Движение само есть диалектика всего сущего», развивая эту мысль, Ленин пишет: «Зенон и не думал отрицать движение, как — „чувственную достоверность“, вопрос стоял лишь „об его (движения) истинности“ (об истинности движения)». На следующей странице, сделав выписку из того места «Лекций» Гегеля, где идет речь об анекдоте о Диогене, хоббой опровергавшем отрицание Зенона, Ленин пишет: «NB. Сие можно и должно обернуть: вопрос не о том, есть-ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий».⁴⁵

Эти слова могут служить лучшим комментарием к стихотворению Пушкина. Именно на такую мысль и наводит его «Движение», хотя она и не высказана здесь в прямой форме. Для нас чрезвычайно существенно подчеркнуть, что для Пушкина определение того, что такое движение, было не вопросом абстрагирующей логической мысли, но теснейшим образом связывалось с конкретными проблемами научного познания. Отсюда его смелое и неожиданно смещающее историческую перспективу в указанном стихотворении сопоставление античной контрверзы с одним из важнейших открытий

⁴¹ F. Cajori. History of Zenon's Arguments against Motion. 1915; A. Koyré. Bemerkungen zu den Zenonischen Paradoxien. «Jahrbuch für Philosophie», 1922; Bd. 5; Heiss. Logik der Widerspruch, 1932; W. Sessa n n. Die logischen Gesetze und das Sein, «Eranos», Bd. II, Kaunas, 1932.

⁴² H. Bergson. Essai sur les données immédiates de la conscience. Paris, 1888, стр. 86.

⁴³ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 241.

⁴⁴ Там же, стр. 241.

⁴⁵ Там же, стр. 240.

нового времени о строении вселенной; глубоко серьезный и принципиальный характер проблемы подчеркнут здесь также и тем, что юмористическому бытовому колориту античного философского анекдота во второй половине стихотворения противостоит напоминание о полной драматизма истории «упрямого» Галилея. Поэтому, несмотря на свой лаконизм, «Движение» Пушкина воспроизводит, в сущности, в характерных образах и примерах целую историю европейской науки в наиболее важные этапы ее развития от древней Греции до итальянского Возрождения, намечает будущую научную проблематику, ставит один из самых существенных вопросов гносеологии. Естественно при этом, что, задуманное как «эпиграмма», как злободневный отклик на чтение современных ему русских книг, «Движение» выходит за пределы своего первоначального задания и превращается в один из шедевров русской философской лирики.

Когда в стихотворении, написанном к двадцать пятой лицейской годовщине («Была пора: наш праздник молодой...», 1836), оглядываясь на прожитую четверть века на фоне бурных событий европейской истории, Пушкин напоминал друзьям «судьбы закон», неумолимо изменяющий их вместе со всем окружающим миром, он в последний раз вспомнил об утверждениях «упрямого Галилея» и контрверзе о движении, смело и почти эпиграмматически применив их к нравственной сфере:

Вращается весь мир вокруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

(III, 431)

4

Время, в которое жил Пушкин, являлось эпохой, когда передовая научная мысль в России, вопреки тяжелым условиям, в которые поставлено было просвещение, работала напряженно и достигала замечательных результатов в самых разнообразных областях знания. В 20—30-е годы XIX века все научные дисциплины — от чистой и прикладной математики до наук экспериментальных и технических — находились в России в непрерывном движении и быстро развивались. Выдающиеся научные открытия и технические изобретения, подлинное значение которых в ряде случаев могло быть определено лишь значительно позже, следовали одно за другим, привлекая к себе внимание и любопытство широких общественных кругов.

Самостоятельное и важное значение получала у нас в это время большая программа математических исследований, охватывавшая все отрасли от теории чисел до науки о движении земных океанов и планет. Русские математики 20—30-х годов, продолжатели прославленных трудов Леонарда Эйлера, выполненных и оцененных в России в XVIII веке, пошли новыми и самобытными путями и в геометрии, и в анализе, и в разнообразных их приложениях к физике и механике. Именно в 20-е годы Н. И. Лобачевским заложены были начала новой неевклидовой геометрии, доказавшей «возможность существования ряда пространств, свойства которых отличаются от нашего, евклидоваго пространства», и в то же время позволившей «впервые установить, что геометрия является по существу экспериментальной наукой, и из всех экспериментальных наук наиболее точной».¹ В те же самые годы у нас были открыты и доказаны важнейшие теоремы, играющие столь важную роль в математической физике, — в гидродинамике, теории тепла, электричестве,

¹ Академик П. П. Лазарев. Очерки истории русской науки. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 20, 18.

магнетизме; таково было, например, «знаменитое преобразование тройного интеграла в двойной», открытое М. В. Остроградским в 1828 и опубликованное в 1831 году.² Тогда же значительные успехи достигнуты были в звездной астрономии, в астрономическо-геодезических работах. Выдающийся русский астроном В. Я. Струве (род. в 1793 г.), сверстник Лобачевского и Пушкина, в 1819 году задумал измерить дугу меридиана, включая наиболее северные части земного шара; эти работы, несмотря на большие трудности, в основном были им завершены уже к осени 1827 года. Это было «наиболее полное из всех измерений, сделанных к тому времени в странах Западной Европы, давшее очень ценные данные для суждения о форме нашей земли».³ Уже в 1827 году В. Я. Струве, как свидетельствовал отчет петербургской Академии Наук, «представил публике, как первый плод своих наблюдений посредством Фраунгоферова телескопа, роспись 3112 двойных звезд, из коих 2392 были до того времени неизвестны»,⁴ а в 1835 году приступил к определениям звездных расстояний, требовавшим сложных вычислений, самая методика которых была еще делом новым и недостаточно разработанным. В том же направлении работал и другой видный русский астроном тех же лет И. М. Симонов, участник антарктической экспедиции на шлюпе «Восток», книга которого «Астрономические и физические наблюдения, сделанные во время плавания в Южный Ледовитый океан», вышла в свет в Петербурге в 1828 году.⁵

Значительные успехи достигнуты были у нас тогда же и в области физики. Открытые в 1820 году Эрстедом явления электромагнетизма и последующие знаменитые работы Фарадея по электромагнитной индукции закладывали основания для первых изысканий об электрических машинах и тотчас же были подхвачены и развиты далее русскими физиками. Если изыскания Фарадея по электромагнитной индукции датируются 1831 годом, то уже 29 ноября 1833 года академик Э. Х. Ленц в докладе петербургской Академии Наук сообщил о своем открытии «принципа обратимости процессов электромагнитного вращения и электромагнитной индукции»,⁶ а к 1834 году относятся первые известия об изобретенном Б. С. Якоби электродвигателе.⁷ К концу 20-х годов относится изобретение П. Л. Шиллингом электромагнитного телеграфа, а в 1832 году первый сконструированный им аппарат такого рода уже показывался в Петербурге в действии всем желающим.⁸

Нетрудно было бы указать и на ряд других аналогичных фактов, неоспоримо свидетельствующих о силе и размахе научной мысли и технико-изобретательской деятельности русских ученых, являвшихся современниками Пушкина, однако не это является нашей задачей. Нас в данном случае интересует

² П. П. Лазарев (Очерки истории русской науки, стр. 16) заимствует эти даты из знаменитого трактата по электричеству и магнетизму Максвелла (v. I, Oxford, 1871, стр. 117), где говорится, что «эта теорема, повидимому, была в первый раз дана Остроградским в статье, прочитанной в 1828 году в <петербургской> Академии Наук и опубликованной в 1831 году».

³ П. П. Лазарев. *Очерки истории русской науки*, стр. 20; А. Любарский. *Свет русской науки. *Очерки**. Таллин, 1952, стр. 127—128.

⁴ Отчет имп. Санктпетербургской Академии Наук за 1834 год, читанный в публичном заседании сной 29 декабря 1834 года. *ЖМНПр.*, 1835, март, отд. III, стр. 517—518.

⁵ В своей речи «О явлениях звездного неба и о важнейших астрономических открытиях» (*ЖМНПр.*, 1835, август, стр. 236—275) И. М. Симонов говорил и об исследованиях отечественных ученых в области астрономии, в частности об открытиях В. Я. Струве (стр. 265).

⁶ Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук СССР, посвященное истории отечественной науки. М.—Л., 1949, стр. 228—231.

⁷ Там же, стр. 231—232.

⁸ Там же, стр. 204.

другой вопрос: мог ли Пушкин и ближайшие его сверстники и друзья равнодушно пройти мимо всей той усиленной и блестящей по своим результатам умственной деятельности, основные события которой развертывались на его глазах? Результаты эти были столь очевидны и даже наглядны, что не заметить их, не попытаться связать их вместе и определить их причины и следствия было невозможно.

Сведения обо всех названных выше и многих других исследованиях, открытиях или изобретениях во всех областях науки и практических их применениях в интересующие нас годы быстро распространялись в самых широких общественных кругах, освещались не только в специальной периодической печати (рост научных и научно-популярных периодических изданий составляет характерную особенность русской журналистики этой поры), но и в общих литературных журналах.

Все русские журналы 20—30-х годов уделяли место на своих страницах научно-популярным статьям и ученым известиям. Н. Полевой, приступая к изданию «Московского телеграфа», недаром, конечно, обращал внимание на то, «с какою ревностью стараются теперь везде о сближении и быстром обмене ученых открытий и литературных произведений»,⁹ и в дальнейшем помещал в своем журнале много статей и материалов научно-популярного характера, следуя совершенно энциклопедической программе, обнимавшей, как шутил А. А. Бестужев, решительно всё, «начиная от бесконечно малых в математике до пегушых гребешков в соусе или до бантиков на новомодных башмачках».¹⁰ Удельный вес особых научных отделов русских литературных журналов 20—30-х годов разных направлений постепенно, но неуклонно повышался; такие отделы были обязательными в каждом периодическом органе, принимая различную направленность лишь в соответствии со вкусами редакторов. В «Литературной газете» также был отдел «Ученые известия», в котором публиковались статьи и рецензии научно-популярного характера; отдел «Науки» в «Библиотеке для чтения» применялся к уровню среднего, преимущественно провинциального читателя, но все же открыл ему «целый мир технических, естественно-научных, отчасти исторических и этнографических знаний»;¹¹ «Телескоп» Надеждина уже своим названием подчеркивал свою органическую принадлежность к сфере научной мысли, инструментом которой он хотел быть.¹² Любопытно, что даже в альманахах пушкинской поры статьи научного, теоретического характера стали почти обязательными.¹³ Наконец, книги и статьи научного содержания рассматривались в литературно-критических обзорах в общем потоке литературной производительности за соответствующий период, и оценке их уделялось здесь порой довольно значительное место. Некоторые более проницательные критики пытались при этом, с полными к тому основаниями, усматривать общие тенденции в движении русской научной и литера-

⁹ «Московский телеграф», 1825, № 1, стр. 11.

¹⁰ «Полярная звезда» на 1825 год, стр. 22.

¹¹ Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I. Изд. Ленинградского Гос. университета, Л., 1950, стр. 329.

¹² В 1833 году в «Телескопе» появился специальный отдел — «Микроскоп», в котором говорилось «об ошибках и погрешностях в области естественных наук» (см. №№ 3, 7 и 9); этот отдел находился, повидимому, под наблюдением М. А. Максимовича (Очерки по истории журналистики и критики, т. I, стр. 354).

¹³ Этой традиции придерживался и Пушкин. Решив продолжать издание «Северных цветов» после смерти Дельвига, он через О. М. Сомова обращался к М. А. Максимовичу с особой просьбой прислать в альманах отрывок из его «вдохновенной ботаники». Когда Максимович откликнулся на призыв, Сомов писал ему: «Пушкин и я челом вам бьем за столь живую „Жизнь растений“, которая служит прелестным pendant некогда столь ярко блеснувшему цветку» («Русский архив», 1908, кн. III, стр. 265).

турно-художественной мысли. Так, И. В. Киреевский в своем «Обзрении русской словесности за 1829 год», помещенном в альманахе М. А. Максимова «Денница» (1830), статье, вызвавшей, по словам самого автора, комплиментарные отзывы Пушкина,¹⁴ пытался установить общую закономерность, сказавшуюся в направленности науки и литературы. Ему представлялось, что если «философия устремила свою деятельность на применение умозрений к действительности», если «математика остановилась в открытии общих законов и обратилась к частным приложениям, к сведению теории на существенность действительности», то и «поэзия... должна была также перейти в действительность...».¹⁵ В самом деле, становилось все более трудным отгораживать сферу собственно поэтического творчества не только от философских движений этой поры, но и от науки в более тесном смысле, включая сюда и область ее технических применений в практической жизни.

Не подлежит никакому сомнению, что Пушкин очень внимательно следил за развитием научной мысли своего времени и что из орбиты его наблюдений вовсе не исключались те научные отрасли, от которых он, казалось бы, должен был быть особенно далек по общему складу своих интересов. Однако в наших представлениях о круге этих интересов поэта до сих пор допускались искусственные и ничем не оправданные ограничения. На самом деле они были значительно шире и гораздо интенсивнее, чем предполагалось до сих пор. Впрочем, Пушкин и сам засвидетельствовал это несколько раз в ряде прямых и косвенных указаний, которые тем для нас интереснее, что от них протягиваются непосредственные нити к таким его произведениям или творческим опытам, которые получили еще недостаточно полное освещение в специальной пушкинской литературе или требуют новых толкований.

В 1830 году (в проекте предисловия к предполагавшемуся изданию восьмой и девятой глав «Евгения Онегина») Пушкин подчеркнул чрезвычайно быстрый рост научных знаний в различных областях, процесс их непрерывного, «каждодневого» обновления («... открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарились и каждый день заменяются другими...»; VI, 541). Что за этим процессом Пушкин следил по новым книгам и особенно журналам, он и сам рассказывал П. Б. Козловскому. «Он <Пушкин> говорил, — свидетельствует Козловский, — что иногда случалось ему читать в некоторых из наших журналов полезные статьи о науках естественных...».¹⁶ Когда Пушкин привлечен был к участию в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара, то он воздержался от этого только потому, что это предприятие оказалось в руках «воровской шайки» Греча и Сенковского,¹⁷ но самая идея издания «русского Conversation's Lexicon» встретила его одобрение: он считал подобный словарь книгой полезной и необходимой (XV, 155—156). Как известно, Пушкин был подписчиком этого издания, начавшего выходить в свет в 1835 году, и в его библиотеке сохранились первые четыре тома «Лексикона». Кстати сказать, естественно-научные и в особенности научно-технические части этой энциклопедии отличались довольно высоким уровнем благодаря тому, что в ней принимали участие видные русские ученые 30-х годов — астрономы, математики, физики, техники и т. д.

¹⁴ И. В. Киреевский, Полное собрание сочинений, т. 1, М., 1911, стр. 18. — Отзыв Пушкина об этой статье Киреевского см.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, 1949, стр. 103—109.

¹⁵ И. В. Киреевский, Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 19.

¹⁶ «Современник», 1837, т. VII, стр. 51.

¹⁷ «Литературный архив», т. 3, М.—Л., 1951, стр. 24—27.

В последнее десятилетие своей жизни, когда Пушкин принимал активное участие в журнальной деятельности, — особенно в период издания «Современника», — живой и деятельный интерес его к развитию отечественной науки и техники диктовался задачами, стоявшими перед всяким русским журналистом. Но возник этот интерес в более ранние годы, и мы вправе предположить, что немалую роль в этом отношении сыграли не только книжные воздействия, но и житейские впечатления, и прежде всего люди, с которыми Пушкин общался и которые могли поддержать и усилить у него внимание и любопытство к очень специальным отраслям физических знаний и технических изобретений того времени.

Среди подобных людей на одно из первых мест следует поставить П. А. Шиллинга, выдающегося деятеля на многих поприщах, прославившего свое имя как изобретателя электромагнитного телеграфа. Об этом изобретении много говорили в России в годы наибольшей близости Пушкина к П. А. Шиллингу, что и дает право думать, что Пушкин об этом изобретении знал и не мог не высказать о нем своих суждений. Аргументация этого умозаключения требует, однако, разнообразных биографических и хронологических справок, тем более, что вся история личных отношений Пушкина и Шиллинга имеет еще очень много темных мест.

Павла Львовича Шиллинга (1786—1837) хорошо знали в том кругу старшего поколения русских литераторов, к которому Пушкин стал близок по выходе из Лицея. Он был в приятельских отношениях с К. Н. Батюшковым, В. А. Жуковским, А. И. Тургеневым, П. А. Вяземским и др. Молодость свою Шиллинг провел на военной службе, участвовал в войне 1812—1814 годов и заграничных походах русских армий, был свидетелем вступления русских войск в Париж, жил затем некоторое время за границей, подготавливая, между прочим, открытие в Петербурге при министерстве иностранных дел русской литографии, и вернулся в Петербург осенью 1816 года с готовыми образцами литографической печати, первенцем которой, повидимому, был полный текст поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед».¹⁸ По этому поводу А. И. Тургенев писал А. Я. Булгакову в Москву (26 сентября 1816 года): «Объяви осторожнее Василью Л^ьвовичу Пушкину, но осторожнее, дабы ему от радости дурно не сделалось, что вчера явился ко мне Шиллинг из чужих краев и привез первый опыт литографический — и что же напечатано? Опасный сосед! Сам литограф челом бьет брату Константину...».¹⁹ Литография, организованная Шиллингом в Петербурге в 1816 году, быстро сделалась образцовым заведением и привлекла к себе большое внимание в довольно широких кругах. Представляется очень вероятным, что и Пушкин видел ее ранние «неофициальные издания» — крымские пейзажи, портреты русских исторических деятелей из собрания В. П. Кочубея, работы А. Г. Венецианова²⁰ и т. д. Первое достоверное известие о встрече Пушкина с Шиллингом относится, однако, к 1818 году: в конце ноября этого года оба они, в компании общих друзей, среди которых были Жуковский, Гнедич и Лунин, присутствовали на проводах К. Н. Батюшкова перед отъездом его в Италию.²¹ В начале 20-х годов это знакомство прервалось; пока Пушкин был в ссылке на юге, Шиллинг

¹⁸ А. Ф. Коростин. Начало литографии в России. 1816—1818. Изд. Гос. библиотеки имени В. И. Ленина, М., 1943, стр. 33—35, 78—79.

¹⁹ Письма Александра Тургенева Булгаковым. Редакция А. А. Сабурова. Соцэкгиз, М., 1939, стр. 151—152.

²⁰ А. Ф. Коростин. Начало литографии в России, стр. 89—96.

²¹ Остафьевский архив, т. I, СПб., 1899, стр. 150.

много странствовал за границей. Но в конце этого десятилетия знакомство их возобновилось и стало даже более близким. Пушкин и Шиллинг упомянуты П. А. Вяземским в письме от 21 мая 1828 года с приглашением устроить совместный пикник среди других предполагавшихся его участников — Алексея Оленина-младшего, Грибоедова, Киселева, С. Голицына и Мицкевича.²² Через несколько дней (25 мая) состоялась поездка Вяземского вместе с Пушкиным, Олениным и Шиллингом на пароходе в Кронштадт: это и было, повидимому, осуществление задуманного «пикника», состоявшееся, однако, уже в несколько иной компании.²³

Известно далее, что, когда в ноябре—декабре 1829 года П. А. Шиллинг деятельно готовился к экспедиции в Восточную Сибирь и Китай в сопровождении Иакинфа Бичурина, этого выдающегося русского синолога (которого Шиллинг вызволил из монастырской тюрьмы),²⁴ Пушкин просил отпустить его вместе с ними в дальние края. К концу 1829 года относится его отрывок, который толкуется обычно как обращение к обоим возможным его спутникам — Шиллингу и Иакинфу Бичурину:

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать...

(III, 1, 191)

Отказ Бенкендорфа на просьбу Пушкина был получен поэтом 17 января 1830 года (Пушкин, XIV, 58, 398). В «Записной книжке» Е. В. Путяты отмечено, что Пушкин «собирался... с бароном Шиллингом в Сибирь на границу Китая».²⁵ Именно к этому времени, т. е. к концу 1829 или началу 1830 года, относит Т. Г. Цявловская рисунок Пушкина в альбоме Е. Н. Ушаковой, определенный ею как портрет П. А. Шиллинга. Наезжая в Москву в это время, Пушкин бывал у сестер Ушаковых и делился с ними впечатлениями о своих петербургских знакомых; так могла возникнуть и зарисовка в альбоме характерного облика Шиллинга. «Рассказывая сестрам Ушаковым о незаурядном человеке, крупном русском физике и востоковеде Шиллинге, поэт, вероятно, и зарисовал у них в альбоме его портрет, великолепно передав образ этого тучного человека с веселым, энергичным и умным лицом».²⁶ Побывать в Китае, куда его влекли давние интересы востоковеда, обратившего на себя внимание своими занятиями китайской письменностью и удачными опытами литографирования

²² «Старина и новизна», кн. VIII, СПб., 1904, стр. 86. — Это «приглашение друзей на пикник» с распиской Пушкина датировано Б. Л. Модзалевским в его издании «Писем» Пушкина (т. II, 1928, стр. 290).

²³ Об этой поездке мы знаем из письма П. А. Вяземского к жене, посланного на другой день, 26 мая 1828 года («Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 81). Ср. позднейшие воспоминания об этой прогулке А. А. Олениной-Андро («Литературное наследство», т. 47—48, 1946, стр. 237). Об этой же поездке П. А. Вяземский писал Н. А. Муханову 22 мая 1828 года: «В пятницу (25 мая) едем в Кронштадт с Мицкевичем, Пушкиным, Сергеем Голицыным и проч. Поезжайте с нами» (Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, ч. X, М., 1902, стр. 411; «Русский архив», 1905, кн. 1, стр. 330).

²⁴ Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. III, СПб., 1890, стр. 132.

²⁵ «Русский архив», 1899, кн. II, № 6, стр. 351.

²⁶ Т. Цявловская. Неизвестный рисунок Пушкина. «Огонек», 1952, № 7, стр. 16. — Мы воспроизводим этот рисунок Пушкина непосредственно по оригиналу из указанного альбома, хранящегося в Институте русской литературы (ф. 244, оп. 1, № 1582, л. 18 об.). Существует общеизвестный портрет П. А. Шиллинга (масло).

П. Л. Шиллинг. Рисунок А. С. Пушкина в альбоме Е. Н. Ушаковой.
1829—1830.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

П. Л. Шиллинг. Акварель неизвестного художника. 1828.
Всероссийский Музей А. С. Пушкина.

китайских иероглифов,²⁷ Шиллингу так и не удалось; но между 1830—1832 годами он почти два года провел в Монголии, в областях, смежных с Китаем, собрав во время своих путешествий богатейшую коллекцию рукописей, костюмов, утвари, культовых предметов, расставленную на его петербургской квартире и привлекавшую к себе большое количество посетителей.²⁸ С этого времени, т. е., повидимому, в конце 1832 года, дружеское общение Пушкина с Шиллингом снова возобновилось; впоследствии М. П. Погодин вспоминал, что встречались они, между прочим, и в гостиной у В. Ф. Одоевского: «Здесь сходились веселый Пушкин и отец Иакинф <Бичурин> с китайскими сузившимися глазами, толстый путешественник... Шиллинг, возвратившийся из Сибири...».²⁹

Осенью 1832 года Шиллинг впервые показал публике сконструированный им электромагнитный телеграф, однако его упорные работы над этим изобретением относятся к более раннему времени. А. В. Яроцкий, автор специальной монографии о П. А. Шиллинге как технике-изобретателе, сопоставляя различные данные, пришел к заключению, что Шиллинг «приступил к непосредственному осуществлению той конструкции телеграфа, которая была им продемонстрирована в 1832 году, не позднее середины 1828 года».³⁰ «... Павел Львович именно в 1828 году получил возможность производить электротехнические испытания в больших масштабах. Следовательно, период 1828—1832 годов был использован изобретателем главным образом для непосредственного изготовления приборов телеграфа и решения тех практических вопросов, которые при этом неизбежно должны были встать перед ним. Основные же принципиальные решения относительно электромагнитного телеграфа были получены П. А. Шиллингом до 1828 года».³¹ Подтверждением того, что уже в начале 1828 года Шиллинг делился с рядом лиц результатами своего открытия, может служить свидетельство близко знакомого ему Ф. П. Фонтана. Фонтон принадлежал к тому же кругу; отправляясь из Петербурга в действующую армию за

выполненный в первой половине 30-х годов, оригинал которого находится в настоящее время в Центральном музее связи имени А. С. Попова в Ленинграде. Шиллинг изображен здесь в халате, на фоне восточных редкостей своего кабинета, заставленного также физическими приборами. Воспроизводился этот портрет много раз (см., например: *Очерки русских работ по электротехнике с 1800 по 1900 год*. Составлен комиссией при имп. Русском техническом обществе для всемирной выставки 1900 года в Париже). СПб., 1900; «Новое время», Иллюстрированное приложение, 1900, № 8611, 16 февраля, стр. 7 и др.). Возможно, что ему предшествовал карандашный вариант работы К. Гампельна, литографированный Гейтманом (воспроизведен в книге: А. Ф. Коростин. Начало литографии в России, стр. 80). Оба варианта этого портрета относятся ко времени после 1832 года, но не ранее, если судить по изображенным на его фоне «восточным редкостям» кабинета П. А. Шиллинга, несомненно привезенным им из Сибири. Существует еще более ранний акварельный портрет Шиллинга, впервые воспроизводимый при данной статье; он датирован 1828 годом; оригинал находится ныне во Всесоюзном Музее А. С. Пушкина в Ленинграде.

²⁷ А. Ф. Коростин. Начало литографии в России, стр. 82—84; О изображении китайских письмен и любопытных изданиях барона Шиллинга. «Азиатский вестник», 1825, кн. 4, стр. 367—373; ср.: М. П. Алексеев. Пушкин и Китай. Сборник «Пушкин и Сибирь», Иркутск, 1937, стр. 129—135.

²⁸ В Москву Шиллинг вернулся из Сибири в марте 1832 года. А. Я. Булгаков писал в письме к брату от 10 марта этого года: «Вдруг отворяются двери и входит... кто же? Шиллинг. Вчера не успели мы наговориться... Навез множество любопытных предметов, кои отправлены уже в Петербург... Собирается к вам через несколько дней» («Русский архив», 1902, кн. 1, стр. 280).

²⁹ В память о кн. В. Ф. Одоевском. М., 1869, стр. 56.

³⁰ А. В. Яроцкий. Павел Львович Шиллинг. В серии: Деятели энергетической техники. Биографическая серия, вып. XVI, М.—Л., 1953, стр. 52.

³¹ Там же.

Дунай на турецкую границу, он писал П. И. Кривцову в марте 1828 года: «Ходил я вчера прощаться с Дельвигом и кого ты думаешь я там застал? Александра Пушкина и Баратынского. Каков терпет?». И далее, в том же письме: «Как я Пушкину сказал, что еду в армию, то у него та же мысль родилась, но ему с этим нужна дикость Кавказа, и он, кажется, отправится к Паскевичу».³² Через год, находясь в армии, в лагере под Силистрией, в мае 1829 года, в письме к тому же П. И. Кривцову Ф. П. Фонтон дал, между прочим, подробную характеристику П. Л. Шиллинга, как человека необычайно разносторонних интересов и дарований.

Шиллинг, по словам Фонтона, — это «Калиостро или что-то приближающееся». Он и «чиновник нашего министерства иностранных дел», и «говорит, что знает по китайски, что весьма легко, ибо никто в этом ему противоречить не может, кроме отца Иакинфия»; он «играет в шахматы две партии вдруг, не глядя на шахматную доску, и обоих противников в один и тот же момент побеждает»; он «сочинил для министерства такой тайный алфавит, то есть так называемый шифр, что даже австрийский, так искусный тайный кабинет, и через полвека не успеет прочесть!». Кроме того, он «выдумал способ в удобном расстоянии посредством электричества произвести искру для зажигания мин. Этим-то способом хочет генерал Шильдер руководствоваться под Силистриею». «В шестых — что весьма мало известно, ибо никто не есть пророком в своей земли, — прибавляет, наконец, Фонтон, — барон Шиллинг изобрел новый образ телеграфа. Посредством электрического тока, проводимого по проволокам, растянутым между двумя пунктами, он производит знаки, коих комбинации составляют алфавит, слова, речения и так далее. Это кажется маловажным, но со временем и усовершенствованием, оно заменит наши теперешние телеграфы, которые при туманной неясной погоде или когда сон нападет на телеграфщиков, что так же часто, как туманы, делаются немыми».³³

Для того чтобы понять последнюю фразу этой характеристики и вместе с тем яснее представить себе истинное значение изобретения П. Л. Шиллинга и то впечатление, которое оно должно было производить на современников, напомним, что в первое тридцатилетие XIX века под «телеграфом» понималось нечто совершенно иное, чем во второй половине столетия, или чем то, что мы понимаем под этим теперь.

С. А. Тучков, старый приятель Радищева, инженер и писатель, в своем «Военном словаре» еще в конце второго десятилетия XIX века давал такое определение термину «телеграф»: «...машина, устроенная на возвышении, чрез которую посредством разных знаков можно извещать о том, что происходит или что открыто. Телеграфы делаются один от другого в таком расстоянии, чтобы можно было способом зрительной трубы ясно рассмотреть знаки одного, которые повторяются ближайшим, а от сего другим, и так далее, чрез что в самое короткое время можно узнать, что происходит, или какое получено известие за несколько десятков миль».³⁴ Дело идет здесь о так называемом оптическом семафорном телеграфе, изобретенном лишь в середине девяностых годов XVIII века одновременно и независимо друг от друга: во Франции — Клодом Шаппом,

³² Ф. П. Фонтон. Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма из главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах, т. I. Лейпциг, 1862, стр. 26

³³ Ф. П. Фонтон. Воспоминания, т. II, стр. 21, 22—23.

³⁴ С. А. Тучков. Военный словарь, ч. II. М., 1818, стр. 171—172.

в России — И. П. Кулибиным;³⁵ при этом в России с 1835 до 1842 года существовали только две оптические телеграфные линии, имевшие сравнительно небольшое значение: из Петербурга в Варшаву и из Петербурга в Кронштадт; что касается электромагнитных линий, то они постепенно начали устанавливаться у нас только после 1852 года.³⁶ Поэтому самое слово «телеграф» в первые два десятилетия XIX века не принадлежало к числу распространенных ни в Западной Европе, ни у нас.³⁷

В России это слово быстро привилось исключительно благодаря успеху и популярности журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф», но что сам издатель понимал под этим термином семафорный телеграф самого простого устройства, видно и из его пояснений и из литографированной картинки, украшавшей обложку первой его книжки 1825 года: здесь изображена была башня на высокой скале, на самом берегу озера, снабженная сигнальным устройством.³⁸ Как ни примитивны были тогдашние семафорные телеграфы, но самое обозначение их казалось еще словом новым и необычным в обиходной речи. К. Полевой в «Записках о жизни и сочинениях Н. А. Полевого» (стр. 185) приводит, между прочим, эпиграмму А. И. Пи-

³⁵ А. В. Яроцкий. Павел Львович Шиллинг, стр. 39—40; Д. И. Каргин. Оптический телеграф Кулибина. «Архив истории науки и техники», кн. 3, Л., 1934, стр. 394—397; В. Н. Пипуныров. Иван Петрович Кулибин. Жизнь и творчество. Машгиз, М., 1955, стр. 69—73.

³⁶ Евг. Соколовский. Пятидесятилетие института и корпуса инженеров путей сообщения. Исторический очерк. СПб., 1859, стр. 139; В. Н. Пипуныров. Иван Петрович Кулибин, стр. 73. — В поэме «В конце сороковых годов» Я. П. Полонский, описывая путешествие своего героя, заставляет его, между прочим, наблюдать действие оптического телеграфа:

И помнит он, как в этом мраке стали
Усталые глаза его встречать
Какие-то огни... они играли,
Качались, подымались и опять,
Кувыркались. То телеграфы были,
И ум его впотьмах они дразнили:
Условные огни во все концы
Переносили вести...

К этому месту автор сделал такое примечание: «Электрических телеграфов в России еще не было» (Я. П. Полонский. Стихотворения. Изд. 2-е, «Советский писатель», Л., 1954, стр. 468).

³⁷ Когда в 1819 году молодой В. Гюго написал сатирическую поэму под заглавием «Le Télégraphe», то это слово казалось еще и необычным, и непонятным, и, во всяком случае, непоэтическим; кстати сказать, и Гюго имел в виду в данном случае лишь сигнальные семафорные телеграфы, которые только и существовали тогда во Франции и в других странах Европы. Первый электрический телеграф (по системе Морзе, предложенной в 1843 году, следовательно, пятнадцать лет спустя после изобретения Шиллинга) во Франции установлен был в 1844 году между Парижем и Руаном (E. M. Grant. French Poetry and Modern Industry. 1830—1870. Harvard University Press, Cambridge, 1927, стр. 17—18).

³⁸ Воспроизведение этой картинке см., между прочим, в книге: Н. Полевой Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Редакция В. Орлова, Л., 1934, стр. 163; см. здесь же пояснения Полевого, что желал он означить названием своего журнала, представленные в официальных бумагах (стр. 381); из последних видно, что под словом «телеграф» Полевой понимал прежде всего приспособление, с помощью которого можно передавать различные полезные известия; в его понимании термин был синонимичен слову «посредник» и, во всяком случае, исключал представление о быстроте передачи, служащей столь важным смысловым признаком этого термина в наше время. В таком старом смысле это слово употребил еще И. Лажечников в первом своем историческом романе «Последний новик» (1831): «...дом баронессы... сделался очагом политических мнений... и телеграфом всех новостей, имеющих влияние на страну» (И. Лажечников, Сочинения, т. I, СПб.—М., 1883, стр. 125).

сарева, направленную против нового журнала, в которой подчеркнута необычность заглавия «Московского телеграфа» для его первых читателей:

- Ты видел «Телеграф»? — Во Франции видал.
- Читал ли? — Нет. — А что ж тому причина?
- Как что? Ведь «Телеграф» — журнал!
- Пустое! Телеграф — машина!³⁹

Можно поэтому думать, что впоследствии Н. И. Надеждин назвал свой журнал «Телескопом» не без воздействия термина, родственного ему и этимологически, и по существу, популяризированного у нас Полевым. Так два важных для русской идейной жизни 20—30-х годов литературных журналов уже своими заглавиями сделались насадителями технической терминологии в русском литературном языке пушкинской поры.

Мы не знаем, как слово «телеграф» воспринял Пушкин, увидев его на обложке нового московского журнала, первые книги которого он с жадностью читал в Михайловском.⁴⁰ Но мы зато знаем, что увлекательные известия о новинках европейской технической мысли, помещенные в первом же номере «Московского телеграфа» за 1825 год, увлекли его и крепко ему запомнились: именно эти известия Пушкин, несомненно, и имел в виду, адресуясь к П. А. Вяземскому 27 мая 1826 года: «...когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, ... мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство» (XIII, 280).⁴¹ Когда через несколько лет Пушкин очутился в Петербурге, он не мог не заметить значительных изменений в области разнообразных технических усовершенствований, происшедших и в русской столице за годы его отсутствия. «Паровые корабли» бороздили Неву и Финский залив уже во множестве, тогда как к его лицейским годам относились лишь первые опыты с русскими «стимботами»;⁴² доступными стали и пароходные прогулки в Кронштадт, и Пушкин не раз предпринимал их в компании друзей. Достойно особого внимания, что среди этих друзей был также и П. Л. Шиллинг, технико-изобретательская мысль которого как раз в эти годы была ключом: он продолжал свои работы

³⁹ Эпиграмма и сатира. Из истории литературной борьбы XIX века. Составил В. Орлов, т. I, М.—Л., 1931, стр. 251. — Первые читатели журнала Полевого пользовались его названием для критических замечаний; так, В. А. Жуковский писал П. А. Вяземскому 26 декабря 1826 года: «„Телеграф“ не изменяет своему имени. В известиях телеграфических не заботятся о слоге» («Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 59).

⁴⁰ Впрочем, для Пушкина и его друзей оба заглавия этих журналов и впоследствии служили постоянным поводом для каламбуров и острот: Пушкин шутил, что критики французских журналов «не лучше наших Телескопических и графских» (XV, 29); П. А. Вяземский просил М. А. Максимова (в письме от 12 января 1831 года) прислать ему журнальные новинки «начиная от „Телескопа“ Надеждина до лорнетки Шаликова (т. е. «Дамского журнала»)» (С. И. Пономарев. Памяти князя П. А. Вяземского. «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XX, № 5, СПб., 1880, стр. 155). Отметим также, что под «телескопом» в то время имелись в виду также «бинокли» (см. в письме Пушкина от 27 октября 1819 года («по прежнему поднимаются на нее телескопы»; XIII, 11) и в «Герое нашего времени» Лермонтова («наводили телескоп на Эльбрус»).

⁴¹ В отделе «Иностранных известий» «Московского телеграфа» (1825, № 1, стр. 100) говорилось: «Усовершенствование механических производств в наше время приводит в изумление, и если бы теория не доказывалась опытною, можно бы даже не верить, что пишут о новейших изобретениях механиков»; далее в качестве примеров указывалось на то, что «учреждение сношений между Англией и Восточною Индией... пароходами возбудило в Англии величайшее внимание... Не с меньшей ревностью принялись в Англии за подземную дорогу, которая будет прокопана под Темзою... Между тем придумывают учреждение паровых карет между Лондоном и Эдинбургом и почитают это делом возможным».

⁴² См. об этом ниже, в главе 8.

над электромагнитным телеграфом, производил и в самом Петербурге, и за городом опыты по зажиганию пороха под землей электричеством на дальних расстояниях, о чем много говорили в военных кругах и в городе вообще, произвел сильное впечатление своим «угольным светом», пропуская сильный гальванический ток через кусок угля, и, по свидетельству современника, «свет этих горящих углей был так силен, что смотреть на него было трудно».⁴³ Рассказывая об этих новаторских опытах Шиллинга, сильно поражающих воображение его многочисленных петербургских знакомых, тот же современник отмечал «странную участь наших открытий и опытов, то есть тех, которые производятся у нас, в России, и нашими согражданами. Об них редко говорится у нас печатно: от того наши труды пропадают. Не только иностранцы, большая часть России ничего не знает о них, и всякое известие об открытиях иностранных принимают за свежую новость. Например, нынешним летом извещали нас, что в Америке открыли способ применить электрическую силу к движению машин, что в Англии изобрели электрический телеграф. Всё это очень хорошо и справедливо, да зачем же наши журналы не объявляли, что это изобретено также и у нас, и по крайней мере в одно время, если не раньше».⁴⁴

Возвратимся, однако, к той характеристике Шиллинга как своего рода русского Калиостро, которая принадлежит Ф. П. Фонтону и уже приведена была выше. Она интересна для нас не только по существу, но и своей датой — май 1829 года: Фонтон рассказал здесь то, что передавалось об изобретениях Шиллинга в Петербурге еще в начале 1828 года, т. е. до отъезда Фонтонна в действующую армию. Характерно, что среди других изобретений Шиллинга здесь уже назван его электромагнитный телеграф. Можно сослаться здесь и на другое аналогичное свидетельство. В «Библиотеке для чтения» 1840 года была помещена статья, в которой указание на изобретение Шиллинга ведет нас к той же самой дате, т. е. к 1828 году: «Лет десять или двенадцать тому назад охотники до диковинных затей с любопытством посещали в Петербурге физический кабинет покойного барона Шиллинга, который много трудился над осуществлением идеи гальванического телеграфа», и т. д.⁴⁵ (следует описание сконструированного им аппарата).

Сопоставляя все эти даты, мы можем прийти к выводу, что либо в 1828, либо в 1829 году Пушкин должен был узнать, в той или иной форме, об открытии Шиллинга в области электротелеграфии и что он не мог не знать в это же время также и о других его изобретениях, тем более, что о них всё чаще говорили в Петербурге. В особенности близко Пушкин мог познакомиться с ними в конце 1829 года, т. е. в то время, когда он добивался разрешения примкнуть к экспедиции Шиллинга на китайскую границу. Очевидно, что Пушкин не мог возбуждать официального ходатайства, не заручившись на это предварительно согласием самого Шиллинга; кроме того, Пушкин жил в это время в Петербурге и, конечно, должен был быть в курсе всех приготовлений к дальней поездке Шиллинга и Бичурина, когда обращался к ним в своем элегическом отрывке «Поедем, я готов...».

Этот отрывок в рукописи имеет точную дату: 23 декабря 1829 года. Приблизительно тем же временем датируется и другой отрывок Пушкина,

⁴³ С. Усов. Об электрических опытах в России. «Северная пчела», 1837, № 282, 11 декабря, стр. 1127.

⁴⁴ Там же, стр. 1125—1126.

⁴⁵ Электрические телеграфы. «Библиотека для чтения», 1840, т. 42, отд. IV, стр. 2—3.

до сих пор не приурочивавшийся еще к какому-либо определенному событию, факту или лицу. Этот фрагмент, несмотря на свою незавершенность, по словам С. И. Вавилова, «гениален по своей глубине и значению для ученого»; каждая его строчка «свидетельствует о проникновенном понимании Пушкиным методов научного творчества»: ⁴⁶

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, [сын] ошибок трудных,
И Гений, [парадоксов] друг,
[И Случай, бог изобретатель]...

(III, 2, 464)

Отрывок сохранился в черновике, испещренном многочисленными поправками; перебелены лишь его начальные стихи; многочисленные варианты, отразившие колебания поэта в выборе тех или иных слов, в фиксации отдельных мыслей, оказывают сравнительно небольшую помощь при расшифровке этого замысла, не получившего окончательного воплощения. Тем не менее в рукописи можно отметить ряд особенностей, которые следует учесть для выяснения того, при каких обстоятельствах оно могло возникнуть в творческом сознании поэта. Первоначально Пушкин написал:

О сколько ждут открытий чудных
Ум и труд —

переправленное затем на:

О сколько ждем открытий чудных

и еще позже на:

О сколько нам открытий чудных
Еще готовят Ум и Труд.

Обращают на себя внимание и следующие строки:

Готовят Опыты веков
И смелый дух

*

Готовят дух
И Гений просвещенья друг
И опыт сын ошибок трудных
И Случай, вождь

*

И Случай отец
Изобретательный слепец

*

И случай бог изобретатель ⁴⁷

(III, 2, 1059—1060)

Вчитываясь в эти строки, легко заметить прежде всего характерную и полную значения замену глагольной формы «ждут» на «ждем», как бы

⁴⁶ А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств. М.—Л., 1951, стр. 32, 33.

⁴⁷ Отрывок впервые напечатан В. Е. Якушкиным («Русская старина», 1884, т. 44, ноябрь, стр. 349).

~~Сколько нам открытий чудных~~
~~Только нам открытий чудных~~
~~Только нам открытий чудных~~

Кн. II. Кривиче-рр.

~~Только нам открытий~~

~~Только нам открытий чудных~~
~~Только нам открытий чудных~~
~~Только нам открытий чудных~~
~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

~~Только нам открытий чудных~~

Набросок стихотворения «О сколько нам открытий чудных».

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

подчеркнувшую личную заинтересованность поэта результатами дальнейшего развития наук вместо прежней, более общей констатации их неуклонного движения вперед. Для нас интересны также упорные поиски наиболее отчетливого выражения мысли в различных пробных словосочетаниях, связанных с понятиями: ум и труд, опыт и случай. Несомненно, что мы имеем здесь дело с попыткой Пушкина дать обобщенное представление о научно-творческом процессе вообще, об условиях, определяющих его успехи, о предвидимых и неожиданных результатах научных исканий, о роли закономерностей и случайностей в истории научных открытий. И всё же основной одушевляющей мыслью всего фрагмента, связывающей вместе его определения, удивительные по силе лаконизма, является вера в могущество разума; уверенность в том, что грядущие «чудные открытия» неисчислимы, обеспеченные умом и трудом.

За каждой неотделанной строкой этого фрагмента стоят опыт и знания самого поэта; приведенные выше слова С. И. Вавилова о «проникновенном понимании Пушкиным методов научного творчества» справедливы прежде всего в том смысле, что Пушкин в обобщенных формулировках этого отрывка отобразил свои собственные интересы к истории науки и свои познания в этой области. Характерно, что Пушкин говорит здесь о науке вообще, о роли научной мысли в истории культуры, не конкретизируя, в частности, «открытия» в какой области знания он прежде всего имел в виду: это «открытия» вообще, во всех сферах человеческой деятельности, которой руководит беспокойный, пылливый и ищущий ум. Тем не менее у данного отрывка должен был быть и конкретный повод: возникновение его не могло быть совершенно случайным.

Думается, что ничто не мешает нам связать замысел этого отрывка с теми мыслями, которые должны были возникнуть у Пушкина при встречах его с П. Л. Шиллингом в связи с решением присоединиться к его экспедиции в дальневосточные края. Пушкин, как это мы уже предположили выше, не только должен был знать в это время об открытии Шиллингом электромагнитного телеграфа, но мог даже видеть первые опыты его действия. И о телеграфе, и о других изобретениях Пушкин мог слышать из уст самого Шиллинга; от него же Пушкин должен был ожидать в недалеком будущем также открытий другого рода; ведь на глазах поэта предпринималась настоящая научная экспедиция, которая обещала интересные результаты; заканчивались приготовления к отъезду, устанавливались маршруты и определялись задачи наблюдений и изысканий.⁴⁸ Перед Пушкиным стоял образ возможного спутника, этого «нового Калиостро», человека энциклопедических знаний и разносторонних интересов, который оставлял на время уже почти завершённые, уже давшие результаты работы в области электротехники, чтобы пуститься в дальний путь, испытать радость путешественника, наделенного ярко выраженными интересами востоковеда; в сущности, на живом примере Шиллинга он мог сопоставлять и различные типы и пути научных исследований, роль случая и труда в изобретениях и странствованиях. И не надеждой ли на личное участие в последних продиктована была замена в отрывке слова «ждут открытий» на «ждем открытий»? Разумеется, всё это пока лишь гипотезы, требующие еще дополнительных аргументов.

Обратим, однако, внимание на время, когда был создан интересующий нас отрывок; датировка его имеет для нас существенное значение. Место-

⁴⁸ Основной официальной целью экспедиции было собирание сведений о торговле у северных и западных границ Китая.

положение его в рукописи свидетельствует о его хронологической близости к стихотворению «Поедем, я готов», и это, безусловно, может служить подтверждением высказанного выше предположения, что оба они находятся между собой в непосредственной связи. Оба отрывка записаны в одной и той же тетради Пушкина, хранящейся ныне в Институте русской литературы Академии Наук СССР⁴⁹ и описанной еще В. Е. Якушкиным:⁵⁰ «О сколько нам открытий чудных...» — на л. 19¹, «Поедем я готов...» — на л. 24¹. Эти страницы тетради заполнялись во второй половине декабря 1829 года, что видно, между прочим, из дат, кое-где проставленных самим поэтом, однако последовательность записи иногда им нарушалась: Пушкин поворачивался к предшествующим страницам и заполнял оставшиеся свободными места. «Элегический отрывок» «Поедем, я готов...» в тетради датирован 23 декабря 1829 года; очевидно, эта дата представляла для Пушкина известное значение, так как она удержана и при первой публикации стихотворения в следующем же 1830 году.⁵¹ Следующим днем, 24 декабря, помещено записанное на обороте воспоминание «В те дни, когда в садах лица...»; приблизительно в те же дни, т. е. 23—24 декабря, Пушкин сделал и запись «О сколько нам открытий чудных...» на л. 19¹, на месте, оставшемся свободным от наброска статьи «Несколько московских литераторов...» (XI, 85—86 и 357—358). Напомним в связи с этим, что просьба «о дозволении посетить Китай вместе с посольством, которое туда скоро отправляется» (в черновике «подготавливается туда»)⁵² (XIV, 56, 268, 398) была направлена Пушкиным А. Х. Бенкендорфу 7 января 1830 года, что отказ Николая I был сообщен Пушкину 17 января (Пушкин, XIV, 58, 398) и что, таким образом, в течение почти целого месяца внимание поэта к предприятиям Шиллинга было особенно обострено.

Впрочем, и независимо от отрывка «О сколько нам открытий чудных...» (конкретный повод создания которого мы стремились угадать) близкое знакомство и общение с Шиллингом и его успехи на разнородных научных поприщах не могли не оставить у Пушкина самых живых впечатлений. Шиллинг был человеком общительным, веселым и остроумным собеседником; таким рисуют его все дошедшие до нас свидетельства его современников.⁵³ Его знакомые и друзья следили за его странствованиями по Сибири и Монголии⁵⁴ и усилили к нему свое любопытство, когда он вернулся

⁴⁹ Ф. 244, оп. 1, № 841 (ранее эта тетрадь была известна под шифром ЛБ № 2382).

⁵⁰ «Русская старина», 1884, т. 44, ноябрь, стр. 349—350.

⁵¹ «Московский вестник», 1830, ч. III, № XI, стр. 194—195.

⁵² Черновик находится в той же тетради, что и отрывок «О сколько нам открытий чудных...» и «Поедем, я готов...», на л. 30¹.

⁵³ «Известный синолог, необыкновенно толстый и в то же время живой, проворный на бегу», — характеризует его К. С. Сербинович, видевший его в 1825 году в гостях у Карамзинных вместе с Жуковским и А. И. Тургеневым («Русская старина», 1874, № 10, стр. 247). П. Х. Граббе вспоминает о нем, как об «умном, всегда веселом и любезном человеке» («Русский архив», 1873, кн. I, № 5, стб. 850) По описанию Э. И. Стогова, видевшего Шиллинга в 1830 году в Троицкосавске, это был «необычайный толстый человек, с большими связями, ученый, весельчак, отличный говорун... На него смотрели как на колючую-то загадку» («Русская старина», 1903, т. 114, № 4, стр. 126). Прибавим, что пущенная С. Я. Штрайхом легенда о близости Шиллинга к III Отделению, которую повторил и Б. Л. Модзалевский (Пушкин, Письма, т. II, 1928, стр. 292), оказалась основанной на недоразумении и была с полным основанием опровергнута А. Ф. Коростинным (Начало литографии в России, стр. 87) и А. В. Яроцким (Павел Львович Шиллинг, стр. 123).

⁵⁴ В «Литературной газете» (1830, № 28, 16 мая, т. I, стр. 226) помещены были «Выписки из письма о. Иакинфа Бичурина к И. В. С.» из Иркутска с описанием приезда экспедиции Шиллинга, а в № 60 (т. II, стр. 189—190) за тот же год статья Н. Б. (Николая Бестужева?) «Кяхтинский пир (Письмо из Восточно-Азиатской России)»,

в Петербург, нагруженный собранными коллекциями и полный самых увлекательных рассказов. Трудно предположить, что Пушкин остался в стороне и не побывал у Шиллинга, чтобы лично увидеть привезенные им «восточные редкости» и послушать его рассказы.

Если правдоподобным представляется предположение, что в конце 1829 года Пушкин был осведомлен об открытиях Шиллинга в области электротелеграфии, то едва ли подлежит сомнению, что он присутствовал при демонстрациях нового аппарата в 1832 году. В марте этого года Шиллинг вернулся в Петербург и вновь деятельно принялся за усовершенствование своего изобретения. Авторитетный свидетель этих работ, сам вскоре прославивший свое имя открытиями в области электромагнетизма, Б. С. Якоби, после смерти Шиллинга анализируя причины, приведшие к изобретению телеграфа, писал:

«Шиллинг имел то особое преимущество, что по своему служебному положению он был хорошо осведомлен о потребностях страны в средствах связи. Удовлетворение этих потребностей и составило задачу, которую он стремился разрешить на протяжении всей своей жизни, с одной стороны, привлекая на помощь успехи естествознания, с другой стороны, направляя свой исключительно острый ум на создание и составление простейшего кода. В последнем деле ему послужило замечательным подспорьем специальное знание восточных языков. Два совершенно различных направления знаний — естественные науки и востоковедение — слились вместе, чтобы помочь возникновению телеграфии».⁵⁵

Эти соображения могут служить еще одним пояснением той удивительной энергии и настойчивости, с которыми Шиллинг возобновил занятия своим телеграфом тотчас же по возвращении из Сибири.

9 октября 1832 года П. Л. Шиллинг впервые показал свой усовершенствованный телеграфный аппарат более широкому кругу интересующихся. «Демонстрация происходила в квартире Павла Львовича в Петербурге на Царицыном лугу (ныне Марсово поле)», — сообщает А. В. Яроцкий.⁵⁶

«Пятикомнатная квартира изобретателя оказалась малой для демонстрации телеграфа, и П. Л. Шиллинг на время нанял у владельцев дома весь этаж. По этому поводу один из сослуживцев изобретателя, Х. Е. Лазарев, писал: «Когда надобности опытов размещения всего этого телеграфа потребовали, тогда он <П. Л. Шиллинг> для большего простора занял всю линию, верхний весь этаж, дабы от одного конца крайней комнаты в другую оконечную провести на дальнейе пространство проволоку и цепи, и через то по телеграфу сообщать те известия, кои предназначали посетители, которых он многократно, всегда и почти ежедневно приглашал в разных отдельных обществах высшего, среднего и низшего круга и класса».

«Для демонстрации, — продолжает А. В. Яроцкий, — передатчик был установлен в одном конце здания, где собрались приглашенные в небольшом зале, а приемник — в другом конце, в рабочем кабинете П. Л. Шил-

где, вероятно со слов того же Бичурина, дано описание встречи китайских и монгольских властей, по случаю отправлявшейся в Пекин новой духовной миссии, в присутствии Шиллинга. «Одному нашему Шиллингу житье, — писал П. А. Вяземский А. Я. Булгакову. — Он брюхом своим берет у китайцев. Я читал в Литературной газете, в описании Кяхтинского праздника, что китайцы были поражены важною осанкою его» («Русский архив», 1879, кн. II, № 5, стр. 103). Эти статьи были, несомненно, известны и Пушкину; второй из них, вероятно, вызвано упоминание Кяхты в письме его к Н. Н. Гончаровой из Болдина от 11 октября 1830 года (XIV, 115—116, 417).

⁵⁵ А. В. Яроцкий. Павел Львович Шиллинг, стр. 106.

⁵⁶ Там же, стр. 50. — Дом этот сохранился до сих пор, на нем прибита мемориальная доска.

линга, так называемой «китайской комнате». Получилось расстояние, превышавшее 10 м. Первая в мире телеграмма, состоявшая из десятка слов, на глазах у собравшихся была лично принята по электромагнитному телеграфу П. А. Шиллингом моментально и верно.

Интерес, который вызвало изобретение в самых разнообразных кругах русского общества, был настолько велик, что демонстрации не прекращались почти до самых рождественских праздников.⁵⁷

Пушкин приехал в Петербург в середине октября того же года и всё еще носился с мыслью об издании газеты «Дневник». Незадолго перед тем он был в Москве, где вербовал сотрудников в будущую газету; в начале сентября составлен был и пробный номер этой газеты; 21 октября А. Н. Мордвинов уведомлял Пушкина, что этот номер представлен Бенкендорфу. Хотя, как известно, издание это не состоялось, Пушкин решил воздержаться от него только потому, что разрешение «долго не приходило», как он сам сообщил П. Н. Нащокину в письме от 2 декабря; извещая его, что в нынешнем году газета «издаваться не будет», Пушкин, однако, всё же прибавлял: «К будущему успеху осмотреться и приготовиться», — следовательно, и тогда еще не окончательно отказался от своей затеи (XV, 37). Вполне естественно, что в число этих «приготовлений» входила и вербовка сотрудников в Петербурге, и внимательное знакомство со всеми новостями петербургской жизни; более детальное ознакомление с изобретением Шиллинга диктовалось всеми планами его деятельности как журналиста; мимо публичных демонстраций новоизобретенного Шиллингом телеграфа, о которых говорил весь Петербург, газета Пушкина, если бы она начала выходить в назначенное время, разумеется, пройти не могла, тем более, что известия именно такого рода предполагались и ее программой.⁵⁸ Впоследствии издание «Современника» заставило Пушкина еще внимательнее, чем прежде, следить за всеми успехами русской науки и техники.

5

В «Сценах из рыцарских времен» есть небольшой, но полный глубокого философского смысла эпизод — разговор между Мартыном и Бертольдом, в котором, как это справедливо отметил Д. П. Якубович, «в кратких формулах противопоставлено мировоззрение ученого, смутно предчувствующего колоссальное значение двигателя-машины, совершившей переворот в истории человечества, — и купца, безвыходно ограниченного в своем мировоззрении отношениями торговли».¹ В этом диалоге Пушкин действительно стремился подчеркнуть, что Мартын и Бертольд не могут понять друг друга; для купца Мартына научное творчество есть лишь один из путей приобретательства, возможность делать золото; научно-изобретательская мысль Бертольда, напротив, бескорыстна — он ищет не личных выгод, но истины, предвидя, что деятельность человеческого разума, направленная на завоевание сил природы и открытие ее законов, поистине беспредельна. В окончательном тексте «Сцен из рыцарских времен» этот диалог имеет следующий вид (VII, 220—221):

⁵⁷ А. В. Яроцкий. Павел Львович Шиллинг, стр. 50—51.

⁵⁸ В тексте пробного номера «Дневника», представленного Бенкендорфу, несмотря на его отрывочный и предварительный характер, набрана всё же заметка об изобретении французским ученым «подводного судна» (Пушкин, Письма, т. III, 1935, стр. 497, где текст всего этого пробного номера опубликован впервые).

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1935, стр. 657.

Мартын

Постой! Ну, а если опыт твой тебе удастся, и у тебя будет и золото и славы вдоволь, будешь ли ты спокойно наслаждаться жизнью?

Бертольд

Займусь еще одним исследованием: мне кажется, есть средства открыть *perpetuum mobile*...

Мартын

Что такое *perpetuum mobile*?

Бертольд

Perpetuum mobile, то есть вечное движение. Если я найду вечное движение, то я не вижу границ творчеству человеческому... видишь ли, добрый мой Мартын: делать золото задача заманчивая, открытие, может быть, любопытное — но найти *perpetuum mobile*... О!

Среди черновых рукописей «Сцен из рыцарских времен» до нас дошел первоначальный черновой набросок, которым Пушкин воспользовался именно для указанного диалога. Этот набросок имеет для нас интерес, так как он дает некоторое представление о том, как развивался данный диалог в творческом сознании Пушкина, прежде чем он был введен в вышеприведенный окончательный текст. Набросок имеет еще совершенно предварительный характер — он зафиксировал первую творческую мысль, подлежащую дальнейшему развитию и словесному воплощению; даже имя одного из собеседников, купца Мартына, в нем еще отсутствует: вместо него стоит здесь неопределенное имя Калибана, взятое на выдержку из Шекспира («Буря»), но, очевидно, без всякой связи с характерным образом его носителя, и затем устранившееся.² Но основное противопоставление — средневекового ученого-монаха, бескорыстного искателя истины, и богатого, но алчного купца — в наброске дано уже в достаточно выразительных чертах.

Речь идет о наброске, называемом обычно по его первой строке: «Шварц ищет филос<офского> камня». Рукопись принадлежала некогда собранию А. Ф. Онегина и потому сравнительно поздно введена была в научный оборот; ныне она хранится в ИРЛИ (ф. 244, оп. 1, № 281). Опубликованный впервые в 1922 году,³ набросок этот входит ныне во все полные собрания сочинений Пушкина. Тем не менее обращение к подлинной рукописи не является бесполезным, поскольку во всех существующих ее описаниях и воспроизведениях остаются еще недомолвки или спорные места.

Интересующий нас текст набросан весьма небрежным почерком на случайном листке (VII, 346—347):

«Шварц ищет философского камня — Калибан, его сосед над ним смеется. Он проедает свое богатство в пустой надежде —

Шв<арц> — нет я ишу не богатства, а истины, мне богатство не нужно —

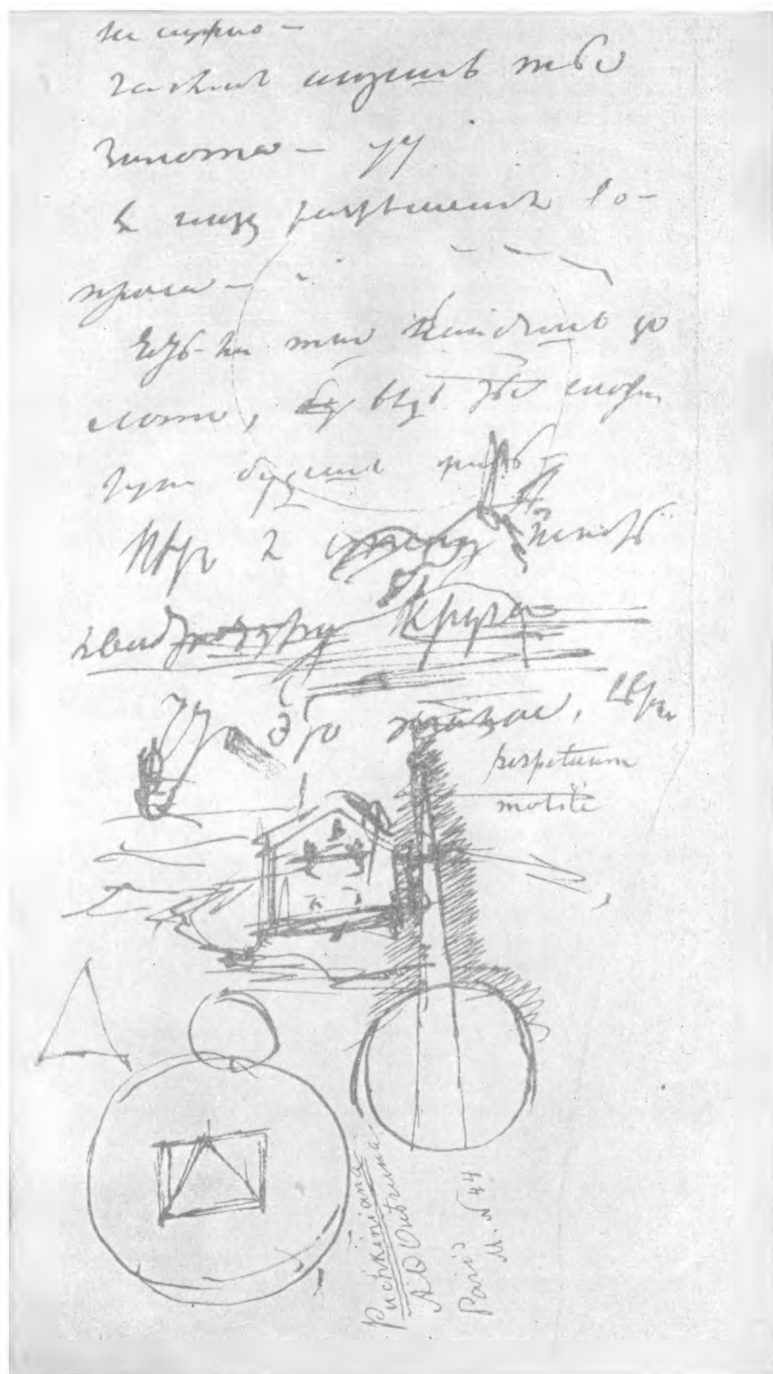
Зачем ищешь ты золота —

Я ишу разрешения вопроса —

Если ты найдешь золото [бу<дешь>] ведь ты сложа руки будешь жить —

² Единственным основанием для этой странной ассоциации могло быть представление о шекспировском Калибране, как о воплощении антиинтеллектуализма в противовес творческой, идущей натуре Бертольда Шварца.

³ Неизданный Пушкин. Изд. «Атеней», Пгр., 1922, стр. 167—168.

Черновой набросок плана к «Сценам из рыцарских времен».
 Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Нет я стану искать квадратуру круга —
Что это такое, верно».

Под этой строкой, но позже, другим почерком, Пушкин приписал: «*Perpetuum mobile*» и, вероятно, одновременно с этим несколькими поспешными чертами зачеркнул слова «квадратура круга».

Набрасывая этот план, Пушкин не случайно остановился на словах «квадратура круга»: он почувствовал вероятно, что этот пример не доводит его мысль до конца; и в самом деле, упорство в стремлении найти решение неразрешимой и абстрактной математической задачи не могло быть свойственно Бертольду как представителю средневековой учености, искавшему более конкретных применений своих знаний к практической жизни; недаром он должен был выступить в тех же «Сценах» Пушкина как изобретатель пороха, как алхимик. Пример *perpetuum mobile*, удержанный и в беловом тексте, гораздо лучше оттенял его основную мысль. Таким образом, написав слова «квадратура круга» и задумавшись над тем, как объяснить их Бертольду на вопрос купца «что это такое», Пушкин остановился и, как это нередко бывало у него в моменты подобных творческих пауз, начал чертить рисунки на том же листке, теснейшим образом связанные с поисками лучшего решения ввиду возникшего в его сознании затруднения.

В первом издании этого фрагмента 1922 года сделанные на нем рисунки описаны не были.⁴ В VII томе академического издания (1935) рисунки описаны подробно и довольно точно: «геометрические фигуры (треугольник, круг, внутри которого — четырехугольник, разбитый на три треугольника) и нечто вроде частей машины»; кроме того, здесь же сделано безусловно правильное указание, что эти рисунки, «очевидно, связаны с текстом плана: „Нет, я стану искать квадратуру круга“ — и ниже: „*perpetuum mobile*“».⁵ В описании Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского рисунки расшифрованы несколько иначе: «геометрические фигуры и двухэтажный дом».⁶

Для того, чтобы понять, что в действительности изображают эти рисунки, остановимся еще на датировке указанного наброска и сопровождающих его рисунков. В этом вопросе разногласий между исследователями, повидимому, не было. «Так как самые „Сцены“ относятся к 1835 году, то и наш план нужно датировать этим временем», — заметил Н. В. Измайлов.⁷ Такого же мнения придерживался и Д. П. Якубович, писавший: «Датировать листок (по связи с остальными документами, относящимися к пьесе) можно также 1835 годом».⁸ Более точной датировке рукопись не поддается; не менее трудно было бы установить, каким временем приписка «*perpetuum mobile*» отделена от даты первоначального заполнения листка. Тем не менее, думается, можно подойти к решению этих вопросов с другой стороны, попытавшись установить, в силу каких причин у Пушкина возникла мысль заменить

⁴ Неизданный Пушкин, стр. 167—168. — Нет никаких данных о рисунках и в первом упоминании об этой рукописи («Пушкин и его современники», вып. XII, СПб., 1909, стр. 18, № 44).

⁵ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, 1935, стр. 640.

⁶ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составил Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., 1937, стр. 109, № 281.

⁷ Неизданный Пушкин, стр. 168.

⁸ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VII, 1935, стр. 640. — Тут же, впрочем, Д. П. Якубович допускал, что план мог относиться и к предшествующему году. Черновая рукопись «Сцен» находится в той тетради, которая заведена была Пушкиным в самом конце 1833 года; отсюда заключают, что дата («15 августа»), проставленная в рукописи Пушкиным, может относиться и к 1834, и к 1835 году; так как текст пьесы значительно отошел от плана, несомненно, написанного раньше, то отсюда Д. П. Якубович и заключал, что интересующий нас листок написан был «может быть даже в 1834 году» (VII, 1935, 640, 650).

один пример другим и почему вместо «квадратуры круга» на листок вписано было другое определение: *perpetuum mobile*.

О бесплодных попытках решить проблему «вечного двигателя» и о месте, которое заняла она в истории человеческой мысли, Пушкин, разумеется, знал задолго до того времени, когда он задумал свои «Сцены из рыцарских времен». Трудно утверждать с полной определенностью, была ли ему известна, хотя бы в общих чертах, длинная история попыток изобретения *perpetuum mobile*, восходящая действительно к европейскому средневековью.⁹ Но Пушкин всё же мог знать, что, хотя уже в XVII веке Ньютон признал невозможность создания такого двигателя, а столетие спустя парижская Академия наук (в 1775 году), а вскоре за ней и лондонское Королевское общество постановили не принимать к рассмотрению никаких описаний новоизобретенных «вечнодвижущихся» механизмов (так же как и решений задач о квадратуре круга и удвоении куба), новые опыты по изобретению и конструированию таких механизмов всё еще продолжались. Время от времени сведения о них проникали и в печать. П. П. Свиньин в составленной им биографии И. П. Кулибина (1735—1818) рассказывал, например, как сильно идея создания *perpetuum mobile* захватила этого талантливого русского механика-самородка. «... Кулибин, — писал Свиньин, — тайно от всех занимался сим открытием, и... в 1816 году удача некоторого опыта так польстила ему, что в последние минуты жизни своей он единственно обращал всё внимание свое на предмет сей и надеялся успеть еще подарить оным отечество свое, страстно им любимое». Характерно при этом, что Свиньин, повидимому, простодушно допускал теоретическую возможность создания такого механизма, потому что он даже высказывал сожаление по поводу того, что Кулибину так и не удалось «кончить сего важного изобретения». «Может быть он был бы счастливее своих предшественников, останавливавшихся на сем камне преткновения, — с полной серьезностью писал о Кулибине Свиньин, — может быть он доказал бы, что вечное движение не есть химера механики, как утверждал Даламберт, подобно философскому камню в химии, бескорыстной любви — в нравственности».¹⁰ Из других источников¹¹ мы знаем, какое потрясающее впечатление произвела на Кулибина, незадолго до его смерти, небольшая заметка, помещенная в «Русском инвалиде»: здесь сообщалось, что некий Петерс, механик из Майнца, будто бы «изобрел, наконец, так называемое вечное движение (*perpetuum mobile*), которого тщетно изыскивали в течение многих веков, и привел оное к концу в Брюсселе в ночи

⁹ Одно из наиболее древних описаний механизма, будто бы представляющего собой «вечный двигатель», находится в рукописи французского архитектора Виаара де Гонекора XIII века. Существует довольно много историй изобретений такого двигателя; одна из наиболее полных: A. Da ul. *Das perpetuum mobile. Eine Beschreibung der interessantesten, wenn auch vergeblichen, aber doch immer sinnreichen und belehrenden Versuche, eine Vorrichtung oder Maschine herzustellen, welche sich beständig erhalten soll.* Wien—Pest—Leipzig, 1900.

¹⁰ Статья «Жизнь русского механика Кулибина и его изобретения. Сочинение Павла Свиньина» была одновременно напечатана в «Отечественных записках» и «Сыне отечества» в 1819 году и вышла отдельным изданием (СПб., 1819). Любопытно, что еще А. Н. Островский, создавая «Грозу» и воспользовавшись для образа Кулигина некоторыми чертами И. П. Кулибина, удержал в тексте своей драмы и этот штрих из биографии прототипа своего героя: «мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум мобиле» (Н. К. Гуд з и й. Прототип Кулигина Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924, стр. 185, 187).

¹¹ Д. И. Кар г и н. *Perpetuum mobile И. П. Кулибина.* «Архив истории науки и техники», вып. 6, М.—Л., 1935, стр. 187—209; В. Н. П и п у н и в о в. Иван Петрович Кулибин. Жизнь и творчество. М., 1955, стр. 105.

с 25 на 26 августа».¹² Однако, в русской печати пушкинского времени термин *perpetuum mobile* чаще встречается в качестве синонима затруднительного вопроса или неразрешимой задачи. «В чем могут состоять надежды публики?» — спрашивал, например, Н. Полевой в «Письме издателя к N. N.» в первом номере «Московского телеграфа» и отвечал, что этот вопрос кажется ему «*perpetuum mobile* в спорах и квадратурой круга в литературе».¹³

Любопытно, однако, что в 1834—1835 годах в петербургской печати тот же термин применен был к действительно выдающемуся открытию Б. С. Якоби и вся эта проблема неожиданно получила у нас совершенно новое освещение и привлекла к себе большое внимание.

В 1834 году, в десятом номере петербургского «Журнала мануфактур и торговли», под интригующим заголовком «Новая машина для непрерывного кругообращения», появилось сообщение об изобретенном Б. С. Якоби, выдающимся физиком этого времени и в недалеком будущем знаменитым петербургским академиком, электродвигателе, первая модель которого была им продемонстрирована 15 мая 1834 года. То же сообщение опубликовано было и в петербургской немецкой газете («*St. Petersburgische Zeitung*», 1834, № 206, 5 сентября, стр. 804) под заглавием «*Elektromagnetisches Perpetuum mobile*».¹⁴

Эта заметка сообщала, что Б. С. Якоби «выдумал произвести непрерывно круговое движение посредством электромагнетизма железа. Он показывал свой снаряд многим ученым мужам и технологам, которые прилежно наблюдали его действия». Далее кратко описывалась и самая машина: «Снаряд состоит из 8 железных полос неподвижных и 8 других таких же полос, вставленных в кружок и движущихся вокруг деревянного вала...; сии полосы окружены, в виде винта, железною проволокою» и т. д. Заметка кончалась известием, что «г. Якоби занимается теперь доказательствами, что сия новая двигательная сила может быть применена ко всяким машинам, дабы дать им потребное движение».¹⁵

Сведения об этом первом электродвигателе, которому суждено было сыграть столь важную роль в истории не только отечественной, но и мировой техники, сообщались в печати и в 1835 году. В номере от 6 марта за 1835 год в той же петербургской немецкой газете («*St. Petersburgische Zeitung*», № 53, стр. 231) писали, например, о продолжающихся опытах Б. С. Якоби над его двигателем, названным в заметке «электромагнитным *perpetuum mobile*», а в номере от 9 марта («*St. Petersburgische Zeitung*», 1835, № 56, стр. 243) шла уже речь не только о преимуществах новоизобретенной машины, но и

¹² «Русский инвалид», 1817, № 221, 22 сентября. — Далее следовало описание самого изобретения Петерса: «Сие вечное движение состоит... из колеса, имеющего два фута толщины и 8 футов в поперечнике. Оно движется собственно своею силою и без всякой помощи пружин, ртути, огня, электрической или гальванической силы. Скорость оно превосходит вероятие. Если прикрепить оное к дорожной карете или коляске, то в течение 12 часов проехать можно 100 французских миль, взбираясь притом на самые крутые горы и опускаясь с оных без малейшей опасности. Сие изобретение вводит совсем новую систему механики, ибо оное, как кажется, противоречит принятому доселе правилу, что с прибавлением скорости уменьшается сила и напротив».

¹³ «Московский телеграф», 1825, № 1, стр. 4. — Ср. еще в последней статье К. Рыльева «Несколько мыслей о поэзии»: «... что бы тогда осталось грядущим поколениям? Куда бы девалось *perpetuum mobile*?» («Сын отечества», 1825, ч. 104, № 22).

¹⁴ Борис Семенович Якоби. Библиографический указатель. Составила М. Г. Новлянская, под редакцией К. И. Шафрановского, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1953, стр. 105, № 178.

¹⁵ «Журнал мануфактур и торговли», 1834, № 10, стр. 60, 61.

о неправильном наименовании ее в печати и о мнении самого изобретателя по поводу *perpetuum mobile*. Дело в том, что еще в 1834 году в своем докладе «Об использовании сил природы для нужд человека», который, между прочим, дает Б. С. Якоби право считаться «одним из предшественников великого открытия закона сохранения энергии»,¹⁶ он уже достаточно ясно высказался о том, почему чисто механический *perpetuum mobile* невозможен;¹⁷ следовательно, наименование его электромагнитного двигателя этим термином оказалось ошибкой, тем не менее популярный термин, несомненно, сыграл свою роль при обсуждении его изобретения в широких кругах, в особенности потому, что собственного утвердившегося наименования изобретенный Якоби двигатель еще не имел.

Машина Якоби, предназначенная для практической работы, несмотря на все несовершенства своих первых моделей, как известно, оправдала свое назначение; работы над нею Якоби продолжались и в последующие годы со всё возрастающим успехом, сопровождаемые удачными опытами ее применения, например к судоходству; об этом всё чаще писали и русские журналы и газеты второй половины 30-х годов.¹⁸ Хотя наиболее удачные из этих опытов, сопровождавшиеся и другими замечательными открытиями Якоби в области физики и техники, относятся к концу 30-х — началу 40-х годов, т. е. ко времени уже после смерти Пушкина, но хронологическое совпадение первых печатных известий о новоизобретенном *perpetuum mobile* с появлением этого термина в набросках «Сцен из рыцарских времен» не кажется нам случайным. Более того, соблазнительно было бы приписку Пушкина на указанном выше листке (после отброшенных слов «квадратура круга») поставить в прямую связь с получением им известия об изобретении Б. С. Якоби. Мог ли знать о нем Пушкин в 1834—1835 годах? Могли ли дойти до него заметки об этом, мелькнувшие в петербургской печати тех лет? На это можно ответить утвердительно прежде всего потому, что одним из информаторов его об этой новости мог быть П. Л. Шиллинг, бывший, кстати сказать,

¹⁶ Т. П. Кравец. К семидесятипятилетию со дня кончины Б. С. Якоби (1874—1949). «Успехи физических наук», 1949, т. XXXVIII, вып. 3, стр. 411.

¹⁷ Считаю, что Б. С. Якоби стоял «на самых передовых позициях физической мысли» и цитируя его соображения по поводу того, почему невозможен механический «так называемый *perpetuum mobile*, или машина, которая должна работать, не требуя затраты силы», Т. П. Кравец, однако, обращает внимание также на другое место того же доклада Якоби 1834 года, которое является действительно наивным и, во всяком случае, очень типичным для уровня знаний того времени об электромагнетизме как движущей силе: «Механический *perpetuum mobile*, — писал Якоби, — невозможен, так как движущая сила может дать только равный ей эффект; физический, конечно, можно себе представить, ибо он нуждался бы лишь в движущей силе, которая могла бы, подобно магнетизму Фарадея, возбуждаться простым движением, поэтому не нуждалась бы в питании или требовала бы его очень мало, и, — в чем и состоит, в сущности, значение *perpetuum mobile*, — действие которой не стоило бы ничего или почти ничего». «Тепловой двигатель, — замечает Т. П. Кравец по поводу этого высказывания Якоби, — управляет всей современной ему техникой — и инженер Якоби отчетливо видит, что тепловой *perpetuum mobile* невозможен; но электродвигатель еще не вошел в технику, и тот же инженер Якоби не считает возможным распространить на него этот принцип без дальнейшего обсуждения» (цит. статья, стр. 412). Таким образом, журналисты 1834—1835 годов, называвшие двигатель Якоби «электромагнитным *perpetuum mobile*», в сущности не столь сильно погрешили против уровня физических понятий своего времени. (См. также: Д. В. Ефремов и М. И. Радовский. Электродвигатель в его историческом развитии. Документы и материалы, I. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 110—116, 148—209; М. И. Радовский. Борис Семенович Якоби. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 12—42).

¹⁸ Ср. заметку: Двигательная электромагнитная машина г. Якоби. «Библиотека для чтения», 1838, т. XXIX, отд. VII, стр. 9—12.

одним из первых, кто сразу же понял выдающееся значение изобретения Якоби и предсказал его будущее значение.¹⁹

Возвращаясь теперь к рисунку Пушкина, сопровождающему набросок беседы между Бертольдом Шварцом и Мартыном, можно, думается, с большой уверенностью сказать, что та его часть, которая была принята за «двухэтажный дом» или за «нечто вроде машины», ближе всего напоминает первую модель двигателя Якоби, как он был описан в десятом номере «Журнала мануфактур и торговли» за 1834 год под заглавием «Новая машина для непрерывного кругообращения».²⁰ Приписка Пушкина «perpetuum mobile» сделана им справа от его рисунка машины, а расходящиеся от нее линии — это не детали пейзажа вокруг мнимого «двухэтажного дома», а скорее всего изображение возникающих электрических разрядов.

В 30-е годы для большинства современников Пушкина машины, подобные двигателю Якоби, были окружены еще атмосферой своеобразной романтики. Можно указать здесь в качестве примера на одно из типических в этом смысле описаний опытной лаборатории Б. С. Якоби, которое может подтвердить, что ассоциативная связь между образами новейших изобретателей и средневековых ученых возникала сама собой и не являлась натяжкой. В «Северной пчеле» за 1839 год, т. е. всего лишь через четыре года после того, как созданы были «Сцены из рыцарских времен», писали:

«Квартира г. Якоби, на Васильевском острову, в доме Парланда № 30, на берегу Невы, между 16 и 17 линиями, — это точно жилище волшебника. Везде стоят машины и аппараты самого простого устройства, и по прикосновению его волшебного жезла, вдруг все машины двигаются, мечут искры, плавят металлы! От прикосновения другим концом жезла... всё мертвеет. Любопытно и поучительно! В средние века фанатики сожгли бы г. Якоби, а поэты и сказочники выдумали бы о нем легенду, как о Фаусте».²¹

Ассоциативная мысль Пушкина могла идти тем же путем. Прочтя или услышав в 1834—1835 годах (т. е. в период, когда в его творческом сознании складывались первые очертания будущих «Сцен из рыцарских времен») об изобретении «электромагнитного perpetuum mobile», он заменил «квадратуру круга» — задачу, которая должна была первоначально владеть мыслью его Бертольда Шварца, — другим, более удачным примером и тогда же приписал на своем наброске слова «perpetuum mobile» рядом с рисунком этого воображаемого «вечного двигателя».

Если некоторые краски для образа Бертольда, помимо книжных источников, Пушкин мог частично позаимствовать из бесед с В. Ф. Одоевским, как раз в этот период много занимавшимся средневековой наукой, философией и алхимией, то другие, менее заметные, но всё же уловимые нити тянутся от «Сцен» Пушкина непосредственно к современной ему жизни и, может быть, ведут нас в физический кабинет того же П. Л. Шиллинга, к беседам с ним поэта о новейших изобретениях и будущности их в истории русской культуры.²² С другой стороны, полулегендарный, полуйсторический

¹⁹ П. Л. Шиллинг был и лично близко знаком с Б. С. Якоби и встречался с ним до конца своей жизни в 1837 году. См.: А. Любарский. Свет русской науки. Очерки. Таллин, 1952, стр. 87; Ф. Х. Чирахов. Работы П. Л. Шиллинга и Б. С. Якоби в области электрических линий связи «Известия Академии Наук СССР. Серия физическая», 1949, т. XIII, № 4, стр. 497—504.

²⁰ См. изображение ранней модели двигателя Якоби в книге: А. Любарский. Свет русской науки, стр. 88.

²¹ «Северная пчела», 1839, № 217, 27 сентября, стр. 868.

²² Может быть, самая идея ввести в «Сцены из рыцарских времен» эпизод взрыва крепости-тюрьмы изобретенным Бертольдом порохом возникла у Пушкина под влиянием опытов взрыва пороха электричеством, производившихся в Петербурге, кото-

Бертольд Шварц был именно тем лицом, которому предание упорно и с давних пор приписывало изобретение пороха.²³

С середины 30-х годов эти открытия и изобретения, в особенности в области электромагнетизма, начинают играть столь заметную роль среди впечатлений действительности, так прочно водворяются в сознании людей этой поры, что с ними нельзя не считаться при характеристике особенностей русской литературной лексики и произведений литературы, казалось бы, вовсе далеких от сферы научной деятельности. Из множества примеров, которые могли бы здесь быть приведены, укажем лишь на один, имеющий ближайшее отношение к Пушкину.

Один из «любителей искусств», выведенных Гоголем во второй редакции «Театрального разъезда», утверждает, что всё теперь изменилось в свете и что в театральных пьесах нынешнего времени должна играть первенствующую роль не любовная интрига, а иные движущие силы: «Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы то ни стало, другого, отмстить за пренебрежение, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?»²⁴

Метафорическое употребление слова «электричество» в данном контексте примечательно как живая черта эпохи; с этим словом у Гоголя соединялись поэтические представления, и оно прочно вошло в его литературный словарь. Еще в статье «Несколько слов о Пушкине» (1832) Гоголь писал, что имя поэта «имело в себе что-то электрическое»,²⁵ да и впоследствии в статье, вошедшей в «Переписку с друзьями» («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»), Гоголь именно о Пушкине говорил, что он «изо всего, как ничтожного, так и великого... исторгает одну

рыми П. А. Шиллинг был как раз сильно занят в 1833—1835 годах (А. В. Яроцкий и Павел Львович Шиллинг, стр. 23—26). Отметим, кстати, что одна из публичных лекций, читанных в Петербурге в 1832 году от имени Института инженеров путей сообщения, называлась: «Об изобретении пороха» (Евг. Соколовский. Пятидесятилетие Института и корпуса инженеров путей сообщения. Исторический очерк. СПб., 1859, стр. 38—39).

²³ Хотя в Фрейбурге (Брейсгау) воздвигнут памятник Бертольду Шварцу, на котором высечен 1380 год в качестве даты его изобретения (см.: Н. Hausjakob. Der Schwarze Berthold, der Erfinder des Schießpulvers und der Feuerwaffen. Freiburg, 1891), но в настоящее время можно считать вполне установленным, что самое отнесение его жизни к XIV веку является ничем не подкрепленной легендой. Францисканский монах Bartoldus, с именем которого связывается изобретение пороха, упоминается в источниках только начиная с XVI века (W. L. Hertstlet. Der Treppenwitz der Weltgeschichte. Geschichtliche Irrtümer, Entstellungen und Erfindungen. Berlin, 1918, стр. 198—199). Было бы интересно установить, из каких источников легенда о Бертольде Шварце была известна Пушкину.

²⁴ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 142. — Примечательно, что тот же «любитель искусств» уподобляет театральную пьесу сложному по своему устройству механизму и утверждает, что «течение и ход пьесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело... И в машине одни колеса заметней и сильней движутся; их можно только назвать главными; но правит пьесою идея, мысль» (там же, стр. 142, 143). Как установлено было В. В. Гиппиусом, высказывания этого «любителя искусств» довольно близки некоторым положениям статьи В. П. Андросова о «Ревизоре» в «Московском наблюдателе» 1836 года, однако ставший знаменитым тезис об «электричестве», которым обладают «чин, денежный капитал, выгодная женитьба», принадлежит исключительно самому Гоголю. Белнинский цитировал этот тезис в статье «Русская литература в 1843 году».

²⁵ Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. VIII, 1952, стр. 51. — Отметим, что в фразе этой же статьи о «чудной, магической силе» сочинений Пушкина первоначально вместо «магической» стояло «магнитной» (там же, стр. 602).

электрическую искру... поэтического огня».²⁶ Характерно, что та же терминология была привычна и для В. Ф. Одоевского: свою статью о Пушкине он начинал со свидетельства, что имя поэта везде производит «какое-то электрическое потрясение».²⁷ И. В. Киреевский в своей знаменитой статье «Деятнадцатый век» также напомнил «электрические слова, которых звук так потрясал умы: свобода, разум, человечество».²⁸ Эти примеры подтверждают, что в 30-е годы специальная физическая терминология не только входила в обиходную речь, но что она получала определенные экспрессивные функции в литературном языке, становилась одним из элементов художественной литературы.

6

В третьей главе «Пиковой дамы»¹ рассказу о роковой встрече Германа со старой графиней предшествует подробное описание того, что увидел он, украдкой проникнув в старый барский дом. Незамеченный никем Германн наблюдает за графиней, вернувшейся с бала, когда, отослав горничных, она остается одна: «Графиня сидела вся желтая, шевеля отвисшими губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах её изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма» (VIII, 1, 240).

Комментаторы Пушкина обычно проходят мимо последней детали либо дают ей неправдоподобное объяснение, поэтому ее истинный смысл ускользает от читателя наших дней. Что Пушкин имел в виду, говоря о «действии скрытого гальванизма»? «Путеводитель по Пушкину» под словом «гальванизм», имея в виду, в первую очередь, указанное место в тексте «Пиковой дамы», дает следующую справку: «Так назывались различные явления, связанные с действием электрического тока на живой организм (судорожные сокращения мышц и т. п.). Название происходит от имени итальянского физика (?) Гальвани (1737—1798), который объявил эти явления существованием особой жизненной „гальванической“ силы. Загадочные явления, не получившие в то время достаточно научного объяснения, привлекали всеобщее внимание. В романтической литературе, тяготеющей к таинственным и ужасным мотивам, встречались изображения (?) гальванизированных трупов и самое слово „гальванический“ было модным. Поэтому Пушкин назвал французский „ужасный“ роман „гальванической словесностью“».²

Решительно всё неверно в этом пояснении, ориентирующем читателя на таинственное, «мистическое» восприятие как слова «гальванический», так и всего эпизода в целом. Между тем в речевой практике русского читателя 30-х годов в слове «гальванизм» оттенка, настраивающего на таинственный лад, уже не было. Современники Пушкина хорошо знали, что итальянец Алоизий Гальвани, от имени которого в конце XVIII века возникло новое слово, никогда не был физиком, но болонским врачом, ставшим профессором

²⁶ Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1952, стр. 381.

²⁷ П. Н. Сакулин, Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 2. М., 1913, стр. 327.

²⁸ «Европеец», 1832, № 1, стр. 7.

¹ «Пиковая дама» напечатана впервые в «Библиотеке для чтения» (1834, т. II, кн. 3, стр. 109—140) и в том же году вошла в состав «Повестей, изданных А. Пушкиным» (стр. 187—247).

² А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI. Путеводитель по Пушкину, изд. «Красной нивы», М.—Л., 1931, стр. 90.

анатомии; знали они также, что открытые им явления перестали быть загадочными уже в конце XVIII века, получив свое научное объяснение после открытий Вольты, сделанных в 1799 году.³ В 30-е годы слова «гальанизм» и «гальванический» были у нас не столько модными, сколько просто употребительными, обозначая уже не какую-то таинственную «жизненную силу нервов», а попросту электрический ток. «Библиотека для чтения», через несколько лет после появления в этом же журнале «Пиковой дамы», объясняла, что под именем «гальанизма» со времени открытия Вольты разумеется «динамическое электричество», т. е. «свободно движущееся незримо струей по проводникам от одного полюса к другому»;⁴ отдел о «гальванизме», рассматривавший единственно существовавшие в то время источники электроэнергии, занимал немалое место в лучших русских оригинальных руководствах по физике этих лет.⁵

Обширная статья «Энциклопедического лексикона» А. Плюшара в томе, вышедшем в свет в 1838 году, под словом «гальанизм» приводит уже подробную историческую справку о ходе изучения электрических возбудителей в физиологическом, физическом, химическом и других отношениях, излагает «теорию и главные явления гальванического действия», перечисляет «известнейшие снаряды, которые в общем употреблении носят название гальванических столбов и упоминаются в книгах под разными именами».⁶ «Гальвани, — говорит, между прочим, в этой статье, — написал замеченные явления жизненной силе нервов; в этом соглашались с ним почти все те, которые повторяли его опыты, — по большей части врачи. Знаменитый Вольта первый предположил другую причину и стал доказывать, что она заключается в электричестве, которое возбуждается соприкосновением двух металлов... Наконец, Вольта открыл устройство первого прибора, названного по его имени *Вольтовым столбом*. Этим чрезвычайным важным открытием в области естественных наук было встречено XIX столетие» (стр. 123—124). И далее: «Столб удержал за собою имя Вольты, как первого изобретателя снаряда», но электрический ток «продолжают и до сих пор называть гальванизмом. Это несправедливо» (стр. 141). Статья о «гальванизме» в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара принадлежит Э. Х. Ленцу (1804—1865), выдающемуся петер-

³ Русские работы, рассматривавшие этот вопрос с точки зрения физики, относятся тоже к самому началу XIX века. Такова, например, книга В. В. Петрова «Известие о гальвано-вольтовых опытах» (СПб., 1803), которая, по отзыву неперменного секретаря петербургской Академии Наук, «замечательна как первое сочинение на русском языке о сем предмете, привлекавшем в то время всеобщее внимание» (ЖМНП, 1835, март, отд. III, стр. 487). Ср.: Столетие со дня смерти акад. В. В. Петрова. «Архив истории науки и техники», вып. 6, Л., 1935, стр. 427—429. Историю борьбы научных представлений о магните и магнетизме с суеверным представлением о магнетической силе см.: Alfred Still. Soul of Lodestone: The Background of Magnetical Science. N. Y.—Toronto, 1946.

⁴ «Библиотека для чтения», 1840, т. 42, отд. IV, стр. 2.

⁵ Можно указать, например, на пользовавшиеся в эти годы известностью учебники Н. П. Щеглова (1829) и Э. Х. Ленца (1836); см. также статью Д. М. Перовшикова «О гальванизме» в «Новом магазине естественной истории, физики, химии и сведений экономических» А. И. Двигубского (1827, ч. II, № III, 173—190; № IV, стр. 271—284). Даже в шеллингианских «Основаниях физики» М. Г. Павлова (ч. II, М., 1836) гальванизму уделено было большое внимание и, между прочим, объяснялось, что «где соединяются два возбудителя и один проводник, там неотменно должен иметь место и гальванический процесс» (стр. 366); (ср.: Е. Бобров. Философия в России, вып. II, Казань, 1899, стр. 189).

⁶ Энциклопедический лексикон, т. XIII, СПб., 1838: «Гальванизм» (стр. 123—140), «Гальванические столбы» (140—143), «Гальваническая терминология Фареде» (стр. 143—145).

бургскому физику, с 1834 года академику, с именем которого связаны многие весьма важные исследования этих лет в области электромагнитических явлений; на основе открытий Эрстеда (1820) и Фарадея (1832) Э. Х. Ленц «привел всю область магнито-электричества к одному простому началу и показал связь ее с электродинамикой»⁷

Поэтому и Пушкин, говоря «о действии скрытого гальанизма», вероятно, не имел в виду ничего другого, как «гальваническую батарею», да и однажды употребленный им термин «гальваническая словесность», на что ссылается тот же «Путеводитель по Пушкину», следует понимать прежде всего в смысле литературы «электризирующей», т. е. возбuditельно действующей на воображение читателей.⁸

Рассказывая о качествах старухи из стороны в сторону, казавшихся Германну произвольными, как бы вызванными действиями электрического тока, исходящего из какого-то «скрытого», т. е. невидимого, источника электроэнергии,⁹ Пушкин едва ли хотел намекнуть на «гальванизацию трупа» или вызвать какие-либо ассоциации, связанные с «ужасным» французским романом; это прежде всего реалистическая деталь, но в повести она могла иметь также и особое «психологическое» назначение. Напомним, что герой «Пиковой дамы» — бедный инженерный офицер и что служебное положение и профессия Германа едва ли случайно несколько раз подчеркнуты в повести (см. разговор Лизаветы Ивановны с Нарумовым во второй главе). В наши дни эта деталь почти вовсе ускользает от читателя, но современники отнеслись к ней иначе. Ее выделил, например, А. А. Шаховской в драматической переделке «Пиковой дамы», игравшейся на петербургской сцене уже в 1836 году. В этой нелепой и безвкусной переделке (названной «Хризомания или страсть к деньгам») Германн, переименованный в Карла Ирмуса, характеризуется Томским в следующих словах: «Он — инженер, математик, человек аккуратный... так он и бережет денежку на черный день»;¹⁰ в другой сцене пьесы Шаховской заставляет инженера Ирмуса, т. е. Германа, размышлять вслух на тему о соотношении математически точного расчета и роли случая в карточной игре,¹¹ что можно было бы при желании счесть свидетельством знакомства его с теорией вероятностей, которой, как известно, интересовался также и Пушкин.

⁷ А. Савельев. О трудах академика Э. Х. Ленца в магнитоэлектричестве. ЖМНП, 1854, ч. 88, август, отд. V, стр. 4—5.

⁸ Имеется в виду полемическая статья Пушкина «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» (1836), в которой есть следующие слова: «...словесность гальваническая, каторжная, пушешная, кровавая, цыгарочная и пр. — эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики» (XII, 70).

⁹ Ср. у Ф. Булгарина («Поездка в Кронштадт 1 мая 1826 г.»): «Мой процесс... сказал один сухощавый человек своему товарищу. Это одно слово, как гальваническое прикосновение, оттолкнуло меня на три шага от рассказчика» (Ф. Булгарин, Сочинения, т. III, ч. 5, СПб., 1828, стр. 32).

¹⁰ Цитируется по статье: В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы». «Временник Пушкинской комиссии», вып. 2, М.—Л., 1936, стр. 101; о «Хризомании» Шаховского см. также: П. Столпянский. Одна из переделок произведений А. С. Пушкина для сцены. «Ежегодник императорских театров», 1911, вып. III, стр. 11—15; В. М. Абрамкин. Пушкин в драматической цензуре. «Литературный архив», т. I, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 235—236, 259. — Цензор Е. Ольдекоп писал о «Хризомании», разрешая ее представление в Александринском театре: «Не смотря на то, что эта пьеса заимствована из прекрасной повести, она столь же уродлива, как ее заглавие».

¹¹ В. В. Виноградов. Стиль «Пиковой дамы», стр. 90.

Качание старой графини описано в повести теми словами, какими мог рассказывать об этом безмолвно наблюдавший за нею Германи: это ему представилось, что она качается направо и налево как бы «по действию скрытого гальванизма». Именно поэтому эта деталь и кажется нам поразительным художественным штрихом. Молодой инженерный офицер, несмотря на волнение, охватившее его перед решающим для его судьбы разговором со старухой, всё же не может вовсе забыть о впечатлениях, связанных с его инженерной специальностью. В этот момент они подсознательны, но всё же управляют его сравнениями; движения старухи — не просто механические или «машинальные» (слово это хорошо известно Пушкину, он пользовался им в «Евгении Онегине»); их вызывает, кажется Германну, электрическая сила, исходящая из невидимого источника. Здесь нет никакой таинственности, никаких намеков на французскую «неистовую словесность»: Германи не мог быть в ней начитан, да и старуха для него в минуты, когда он ждал от нее тайны трех карт, не была ни трупом, ни призраком.

С инженерной специальностью Германи, которая по замыслу Пушкина, очевидно, могла давать себя знать, несмотря на его «сильные страсти» и «огненное воображение», связаны, вероятно, и некоторые другие детали повести. Шестая глава начинается словами, предваряющими рассказ о дальнейших событиях жизни Германи:

«Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место» (VIII, 1, 249).¹²

Пушкин говорит это от себя, но можно ли объяснить случайностью, что и стилистически и по существу сформулированное здесь положение воспроизводит одну из аксиом любого курса механики, распространенную лишь на область «нравственной природы»? Едва ли эта мысль, изложенная точным языком учебной теоремы, введена в текст повести в результате случайного, бессознательного творческого акта; мы, наоборот, имеем полное право предположить, что она является следствием глубоко обдуманного артистического расчета, что она входит в целую систему подробностей, специально предназначенных к тому, чтобы усилить восприятие Германи читателями как инженера по профессии. В этой тонко разработанной системе деталей есть и такие, которые могут представиться читателям либо неожиданными, либо вовсе излишними, если они не учтут этого замысла Пушкина.

Таково, например, описание всего того, что Германи увидел в спальне графини, дожидаясь ее возвращения (гл. III). М. Гершензон в своей статье о «Пиковой даме» безоговорочно отнес это описание к числу «художественных ошибок» Пушкина. «Современный художник, — пишет Гершензон, — например Чехов, нарисовал бы здесь только те черты обстановки, которые мог и должен был в эту минуту величайшего напряжения заметить Германи. Так поступил и сам Пушкин, рисуя приготовления к дуэли Онегина с Ленским...». Гершензон ссылается на психологически сходную, как ему кажется, сцену возвращения Ростова в отчий дом из «Войны и мира», в которой Л. Н. Толстой проникновенно изобразил не всё то, что могло встретиться Ростову, но лишь «элементарные зрительные впечатления, схваченные на лету... и вихрем возникающие обрывки воспоминаний». «С этой

¹² Ср., впрочем, в писавшемся одновременно «Путешествии из Москвы в Петербург»: «Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческого» (XI, 247). См. замечание М. А. Цявловского в издании: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, Гослитиздат, М., 1938, стр. 860—861.

точки зрения, — заключает отсюда Гершензон, — подробное объективное описание графининой спальни, как ни хорошо оно само по себе, — серьезный художественный промах; всего, что здесь перечислено, Германн, конечно, не мог тогда видеть и сопоставлять в своем уме». ¹³

Такой вывод является и поспешным и несправедливым. В тексте повести ясно указано, что в покоях графини Германн проводит свыше двух часов («Время шло медленно... В гостиной пробило двенадцать... Германн стоял, прислонясь к холодной печке». «Дальний стук» приближающейся кареты Германн услышал только тогда, когда часы пробили «второй час утра»; VIII, 1, 240). Следовательно, у Германна было достаточно времени на то, чтобы осмотреться кругом и заметить всё. Еще существеннее то, что Германн вовсе не находился в состоянии лихорадочного волнения. Пушкин особо подчеркнул: в долгие часы ожидания графини Германн не испытывал ни нетерпения, ни страха («Он был спокоен; сердце его билось ровно»; VIII, 240). Естественно, что все мысли Германна были сосредоточены на старой графине и на предстоявшей встрече с нею. Думая о графине в ее комнатах, он старался составить о ней представление и по окружавшим ее вещам. По замыслу Пушкина, впечатления Германна должны были совпасть с тем образом графини, который создался у него первоначально на основании рассказа о ней Томского; вещи как бы подтверждали реальность биографии графини и даже удивительную точность всех как бы случайно, мимоходом упомянутых Томским дат (Томский сообщил, например, что его бабушке восемьдесят лет и что она «лет шестьдесят тому назад ездила в Париж и была там в большой моде»; VIII, 1, 228).

Описание спальни графини, какой представилась эта барская комната Германну, следует считать не «серьезным художественным промахом» Пушкина, как думал Гершензон, но удивительным и поистине безупречным воплощением тончайшего авторского замысла. В этом описании нет ни одной ненужной подробности, ни одного лишнего слова: они согласованы между собой до конца. Весь рассказ Томского о графине, воспламенивший воображение Германна и потому удержавшийся в его памяти во всех деталях, получает в этом месте повести свое реальное подтверждение: каждая вещь комнаты свидетельствует о том или ином событии в жизни графини, утверждает в сознании Германна, что всё услышанное им о графине правдоподобно или справедливо; ему остается теперь выведать лишь тайну трех карт. Все вещи, украшавшие спальню, свидетельствовали прежде всего о Париже XVIII века: полинялые штофные кресла с «сошедшей позолотой», китайские обои на стенах, портреты, писанные «в Париже» Виже Лебрен. Но этих подробностей Пушкину показалось недостаточно, и он добавил: «По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Легоу, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьевым шаром и Месмеровым магнетизмом» (VIII, 1, 239, 240).

Фарфоровые безделушки и всевозможные «дамские игрушки», бросившиеся в глаза Германну, характеризуют обстановку аристократической модной красавицы XVIII века; не случайно здесь же упомянуто, что убранство этой спальни завершалось «в конце минувшего столетия». Но какой смысл имеет упоминание, что эти игрушки изобретены были «вместе с Монгольфьевым шаром и Месмеровым магнетизмом»? Прежде всего — хронологическое. Эти указания имеют прямое отношение и к возрасту графини, и к дате ее пребывания в Париже («лет шестьдесят назад»). Пушкин

¹³ М. Гершензон. Мудрость Пушкина. М., 1919, стр. 111, 112.

здесь, как и всегда, безупречно точен. Братья Монгольфье пустили первый аэростат, наполненный нагретым воздухом («Монгольфьер»), в Версале в июне 1783 года, и приблизительно около того же года начали входить в моду опыты по внушению (гипнотические явления именовались тогда «магнетизмом») немецкого врача Фридриха Антона Месмера (1733—1815).

У Пушкина в момент создания «Пиковой дамы» мог быть под руками источник, обеспечивший хронологическую точность при сопоставлении двух, казалось бы, столь далеких друг от друга событий — первого опыта воздухоплавания и открытия гипноза как лечебного средства. Таким источником могла быть ода Г. Р. Державина «На счастье» (1789). В этой известной оде, написанной шуточным слогом и полной сатирических намеков на события того времени, Державин представляет счастье и переменчивость фортуны в различных образах и применениях и, в частности, упоминает модные тогда «монгольфьеров шар» и «магнетические» опыты с предсказаниями будущего.

Державин пишет о счастье:

Но, ах! как некая ты сфера
Иль легкий шар Монгольфьера,
Блестая в воздухе, летишь...

и поясняет: воздушному шару «счастье здесь тем уподобляется, что упадет куда случится».¹⁴ Н. Ф. Остолопов, отметив, что это ода Державина писана в 1789 году, также разъяснил, что в указанных стихах «изображается своенравие счастья... , что оно редко благоприятствует достойным людям, а подобно воздушному Монгольфьером изобретенному шару упадет куда случится».¹⁵

К стихам другой строфы:

Как ты лишь всем чудотворишь,
Девиз и дам магнизируешь —¹⁶

во времена Пушкина давался комментарий, сопровождаемый точной датой:

«В 1786 году в Петербурге магнетизм был в великом употреблении.

«Одна г-жа К. «Ковалинская, жена правителя канцелярии Потемкина» занималась новым сим открытием, и пред всеми в таинственном сне делала разные прорицания».¹⁷

Стоит отметить, что в той же оде «На счастье» Державин говорит и о карточной игре, смело вводя в стихи профессиональные словечки из жаргона карточных игроков.

Предполагаемое нами обращение Пушкина к оде Державина в поисках исторического колорита для «Пиковой дамы», точных «признаков времени» представляется и естественным, и вполне закономерным. Здесь мог иметь место и полусознательный ход ассоциативных идей: о чем Пушкин мог заставить думать Германна, внимательно разглядывавшего комнату гра-

¹⁴ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. I, СПб., 1864, стр. 255.

¹⁵ Н. Ф. Остолопов. Ключ к сочинениям Державина. СПб., 1822, стр. 47. — Братья Монгольфье были хорошо известны в России в XVIII веке и часто упоминались в русской литературе. Многократно говорит о них А. Н. Радищев (в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», в «Памятнике дактилохорическому витязю», в стихотворении «Оснадцатое столетие» и др.).

¹⁶ Державин, Сочинения, т. I, 1864, стр. 245.

¹⁷ Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные..., изданные Ф. П. Львовым, ч. I. СПб., 1834, стр. 20.

Фини, как не о случайностях фортуны, уподобленной воздушному шару, игралищу ветров, или об удачных предсказаниях, сделанных под воздействием гипноза?¹⁸

Во всяком случае, каков бы ни был источник, в котором Пушкин почерпнул или с которым он сверил нужные ему даты, они кажутся строго согласованными между собой; и «монгольфьеров шар» и первые успехи «месмеризма» ведут нас в Париж начала 80-х годов XVIII века, и это, в свою очередь, вполне соответствует указанию Томского, что графиня «лет шестьдесят тому назад ездила в Париж и была там в большой моде».

И всё же не эта безупречная хронологическая согласованность деталей, казалась бы, второстепенных и малозначительных, кажется особенно поразительной в повести Пушкина. Невольно создается впечатление, что Пушкиным был глубоко обдуман самый выбор предметов, обративших на себя внимание Германна в покоях графини, что Пушкин не упустил возможности и здесь, в этом перечислении, дать тонкую характеристику инженерной специальности своего героя. В самом деле, и «моногонфьеров шар», и различные «дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия», могли Германну вспомниться скорее, чем любому другому наблюдателю. Привычный «инженерный» взгляд Германна успел заметить в спальне многое такое, что другим могло бы и вовсе остаться незамеченным. Германн увидел, например, «коробочки, рулетки, веера», «столовые часы работы славного Легоу». Обратим внимание прежде всего на слово «рулетка», потерявшее свое прежнее значение и поэтому не воспринимаемое более читателем «Пиковой дамы» наших дней или толкуемое вполне произвольно. Как понимал его Пушкин? Речь здесь ни в коем случае, разумеется, не могла идти о приспособлении для азартной игры; Пушкин имел в виду

¹⁸ Учение Месмера было, однако, известно Пушкину уже с давних пор. Повидимому, он был знаком с большим трудом, изданным в 1818 году профессором Д. М. Велланским, впоследствии приятелем В. Ф. Одоевского и сотрудником «Литературной газеты» Дельвига: «Животный магнетизм, представленный в историческом, практическом и теоретическом содержании. Первые две части переведены из немецкого сочинения профессора Клуге, а третью сочинил Д. Велланский» (СПб., 1818). Книга посвящена памяти Месмера, и ее первая часть излагает историю того, как Месмер, гонимый в Австрии, переселился во Францию и получил здесь возможность обнаруживать главные основания своего учения (ср.: Е. Е. Боров. *Философия в России. Материалы, исследования и заметки*, вып. III. Казань, 1900, стр. 8—15). Отзывком знакомства Пушкина с этой книгой Велланского можно усмотреть в начальных стихах четвертой главы «Руслана и Людмилы» издания 1820 года (затем отброшенных):

... теперь колдун
Иль магнетизмом лечит бедных
И девушек худых и бледных...

(IV, 279)

О «силе магнетизма» Пушкин вновь упомянул в восьмой главе «Евгения Онегина» (строфа XXXVIII). В 30-х годах «магнетизм» был в Петербурге в большой моде (Н. О. Лернер. *Пушкинологические этюды. «Звенья», сб. V, М.—Л., 1935, стр. 101—103*). Добавим, что Пушкин, несомненно, читал статью Д. М. Велланского «Замечание на статью литературного французского журнала *Le Furet*», напечатанную в «Литературной газете» (1830, № 16, 17 марта, стр. 126—128) в непосредственном соседстве с его собственным стихотворением. Статья Д. М. Велланского написана в защиту магнетизма, осмеянного петербургским французским журналом, и довольно подробно говорит о Месмере:

«Почти за 60 лет до нынешнего времени доктор Месмер начал лечить болезни животным магнетизмом, за что должен был оставить Вену и выехать из Австрии. Прибывши в Париж, делал он чудеса магнитным своим лечением» и т. д. (стр. 127).

«игрушку, состоящую из кружка, бегающего вниз и вверх по шнуру»,¹⁹ действительно «изобретенную» и бывшую в моде во Франции, а затем в России, в конце XVIII века.

В «Дамском журнале» мы находим по этому поводу заслуживающее внимания свидетельство (в заметке «Анекдот о Митрофанушке»):

«Было время, когда рулетки вместе с собою кружили все головы: дома, в гостях, в спектаклях, на вечерах, на гульбищах, пешком и верхом, у мужчин и дам всеминутно выпрыгивали из рук рулетки, которые осыпались жемчугом, яхонтами, бриллиантами и проч., и проч.

«Находя подобную роскошь и подобную забаву довольно смешными, бессмертная Екатерина велела, чтобы при представлении *Недоросля*, Митрофана Терентьевича, он выбежал на сцену — с рулеткою в руках и вместо мыльных пузырей, обыкновенно им пускаемых, тешился — рулеткою.

«Можно угадать, что рулетки из всех рук — выпали навсегда.

«Так-то *Митрофанушки* подчас преподают урок другим Митрофанушкам под разными именами!».²⁰

Характерно, однако, что значение «рулетки» как игрушки к середине XIX века забылось настолько, что П. Мериме, переводя «Пиковую даму» на французский язык, не смог уже догадаться, что должно было значить в тексте пушкинской повести это слово французского происхождения с русским суффиксом, и попросту выключил его из своего перевода.²¹

Что касается «столовых часов работы славного Леруа», то комментаторы «Пиковой дамы» ограничиваются на этот раз простейшей и поистине бесполезной справкой, сообщая, что Леруа — «французский часовщик», что и само собой понятно. Почему, однако, он назван «славным»? Неужели это слово оказалось лишним в тексте повести? История французской технической мысли знает двух знаменитых Леруа, отца и сына; оба они были часовщиками, но второй, Леруа-сын, был к тому же прославленным ученым, оставившим солидные труды по механике. Жюльен Леруа-отец

¹⁹ Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии Наук, т. IV, СПб., 1847, стр. 78; В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. Изд. 2-е, СПб., 1882, стр. 114.

²⁰ «Дамский журнал», 1829, № 41, стр. 26. — Анекдот полностью воспроизведен также в «Библиографических заметках» В. В. Калаша («Русский архив», 1901, кн. I, стр. 699). Французское слово *goulette* (с основным значением «колесико») в XVIII и XIX веках имело много применений в техническом языке и являлось также распространенным геометрическим термином.

²¹ Prosper Mérimée. *Oeuvres complètes*, t. IX. *Etudes de littérature russe*, t. I, éd. H. Mongault, Paris, 1931, стр. 58—59. — А. Монго в комментарии к указанному месту перевода «Пиковой дамы» обратил внимание на пропуск этого слова и заметил, что пушкинское «рулетки» Мериме мог передать французским «des émigrettes» (стр. 214). Однако и это слово требует в настоящее время специальных пояснений. «Эмигретками» стали с 1791 года называть в Париже именно эти игрушки-рулетки, пользовавшиеся тогда чрезвычайной популярностью: небольшой диск, сделанный из дерева или слоновой кости, похожий на ткацкий челнок, с выемкой по окружности, по желанию державших его в руках двигался вверх и вниз по шнуру. В Париже распространена была тогда и острая песенка, объяснявшая, почему эта игрушка прозвана была «эмигреткой», т. е. «игрушкой эмигрантов»: «в ней, — говорилось в песенке, — находятся одновременно и колесо и веревка». В комедии Бомарше («Женитьба Фигаро») Фигаро появляется перед публикой с «эмигреткой в руках». В январе 1792 года Бомарше опубликовал даже в «*Chronique de Paris*» небольшую сцену, которую он предполагал включить в свою комедию: это был полный политического смысла диалог Фигаро с Бридуазоном, в котором ловкий слуга, играя «эмигреткой», объяснял, что он «хорошо умеет и поднимать вверх и опускать вниз»; впоследствии эта сцена, являвшаяся весьма злободневным откликом на всеобщее увлечение рулеткой-эмигреткой, была, однако, из комедии исключена. Очень вероятно, что все это было известно и Пушкину, так как в противном случае слова в «Пиковой даме» об игрушках, «изобретенных в конце минувшего столетия», оставались бы вовсе непонятными.

(1686—1759) был придворным часовщиком Людовика XV, жил в Версале и прославлен Вольтером как изобретатель, затмивший своими часовыми механизмами английские образцы, считавшиеся в то время лучшими в мире. Пьер Леруа (1717—1785), сын предыдущего, не только продолжал изобретательские труды своего отца (придумав, в частности, настенные часы особой формы со звонким боем), но много занимался открытыми им явлениями аномальностей хронометрических измерений; его труды имели важное значение для кораблевождения и военного дела и были увенчаны парижской Академией наук. Мы делаем отсюда вывод, что именно Пьер Леруа, названный «славным», и имеется в виду в «Пиковой даме»; в пушкинское время его классические сочинения по механике и хронометрии должны были быть известны, хотя бы понаслышке, каждому русскому инженеру. Вполне естественным представляется также, что Германну достаточно было бросить беглый взгляд на часы в полутемной комнате, чтобы определить, что это были часы «славного Леруа». Остается теперь представить себе в общих чертах типический образ петербургского военного инженера начала 30-х годов XIX века, чтобы получить подтверждение правомерности и правдоподобия высказанных выше догадок и толкований.

Д. П. Якубович в своем комментарии к «Пиковой даме» высказал предположение, что, изображая Германна бедным инженерным офицером, живущим в «смирном своем уголке», Пушкин имел в виду «офицера Главного инженерного училища»,²² т. е. школы военных инженеров, основанной в 1819 году. Такой вывод не представляется мне достаточно обоснованным. Несомненно, что для современников Пушкина — читателей «Пиковой дамы» авторское его указание имело совершенно конкретный смысл; поэтому выяснение действительных намерений Пушкина имеет для нас далеко не второстепенное значение.

Известно, что с начала XIX века военными являлись в России не только инженеры, получившие образование или занимавшие преподавательские должности в Главном инженерном училище. Корпусу инженеров, образованному по указу Александра I в 1809 году, было повелено «быть на положении воинском»,²³ а после его преобразования в Корпус путей сообщения он сохранял военный характер, как и образованный при нем Институт корпуса путей сообщения. В положениях об этом Институте 1823 и 1829 годов сделаны были по этому поводу особые оговорки.²⁴ Институт корпуса путей сообщения представлял собой в эти годы военное учебное заведение на манер кадетских корпусов, в особенности после присоединения к нему (в 1829 году) Военно-строительного училища, но имел также и особые офицерские классы, по окончании которых лица, производившиеся в поручики, не имели права в течение десяти лет переходить на службу в гражданское ведомство.²⁵

Таким образом, в 20—30-е годы XIX века все русские инженеры причислялись к составу войск и носили военную форму; они участвовали в военных парадах, имели военные чины, а в случае каких-либо проступков переводились в армейские части. Инженерные офицеры этого времени от

²² А. Пушкин. Пиковая дама. Редакция текста, статья и комментарий Д. П. Якубовича, Л., 1936, стр. 65.

²³ Евг. Соколовский. Пятидесятилетие Института и корпуса инженеров путей сообщения. Исторический очерк. СПб., 1859, стр. VIII.

²⁴ Там же, стр. 27 и 32; С. М. Житков. Институт инженеров путей сообщения. Исторический очерк, СПб., 1899, стр. 53.

²⁵ С. М. Житков. Институт инженеров путей сообщения, стр. 57.

офицеров армейских отличались, главным образом, объемом и характером полученного ими образования. Достаточно сказать, что офицеры, кончившие в Институте путей сообщения полный курс наук и получившие чин поручика, «в случае перехода их в последствии времени по расстроенному здоровью или по другим обстоятельствам в гражданскую службу», уравнивались в правах с лицами, «кончившими курс наук в университетах и других высших учебных заведениях».²⁶

В 20—30-х годах как в Главном инженерном училище, так и в Институте путей сообщения учебной части придавалось гораздо больше внимания, чем во всех прежде существовавших у нас инженерных школах. «Обществу как бы вдруг пошло быстрыми шагами вперед по различным отраслям знаний, — отмечает историк Главного инженерного училища. — Новые исследования и открытия, принадлежащие к области химии, механики, физики, шли одно за другим... круг деятельности инженера расширился, а вместе с тем он должен был обладать и гораздо большим запасом сведений, чем прежде, чтобы удовлетворять своему назначению. Эта необходимость серьезного образования для инженерного офицера весьма ясно сознавалась учредителями Инженерного училища при самом его открытии».²⁷ В конце 20-х годов в Главном инженерном училище обращали особое внимание на математику, механику, физику, химию; к предметам специальным относились постройкой дорог и мостов, военно-строительное искусство и т. д.²⁸ По физике, которая преподавалась по руководству Н. П. Щеглова, особое внимание обращалось на «атмосферу земли, звук, оптику, магнетизм и электричество».²⁹

Институт путей сообщения в то же самое время, т. е. в конце 20—начале 30-х годов, в отношении преподаваемых в нем наук стоял на еще более высокой ступени. В составе его профессоров, помимо инженерных офицеров, числились виднейшие ученые, например академики В. Я. Буняковский, М. В. Остроградский и др.³⁰ С 1826 года Институт издавал собственный научно-технический журнал, ставивший своей целью излагать «занимательные приложения физических и математических наук к инженерному искусству, почерпнутые из изысканий и опытов, как членов корпуса, так равно русских и иностранных ученых», а также «представить новые способы, чтоб ознакомиться короче с пространною Россиею».³¹ В 1831—1832 годах в Институте два раза в неделю по вечерам читались публичные лекции на такие, например, темы: «Об изобретении пороха», «Образование различных систем гор через поднятие земли», «Построение железных дорог в Англии», «Восстановление некоторых химических веществ синтетически», «Исторический очерк успехов теории чисел» и т. д.³² Судя по современному рапорту,

²⁶ Там же, стр. 54.

²⁷ М. Максимовский. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819—1869. СПб., 1869, стр. 37.

²⁸ Там же, стр. 38.

²⁹ Там же, стр. 66.

³⁰ С. М. Житков. Институт инженеров путей сообщения, стр. 71.

³¹ Там же, стр. 49. — Речь идет о «Журнале путей сообщения»; между 1826—1837 годами выпущено было 36 его томов. Стоит отметить, что в первом номере «Литературной газеты» (1830, № 1, стр. 7—8) к заметке «Обман зрения в Персии» сделана была следующая характерная редакционная приписка: «...желательно, чтобы кто-либо из гг. инженерных офицеров... доставил в нашу газету подтверждение или опровержение того, что английские путешественники рассказывают о чудном действии оптического обмана в стране сей».

³² Евг. Соколовский. Пятидесятилетие Института и корпуса инженеров путей сообщения, стр. 38—39; С. М. Житков. Институт инженеров путей сообщения, стр. 66—68. Любопытно, что полковник Севастьянов, читавший одну из этих публич-

«не только молодые офицеры», но и посторонние лица посещали эти лекции, способствовавшие «развитию нового света в науках точных и в их приложениях по инженерной специальности».³³

Один из офицеров, воспитывавшихся в этом Институте в самом начале 30-х годов, А. И. Дельви́г, отмечает в своих воспоминаниях: «Император Николай и великий князь Михаил Павлович очень не любили инженеров путей сообщения, а вследствие этого и заведение, служившее их рассадником. Эта нелюбовь основывалась на том мнении, что из Института выходят ученые, следовательно вольнодумцы. . . При всем видимом их нерасположении к ученым, им было однако же очень досадно, что главное инженерное училище, по преподаванию в нем наук, стояло постоянно ниже Института. Сверх того, в то время Институт был единственное заведение, образованное вполне на военную ногу и не подчиненное вполне великому князю Михаилу Павловичу».³⁴ Думается, что это замечание, сделанное, кстати сказать, молодым инженерным офицером, общавшимся в эти годы с Пушкиным, должно быть учтено при решении вопроса, какого «инженерного офицера» Пушкин изображал в своей повести, которая, как мы знаем из его же дневника, оживленно обсуждалась и при дворе (XII, 324).

Следует, повидимому, придти к заключению, что в лице Германа Пушкин изображал не офицера Главного инженерного училища, как предполагал Д. П. Якубович, а инженера Корпуса путей сообщения или, что еще более вероятно, слушателя офицерских классов Института путей сообщения; между прочим, обучавшиеся в этих классах подпоручики и прапорщики имели право жить на частных квартирах и пользовались относительной свободой.³⁵ Пушкин мог также знать, что по существовавшим тогда правилам в Институт могли «поступать на собственное содержание дети купцов, преимущественно иностранного происхождения», и что «первый чин, полученный в Институте, давал права потомственного дворянства».³⁶

Не менее важно для нас и то обстоятельство, что Пушкин хорошо знаком был с целым рядом инженерных офицеров и что к некоторым из них он приглядывался очень внимательно. Около года провел в Инженерном корпусе Н. М. Языков; позже офицером того же корпуса был Э. И. Губер, переводчик «Фауста».³⁷ В годы, непосредственно предшествовавшие созданию «Пиковой дамы», Пушкин близко знал молодого инженерного офицера Андрея Ивановича Дельвига, двоюродного брата поэта. А. И. Дельви́г с 1827 года учился в Военно-строительном училище, через два года слитом с Институтом путей сообщения, и окончил офицерские классы последнего с чином поручика (в мае 1832 года), после чего был назначен на действительную службу в Московский округ путей сообщения. Встречи А. И. Дельвига с Пушкиным относятся к 1827—1832 годам. А. И. Дельви́г вспоминал, что Пушкина он увидел впервые в октябре 1827 года.³⁸ «Пушкин, — говорит он, — в дружеском обществе был очень приятен и ко мне с самого первого знакомства

ных лекций — об успехах начертательной геометрии в России, «просил разрешения говорить по-русски (а не по-французски, — М. А.), с целью ввести в русский язык терминологию науки, до тех пор известной весьма мало в России» (С. М. Житков, стр. 69).

³³ Евг. Соколовский. Пятидесятилетие Института и корпуса инженеров путей сообщения, стр. 40.

³⁴ А. И. Дельви́г. Мои воспоминания, т. I, М., 1912, стр. 87.

³⁵ С. М. Житков. Институт инженеров путей сообщения, стр. 58.

³⁶ Там же, стр. 47, 58.

³⁷ Евг. Соколовский. Пятидесятилетие Института и корпуса инженеров путей сообщения, стр. 141.

³⁸ А. И. Дельви́г. Мои воспоминания, т. I, стр. 71.

очень приветлив».³⁹ В доме у поэта Дельвига, где Андрей Иванович часто бывал, а иногда жил подолгу, он видел друзей Пушкина, близко знал многих из них и находился в курсе всех литературных новостей. В начале мая 1830 года А. И. Дельвиг окончил Институт, вскоре надел офицерский мундир и, получив право жить на частной квартире, поселился у своего двоюродного брата. На глазах А. И. Дельвига родилась «Литературная газета», он посвящен был во многие обстоятельства ее истории, при нем умер Антон Антонович Дельвиг. В последующие годы Андрей Иванович, посещая вечера у П. А. Плетнева, также встречал там Пушкина, но «он не приглашал меня к себе и я у него не бывал».⁴⁰

Если А. И. Дельвиг мог довольно много рассказать о Пушкине в своих воспоминаниях, то несомненно, что и Пушкин имел возможность присмотреться к этому молодому инженерному офицеру, близкому родственнику одного из его лучших друзей. Речь идет здесь, конечно, не о том, что А. И. Дельвиг был одним из «прототипов» Германа, но подтверждает лишь, что в понятие «инженерный офицер» Пушкин вкладывал вполне конкретное содержание; общаясь с ним, Пушкин мог уловить и удержать в своей памяти черты, типические для его круга и специальности, которые могли стать компонентами для того художественного обобщения, каким сделался герой «Пиковой дамы». В этом смысле «Воспоминания» А. И. Дельвига, в той их части, где он рассказывает о быте петербургских инженерных офицеров начала 30-х годов, своих сверстников и однокашников, могут, вообще говоря, служить интересным реальным комментарием к пушкинской повести. Нетрудно узнать здесь ту самую житейскую атмосферу и бытовую обстановку, в которой мог бы жить и Герман из «Пиковой дамы». Скромная квартира в доме Колотушкина у Обухова моста, которую А. И. Дельвиг по недостаточности средств нанимал вместе с инженер-подпоручиком Лукиным; игра в карты, несмотря на бережливость и аккуратность рассказчика, приводившая иногда к крупным проигрышам; воспоминания об азартной игре не только на квартирах у офицеров, но и в помещении «офицерских классов», усиливавшаяся «немедля по получении квартирных денег»; характерные фигуры главных персонажей этих игр, ставших затем «сильными карточными игроками»; наконец, относящийся к 1831 году рассказ о явлении покойного А. А. Дельвига, вскоре после его смерти, другу его Н. В. Левашеву, сопровождаемый оговорками мемуариста, что «по его <Левашова> образу мыслей и характеру подобное видение могло ему пригрезиться менее, чем всякому другому», и «да не подумает читатель, что я легко верю во всё чудесное»,⁴¹ — рассказ, который мог бы быть известен и Пушкину, — всё это чрезвычайно близко к той идейной атмосфере и бытовому укладу, который угадывается и в пушкинской «Пиковой даме» во всем, что характеризует инженера Германа.

Но вместе с тем А. И. Дельвиг был весьма образованным инженером своего времени, хорошим математиком, талантливым строителем, серьезно интересовавшимся техническими изобретениями своего времени; эта сторона его жизни также не забыта в его «Воспоминаниях». Не мог не учесть этих особенностей русских инженерных офицеров 30-х годов также и Пушкин, безусловно осведомленный и о характере их образования, о тех передовых технических идеях, которые многие из них старались сделать достоянием гласности и широкого общественного обсуждения. Любопытно, что

³⁹ Там же, стр. 72.

⁴⁰ Там же, стр. 152.

⁴¹ Там же, стр. 152, 153, 119.

А. И. Дельвиг в тех же своих «Воспоминаниях» весьма благоприятно отзывался об инженер-майоре Матвее Степановиче Волкове, состоявшем профессором «офицерских классов» Института; лекции его он слушал в начале 30-х годов.⁴² Это был тот самый Волков, который должен был стать сотрудником «Современника» и инженерную рукопись которого Пушкин внимательно читал в конце 1836 года.

7

Историки русского дорожного дела отмечают, что если в первой трети XIX века в России развитие всех элементов транспортной техники шло медленно, задерживаясь в силу многих причин,¹ то с начала 30-х годов эта техника быстрыми шагами двинулась вперед. Крутой подъем намечался тогда сразу во всех областях, где только могла проявить себя новаторская техническая инициатива.

В эту пору все средства путей сообщения у нас не только совершенствовались, но и быстро изменялись. В начале 30-х годов открылось, наконец, долгожданное шоссе между Москвой и Петербургом; год от года увеличивались пароходные рейсы по водным путям; во второй половине этого десятилетия началось и строительство первых железных дорог. Всё это ощутимо меняло общий уклад жизни в столицах и провинции, оживленно обсуждалось в русской печати и не могло не стать в эти же годы достоянием литературы и искусства.

Действительно, в поэзии, в повествовательной литературе, в публицистике 30-х и особенно 40-х годов стали мелькать непривычные и еще не установившиеся технические термины, всё чаще начали появляться красноречивые описания в стихах и в прозе езды на пароходах и железных дорогах и связанных с этим новых впечатлений и ощущений, наконец, рассуждения о желательности или нежелательности дальнейших технических нововведений — уже не только на транспорте, но и во многих других сферах практической жизни. Модным становился, в конце концов, вопрос об охватывшем все общественные круги «практицизме», о «духе индустриализма» или «технизма», завладевшем всеми умами и якобы пагубно сказавшемся и на общественных связях и отношениях и на особых уклонах научной и философской мысли.

Проблема русского технического прогресса заняла довольно видное место в русской публицистике 30—40-х годов; спор по этому поводу, привлекая к себе большое количество участников, быстро разделил их на два враждебных лагеря — защитников и противников этого прогресса. Хотя особенной остроты спор о желательности или ненужности в России дальнейших технических нововведений достиг у нас уже после смерти Пушкина, в начале 40-х годов, но возник он еще при его жизни. Необходимо особо подчеркнуть, что Пушкин не только принял участие в нем, при самом возникновении полемики в русской печати, но что он сразу же занял среди спорящих весьма прогрессивную позицию. Для Пушкина, как и для декабристов, а позднее для Белинского, ликвидация русской технической отсталости, сковывавшей развитие производительных сил в стране, была одной из важных задач русской культуры («просвещения» — согласно его словоупотреблению); при этом, с его точки зрения, технический прогресс отнюдь не препятствовал дальнейшему развитию науки, как казалось тогда некоторым недалеким рус-

⁴² А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. I. М., 1912, стр. 154.

¹ В. С. Виргинский. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года. «Исторические записки», т. 25, М., 1948, стр. 142.

ским философам и публицистам, но, напротив, являлся ее естественным и закономерным следствием. Все подобные утверждения, в том или ином виде, мы найдем и в собственных статьях и заметках Пушкина 30-х годов, в редактированных им статьях журнала «Современник», в дружеской и деловой его переписке. Для нас особенно существенно, что всё это высказано было Пушкиным уже и раньше в стихах, которые могут показаться нам неожиданными или случайными, если мы не поставим их в прямую связь с данной проблемой в целом.

Спор о техническом прогрессе начался в русской печати с вопроса о развитии транспорта в России; особенную остроту получил он в связи с обсуждением целесообразности строительства в России железных дорог. Пушкин также подошел к этой проблеме с обсуждения злостных в начале 30-х годов вопросов о состоянии русского дорожного дела.

«Путешествие из Москвы в Петербург», начатое в конце 1833 года и создавшееся с перерывами в последующие годы (1834—1835), было одной из первых публицистических работ Пушкина, в которой он уделил некоторое внимание вопросам русского технического прогресса. Написанное от имени воображаемого лица с оглядкой на «Путешествие» Радищева и содержащее в себе искусно замаскированную защиту этой великой книги, «Путешествие» Пушкина уже по замыслу своему давало не один повод для целого ряда ретроспективно-исторических умозаключений и обобщений. Сопоставляя «век нынешний» и «век минувший», Пушкин приходил к выводам, имевшим большое принципиальное значение; таково, например, признание им прогрессивности промышленного развития Москвы, признаки которого он сумел разглядеть и оценить по-своему, в полном противоречии с оценкой их дворянской литературой той поры.² Естественно поэтому, что уже в первой главе своего «Путешествия» Пушкин сделал несколько выводов относительно технических усовершенствований путей сообщения в России в течение последних десятилетий.

Рассуждая как бы от имени своего воображаемого повествователя, Пушкин выделил в «Путешествии» Радищева несколько таких мест, в которых идет речь о противоречии между технической изобретательностью человеческого ума и гнетущим социальным порядком, сковывающим человеческие силы;³ тем не менее он должен был отметить, и это угадывается между строк, что, вопреки той социальной системе, в которой не произошло еще резких

² Б. С. Мейлах. «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина. «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1949, т. VIII, вып. 3, стр. 221—222.

³ См., например, приведенную Пушкиным в главе «Шлюзы» цитату из «Путешествия» Радищева (глава «Вышний Волочок»), в которой идет речь о благотворительных усилиях тех, кто «сделал реку рукодельною — и все концы единой области привел в сообщение» (Пушкин, XI, 265—266). Вполне вероятно, что и Радищев, благоговявший «память того, кто, уподобясь природе в ее благодеяниях», осуществил эти гидротехнические работы, и цитировавший его слова Пушкин знали, что строительство более чем трехкилометрового канала со шлюзами между реками Тверцой и Цной у самого Вышнего Волочка начато было по инициативе и повелению Петра I еще в 1703 году и закончено было пять лет спустя (С. В. Бернштейн-Коган. Вышневолоцкий водный путь. М., 1946, стр. 9). Пушкин не мог не обратить внимания и на последующие строки в той же главе книги Радищева, в которых водный транспорт противопоставлен неудобству сухопутных сообщений в русских условиях: «Римляне строили большие дороги, водоводы, конх прочности и ныне по справедливости удивляются; но о водяных сообщениях, каковые есть в Европе, они не имели понятия. Дороги, каковые у римлян бывали, наши не будут никогда; препятствует тому наша долгая зима и сильные морозы, а каналы и без отделки не скоро заовняются» (А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. Изд. Академии Наук СССР, т. I, 1938, стр. 323).

сдвигов, но уже шли глубоко скрытые внутренние процессы, технические изменения и улучшения в практической жизни было налицо. Примечательны уже первые строки пушкинского «Путешествия», характеризующие заметные новшества в русском дорожном деле:

«Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург... Я записался в конторе поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября в десять часов утра выехал из Тверской заставы» (XI, 243). Далее воображаемый Пушкиным путешественник рассказывает, что, «катясь по гладкому шоссе», которое показалось ему «великолепным», он вспомнил о прежних своих поездках «по старой дороге» и по этому поводу высказывает несколько замечаний технического характера, на которые, между прочим, ссылаются историки русского дорожного дела.⁴ Однако в пушкинской литературе именно эта вступительная глава «Путешествия» («Шоссе») оставляется обычно без всяких комментариев к этим самым суждениям. Стоит в связи с этим отметить, что во вступительной главе каждое слово сказано Пушкиным с умыслом и строгим расчетом, включая даже проставленную здесь вымышленную дату. Октябрь, безусловно, намеренно выбран для описываемой поездки, как пора ненастья и распутицы; свойства шоссе и удобства путешествия описаны им с подчеркнутой похвалой, тем более очевидной, что она находится в явном противоречии с другими известными нам мыслями Пушкина по этому поводу, которые он не предназначал к печати.⁵ Для нас не безразлично и то обстоятельство, что Пушкину, повидимому, была хорошо известна история строительства шоссе между Москвой и Петербургом⁶ и организации регулярного движения «поспешных дилижансов», — эта затея считалась первоначально одной из аристократических причуд и некоторое время оживленно обсуждалась в Москве и Петербурге.⁷

⁴ В. С. Виргинский. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года, стр. 141—142.

⁵ За год перед тем, рассказывая о своей поездке по этой самой дороге в письме к жене (от 22 сентября 1832 года), Пушкин судил обо всем гораздо более строго и, между прочим, заметил: «Велосифер, по-русски Поспешный дилижанс, не смотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак» (XV, 30). Интересно отметить употребление Пушкиным иностранного технического термина («велосифер»), принятого в то время во Франции, но у нас не распространенного. «Велосифером» называлась тогда «общественная карета поспешных сообщений» или «легкая и на ходу быстрая коляска», как поясняет «Всеобщий французско-русский словарь» И. Татищева (т. II, изд. 3-е, М., 1841, стр. 740; в предшествующем втором издании этого словаря 1832 года данное слово еще отсутствует). Отметим, однако, что слово «велосифер» встретилось мне в книге путевых писем, изданных в том же 1832 году, когда его употребил и Пушкин («Д. П. Горихвостов»). Записки россиянина, путешествовавшего по Европе с 1824 по 1827 год, кн. П. М., 1832, стр. 247): «Ехав в поспешном дилижансе, *vélocifère*, мы сменяли лошадей один только раз».

⁶ Пушкин упоминает, что «великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра», а «дилижансы учреждены обществом частных людей» (XI, 244). Действительно, первое шоссе между Москвой и Петербургом строилось с 1816 года и открыто только в 1833 году; это было крупное событие, не переставшее служить темой для оживленных бесед в течение нескольких лет, тем более, что даже к концу 30-х годов в пределах тогдашней Российской империи «было устроено лишь 780 км. шоссеиных дорог, преимущественно в Царстве Польском» (В. С. Виргинский. Железнодорожный вопрос в России до 1835 г., стр. 142).

⁷ Первая в России крупная акционерная компания по организации пассажирских рейсов в дилижансах между Москвой и Петербургом учреждена была в 1820 году. Пушкин не мог не знать, что во главе этого «общества частных людей» стояли представители русской знати, и прежде всего М. С. Воронцов; другими акционерами были А. И. Татищев, А. С. Меншиков, А. Лобанов-Ростовский и др. Н. И. Тургенев писал брату Сергею Ивановичу 30 ноября 1820 года: «Дилижансы, по акциям графом Воронцовым и другими учрежденные, устроены. На сей неделе отправились первые два дили-

Высказанная Пушкиным здесь по этому же поводу мысль, что «у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения» (XI, 244), могла, однако, дать повод к кривотолкам и совершенно неправильному пониманию его истинных намерений. Очевидно, он вовсе не стремился здесь к тому, чтобы хвалить правительственную инициативу в области технических усовершенствований и вместе с тем давать нечто вроде апологии самодержавия. Что на этот раз мысли самого Пушкина и его воображаемого путешественника, от имени которого он вел рассказ, не совпадали, можно заключить из сопоставления «Путешествия из Москвы в Петербург» с некоторыми более ранними произведениями Пушкина, в которых он касается вопроса о состоянии русского транспорта и возможных перспектив его дальнейшего развития, в особенности из XXXIII строфы седьмой главы «Евгения Онегина», представляющей своего рода параллель к главе «Шоссе» «Путешествия». Однако и в истории возникновения указанной строфы есть некоторые, еще не замеченные подробности, которые интересно вспомнить, выясняя действительное отношение Пушкина к русскому техническому прогрессу его времени. Объяснение Н. Л. Бродского, что будто бы в этой строфе «Пушкин скептически отнесся к работам местных властей, отодвинув улучшение шоссейных дорог на 500 лет»,⁸ едва ли соответствует истине и, во всяком случае, не передает действительной направленности мысли поэта.

«Дорожная тема», как известно, была излюбленной в русской поэзии. Пушкин откликнулся на нее не раз в ряде своих стихотворений от «Телеги жизни» (1823) до «Дорожных жалоб» (1829); не менее, чем Пушкина, привлекала она также П. А. Вяземского. Начиная от стихотворения «Станция» (1825—1828), в котором, между прочим, сопоставлены путешествия по польским шоссе и отечественным ухабистым дорогам, он посвятил езде на русских дорогах целый стихотворный цикл; сюда входят: «Коляска. Отрывки из путешествия в стихах» (1826), «Зимние карикатуры. Отрывки из Журнала зимней поездки в степных губерниях» (1828), «Дорожная дума» (1830), другое стихотворение под тем же заглавием (1833), «Тройка» (1834) и др. Характерно, что большинство этих стихотворений относится именно к тем годам, когда у нас особенно обострился вопрос об улучшении средств сообщения, и что в большинстве из них своеобразно отразились назревшие в то время транспортно-технические проблемы.

Пушкин хорошо знал эти стихотворения. Из стихотворения «Станция» он взял двадцать стихов и поместил их в примечание 42 к XXXIV строфе седьмой главы «Евгения Онегина» (к стиху: «Теперь у нас дороги плохи») и, кроме того, эпиграф к «Станционному зрителю». О «Зимних карика-

жанса в Москву. Я намерен воспользоваться сим учреждением». В дальнейших письмах Н. И. Тургенева дано и описание совершенной им поездки; он утверждал, что «охотников ездить в дилижансе очень много: записываются за две недели, чтобы иметь место» и что дела компании, действительно, находились в цветущем состоянии, тем не менее в письме к братьям от 3 января 1821 года С. И. Тургенев задавался вопросом, «удержатся ли дилижансы?» и прибавлял: «Я боюсь наших аристократических идей, которые нигде сильнее не являются, как на почтовых дворах» (Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1936, стр. 322, 325, 444, 487). Действительность, однако, не оправдала этих пессимистических прогнозов: рейсы дилижансов прочно вошли в быт жителей Москвы и Петербурга, в особенности после открытия шоссе; впрочем, участники подобного рода компаний стали у нас рьяными противниками строительства железных дорог, в их числе, например, знакомец Пушкина Н. И. Отрешков, получивший в марте 1830 года привилегию «на учреждение дилижансовых линеек под названием омнибус» для пригородных сообщений в Петербурге (В. С. Виргинский и др. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года, стр. 143).

⁸ Н. Л. Бродский и др. Евгений Онегин. Роман А. С. Пушкина. Изд. 3-е, Учпедгиз, М., 1950, стр. 264.

турах» (состоявших из четырех пьес: «Русская луна», «Кибитка», «Метель», «Ухабы. Обозы») Пушкин писал Вяземскому 2 января 1831 года: «Стихи твои прелесть... Обозы, поросята и бригадир удивительно забавны» (XIV, 139).⁹

И. Н. Розанов, обративший внимание на ряд случаев творческих состязаний Пушкина с Вяземским и упомянувший в связи с этим о цитате из «Станции» в «Евгении Онегине»,¹⁰ не заметил, однако, что не только первый стих XXXIV строфы седьмой главы романа Пушкина, но и вся предшествующая строфа представляет собой своеобразную поэтическую реплику Пушкина на стихотворения Вяземского «Станция» и «Зимние карикатуры».

Напомним, что в «Станции», с похвалой отзываясь об удобстве езды по шоссейным дорогам Польши, Вяземский высказывает весьма критическое отношение к отечественным путям сообщений:

Дороги наши сад для глаз,
Дерева, с дерном вал. канавы;
Работы много, много славы.
Да жаль: проезда нет подчас.

Балагурия в том же ироническом тоне, Вяземский старается убедить читателя, что русские дороги хороши только в зимнюю стужу или знойным летом, когда вместо дорожных мастеров сама природа заботится о бедных путешественниках. Дороги пригодны для проезда

В двух только случаях: когда
Наш Мак-Адам, или Мак-Ева
Зима свершит, трыща от гнева,
Опустошительный набег.
Путь окует чугуном льдыстым
И запорошит ранний снег
Следы ее песком пушистым,
Или когда поля прймет
Такая знойная засуха,
Что через лужу может в брод
Пройти, глаза зажмуря, муха.

Но Вяземский не теряет надежды на будущее:

Что ж делать. Время есть всему:
Гражданству, роскоши, уму.
Рукой степенной ход размерен:
Итог в успехах наших верен...
.....
Исполнятся судьбы благие
И мы не будем без дорог.¹¹

Публикуя это стихотворение в альманахе «Подснежник», Вяземский снабдил его длинным примечанием, в котором писал, между прочим: «В прозе

⁹ Рукопись «Зимних карикатур» Вяземский прислал Пушкину, предназначая их в альманах М. А. Максимовича; Пушкин сначала было воспротивился этому, собираясь отослать ее Дельвигу, но затем уступил настоянию автора. Максимович писал Вяземскому (9 января 1831 года): «Благодарю вас покорнейше за ваш поэтический подарок моей Деннице, который сейчас получил от Пушкина: в вашей «Кибитке» и по раздольным ухабам накатаешься досыта!» («Старина и новизна», кн. IV, СПб., 1901, стр. 188, 213; см. также письмо П. А. Вяземского к Максимовичу от 12 января того же года; С. И. Пonomarev. Памяти князя П. А. Вяземского. «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. XX, № 5, СПб., 1880, стр. 154).

¹⁰ И. Н. Розанов. Кн. Вяземский и Пушкин. «Беседы. Сборник Общества истории литературы в Москве», т. I, М., 1915, стр. 64 сл.

¹¹ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. IV, СПб., 1880, стр. 32, 33.

я был бы справедливее к русским дорогам; сказал бы, что в некоторых губерниях они и теперь уже улучшаются, что петербургское шоссе утешительней государственной просвещенной роскоши и проч.». Здесь же по поводу наименования им холодной русской зимы «нашим Мак-Адамом или Мак-Евой» Вяземский сделал следующие разъяснения: «По имени изобретателя называется *Макадам*, или по английскому произношению *Мекедем*, новое устройство битой дороги, ныне в большом употреблении в Англии как в городах, так и по трактам».¹²

Вяземский, следовательно, не только иронизировал над тем, что роль усовершенствователя путей берет на себя русский мороз,¹³ но и обнаружил при этом некоторое знакомство с технической стороной дела. Собственная его острота насчет Мак Адама Вяземскому, очевидно, нравилась; однако, когда впоследствии он захотел было повторить ее по тому же поводу в стихотворении «Русские проселки», вмешалась цензура, усмотревшая в этом игривом переосмыслении шотландской фамилии богохульственный намек.¹⁴ Слово «макадам», давшее Вяземскому повод для шутки (и употребленное им в стихотворении для того, чтобы избежать другого иностранного термина

¹² «Подснежник», СПб., 1829, стр. 46, 47.

¹³ Речь идет об английском инженере Джоне Макадеме (John L. Macadam или Mc Adam, 1756—1836), авторе книги «A Practical Essay on the Scientific Repair and Preservation of Roads» (1819) и заслужившего особую популярность и много раз переиздававшегося трактата «Present State of Road Making» (1820). В 1827 году Макадам получил должность главного начальника английских дорог. Фамилия изобретателя дала английскому словарю термин *macadam* (и глагол *macadamize*), вошедший в обиходную речь в значении «щебня» и «шоссейной дороги» и удержавшийся доньше во всеобщем употреблении (см.: Eric Partridge, *Name into Word. Proper names that have become common property*. 2-d ed., London, 1950, стр. 260). О морозе, улучшавшем русские дороги, Вяземский много раз упоминал и впоследствии. См., например, его позднее стихотворение «Масляница на чужой стороне» (1853):

Нам не страшен снег суровый
С снегом — батюшка-мороз
Наш природный, наш дешевый
Пароход и паровоз.

(П. А. Вяземский, *Избранные стихотворения*, изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 248). Повидимому, именно это стихотворение пародировал В. С. Курочкин:

Не знаю сам зачем, к чему,
Но я игриво замечтался
Про нашу матушку-зиму.
Занявшись батюшкой-морозом,
Его сравнил я с паровозом...

(В. С. Курочкин, *Собрание стихотворений*, изд. «Советский писатель», 1947, стр. 145—146).

¹⁴ Стихотворение «Русские проселки» предназначалось для опубликования в «Москвитяине», но, как видно из письма М. П. Погодина к П. А. Вяземскому от 4 января 1842 года, цензор не пропустил нескольких стихов и, в частности, «просил уничтожить» Мак Адама («Старина и новизна», кн. IV, СПб., 1901, стр. 35). Стихотворение, действительно, появилось в «Москвитяине» (1842, ч. I, № 2, стр. 347—349) с пропуском двух стихов (после слов: «Род человеческий всегда ездил в дормёзах»), которые восстановлены были только в «Полном собрании сочинений» П. А. Вяземского (т. IV, СПб., 1880, стр. 256):

И что, пожалуй, наш родоначальник сам
Не кто иной, как всем известный Мак-Адам.

«шоссе», считавшегося еще в то время непоэтическим), в русском языке не привилось.¹⁵ Характерно, однако, что тому же Вяземскому еще и в начале 60-х годов пришлось воевать за право гражданства в русском словаре и термина «шоссе», против которого ополчались тогда такие пуристы, как М. П. Погодин.¹⁶

Большую выдержку из «Станции» Вяземского, как раз те стихи, в которых идет речь о природном русском «макадаме», Пушкин поместил в примечание к XXXIV строфе седьмой главы «Евгения Онегина», но вспомнил он о них раньше, создавая предшествующие строфы, где описан отъезд Татьяны в Москву именно по «зимнему пути». Непосредственное отношение к стихотворению Вяземского имеет вся XXXIII строфа той же главы, в которой, словно состязаясь с мыслью Вяземского и, во всяком случае, исходя из его же скептических предпосылок, Пушкин развертывает поразительную и не имеющую себе аналогий в русской поэзии тех лет картину, которая не может не остановить на себе пристального внимания, особенно в наши дни:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Современем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...

(VI, 153)

Ироническая концовка строфы («И заведет крещеный мир На каждой станции трактир») нисколько не ослабляет пафоса высказанных здесь чаяний, вдохновенного гимна грядущему русскому техническому прогрессу. Вялой сатирической мысли Вяземского — «Исполнятся судьбы благие И мы не будем без дорог» — Пушкин противопоставляет широкую перспективу общественного благоустройства и более совершенной транспортной техники; «благой судьбе» у Вяземского здесь явно противостоит «благое просвещенье», как и острота Вяземского насчет технической терминологии — совершенно ясное представление о безграничных возможностях дерзаний человеческого ума; скептическая улыбка Пушкина относится только к сроку, когда это видение будущего сможет воплотиться в жизнь, но условия, при которых

¹⁵ Еще В. П. Гурьев (Учреждение торцовых дорог и сухопутных пароходов в России, СПб., 1836) отмечал, что «Мак-Адам оставил свое имя изобретению» и что «в Англии и Франции из его имени сделали глагол to M'Adamize, mac-adamiser, макадачить дорогу, т. е. посыпать ее разбитым камнем по системе Мак-Адама. Наши русские шоссе построены по его способу» (стр. 62).

¹⁶ М. П. Погодин, по свидетельству С. И. Пономарева, «терпеть не мог иностранных слов, даже общезвестных, в роде факта, шоссе»; еще в статье «О злоупотреблениях русского языка», напечатанной в газете «Русский» (1868, 29 января, стр. 139—140), М. П. Погодин предлагал писать «замостить» вместо «варварского слова шоссе». Сделав выписку из этой статьи в своей записной книжке, Вяземский занес сюда и целое рассуждение на эту тему: «Варварское или нет, но все-таки это слово имеет свое определенное значение, которое возбуждает и определенное понятие, а именно: понятие о дороге, убитой мелким камнем и песком. В Академическом Словаре переводится оно на слово: укат... Мостовая, мост, мостки ничего не имеют сходного с шоссе» (П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. X, СПб., 1886, стр. 263—264; С. И. Пономарев. Памяти князя П. А. Вяземского, стр. 171, примечание 1).

станет возможна реализация этой технической утопии, для него бесспорны:

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ...

Нас не могут не интересовать источники этих прозрений Пушкина, этой его попытки заглянуть в отдаленное, как ему казалось, будущее. Есть основания предполагать, что XXXIII строфа является репликой не только на «Станцию» Вяземского, но имеет в виду и его «Зимние карикатуры», где также идет речь о русских дорогах и высказываются скептические суждения по поводу той книги, на которую глухо намекнул и Пушкин, говоря о «философических таблицах»: современники Пушкина и Вяземского знали о ней хорошо, и намеки были понятны читателям «Евгения Онегина»; впоследствии, однако, она забылась, и смысл сделанных на нее указаний от нас ускользает, требуя особых пояснений.

Б. В. Томашевский уже определил, на что намекал Пушкин, говоря о «философических таблицах»: «Судя по рукописи, Пушкин имел в виду книгу французского статистика Шарля Дюпена „Производительные и торговые силы Франции“, 1827, где даны сравнительные статистические таблицы, показывающие экономикой европейских государств, в том числе и России».¹⁷

В черновых набросках указанной строфы «Евгения Онегина» мы, действительно, находим имя Дюпена как автора «таблиц», самое определение которых, однако, вызвало затруднения у Пушкина. Первоначально, в соответствующей строке, вместо «философических» стояло «полистатических», «геостатических»; затем эти наименования были оставлены, так как они укладывались в стих только с усечением, вызывавшим смысловую ошибку (следовало «полистатических» и «геостатических», т. е. «всеобщих статистических» и «землеописательно-статистических»). Вместе с тем пришлось отказаться от смелой попытки ввести в поэтический словарь «Евгения Онегина» многосложный и неупотребительный в то время научный термин; Пушкин заменил его более неопределенным и расплывчатым, представлявшим, однако, то преимущество, что он имел легкий иронический оттенок (ср. тот же эпитет в «Евгении Онегине»: «философической пустыне»; VI, 118). Отброшены были также попытки назвать имя Дюпена («Dupin сравнительных таблиц», «Дюпеновых таблиц»; VI, 446) по основаниям, о которых можно только догадываться: возможно, что Пушкин из осторожности не хотел прямо называть автора книги, имевшей в России довольно примечательную судьбу.

Шарль Дюпен (1784—1873), «геометр, инженер и статистик», как его рекомендует русский «Энциклопедический лексикон», «всегда усердно старался о полезном применении математических наук в гражданской службе».¹⁸ Его многочисленные геометрические исследования, труды по кораблестроению, книги по прикладной механике и т. д. не обращали на себя особого внимания русских читателей; однако его большой двухтомный труд «Forces productives et commerciales de la France» (Paris, 1827) вызвал восторженную рецензию Н. Полевого в «Московском телеграфе». Полевой называл этот труд Дюпена «лучшей и полезнейшей книгой», появившейся в 1827 году, и так излагал основные ее задачи:

«У него <Дюпена> математика, статистика и политическая экономия, в безразличном соединении, составляют науку счастья общественного.

¹⁷ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. V, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 589.

¹⁸ Энциклопедический лексикон. Изд. А. Плюшара, т. XVII, СПб., 1841, стр. 403—404.

«Человечество идет к совершенству, несмотря на препятствия, которые неминуемо уничтожаются временем. Совершенствование человека является нам в улучшении нравов, просвещении ума и увеличении вещественного богатства. Все сии три предмета для полного успеха требуют взаимной помощи и один без другого существовать не могут или будут несовершенны. В усовершенствовании общественном все звания граждан, без исключения, должны участвовать.

«Вот основные идеи, которые раскрывает Дюпен в красноречивом изложении своем *производящих сил Франции*. Введение к книге его, где объясняет он необходимость и постепенность усовершенствования, было издано в прошлом году, и с того времени *восемь* изданий с рядом явились во Франции».¹⁹

Н. Полевой и позднее с таким же, по его словам, «благодарным удивлением» отзывался о гении «благодетельного Дюпена» и о его «великом творении», изъявляя желание видеть последнее на русском языке,²⁰ а в 1830 писал: «Пожелаем, чтобы Дюпен явился теперь и у нас в России. Ему сыщется много дела, найдется и много людей, могущих понимать его».²¹ В 1831 году эта книга Дюпена была издана в Москве, в переводе Н. И. Розанова;²² переводчик сам засвидетельствовал впоследствии, что этот перевод был выполнен им по мысли Н. А. Полевого, высказывавшего ему сожаление, что по недосугу он не может сделать его сам.²³

Математик и инженер, Дюпен не отличался особой самостоятельностью мысли во всем, что относилось к социальным проблемам и экономическим теориям, и был полон буржуазно-либеральных иллюзий, частично заимствованных им у английских публицистов той поры. Однако серьезной обще-

¹⁹ «Московский телеграф», 1828, ч. XXII, стр. 259, 260—261.

²⁰ «Московский телеграф», 1829, ч. XXIX, стр. 225, 226; 1831, ч. XXXVIII, стр. 98. — Любопытно, что Полевой регулярно и безвозмездно посылал Шарлю Дюпену в Париж книжки «Московского телеграфа» (Н. А. Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Редакция Вл. Орлова, Изд. советских писателей в Ленинграде, Л., 1934, стр. 47).

²¹ «Московский телеграф», 1830, ч. XXXIV, стр. 229—230.

²² Карл Дюпен. О производительных и торговых силах Франции. М., 1831. Переводчик скрылся за инициалами Н. Р., выставленными лишь после предисловия («От переводчика», стр. V—XXXV). Рецензия на это издание в «Московском телеграфе» (1831, ч. XXXVIII, стр. 97—99) принадлежит Н. Полевому (ср.: В. Г. Березина. Н. А. Полевой в «Московском телеграфе». «Ученые записки Ленинградского Гос. университета», Серия филологических наук, № 173, вып. 20, Л., 1954, стр. 111—112, 126, 138).

²³ Н. А. Полевой, — рассказывает Н. И. Розанов, — «часто говорил мне о превосходном сочинении барона Дюпена и сожалел, что самому ему некогда, а между сотрудниками по изданию журнала не было такого, кто смог бы перевести на русский язык книгу, в которой талантливый Дюпен, известный по составленным им курсам прикладной геометрии и механики, с редким искусством умел оживить холодный труп статистических цифр». Когда Розанов кончил перевод «Введения» к этой книге, состоялось чтение рукописи, на котором присутствовали братья Полевые, П. М. Строев, М. А. Максимович, М. П. Розберг, М. Н. Лихонин и др.; это происходило в конце 1829 или самом начале 1830 года, так как 3 апреля 1830 года датировано письмо М. П. Розберга к Н. И. Розанову (с упоминанием Пушкина и седьмой главы «Евгения Онегина») из Одессы, куда Розберг переехал на жительство («Русский архив», 1900, кн. II, стр. 199—200; Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, ч. VII, М., 1900, стр. 345—347). Перевод всей книги Дюпена напечатан был на казенный счет. «В продолжение многих лет, — прибавляет Н. И. Розанов в тех же своих воспоминаниях, — в мануфактурном совете (г. Москвы, в котором он состоял секретарем) Дюпен в переводе был настольною книгой, и, в случае каких-либо общих мер правительства по части промышленности и торговли, председатель совета всегда бывало заглядывал сперва, нет ли в книге Дюпена суждения о предполагаемом предмете» (Н. И. Розанов. Воспоминания о Д. Велланском. «Русский вестник», 1867, ноябрь, стр. 123—124). Об Н. И. Розанове и переводе им книги Дюпена см. также: Е. Бобров. Философия в России. Материалы, исследования и заметки, вып. II. Казань, 1899, стр. 244—255.

ственной заслугой Дюпена была его активная агитация за всеобщее обучение (к указанной книге он, между прочим, приложил интересную карту распространения грамотности во Франции по департаментам²⁴), да и собранные им обширные статистические данные представляют и теперь еще несомненный исторический интерес.

Русский переводчик книги Дюпена, Н. И. Розанов, называет ее «новой теорией сравнительной статистики государств, в коей рассматривается сила и могущество оных по нравственному и вещественному богатству народа», и так разъясняет основной идейный смысл переведенного им труда: «Сие обозрение заключает в себе не одни вещественные предметы произведений: народонаселение, объем границ, земледелие, успехи фабрик и разных изделий, механических и химических искусств, ... сочинитель, соображая следствия двенадцатилетней гражданской деятельности (с 1814 по 1827 год), представляет математические доказательства, что вещественные силы и богатство народа не только нераздельны с нравственным его положением, но суть следствие оного, что всякое положительное знание окончательным образом обращается в пользу промышленности и торговли, следственно утверждает могущество и богатство народа; но что за всем тем, успехи знаний зависят от общности начального обучения грамоте и счету...»²⁵

Эти слова дают довольно ясное представление о том, как воспринималась книга Дюпена ее русскими современниками и что они считали в ней основным.²⁶ Несомненно, что «расчисления философских таблиц», на которые намекал Пушкин, и в его понимании относились не столько к «улучшению шоссежных дорог», как предполагал Н. Л. Бродский, сколько к тому времени, когда у нас, наконец, будут «раздвинуты» границы «благого просвещения». Пессимистические прогнозы и горькие расчеты Пушкина относятся не к перспективе русского технического процветания, — картину будущего он рисует бодро и уверенно, — а к его ожиданиям более широких прав, которые когда-нибудь, со временем получит у нас «просвещение» — в том специфическом смысле, в котором Пушкин употреблял это слово в те годы. Стоит сопоставить эту мысль с уже приводившейся выше цитатой из его «Путешествия» («у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения»), чтобы увидеть, что в последнем случае Пушкин лукавит или высказывает чужую мысль. Так думал его воображаемый путешественник, но не он сам, собственные же его воззрения по этому поводу недвусмысленно выражены им в XXIII строфе «Евгения Онегина»; набрасывая ее начерно и вспомнив о Дюпене, он с несомненной досадой говорит, что потребует много времени на то, чтобы пали преграды, сковывающие возможное, осуществимое развитие русской культуры, распространение ее по всей стране, во всех сферах практической деятель-

²⁴ Эта карта («Carte figurative de l'instruction publique de la France») приложена ко второму тому.

²⁵ Карл Дюпен. О производительных и торговых силах Франции, стр. V, X, XI, XII («От переводчика»).

²⁶ Отметим, что в восприятиях молодого Герцена книга Дюпена была картиной постепенного развития и улучшения внешних форм и материального быта европейских обществ. В отрывке критической статьи начала 30-х годов он писал: «История уже показывает, насколько мы ушли, но еще есть остатки того века, и это естественно; исчезнут они мало-помалу, дни их уже высчитал Дюпень, и тогда явится век новый или, лучше, начнется вполне» (А. И. Герцен, Собрание сочинений, т. I, Изд. Академии Наук СССР, М., 1954, стр. 26; в этом издании почему-то разъяснено, что Герцен имеет в виду Андре Мари Жана Жака Дюпена (1783—1868), «французского адвоката и политического деятеля» (стр. 547), тогда как не подлежит никакому сомнению, что Герцен говорит о «Forces productives» Шарля Дюпена, что и отмечено в «Литературном архиве» (т. 3, М.—Л., 1951, стр. 41), где этот отрывок Герцена напечатан впервые).

ности. От современников Пушкина не требовалось и особой сообразительности, чтобы догадаться, в чем видел он эти преграды и от кого со столь слабой надеждой и в столь отдаленном будущем он ждал их устранения. В правительственных сферах, по крайней мере, подобные иронические намеки понимали хорошо, порой даже слишком прямолинейно. Прочтя статью И. В. Киреевского «Деятельный век» в первой книжке «Европейца», Николай I пришел в сильное негодование. «Его величество изволил найти, что все статьи сии есть не что иное, как рассуждение о высшей политике. . . — сообщал Бенкендорф министру народного просвещения 7 февраля 1832 года, — стоит обратить только некоторое внимание, чтобы видеть, что сочинитель, рассуждая будто бы о литературе, разумеет совсем иное; что под словом *просвещение* он понимает *свободу*, что *деятельность разума* означает у него *революцию*, а *искусно отысканная середина* не что иное, как *конституция*».²⁷ Таким образом, слово «просвещение» становилось в те годы даже опасным или подозрительным термином в некоторых словосочетаниях; недаром реакционная журналистика всячески старалась истолковать это слово в весьма ограничительном смысле.²⁸ Специальные разъяснения о значении русских синонимических слов «просвещение», «образованность», «гражданственность» в сопоставлении с французским *civilisation* (еще не вошедшим в русский словарь) сделал и Н. И. Розанов во введении к русскому изданию книги Дюпена.²⁹

Отметим, что Пушкин в XXXIII строфе «Евгения Онегина», как и Вяземский в «Зимних карикатурах», мог иметь в виду только оригинал книги Дюпена, а не ее русский перевод, появившийся позже; однако оба они, несомненно, уже знали о пропаганде этого труда, которую развернул Н. А. Полевой на страницах «Московского телеграфа», и это могло усилить их настороженное отношение к Дюпену. Кстати сказать, сравнительно с подлинником русский перевод сильно сокращен, и в последнем почти

²⁷ М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., СПб., 1908, стр. 73; «Русская старина», 1903, т. 113, № 2, стр. 314—315.

²⁸ В статье С. Усова «Просвещение и образованность», напечатанной в «Северной пчеле» (1826, № 14, 2 февраля), сделана была одна из ранних попыток разобраться в значении этих терминов: «. . . как часто употребляют совсем некстати сии слова! . . . как часто просвещенный ставится на ряду с образованным! . . . — замечает автор и предлагает такое их истолкование: «просвещение есть необходимость для государственного благосостояния, а образованность только условное приличие в обществе и кругах его». В 40-е годы С. Бурачок предложил свое истолкование «новых слов» — «просвещение, образованность, гражданственность» («Маяк», 1840, ч. III, стр. 80—81, примечание), т. е. собственно их «новых» значений, устанавливавшихся в общественном употреблении, поскольку эти слова стояли даже в подзаголовке этого реакционного журнала, вызывая иронические кривотолки; реплику на критические замечания Бурачка подал и Ф. Булгарин («Северная пчела», 1840, № 89, 23 апреля, стр. 354—355; № 90, 24 апреля, стр. 358). Характерно, что подобные упражнения в области русской синонимики привели к полной неразберихе. «Мы повторяем теперь еще бессмысленное слово „Просвещение“, — писал Гоголь. — Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке; оно только у нас. . .» и т. д. (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. Академии Наук СССР, 1952, стр. 285).

²⁹ Карл Дюпен. О производительных и торговых силах Франции, стр. XX—XXII («От переводчика»). — Н. И. Розанов замечал здесь, между прочим, что «ни образованность, ни просвещение не определяют того общественного состояния, какое должно понимать под названием гражданственности», слова, которым он перевел часто встречающееся у Дюпена *civilisation*. «Образованность, — по мнению переводчика, — представляет внешние стороны нас и общества: обычаи, искусства, поступки, одним словом, все изящное в произведениях и наших отношениях к другим. Просвещение, напротив, выражает внутренние качества человеческого ума, озаренного светильником знаний: нравы, понятия, науки, всё истинное. Но ни та, ни другое, порознь, не может быть исключительным достоянием каждого человека, ни целого общества» и т. д.

отсутствуют статистические таблицы, на которые ссылается Пушкин;³⁰ но и в оригинале нет такой таблицы, в которой сопоставлялись бы транспортные средства или особенности дорожных сообщений различных государств.

Возможно, что Пушкин видел «Дюпеновы таблицы» и держал в руках эту книгу; однако нам представляется правдоподобным, что мысль о них возникла у Пушкина при работе над XXXIII строфой в связи с «Зимними карикатурами» Вяземского, где труд Дюпена «О производительных и торговых силах Франции» не только упомянут, но и является поводом для острот и насмешливых ламентаций на ту же дорожную тему, что и в его «Станции». Как раз в том разделе «Зимних карикатур» («Ухабы. Обозы»), которые показались Пушкину «удивительно забавными», есть две строфы, посвященные рассуждению о качестве русских зимних дорог в связи с теориями Дюпена:

Хозяйство, урожай, плоды земных работ,
В народном бюджете вы светлые итоги,
Вы капитал земли стремите в оборот,
Но жаль, что портите вы зимние дороги.

На креслах у огня, не хуже чем Дюпень,
Движенья сил земных я радуюсь избытку;
Но рад я проклинать, как попаду в кибитку,
Труды, промышленность и пользы деревень.³¹

Сатирическая соль этих стихов почти ускользает от современного нам читателя, но современники Пушкина и Вяземского легко понимали весь ход его мысли. «Движенья сил земных» — это и есть *forces productives*, взятые непосредственно из заглавия книги Дюпена, и ее же, взятую в целом, имеют в виду слова: «плоды земных работ», «народный бюджет», «капитал земли». Некоторая ирония в мысли Вяземского заключается в том, что он теоретически готов приветствовать развитие промышленности и торговли, стоящих, по учению Дюпена, в прямой зависимости от сельскохозяйственной продуктивности, но не эта ли самая продуктивность, пускающая в оборот «капитал земли», рассуждает он, наносит реальный вред русским дорогам? —

Покажется декабрь, и тысяча обозов
Из пристаней степных пойдут за барышем,
И путь, уравниный от снега и морозов,
Начнут коверкать непутем, —

(Стр. 192)

и горе тогда путешественнику, степная кибитка которого, подобно ладье, ныряет между хребтами замерзших волн этого снежного океана!

Вспомнив эти стихи и уподобления Вяземского, Пушкин вспомнил также и упомянутого Вяземским Дюпена; так представляется нам ассоциативный

³⁰ Два больших тома оригинала «*Forces productives*» в русском переводе превратились в одну книгу небольшого формата; некоторые сокращения и переделки вызваны были, повидимому, цензурными опасениями переводчика, хотя и в общем ходе рассуждений Дюпена, и в его замечаниях о России не было, собственно, никаких слишком «крамольных» мыслей. В первом томе Дюпен приводит, например, сравнительную таблицу увеличения народонаселения в семи европейских государствах (стр. 35); в русском переводе стоит в шести, так как данные о России выключены. Некоторые исправления переводчика имели, однако, менее безобидный характер. В переводе, например, говорится: «Во Франции нет тридцати двух миллионов жителей; в России их более сорока шести; но между тем, кто бы подумал, что сила и богатство России в полтора раза значительнее силы и богатства Франции...» (стр. 4—5); между тем, исходя из тех же цифр, Дюпен утверждает в оригинале нечто совсем обратное.

³¹ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 29.

ход его мысли в момент работы над XXXIII строфой. Но если в ее текст попали этим путем «философические таблицы», то дальнейшие пути мысли Пушкина и Вяземского в этом очередном их «творческом состязании» резко разошлись. Юмористические метафоры Вяземского отзываются ворчливым брюзжаньем, которое распространяется не только на труд Дюпена, но и на русскую действительность: он «рад проклинать» «труды, промышленность и пользы деревень». Легкая ирония, которая у Пушкина предваряет и завершает развернутое им в лаконических стихах и поразительное по своей поэтической силе видение будущего, напротив того, лишена всяких личных мотивов; поэтом и его картина полна света и веры в грядущую техническую мощь и умелую изобретательность «просвещенного» русского народа. Внимательный анализ черновых вариантов этой строфы еще более подчеркивает сознательность усилий Пушкина резче, выразительнее оттенить необходимость активного вмешательства в жизнь, действительного ее улучшения,³² и это придает его пейзажу будущего особую живость и движение.

Замечательно при этом, что картина технически усовершенствованных средств сообщения в будущей России, изображенная Пушкиным, представлялась ему вполне реальной и осуществимой и лишена каких бы то ни было утопических черт. К каждому стиху XXXIII строфы можно подобрать соответствующий источник или параллельный текст, заимствуя их не из специальной технической литературы, но из современной ему периодической печати. Пушкин, например, пишет (в начале 1828 года):

Мосты чугунные чрез воды
Повиснут звонкою дугой...
(VI. 446)

В первом номере «Московского телеграфа» за 1825 год сообщалось: «Всякие мосты входят в общее употребление. В Петербурге сделан такой мост через Мойку. В Англии остров Англезей соединен с твердою землею таким мостом».³³ У Пушкина:

...под водой
Пророем дерзостные своды...

В Англии, сообщал тот же «Московский телеграф», ревностно «принялись... за подземную дорогу, которая будет прокопана под Темзою» и т. д.³⁴

8

Бытовое окружение Пушкина, тот материальный мир вещей, предметов и обиходных явлений, в котором он жил, мы представляем себе в настоящее время в своего рода «сублимированном», преображенном виде. Источ-

³² Несколько наблюдений по этому поводу сделал И. М. Дегтеревский в статье «Пейзаж в „Евгении Онегине“ Пушкина» («Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина», 1954, т. XLIII, вып. 4, стр. 183—184).

³³ «Московский телеграф», 1825, № 1, стр. 100—101. — Случайностью ли следует объяснить, что в библиотеке Пушкина находилось (до нас, правда, не дошедшее) описание моста в Вильне, издания 1833 года («Литературное наследство», 1934, кн. 16—18 стр. 994, № 21)?

³⁴ Там же, стр. 100—101. — После окончания постройки лондонский тоннель под Темзой был описан Н. Гречем на основании его собственных впечатлений 1837 года: Греч, между прочим, замечал: «О тоннеле, или подводном пути под Темзою, Вы имеете конечно, достаточное понятие, почерпнутое из описаний и картин» (Н. Греч. Путевые письма из Англии, Германии и Франции, ч. I. СПб., 1839, стр. 79).

никами этого представления (помимо творчества самого поэта, в котором действительность его времени предстает перед нами в художественном претворении) служат по преимуществу музейные экспонаты, произведения пластических искусств, художественная литература той поры. Поэтому из возникающей в нашем представлении бытовой картины, как бы мы ни стремились ее воссоздать во всей ее жизненной полноте, исчезают порой очень существенные детали. Это неизбежно происходит, например, в том случае, если соответствующие явления действительности по тем или иным причинам не получили еще достаточно полного отражения в творчестве самого поэта или вообще в искусстве его времени. Между тем некоторые подобные явления, в особенности относящиеся к сфере практической жизни, не затрагивались еще в произведениях художественной литературы по разным причинам — то по своей незначительности в тогдашнем бытовом обиходе, то по своей непривычности или новизне, то, наконец, по своей «внеэстетической» природе, согласно эстетическим воззрениям тех лет. Отсюда, однако, вовсе не следует, что явления эти и тогда еще не привлекали к себе внимания современников, не будили их мысль, не вызвали обсуждений, обмена мнений, споров или таких откликов, которые мы не умеем заметить.

С другой стороны, комментарии к художественным текстам прошлого, в свою очередь, страдают обычной, хотя и вполне естественной неполнотой, прежде всего в части своих реально-бытовых пояснений, тем более, что объем и границы реального комментария едва ли могут быть строго регламентированы и заранее подчинены историко-литературной задаче, а «культуроведение» как сложный комплекс разнородных сведений, относящихся к какой-либо исторической эпохе, не имеет сколько-нибудь ясных очертаний вспомогательной исторической дисциплины. Благодаря этому мы нередко затрудняемся ответить на простейшие бытовые вопросы, относящиеся к русской жизни времен Пушкина, даем произвольное истолкование тем или другим местам интерпретируемого текста, путаемся в словах, изменивших свою семантику, так как не всегда правильно догадываемся о вещах, которым эти слова в свое время служили обозначением.

Примером подобного рода упущений может служить уже приводившееся выше объяснение термина «рулетка» в «Пиковой даме» или характерная история истолкования известных слов Пушкина в «Евгении Онегине» о том времени, когда он «даль свободного романа» и судьбу своих героев еще неясно различал «сквозь магический кристалл» (VI, 190). Слова эти стали своего рода поэтической формулой, не раз применявшейся в статьях о Пушкине в некоем метафорическом смысле, в неопределенно поэтическом, расплывчатом значении, не предполагавшем никаких очертаний обиходного предмета, но с обязательной, как казалось, эмоциональной окраской, пока Н. О. Лернер не разъяснил, наконец, что именно Пушкин имел в виду.¹

Еще более сложным является тот случай, когда возникающий перед нами историко-бытовой вопрос не имеет, как нам кажется, непосредственного отношения к комментируемому тексту, хотя и вполне естественен для житейского обихода определенного исторического времени, в течение которого то или иное бытовое явление не могло не входить в сознание современников в сложном нерасчлененном потоке ежедневных житейских

¹ Н. О. Лернер. Пушкинологические этюды. «Звенья», т. V, М.—Л., 1935, стр. 105—106. — «Магический кристалл» представлял собой вполне реальный предмет, которым пользовались для гадания, и он был очень распространен в пушкинское время. Случаи новейшего употребления этого термина как поэтической метафоры см.: Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1955, стр. 503—504.

впечатлений. Нас могут, например, поставить в тупик вопросы об освещении улиц или о качестве петербургских мостовых в пушкинское время, как вопросы явно внелитературные. Между тем опыты газового освещения на улицах Петербурга производились при Пушкине, и эти нововведения, вероятно, обсуждались в ежедневных беседах; равным образом Петербург оказался пионером торцовых мостовых, довольно широко примененных здесь уже в начале 30-х годов.² Вполне вероятно, что знакомство с подобными фактами не является бесполезным для того, чтобы с большей полнотой оценить удивительную художественную остроту зрения Пушкина, например при описании ночных улиц в «Евгении Онегине», звуковую меткость стихов из «Медного всадника»:

Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой —
(V, 148)

или тонкий слуховой эффект в том же «Евгении Онегине»:

Да дрожек отдаленный стук
С Милльонной раздавался вдруг...
(VI, 25)

В итоге даже пушкинский Петербург, большинство вещественных памятников которого дошло до наших дней, мы представляем себе неполно и односторонне, поскольку, помимо сохранившихся зданий или предметов того времени, составляющих материальную основу для представляемой нами картины города, дополнительными ее источниками являются те же стихи Пушкина, воссоздающие его архитектурный облик,³ городские пейзажи художников той поры, литературные описания, принадлежащие перу ближайших современников поэта, и т. д. Иначе говоря, перед нами всё тот же качественно однородный ряд исторических свидетельств, извлекаемых нами преимущественно из произведений искусства, в которых еще отсутствуют или из которых еще намеренно исключены многие бытовые явления городской жизни тех лет, как еще не заслужившие права быть воспроизведенными в стихах или на художественных полотнах. Именно по

² Около 1829 года на Невском проспекте за Аничковым мостом испытывалась прочность мостовой из торцовых кубиков, замененных затем торцовыми шашками по системе В. П. Гурьева. Вскоре после того по повелению Николая I подобными же торцовыми шашками были замощены: площадь около Зимнего дворца, Большая Морская улица, Караванная, часть Малой Морской, набережная Мойки, Английская набережная, Дворцовая набережная и часть Литейного проспекта. Официальная записка «О построении торцовых образцовых шоссе» напечатана в «Журнале министерства путей сообщения» в 1834 году (см.: А. С. Таненбаум. Василий Петрович Гурьев и его идеи о дорогах для автомобилей (sic) СПб, 1902, стр. 8—9).

³ С. Дурылин (Отражение архитектуры в поэзии Пушкина. «Архитектура СССР», 1937, № 3, стр. 33—37) совершенно справедливо отметил, что у Пушкина «изображение города с его памятниками нигде не превращается в самодовлеющее любование его архитектурными красотоми», но что «архитектурный пейзаж у Пушкина есть многосмысленное выявление исторических и социально-экономических путей развития данного города» (стр. 37); в этом смысле стихи Пушкина, посвященные Петербургу, как суггестивное художественное обобщение, сами подлежат для читателя наших дней истолкованию с помощью широко развернутого реально-исторического комментария. Существующие попытки составить комментарий такого рода, при всем их интересе, либо сбиваются на путеводители искусствоведческого характера, либо сужают реальные пояснения, приспособляя их преимущественно к пушкинским текстам (см.: А. Яценевич. Пушкинский Петербург. Изд. 2-е, Л., 1935; Пушкинский Петербург. Редакция Б. В. Томашевского, Л., 1949).

этой причине нам чрезвычайно трудно представить себе Пушкина, едущего по Неве на пароходе, на пароходе же пересекающего Финский залив до самого Кронштадта или же редактирующего статью по железнодорожному делу для «Современника», между тем все это о Пушкине нам известно.

Поднимаемый здесь вопрос, думается нам, имеет интерес не только узко биографический, поскольку изучение его может дать дополнительные факты для более полного представления о житейском опыте Пушкина, но и литературный, так как в теснейшей связи с ним находится проблема литературного языка Пушкина, в частности, встававший и перед ним, так же как и перед многими другими русскими поэтами 20—30-х годов, вопрос о возможности пополнения поэтической лексики из создававшегося в те же годы фонда русской научной или технической терминологии.

В западноевропейской поэзии — французской, английской, немецкой — технический прогресс отразился сравнительно поздно: во Франции, например, «поэзия машинизма» стала проблемой, вызвавшей острые и длительные критические споры лишь в середине XIX века, главным образом после выхода в свет знаменитых «Современных песен» («Chants modernes», 1855) Максима Дюкана с предисловием, сыгравшим роль литературного манифеста. До этой книги, пытавшейся открыть поэзии новые источники красоты в паровых и электрических машинах, во всех новейших усовершенствованиях «индустриального» века, паровые машины (например, пароход или паровоз), прочно входившие в быт, долгое время не вызывали никаких поэтических откликов. Исследователи отражения технического прогресса во французской поэзии отметили лишь несколько стихотворных произведений, относящихся к более раннему времени, в которых можно найти более или менее случайные отклики на развитие железнодорожного дела во Франции, на замену парусных судов кораблями, движимыми паровыми машинами, и т. д. Так, например, Ж.-Ж. Ампер, сын известного ученого, в своей поэме «Флот» (напечатанной в «Mercure du XIX-e siècle», 1823) одним из первых во французской поэзии посвятил несколько стихотворных строк новому способу океанских путешествий на корабле, движимом силой паров и уже независимом от направления ветра,⁴ но это поэтическое прославление «стимбота» надолго осталось без подражаний во Франции, и самое слово «стимбот», замененное Ампером поэтическими парафразами, исключалось еще из французского стихотворного словаря как иностранное и непэтическое. Случайным было также поэтическое уподобление города металлургическому заводу, с его гигантскими колесами и плавильными котлами, в поэме Альфреда де Виньи «Париж» (1831)⁵ или краткое, но выразительное упоминание железных дорог в поэме Альфреда де Мюссе «Ролла» (напечатана в августовской книжке «Revue des Deux Mondes» за 1833 год) через год после открытия первой железнодорожной линии во

⁴ Elliot M. Grant. French Poetry and Modern Industry. 1830—1870. «Harvard University Press», Cambridge, 1927, стр. 18. — В другой поэме Ж.-Ж. Ампера «Демократия» (вошла в его сборник «Heures de poésie», 1863, но написана, очевидно, в 30-е годы) описан пароход, идущий по Рейну, представленный как поэтический символ новой, возникающей цивилизации, в то время как замки на высоких берегах реки, мимо которых идет пароход, служат символом старого, отживающего свой век мира. Характерно, однако, что, пользуясь здесь привычным словом «bateau» (судно) и не употребляя еще нового термина «пароход» («steamboat» или «le bateau à vapeur»), поэт прямо считает его «прозаическим», хотя и «сильным, отважным, новым» (стр. 18—19):

... il est ici, c'est ce bateau,
Prosaïque, mais fort, mais hardi, mais nouveau!

⁵ Elliot M. Grant. French Poetry and Modern Industry, стр. 19.

Франции.⁶ Тема индустриализма, намеченная в «Ямбах» О. Барбье (1831, в стихотворении «La Machine»), получила более широкое развитие в его «Лазаре» (1837),⁷ где картины индустриального Лондона даны только для того, чтобы засвидетельствовать бедственное положение английских пролетариев. Более популярными темы индустриализма и машинизма стали во французской и бельгийской поэзии лишь в 40-е и 50-е годы.⁸

Сходную картину представляет нам также английская поэзия XIX века, в которой не только поэтизация технического прогресса, но и непосредственные отклики на технические усовершенствования разного рода и поэтические применения технической терминологии появляются сравнительно поздно, не ранее, чем во французской. Одним из первых попытался сделать это Вордсворт в нескольких своих поздних (и не лучших) сонетах. Хотя он бесстрашно употребил здесь несколько новых технических слов, но эти его стихотворения лишены всякой поэтической силы и отзываются простой риторикой; далеки они и от прославления развивающейся техники, как дерзания человеческого ума. Так, например, сонет Вордсворта «Пароходы, путепроводы и железные дороги» («Steamboats, Viaducs, and Railways», 1833) в большей степени посвящен прославлению неисчерпаемых богатств недр природы, чем усилий человека подчинить их себе.⁹ Наконец, и в немецкой поэзии первой половины XIX века едва ли не наиболее интересные поэтические отклики на темы машинизма и индустриализма находятся в творчестве позднего Гете, но они также долгое время не находят в себе никаких аналогий.¹⁰

Из этих сопоставлений нетрудно увидеть, что русская поэзия скорее и легче откликнулась на разнообразные явления технического прогресса, укоренившиеся в быту 20—30-х годов; XXXIII строфа седьмой главы «Евгения Онегина», с бодрым и уверенным тоном ее технических предвидений, не имея сколько-нибудь значительных аналогий в западноевропейской поэзии тех же лет, не оставалась вовсе одинокой в русской литературе. У нас «пароходы» или «паровозы» на железных дорогах сравнительно быстро сделались предметами поэтического воспроизведения или стихотворных обсуждений и размышлений; соответствующая техническая терминология также установилась у нас относительно быстро, благодаря чему и могла постепенно пополнять русский поэтический словарь.

Термин «пароход» в применении к водоходным судам с паровыми двигателями, правда, установился у нас не сразу; некоторое время речные и морские пароходы назывались у нас «стимботами» и «пироскафами».

⁶ Elliot M. Grant. French Poetry and Modern Industry, стр. 20. — Альфред де Мюссе пишет в «Ролла»:

Tout est bien balayé sur vos chemins de fer;
Tout est grand, tout est beau, mais on meurt dans votre air.

(Все чисто подметено на ваших железных дорогах; все величественно и красиво, но задыхаешься в вашем воздухе).

⁷ Там же, стр. 20—21.

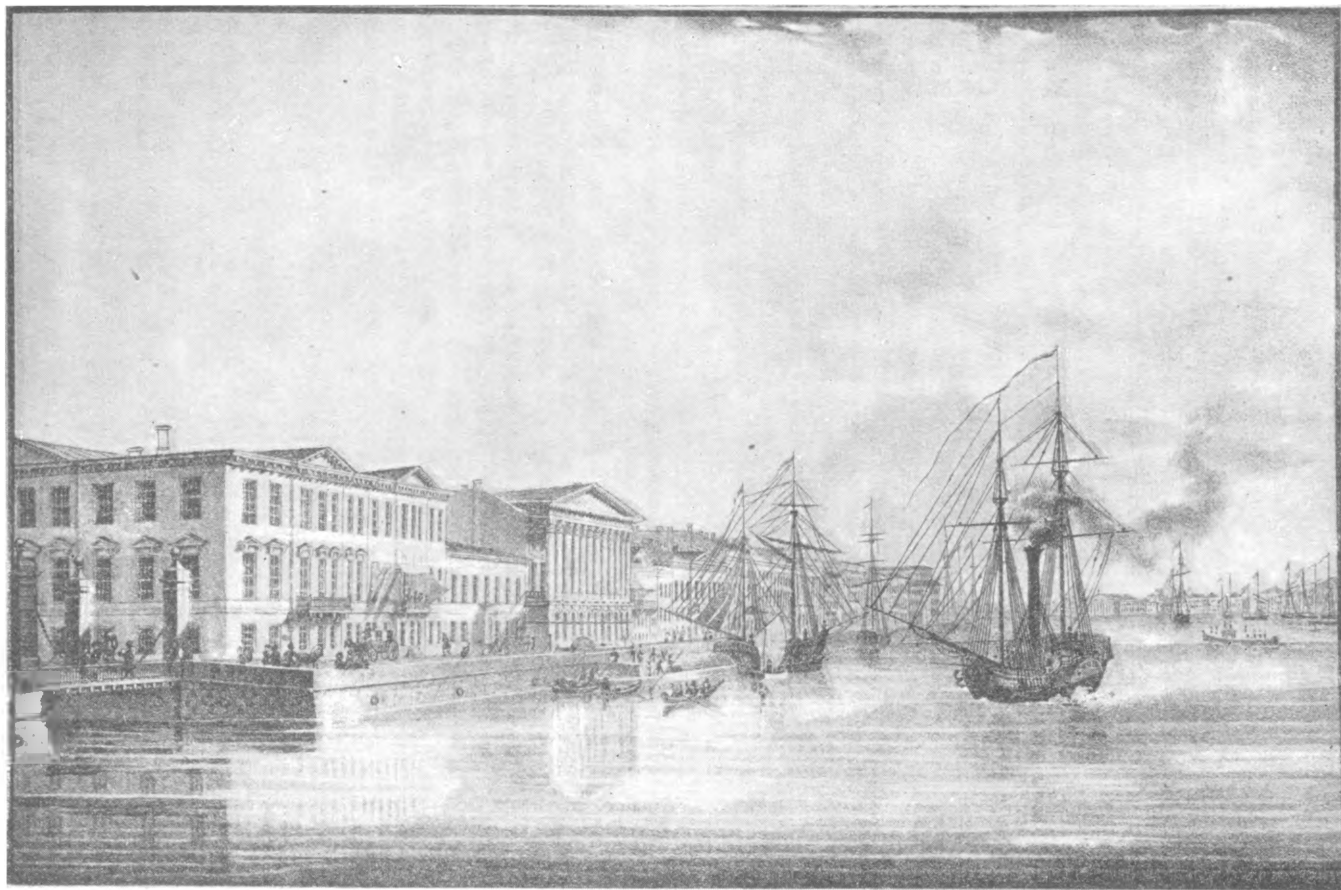
⁸ Там же, стр. 25—65.

⁹ Впоследствии только А. Теннисон в поэме «Локсли-Холл» (1842) писал о «пароходах» и «железных дорогах», как о волнующих проявлениях человеческого ума:

In the steamship, in the railway, in the
Thought that shake mankind.

(Ralph B. Crum. Scientific Thought in Poetry. N. Y., 1931, стр. 158). См. также: Douglas Bush. Science and English Poetry. A Historical Sketch. N. Y., 1950, стр. 97.

¹⁰ V. Frobenius. Die Behandlung von Technik und Industrie in der deutschen Dichtung von Goethe bis zu Gegenwart. Heidelb. Diss. Brinkum, 1935.

Английская набережная в Петербурге (пароход «Ижора» на Неве). Рисунок Садовникова, литография Иванова.
Начало 1830-х годов.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Характерно, однако, что быстрое изменение их обозначений относится ко времени Пушкина, который в юные годы мог читать в русских журналах о первых опытах установления пароходного движения по Неве, а в конце 20-х годов уже не раз совершал пароходные поездки до Кронштадта.

Вопрос о «стимботах», или «паровых» судах, обсуждался в русской печати уже к середине первого десятилетия XIX века. «Сын отечества» еще в 1815 году выражал надежду, что «мы в нынешнем году увидим, может быть, стимбот, плавающий из *С. Петербурга* в *Кронштадт*».¹¹ «Нетрудно исчислить, — отмечали в том же журнале, — какое влияние иметь будет сие сбережение сил и людей на земледелие и ремесла! Конечно, надобно много времени, трудов и попечений для общего введения сего изобретения; но способности и искусство русских художников изведаны».¹² Первое движимое паром судно появилось на Неве уже в августе 1815 года; по словам того же журнала, паровая машина вделана была «в обыкновенную тихвинскую лодку».¹³ Пароход «Елизавета» совершал рейсы между Петербургом и Кронштадтом с 1815 года, и в следующее десятилетие у нас построено было одиннадцать пароходных машин. С 1827 года Ижорский завод начал строить пароходы также для Камы и Волги.¹⁴ В Петербурге пароходное движение в конце 20-х годов прочно вошло в быт горожан и стало уже вполне привычным делом.

Описывая свою поездку из Петербурга в Кронштадт, совершенную 9 июня 1828 года, А. В. Никитенко писал в своем дневнике:

«Изобретение парохода — одно из чудес нашего века. Стоя на палубе, спокойно сидя в каюте, вы с невероятною быстротою, почти незаметно, переноситесь вдаль: так ровен ход судна, до такой степени двигающая его сила подавляет колебание волн. Один только шум колеса, которое быстро вращается под действием пара и как плуг взрывает водную равнину, нарушает тишину...».¹⁵

Ф. Булгарин в статье «Поездка в Кронштадт 1-го мая 1826 г.», написанной в форме письма к Н. И. Гнедичу, рассказывал, в свою очередь: «Догадаетесь ли вы, о чем я думал, сидя на пароходе? .. Кто знает, как высоко поднимутся науки через сто лет, если они будут возвышаться в той же соразмерности, как доселе! .. Может быть, мои внуки будут на какой-нибудь машине скакать в галоп по волнам из Петербурга в Кронштадт и возвращаться по воздуху. Все это я в праве предполагать, сидя на машине, изобретенной в мое время, будучи отделен железною бляхою от огня, а доскою от воды; на машине, покорившей огнем две противо-

¹¹ Стимбот на Неве. «Сын отечества», 1815, ч. 24, № 38, стр. 210.

¹² Там же, стр. 217. — О тех же «Бердовых стимботах» см. статью «Паровой бот на Неве» («Дух журналов», 1815, ч. VI, кн. 36, стр. 521—532), также подчеркнувшую огромное практическое значение нового технического начинания.

¹³ «Сын отечества», 1815, ч. VI, № 38, стр. 211. — Первые известия об американских стимботах Фультона появились в этом журнале в 1814 году. Быстрота, с которой пароходное движение установилось на русских реках, становится особенно наглядной при сопоставлении данных о появлении «стимботов» в других странах Европы. Первый французский «стимбот» появился на Сене в 1816 году, и в том же году пароход «Элиза» впервые пересек Ла Манш; первое трансатлантическое путешествие на океанском пароходе совершено было в 1819 году. К 1830 году Франция владела пятнадцатью пароходами; первая пароходная линия между Марселем и Константинополем открылась в 1835 году и т. д. (см.: Elliot M. Grant. French Poetry and Modern Industry, стр. 4, со ссылкой на книгу: J. H. Schnitzler. Statistique générale, méthodique et complète de la France comparée aux autres grandes puissances de l'Europe» (Paris, 1846), где есть сведения и относительно России).

¹⁴ М. В. Кирпичев. Русские паротехники. Вопросы истории отечественной науки. М.—Л., 1949, стр. 523.

¹⁵ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. 1904, стр. 192.

положительные стихии, воду и воздух или ветер! Вот о чем думал я, прислушиваясь к шуму паровой машины...»¹⁶ Рассуждения на подобные темы становились у нас тогда повседневными, обыденными.

К этому времени и Пушкину были уже хорошо знакомы подобные ощущения: в 20—30-е годы он ездил на пароходе в Кронштадт несколько раз.¹⁷ Историки русской лексики обращали внимание на тот факт, что первоначально, говоря о пароходах, Пушкин чаще всего называл их «пироскафами», словом, заменившим недолго у нас державшийся английский термин «стимбот».¹⁸

«Смерть хочется... возвратиться в июне в Петербург и отправиться в Лондон на пироскафе...», — писал П. А. Вяземский жене 19 апреля 1828 года и прибавлял: — Вчера были мы у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я».¹⁹ Слово «пироскаф» находим у Пушкина в отрывке «Участь моя решена» (1830): «Если мне откажут, думал я, поеду в чужие края, — и уже воображал себя на пироскафе. Около меня суетятся, прощаются, носят чемоданы, смотрят на часы. Пироскаф тронулся — морской свежий воздух веет мне в лицо; я долго смотрю на убегающий берег» (VIII, 1, 407).

Тем же словом Пушкин пользуется в письме к П. А. Вяземскому от 11 июня 1831 года²⁰ и в письмах к жене от 3 и 11 июня 1834 года: «Я провожал их до пироскафа»; «Еду на пироскафе провожать Вельггорского» (XV, 155, 159). «Пироскаф» упомянут Пушкиным также в статье «Джон Теннер» (1836). Однако в дневнике Пушкина (запись от 2 июня 1834 года) в том же значении встречается и слово «пароход»: «26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправляющихся в Италию» (XII, 330). В то же приблизительно время русское слово употреблял уже и П. А. Вяземский. 20 июня 1832 года Вяземский писал жене, что он провожал в Кронштадте Жуковского и А. И. Тургенева, отправившихся за границу: «Пароход их поднялся с якоря и колеса зашумели»; затем он ждал в Кронштадте до утра, «чтобы отправиться на пароходе, идущем в Петербург».²¹ Через несколько лет А. И. Тургенев писал тому же П. А. Вяземскому (7 сентября 1836 года): «Как мое европейство обрадовалось, увидев у Симбирска пароход, плывущий из Нижнего к Саратову и Астрахань».²²

Таким образом, уже в начале 30-х годов слово «пироскаф» выходило из употребления и его место прочно занимало русское «пароход». Правда, Е. А. Баратынский еще в «Современнике» за 1844 год (т. XXXV, № 8,

¹⁶ Ф. Булгарин, Сочинения, т. III, ч. 5, СПб., 1828, стр. 26—28.

¹⁷ О поездке Пушкина, состоявшейся 25 мая 1828 года в обществе П. А. Вяземского, П. А. Шиллинга и Олениных («Литературное наследство», 1946, кн. 47—48, стр. 237) уже упоминалось выше; см. также «Литературный архив», т. I, Изд. Академии Наук СССР, 1938, стр. 7, и подпись к стихотворению «To Dawe, Esq!».

¹⁸ В. В. Виноградов в Истории современной русской литературной лексики «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1950, т. IX, вып. 5, стр. 389.

¹⁹ «Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 76.

²⁰ Пушкин писал здесь: «В Твери, рассказывают, холера и карантин. Как же ты к нам приедешь? Уж не на пироскафе, как Паскевич поехал в армию» (XIV, 174). Л. Б. Модзалевский указал, что ирония Пушкина вызвана была сообщением «Северной пчелы» (1831, № 128, стр. 1), известившей, что И. Ф. Паскевич, назначенный главнокомандующим действующей армией вместо умершего Дибича, действительно отправился на пароходе «Ижора» из Петербурга через Кронштадт на Мемель — самым кратчайшим и безопасным путем (Пушкин. Письма, т. III, Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 284).

²¹ «Звенья», т. IX, М., 1951, стр. 396.

²² «Литературный архив», Л., 1938, т. I, стр. 85.

стр. 215—216) напечатал стихотворение, озаглавленное «Пироскаф», но к этому времени это слово было у нас уже редким. Едва ли поэтому справедливо предположение, высказанное в свое время Р. Ф. Брандтом, что Баратынский озаглавил свое стихотворение этим иностранным термином потому, что он якобы не знал еще слова «пароход»;²³ скорее всего, дело объясняется тем, что свое стихотворение Баратынский написал за границей, при морском переезде из Марселя в Италию. Тем естественнее, что он воспользовался словом, употреблявшимся тогда как во французском, так и в итальянском языках;²⁴ кроме того, слово «пироскаф» использовано только в заглавии стихотворения и в текст его не введено (здесь стоит более привычное для поэтического языка «наш корабль»). Тем не менее всё стихотворение Баратынского поэтизирует не только морской средиземноморский пейзаж, но и движение по волнам с помощью паротехники:

...Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!
Мчимся. Колеса могучей машины
Роят волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез...

В русском литературном языке слово «пароход» в смысле корабля, движимого паровой машиной, употреблялось уже в середине 20-х годов. В дневнике путешествия И. А. Крылова и А. Н. Оленина в Ревель под 23 июля 1824 года отмечено: «после обеда выехали из Петербурга на пароходе в Кронштадт»;²⁵ «Московский телеграф» в 1825 году (№ 1, стр. 100) писал об «учреждении сношений между Англией и Восточною Индией... пароходами»; и, может быть, под воздействием словоупотребления, принятого в этом журнале, которому приписывают важную роль в деле разработки русской технической терминологии,²⁶ Пушкин также говорил о «паровых кораблях».²⁷ В августе 1824 года в заседании «Вольного общества любителей российской словесности» в Петербурге читано и одобрено было стихотворение П. И. Колошина «Пароход»,²⁸ в котором, повидимому, слово употреблялось в указанном выше смысле. Слово «пароход» встречается далее в «Сашке» (1825) А. И. Полежаева:

Я-с по бульвару все ходил,
Потом спуск видел парохода,
Да Зимний осмотрел дворец.²⁹

²³ Р. Ф. Брандт. Несколько замечаний об употреблении иностранных слов. «Известия Историко-филологического института князя Безбородко», т. VIII, Нежин, 1883, стр. 16.

²⁴ Elliot M. Grant (стр. 30 и 195) как раз тем же 1844 годом датирует первый встретившийся ему случай употребления слова «пироскаф» во французской поэзии, в сатире V. Rommier («Le Progrès»):

...sur les eaux l'agile pyroscaphe,
Avec sa mécanique et son tuyau fumeux,
Comme un léviathan bat les flots écumeux...

(На водах проворный пироскаф, со своей механикой и дымящей трубой, подобно левиафану, бьет пенящиеся волны...)

²⁵ Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, сб. III, Л., 1955, стр. 56.

²⁶ «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 141.

²⁷ Письмо к П. А. Вяземскому из Пскова от 27 мая 1826 года (XIII, 280).

²⁸ В. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949, стр. 401. — Текст этого стихотворения нам, к сожалению, не известен.

²⁹ А. И. Полежаев, Полное собрание стихотворений, изд. «Советский писатель», Л., 1939, стр. 23.

Ф. Н. Глинка в большом стихотворении о поездке по взморью Финского залива, напечатанном в 1825 году под общим заглавием «Картины», многократно пользуется словом «пароход» и в поэтическом тексте, и в подзаголовках к отдельным его частям.

Наш пароход — особый мир!
Тут люди разных стран, чинов и разной веры...
Я думал: будь земля — огромный пароход;
Будь пассажир — весь смертных род;
Друзья! спокойно плыть и в беспокойстве вод!
Откинем страх: тут правит пароходом
Уж лучше Берда кто-нибудь!
(Но Берду всё и честь и слава!)

И далее — в подзаголовке «Ночь в каюте парохода» или в разделе «Утро на палубе»:

Пошел ходчее пароход...³⁰

В конце 30-х и начале 40-х годов слово «пароход» уже часто встречается в поэтических произведениях. Укажем, например, на стихотворение К. Павловой 1839 года, в котором говорится:

Реки есть без пароходов,
Люди есть без ремесла...³¹

и на стихотворение В. Бенедиктова (написанное между 1838 и 1846 годами) «Одесса»:

И евксински бурны воды
Шумно пенят пароходы...³²

или на «Песню балтийским водам» (1841) Н. М. Языкова:

...тысячи, тьмы расписных пароходов
И всяких торговых судов...³³

С начала 40-х годов слово «пароход» уже прочно утвердилось в русском поэтическом словаре и не считалось непоэтическим; в 40—50-е годы оно уже постоянно мелькало в стихотворениях как ближайших современников Пушкина (например, в поздних стихотворных опытах П. А. Вяземского), так и поэтов следующих поколений.³⁴

³⁰ Федор Глинка. Избранное, Петрозаводск, 1949, стр. 81—83 (первоначально «Картины» напечатаны были в «Северной пчеле», 1825, № 91, 30 июля).

³¹ Каролина Павлова, Полное собрание стихотворений, изд. «Советский писатель», Л., 1939, стр. 4.

³² В. Г. Бенедиктов, Стихотворения, изд. «Советский писатель», Л., 1939, стр. 198.— Ср. в «Поэтических очерках Украины, Одессы и Крыма» (М., 1837, стр. 95) И. П. Борозды:

И ждали, не дождались
Из Цареграда парохода!

³³ Н. М. Языков, Собрание стихотворений, изд. «Советский писатель», Л., 1948, стр. 254.

³⁴ См., например, стихотворение П. А. Вяземского «Босфор» (1849), где есть такие строки:

Закоптев неба свод, вот валит пароход:
По покорным волнам он стучит и колотит:
Огнедышущий кит, море он кипятит,
Бой огромных колес волны в брызги молотит.

(П. А. Вяземский, Избранные стихотворения, изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 243).

Правда, в 30-х годах «парходами» у нас изредка называли и сухопутные паровые тягачи, а к концу этого десятилетия — и железнодорожные паровозы, но происходившая отсюда путаница разъяснена была в печати еще до окончания постройки первой в России железнодорожной линии.³⁵ Место недолго державшегося у нас термина «сухопутный пароход»³⁶ вскоре заняло слово «паровоз», вошедшее в обиход с начала 40-х годов; один из последних случаев возникавшей путаницы понятий вследствие неразграниченности новых технических терминов — «Попутная песня» Н. В. Кукольника, ставшая знаменитой в русском искусстве благодаря музыке Глинки: поэтический текст песни написан был в 1839 году, а в декабре следующего года она вышла в свет.³⁷ Характерно, что тот же Н. Куколь-

В поэме Н. П. Огарева «Юмор» (см. Н. П. Огарев, Стихотворения и поэмы, т. II, изд. «Советский писатель», 1938, стр. 51).

Скорей оставлю скучный град,
Пусть на пароходе в море...

В издании «Картинки русских нравов» (кн. IV, СПб., 1841) помещена статья А. Греча «Невский пароход». В рецензии на это издание, помещенной в «Отечественных записках» 1842 года, Белинский высмеял статью Греча, заметив, что ее главное достоинство составляет «точность, с какою в ней означены часы прихода и отхода пароходов на Английской набережной» (Полное собрание сочинений, т. VII, СПб., стр. 397). См. также стихотворения Я. П. Полонского «Ночь на восточном берегу Черного моря» (1850), «Воспоминание» (1853), «На Черном море» (1855) и др. И Гончаров писал во «Фрегате Паллада»: «Некоторые находят, что в пароходе меньше поэзии (чем в парусном судне), что он не так опрятен, некрасив. Это от непривычки...». И пояснял далее: «...если б пароходы существовали несколько тысяч лет, а парусные суда недавно, глаз людской, конечно, находил бы больше поэзии в этом быстром, видимом стремлении судна, на котором стоит... человек, с покойным сознанием, что под ногами его сжата сила, равная силе моря...» (И. Гончаров, Собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, М., 1952, стр. 31). Когда после запрещения газеты И. С. Аксакова «Парус» (1852) предположено было возобновить издание под названием «Пароход», А. К. Толстой писал, что «переселение славянской мысли из Паруса в Пароход... в высшей степени курьезно, но название журнала знаменательно» (Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, сб. IV, М., 1939, стр. 228).

³⁵ «Северная пчела» в номере от 30 сентября 1836 года сообщала: «Немедленно по прибытии паровых машин (Locomotives), которые для отличия от водяных пароходов можно было бы назвать паровозами, последуют опыты употребленя их»

³⁶ «У нас есть свои машинисты; на наших заводах строятся сухопутные пароходы», — писала «Северная пчела» (1836, № 93, 25 апреля, стр. 371), рассказывая о паровозах Черепановых. Мирон Черепанов с отцом «называли новую машину (первый паровоз 1834 года) «сухопутным пароходом», потому что на Урале речной пароход был построен еще в 1817 году», — замечает А. Бармин (Сухопутный пароход. Альманах «Уральский современник», 1, Свердловск, 1938, стр. 227). Ср. еще заглавие книги В. П. Гурьева «Учреждение торговых дорог и сухопутных пароходов в России» (СПб., 1836).

³⁷ Литературный текст «Попутной песни» написан был после того, как уже создан был Глинкой ее музыкальный текст. Н. В. Кукольник отмечает в своем дневнике (запись от 24 декабря 1839 года), что он «подложил» специально сочиненные им слова к нотному тексту, в котором «чрезвычайно оригинальная композиция изображает паровоз с его <?> ежедневными ощущениями...» и прибавляет: «В области музыки мне не встречалось еще ничего подобного» (М. И. Глинка. Записки. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, Приложения, стр. 477). Хотя Н. Кукольник и сам говорит о «паровозе», но в тексте «Попутной песни» он употребляет слово «пароход», едва ли не ради рифмы:

Дым столбом, кипит, дымится пароход!
Пестрота, разгул, волненья, ожиданья, нетерпенья!
Веселится и ликует весь народ,
И быстрее, шибче волн, поезд мчится в чистом поле!
Нет! Тайная дума быстрее летит,
И сердце, мгновенья считая, стучит! и т. д.

Рецензент «Библиотеки для чтения» (1840, т. 42, отд. VII, стр. 84—85) в пространной статье, посвященной песенному циклу Глинки «Прощание с Петербургом», особо выделил «Попутную песнь» и точно указал на ее происхождение. В этой песне «одно движе-

ник уже ранее напечатал стихотворение «Встреча пароходов 31 мая 1836 г.»,³⁸ где он под «пароходом» подразумевал не железнодорожный «паровоз», как в тексте «Попутной песни», но паровой морской корабль (впрочем, в самом тексте стихотворения слово «пароход» отсутствует; вместо него фигурирует поэтическая «морская колесница»).

Сухопутный пароход от Ораниенбаума до Петербурга.
Литография И. Селезнева из книги В. Гурьева «Учреждение торцовых дорог», 1836.

Создание широкой и разветвленной «системы быстрых и дешевых сообщений» современники Пушкина считали «первейшим вопросом XIX века».³⁹ В середине 30-х годов, когда у нас заговорили не только об умножении и улучшении шоссейных дорог, почтовых трактов или каналов

ние определяет особенную жизнь, хлопотливость, поспешность, — необходимые принадлежности поездки по царскосельской железной дороге. . . Внешние ощущения поездки и внутреннее волнение, страстное, исполненное надежд и ожиданий, рассказаны с окончательным изяществом. По художеству, это едва ли не лучший номер в „Прощании с Петербургом“. Слово «паровоз» мы находим в стихотворении П. А. Вяземского «Русские проселки» (1841).

³⁸ «Библиотека для чтения», 1838, т. XXVII, № 3, стр. 5—6.

³⁹ В. Гурьев. Учреждение торцовых дорог и сухопутных пароходов в России. СПб., 1836, стр. XI.

с движущимися по ним «пароходами», но и целой сети железных дорог, которые могли бы связать важнейшие промышленные и культурные центры страны, это становилось особенно очевидным. Предприимчивый русский изобретатель этого времени В. П. Гурьев писал по этому поводу: «Главная, животворная мысль, которая одушевляет эту эпоху, состоит в том, чтобы связать деятельность и трудолюбие обществ, обитающих в разных точках данного пространства, самыми быстрыми и дешевыми средствами взаимного сообщения, и чтобы тем придать их производительной силе всё могущество совокупного действия многих миллионов рук и умов, трудящихся дружно и вместе. Следствия этой великой идеи неисчислимы, и теперь еще нельзя предвидеть, какие чудеса произведет она на земле, хотя мы уже смотрим на их начало».⁴⁰ Эти строки напечатаны в 1836 году, т. е. в то время, когда «железнодорожный вопрос» стал у нас действительно злободневным и оживленно обсуждался в русской печати, вызывая взволнованные и раздраженные споры. Хорошо известно, что в круг споривших вовлечены были тогда и многие русские литераторы, в их числе также и Пушкин. Но его интерес к этим проблемам, заставивший его в конце концов принять косвенное участие в развернувшихся дебатах, гораздо старше этой даты — он возник у Пушкина на целое десятилетие раньше.

Первое известное нам упоминание Пушкиным «чугунных дорог» находится в письме его к П. А. Вяземскому от 27 мая 1826 года из Михайловского: в то время, когда ссылка в глухой деревне наводила на него «тоску и бешенство», «чугунные дороги» наряду с «паровыми кораблями» чудились ему, как последнее слово цивилизации (XIII, 280). Мы уже предположили выше, что источником, вдохновившим Пушкина, в данном случае были известия о первых опытах постройки железных дорог в Англии, помещенные в «Московском телеграфе» 1825 года. Впрочем, как раз около этого времени «чугунным», рельсовым дорогам и преимуществам их перед другими видами транспорта стала уделять значительное внимание не только русская специальная, но и общая периодическая печать. «Чугунной дороге в Колыванских заводах» еще в 1821 году особую статью посвятили «Отечественные записки» П. П. Свиньина (всегда особо интересовавшегося русской технико-изобретательской мыслью); о выгодах, представляемых «чугунными дорогами», в сравнении с каналами или обыкновенными дорогами, хотя бы и наилучшим образом устроенными, в 1825 году писал будущий корреспондент Пушкина Г. И. Спасский в своем «Азиатском вестнике», журнале, столь хорошо известном поэту; «Сын отечества» в том же 1825 году поместил статью «Чугунные дороги и паровые пушки», в которой, между прочим, утверждалось, что «чугунные дороги... не прежде введения паровых машин оказались во всей своей важности» и что они «могут быть устроены во всякой земле, годны для повозок всякого рода и имеют великое преимущество перед каналами»; в 1826 году «Московский телеграф» поместил переводную статью о железных дорогах Э. Био и т. д.⁴¹

⁴⁰ В. Гурьев. Учреждение торцовых дорог, стр. 1.

⁴¹ Обо всех этих статьях см.: В. С. Виргинский. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года. «Исторические записки», т. 25, М., 1948, стр. 140—141. — Автор отмечает, между прочим, что заслугой «Московского телеграфа», при переводе статьи Э. Био (1826, ч. XII, № 21, отд. II, стр. 29 сл.) была «разработка... русской технической железнодорожной терминологии. В частности, переводчик употребляет необычный еще в то время термин «железные дороги» (вместо «чугунных», «полосных», «колейных», как тогда обычно выражались)». Как видно из библиографических материалов, собранных В. С. Виргинским, этот термин был известен у нас и значительно раньше, хотя привился не сразу: в «С.-Петербургских коммерческих ведомостях» еще в 1803 году

Во второй половине 20-х годов «железнодорожный вопрос» ставился в порядок дня, казался всё более неотложным; равнодушно пройти мимо него, не откликнуться на него в той или иной форме, не принять участие в его обсуждении становилось всё более трудным; поэтому в переписке и мемуарах этой поры, в публицистических и критических статьях, в произведениях художественной литературы мы находим, действительно, много высказываний и замечаний по этому поводу, ещё не полностью учтенных как историками железнодорожного дела в России, так и в особенности историками русской литературы.

У Пушкина были особые поводы внимательно следить за развертывавшейся полемикой: как раз в эти годы он имел личные дела и входил в непосредственные сношения с несколькими лицами, выступавшими со статьями о железных дорогах. Спор, как известно, начался с напечатанной в Петербурге в начале 1830 года статьи Н. П. Щеглова «О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами»,⁴² в которой автор, по словам В. С. Виргинского, проявил себя в качестве «решительного поборника экономического и технического прогресса» в России.⁴³ Действительно, Щеглов доказывал необходимость скорейшей постройки в России «металлических дорог» и утверждал, что только это может избавить государство от серьезных и всё возрастающих транспортных затруднений. Постройка подобных дорог, повидимому, казалась ему тем более осуществимой, что с техникой «чугунных дорог» Россия знакома была уже с давних пор. Конечно, это была прогрессивная идея. Аргументацию подобного рода мы нередко встречаем в письмах декабристов, из которых многие, живя в Сибири, высказывались в пользу широкого железнодорожного строительства в России как важного государственного дела. Так, например, Н. А. Бестужев писал своему брату Павлу из сибирской ссылки (в январе 1837 года): «... по нашему, нет лучше способа для просвещения, как легкие и быстрые сообщения всех частей государства между собою... Говоря о ходе просвещения, нельзя также не упомянуть тебе с некоторой гордостью, что в части физических применений мы, русские, в многих случаях опереживали других европейцев: чугунные дороги не новы, они существуют на многих железных заводах для перевозки руды, бог знает с которой поры».⁴⁴

Тем не менее Н. П. Щеглов, открывший своей статьей 1830 года длительную полемику в русской печати по железнодорожному вопросу, вызывал к себе общественное сочувствие современников далеко не во всех сферах своей деятельности. Имея в виду главным образом образом данную статью Н. П. Щеглова, В. С. Виргинский называет его «молодым прогрессивным ученым», «безвременно погибшим от эпидемии в расцвете своей деятельности».⁴⁵ Однако Пушкин, знавший Щеглова лично, относился к нему недоверчиво и даже враждебно и не зачислял его в круг передовых деятелей своего времени, на что, правда, имелись особые причины.

Николай Прокофьевич Щеглов (1794—1831) уже с 1822 года был профессором физики в Петербургском университете и обратил на себя внимание своим курсом «Общей физики», который в 20-е годы считался

появилась заметка «О употреблении железных дорог для возки минералов»; статья «О железных или чугунных дорогах» напечатана была в «Журнале мануфактур и торговли» в 1826 году (В. Виргинский, стр. 140, 141, 155).

⁴² Напечатана в газете «Северный муравей» (1830, № 1 и 2).

⁴³ В. С. Виргинский. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года, стр. 149.

⁴⁴ Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М.—Л., 1933, стр. 256.

⁴⁵ В. С. Виргинский. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года, стр. 149.

одним из лучших, оригинальных русских руководств этого рода. Щеглов издавал также (между 1824—1831 годами) ежемесячный научно-популярный журнал «Указатель открытый по физике, химии, естественной истории и технологии», пользовавшийся успехом, засвидетельствованным в «Московском телеграфе». ⁴⁶ В 1830 году Щеглов начал издавать в Петербурге еженедельную научно-промышленную газету под названием «Северный муравей», ⁴⁷ в первых двух номерах которой и была напечатана его статья «О железных дорогах». Несмотря на множество занятий по университету, Вольному экономическому обществу (непрерывным секретарем которого он стал в 1828 году), сотрудничеству с Н. Мордвиновым и служебные дела по государственному контролю, Н. П. Щеглов был также цензором, и отсюда именно и знал его Пушкин. С конца января 1830 года Щеглову поручено было цензурировать «Литературной газеты» Дельвига; ⁴⁸ он же цензурировал «Северные цветы» на 1831 год, изданные Дельвигом. Для этого дела Щеглов, разумеется, был мало подходящим лицом, что и вызвало недовольство Пушкина. Все дошедшие до нас отзывы Пушкина о Щеглове достаточно суровы. Еще в первой половине февраля 1830 года Пушкин представил даже особое ходатайство о замене Щеглова другим «менее своенравным цензором» (XIV, 65). В письме к П. А. Плетневу из Болдина (от 9 сентября 1830 года) Пушкин шутя сравнил Щеглова-цензора с невестой, которая «язык и руки связывает» (XIV, 112), а получив известие о его скоростижной смерти в холерную эпидемию, писал П. А. Вяземскому (3 июля 1831 года): «Кстати о цензуре: Щеглов умер: не нашего полку, чужого» (XIV, 187). ⁴⁹

Отрицательное отношение Пушкина к Щеглову-цензору, однако, не исключало, как можно предполагать, возможного интереса поэта к научным трудам Щеглова как профессора или издателя научно-популярных журналов. «Северный муравей» начал издаваться в то самое время, когда Пушкин задумывал издание собственной газеты: его обостренное внимание к периодической печати в России с начала 30-х годов общеизвестно; Пушкин приглядывался тогда к различным типам существовавших в то время русских журналов, изучал их направленность и особенности, отношение к ним читателей. Ему не могло не броситься в глаза сравнительное обилие специальных научно-технических и научно-популярных журналов, выходивших у нас во второй половине 20-х годов (например «Горный журнал» — с 1825 года, «Журнал путей сообщения» и «Инженерные записки» — с 1826 года и т. д.), к которым прибавлялись всё новые издания того же типа; Пушкин хорошо знал также, как постепенно повышался в эти годы удельный вес «научных» и «научно-прикладных» отделов в журналах собственно литературных. Это был «дух века». ⁵⁰ Поэтому представляется

⁴⁶ К концу первого года существования «Указателя открытий» Щеглова Н. Полевой отзывался с большой похвалой об этом журнале и сопоставлял его с аналогичным московским журналом И. А. Двигубского «Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических», выходившим в те же годы, между 1820 и 1830 («Московский телеграф», 1825, ч. I, отд. III, стр. 144—145).

⁴⁷ Объявление об этой «еженедельной газете промышленности, торговли, земледелия и химических и физических искусств» напечатано в «Литературной газете», 1830, № 34, 15 июня, стр. 276.

⁴⁸ «Пушкин и его современники», вып. XXIX—XXX, стр. 65—66.

⁴⁹ О смерти Щеглова Пушкина известил Е. Ф. Розен (Пушкин и, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 183; ср. «Русский архив», 1908, кн. III, стр. 263—264).

⁵⁰ Характерно, что первым серьезным замыслом О. Сенковского в области журналистики был представленный им в 1829 или 1830 году проект издания «Всеобщей газеты»: почти весь научный отдел в этом проекте посвящен был прикладной стороне точных наук: «а) Рассуждения и известия об успехах точных наук в разных странах Европы...

вполне поавдоподобным, что Пушкину была известна и упомянутая выше статья Щеглова о железных дорогах: она обратила на себя внимание, ее цитировали в других журналах, с ней вступали в споры...

Многие положения этой статьи, — уязвимой, как отмечают специалисты и с экономической, и с технической стороны,⁵¹ — представляют для нас интерес, в частности, потому, что они невольно заставляют нас вспомнить о той стихотворной полемике Пушкина с Вяземским, о которой речь уже шла выше.⁵²

Статья Н. Щеглова и вскоре последовавшие за ней другие довольно многочисленные статьи в защиту железнодорожного строительства в России были полны надежд на скорейшую ликвидацию «бездорожья» и вообще транспортных затруднений в России; очевидно, эти вопросы уже в конце 20-х годов привлекали к себе всеобщее внимание. В этом смысле статья Щеглова, действительно, отражала прогрессивные чаяния довольно широких общественных кругов. Историки русского железнодорожного транспорта подчеркивают, что ее сила заключалась в ее общей направленности: «... Щеглов не просто высказывался в пользу железных дорог... Такого решительного, убежденного призыва к строительству железных дорог в русской печати еще не появлялось, а за рубежом они были очень редки».⁵³

Приведенные данные лишней раз убеждают нас в том, что вера в дерзновенные искания и неисчерпаемые возможности изобретательской мысли, в действенность человеческого труда по овладению силами природы и победе над ними, в благодетельность технического прогресса вообще, одушевлявшая, например, XXXIII строфу седьмой главы «Евгения Онегина», имела глубокие корни в русской действительности и, по крайней мере, в тех беседах, которые часто велись у нас в конце 20-х годов. Пушкин рисовал здесь не столько утопический или абстрактный пейзаж отдаленного будущего, но обобщенную картину, состоявшую из реальных и вполне осязательно предвидимых подробностей; если бы она создавалась Пушкиным годом или двумя позже, мы имели бы в ней, вероятно, не только картины вполне благоустроенных шоссе, но и действующих железных дорог и многих других технических новинок, обсуждавшихся в петербургских инженерных кругах. В этом смысле указанная строфа может быть сравнена с фрагментами «Истории будущего» А. Мицкевича, где также, как известно, идет речь о перспективах

в) Рассуждения и описания применения сих наук к разным частям промышленности и т. п. «Беллетристика занимала в этом проекте лишь одну пятую предпоследнего отдела» (В. Каверин. Барон Брамбеус. Л., 1929, стр. 42). Издание «Всеобщей газеты» не осуществилось, но основанная через несколько лет «Библиотека для чтения» удержала существенные черты ранее задуманного Сенковским периодического органа, и в этом, как известно, был один из секретов ее успеха.

⁵¹ В. С. Виргинский. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года, стр. 151—152.

⁵² В статье Щеглова мы находим сравнительную характеристику сухопутных и водных сообщений: «... российская земля рассечена в разных направлениях великими судорожными реками, но против сего можно заметить, что очень немного находится рек, на коих плавание совершается беспрепятственно целое лето»; между тем, «все те губернии наши, у коих нет водяных сообщений с главнейшими сего рода путями... терпят великое зло от избытка своих земледельческих произведений...». Возражения Щеглова против тех, кто доказывал преимущества зимнего санного пути, приводят на память остроумия П. А. Вяземского (в «Зимних карикатурах») о морозе, как о природном шоссейном мастере; и о «зимнем судоходстве» обозов: «Я не буду говорить здесь о выгодах зимней нашей перевозке на санях, — замечает по этому поводу Н. Щеглов, — она выгодна только, да и то не в большой пропорции, в отношении к нашей худой летней сухопутной перевозке и не может стать ни в какое сравнение с перевозкою по железным дорогам» и т. д. (В. С. Виргинский, стр. 150).

⁵³ В. С. Виргинский. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года, стр. 152

грядущего технического прогресса. Свидетельство А. Э. Одынца относительно того, что Мицкевич начал писать это свое произведение в России, подвергнуто было сильным сомнениям, между тем все приведенные выше данные, — включая сюда даже наличие в России в 20-е годы обостренного интереса к железнодорожной проблеме, — могут служить лишними аргументами в пользу достоверности сделанных Одынцом указаний. Думается, что замысел произведения Мицкевича следует возводить непосредственно к проблеме технического прогресса в той ее форме, в какой она столь деятельно и оживленно обсуждалась в России в конце 20—начале 30-х годов.⁵⁴

Однако идеи защитников введения железных дорог в России встретил у нас не только сочувствие, но и сильное противодействие; полемика по этому поводу особенно обострилась к середине 30-х годов. В 1835 году в «Библиотеке для чтения» появилась статья «Чугунные дороги», горячо отстаивавшая необходимость такого строительства и опровергавшая всевозможные доводы его хулителей, лагерь которых был уже довольно велик: против железнодорожного транспорта писались у нас статьи, брошюры, читались публичные лекции; сильные противники железных дорог находились и в правительственных кругах.⁵⁵

Одним из яростных противников железных дорог был Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков, выступивший в том же 1835 году со статьей «Об устройнии железных дорог в России».⁵⁶ Н. И. Тарасенко-Отрешков был весьма посредственным литератором, однако мнившим себя знатоком экономических и технологических вопросов. По словам П. В. Анненкова, он «успел составить себе репутацию серьезного ученого и литератора по салонам, гостиным и кабинетам влиятельных лиц, не имея никакого имени и авторитета ни в ученом, ни в литературном мире. Он прослыл агрономом,

⁵⁴ По воспоминаниям Одынца (А. Е. Odyńiec. Listy z podróży, t. I. Warszawa, 1884, стр. 57 сл.), Мицкевич начал писать «Историю будущего» еще в России, собираясь представить развитие человечества, идущего к вершинам материально воплощенной цивилизации, но одновременно также к глубокому падению «чувства, духа и веры». Одынец свидетельствует также, что, предвидя огромный технический прогресс, Мицкевич изображал будущую Европу покрытой сетью железных дорог, как вернейшим средством для передвижения и перевозок товаров; более того, Мицкевичу грезилось в будущем целые флотилии воздушных шаров, покрывающих небо, а в домах — особые «акустические установки», позволяющие людям «у каминов» слушать то, что происходит вдалеке от них, и т. д. Воспоминания Одынца были подвергнуты острой критике Г. Жичиньским (H. Życzynski. Mickiewicz w oświecieniu Odyńca. Lublin, 1934), указавшим на ряд «подтасовок» фактов, якобы допущенных Одынцом, на подмену им взглядов Мицкевича 20-х годов более поздними его воззрениями и т. д. В частности, Г. Жичиньский высказывал даже предположение (стр. 13), что на рассказы Одынца об «Истории будущего» Мицкевича будто бы повлиял роман Жюль Верна «Замок в Карпатах», где предвидится изобретение радио. В результате ряд исследователей Мицкевича утверждал, что «петербургская редакция» «Истории будущего» — не более чем вымысел Одынца. Тем не менее Ю. Клейнер (J. Klejner. Mickiewicz, t. II, cz. 1. Lublin, 1948, стр. 52) справедливо предупреждал, что Одынец никогда не приписывал Мицкевичу произведений, которых тот не писал; было бы поэтому вполне естественным для фантазий Мицкевича, о которых рассказывает Одынец, указать на их вероятные русские источники. Нам представляется, что они находятся прежде всего в злободневной для России 20-х годов проблеме технического прогресса; было бы интересно поэтому сопоставить «Историю будущего» не только с фантазиями Ю. Олешкевича (ср.: J. Kallenbach. A. Mickiewicz, t. I, Wyd. 4, стр. 414; St. Pigoń. O mickiewiczowej «Historii przyszłości». «Przegląd współczesny», 1931, t. IV, стр. 31), но и с русскими утопиями 20—30-х годов.

⁵⁵ Подробно вся эта полемика изложена в указанной статье В. С. Виргинского (стр. 149—152); см. еще: С. А. Уродков. Петербурго-Московская железная дорога. История строительства. Изд. ЛГУ, Л., 1951, стр. 28—41.

⁵⁶ «Сын отечества и Северный архив», 1835, ч. 51, стр. 360—389, 414—450, и отдельно (СПб., 1835).

политико-экономом, финансовой способностью, не соприкасаясь с людьми науки...».⁵⁷ Одним из тех лиц, к которым Тарасенко-Отрешков успел втереться в доверие, хотя и на короткое время, был Пушкин. Задумав издание газеты «Дневник», Пушкин, как известно, предложил Тарасенко-Отрешкову принять участие в организационных трудах по изданию этой газеты и заключил с ним по этому поводу особый деловой договор.⁵⁸ Хотя издание «Дневника» и не состоялось, но Тарасенко-Отрешков и позже сохранил кое-какие деловые отношения с Пушкиным, который, впрочем, называл его «Отрыжковым» и, повидимому, никогда не обольщался на счет его личных или деловых качеств.⁵⁹

Статья Тарасенко-Отрешкова «Об устройении железных дорог в России» не могла остаться без возражений со стороны группы молодых русских инженеров, горячо стремившихся «к испытанию железных дорог в нашем отечестве». Одним из «теоретиков и идеологов» этой группы считают Матвея Степановича Волкова, который принял вызов Тарасенко-Отрешкова и ответил ему резкой полемической статьей.⁶⁰

Именно эта статья и связана с Пушкиным. Предназначалась она для «Современника»; рукопись ее была прислана Пушкину осенью 1836 года; посредником в сношениях автора с Пушкиным был В. Ф. Одоевский, которому, вероятно, и принадлежит инициатива опубликования ее в этом журнале. «Статья г. Волкова в самом деле очень замечательна, дельно и умно написана и занимательна для всякого», — писал Пушкин В. Ф. Одоевскому в ноябре—декабре 1836 года (XVI, 210). Правда напечатать статью в «Современнике» Пушкин отказался, опасаясь навлечь на свой журнал лишнее неудовольствие властей: он не без основания считал, что лагерь противников железных дорог в России достаточно силен и полон влиятельных лиц.

⁵⁷ П. В. Анненков. Воспоминания и критические очерки. СПб., 1881, стр. 258.

⁵⁸ Н. К. Пиксанов. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832). «Пушкин и его современники», вып. V, СПб., 1907, стр. 30—74.

⁵⁹ Между 1833 и 1835 годами Н. И. Отрешков издавал в Петербурге «Журнал общепользных сведений или Библиотеки по части промышленности, сельского хозяйства и наук, к ним относящихся» (в последующие четыре года это издание продолжал А. П. Башущий). Комплект этого журнала до 1835 года находился в библиотеке Пушкина; сохранился также билет на его получение с подписью: «Н. Атрешков», выданный Пушкину (Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 127, № 474). Отрешков оставил также воспоминания о Пушкине, не представляющие, впрочем, никакой ценности (Н. Лернер. Из неизданных материалов для биографии Пушкина. «Русская старина», 1908, № 2, стр. 428—433). После смерти Пушкина Отрешков стал одним из опекунов его семьи, что вызвало впоследствии протесты Н. Н. Пушкиной-Ланской, обвинившей его в похищении ряда автографов поэта еще в тот период, когда печаталось посмертное издание его сочинений (см.: В. Андерсон. Н. И. Тарасенко-Отрешков и автографы Пушкина. «Русский библиограф», 1913, № 6, стр. 21—27; Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 годах. М., 1925, стр. 76—77).

⁶⁰ В. С. Виргинский Железнодорожный вопрос в России до 1835 года, стр. 159.—М. С. Волков (1802—1878), окончив Институт путей сообщения еще в 1821 году, специализировался по вопросам строительного искусства, но печатал статьи и по другим поводам — о проекте «телеграфической линии от Петербурга до Динабурга», о «паровозах на обыкновенных дорогах» и т. д. Придавая огромное значение железнодорожному строительству, Волков уже к 1835—1836 учебному году добился официального разрешения на включение в программу своего курса большого раздела о железных дорогах. В изданных впоследствии «Отрывках из заграничных писем (1844—1848)» (СПб., 1857) Волков говорил об историческом значении железных дорог: «По моему мнению, в истории будут отныне две величайшие эпохи преобразования общества: это — введение христианства и — введение железных дорог» и т. д. (стр. 5—6). (Ср.: П. Н. Сакулин. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 1, М., 1913, стр. 571). Любопытно, что среди единомышленников М. С. Волкова В. Виргинский называет А. И. Дельвига (стр. 161—162).

«Статья Волкова писана живо, остро, — писал Пушкин в том же письме. — Отрешков отделан очень смешно; но не должно забывать, что против железных дорог были многие из Государственного Совета; и тон статьи вообще должен быть очень смягчен. Я бы желал, — прибавлял Пушкин, — чтоб статья была напечатана особо, или в другом журнале, тогда бы мы об ней представили выгодный отчет с обильными выписками» (XVI, 211).

Все это писалось уже незадолго до гибели Пушкина. Сохранилось также письмо В. Ф. Одоевского к М. С. Волкову, отправленное автору почти полгода спустя после смерти Пушкина. Одоевский извещал Волкова, что статья его о железных дорогах «должна была явиться в свет в 1-м № „Современника“ <1837 года>, который не вышел за смертью издателя: я, Жуковский, кн. Вяземский, Плетнев и Краевский взялись издать „Современник“ в пользу детей Пушкина, но вообразите себе: Наркиз Атрешков в числе опекунов Пушкина! поместить о нем в журнале Пушкина было бы, разумеется, неприлично — и я перенес эту статью в „Литературные Прибавления“, издаваемые Краевским. Это объяснение мне необходимо было Вам сделать, дабы Вы не удивились, увидев в „Литературных Прибавлениях“ Вашу статью».⁶¹

Не подлежит никакому сомнению, что Пушкин очень внимательно читал рукопись статьи М. С. Волкова. Даже в цитированном выше деловом письме к В. Ф. Одоевскому Пушкин высказал по этому поводу ряд собственных мыслей, подтверждающих, что он был вполне в курсе развернувшейся в это время полемики. Любопытно, например, что, по мнению Пушкина, русскому правительству «вовсе не нужно было вмешиваться в проект этого Герстнера».⁶² Россия не может бросить 3 000 000 на попытку. Дело о новой дороге касается частных людей: пускай они и хлопочут.⁶³ Всё, что можно им обещать — так это привилегию на 12 или 15 лет. Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новгород еще была бы нужнее дороги из Москвы в Петербург — и мое мнение — было бы: с нее и начать...» (XVI, 210).

Стараясь представить себе практические результаты введения железных дорог в России, Пушкин вник даже в такие технические подробности представлявшихся проектов, которые не предусмотрены были представителями передовой русской инженерной мысли. В том же письме к В. Ф. Одоевскому Пушкин писал: «Некоторые возражения противу проекта неоспоримы. Например: о заносе снега. Для сего должна быть *выдумана* новая машина, sine qua pop.⁶⁴ О высылке народа, или о найме работников для сметания снега нечего и думать: это нелепость» (XVI, 210).

В этих словах Пушкина нас поражает не только его смелое техническое предложение русским изобретателям; доказывая необходимость изобрести механический снегоочиститель, Пушкин имел в виду, в первую очередь, ин-

⁶¹ «Русская старина», 1880, № 8, стр. 804.

⁶² Речь идет о проекте, изложенном в брошюре Ф. А. Герстнера «О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск, высочайше привилегированною его императорским величеством компаниею» (СПб., 1836).

⁶³ Отметим, что в «Путешествии из Москвы в Петербург», говоря о строительстве шоссе, Пушкин утверждал совершенно обратное («правительство открывает дорогу: частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться» и т. д.; XI, 244). Что касается предложения Пушкина о дороге между Москвой и Нижним Новгородом, то оно, несомненно, стоит в связи с рядом предлагавшихся в то время проектов о железнодорожной связи между столицами и волжскими пристанями.

⁶⁴ Стоит отметить попутно, что аналогичную прозорливость в технических вопросах Пушкин проявил и при описании устройства проселочных дорог, говоря о необходимости сооружения водоотводных канав (по его собственным словам — «параллельных рвов для стечения дождевой воды», XI, 243).

тересы трудовых народных масс. Уже за несколько лет перед тем в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин обращал внимание на недопустимое пользование рабским трудом в дорожном деле. «Поправка дорог, — писал он тогда, — одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к угнетению и взяткам» (XI, 243). Несомненно, что «высылка народа на железнодорожные пути для сметания снега» казалась ему «нелепой» в этом же смысле.

По поводу ранних русских железнодорожных проектов В. С. Виргинский справедливо заметил: «Конечно, Волков, Мельников и их друзья не понимали, что и частнокапиталистические и государственные железные дороги будут использованы господствующими классами никак не в интересах трудящихся. Но верный инстинкт новаторов техники заставлял этих инженеров, рука об руку с мастерами-самородками, видеть в передовой технике завоевание, которое в конечном счете послужит благу родной страны и родного народа. Это чувство многие русские инженеры и ученые выражали в своих выступлениях противоречиво, смутно, а иногда и в шелухе буржуазно-либеральных фраз...».⁶⁵ В этом отношении мысль Пушкина представляется особо значительной: он оказался одним из немногих участников первого спора о русских железных дорогах, который заинтересовался не только технической или экономической стороной проектов, но и условиями труда при будущей эксплуатации железных дорог.

Указанное письмо Пушкина к В. Ф. Одоевскому было опубликовано первый раз в «Русском архиве» 1864 года.⁶⁶ Готовя его к изданию, П. И. Бартнев обратился за справками к Ф. В. Чижову, автору известных воспоминаний о Гоголе, бывшему в то время директором Троицкой железной дороги. Ф. В. Чижов был искренно поражен и отметил в своих пояснениях к первой публикации этого письма: «Снегоочистителя тогда, когда писал Пушкин, не было и в помине, да и теперь он не на всех железных дорогах».⁶⁷

До открытия первого железнодорожного сообщения в России Пушкин не дождал, но строительство началось еще при нем. Притязания А. Герстнера на монополию были отклонены, но решено было в виде опыта построить дорогу от Петербурга до Царского Села и Павловска. Указ сенату по этому поводу датирован 15 апреля 1836 года, в мае начались земляные работы, а в конце сентября уже произведены были первые опыты движения по рельсам между Царским Селом и Павловском. Так как доставка паровозов задержалась, опыты производились с помощью конной тяги. Приблизительно в то время, когда Пушкин читал рукопись статьи М. С. Волкова, «Северная пчела» сообщала об успешности первых испытаний строившейся дороги: в каждый «экипаж», установленный на рельсы, сажали по 60 человек, впрягали по две ямских лошади и гнали их со скоростью 12 верст в час.⁶⁸ Газета свидетельствовала, что присутствовавшие при этом петербургские жители были в полном восторге.⁶⁹ 2, 3 и 4 января 1837 года происходили новые поездки по этой железной дороге. «В первый день употреблены были три паровоза и сделаны

⁶⁵ В. С. Виргинский. Железнодорожный вопрос в России до 1835 года, стр. 167.

⁶⁶ «Русский архив», 1864, стб. 822—823; см. также: К биографии А. С. Пушкина. Изд. П. Бартенева, вып. II, М., 1885, стр. 118—119.

⁶⁷ «Русский архив», 1864, стб. 823.

⁶⁸ «Северная пчела», 1836, № 222, стр. 885—886. — Интересное описание этих поездок дала присутствовавшая при испытаниях строившейся дороги Е. А. Карамзина в письме от 29 сентября 1836 года (И. Андроников. Тагильская находка. «Новый мир», 1956, № 1, стр. 159).

⁶⁹ «Северная пчела», 1836, № 229, стр. 913.

были четыре поездки из Павловска до Кузьмина и обратно. На каждой поездке паровоз тащил за собою до 15 экипажей, и по приезде на место сменялся для обратного пути другим. . . В воскресенье, 3 января, составлен был обоз «поезд» из 23 повозок «вагонов». Большая их часть была наполнена пассажирами. . . В Павловске, между тем, собралось несколько тысяч человек, с нетерпением ждавших прибытия паровоза. По сей причине оставлены были там повозки с животными и другим грузом, и сделаны с одними пассажирами пять поездок в Царское Село и обратно. Жители петербургские, прибывшие в Царское Село и Павловск слишком в 1000 саней, в таком множестве теснившихся для занятия мест, что 115 человек, в том числе и дамы, сели в фуру «вагон», назначенную для перевозки строевого лесу. . . ; между тем, с удовольствием заметим, что во время поездки не случилось ни малейшего бедствия или даже неприятности. Публика возвратилась в С. Петербург с твердым уверением, что дорога сия, по окончании ее, не будет нуждаться в пассажирах». ⁷⁰ Несомненно, что об этих первых испытаниях строящейся дороги, привлечших к себе такое любопытство жителей Петербурга, знал и Пушкин; но официальное ее открытие состоялось уже после его смерти — 30 октября 1837 года. ⁷¹ Характерно, что «Северная пчела» в своем отчете об этом торжественном событии превозносила достоинства железной дороги и едко высмеивала московское шоссе, которым еще недавно восхищалась. ⁷² Вскоре и в русской поэзии появились стихотворные отклики на эту тему. К концу 30-х годов, повидимому, относится стихотворение Ф. Н. Глинки «Две дороги», в котором он не только сопоставляет новые железные дороги со «старыми», шоссейными, но предвидит в будущем даже новый вид сообщений — воздушный:

.

2

А там вдали мелькает струнка,
Из-за лесов струится дым:
То горделивая чугушка
С своим пожаром подвижным.

3

Шоссе поет про рок свой слезной:
«Что ж это сделал человек?!
Он весь поехал по железной,
А мне грозит железный век! . . .»

4

Давно ль красавицей-дорогой
Считалась общей я молвой? —
И вот теперь сию убогой
И обездоленной вдовой. . .»

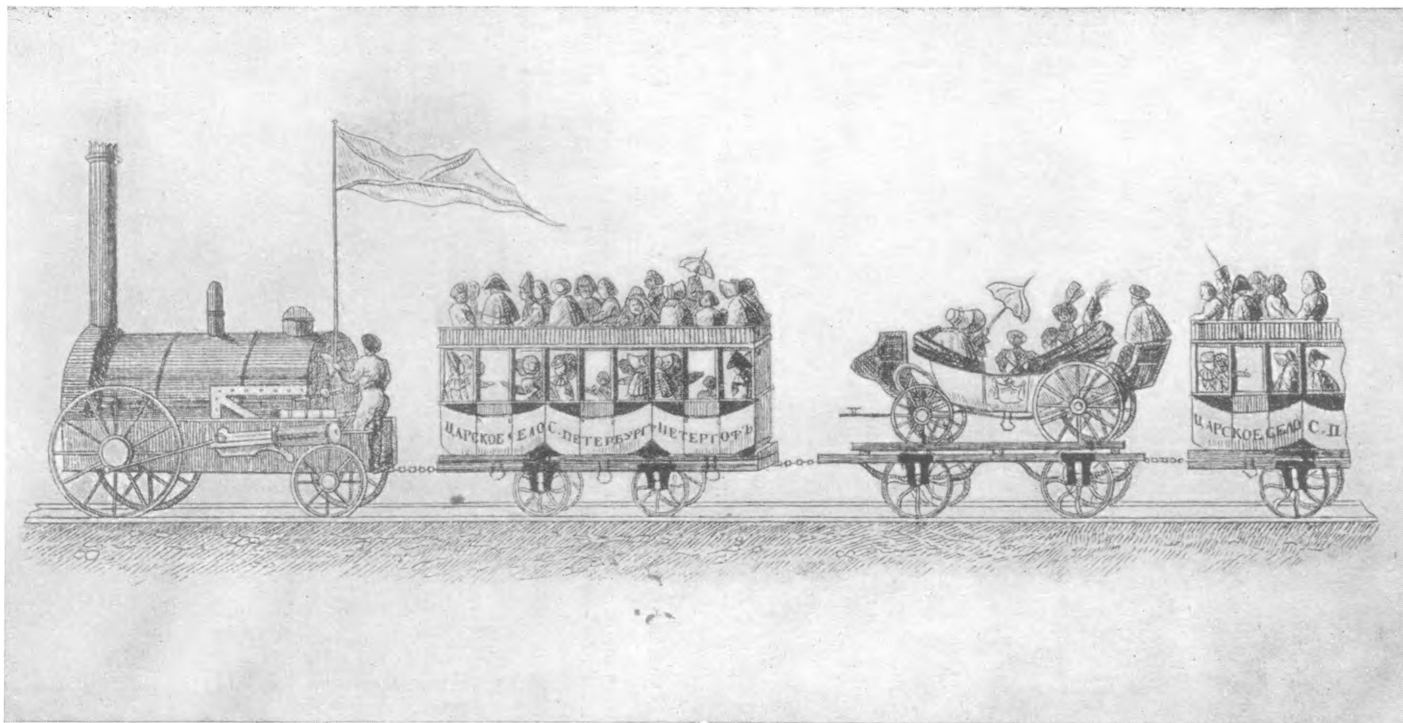
6

Но рок дойдет и до чугушки:
Смельчак взвывается выше гор
И на две брошенные струнки
С презреньем гордый бросит взор.

⁷⁰ «Северная пчела», 1837, № 5, 8 января, стр. 17—18.

⁷¹ С. А. Уроков. Петербурго-Московская железная дорога. История строительства. Изд. Ленинградского Гос. университета, Л., 1951, стр. 48—49.

⁷² «Северная пчела», 1837, № 248, 2 ноября, стр. 991.

Железная дорога. Рисунок из книги Ф. А. Герстнера «О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск». СПб. 1836.

7

И станет человек воздушный
 (Плывя в воздушной полосе)
 Смеяться и чугунке душевной,
 И каменистому шоссе.⁷³

В западноевропейской поэзии этих лет трудно найти произведения, в которых столь же отчетливо высказывалась бы уверенность в благодетельности грядущего технического прогресса и в которые, кстати, с такой естественностью и простотой вводились бы технические термины вместо обычно заменявших их метафорических выражений или перифраз. Во французской поэзии, например, «железнодорожная» тема с трудом пробивала себе дорогу еще в 40-е годы и тогда еще признавалась абсолютно «непоэтической».⁷⁴ Характерно, что сама терминология железнодорожного дела устанавливалась во французском языке медленно и затрудненно.⁷⁵

В России же, как мы видели, она установилась довольно быстро: термин «железная дорога» стал общеупотребительным (наряду с просторечным «чугунка») к середине 30-х годов; термин «паровоз» утвердился уже во второй половине 30-х годов, а к началу 40-х был уже введен и в поэтический оборот.⁷⁶ Вообще «поэтическая» сторона железнодорожной поездки рано получила у нас свое художественное выражение. Недаром еще Е. А. Баратынский, впервые испытавший ощущения железнодорожной поездки, писал в начале 40-х годов Н. В. Путяте: «Железные дороги чудная вещь. Эта апофеоза рассеяния. Когда они обогнут всю землю, на свете не будет меланхолии».⁷⁷

⁷³ Федор Глинка. Избранное. Подготовка текстов к печати, примечания и послесловие В. Г. Базанова, Петрозаводск, 1949, стр. 151—152. — Точная дата написания этого стихотворения, к сожалению, неизвестна; напечатано оно также в свое время не было; текст его обнаружен в рукописном сборнике Ф. Глинки среди стихотворений, написанных им между 1834 и 1845 годами.

⁷⁴ Elliot M. Grant. French Poetry and Modern Industry. 1830—1870. Стр. 18, 28 и сл. — См. здесь же, в приложении любопытный для сопоставлений словарь технических терминов с указаниями относительно их первого употребления во французской поэзии: такие слова, как rail, rail-way, locomotive, встречены исследователем впервые в поэтических текстах середины или конца 40-х годов; термин «chemin de fer», первый раз случайно употребленный Альфредом де Мюссе в 1833 году, чаще встречается в поэзии лишь со второй половины 40-х годов. Характерно, что первое сочувственное поэтическое описание железнодорожного паровоза сделано во французской поэзии поэтом-рабочим Савиньеном Лапуантом (стр. 35).

⁷⁵ Harvey J. Swann. French Terminologies in the Making. Studies in Conscious Contributions to the Vocabulary. N. Y., 1918, стр. 1—34 (глава «The Terminology of the Railroad»). Ранняя европейская литература по железнодорожному вопросу зарегистрирована в предварительном библиографическом перечне: European Railway. Check-List of Early European Railway Literature, 1831—1848, prepared by Daniel C. Haskell, with a prefatory note by Arthur H. Cole, Baker Library, N. Y. 1955.

⁷⁶ См. этот термин в стихотворении П. А. Вяземского «Русские проселки», 1841 (Избранные стихотворения, 1935, стр. 230):

Двух паровозов, двух вулканов на лету
 Я видел сшибку: лоб со лбом они столкнулись,
 И страшно крикнули, и страшно пошатнулись —
 И смертоносен был напор сих двух громад.

В письме к Н. А. Бакунину от 28 ноября 1842 года Белинский писал: «никакой паровоз не удовлетворил бы полету души моей» (Белинский, Письма, т. II, СПб., 1912, стр. 323); ср. в позднейшем стихотворении Н. А. Добролюбова 1857 года «Я к милой несусь...» (Полное собрание сочинений, т. VI, Госполитиздат, М., 1939, стр. 251):

Летит паровоз, точно вихорь степей,
 Но мысль и его обгоняет...

⁷⁷ Е. А. Баратынский, Сочинения, изд. 4-е, Казань, 1884, стр. 539. — Укажем, кстати, любопытное письмо И. Т. Калашникова к П. А. Слоцову от 25 августа

В поэтическом творчестве Пушкина железная дорога не могла найти своего отражения, но как издатель «Современника» он явно представил себе, какое значение может иметь этот вопрос для его журнала; отсюда и его внимание к статье М. С. Волкова. Напомним в связи с этим о заботах Пушкина по привлечению к сотрудничеству в «Современнике» П. Б. Козловского. Уже в первом томе своего журнала Пушкин поместил статью Козловского «Разбор парижского математического ежегодника на 1836 год», в третьем томе — его же статью о теории вероятностей, которая и раньше уже интересовала поэта;⁷⁸ наконец, накануне своей гибели Пушкин заказал ему и третью статью — о паровых машинах. Выбор всех этих тем чрезвычайно характерен: верное чутье журналиста подсказывало Пушкину, что именно эти статьи должны привлечь к себе внимание.

«Когда незабвенный издатель „Современника“ убеждал меня быть его сотрудником в этом журнале, — вспоминал П. Б. Козловский вскоре после смерти поэта, — я представлял ему, без всякой лицемерной скромности, без всяких уверток самолюбия, сколько сухие статьи мои, по моему мнению, должны были казаться неуместными в периодических листах, одной легкой литературе посвященных. Не так думал Пушкин...».⁷⁹

По мнению поэта, в «Современнике» следовало помещать оригинальные научные статьи вместо переводных, которыми пестрели тогдашние русские журналы. В достоверности этого свидетельства П. Б. Козловского сомневаться не приходится. Заинтересованность Пушкина в паровых машинах отмечена также П. А. Вяземским, сообщившим, что накануне дуэли, 26 января 1837 года, на балу у гр. Разумовской Пушкин просил его «написать к кн. Козловскому и напомнить ему об обещанной статье

1838 года, еще не бывшее в печати, в котором описаны впечатления от поездки по новооткрытой железной дороге:

«Век наш есть век идолопоклонства Разуму, потому что в самом деле разум слишком далеко ушел, особенно в изобретениях к выгодам жизни. Часто я езджу в Царское село — где помещен мой сын в Лицее — по железной дороге. Удивительное изобретение! Представьте, 12 экипажей, из которых каждый есть соединение трех карет — больших 8-местных. Таким образом в каждом экипаже сидит 24 человека, а во всех 288 человек. Все экипажи продолжают сажены на 15. Вся эта страшная масса — этот сухопутный корабль, летит до Царского села (20 верст) едва полчаса. Но вы не примете скорости, если не будете смотреть на окружающие вас предметы: тут не трясет, и при этой летящей езде можно читать греск кн. о книгу. Вы едва успеете сесть — уже на месте! Между тем огненный конь пускает клубами дым, который расстилается величественным, бесконечным флюгером. В ночное время этот дым освещается пламенем машины, и часто сыплются искры. Удивительная картина! Никак не можешь к ней привыкнуть; совершенное волшебство. Была какая-то старинная сказка, что Емеля-дурочок ездил на печке: теперь все, что было сказкою видим в деле. Опасности нет никакой... До Царского берут 1 р. 80 к. с человека, тогда как в городе доехать до Невского монастыря должно заплатить, по крайней мере, 1 р. 20 к. — Приготовляют, говорят, осветить газом: по Невскому наделаны чугунные столбы и проведены подземные железные трубы. Между тем делали опыт — освещение посредством огня, производимого гальванизмом. Сказывают, от одного фонаря свет невероятный, так что для Невского проспекта нужно не более 5 фонарей — Все это надувает человеческий разум — едва ли не за счет нравственности и религии!» (ИРЛИ, ф. 120, № 37, лл. 19 об. — 21). За указание этого интересного неопубликованного документа приношу благодарность М. П. Султан-Шах.

⁷⁸ В библиотеке Пушкина (Б. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 268, № 1070; ср. здесь же стр. 265, № 1059) сохранились два сочинения о теории вероятностей, среди них знаменитый труд Лапласа «Опыт философии теории вероятностей», в пятом парижском издании 1825 года (впервые он появился в свет в 1812 году в качестве введения к его «Аналитической теории вероятностей»). Освобожденный от сложного математического аппарата, «Опыт» представлял собой вполне доступное для неспециалиста изложение применений исчисления вероятностей к азартным играм, к вопросам социальной статистики, к «нравственным наукам» и т. д.

⁷⁹ «Современник», 1837, т. VII, стр. 51.

для „Современника“». ⁸⁰ Посылая эту статью В. Ф. Одоевскому (8 июля 1837 года), П. Б. Козловский вновь вспоминал о своем обещании, данном Пушкину, ⁸¹ наконец, публикуя эту статью в седьмом томе «Современника». П. Б. Козловский свидетельствовал еще раз, что «одно из последних желаний Пушкина «было исполнение моего обещания: доставить в „Современник“ статью о теории паровых машин, изложенной по моей собственной методе». ⁸²

Таким образом, не только забота о журнале, но и действительный интерес к «точным» наукам («естественным», по терминологии П. Б. Козловского) и их приложениям к технике сопровождал Пушкина до конца его жизни. Это нельзя не отметить, как одну из весьма существенных особенностей мировоззрения его поздних лет. Это был не только интерес, но борьба за передовую науку в России, которую он вел последовательно и с глубоким убеждением. Понятие «наука», как и в прежние годы, сливалось для Пушкина с более общим определением «просвещения», в защиту которого он выступал сам и побуждал выступать своих друзей и сотрудников.

Во втором томе «Современника» 1836 года (стр. 206—217) В. Ф. Одоевский поместил свою статью «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе». ⁸³ Характерно, что заглавие этой статьи дано Пушкиным, ⁸⁴ безусловно разделявшим многие положения автора. Статья эта открывается эпиграфом, взятым у М. П. Погодина:

... Нежное растение наука!
 Чуть солнце опалит, иль чуть мороз прохватит,
 надолго
 К земле приклонится она...

В этой статье В. Ф. Одоевский горячо осуждает «новый, действительно чудовищный род литературы, основанный на презрении к просвещению, исполненный ребяческих жалоб на несовершенство ума человеческого, ребяческих воспоминаний о счастливом невежестве предков, возгласов против философии, против машин, и, наконец, исполненный преступных похвал простоте черни и мужеству ремесленников, разрушающих прядильные машины». Одоевский утверждает, что этот род литературы «явился во всех возможных видах: и повестей, и водевилей, и догматических прений», ⁸⁵ в которых обличают «как раз самое дорогое для России — ее просвещение, не злоупотребления даже наукой, а самое науку: стали высмеивать агрономию, в которой так нуждается земледельческая Россия... толкуют о вреде от излишней учености, о вреде машин...». ⁸⁶ Вопрос, поднятый этой статьей Одоевского и формулированный заглавием, данным ей Пушкиным, действительно возникал тогда в русской литературе и публицистике. Разго-

⁸⁰ Там же, стр. 52.

⁸¹ «Литературное наследство», 1952, т. 58, стр. 133—134.

⁸² «Современник», 1837, т. VII, стр. 52.

⁸³ Б. Л. Модзалевский. Записка Пушкина к князю В. Ф. Одоевскому. «Пушкин и его современники», вып. XVI, СПб., 1913, стр. 12—13.

⁸⁴ Впоследствии статья эта перепечатана в «Сочинениях» В. Ф. Одоевского (ч. III, СПб., 1844, стр. 360—372).

⁸⁵ Там же, стр. 363.

⁸⁶ П. Н. Сакулин. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 2, СПб., 1913, стр. 393. — Здесь же П. Н. Сакулин указал на рукописные отрывки, примыкающие к этой статье: в одном из них Одоевский говорит: «Нападения против науки, против философии понятны в чужих краях — там оно дело партии — у нас же не имеет никакого смысла: просвещение еще на заре: не может у нас быть в нем злоупотреблений, потому что нет еще и употребления».

воры о русской науке и путях ее развития в связи с общим «духом века» не сходили со страниц русских журналов второй половины 30-х годов. Иные из русских журналистов, стоя на воинствующих идеалистических позициях, одно из самых осязательных проявлений «духа времени» видели в чрезмерном и быстром вторжении к нам европейского «индустриализма»; практическое приложение научных знаний рассматривалось то как отвлечение от философских умозрений, то как прямой подрыв научной теории. Характерно, что «машинизм» и «технизм» во многих областях знания и даже железнодорожное строительство многие реакционные русские публицисты тех лет рассматривали как прямое посягательство на ветхозаветные устои и традиционный жизненный уклад, как попытку разрушить старую, привычную науку, на самом деле представлявшую собой рутину. Пушкину было с ними не по пути; статья Одоевского заинтересовала его и была им одобрена потому, что намечала только созревавшую тогда проблему.

Гораздо яснее вся эта проблема стала в 40-е годы, когда ее обсуждали с еще большей горячностью. Известно, что в то время ей уделил внимание и Белинский, писавший в статье о Баратынском («Отечественные записки», 1842):

«Бедный век наш — сколько на него нападок, каким чудовищем считают его! И всё это за железные дороги, за пароходы — эти великие победы его, уже не над материею только, но над пространством и временем!.. Мы еще понимаем трусливые опасения за будущую участь человечества тех недостаточных верующих людей, которые думают предвидеть его погибель в индустриальности, меркантильности и поклонении тельцу золотому; но мы никак не понимаем отчаянье тех людей, которые думают видеть гибель человечества в науке. Ведь человеческое знание состоит не из одной математики и технологии, ведь оно прилагается не к одним железным дорогам и машинам... Напротив, это только одна сторона знания, это еще только низшее знание, — высшее объемлет собою мир нравственный, заключает в области своего ведения все, чем высоко и свято бытие человеческое...»⁸⁷

Мы имеем все основания полагать, что приблизительно то же думал по этому поводу и Пушкин. Он зорко разглядел все великие вопросы своего времени. Он приветствовал русский технический прогресс как сумму завоеваний цивилизации, которые неизбежно послужат ко благу родной страны и народа. Он верил в науку, считая ее одним из важнейших двигателей культуры, но он был так же далек от односторонних увлечений в науке, как и от односторонних упреков по ее адресу: она предстояла перед ним, как единое мощное орудие, оказывающее существенную помощь творческому восприятию действительности.

⁸⁷ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, СПб., 1904, стр. 478, 479.

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

1

Проблема языка и стиля Пушкина представляется в несколько ином свете, чем аналогичная проблема по отношению ко многим другим русским писателям. Вопрос заключается не только в индивидуальных особенностях языка писателя и в стилистическом применении словаря и форм национального языка. С именем Пушкина связывается представление о рубеже в истории развития русского литературного языка. Характерно, что в юбилей 1937 года родилось определение исторической роли Пушкина, отразившееся на направлении изучения его творчества: «Пушкин — создатель русского литературного языка и родоначальник новой русской литературы». В этой формуле объединены две стороны творчества Пушкина: он выступает одновременно и как деятель литературы, и как преобразователь литературного языка, причем обе стороны его творческой деятельности воспринимаются в неразрывном единстве. И в самом деле, трудно понять одну сторону итогов деятельности Пушкина, не считаясь с другой. В общее понятие художественного мастерства поэта включается как один из основных элементов его работа над языком: это признавали и единодушно заявляли современники Пушкина. С другой стороны, обработка языка никогда не являлась для Пушкина автономной областью поисков, а всегда связывалась с потребностями и судьбами литературы, и даже более — национальной русской культуры во всей ее широте.

С именем Пушкина связывают целую эпоху, отчетливый этап, знаменующий формирование современной системы русского литературного языка.

Было бы примитивным думать, что со времени деятельности Пушкина язык не изменился. Легко показать лексические и грамматические особенности языка Пушкина, утраченные в дальнейшем русском литературном языке.

Изменилось произношение. По нормам современного литературного языка уже не говорят «верьх», «первьый», «скрып», «дальный», «тополы». Многие ударения Пушкина кажутся нам неправильными, например: «зэфир», «запущённый», «музыка», «днёвный», «счастливыи» и мн. др. Мы иначе передаем некоторые иностранные слова и не говорим «аристокрация». «рифм» (ритм), «эсфетика», «афей» (атеист) и др. Нам чужды остатки церковно-славянского произношения в стихотворной речи, мы не произносим чистого звука «э» в словах «полет» (в рифме с «свет»), «веселый» (в рифме с «смелый»). То, что было приемлемо в литературной речи Пушкина, ныне отодвинуто в область просторечия: «крылос», «разойтись», «захочем». Нам чужды произносительно-морфологические формы:

«чернилы», «бревны», «соседы», «оспоривать», «цыганы», «турков», «песней» (род. мн.). Мы уже не знаем таких форм стихотворной речи, как употребление усеченных прилагательных: «сельски виды», тем более архаической формы родительного падежа прилагательных женского рода: «мудрых змеи», «великия жены».

Для нас глаголы «решит», «падет», «кончится» имеют вид совершенный, тогда как у Пушкина они встречаются в несовершенном виде. Для нас чужды некоторые формы управления глаголов, например «внемлет» с винительным падежом. Мы не можем сказать «предводительствованный генералами». Мы утратили такие глагольные формы, как «пришед».

Значения, какие Пушкин придавал отдельным словам, ныне забыты. Мы не употребляем слова «позор» в значении «зрелище», «плеск» в значении «аплодисменты». Для нас не ясны сочетания «славный вопрос», «пустынные воды» и т. п. Нами забыто употребление слова «жилье» в значении «этаж», слова «восстать» в значении «встать» или «воспрянуть, воскреснуть».

Одним словом, далеко не всегда текст Пушкина элементарно понятен. Уж не приходится говорить о том, что многие слова ушли вместе с породившим их бытом, появились слова, обозначающие новые явления, а многие слова и обороты приобрели другое значение.

Следовательно, действительно в языке за это время произошли большие перемены, и нельзя брать годы деятельности Пушкина в качестве исторического рубежа только по той причине, что относительно, в сравнении с другими эпохами, после Пушкина в литературном языке будто бы не произошло больших изменений.

В действительности то новое, что ознаменовало язык пушкинского времени, отличается не столько в количественном, сколько в качественном отношении: это не «многочисленные», а «существенные» изменения, сближающие язык Пушкина с нашим. С тех пор происходили большие изменения в языке, в его словарном составе и даже отчасти в грамматическом строе, но не такие существенные, не меняющие принципиальных основ литературного языка.

Пушкин явился в эпоху, когда литературный язык еще не был устойчивым, когда боролись различные стилистические направления, когда основные стилистические вопросы не были решены и вызывали споры. Об этом можно судить хотя бы по тому вниманию, какое уделялось вопросам языка в литературной критике 20-х годов. В рецензиях на первые поэмы Пушкина неизменно присутствуют оценки того или иного выражения, того или иного слова с точки зрения правильности и чистоты языка, уместности, стилистических качеств и т. п. Только в 30-е годы такие филологические замечания перестают заполнять критические разборы новых произведений.

Первые впечатления Пушкина связаны с литературной полемикой по вопросам языка: участником этой полемики был его дядя Василий Львович, выступивший с полемическим посланием «К В. А. Жуковскому»,¹ направленным против филологических теорий А. С. Шишкова и его славянизмов:

Не ставлю я нигде ни семо ни овамо:
Я, признаюсь, люблю Карамзина читать
И в слоге Дмитреву стараюсь подражать.
Кто мыслит правильно, кто мыслит благородно,
Тот изъясняется приятно и свободно.
Славянские слова таланта не дают,
И на Парнасс они поэта не введут.

¹ В. Л. Пушкин, Сочинения, СПб., 1893, стр. 70, 71.

И в заключительных стихах мы находим краткую формулировку существования спора:

В славянском языке и сам я пользу вижу,
 Но вкус я варварский гою и ненавижу.
 В душе своей ношу к изящному любовь;
 Творенье без идей мою волнует кровь.
 Слов много затвердить не есть еще ученье:
 Нам нужны не слова, нам нужно просвещение.

А. С. Шишков с бранью цитировал это послание в «присовокуплении» к своей академической речи, А. А. Шаховской иронически цитировал его в сатирической поэме «Расхищенные шубы», а В. Л. Пушкин написал новое послание «К Д. В. Дашкову» и отправился из Москвы в Петербург, чтобы печатать это послание, заодно захватив с собой своего племянника, чтобы показать его в Царскосельский лицей.

Так, в первые же дни своей школьной жизни Пушкин был посвящен во все подробности филологического спора, определившего раскол в литературе. Понятно, на чьей стороне были симпатии вступающего в жизнь мальчика. Он был верен первым впечатлениям на протяжении всей своей лицейской жизни и только в начале 20-х годов стал освобождаться от воспринятых мнений. По мере того, как крепла творческая оригинальность Пушкина, всё отчетливее формировалось и его стилистическое направление, определившее не только систему языка в его последних, наиболее зрелых произведениях, но и дальнейшее развитие всего литературного языка в произведениях писателей, ему наследовавших, начиная с Гоголя.

2

Спор велся о взаимоотношении книжных и разговорных элементов языка в художественной литературе. Шишков стоял на позициях защитника традиций XVIII века против «нового слога» Карамзина. При всей оригинальности его идей, его «корнесловия» и неологизмов, направленных против варваризмов (в которых он видел отголосок французской революции, падение веры и покушение на незыблемость самодержавия и крепостного строя), в основе школа Шишкова базировалась на несколько утрированной стилистической доктрине Ломоносова. Другая школа — карамзинисты — противопоставляла ей принципы живого разговорного языка, приличествующего «хорошему обществу».

Зрелый Пушкин дал новое решение стилистической задачи, в своих принципиальных основах сохранившее свою силу и до сего дня. А. М. Горький так характеризовал роль Пушкина, давая определение литературного языка:

«Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым¹ материалом народа, как надобно обрабатывать его».²

Соотношение между книжным и народным языком и составляет основной признак различных исторически сложившихся стилистических систем.

¹ В словоупотреблении Горького слово «речевой» связывалось только с устной речью и равнозначно слову «разговорный».

² М. Горький. О литературе. Изд. 3-е, «Советский писатель», М., 1937, стр. 220.

Пушкин был воспитан на карамзинской системе, еще сравнительно новой в годы его пребывания в Лицее, когда он сам вступил в ряды русских поэтов. Как верный ученик арзамасцев, юный Пушкин решительно отвергал стилистическую систему антагонистов Карамзина — писателей, группировавшихся вокруг адмирала А. С. Шишкова. Он вполне разделял оценку, данную этому писателю в популярной сатире Батюшкова. Но еще достаточно живым оставался пример Ломоносова и его непосредственных последователей.

Образцовая русская литература, которую изучали на лицейских уроках, в значительной степени состояла из примеров витийственной прозы и поэзии середины XVIII века. Ломоносов и Карамзин были ближайшими заметными вехами в истории русского литературного языка.

Роль Ломоносова в истории русского литературного языка так была охарактеризована А. А. Шахматовым: «Только в XVIII веке благодаря Ломоносову книжному языку узаконивается единственный путь развития и совершенствования — это следование за языком разговорным, слияние с ним; такое слияние укрепляло авторитетность и устойчивость самому разговорному языку, который, приобретя права книжного языка, облекаясь в письменную форму для выражения высоких мыслей и чувств, этим самым ограждался от подражания языку просторечия и отмежевывался от него. Старый книжный язык замер в отвергнутых и устарелых формах; его признают одно время подходящим для употребления в „высоком штиле“; но просвещение, всё более демократизируясь, с одной стороны, всё более отходя, с другой стороны, от церкви и церковного руководства, приведет скоро к пренебрежению этим высоким штилем, а это будет равносильно угасанию и смерти того книжного языка, который отделился от другого, менее искусственного, более жизненного языка, усвоенного образованными классами в качестве разговорного».³

Такова оценка прогрессивной деятельности Ломоносова в начале нашего века. Но не таким было отношение к Ломоносову в самом начале прошлого века. Быстро развивавшийся литературный язык уходил от тех норм, которые применял в своих писаниях Ломоносов, а его последователи призывали к рабскому копированию ломоносовских норм, пренебрегая заложенными в его языке прогрессивными тенденциями развития. Сторонники старого пытались вернуть язык к ломоносовскому, пользовались его именем, чтобы повернуть вспять развитие языка. Поэтому в борьбе нового со старым мы часто видим отрицание ломоносовской системы языка, как препятствующей свободному движению литературного языка к новым нормам.

Пушкину, по мере того как он освобождался от влияний и приближался к самостоятельному разрешению вопроса о судьбах русского литературного языка, необходимо было определить свое отношение как к системе Карамзина, так и к системе Ломоносова.

И если для лицейских лет это отношение определялось существовавшей тогда традицией, то к середине 20-х годов Пушкин решительно пересмотрел традиционные критические оценки.

К поэзии Ломоносова Пушкин относился с большой холодностью. Упоминание его имени в лицейских стихах отличается некоторой официальностью, обязательным панегиризмом. В зрелые годы Пушкин вовсе не

³ А. А. Шахматов. Очерк современного русского языка. Изд. 3-е, Учпедгиз, М., 1936, стр. 19—20.

упоминает стихов Ломоносова в своих произведениях, если не считать пародии на оду 1748 года в «Евгении Онегине» (в главе V, строфа XXV):

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою
Твоей державы новый год.⁴

В стихотворении «Отрок», посвященном Ломоносову, нет и намека на его поэтические труды. Правда, Пушкин был обязан Ломоносову сюжетом своего стихотворения «Пир Петра Первого», но заимствовал он его не из стихов, а из прозы Ломоносова, а кроме того, взял этот сюжет не непосредственно у Ломоносова, а из примечания И. И. Голикова в «Деяниях Петра Великого». Но в критических статьях и в письмах Пушкин возвращался к творчеству Ломоносова и дал свою оценку как его поэзии, так и стилистической системе.

Оценка, которую давал Пушкин Ломоносову, весьма устойчива на протяжении как 20-х, так и 30-х годов. Научное творчество Ломоносова он ставил выше его поэзии, расходясь в этом с традиционными мнениями. «Критики у нас и недостает. Отседе репутации Ломоносова и Хераскова», — писал Пушкин А. Бестужеву летом 1825 года.⁵

В одной из первых печатных статей Пушкин характеризовал стилистическую систему Ломоносова. В статье, появившейся в «Московском телеграфе» по поводу парижского издания басен Крылова («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова», 1825), Пушкин дал общую характеристику русского литературного языка и его судеб. Приведем сперва эту общую характеристику: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отседе заимлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизилась, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» (XI, 31).

Начальные фразы этого абзаца производят первое впечатление некоторой зависимости от филологической школы Шишкова. Таково употребление термина «язык славяно-русский». Историческая оценка греческого влияния почти буквально совпадает с формулой Ломоносова: «...коль много мы... видим в славенском языке греческого изобилия, и оттуду умножаем довольство российского слова, которое и собственным своим достатком велико»; здесь же Ломоносов доказывал, что в западных языках нельзя «снискать подобных преимуществ, каковы в нашем языке от греческого приобретены».⁶

Однако последние фразы абзаца разрушают это впечатление. Для Ломоносова данные факты не являются только историческими, определяющими отдаленную традицию в языке. Для него это факты современного

⁴ М. Ломоносов, Собрание разных сочинений в стихах и в прозе, кн. I, изд. 2-е, М., 1757, стр. 83.

⁵ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии Наук СССР, 1937, стр. 177—178. В дальнейшем цитируется по этому изданию (тг. I—XVI, 1937—1949).

⁶ М. Ломоносов, Собрание разных сочинений в стихах и в прозе, кн. I, стр. 3—4.

ему языка. Пушкин сознательно подчеркивает историческую отдаленность греческого влияния и ставит между характеризующей эпохой и своей современностью периоды расхождения книжного языка и народного и наступившее после того сближение этих форм национального языка.

Отрицательное отношение к реформе Ломоносова чувствуется и в непосредственной характеристике его деятельности, сквозь всю осторожность и почтительность выражений журнальной статьи, рассчитанной на то, чтобы не оскорблять слишком резко общепринятых мнений: «... науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же — иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения. Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оною с языком простонародным. Вот почему преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтобы человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики» (XI, 32—33).

Характерно в этом отзыве, что Пушкин останавливается только на стихотворном языке Ломоносова, да еще с оговорками. Между тем через несколько строк Пушкин сочувственно приводит мнение Лемонте, что русский язык «не столько от своих поэтов, сколько от прозаиков должен ожидать европейской своей общежительности»⁷ (XI, 33) (причем слово «общежительность», употребленное в русском переводе статьи Лемонте, Пушкин толкует как «цивилизация», т. е. просвещение). Эту мысль здесь же Пушкин развивает и затем не раз к ней возвращается. На этом мнении Пушкина в дальнейшем придется остановиться особо.

Эстетическую оценку слога Ломоносова мы встречаем и позднее, в статье о «Карелии» Ф. Глинки, где Пушкин говорит о «величавой плавности Ломоносова» (XI, 110) (опять-таки по поводу стихов), но уже в 1825 году мы встречаем и резко отрицательные оценки, например в возражениях на статью Кюхельбекера: «какая же свобода в слог Ломоносова» (XI, 42) (по поводу его од). Мало того, Пушкин ставит Сумарокова выше Ломоносова в знании языка:

«Сумароков лучше знал русский язык нежели Ломоносов, и его критики (в грамматическом отношении) основательны. Ломоносов не отвечал и отшучивался» (XI, 59).⁸

Это еще не значит, что Пушкин ставил высоко Сумарокова. Его имя выступает только в сравнении с Ломоносовым. Не менее высоко, и тоже сравнивая с Ломоносовым, оценил Пушкин Тредиаковского: «Его грамматические и филологические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков» (XI, 227).

В сноске к приведенной цитате из статьи о предисловии Лемонте Пушкин пишет:

«Любопытно видеть, как тонко насмехается Тредьяковский над славянщицнами Ломоносова, как важно советует он ему перенимать лег-

⁷ У Лемонте: «sa sociabilité européenne».

⁸ Ср. замечание на полях статьи П. А. Вяземского о В. А. Озерове: «Сумароков прекрасно знал по русски (лучше нежели Ломоносов)» (1826; XII, 219).

кость и щеголеватость речений изрядной компании!» (XI, 33) (источник этой цитаты из Тредиаковского до сих пор не найден).

С еще большей определенностью Пушкин писал о Ломоносове в статье «Путешествие из Москвы в Петербург» (1834). Указывая, что оды Ломоносова «утомительны и надуты», Пушкин больше ценит его переложения псалмов, которые «лучше, но отличаются только хорошим слогом, и то не всегда точным... Его влияние было вредное, и до сих пор отзывается в тощей нашей литературе. Изысканность, высокопарность, отвращение от простоты и точности — вот следы, оставленные Ломоносовым. Давно ли стали мы писать языком общепонятным? Убедились ли мы, что славенский язык не есть язык русский и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг, то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать *да лобжет мя лобзанием* вместо *целуй меня* etc. Знаю, что Ломоносов того не думал и что он предлагал изучение славенского языка, как необходимое средство к основательному знанию языка русского» (XI, 225—226).

Характерно, что здесь же Пушкин отделяет стилистическое направление Шишкова от ломоносовского: «Знаю, что „Рассуждение о старом и новом слоге“ так же походит на „Слово о пользе книг церковных в российском языке“ — как псалом Шатрова на „Размышление о величестве божем“. Но тем не менее должно укорять Ломоносова в заблуждениях бездарных его последователей» (XI, 226).

Последняя оговорка показывает, что психологической основой неприятия ломоносовской стилистической реформы было то, что последователями Ломоносова были шишковисты, и со времен «Арзамаса» и даже ранее Пушкин видел в них своих главных врагов:

Там все враги Наук, все глухи — лишь не немые,
Те слогом Никона печатают поэмы,
Одни славянских од громады громоздят,
Другие в бешеных трагедиях хрипят...

(«К Жуковскому», 1816)

Но, и помимо чисто полемических мотивов, у Пушкина были и другие основания для неприятия норм ломоносовского стиля. В этом отношении он следовал мнению Карамзина, который сурово осудил «дикий, варварский» слог Ломоносова.

Система стилей Ломоносова определялась литературным направлением классицизма, основанным на строгом распределении жанров и строгой регламентации художественных свойств каждого. Эта регламентация заранее определяла и облик автора, и, следовательно, экспрессивные качества субъекта речи. Риторический характер оды сочетался с представлением о высоком лирическом поэте, представлением, заранее заданным и твердо определенным. Исходя из этого образа лирического (т. е. одического) поэта, строилась и речь — по законам высокопарного восторга и торжественной проповеди, приукрашенно-дидактического характера. Система возвышенных иносказаний, конечно, менялась на протяжении XVIII века, и ода Ломоносова не совсем та, что ода Сумарокова или ода Петрова. Это различие в свое время настолько чувствовалось, что являлось поводом к полемике, пародиям и жесточайшим взаимным критическим разборам. Но самый принцип предопределенного образа автора оставался в силе: встречались лишь разные понимания этого образа, принцип же индивидуальной речи отрицался.

В связи с этим возникала теория единства слога на протяжении целого произведения. Правда, в рассуждении «О пользе книг церковных» предусматривается возможность некоторых колебаний в слоге, например более приподнятого слога в героических монологах трагедии сравнительно с остальным текстом, но такое колебание в слоге в пределах произведения было в действительности ничтожным, подобные оговорки не распространялись на другие жанры, а практика поэтов XVIII века показывает, что этой вольностью почти не пользовались и лишь иногда усиливали или ослабляли выразительные средства высокого стиля, в некоторой зависимости от степени напряженности той или иной сцены. То, что именовалось «возвышенным» (sublime), эффектные выкрики и парадоксальные реплики, поражавшие своей лаконичностью слушателей, не выходили за пределы, предписанные избранным слогом.

Отсюда наличие строго разграниченных стилистических систем в пределах единого литературного языка, особая забота о несовпадении этих систем. Необходимо было отдалить книжную речь от разговорной, высокий стиль от низкого, стихи от прозы.

Сама действительность заставляла писателей признавать необходимость переходного, «среднего» стиля, промежуточного между высоким и низким. Этот стиль вводился в систему более для того, чтобы узаконить в качестве самостоятельного слоя речи тот, где сталкивались разные стилистические стихии. Да и самое определение среднего стиля страдало некоторой расплывчатостью в сравнении с определениями стилей высокого и низкого.

Из всего этого возникало представление о соотносительности каждого синонима к одному определенному типу речи, более или менее замкнутому. Так, к одному типу речи относились слова: «рот», «глаза», «щеки», «веки», «зрачки», «лоб»; к другому — их синонимы: «уста», «очи», «ланиты», «вежды», «зеницы», «чело». Всякий церковно-славянский синоним русского слова принадлежал высокому, книжному слогу, а соответствующее русское слово — низкому, разговорному. Другой вопрос, подчинялся ли этому язык, иногда содержащий большее число синонимов, чем предполагалось стилистических систем, а иногда довольствовавшийся единым словом. Такое слово признавалось «нейтральным», так как по необходимости входило в любую систему речи. Таковы у Ломоносова слова «славенороссийские», т. е. общие для церковно-славянского и русского языков. Что касается избытка синонимов, то Ломоносову пришлось вводить такие разряды слов, как, с одной стороны, «обветшалые», а с другой — «презренные».

Вообще же стилистика Ломоносова строилась на соотношении активного и пассивного речевого запаса. Активный («употребительный в разговорах») фонд составлял основу «нейтрального» и «низкого» стилей, пассивный («вразумительный, но не употребительный в разговорах»), сводившийся к церковно-славянизмам, служил основой высокого стиля. На практике сюда же относили неологизмы, образованные от корней основного словарного фонда и церковно-славянских. Шишков широко пользовался «словеноросскими» неологизмами, вызывавшими насмешки противников (так, в его «Опыте славянского словаря» предлагаются «производные слова»: благовзорный, благовнствовать, водноземный, имство, мерословие, т. е. геометрия, звездословие, т. е. астрономия).⁹

⁹ А. С. Шишков, Собрание сочинений и переводов, ч. V, СПб., 1825, стр. 33—261.

Разграничение стилей шло по всем элементам речи: существовала высокая и низкая лексика, высокий и низкий синтаксис, высокое и низкое произношение.

Иерархия стилей была одной природы с иерархией жанров и «материй». Именно это и должно было отталкивать Пушкина, потому что к его времени уже утвердился принцип индивидуальности, противоречащий обезличивающей регламентации классических стилей. Еще в 1796 году один из идеологов нового слога, Подшивалов, заявлял: «Всякий почти различно мыслит, следовательно всякий имеет и свой стиль».¹⁰

Новый слог Карамзина и его единомышленников отказывается от иерархии стилей. Выдвигается единый критерий стиля: «приятность». Слог освобождается от книжных элементов, не усвоенных разговорной речью (по крайней мере, в идеале сентименталистов). Законом является возможное приближение к разговорной живой речи. Карамзин писал: «... мы, прочитав множество церковных и светских книг, соберем только материальное или словесное богатство языка, которое ожидает души и красот от художника». Готовящийся стать писателем, «недовольный книгами, должен закрыть их и слушать вокруг себя разговоры, чтобы совершеннее узнать язык».¹¹

Прогрессивное значение «нового слога» и состояло в том, что он впитал в себя живые разговорные формы речи, свойственные языку народному (в широком смысле этого слова). Недаром А. Бестужев писал о Карамзине, что он дал литературному языку «народное лицо».¹² И Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» так определял стилистическую реформу Карамзина: «... к счастью Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив к живым источникам народного слова» (XI, 249).

Н. И. Греч, отразивший в своем «Опыте краткой истории русской литературы» (1822) наиболее распространенные и общепринятые в то время взгляды, так характеризует реформу Карамзина: «В то время, когда все чувствовали недостаточность господствовавшего дотоле языка, когда многие старались образовать оный и удалить равно от наречия черни, как и от книжной высокопарности ораторских речей, появился Карамзин. В „Московском журнале“ русская публика нашла то, чего давно требовало ее чувство: легкий, приятный, правильный язык, слова благородные, обороты понятные, словосочинение русское, естественное. Все читали прозу сию с удовольствием: молодые писатели с восторгом; одни приверженцы к старине с досадою. Карамзин по справедливости предпочел словосочинение французское и английское периодам латинским и немецким, в которые дотоле ковали русский язык; он видел, что язык сей, пользуясь в поэзии и высшем красноречии свободою древних, должен в прозе дидактической, повествовательной и разговорной прислушиваться выражений народных, следовать словосочинению логическому, господствующему в новых европейских языках. Главнейшими сподвижниками Карамзина на поприще сем были Муравьев и Подшивалов. Но блистательный успех Карамзина возбудил тьму подражателей, которые более вредили ему, нежели враги и противники; они следовали только слабым сторонам его и преувеличивали его недостатки: употребляли явные галицизмы и прямо вставляли французские строки в страницы, печатаемые русскими буквами.

¹⁰ Я. Грот. Карамзин в истории русского литературного языка. В книге: Я. Грот. Филологические разыскания, 1873, стр. 106.

¹¹ Карамзин. Отчего в России мало авторских талантов? Сочинения, т. VII, изд. 3-е, М., 1820, стр. 217—218.

¹² «Полярная звезда» на 1823 год, стр. 15.

Русский язык наполнялся странными выражениями и чуждыми оборотами». ¹³

Таков был приговор, произнесенный в 20-е годы реформе Карамзина, более или менее выражавший мнение, ставшее традиционным и повторявшееся в близкой форме и позднее.

Однако прогрессивная роль системы Карамзина в значительной степени ограничена ее ярко выраженным дворянским характером. В представлении Карамзина и его последователей писатель должен быть человеком светским. «...Позволяю себе утверждать, — писал Жуковский, — что и писатель наравне со всеми может с успехом играть свою роль на сцене большого света... Писатель — потому единственно, что он писатель — лишен ли качеств человека любезного? Будучи одарен богатством мыслей, которые умеет выражать лучше другого на бумаге, должен ли он именно потому не иметь способности выражаться с приятностию в разговоре?» («Писатель в обществе», 1808). ¹⁴ Под разговорным языком Карамзин разумел язык «хорошего» общества, а таким обществом представлялись ему столичные салоны и преимущественно женщины, менее занятые и более склонные к литературным интересам. Новиков смеялся над речью щеголих, печатая в «Трутне» пародические письма щеголих, а в «Живописце» — «Опыт модного словаря щегольского наречия». Иначе думал Карамзин. Однако щеголихи его времени не могла помочь в деле преобразования литературного языка: «Милые женщины, которых надлежало бы только подслушивать, чтобы украсить роман или комедию любезными, счастливыми выражениями, пленяют нас нерусскими фразами». В столичных салонах говорили по-французски. «Что же остается делать автору? выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!» («Отчего в России мало авторских талантов?»). ¹⁵

Приходилось изобретать словарь и фразеологию, пригодную и для письма, и для устной речи. При этом критерием «приятного» слога являлся так называемый «вкус», эстетическое сознание завсегдаев дворянского салона. Поэтому слог Карамзина, а еще в большей степени его подражателей, приближался к комплиментарно-мадригальному жаргону.

Несмотря на это, дворянский «вкус» не окончательно парализовал прогрессивное начало «нового слога» и давал возможность дальнейшего преемственного развития и совершенствования. Помимо всего прочего, в дальнейшем пришлось преодолеть еще одно отрицательное свойство карамзинского «нового слога»: денационализацию языка, стремление сблизить формы языка с общеевропейскими, в первую очередь с французскими формами. Отсюда у карамзинистов замечается особая забота о том, чтобы каждому иностранному слову точно соответствовали русские слова в их значении и употреблении. А это достигалось, помимо калькирования фразеологии, при помощи большого числа варваризмов или этимологических переводов (калек) отдельных слов или же при помощи придания существующим уже словам значения, равноценного значению иностранного слова, с теми же смысловыми границами и с тем же применением, что, по существу, очень близко к калькированию. Механическое перенесение в русский язык фразеологических и синтаксических оборотов иностранной речи яви-

¹³ Н. И. Г р е ч. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, стр. 247—248.

¹⁴ В. А. Ж у к о в с к и й, Полное собрание сочинений, т. III, СПб., 1906, стр. 36, 38.

¹⁵ К а р а м з и н, Сочинения, т. VII, 1820, стр. 218.

лось источником многих перифрастических выражений и иносказательных речений.¹⁶

Принцип индивидуальности, характерный для сентиментальной школы, культивировавшей «чувствования» современного человека, должен был бы несколько разнообразить стиль. В действительности этого не произошло, потому что личность литературного героя, а тем более автора, определялась нормами того же приятного «вкуса» и, следовательно, психологические и характерологические варианты изображаемой личности были скудны, отсюда и стиль замыкался в сравнительно узкие пределы.

Приятные перифразы, иногда с легким ироническим оттенком, свойственным светской беседе, элегантною структуры речи, изящность и понятность, словарь, одинаково избегающий как педантизма и канцеляризма, так и просторечной грубости, стремление к гармоническому сочетанию слов — вот основные черты «нового слога».

Пушкин, воспитанный в лицейские годы на языке карамзинистов младшего поколения (Батюшков, Жуковский) и безусловно разделявший стилистическое направление Карамзина, довольно скоро освободился от преклонения перед авторитетом сентименталистов.

Приблизительно в годы кишиневской жизни Пушкин решительно пересмотрел те критические оценки, которые имели хождение в карамзинских кругах. Этим суждениям Пушкин противопоставил приговоры «истинной критики», появление которой он предсказывал. Так, имя Озерова, когда-то весьма почитавшееся, перестает обольщать Пушкина. Еще в петербургский период жизни Пушкин выразил сомнение в совершенстве трагедий Озерова. В статье «Мои замечания об русском театре» Пушкин упоминал «не совершенные творения несчастного Озерова» (XI, 10). К этому же вопросу он возвращается в связи со статьей П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова», на полях которой он сделал для ее автора свои критические замечания.

«Озерова я не люблю не от зависти (сего гнусного чувства, как говорят), но из любви к искусству. Ты сам признаешься, что слог его не хорош¹⁷ — а я не вижу в нем ни тени драматического искусства. Слава Озерова уже вянет, а лет через десять, — при появлении истинной критики, совсем исчезнет» (XII, 242).

В письме Вяземскому от 6 февраля 1823 года Пушкин называет поэтический слог Озерова (единственное, что он видит знаменательного в его трагедиях) «неточным и заржавым» (XIII, 57).

К тому же времени относится и решительный приговор И. И. Дмитриеву. В черновике письма Вяземскому 4 ноября 1823 года (ср. с текстом письма, отсланного Вяземскому 8 марта 1824 года):

«О Дмитриеве спорить с тобою не стану, хоть все его басни не стоят одной хорошей басни Крыловой, все его сатиры — одного из твоих посланий, а всё прочее первого стихотворения Жуковского. «Ермак» такая дрянь, что мочи нет, — сказки писаны в дурном роде, холодны и растянуты. По

¹⁶ «Все языки имеют между собою некоторое сходство в высоком, и совершенно отличны один от другого в простом, или, лучше сказать, в простонародном», — писал В. Жуковский («О басне и баснях Крылова», 1809; Полное собрание сочинений, т. III, 1906, стр. 74). Отказ от «простонародного» лишил новый слог национального своеобразия.

¹⁷ Вяземский писал: «В самых красотах слога он более счастлив, нежели правилен. Одарив русский язык богатством, до него еще безызвестным, не падит он его во многих случаях. Часто намекает там, где нужно выразить, и как-то медлит там, где надобно быть быстрым» (П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. I, СПб., 1878, стр. 50).

мне Дмитриев ниже Нелединского и стократ ниже стихотворца Карамзина...¹⁸

«Хорош poète de notre civilisation. Хороша и наша civilisation! Грустно мне видеть, что всё у нас клонится бог знает куда; ты один бы мог прикрикнуть налево и направо, порастрясти старые репутации, приструнить новые и показать нам путь истины, а ты покровительствуешь старому вралю...» (XIII, 381).

Не избежало переоценки и творчество Батюшкова и Жуковского. Любопытны заметки на полях «Опытов» Батюшкова, к сожалению, не поддающиеся точной датировке. В этих замечаниях мы находим указания как на положительные, так и на отрицательные стороны слога Батюшкова. Пушкин, отмечая тот или иной стих, подчеркивает стилистические и грамматические промахи Батюшкова. Рядом с замечаниями «прекрасно», «смело и счастливо» мы читаем: «как дурно», «плоско», «что за слог», «цирлих манирлих». «Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастья и несозревшие надежды», — писал Пушкин К. Рылеву 25 января 1825 года (XIII, 135).

Поколебалось и обаяние Жуковского, хотя Пушкин и не одобрял публичных нападений на учителя поэтов нового поколения. Еще в 1820 году Пушкин писал Вяземскому из Кишинева: «Читал ли ты последние произведения Жуковского, в бозе почивающего? слышал ли ты его Голос с того света и что ты об нем думаешь? Петербург душен для поэта» (XIII, 15). В этих каламбурах содержится скептическая оценка Жуковского: он уже умер, или, что еще хуже, «в бозе почил». Его задушил Петербург, т. е. петербургский двор, где он поневоле приспособляется ко вкусу великих княгинь и фрейлин.

Много позднее Пушкин вспомнил спор о русской балладе, разыгравшийся между Гнедичем и Грибоедовым. Сравнивая подражания «Леноре» Бюргера, написанные Жуковским и Катениным, Пушкин явно не на стороне Жуковского. В характеристике его перевода заключается и оценка общего стиля Жуковского, применимая ко всем писателям школы Карамзина. Это подражание — «неверное и прелестное», оно «ослабило дух и формы своего образца». Катенинская простота и даже грубость, «заменившая воздушную цель теней», «виселица, вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей...». Этих читателей Пушкин характеризует в достаточной степени тем, что называет их «воспитанными на Флориане и Парни» (XI, 221).¹⁹ Это салонное жеманство Пушкин осудил еще в 20-х годах, когда он писал Вяземскому: «Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе» (декабрь 1823 года; XIII, 80).

К этому же времени относится и борьба Пушкина с рецидивами карамзинизма, еще обычными в литературе 20-х годов.

¹⁸ Пушкин не признавал у Карамзина поэтического дарования. «Карамзин не поэт», — писал он в заметках о «Слове о полку Игореве» (XII, 147—148).

¹⁹ Отвергая одновременно и стилистическую систему Ломоносова, и стилистическую реформу Карамзина, Пушкин не принимал и той ломки традиции литературного слога, которую совершал Державин. Он писал Дельвигу из Михайловского в июне 1825 года: «По твоём отъезде перечел я Державина всего, и вот мое окончательное мнение. Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии, ни даже о правилах стихосложения» (XIII, 181—182). Эту оценку следует помнить тем, кто склонен видеть реформу слога у Пушкина в безразборном смешении слов высокого и низкого стиля.

К 1822 году относится черновая заметка Пушкина о прозе, в которой он осуждает применение перифрастических иносказаний, вошедших в моду со времен Карамзина.

«Что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут дружба, не прибавя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать рано поутру, а они пишут: едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба. Ах, как это всё ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее.

«Читаю отчет какого-нибудь любителя театра: сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Апол... боже мой, да поставь: эта молодая хорошая актриса — и продолжай; будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо тебе не скажет» (XI, 18).

Эти замечания можно сопоставить с перифразами самого Карамзина. Вот как он описывал наступление утра или вечера: «Уже солнце взошло высоко на небе и рассыпало по снегу миллионы блестящих диамантов...» («Наталья, боярская дочь»; 152); «Алая заря не угасла еще на светлом небе; розовый свет ее сыпался на белые граниты и вдали, за высоким холмом, освещал острые башни древнего замка» («Остров Борнгольм»; VI, 190); «Восходящее солнце озарило первыми лучами своими на лобном месте Посадницу, окруженную народом» («Марфа посадница»; VI, 235). Или вот какие выражения находим мы в отчете журнального рецензента о первом дебюте Колосовой, помещенном в «Сыне отечества» за 1818 год: «Юная питомица Мельпомены, почувствовав в груди потребный жар, чтоб явиться с достоинством на благородном ее поприще, заслуживает уже одобрения» и т. д.²⁰

И Пушкин заключал:

«Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей; без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое (впрочем, и в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не повинется)» (XI, 19).

Направленность этой заметки раскрывается в последнем отрывке, замыкаемом недописанной фразой: «Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе. Ответ — Карамзина. Это еще похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтенном...» (XI, 19).

Ясно, что проза Карамзина уже не удовлетворяла Пушкина, а именно в прозе искал он разрешения основных вопросов русского литературного языка.

Борьба с карамзинскими традициями выразилась в осмеянии жеманства и кокетливости стиля, еще не изжитых в произведениях даже передовых писателей молодого поколения. Пушкину претят постоянные обращения к «прекрасным читательницам», а подобные обращения являлись очевидным признаком приверженности к карамзинскому стилю. Это мы видим, читая замечания Пушкина на некоторые статьи альманаха «Полярная звезда». Так, в своем обозрении «Взгляд на старую и новую словесность в России» в «Полярной звезде» на 1823 год А. Бестужев рассматривал причины малого числа оригинальных писателей и заключал:

²⁰ «Сын отечества», 1818, ч. 50, № 51, стр. 282.

«Наконец, главнейшая причина есть изгнание родного языка из обществ и равнодушие прекрасного пола ко всему, на оном писанному! Чего нельзя совершить, дабы заслужить благосклонный взор красавицы? В какое прозаическое сердце не вдохнет он поэзии? Одна улыбка женщины милой и просвещенной награждает все труды и жертвы! У нас почти не существует сего очарования, и вам, прелестные мои соотечественницы, жалуются музы на вас самих!».²¹

В письме А. Бестужеву от 13 июня 1823 года Пушкин писал по поводу этой тирады: «... чего бояться читательниц? их нет и не будет на русской земле, да и жалеть не о чем» (XIII, 64). Так пародировал Пушкин стих издателя «Полярной звезды» К. Рылеева (о предателях в думе «Иван Сусанин»: «Их нет и не будет на русской земле!»).

На следующий год в том же альманахе А. Корнилович поместил историческую статью «Об увеселениях российского двора при Петре I» и посвятил ее баронессе А. Е. А., к которой обращался следующим образом: «Снисходительный взор ваш будет лучшею наградою для автора, улыбка вашего одобрения придаст ему новые силы...».²² В письме к А. Бестужеву от 8 февраля 1824 года Пушкин высмеял это обращение: «Корнилович славный малый и много обещает, но зачем пишет он „для снисходительного внимания милостивой государыни NN.“ и ожидает „одобрительной улыбки прекрасного пола“ для продолжения любопытных своих трудов? Всё это старо, ненужно и слишком уже пахнет Шаликовскою невинностью» (XIII, 87).

В статье П. А. Вяземского об Озере внимание Пушкина привлекло место, где говорится о том, что «верность изображения» Озеров заимствовал «от частого своего общения с женщинами, очищающими как вкус наш, так и самые чувства». Пушкин отметил это место и написал против него: «нет» (XII, 228).

Гибельное влияние салонов Пушкин находил не только в русской литературной обстановке, но и во французской, которую еще многие его современники ставили в пример, усматривая в произведениях французского классицизма почти недостижимый идеал, еще не поколебленный резкими нападками романтиков. «Кто отклонил французскую поэзию от образцов классической древности? Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный доск вежливости и остроумия на все произведения писателей 18-го столетия? Общество M-mes du Deffand, Boufflers, d'Épinau, очень милых и образованных женщин. Но Мильтон и Данте писали не для *благосклонной улыбки прекрасного пола*» («О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова», 1825; XI, 33).

Этой точке зрения Пушкин оставался верен всю жизнь. В 1830 году, когда группу сотрудников «Литературной газеты» обвиняли в аристократизме, Пушкин писал: «В чем же состоит их аристократия? .. в дворянской спеси? Нет... Может быть, в притязаниях на тон *высшего общества*? Нет; они стараются сохранить тон *хорошего общества*; проповедуют сей тон и другим собратьям, но проповедуют в пустыне. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (*niaiserie*)... Не они поминутно находят одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей*, и т. п. Не они толкуют вечно о *будуарных читательницах*, о *паркетных (?) дамах*» («Опровержение на критики», 1830; XI, 152).

²¹ «Полярная звезда». Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности на 1823 год, стр. 43.

²² «Полярная звезда» на 1824 год, стр. 51.

Здесь Пушкин ополчается на Булгарина и Надеждина, защищая себя самого от их нападений. Адресаты явствуют из цитированных Пушкиным отдельных слов. Так, о замене просторечия простомыслием писал Ф. Булгарин в предисловии к своему роману «Дмитрий Самозванец» (1830): «Просторечие старался я изобразить простомыслием и низким тоном речи, а не грубыми поговорками» (стр. XVI).

И по поводу мелочных придинок журнальной критики к стилю «Полтавы» Пушкин говорил: «Слова *усы, визжать, вставай, рассветает, ого, пора* казались критикам *низкими, бурлацкими*. . . ; но никогда не пожертвую искренностью и точностию выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под.» (XI, 159). И Пушкин напоминал своим критикам о Фонвизине: «... если б „Недоросль“ явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простакова бранит Палашку *каналъей* и *собачьей дочерью*, а себя сравнивает с *сукою* (!). „Что скажут дамы! — воскликнул бы критик, — ведь эта комедия может попасться дамам!“ — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать!» (XI, 155).

Именно к этому времени относится набросок строфы в VIII главе «Онегина», в котором характеризуется язык избранного общества, собиравшегося в доме Татьяны (VI, 626—627):

Со всюю вольностью дворянской
Смеялись щегольству речей
И щекотливости мещанской
Журнальных чопорных статей.
Хозяйкой светской и свободной
Был принят слог простонародный,
И не пугал ее ушей
Живою странностью своей
(Чему наверно удивится,
Готовя свой разборный лист,
Иной глубокий журналист;
Но в свете мало ль что творится,
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один журнал!).

Эта борьба с «мещанской щекотливостью» была прямым продолжением борьбы с дворянской чопорностью, так же как Булгарин и Надеждин являлись поздними эпигонами и вульгаризаторами последователей Карамзина.

Смысл этих замечаний Пушкина будет совершенно ясен, если мы вспомним, что еще в 1822 году в программе статьи о французской словесности Пушкин наметил такую характеристику Карамзина и его направления: «Дмитриев, Карамзин, Богданович — вредные последствия — манерность, робость, бледность» (XII, 191). Ясно, что в этом соединении трех имен центральное место занимает Карамзин. И. Дмитриев рассматривался всегда как друг и спутник Карамзина, его тень. «Сей писатель пойдет наряду с Карамзиным в числе образователей русского языка», писал Н. Греч,²³ и все единогласно утверждали, что Дмитриев сделал для стихотворной речи то же самое, что Карамзин для прозаической.²⁴ Что касается Богдановича, то длительная

²³ Н. И. Греч. Опыт краткой истории русской литературы. 1822, стр. 282.

²⁴ Ср. отзыв Белинского: «Дмитриева можно назвать *сотрудником* и *помощником* Карамзина в деле преобразования русского языка и русской литературы: что Карамзин делал в отношении к прозе, то Дмитриев делал в отношении к стихотворству» (Полное собрание сочинений, т. VII, 1904, стр. 17).

слава его была в значительной степени поддержана некрологической статьёй Карамзина, содержавшей разбор «Душеньки» и других произведений поэта и кончавшейся словами: «стихотворец приятный, нежный, часто остроумный и замысловатый».²⁵

В противоположность писателям карамзинского направления, Пушкин выдвигал имена Фонвизина и особенно Крылова. По вопросу о преимуществе басен Крылова перед баснями Дмитриева Пушкин непримиримо спорил с Вяземским, который упорно придерживался репутаций, установившихся в среде карамзинистов, и никак не соглашался признать первенство Крылова. В Фонвизине и Крылове Пушкин подчеркивал их народность. Фонвизин, по его выражению, «из перерусских русский» (письмо Л. С. Пушкину, ноябрь 1824 года; XIII, 121). Крылов — «истинно-народный поэт» («О предисловии г-на Лемонте. . .»), «во всех отношениях самый народный наш поэт» («Опровержение на критики») (XI, 34, 154). В творчестве Фонвизина и Крылова Пушкин видел противовес утратившему национальный облик «новому слогу» Карамзина, отражавшему настроения тех петербургских салонов, которые приобрели «международный» характер и стремились уподобиться тому «хорошему обществу», которое более или менее одинаково повсюду.

3

Система ломоносовского стиля никогда не оказывала непосредственного влияния на творчество Пушкина. Те отрицательные характеристики стиля Ломоносова, которые мы находим в статьях и письмах Пушкина, в общем совпадают с оценками, исходившими из лагеря карамзинистов. Иначе обстояло с «новым слогом» Карамзина. На первых шагах в поэтическом творчестве Пушкин заявил себя учеником Жуковского и Батюшкова. Стилистическая близость лицейских произведений Пушкина к стилю его учителей очевидна; она неоднократно являлась предметом наблюдения.¹ Но зависимость эта продолжалась и позднее. Мы видели уже, что, высказавшись за освобождение русского литературного языка от французской утонченности и европейского жеманства, Пушкин делал оговорку: «Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе» (Вяземскому, декабрь 1823 года; XIII, 80). Нападая на перифрастическую прозу, Пушкин делал исключение для стихотворной речи (1822). И в самом деле, «новый слог», в той его форме, какую придали ему в поэзии Жуковский и Батюшков, определял стиль Пушкина и поэтов его поколения, близких к нему и принадлежавших к «новой школе», духовным главой которой был Пушкин.

В годы, когда появлялись первые произведения Пушкина, обратившие на себя внимание читателей, уже не возникал вопрос о воскрешении стилистической системы «Бедной Лизы» или «Натали, боярской дочери». Представителями «нового слога» являлись Жуковский, Батюшков, Вяземский и их подражатели. В критических замечаниях их противников отражаются те особенности их стиля, которые считались отличительными чертами слога «новой школы». Если мы, например, обратимся к первой критической статье, вызванной произведениями Пушкина, к известному выступлению «Жителя Бутырской слободы» по поводу напечатанных в «Сыне отечества» отрывков из еще не опубликованной полностью поэмы «Руслан и Людмила»,² то мы

²⁵ Карамзин, Сочинения, т. VIII, стр. 218.

¹ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, Гослитиздат, М., 1941, стр. 123—161.

² Еще критика (Письмо к редактору). «Вестник Европы», 1820, ч. 111, июнь, № 11, стр. 213—220. — Долгое время автором этой статьи считали Каченовского. Теперь известно, что ее написал А. Г. Глаголев.

найдем там ряд цитат, показывающих, в чем видели особенность нового поэтического слога. Автор рецензии начинает издали. Его внимание привлекает баллада Плетнева. Справедливо усматривая в этой балладе и ей подобных подражание Жуковскому, автор и обрушивается на старших представителей новой школы.

Вот характерные цитаты: «Например, у нас есть: *позыв к уединению, где вы узнаете, что автор не болен сердцем; в другом месте сыщете, что „с утраченным грядущее слилось: грядущее со мною разочлось, и новый иск на нем мой был бы тщетен“*; что *обман надежд разжигает тоску заснувших ран*; еще в одной балладе. . . Но прошу прочитать ее всю сполна: она *право* этого стоит (С. От., № 13, стр. 35)³ Я только замечу: у нас в такой моде *смертность*, что даже *луч солнечный* трепетен и бледен *умирает на горе*. . . Ни слова о рыцарях, которые беспрестанно прощаются с красавицами и погибают; ни слова о *чашах* пенистого вина, о *тайном шопоте невидимого*, о *туманном небосклоне полей*, о *лазурном крове безоблачного приюта*, о *пустынной тиши дубрав*, о *зыбучих берегах, где плачут красные девицы* и проч. и проч.»⁴

В этом потоке цитат, начиная с «Уныния» Вяземского и кончая «Тоской по милым» Жуковского, отмечены неприемлемые для старой школы особенности нового стиля: меланхолическая балладная и элегическая лексика, субстантивация отвлеченных прилагательных, характерный набор эпитетов, затрудненные перифразы, олицетворения. Подобные лексика и фразеология были типичны и для молодого Пушкина, если отбросить специфическое тяготение Жуковского к таинственному, в равной степени не свойственное для Вяземского и Пушкина.

Обычно указывают на «Руслана и Людмилу» как на произведение, знаменующее отход Пушкина от карамзинских традиций. Решительнее всех это формулировал Ю. Тынянов: «В 1818 же году состоялось сближение Пушкина с Катениным. . . Надо вспомнить, что это годы работы Пушкина над „Русланом и Людмилой“; Пушкин ищет пути для большой формы; карамзинский же период в основе своей был отрицанием эпоса и провозглашением „мелочей“, как эстетического факта. Эпосом была легкая сказка, conte. Карамзинисты, и теоретически, и практически, уничтожили героическую поэму, но вместе с ней оказалась уничтоженной и большая форма вообще; „сказка“ воспринималась как „мелочь“. . . Здесь открывался вопрос о поэтическом языке: при таком жанровом смещении язык не может остаться в пределах традиции карамзинизма. Тут-то автор „Ольги“ и сыграл решительную роль. Поэтический язык Пушкина в „Руслане и Людмиле“ подчеркнуто „простонароден и груб“. Практику Катенина, который мотивировал свое „просторечие“ жанром „русской баллады“, Пушкин использует для большой стиховой формы».⁵

Следует обратить внимание на то, что слово «карамзинисты» употреблено здесь в применении к обоим поколениям: не только к самому Карамзину и Дмитриеву, но и к Жуковскому, равно как и к арзамасцам вообще (Блудов, Вяземский, Батюшков, А. Тургенев). Основные аргументы: Карамзин и Дмитриев отрицательно отнеслись к поэме Пушкина; в поэме пародируются «Двенадцать спящих дев» Жуковского; поэму похвалили Крылов и Шаховской; в статье Зыкова, внушенной Катениным, автор «сплошь касается мотивированности сюжетных деталей и не касается поэтического языка».⁶

³ Баллада П. А. Плетнева «Пастух».

⁴ «Вестник Европы», 1820, ч. 111, стр. 216.

⁵ Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Изд. «Прибой», 1929, стр. 139.

⁶ Там же, стр. 141.

Вряд ли всё это так убедительно. Здесь нет возможности подымать вопрос во всем объеме, но можно заметить следующее: Карамзин и Дмитриев в 1820 году вовсе не определяли основного направления молодой группы карамзинистов. Им, представителям другого поколения, претили вольности Пушкина, между тем как все молодые карамзинисты единодушно его защищали. Именно Жуковский первый приветствовал поэму, именно он, вместе с А. И. Тургеневым, принимал все меры, чтобы защитить Пушкина от нападений критики, ими внушены полемические статьи А. Перовского против придинок Воейкова и Зыкова. Между тем Катенин и тогда и позднее (например, в «Литературной газете», 1830) отрицательно отзывался о поэме.

Не убедительно и то, что карамзинисты принципиально отвергали поэму ради «мелочей». Именно в эти годы Жуковский и Батюшков замыслили написать большие поэмы, и все их единомышленники с нетерпением ожидали осуществления их обещаний. Известная надпись на портрете, подаренном Жуковским Пушкину в день окончания «Руслана и Людмилы», может быть понята лишь в том смысле, что Жуковский в поэме Пушкина признал осуществленным то, что сам он не сумел осуществить, и в этом смысле признал себя побежденным. Что же касается так называемой пародии на Жуковского, то нельзя ей придавать характер литературной и даже идеологической борьбы направлений. Жуковский нисколько не счел себя задетым этой пародией и продолжал покровительственно относиться к Пушкину. Самое издание поэмы было осуществлено при ближайшем содействии Жуковского.

Несколько преувеличено и представление о «грубостях» в поэме Пушкина. Когда А. Глаголев упрекал Пушкина за «шутки грубые, не одобряемые вкусом просвещенным»,⁷ на страницах «Сына отечества» было справедливо указано, что «Житель Бутырской слободы» забыл о предшественниках Пушкина в жанре шуточной поэмы: «Что же скажет он о Богдановиче, у которого греческая (!!!) царевна плачет как дура, едет на *шукке шегардой*, называет дракона *эмсем Горыничем, чудом-юдом* и проч.»⁸

Эти «грубости» были ослабленной данью стилю шуточного повествования в стихах. Не только И. Богданович, так высоко оцененный Карамзиным и Батюшковым, но до него и В. Майков, а после него Радищев-сын и другие уснащали сказочную поэму грубыми словами разговорного обихода, всегда в контрасте с высокосторжественной лексикой. Этот контраст и создавал то комическое впечатление, источником которого было сознание несовместимости словарей разных «стилей». Пушкин сравнительно умеренно воспользовался привычной лексикой героев шуточных поээм сказочного содержания.

Гораздо характернее для поэмы та фразеология, в которой упрекал его А. Воейков. Это: «хладноу рукой он вопрошает мрак немой», «как милый цвет уединенья», «пламень роковой», «воздушными перстами» и т. п. Точно так же Зыков, который якобы не говорил ничего о языке поэмы, отмечал в упрек Пушкину:

«Так ли говорили русские богатыри? и похож ли Руслан, говорящий о траве забвенья и вечной темноте времен, на Руслана, который чрез минуту после восклицает с важностью сердитой:

— Молчи, пустая голова!»⁹

В «Невском зрителе» (1820, № 7) была помещена статья, резко критикующая поэму Пушкина с реакционной точки зрения. Здесь, между прочим,

⁷ «Вестник Европы», 1820, ч. 111, стр. 220.

⁸ «Сын отечества», 1820, ч. 63, № 31 (31 июля), стр. 232.

⁹ «Сын отечества», 1820, ч. 64, № 38 (18 сентября), стр. 228.

говорилось: «Руслан томится, вздыхает и обнаруживает нежные чувства, как Селадон» (стр. 71).

Достаточно прочитать первые строки «Посвящения», чтобы почувствовать связь поэмы с карамзинской традицией:

Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних...

Даже те исследователи, которые искали в «Руслане и Людмиле» элементы демократизации языка, якобы выведившие ее за пределы карамзинской системы, принуждены признать, что «общий языковый фон этой поэмы носит на себе признаки карамзинской школы, в версии Батюшкова и Жуковского...».¹⁰ В. В. Виноградов точно определил природу просторечия поэмы: «В поэме „Руслан и Людмила“ лексика и фразеология просторечия и простонародного языка беднее всего представлена в авторском повествовании. Редкие словечки и выражения просторечия не ломают структуры Карамзинского стиля».¹¹ И А. С. Орлов признает, что, «принадлежа разговорной речи пушкинского общественного круга, эти элементы не чужды и простонародности, поскольку она действительно допускалась в речь того круга».¹²

Вообще тезис о какой-то особой демократизации языка именно в «Руслане и Людмиле» находил многих защитников. Однако их аргументацию нельзя считать убедительной. Так, В. И. Зибель писал: «„Руслан и Людмила“ нарушает каноны „придворной поэзии“, разрушает шаблоны салонного дворянского языка, открывает путь демократизации литературного языка».¹³ Уже ссылка на придворную поэзию свидетельствует об исторической aberrации. В 1820 году уже не приходилось говорить о разрушении канонов придворной поэзии: они давно были разрушены, и даже придворные стихи Жуковского не укладывались в «каноны» подобной поэзии. Точно так же исторически неверна оценка поэмы Пушкина, которая якобы стремилась «создать литературу новую, глубоко изучающую действительность, познающую жизнь».¹⁴ Если автор имел в виду пушкинский реализм, то вряд ли корни его можно видеть в «Руслане и Людмиле». Между тем автор находит в поэме такие элементы стиля, которые одинаково не согласуются как с его выводом, так и с действительным положением вещей. Так, например, он пишет: «... лексика таинственного, сверхъестественного носит не столько сказочный, сколько сентиментально-романтический „балладный“ характер: грозная тишина, голос странный (без указания, кому он принадлежит), таинственный „кто-то“, мгла туманная, дым, дымная глубина, тьма густая, безвестная сила, невидимые годы, невидимая рука, рука незримая, неслышная стопа, что-то страшное. Особенно характерны эпитеты *незримый, невидимый, неведомый, неслышный*, неопределенность, звучащая в *кто-то, что-то*, безвестность, скрывающаяся в *дымном и туманном, в странном и грозном, в тишине, во мгле, во тьме*».¹⁵ Трудно в большей степени оторвать слова от контекста. Ведь Пушкин пишет о материально незримой арфе, вовсе не придавая

¹⁰ А. С. Орлов. Пушкин — создатель русского литературного языка. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 3, 1937, стр. 29.

¹¹ В. В. Виноградов. Язык Пушкина. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 412.

¹² «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 3, стр. 30.

¹³ В. И. Зибель. О лексике «Руслана и Людмилы» Пушкина. «Русский язык и литература в средней школе», Методический сборник, 1935, № 3, стр. 11.

¹⁴ «Русский язык и литература в средней школе», 1935, № 3, стр. 11.

¹⁵ Там же, стр. 5.

слову «незримый» того колеблющегося значения, какое заключено в стихах Жуковского:

И зримо ей в минуту стало
Незримое с давишних пор.
(«Минувших дней очарованье. . .»)

Слово «невидимый» встречается преимущественно тогда, когда Людмила в шапке-невидимке скрывалась от Черномора. Никакой меланхолической туманности и мечтательной тоски о неведомом не заключено в поэме Пушкина, и в этом она резко отличается от поэзии Жуковского и, в частности, от его баллад, вроде «Эоловой арфы». Таким образом, попытка связать лексику поэмы с таинственно романтической лексикой Жуковского, для него индивидуальной, надо считать несостоятельной. С другой стороны, мы встречаем в статье В. И. Зибеля и такие замечания: «. . . встречаются излюбленные классиками сложные эпитеты: *тихоструйная* (река) и *златоверхий* (град)».¹⁶ Вот здесь бы и следовало вспомнить не «классиков», а Жуковского с его стихами:

Тихоструйными волнами
Усыпит его река.
(«Адельстан»)

Вот златоверхий Киев град!
(«Восйкову»)

Кстати, последний эпитет имеет вполне определенное происхождение: он взят из «Слова о полку Игореве» («на златоверхом моем тереме»).

Это смешение стилистических традиций колеблет и все выводы автора.

Было бы непонятно, каким образом лексика и фразеология южных поэм Пушкина не отразили на себе эту «демократизацию языка», если бы просторечия в «Руслане и Людмиле» отражали принципиальный поворот Пушкина к новым стилистическим нормам. Между тем «элегическая» фразеология, т. е. стиль Жуковского и Батюшкова, продолжает определять стилистический фон романтических поэм Пушкина и лирических стихотворений того же периода.¹⁷

Модные перифразы Пушкин считал отрицательной чертой стиля. Эти перифразы типичны для его первых поэм. Вот как, например, означает наступление вечера или утра:

Меж тем в лазурных небесах
Плывет луна, царица ночи,
Находит мгла со всех сторон,
И тихо на холмах почила. . .

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленную землей;
Дымятся синие туманы
И всходит месяц золотой. . .

Зари последний луч горел
Над ярко позлащенным бором.

Но вот уж раннею зарею
Сияет тихий небосклон;
Все ясно; утра луч игривый
Главы косматый лоб златит.

¹⁶ Там же, стр. 7.

¹⁷ В. В. Виноградов. Стиль Пушкина, стр. 45 и 175; ср. стр. 204—207.

10 Пушкин. Материалы и исследования

Всё было тихо, безмятежно;
От рассветающего дня
Долина с рощею прибрежной
Сквозь утренний сияла дым.

Долина тихая дремала,
В ночной одетая туман,
Луна во мгле перебежала
Из тучи в тучу и курган
Мгновенным блеском озаряла!

(«Руслан и Людмила»)

И лишь единственный раз, в шестой песни Пушкин сказал коротко: «Настала ночь». То же самое находим в романтических южных поэмах:

Уж меркнет солнце за горами...

Светила ночи затмевались;
В дали прозрачной означались
Громады светлоснежных гор.

Редел на небе мрак глубокий,
Ложился день на темный дол,
Взошла заря.

(«Кавказский пленник»)

Правда, в «Бахчисарайском фонтане» мы снова находим формулу «Настала ночь», но за ней следует обязательное описание на восьми строках признаков наступающей ночи: тень, соловей, луна. То же в «Цыганах»:

Огни везде погашены,
Спокойно всё, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.

Или:

Всё тихо; ночь. Луной украшен
Лазурный юга небосклон.

И всё это не пейзажные зарисовки, не картины разных состояний природы: все эти места резко отличаются от подлинных описаний природы своим предельным лаконизмом — две-три строки, и тема исчерпана. Это всё перифразы, и лишь художественное чутье поэта вдохнуло в них живые краски.

В этих ранних поэмах еще сильна традиция «поэтической» лексики, заменяющей обычные слова их возвышенными синонимами, унаследованными в поэзии карамзинистов от классиков. «Что же зрит?»; «Наш витязь с жадностью внимал рассказы старца»; «Но русский равнодушно зрел...»; «Словам любви ее внимал»; «Гарем не зрит ее лица»; «Евнух еще им долго внемлет»; «Он с трепетом привстал и внемлет».

Во фразеологии южных поэм еще присутствуют и мелодраматизм и элегическое «сладострастие», навеянное Батюшковым. Подлинный стиль Пушкина рождается позднее, в новую эпоху его творчества, пришедшую на смену романтизму первой половины 20-х годов. Конечно, отдельные элементы нового стиля можно найти и в южных поэмах. Слог «Цыган» точнее и свободнее, чем слог «Кавказского пленника», но система та же, и это именно та система, которую теоретически Пушкин отрицал в эти же годы, правда, ограничивая свое отрицание прозой.

Сближение стиха с прозой разрушило поставленные Пушкиным границы, в прочности которых он сам сомневался. Но для этого нужно было, чтобы и в литературном сознании Пушкина произошли изменения.

4

Эти изменения совпадают с началом работы над «Евгением Онегиным». Именно в работе над романом Пушкин освободился от романтической системы стиля, являвшейся прямым продолжением традиции Жуковского и Батюшкова. В. Кюхельбекер в известной своей статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» не отделял романтиков от их непосредственных предшественников. «Жуковский и Батюшков на время стали корифеями наших стихотворцев и особенно той школы, которую ныне выдают нам за романтическую». «Прочитав любую элегию Жуковского, Пушкина или Баратынского, знаешь всё». Однако к Жуковскому и к молодым романтикам относится упрек Кюхельбекера в том, что из русского слова они «силятся извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для немногих язык». И недостатки новой поэтической системы усугубляются тем, что романтики порождают эпигонов. «Не те же ли повторения наши: младости и радости, уныния и сладострастия, и те безымянные, отжившие для всего брезги. . . , которые слабы и недорисованы в „Пленнике“ и в элегиях Пушкина, несносны, смешны под пером его переписчиков».¹

Статья Кюхельбекера появилась тогда, когда для Пушкина вопрос об элегии уже был решен. Любопытно, что к тому времени к отрицанию стиля унылой элегии пришел и первый русский элегик 20-х годов — Баратынский. Известно его письмо Пушкину (январь 1826 года) по поводу эпиграммы «Соловей и кукушка», направленной против модных элегиков: «. . . как ты отделил элегиков в своей эпиграмме! Тут и мне достается, да и по делу; я прежде тебя спохватился и в одной ненапечатанной пьесе говорю, что стало очень приторно:

Вытье жеманное повтов наших лет».

(Пушкин, XIII, 254)

Преодоление элегического стиля, жеманного, приукрашенного, напускного, стало очередной задачей передовых поэтов 20-х годов. Но не все одинаково решали эту задачу. В. Кюхельбекер звал к воскрешению оды: «Лирическая поэзия вообще не иное что, как необыкновенное, т. е. сильное, свободное, вдохновенное изложение чувств самого писателя. Из сего следует, что она тем превосходнее, чем более возвышается над событиями ежедневными, над низким языком черни, не знающей вдохновения. Всем требованиям, которые предполагает сие определение, вполне удовлетворяет одна ода. . . ». И Кюхельбекер так описывает свой идеал поэта: «. . . в оде поэт бескорыстен: он не ничтожным событиям собственной жизни радуется, не об них сетует; он вещает правду и суд промысла, торжествует о величии родимого края, мечет перуны в сопостатов, блажит праведника, клянет изверга».² Характерна самая фразеология подобного определения.

Пушкин не оставил без внимания эти тирады Кюхельбекера, написав на них замечания, оставшиеся в черновом виде, и отозвавшись в строфах «Евгения Онегина»:

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венок убогий,

¹ «Мнемозина». Собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером, ч. II, 1824, стр. 34, 36, 38, 40.

² «Мнемозина», ч. II, 1824, стр. 30, 31.

И нашей братье рифмачам
Кричит: «да перестаньте плакать,
И всё одно и то же квакать,
Жалеть о прежнем, о былом:
Довольно, пойте о другом!»

(Гл. IV, стр. XXXII).

И естественный выход из порочного круга субъективной элегии Пушкин видит в обращении к объективным жанрам поэзии. А наиболее объективным жанром в эти годы считалась драма (точнее, трагедия):

— Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал,
И мыслей мертвый капитал
Отсюда воскресить прикажешь:
Не так ли, друг? — Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,
Как их писали в мощны годы,
Как было встарь заведено...»

(Гл. IV, стр. XXXII, XXXIII)

Но для Пушкина ода была уже в прошлом. Он ссылается на карамзиниста И. И. Дмитриева и его сатиру «Чужой толк». Ода для Пушкина находится где-то в отдаленном прошлом, по ту сторону «нового слога»:

Припомни, что сказал сатирик!
Чужого толка хитрый лирик
Ужели для тебя сносней
Унылых наших рифмачей?

И Пушкин заключает:

... Тут было можно
Поспорить нам, но я молчу;
Два века ссорить не хочу.

(Гл. IV, стр. XXXIII)

Баратынский от элегий уходит в область философской лирики, с ее архаизованным, затрудненным языком.

Пушкин находит иной путь. Это была не драматургия, вернее, не одна драматургия.

Этот путь наметился еще в 20-е годы. В эти годы были распространены простые рецепты по вопросу о реформе языка. Все более или менее соглашались с тем, что основной порок литературного языка, унаследованного от карамзинистов, есть его «безнародность». Об этом писали и А. Бестужев, и В. Кюхельбекер. Кюхельбекера вопросы языка привлекали в особой степени. Мы знаем об этом из текста его первой (и единственной) лекции по истории русской литературы, которую он прочел парижанам в 1821 году.³ В этой лекции он изображает русский язык как язык, сложившийся во времена древней вольности и сохранивший дух свободы и народной независимости даже в годы татарского ига. Язык помогал объединению и внушал русскому народу волю к борьбе с поработителями.

Возможно, что отголоском бесед с Кюхельбекером являются слова Пушкина в статье «О предисловии г-на Лемонте...»: «... предки наши, в течение

³ Лекция эта, недавно найденная, опубликована П. С. Бейсовым в «Литературном наследстве», 1954, т. 59, стр. 345—380.

двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования. Таковой же пример видели мы в новейшей Греции. Какое действие имеет на поработанный народ сохранение его языка? Рассмотрение сего вопроса завлекло бы нас слишком далеко» (XI, 32). Последняя фраза, возможно, вызвана необходимостью удерживаться в определенных границах на страницах подцензурного издания и представляет собой оборот «эзопова языка».

Так или иначе, но для Пушкина вопрос о языке не отделялся от вопроса о народности литературы.

Ко времени ссылки в Михайловское относятся заметки, в которых Пушкин касается тем народности и языка. В заметке о народности Пушкин писал:

«Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения» (XI, 40).

В этой заметке Пушкин рассматривает только первое мнение и замечает, что можно оставаться народным и в произведениях на сюжет истории и жизни иностранной. По вопросу о языке Пушкин писал в заметке, посвященной обозрению А. Бестужева в «Полярной звезде». Эти мысли Пушкин включил затем в статью о предисловии Лемонте. В черновой заметке Пушкин писал:

«Причинами, замедлившими ход нашей словесности, обыкновенно почитаются — 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского. Все наши писатели на то жаловались, — но кто же виноват, как не они сами. Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен: у нас еще нет ни словесности ни книг, все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись — метафизического языка у нас вовсе не существует; проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных. . .» (XI, 21).

Необходимо учитывать широкое значение, которое придавал Пушкин слову «метафизический» в применении к языку. Так, в статье, посвященной «Балу» Баратынского, Пушкин писал: «Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шуточный и страстный, метафизику и поэзию» (XI, 75). Противопоставление понятий «шуточный» и «страстный» обуславливает противопоставление «метафизики» и «поэзии». Это же противопоставление заключалось и в заметке о бестужевском обозрении. Поэзия — это «блестящие игры воображения и гармонии» (XI, 21). Метафизика — не только абстрактная мысль, но и выражение психологических движений. Это явствует из следующих слов о характере героини «Бала»:

«Нина исключительно занимает нас. Характер ее совершенно новый, развит *con amore*,⁴ широко и с удивительным искусством; для него поэт наш создал совершенно своеобразный язык и выразил в нем все оттенки своей метафизики, для нее расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии» (XI, 75).

⁴ с любовью (лат.).

И в этой фразе следует видеть не отождествление метафизики с элегической поэзией, а их противопоставление в решении одной и той же задачи создания характера героини. Пушкин различает «элегические» черты характера и «метафизические» (применительно к средствам изображения). Статья о «Бале» написана в 1828 году после преодоления «элегического», т. е. романтического, направления в собственном творчестве. Отсюда можно заключить, что элегическим языком Пушкин называет тот, который замкнут в пределы романтической трактовки характера, с более или менее традиционным изображением страстей и их противоречий статического порядка. Под метафизикой, повидимому, следует понимать то, что мы бы назвали диалектикой страстей. Поэмы Баратынского уже современниками рассматривались как произведения, выходящие за пределы традиционных границ поэзии и приближающиеся к прозе в тогдашнем понимании. Мы бы назвали это качество реализмом. Словом «метафизический» Пушкин определил именно реалистическую психологию и свойственный ее выражению язык. В 1830 году, характеризуя роман Б. Констана «Адольф», Пушкин опять употребляет слово «метафизический». Предмет романа Пушкин определяет цитатой из «Евгения Онегина»:

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безразличной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом».

И затем Пушкин пишет: «Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы» (XI, 87).

Зачатки «метафизического» языка Пушкин видел в прозе Вяземского. Он писал ему 1 сентября 1822 года: «... образуй наш метафизический язык, зарождающийся в твоих письмах» (XIII, 44). В 1825 году (13 июля) Пушкин писал ему же в связи с вопросом о галлицизмах в русском языке: «Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии», и далее он определяет это как «ясный точный язык прозы, т. е. язык мыслей» (XIII, 187).

Словоупотребление Пушкина не было индивидуальным. Е. Баратынский писал Вяземскому по поводу того же перевода: «... для меня чрезвычайно любопытен перевод светского, метафизического, тонко чувственного „Адольфа“ на наш необработанный язык, и перевод вашей руки... Я уверен в вашем успехе, и этот успех должен быть эпохальным для нашей словесности».⁵

⁵ «Старина и новизна», кн. 5, СПб., 1902, стр. 47. — Близость письма Баратынского к анонимной заметке о переводе «Адольфа» в «Литературной газете» заставляет предполагать, что Пушкин, редактировавший «Литературную газету», имел перед глазами это письмо, когда редактировал заметку о готовящемся переводе. Письмо датировано 20 декабря 1829 года, а заметка появилась в номере 1 января 1830 года. Однако трудно предположить, что эту заметку писал Баратынский: в ней цитируется еще не изданная тогда глава VII «Евгения Онегина». Об умонастроении Баратынского можно судить по тому же письму к Вяземскому. Сообщая о том, что он пишет поэму «Наложница» («Цыганка») и печатает из нее отрывок, Баратынский делает замечание: «Боюсь, не чересчур ли он романтический». В следующем письме, 24 января 1830 года, Баратынский пишет Вяземскому: «перифразы не имеют большого достоинства» (там же, стр. 48).

Итак, по мнению Пушкина, русский язык должен быть обработан, и лабораторией такой обработки должна быть проза, наименее обработанный участок русского литературного языка. В этом уже заключается оценка деятельности Карамзина в области реформирования языка русской прозы.

Направление, в котором Пушкин намечает необходимость развития и обогащения языка, сводится главным образом к тому, чтобы сделать литературный язык удобным и гибким орудием мысли, придать ему точность и предельную ясность, которая не уступала бы ясности и точности французского языка. Но Пушкин не забывал, что язык не самоцель, а средство. Развитие языка в этом направлении он рассматривал как необходимое следствие того, что наша литература явится выразительницей более широких идей, нежели те, которые в ней господствовали и создали свою традицию в словаре и фразеологии. Пушкин призывал русских писателей обратиться к вопросам учености, политики и философии. Он признавал, что в поэзии («блестящие игры воображения») язык уже достаточно обработан. Поэтому для разрешения очередных задач необходимо обратиться к прозе.

Но это разграничение литературного языка на стихотворный и прозаический было временной уступкой традиции. Уже в начале 20-х годов Пушкин считал не лишним в поэзии «сумму идей гораздо позначительнее» (XI, 19). Опыт «Евгения Онегина» привел его к убеждению о большей близости стихотворного языка к языку прозаическому, чем это следовало из традиционных представлений классицизма. «Блестящие выражения», которые он сперва изгонял только из прозы, к концу 20-х годов кажутся ему излишними и в поэзии. К 1827 году еще относится афоризм, в котором, хотя и иронически, разграничиваются стилистические сферы прозы и стихов: «У нас употребляют прозу как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужной мысли, а токмо для приятного проявления форм» («Материалы к „Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям“»; XI, 60). Но в прямой зависимости от этого афоризма находится заметка 1828 года о поэтическом слоге, где это разграничение по существу отрицается: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному... У нас это время, слава богу, еще не приспело, так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем» (XI, 73).

Так в глазах Пушкина падают границы между стихами и прозой. Вопрос о языке поэзии он решает в направлении, противоположном предложению Кюхельбекера «возвышаться... над низким языком черни».⁶ Сближение языка стихов с языком прозы требует отказа от условных украшений, приближения к благородной простоте, а это сближает поэзию с просторечием, делает ее народной.

Почти одновременно с этой заметкой Пушкин набрасывал свои возражения критике журнала «Атеней», напечатанному разбор четвертой и пятой глав «Евгения Онегина». Свою антикритику Пушкин написал с мыслью, чтобы она послужила «для назидания молодых словесников» (XI, 70). Кри-

⁶ «Мнемозина», ч. II, 1824, стр. 30.

тик неблагосклонно отозвался о стихе «Пропало всё, что звук пустой». Пушкин отвечает:

«Частица что вместо грубого как употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет ее.

«Кстати о Крылове. Вслушивайтесь в простонародное наречие, молодые писатели — вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах» (XI, 71).

В ответ на обвинение в неправильности форм «мольвь» и «топ» (вместо топот) Пушкин говорит: «На сие замечу моему критику, что роп, топ и проч. употребляются простолюдинами во многих русских губерниях. Мне случалось также слышать стукот вместо стук» (XI, 72).⁷ Так Пушкин защищал право художника обращаться к просторечию, и это относится не только к прозе, но и к стихам.

Требования, которые предъявлял Пушкин к поэтическому слогу, ясны из его критических замечаний о современных поэтах. Так, в письме Л. С. Пушкину (4 сентября 1822 года) он осуждает В. Кюхельбекера за «мысль воспевать Грецию, великолепную, классическую, поэтическую Грецию, где всё дышит мифологией и героизмом — славяно-русскими стихами, целиком взятыми из Иеремия» (XIII, 45). Ведь с точки зрения классических стилей именно славянизмы приличествовали героической теме древней Греции. Вместо принципа высокости Пушкин выдвигает принцип характерности стиля. Слог церковных книг не вяжется с представлением о Греции, даже современной. Греция неизбежно вызывает в воображении мифологические представления, несовместимые с библейскими сюжетами.

Приблизительно в это же время Пушкин, отмечая ошибки Рылеева, в один ряд ставит промахи исторические и промахи языка. В письме брату (январь 1823 года) он указывает на «полуденную денницу» Рылеева, его же «герб российский на вратах византийских» (XIII, 54), как типичные примеры неточности. Употребление слова «денница» в неточном значении для Пушкина равносильно историческому анахронизму, заключающемуся в выражении «щит с гербом России» (об Олеговом щите). Требование точности выражения — первое требование, предъявляемое Пушкиным к слогу.

В уже цитированном письме к брату от 4 сентября 1822 года заключается оценка стихов Плетнева, являвшегося эпигоном школы Жуковского: «... Плетневу приличнее проза, нежели стихи: он не имеет никакого чувства, никакой живости — слог его бледен, как мертвец» (XIII, 46). С этим можно сопоставить характеристику стиля Языкова, данную в рецензии на «Невский альманах» в «Литературной газете» (1830, № 12, 25 февраля): «... сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостью, ему свойственною». Заметка заканчивается определением: «слог Языкова твердый, точный и полный смысла» (XI, 117). Здесь же, впрочем, Пушкин выражает сожаление, что Языков не выходил из пределов «одного слишком тесного рода», и из строф «Евгения Онегина» мы знаем, что Пушкин думал здесь об элегии.

В 1836 году в «Современнике» Пушкин напечатал разбор «Фракийских элегий» В. Теплякова. Отметив стихи:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, как дальний шум победной колесницы!..
Белее волн хитон перловый,
Святей их ропота слова... .

⁷ Слово «стукот» находится в записи сказки «Жених пропадает 3 года» (1825); см.: Рукою Пушкина. Труды Пушкинской комиссии, изд. «Academia», 1935, стр. 412.

Печально струн ее бряцанье:
 В нем сердцу слышится изгнанье;
 В нем стон о родине звучит,
 Как плач души без упования —

Пушкин пишет: «всё это не точно, фальшиво, или просто ничего не значит» (XII, 84). Между тем именно подобные иносказания когда-то воспринимались как высокие поэтические украшения. Резюмируя достоинства и недостатки Теплякова, Пушкин находит у него «силу выражения, переходящую часто в надутость, яркость описания, затемненную иногда неточностью...; главные недостатки: напыщенность и однообразие» (XII, 90).

С этими оценками можно сопоставить характеристику стихов Вольтера в сравнении со стихами новейших французских романтиков:

«Признаемся в *гососо* нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах мы находим более *слога*, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера — напыщенным языком Ронсара, живость его — несносным однообразием, а остроумие — площадным цинизмом или вялой меланхолией» (XII, 79).

Итак, достоинства стихотворного языка заключаются в силе, живости, точности, ясности мысли. Поэтические украшения, если они не служат большей яркости и точности мысли, являются только недостатком.

Среди прочих недостатков стихотворной речи Пушкин отмечает однообразие. Именно этому вопросу он посвятил несколько слов в связи с «Борисом Годуновым». В черновом наброске письма к издателю «Московского вестника» (1828) мы читаем по поводу классических трех единств: «Кроме сей пресловутой тройственности — есть единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно не предполагая, что можно оспорить его необходимость), единство слога — сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру» (XI, 66—67). Единство слога — естественное следствие той системы, в которой стиль приводится в точное соответствие с жанром, и каждое произведение в силу принадлежности к данному жанру пишется predetermined стилем назначенной для него высоты. Отсюда требование не смешивать трагическое с комическим, высокое с низким. Отсюда особенный тон речей в трагедиях классиков, который Пушкин характеризовал как «странный, не человеческий образ изъяснения», как «робкую чопорность, смешную надутость»; в трагедиях Сумарокова Пушкин находил «варварский, изнеженный язык». И Пушкин защищал право трагика на престоличье, «ибо мы чувствуем, что и знатные должны выражать простые понятия, как простые люди» («О народной драме и драме „Марфа посадница“, 1830; XI, 179).

В этом отрицании однообразия, единства слога заключается одновременно и отрицание иерархии замкнутых стилистических систем, связанных не с предметом изложения, а с жанром произведения, и карамзинского критерия приятного слога, применявшегося к произведениям, весьма различным по своей природе.

Естественно, что против принципа однообразия Пушкин выдвигал необходимость всяческого обогащения языка. Однако любопытно, что при всем своем стремлении к новизне литературных форм Пушкин никогда не выходил за пределы исторически сложившихся языковых фондов. Защищая себя от нападений критики на «Полтаву», Пушкин отмечает как доказательство «зрелости» поэмы то, что в ней «всё почти оригинально», и к этому прибавляет:

«а мы из этого только и бьемся, хоть это еще и не главное» («Опровержение на критики»; XI, 158). Однако никогда Пушкин не смешивал оригинальности с оригинальничанием. Известно, что у Пушкина мы не находим неологизмов.⁸ Но к существующему в разных сферах запасу слов и оборотов Пушкин обращался без того строгого отбора, который обычен для предшествующих стилистических систем. Пушкин не исключал из литературного словаря слов живого разговорного языка, а ставил вопрос о том, при каких условиях употребление того или иного слова уместно. Полемизируя с карамзинским принципом «вкуса», Пушкин писал:

«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» («Отрывки из писем, мысли и замечания»; XI, 52).

В поисках нужных оборотов Пушкин обращался к разнообразным слоям языка. Для него в равной степени были ценны и книжные и устные источники: «Простонародное наречие необходимо должно было отделяться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» («О предисловии г-на Лемонте...», 1825; XI, 31). И Пушкин писал о разговорном языке:

«Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований... не худо нам иногда прислушиваться к московским просвириям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» («Опровержение на критики», 1830; XI 149). Здесь Пушкин обращает внимание на живой разговорный язык главным образом как на средство освободиться от тех произвольных галлицизмов, которые проникают в русский язык тех, кто привык обращаться к французскому языку. Пушкин и за собой чувствовал некоторую неуверенность в правильности языка. Он составил даже список своих ошибок, отмеченных критикой. В нем мы находим примеры галлицизмов, которые Пушкин исправил, несмотря на недоброжелательность, с которой были сделаны критические замечания: «остановляя взор на отдаленные громады» (ср. *il fixait ses regards sur les montagnes*) — исправлено: «вперял он неподвижный взор»; и «был отказан» (*fut refusé*) вместо «ему отказали» (в примечаниях к «Полтаве»). Последняя ошибка возникла потому, что Пушкин употребил глагол «отказать» с управлением винительным падежом вместо дательного и на этом

⁸ Вряд ли можно считать неологизмами такие слова, как «вольнoлюбивый», хотя этого слова и нет в словарях, изданных до Пушкина. Это слово возникло на основании наличия в русской лексике второй основы сложных слов, не употребляющейся самостоятельно, но допускающей присоединение к ней любой первой основы, удовлетворяющей определенным морфологическим условиям: «-любие», «-любивый» (ср. -мыслие, -головый, -палый в словах «вольномыслие», «длинноголовый», «шестипалый»). Основа эта, как и ей подобные, весьма продуктивна и подсказывает незамкнутый ряд сложений. В «Словаре Академии Российской» (ч. III, 1792, стб. 1376, 1377) приведены слова «братoлюбивый», «богoлюбивый», «челoвекoлюбивый», а в «Словаре церковно-славянскогo и русскогo языка» (т. I, 1847, стр. 404) — «женoлюбивый» с цитатой из «Книги царств». Цензура выкинула из послания «Чаадаеву» стих: «Вольнолюбивые надежды оживим», и Пушкин писал по этому поводу Н. И. Гречу (21 сентября 1821 года): «... уж эта мне цензура! Жаль мне, что слово вольнолюбивый ей не нравится: оно так хорошо выражает нынешнее libéral, оно прямо русское, и верно почтенный А. С. Шишков даст ему право гражданства в своем словаре, вместе с шаротыком и с топталищем» (XIII, 32). (См. по этому поводу: В. В. Вияго р а д о в. Из истории русской литературной лексики. «Ученые записки Московского Гос. педагогического института имени В. И. Ленина», т. XLII, 1947, стр. 6—7). Современные словари отказываются от исчерпывающей регистрации всех возможных сложений подобных основ и регистрируют их в качестве самостоятельных лексических единиц с приведением иллюстрирующих сложение примеров.

основании образовал страдательный оборот.⁹ Но, осуждая галлицизмы, Пушкин отнюдь не отказывался от исторического наследия литературного языка. «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре... Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрезаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка» («Письмо к издателю А. Б.», 1836; XII, 96). Пушкин с интересом вникает в язык пословиц и поговорок, внимательно просматривает старинные сборники и исторические документы. О повышенном интересе Пушкина к истории языка свидетельствуют его заметки по поводу «Слова о полку Игореве» («Песнь о полку Игореве»).

Пушкину не были чужды представления о стилистических системах литературного языка, но он не представлял их в форме иерархических пластов, расположенных горизонтально один над другим: низкий, средний и высокий стиль. Он писал о том, что разным жанрам присущ разный стиль, но эти стили представлялись для него сосуществующими параллельно и ограниченными только практически необходимым разнообразием жанров. Вот отдельные замечания Пушкина по этому поводу: «Нам случилось в „Энциклопедическом Лексиконе“ (впрочем, книге необходимой и имеющей столь великое достоинство) найти в описании какого-то сражения уподобление одного из корпусов кораблю или птице, не помним наверное чему: таковые риторические фигуры в каком-нибудь ином сочинении могут быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но в словаре они во всяком случае нестерпимы» («Словарь о святых», 1836; XII, 102).

Пушкин придавал большое значение выработке стиля исторического повествования и при работе над «Историей Пугачева» обращал на слог большое внимание. Еще в 1830 году в разборе «Истории русского народа» Н. Полевого Пушкин обратил внимание на недостатки слога, в результате чего в изложении «всё обезображено, перепутано и затемнено» (XI, 123). Пушкин считал первой задачей историка дать «факты, точные известия и ясное изложение происшествий» («Об „Истории Пугачевского бунта“»; IX, 392). Пушкина очень затронуло замечание критика, обвинившего его в том, что «История» «писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистью Байрона и проч.» («Об „Истории Пугачевского бунта“»; IX, 379). По поводу этой критической статьи Пушкин писал И. И. Дмитриеву (26 апреля 1835 года): «...приношу искреннюю мою благодарность... за утешительное ободрение моему историческому отрывку. Его побранивают, и по делом: я писал его для себя, не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я всё это отбросил в примечания. Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою, то охотно отсылаю их к г. Полевому, который вероятно, за сходную цену, возьмется идеализировать

⁹ Однако, признав неправильным управление «отказать кого» (вместо кому), Пушкин, повидимому, не согласился с критиком, утверждавшим, что неправильно и управление «отказать что» (вместо в чем). Во всяком случае, он оставил без поправки стихи «Полтавы»:

Не он ли помощь Станиславу
С негодованьем отказал...

это лицо по самому последнему фасону» (XVI, 21). В этом замечании заключается два аргумента в пользу скупого и сжатого, но ясного изложения событий без поэтических прикрас: во-первых, неуместность применения фигурального стиля в деловом изложении, требующем точности и ясности, а во-вторых, и то, что подобный стиль искажает характер главного героя повествования, превращая вождя крестьянского восстания в романтического пирата.

Этот второй аргумент для Пушкина имел гораздо более силы, чем первый. Пренебрегая предопределенным для каждого жанра стилем, Пушкин искал стиля, содействующего наиболее верной характеристике персонажей, положений и понятий, вводимых в произведение.

Характерность и типичность — основные черты того нового литературного направления, к которому Пушкин пришел в середине 20-х годов. Эта новая литературная система, которую мы называем реализмом, но которая во время Пушкина не имела определенного названия, требовала новых стилистических средств. Глубокие изменения в литературном слоге, какие вносит в русскую поэзию и прозу творчество Пушкина, всецело подчинены требованиям реалистического искусства, основным законом которого является изображение типического. Система романтического обобщения, лежавшая в основе выведшихся на сцену характеров, во многих отношениях являлась продолжением системы классицизма. Это обобщение состояло в том, что характер героя сводился к некоторым общим психологическим чертам, обычно к страстям, находившимся в состоянии внутренней борьбы, в трагическом противоречии, и этот характер гиперболизировался, ему сообщалось некое величие, исключительность. Романтизм отличался от классицизма самой концепцией излюбленных характеров, их этическим осмыслением. Отсюда и некоторые отличительные черты в методе разработки. Классицизм, вырывая героя из исторически обусловившей его обстановки, переносил его в некоторую условную трагическую среду, а самого героя возводил в ранг древнего царя в совершенно условном осмыслении. Этим достигалась необходимая свобода поведения, предоставлявшая широкое поле для развития трагического конфликта. Романтики отказались от царей, отказались от условной обстановки «единого места» и перенесли индивидуалистически настроенного героя в экзотическую обстановку с своеобразным, но по существу тоже условным колоритом.

Впервые реализм поставил вопрос о социальном генезисе характера и связывал изображение героя с той средой, из которой он вышел и которая исторически его обусловила. При этом брался не исключительный характер, а тот, который характеризовал тенденции исторического развития социальной среды, к которой он принадлежал: изображались представители борющихся исторических сил как прогрессивных, так и реакционных или консервативных в их наиболее показательной форме. Отсюда характерно стремление воспроизвести социальную среду в ее бытовой типичности. Поэтому для реалистического метода характерно разнообразие в обрисовке выводимых лиц, в типическом своеобразии каждого. Характеры детализуются в гораздо большей степени, вплоть до их внешних черт, костюма, обыденного поведения, бытовых привычек. Все это требует соответствующего разнообразия стилистических средств. Именно для реалистического изображения человека приобретает особое значение то, что стилистическая природа речи характеризует в наиболее полной форме психологические черты говорящего, носителя речи, в его отношении к внешнему миру, в его склонностях, симпатиях и антипатиях.

Именно руководствуясь необходимостью при изображении типического выбирать средства языка, окрашенные стилем, вызывающим наиболее ясные

представления о характере говорящего (будь это персонаж рассказа или сам рассказчик), Пушкин обращается к историческому запасу языковых средств, наиболее богатых ассоциациями. Этим, между прочим, объясняется его тяготение к употреблению идиоматических выражений, «летучих слов», известных цитат, вообще всей фразеологии, с которой связаны отложившиеся в сознании читателей ассоциации. Эти цитаты, поговорки, идиомы применяются и в обычном и в пародическом (обычно каламбурном) осмыслении. Но это лишь одна, хотя и характерная, черта стиля Пушкина. К ней не сводится всё богатство стилистических приемов, вводимых Пушкиным и в прозу и в стихи начиная с «Евгения Онегина». Для Пушкина каждое слово, каждый оборот обладали своим индивидуальным стилистическим колоритом, определявшимся всей совокупностью ассоциаций, связанных с этим словом или выражением, ассоциаций разного порядка — и чисто языковых (как, например, принадлежность слова тому или иному историческому пласту языка), и ассоциаций бытового или иного культурного порядка. В реалистическом стиле вопрос об уместности отдельных слов или выражений в той или иной стилистической системе вытесняется вопросом об уместности слова или оборота в каждом данном индивидуальном случае, в зависимости от темы или предмета высказывания и того отношения к предмету, который вкладывается в слова писателей.

5

Н. Г. Чернышевский так определил роль Пушкина в истории языка: «Кроме стиха, Пушкин должен был выработать себе и язык, конечно, представлявший очень много затруднений. В самом деле, язык Пушкина чрезвычайно много разнится от языка Жуковского и Карамзина. Наконец, Пушкин должен был бороться с приемами, которые были введены в привычку прежними стихотворцами, он должен был отбрасывать множество употребительных в тогдешнее время выражений, которые сами собою подвертывались под перо и между тем уже не годились для его поэзии. Эта борьба с устарелым слогом, уже не существующая для нас, благодаря решительной победе Пушкина, должна была стоить ему многих трудов, потому что, несмотря на все исправления, оставила в его стихах некоторые следы. Теперь никто не будет отрицать, что у Пушкина часто встречаются устарелые и для его времени фразы. Ему было надобно много усилий, чтобы изгонять таких неотвязных гостей».¹

Новую систему стиля Пушкин утвердил не столько в своих высказываниях по вопросам литературного языка, сколько в своих произведениях. Утверждение этого стиля наблюдается начиная с середины 20-х годов, со времени работы над «Евгением Онегиным». Пушкин выработывал реалистический стиль одновременно и в стихотворных и в прозаических произведениях на основе приближения стихотворной речи к прозаической. Это стремление сблизить стихотворные жанры с прозаическими сказалось уже в подзаголовке, избранном для определения жанра «Евгения Онегина»: роман в стихах. Термин «роман» применялся исключительно к прозаическим формам повествования. Назвав свое произведение романом, Пушкин сразу приблизил свой замысел к прозаическим формам. При этом дело шло не только о слоге, но главным образом о сюжетном построении, о приемах характеристики героев и т. д. Особенности слога проистекали из общих заданий.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, 1949, стр. 469, первоначально «Современник», 1855, № 3, отд. III, стр. 24—25.

Стиль романа отличается сложностью, зависящей от сложности его построения. Пушкин избрал строфическую форму и создал для романа особую строфу — «онегинскую», из четырнадцати стихов определенной рифмовки. Такая строфа по своим размерам превышала нормальные размеры лирических строф (пределом строфы считалась одическая строфа в десять строк). Это давало возможность в пределах строфы в достаточной мере развивать ее тему. По системе рифмовки онегинская строфа отличается замкнутостью и внутренней расчлененностью. Три последовательных четверостишия строгой рифмовки замыкаются двустушием, скрепляющим всю строфу. Это придает законченную самостоятельность каждой строфе. Первое четверостишие, наиболее автономное в строфе, содержит тезис — краткую формулировку темы строфы. Два следующие четверостишия, отличающиеся более прихотливой рифмовкой, а потому не в такой степени отграниченные одно от другого, развивают тему. Заключительное двустушие афористически замыкает строфу. Это, конечно, не строгий закон, но очень ясно выраженная тенденция. Прочитав, например, одни первые четверостишия строф подряд, мы можем уловить с достаточной полнотой ход развития повествования. С другой стороны, последние двустушия строф по большей части заключают в себе самостоятельные сентенции, подготовленные темой строф:

Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

Там, там, под сению кулис
Младые дни мои неслись.

Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет.

Простим горячке юных лет
И юный жар, и юный бред.

Привычка свыше нам дана:
Замена счастью она.

Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

Всё это создавало условия для того, чтобы непрерывно менять тему, ибо каждая строфа представляла собой как бы небольшое стихотворение. Постоянные «отступления» — вот характерная черта стихотворного романа Пушкина. Постоянная смена тем, свободное отклонение от главной нити рассказа вызывало и разнообразие тона — от иронического и насмешливого до мечтательно-лирического. Это постоянное скольжение от шутки до серьезного рассказа требовало разных стилистических средств, и именно здесь, в «Евгении Онегине», мы можем наблюдать ту свободу, с которой Пушкин обращается к разнообразным стилистическим краскам русского языка. Хотя основной тон, особенно в первых главах, окрашен легкой иронией дружеской беседы с читателем, но даже в первой главе встречаются, по выражению Пушкина, «некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий» (предисловие к первому изданию первой главы; VI, 638), притом не всегда в пародическом плане, как можно было бы заключить по этому выражению поэта. Уже в первой главе Пушкин дает ряд бытовых картин города с характерной разговорной лексикой, типичной для того стиля, который в критике часто сопоставляли с фламандской живописью:

Еще амуры, черти, змен
На сцене скачут и шумят;

Еще усталые лакеи
 На шубах у подъезда спят;
 Еще не перестали топтать,
 Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать...
 (Стр. XXII)

Или:

Встает купец, идет разносчик,
 На биржу тянется извозчик,
 С кувшином охтенка спешит,
 Под ней снег утренний хрустит.
 (Стр. XXXV)

И рядом с этим разработка иных тем в элегическом стиле:

Я помню море пред грозой:
 Как я завидовал волнам,
 Бегущим бурной чередою
 С любовью лечь к ее ногам!
 (Стр. XXXIII)

Или:

Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснился темный ум.
 Свободен, вновь ищу союза
 Волшебных звуков, чувств и дум...
 (Стр. LIX)

Начиная с третьей главы в романе появляются описания русской северной природы. Это совпадает со временем ссылки Пушкина в Михайловское. Таково первое описание сельского утра:

Но вот уж лунного луча
 Сиянье гаснет. Там долина
 Сквозь пар яснее. Там поток
 Засеребрился; там рожок
 Пастуший будит селянина.
 (Гл. III, стр. XXXII)

Именно эти пейзажные зарисовки, контрастировавшие с «роскошными» картинами южной природы в ранних поэмах, вызвали замечание Пушкина:

Но, может быть, такого рода
 Картины вас не привлекут:
 Всё это низкая природа;
 Изящного не много тут...
 (Гл. V, стр. III)

Постоянное скольжение от темы к теме, от одного стилистического колорита к другому, в зависимости от смены тем, давало возможность резких переходов. Таковы, например, строфы XXXI—XXXIII и XXXVI—XXXIX главы шестой — размышления о возможной судьбе убитого Ленского. Уже самые размышления о смерти поражают контрастами стиля. Сперва Пушкин пишет высоким слогом:

Дохнула буря, цвет прекрасный
 Увял на утренней заре,
 Потух огонь на алтаре!..
 (Стр. XXXI)

Но тон постепенно снижается. В следующей строфе поэтическое сравнение берется из бытовой обстановки:

Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.

В следующей строфе снижение еще резче:

Приятней, если он, друзья,
Завоеет сдуру: это я!

Но чаще эти сломы стиля с подчеркнутой резкостью появляются в тех местах, где замечается пародия.

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)

(Гл. IV, стр. XLII)

Или:

Но вот багряною рукою
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.

(Гл. V, стр. XXV)

И в той же строфе еще резче:

Лай мосек, чмоканье девиц и т. д.

Ирония Пушкина направлена главным образом против эпигонского романтического стиля. Элегия Ленского, состоящая из общих мест лирики 20-х годов, сопровождается комментарием:

Так он писал темно и вяло
.....
На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал...

(Гл. VI, стр. XXIII)

Особенно претят Пушкину модные слова. Делая предположение о раздражительности характера Онегина, Пушкин пишет:

Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон...

(Гл. VII, стр. XXIV)

И в другом месте:

Как стих без мысли в песне модной
Дорога зимняя гладка.

(Гл. VII, стр. XXXV)

Ср.:

Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей...

(Гл. IV, стр. XXX)

Я не люблю альбомов модных...

(«И. В. Слениву»)

Изменение литературного направления и стилистической системы сравнительно с романтическим периодом Пушкин охарактеризовал в известных строфах «Путешествия Онегина» (VI, 200, 201):

Мир вам, тревоги прошлых лет!
 В ту пору мне казались нужны
 Пустыни, волн края жемчужны,
 И моря шум, и груды скал,
 И гордой девы идеал,
 И безыменные страданья...
 Другие дни, другие сны;
 Смирились вы, моей весны
 Высокопарные мечтанья,
 И в поэтический бокал
 Воды я много подмешал.

И далее:

Тьфу! прозаические бредни
 Фламандской школы пестрый сор!
 Таков ли был я, расцветая?
 Скажи фонтан Бахчисарая? и т. д.

Всё это показывает, что расширение стилистической базы сопровождалось и отсечением определенных литературно-стилистических участков, куда относился и «высокопарный» стиль романтизма, и бессмысленная гладкость модных песен.

Реформа Пушкина не совпадает с романтической реформой французских поэтов 20-х и 30-х годов. Основы этой реформы поэтически изложены в двух стихотворениях В. Гюго в его сборнике «Les Contemplations» (1856): «Ответ на обвинительный акт» (январь 1834 года) и «Продолжение» (октябрь 1854 года). Свою реформу Гюго рассматривает как борьбу только против строгих правил классицизма, восходящих к замечаниям Вожла. Основное, что приходилось преодолевать романтикам, это запрещение «подлых» слов и их замену перифразами, особенно характерными для последних десятилетий классицизма. Борьба романтиков и классиков, возникшая во втором десятилетии XIX века и развившаяся в очень резких формах, сразу ограничила направление молодых поэтов только борьбой с традиционным классицизмом, в той его форме, какую он получил в курсах Баттё и Лагарпа. О борьбе французских романтиков с классиками в области стиля и стихосложения Пушкин писал в одной из заметок, предназначавшихся для «Отрывков из писем, мыслей и замечаний». Здесь, касаясь вопроса о смелости выражений, как примеры мелочного отношения к слову Пушкин приводил суждения о Расине и Делиле:

«Французы доныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово *rauté*, помост... И Делиль гордится тем, что он употребил слово *vasche*. Презренная словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике. Жалка участь поэтов (какого б достоинства они впрочем ни были), если они принуждены славиться подобными победами над пред-рассудками вкуса!» (1827; XI, 61).

К этому же вопросу Пушкин вернулся в рецензии на книгу Сент-Бева «Жизнь, стихотворения и мысли Иосифа Делорма»: «Нам показалось, что Делорм слишком много придает важности нововведениям так называемой романтической школы французских писателей, которые сами полагают слишком большую важность в форме стиха, в цензуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п.

Всё это хорошо, но слишком напоминает гремушки и песенки младенчества» (1831; XI, 200).

Пушкин отрицал стилистические нормы французских классиков, их «странный, нечеловеческий образ изъяснения», навязанный им вкусами придворных («О народной драме и драме „Марфа посадница“»; XI, 179). Однако романтическая реформа казалась ему мелочной, стихи романтиков сохраняли «жеманство лже-классицизма французского» («Письмо к издателю „Московского вестника“»; XI 67; см. уже приведенную оценку романтических поэтов в сравнении со стихами Вольтера).

Виктор Гюго в указанных стихотворениях не выходит за пределы полемики с нормами классицизма. Свою борьбу против строгих запретов классиков он ставит в один ряд с французской революцией, себя изображает якобинцем за то, что уравнивал права слов:

Je fis souffler un vent révolutionnaire.
Je mis un bonnet rouge au vieux dictionnaire.
Plus de mot sénateur! plus de mot roturier!
Je fis une tempête au fond de l'encrier...²

Эту «бурю в чернильнице» В. Гюго приравнивал чуть ли не к космической катастрофе: еще бы — он боролся против школьных пиитик:

Discours affreux! — Sylleps, hypallage, litote,
Frémirent; je montai sur la borne Aristote,
Et déclarai les mots égaux, libres, majeurs.³

Главную заслугу свою В. Гюго видит в освобождении языка поэзии от перифраза, от обязательного эпитета (украшающего), от «благородных» слов:

J'étais du cou du chien stupéfait son collier,
D'épithètes; dans l'herbe, à l'ombre du hallier,
Je fis fraterniser la vache et la génisse...
J'ai fait plus; j'ai brisé tous ces carcans de fer
Qui liaient le mot peuple, et tiré de l'enfer
Tous ces vieux mots damnés, légions sépulcrales;
J'ai de la périphrase écrasé les spirales...⁴

Таким образом, если некоторые стилистические тенденции В. Гюго и Пушкина совпадают, то только в пределах борьбы с архаическими требованиями поэтики классицизма (например, борьба с перифразами), что для В. Гюго было основной задачей, в то время как Пушкин преодолевал стилистические вкусы литературной школы, пришедшей на смену классицизму. Стилистическая практика В. Гюго расходилась с практикой Пушкина. В качестве положительного начала В. Гюго выдвигал абстрактный принцип «освобождения мысли». Стилистической характеристики слова он коснулся только в «Продолжении», и то затуманил мысль потоком метафор и сравнений. В собственной практике В. Гюго преодолел

² Я взвил революционный вихрь, я надел красный колпак на старый словарь. Нет больше слов-сенаторов! Нет больше подлых слов! Я поднял бурю в чернильнице....

³ Ужасная проповедь! Силлепс, гипаллага, литота задрожали; я поднялся на аристотелев столб и провозгласил слова равными, свободными, совершеннолетними.

⁴ Я снял с шеи удивленного пса его ошейник эпитетов; в траве, в тени кустарника я породнил корову и теллицу... Я сделал более того; я разбил все железные кандалы, связывавшие народное слово, и вернул из Аида все осужденные старые слова, погребальные легионы; я раздавил извивы перифраза... (V. Hugo. Les Contemplations, v. I. 1856, стр. 28, 31).

только обязательные перифразы классицизма, не преодолев самого принципа перифрастического стиля. Стихи Гюго не вышли за пределы приукрашенного риторизма. Достаточно привести несколько начальных стихов из произведений, собранных в том же сборнике: «Как смеется утро на плачущих розах», «Таинственный пруд, саван из белых муаров», «Земля перед солнцем то же, что человек перед ангелом», «Всякая совершенная ошибка есть темница, которую себе открывают» и т. д.

По существу В. Гюго провозгласил только равенство слов. Но что такое равенство слов в стилистическом отношении? Значит ли это только равное право на применение или же это означает уничтожение стилистического различия между высоким и низким словом, иначе говоря, стилистическую нейтрализацию?

Можно встретить иногда попытку характеризовать стилистическую реформу Пушкина тем, что он якобы безразлично употреблял слова разных стилистических слоев и, смешав книжное с разговорным, уже не приписывал контрастировавшим ранее словам различную стилистическую окраску.

Смещение высоких слов с просторечием наблюдалось и ранее, задолго до Пушкина, но в XVIII веке, как уже говорилось, оно всегда имело задачей произвести комический эффект. Не сменяя темы, не сталкивая противоположных идей, в пределах единого рассказа, в передаче неразложимого действия сталкивали слова противоположных стилистических полюсов, слова высокопарные и вульгарные.

Таковы, например, стихи Н. Радищева из «Алеши Поповича»:

Так будь теперь псаломщик мой;
Поди — хочу вкусить покой...

Храпяща витязя сурова
Без страха он тогда узрел...⁵

Это те самые сочетания славянизмов и вульгаризмов, примерами которых А. С. Шишков доказывал, что церковно-славянский язык и русский — два стиля единого языка.

Таких примеров мы не найдем у Пушкина, разве что в его лицейских стихах или в «Руслане и Людмиле», еще не освободившейся вполне от некоторых традиционных черт «шутливых поэм». В основе этих примеров лежит твердое сознание разностиля, и именно стилистический контраст является источником комического.⁶

Другое дело соединение слов, прежде принадлежавших разным стилям, при утрате ими стилистического различия. Нейтрализация стилистических контрастов происходила на протяжении как XVIII, так и XIX века.

Эта нейтрализация происходила параллельно стилистическому размежеванию разговорной и книжной стихии и представляла собой явление нормального развития языка, наряду с изменением значений и т. п. Вряд ли можно говорить о стилистической перестройке, если, например, слово «высокопарный», встречающееся у Ломоносова в положительном смысле, уже к концу века приобрело характер осудительный (стало синонимом слова «ходульный») или слово «допускать» из разряда высоких литературных слов (так еще у Пушкина в «Анджело») передвинулось в разряд нелитературных просторечных.

⁵ Н. Радищев. Алеша Попович, М, 1801, стр. 11, 14.

⁶ Несколько иначе обстояло дело со смещением просторечия и церковно-славянизмов, наблюдаемое в переводе «Илиады» Н. Гнедича. Там это соединение создавало впечатление некоей архаической простоты; но там отсутствовали вульгаризмы, зато допускались древнерусские и народнопоэтические слова.

Но нейтрализация происходила и в более широких границах: противопоставление церковно-славянского языка русскому в годы деятельности Ломоносова сознавалось гораздо резче, чем к концу века, потому что до 30-х годов XVIII века высокая литература не обращалась к русскому языку, а к началу XIX века уже существовала богатая русская литература од, трагедий, торжественных слов и т. п., впитавшая в себя много церковно-славянизмов, и они в какой-то степени ассимилировались с русским фоном возвышенной лексики. Достаточно отметить, что источником высокой лексики были не только церковно-славянизмы, но и мифологические имена, «красивые» варваризмы («урна», «перлы», «гармония», «музыка», «натура» и т. п.),⁷ а также слова «возвышенного» значения, независимо от их происхождения (названия цветов, драгоценных камней, предметов искусства, некоторых явлений природы, излюбленных поэтами, и пр.). Словарное смешение повлекло за собой и разрушение точных границ высокого и простого слога. Однако эта ограниченная нейтрализация восполнялась новыми приобретениями поэтического словаря с соответствующей стилистической окраской. Поэтому стилистическая (частичная) нейтрализация не приводила к стиранию контрастов и к стилистическому обеднению.

У Пушкина мы не замечаем стремления к «ровному», нейтрализованному стилю, какое заметно было у сентименталистов. Для него слово не перестает сохранять свою окраску, но стилистический колорит слова Пушкин ищет не только в литературном употреблении, не только в канонических слоях высокого, среднего и низкого стиля, но во всем многообразии речевой практики, в том числе и в литературной традиции.

Стилистическая окраска слова, данная в его собственных исторических судьбах, а не в искусственной системе стилистических слоев классической иерархии, является для Пушкина источником характеристики героев, рассказчика и даже самых идей, на столкновении которых строится лирическое движение.

6

Обратимся к некоторым формам стилистической характеристики в произведениях Пушкина.

Остановимся прежде всего на тех случаях, где речевая характеристика подсказывает отклонение от норм литературного языка. Таковые характеристики исторических персонажей, затем крестьян и, наконец, характеристика всех тех, кто по той или иной причине плохо владеет русской речью или совсем ею не владеет. Во всех таких случаях привычным приемом является натуралистическая стилизация, документализм языка, часто утрированный. Демонстрация языковых форм иной эпохи или форм областных, диалектных и т. п. встречается в литературе разных направлений и разных эпох. Этот утрированный натурализм мы встречаем в комедиях XVIII века в речах крестьян или иностранцев (например, Вральмана), как прием комического «коверканья» языка. Встречается подобное явление в романтическую эпоху ради «колорита», в реалистическую — ради протокольной точности. Наблюдалось увлечение областными словечками и

⁷ См., например, в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814): «аллеи», «кристалл», «лилея», «наяды», «герои», «лира», «мирт», «факел», «олива», «скальд», «арфа» и др., не говоря о мифологических именах (Беллона, Элизиум) и гречизмах церковно-религиозного порядка — «алтарь», политического — «скиптр», «тиран» и др.

в наши дни, и М. Горький вел решительную борьбу против подобных увлечений.

Поучительно то, как Пушкин воспроизводит речь, уклоняющуюся от общепринятых норм литературного языка.

Протокольность в историческом повествовании встречается у Пушкина только один раз, в первом его историческом произведении, в котором он ставил себе задачей воспроизведение прошлого, — в «Борисе Годунове». В сцене «Равнина близ Новгорода-Северского» Маржерет и Вальтер Розен говорят по-французски и по-немецки, а первый из них произносит одну реплику на искаженном русском языке. Такая протокольность объясняется отчасти драматической формой, требующей особенного правдоподобия. В других произведениях этой протокольности мы почти не встречаем.

Исключительно редки лексические архаизмы при обрисовке речи персонажей прошлого. Так, в «Арапе Петра Великого» находим следующую реплику Петра: «Нравится ли тебе девушка, с которой ты танцевал минавет на прошедшей ассамблее?» (VIII, 27). В авторской речи везде «минуэт». В «Капитанской дочке» мы находим в языке капитана Миронова слова «фортеция» (глава VI: «коли возьмут фортецию приступом», но здесь же: «коли ты на крепость нашу надеешься»), «сикурс» («отсидимся или дождемся сикурса»), в языке Швабрина — «сатисфакция» (глава IV: «Вы мне дадите сатисфакцию»). Вообще же слова эти появляются лишь как сигналы на фоне лексики, не противоречащей нормам общего языка. Правда, некоторые реплики как бы цитатны, подобно тому, как цитатен циркуляр генерала в шестой главе «Капитанской дочки» или стихи Гринева в четвертой главе (эти стихи прямо взяты из чулковского песенника с некоторыми сокращениями и переделками). К таким цитатным речам относится речь церемониймейстера на ассамблее в «Арапе Петра Великого»: «подошед к сей молодой персоне», «сега ради имеешь ты быть весьма наказан» (VIII, 17), или слова Ивана Игнатьевича в «Капитанской дочке»: «Чаятельно, за неприличные гвардии офицеру поступки» (VIII, 295); «в фортеции умышляется злодействие, противное казенному интересу» (VIII, 302). К таким же цитатным формулам относятся стихи из набросков к переводу сказки Вольтера «Что нравится дамам» (1825, II, 445):

И дабы впредь не смел чудесить,
Поймавши истинно повесить
И живота весьма лишить.

Такие же цитаты находим в «Езерском»:

Вельми бе грозен воевода,
Гласит Софийский хронограф.

(Стр. II)

Там же встречается термин «в ответе», поясненный примечанием, формула «Сицких пересев» и пр. (ср. в «Пире Петра Первого» стих: «В Питербурге-городке»). Однако всё это относительно редко и не определяет основного типа характерологической системы Пушкина.

«Историзм» в речевой характеристике персонажей Пушкина никогда не переходил в условно эпическую стилизацию, обезличивающую говорящих, как это подчас бывало в повестях Марлинского, совмещавшего в стилизованной речи элементы народнопоэтические с славянизмами, с древнерус-

скими терминами и архаическими оборотами, независимо от характера говорящих. Для Пушкина существенным было индивидуализировать речь каждого персонажа. Поэтому он ограничивался редкими «сигналами» эпохи вроде приведенных выше слов и выражений, а остальное строил в пределах общих норм литературной речи (конечно, с допущением просторечия), заботясь только о том, чтобы избегать анахронизмов, т. е. слов, явно выпадающих из лексики изображаемой эпохи. В этом отношении любопытны замечания на роман Загоскина «Юрий Милославский»: «Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и костюма. Напр. новейшее выражение: *столбовой дворянин*¹ употреблено в смысле человека знатного рода (*мужа честна*, как говорят летописцы); *охотиться* вместо: *ездить на охоту*; *пользоваться* вместо *лечить*. Эти два последние выражения не простонародные, как, видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. *Быть в ответе* значило в старину: *быть в посольстве*. Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: *из сказки слова не выкинешь* вместо *из песни*. В песне слова составляют стих, и *слова не выкинешь*, не испортив *склада*: сказка — дело другое» (XI, 93).

Эти замечания достаточно обрисовывают и собственную практику Пушкина.

В пределах определенного таким образом языка Пушкин строит индивидуализованную речь своих персонажей. Их пристрастия, склонности, настроения, сказывающиеся в темах их разговоров и в их мнениях, являются первыми приметам «историзма».

Вообще же за пределами слов-сигналов, заимствованных из исторической лексики, приметой старорусского колорита является наличие просторечных слов, свойственных народной лексике. Таковы слова-обращения, как «батюшки», «батюшка-братец», «матушка», «старинушка», диалогические формулы просторечия: «слышь ты», «изволишь видеть», «полно врать» (в значении «довольно»), «подлинно», «беда, да и только» и пр., а особенно соответственно подобранные поговорки: «ни статья, ни сесть, ни дух перевести», «муж за плетку, а жена за наряды», «дай бог любовь да совет», «частый гребень да веник, да алтын денег» и т. д.

При этом исторические персонажи делятся на две категории: одни — причастные к старорусской культуре, к исконным формам русской речи, другие — тронутые европейской цивилизацией. Последние говорят на несколько ином языке, более литературном (хотя и в их языке присутствуют и формулы просторечия, и поговорки, но с меньшим национальным колоритом). Эти две речевые стили очень заметны уже в «Борисе Годунове», произведении, в котором принцип индивидуализации не так еще резко проведен и где речи героев в большей степени подчинены общему историческому колориту, своеобразной важной простоте, с которой связывалось представление о древнерусском укладе жизни. В «Борисе Годунове» это противопоставление русского европейскому особенно заметно в различии языка польских и русских сцен. В «Арапе Петра Великого» европейским колоритом окрашен не только язык первых (парижских) сцен, но и

¹ Любопытно, что, осудив выражение «столбовой дворянин» в романе, Пушкин в то же время считал его уместным в сказке в устах крестьянки:

Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой.

(«Сказка о рыбаке и рыбке», 1833)

язык диалогов и размышлений Корсакова, Ибрагима. Если речь Корсакова несколько утрирована, сигналом чего являются отдельные французские выражения («Entre vous», «Que diable est-ce que tout cela»), то речь Ибрагима, хотя и лишенная утрировки, однако в значительной степени более книжна, чем речь остальных персонажей. Вот, например, его размышления: «Отказавшись на век от милых заблуждений, я выбрал иные обольщения — более существенные» (VIII, 27). Диалоги Ибрагима и Корсакова резко отличаются и лексикой, и фразеологией, и синтаксисом от речей князя Лыкова и его домашних. В «Капитанской дочке» точно так же речи Швабрина не похожи на речи прочих действующих лиц.

Обратимся к иным формам стилизации. В поэзии 20-х годов и даже позднее большое место занимали произведения, окрашенные «восточным колоритом». В романтический период написаны «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан», в период после начала работы над «Евгением Онегиным» — «Подражания Корану», «В прохладе сладостной фонтанов...» и некоторые другие. Забота о восточном стиле заметна в данных произведениях. Так, «Кавказский пленник» изобилует восточными словами, поясняемыми в примечаниях автора. Слова эти ныне не кажутся экзотическими; вероятно, иначе обстояло дело в начале 20-х годов прошлого столетия, иначе необъяснимы были бы эти примечания. Но по существу только этими словами-сигналами и ограничилась стилизация первой романтической поэмы. Гораздо более пронизана «восточным колоритом» вторая поэма — «Бахчисарайский фонтан», но и здесь этот колорит более заключен в описаниях, чем в самом языке. Стилизованной является только вставная песня. В тексте самой поэмы имеется несколько слов-сигналов, но, что любопытно, они не выходят за пределы общеевропейской «восточной» лексики. Таковы слова: «факир», «гарем», «гяур», «эвнух», «чубук», «шербет», «Алкоран», но все они уже давно получили право гражданства не только в русском, но и в любом европейском языке. Этого еще нельзя было сказать про лексику «Кавказского пленника», где слова: «аул», «уздень», «сакля», «чихирь» не принадлежали к международному запасу восточных слов.

Достаточно обратиться к тексту «Абидосской невесты» и других поэм Байрона, чтобы убедиться, что все эти слова уже вошли в европейский обиход «восточной» поэзии; Пушкин отнюдь не стремился поразить читателя редкими образцами восточной речи.² По этому поводу можно напомнить отрицательное отношение Пушкина к восточному слогу. Еще в «Гаврииладе» мы встречаем иронический стих, сопровождающий пародию на псалмы:

Творец любил восточный, пестрый слог...

² Now call me the chief of the Harem guard («The Bride of Abydos», I, 3).

Resign'd his gem-adorn'd chibouque (ib., I, 8).

That did not seem to hold sherbet (ib., II, 8).

Ср.:

Nor there the Fakir's self will wait («The Giaour»).

And then his Highness' eunuchs, black and white («Don Juan», V, 146).

Эти же слова мы находим у Пушкина в стихах, к востоку не относящихся:

Докучным евнухом ты бродишь между муз...
Парнас не монастырь и не гарем печальный...

(«Послание цензору»)

И Пушкин писал Вяземскому, услышав, что Жуковский собирается перевести Т. Мура (2 января 1822 года): «Жуковский меня бесит — что ему понравилось в этом Муре? чопорном подражателе безобразному восточному воображению?» (XIII, 34). Более полно Пушкин разъяснил это в другом письме Вяземскому по поводу «Бахчисарайского фонтана» (март—апрель 1825 года): «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще — знаешь, почему я не люблю Мура? — потому что он чересчур уже восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. — Европеец, и в упоении восточной роскоши, должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так и прелестен в Гяуре, в Абидосской невесте и проч.» (XIII, 160).

Поэтому у Пушкина нет нигде перегрузки «восточным колоритом». В «Подражаниях Корану», кроме нескольких формул, мы не встретим никакого стремления копировать дух и слог Магомета. Пушкин далеко уходит от текста выбранных им отрывков Корана, влагая в свои переложения свои лирические темы и свою фразеологию, не воспроизводящую фразеологию того перевода, которым он пользовался (русский перевод Веревкина).

Исключением является стихотворение «В прохладе сладостной фонтанов...» (посвященное А. Мицкевичу как автору «Крымских сонетов»), пронизанное украшениями восточного слога:³

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремячим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснойбай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Метафорическая система этих стихов воспроизводит восточный стиль почти документально. Достаточно сопоставить с ними текст, принадлежащий крымскому поэту и относящийся к 1764 году: «Смотри! Этот увеселительный дворец, созданный великим умом хана, оправдывает мою хвалебную песнь. Это здание его радушием, подобно солнечному сиянию, озарило Бахчисарай. Смотри на живописную картину дворца, ты подумаешь, что это жилище гурий, что красавицы сообщили ему предель, что это нитка морского жемчуга, неслыханный алмаз! Смотри! вот предмет, достойный золотого пера».⁴ Однако не трудно уловить иронические ноты в этой стилизации («восточный краснойбай»), объясняемые тем, что Пушкин адресует свои стихи тому, кто в своих стихах воспроизводил восточный стиль без той сдержанности, какая свойственна была Пушкину.

³ Н. В. Измайлов. Мицкевич в стихах Пушкина (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов»). «Ученые записки Чкаловского Гос. педагогического института», вып. 6, 1952, стр. 171—214.

⁴ В. Гернгросс (Всеволодский). Ханский дворец в Бахчисарае. «Старые годы», 1912, апрель, стр. 3.

Характерна система перевода, которую применил Пушкин в прозаической передаче романса Д. Туманишвили. Приводя его во второй главе «Путешествия в Арзрум», Пушкин сопроводил следующими словами: «Голос песен грузинских приятен. Мне перевели одну из них слово в слово; она кажется сложена в новейшее время; в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство» (VIII, 457—458).

В бумагах Пушкина сохранился буквальный перевод песни, сделанный лицом, плохо владевшим русским языком. Но Пушкин не удовольствовался тем, что придал литературную форму, он сократил стихотворение, устранив повторения и совершенно исключив одну строфу, повидимому, находя, что заключающаяся в ней «бессмыслица» поэтического достоинства не имеет. Вот эта строфа в том переводе, которым располагал Пушкин:

Упоенная сладким триаком,
Приведенная оным в иступление,
От тебя, красавица, миры воспламеняющая,
От тебя ожидаю жизни, бессмертная!

С другой стороны характерно, что из двух параллельных переводов одного стиха, данных переводчиком: «юная луна» и «двухнедельная луна», Пушкин избрал более оригинальный и напечатал: «от тебя, луна двухнедельная».⁵

В том же «Путешествии в Арзрум» Пушкин напечатал «начало сатирической поэмы, сочиненной янычаром Амином-Оглу», представляющее, по всем вероятностям, мистификацию и являющееся оригинальным стихотворением Пушкина. И здесь в качестве документальной лексики мы встречаем тот же репертуар слов, что и в «Бахчисарайском фонтане»: «гяуры», «харемы», «евнух», а в рукописной редакции еще «Алла велик». К этим, освященным общеевропейской поэзией, словам Пушкин присоединил еще слово, вывезенное им с Кавказа: «джигит». И здесь стилизация сводится к общему тону и образной системе, без попыток имитировать стилистическую ткань восточной поэзии: в этом отношении данное стихотворение сильно отличается от стихотворения, посвященного Мицкевичу. Но здесь нет и элемента иронии.

Итак, в области ориентализма Пушкин уклоняется от соблазна документально-натуралистической стилизации и, отступая в этом от общей традиции, пользуется ориентальными элементами стиля лишь как выразительными средствами для воплощения собственных лирических настроений, строго ограничивая себя в обращении к «роскошной» стилистической фантазии Востока. Только как сигнал появляются в его стихах, и то в умеренном количестве, цитатные слова и метафоры. Совершенно то же можно сказать и о библейском стиле, примененном в стихотворениях «Пророк», «В крови горит огонь желанья...», «Вертоград моей сестры...» и «Подражания Корану», писанных в стиле русской традиции переложения псалмов.

В сфере речевой характеристики героев обратимся к случаям, вызывающим наиболее заметные отклонения от нормальной литературной речи. Таковы случаи передачи речи иностранцев или иностранной речи вообще. В этом отношении у Пушкина заметна большая сдержанность. Достаточно вспомнить «Войну и мир» Л. Толстого, где целые диалоги выдерживаются на французском языке, натуралистически воспроизводящем речь офранцузженных представителей русского дворянского общества. Пушкин, который в личной жизни гораздо чаще был принужден обращаться к французскому языку и

⁵ «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 2, 1936, стр. 298—299.

в устной и в письменной форме, вовсе не стремится к воспроизведению иностранной речи действующих лиц. Вот, например, сцена знакомства Гринева с Швабриным в «Капитанской дочке»:

«На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. „Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами познакомиться...“» (VIII, 296).

Лишь отдельные слова-сигналы позволяет себе Пушкин вводить в передачу иностранной речи. Ср. в «Египетских ночах»:

«— Что вам надобно? — спросил его Чарский на французском языке.

«— Signor, — отвечал иностранец с низкими поклонами, — Lei voglia perdonarmi, se...»

«Чарский не предложил ему стула и встал сам, разговор продолжался на итальянском языке.

«— Я неаполитанский художник, — говорил незнакомый, — обстоятельства принудили меня оставить отечество...» (VIII, 265).

Таковы же диалоги Дефоржа и Дубровского:

«— Ma foi, mon officier... я слышал о нем мало доброго. Сказывают, что он барин гордый и своенравный, жестокий в обращении со своими домашними что никто не может с ним ужиться, что все трепещут при его имени, что с учителями (avec les outchitels) он не церемонится, и уже двух засек до смерти» (VIII, 200).

Мы видим, что Пушкин даже не очень заботится о полном соблюдении «переводческого» стиля, допуская выражения, не имеющие точного словесного эквивалента на языке говорящего («засек»), но, с другой стороны, иногда дает ощутить язык отдельными идиомами, сохраняя их в подлинной форме: «и тогда bonsoir, еду в Париж и пускаюсь в коммерческие обороты» (VIII, 200).

Документальность в передаче диалога сохраняется лишь там, где она вызывается прямой необходимостью, и при этом не без комической окраски соответствующих мест:

«— Гм. гм., нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что, извольте видеть...»

«— Que désire monsieur? — спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись.

«— Эк беда, ты, мусье, по-русски еще не выучился. Же ве, муа, ше ву куше, понимаешь ли? (VIII, 197—198).

Лишь в одной области Пушкин сохраняет иностранный текст — в передаче письменного документа. Мы видели это в стилизации исторических документов (ср., например, цитаты из летописных записей дьячка в «Истории села Горюхина»). Точно также в «Рославлеве», который писан Пушкиным как перевод французских записок дамы, записка M-me de Staël сообщена по-французски.

Этот «перевод» записок дамы вовсе не стилизован под переводческий слог, хотя при его появлении в «Современнике» он и сопровождался припиской «с французского». На это указывает, в частности, внедрение слова-сигнала в реплику рассказчицы: «Что с тобою сделалось, та chère?». Пушкин вовсе не считал непереводаемым данное обращение, потому что двумя строками ниже читаем: «Ах, милая, — отвечала Полина». Другое дело фраза: «Ждали от нее поминутно bon mot». Здесь bon mot можно рассматривать как варваризм, усвоенный в неизменном виде русской речью. К этому же типу варваризмов относятся в том же «Рославлеве» слова «théâtre de Société» и «proverbes». Разница лишь та, что эти последние слова

характеризуют более узкую среду с ее фразеологией верхушечного жаргона, в то время как *bon mot* было усвоено в гораздо более широких кругах. Ср. в «Графе Нулине»:

С *bon-mots* парижского двора...

По тем же принципам строит Пушкин передачу речи иностранцев, плохо владеющих русской речью. Таков, например, Андрей Карлович, оренбургский генерал, в «Капитанской дочке». Мы читаем: «в его речи сильно отзывался немецкий выговор». И далее этот выговор передается в его прямой речи: «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет, а теперь вот уш какой у него молотец! Ах, время, время!» Но в дальнейшем Пушкин пользуется этим акцентом для того, чтобы отличить текст письма Андрея Гринева от собственной его речи, хотя письмо это дано в чтении того же Андрея Карловича: «„Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство“... Это что за серемонии? Фуй, как ему не софестно!...». И далее: «... „держать в ешовых рукавицах“... Что такое ешовы рукавиц? Это должно быть русска поговорк... Что такое „держать в ешовых рукавицах“ — повторил он, обращаясь ко мне» (VIII, 292). Таким образом, акцент характеризует не столько произношение в его натуральной форме, сколько принадлежность текста (а следовательно, и стиля) тому или иному субъекту речи. Поэтому выражение «держать в ешовых рукавицах» звучит иначе в качестве цитаты и иначе в качестве вопроса, хотя бы и из тех же самых уст.

Но передача акцента здесь и кончается. Последний раз так передано повторенное выражение «ешовы рукавицы», в остальном речь генерала орфоэпически нормальна. И в дальнейшем речь генерала уже дается без акцента и без каких-либо существенных ошибок, если не считать особенностей фразеологии, свойственной иностранцу (например, в десятой главе: «надобно взять терпение» — галлицизм). В том же романе встречаем имитацию речи Бопре в словах Савельича: «Мадам, же ву при, вдюкю» (VIII, 284). Вообще же Пушкин избегал воспроизведения внешних особенностей речи. Так, в «Гробовщике» слова немца-сапожника приведены так: «Извините, любезный сосед, — сказал он тем русским наречием, которое мы без смеха донныне слышать не можем, — извините, что я вам помешал» (VIII, 90). И дальнейшие слова немца ни в чем не нарушают литературной нормы. Оригинальное выражение «мертвый без гроба не живет» не может быть отнесено за счет искажения русского языка: оно сохраняет свой комизм при переводе на любой язык. Пример искаженного русского языка мы находим в «Путешествии в Арзрум» (разговор с калмычкой), но и там не в форме передачи произношения, а в грамматических и лексических оборотах: «„Сколько тебе лет?“ — „Десять и восемь“. — „Что ты шьешь?“ — „Портка“. — „Кому?“ — „Себя“» (VIII, 446).⁶

Любопытнее всего приемы передачи крестьянской речи. Передача фонетических особенностей диалекта у Пушкина исключительно редка. Так, в рукописи «Барышни-крестьянки» мы читаем: «А по здешнему я говорить умею прекрасно: цаво! не хоцу» (VIII, 671). В печати последние слова не

⁶ Редкий случай сохранения иноязычного оборота мы находим в переведенной из Мицкевича балладе «Воевода» (1833): «Пан мой, делить мне не можно». Для Пушкина в сочетании «не можно» ощущался не только полонизм, но и некоторый архаизм; ср.: «не можно было узнать с живым человеком» (Д. И. Фонвизин. Геройская добродетель и жизнь Сифа) и даже просторечие (см. в словаре В. И. Даля поговорку: «Где грустно да тошно, там сидеть невозможно»).

появились. В описании горюхинского говора Пушкин ограничивается следующим:

«Язык горюхинский есть решительно отрасль славянского, но столь же разнится от него, как и русский. Он исполнен сокращениями и усечениями — некоторые буквы вовсе в нем уничтожены и заменены другими. Однако же великороссиянину легко понять горюхинца и обратно». В рукописи было: «Однако ж русскому легче понять горюхинца, нежели горюхинцу русского, особенно воспитанного в ** университете» (VIII, 135, 708). Для внешней характеристики крестьянской речи Пушкин довольствуется небольшим количеством слов-сигналов из разряда народного просторечия: «вишь», «нынче», «отколе», «те» (тебе), «байшь» и т. п.⁷ Но основной источник характеристики народной речи — это фразеология, преимущественно в форме поговорок и пословиц. Известен интерес Пушкина к пословицам, в которых он видел не только отражение народной мудрости, но и памятники исторической жизни народа.

Элементы подобной характеристики народной речи имеются уже в «Евгении Онегине». Таковы отдельные (хотя и скупые) речения няни:

А нынче всё тёмно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!..

Лицо твое как маков цвет...
Ты знаешь, непонятна я...

(Гл. III, стр. XVII и сл.)

Речь Анисьи в седьмой главе характеризуется употреблением нескольких архаичных глагольных форм, уже вышедших из литературного применения:

Здесь барин сиживал один,
Здесь с ним обедывал зимою
Покойный Ленский, наш сосед.

(Стр. XVII, XVIII)

Но основная характеристика заключается в специфической фразеологии дворовой челяди:

Здесь почивал он, кофей кушал...
Играть изволил в дурачки.

(Стр. XVIII)

Поговорочной характеристики народной речи особенно много в прозаических произведениях Пушкина. Поговорками пересыпает речь Екимовна в «Арапе Петра Великого». В диалоге С. Вырина и Минского в «Станционном смотрителе» Вырин говорит: «что с возу упало, то пропало». Минский в тон ему отвечает книжной формулой: «Что сделано, того не воротить» (VIII, 103).

Особенно ясна система характеристики в диалоге кучера Антона с Владимиром Дубровским в третьей главе «Дубровского»:

⁷ В воспроизведении живой речи Пушкин, по его выражению, не гнушался просторечием и широко применял его и в собственной речи, и в прямой речи героев. Он писал о «Борисе Годунове»: «Есть шутки грубые, сцены простонародные. Хорошо, если поэт может их избежать, — поэту не должно быть площадным из доброй воли, — если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным» («Набросок предисловия к „Борису Годунову“», 1830; XI, 141)

«— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего к Троекуровым?»

«— А бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич... Барин, слышь, не поладил с Кирилом Петровичем, а тот и подал в суд, хотя по часту он сам себе судия. Не наше холопье дело разбирать барские воли, а ей богу, напрасно батюшка ваш пошел на Кирила Петровича, плетью обуха не перешибешь.

«— Так видно этот Кирила Петрович у вас делает, что хочет?»

«— И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут» (VIII, 174).

Здесь сквозь своеобразную дворовую куртуазность пробивается совершенно откровенное презрение крепостного крестьянина к барам, и последняя поговорка более характеризует говорящего, чем всё остальное.

В статье «О предисловии г-на Лемонте к басням И. А. Крылова» Пушкин писал: «Конечно ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочесть ему Крылова. Оба они останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо заметил, что простодушие (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться. Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов» (XI, 34). В пересыпанных поговорками речах действующих лиц Пушкин показывает и живописный способ выражаться, и то насмешливое лукавство, которое всегда находит словесную формулу, иносказательно содержащую оценку, подчас весьма резкую и суровую по существу.

Эти черты особенно ярко представлены в речевой характеристике Пугачева, начиная со сцены в уме с иносказательным диалогом Пугачева и хозяина постоянного двора и кончая последней встречей Гринева и Пугачева.⁸

Значительную роль в характеристике народной речи играет народно-поэтический словарь и фразеология. Вспомним хотя бы сказку, рассказанную Пугачевым Гриневу во время поездки в Белогорскую крепость. Эта лексика органически входит в речи народных персонажей. Тот же Пугачев говорит Гриневу: «Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба ли сердцу молодецкому? а?» (VIII, 350). Такова же речь Татьяны Афанасьевны в «Арапе Петра Великого». Татьяна Афанасьевна говорит по-старинному, исконным русским языком: «Девушка на выданьи, а каков сват, таков и жених, — дай бог любовь да совет, а чести много» (VIII, 25). В этой же речевой системе, но с естественным усилением благодаря стихотворной форме написаны речи действующих лиц «Русалки»:

Веселую мы свадьбу сыграли.
 Ну, здравствуй, князь с княгиней молодой.
 Дай бог вам жить в любви да совете,
 А нам у вас почаще пировать.
 Что ж, красные девицы, вы примоккли?
 Что ж, белые лебедушки, притихли?

Народно-поэтическая стихия языка, естественно, отразилась в сказках и песенных подражаниях народному творчеству, от опытов второй поло-

⁸ См. мою статью «Пушкин и народность» («Литературный критик», 1940, № 5—6, стр. 77—78; ср.: Ю. Г. Оксман. Пушкин в работе над «Капитанской дочкой», «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 233—234).

вины 20-х годов до цикла «Песен западных славян». Но этим далеко не ограничивается обращение Пушкина к фольклору. Он писал:

«Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают» («Опровержение на критики», 1830, XI, 147).

Замечание это вызвано нападками критики на сон Татьяны, построенный на образной системе народных песен и сказок, но значение его шире. Даже простое воспроизведение приемов народной поэзии у Пушкина мы встречаем и там, где нет непосредственной стилизации. Так, характерная форма отрицательных сравнений применена Пушкиным в «Братьях-разбойниках» и в «Полтаве». Но, конечно, изучение песен и сказок наложило и более глубокую печать на язык Пушкина. Именно язык народной поэзии был для Пушкина источником его суждений о том, какое слово, выражение или оборот являются *коренными русскими*.

7

Итак, мы видим, что в характеристике речи Пушкин редко выходил за пределы общелитературной нормы и в расширении словарного состава литературного языка ставил себе строгие пределы. Зато в поставленных пределах Пушкин находил всё необходимое разнообразие средств выражения. Расширив словарь и фразеологию путем заимствований, с одной стороны, из книжной речи, а с другой — из просторечия, Пушкин имел возможность обрисовать любой характер в его индивидуальных и социальных чертах, не прибегая к натуралистической имитации внешних особенностей речи.

Вот, например, речевой портрет старой московской барыни, данный в первой ее реплике: «Помилуй, мать моя, да ты собираешься в дорогу! куда тебя бог несет?» («Роман на Кавказских водах»; VIII, 412). Характерен строй речи старой графини в «Пиковой даме»: «И, мой милый! Что в ней хорошего? Такова ли была ее бабушка, княгиня Дарья Петровна?... Кстати: я чай она уж очень постарела, княгиня Дарья Петровна?». Или: «Вы всегда говорите наобум! Отворите форточку. Так и есть: ветер! и прехолодный! Отложить карету! Лизанька, мы не поедem: нечего было и наряжаться» (VIII, 231, 233). В резком противоречии с такой структурой речи находятся слова русского немца Германна: «Игра занимает меня сильно, но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее» (VIII, 227; здесь книжность подчеркнута употреблением прилагательных в функции существительных); «Если кгда-нибудь сердце ваше знало чувство любви, если вы помните ее восторги, если вы хоть раз улыбнулись при плаче новорожденного сына, если кто-нибудь человеческое билось когда-нибудь в груди вашей, то умоляю вас чувствами супруги, любовницы, матери, — всем, что ни есть святого в жизни, — не откажите мне в моей просьбе! — откройте мне вашу тайну! — что вам в ней?..» (VIII, 241; книжность подчеркнута анафорической цепью прилагательных предложений).

Или вот характерные размышления Евгения в «Медном всаднике» (ч. I):

Пройдет, быть может, год другой —
Местечко получу — Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят...

Это разнообразие тона, характеризующее говорящего, отражается не только на строе и фразеологии прямой речи персонажей, но и на повество-

вательной речи. Стилистической системой выражений Пушкин характеризует рассказчика. Это ясно уже в первом большом произведении, в «Руслане и Людмиле», где образ рассказчика играет организующую роль. Очень ярка стилистическая система беседы в «Евгении Онегине». В прозе Пушкин часто ведет повествование от имени рассказчика. Очень сложно построены в этом отношении «Повести Белкина», где на язык одного рассказчика налагается язык другого. Белкин пересказывает анекдоты, рассказанные ему разными лицами, причем индивидуальность рассказчиков от пересказывания не стирается. Дело усложняется тем, что сами действующие лица (в «Выстреле», в «Станционном смотрителе») выступают в качестве рассказчиков, сохраняя свой характер. Поэтому язык Пушкина никогда не нейтрален, всегда в нем отражаются черты той или иной индивидуальности, и самый слог повествования выражает отношение рассказчика к предмету рассказа.

Уже приходилось говорить о том, что Пушкин различно разрешает задачу стилистической окраски, в зависимости от того, приводит ли он документ (или то, что в повествовании выдается за документ), или сообщение облекается в речь автора, хотя бы и приводящего чужие слова. Это соотношение между «документом» и повествованием очень существенно для Пушкина. Так, в системе повестей Белкина имеется один такой документ: письмо помещика села Ненарадова с краткими сведениями о Белкине. В нем гораздо более стилизации, заботы о том, чтобы произвести впечатлительные подлинности, чем в самих повестях. Как и в большинстве подобных случаев, и данный документ является образцом пушкинского юмора. В нем весьма красочно рисуется образ провинциального помещика.

Соотношение между пересказом и документом было для Пушкина средством особых стилистических эффектов. Если обратиться к «Евгению Онегину», то здесь приметой авторского голоса служит строфическое построение романа. Онегинская строфа является как бы ритмическим выражением голоса автора. Всё, что вне строфического построения, представляется как бы документом. Это ритмическое выделение документа из общего тона практиковалось в литературе и до Пушкина и после Пушкина, особенно в стихотворной драме, где, например, письма и песни выделялись из общей системы стиха. Так и в «Евгении Онегине» письма Татьяны и Онегина, писанные вольным ямбом, выдаются за подлинные документы и с них снимается голос автора. Предполагается, что читатель узнает их не в процессе рассказа, а помимо автора читает их сам.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайнсю тоскою
И начитаться не могу.
.....
..... Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный...
(Гл. III, стр. XXXI)

Точно так же сообщает Пушкин письмо Онегина:

Вот вам письмо его точь в точь.
(Гл. VIII, стр. XXXII)

И в обоих случаях эти письма даются как образцы искренних признаний, которые автор не берется оценивать и критиковать, предоставляя это

самому читателю. Та интонация непринужденной интимной беседы с читателем, которая господствует на протяжении всего романа, как бы прерывается, когда на его страницах появляются эти письма.

Совсем иначе введены в роман предсмертные стихи Ленского. Эти стихи органически входят в строфическое построение романа. Мы их слышим как бы с голоса автора и, конечно, не можем освободиться от впечатления иронического их прочтения. Об этом ироническом отношении к стихам Ленского Пушкин предупреждает заранее:

Берет перо; его стихи
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются...

(Гл. VI, стр. XX)

Чтобы подчеркнуть то, что документ (стихи) не является самостоятельным, а органически входит в ткань рассказа и что голос автора не умолкает, Пушкин начинает элегию Ленского не с начала строфы. Первые ее рифмы повторяют рифмы повествовательной речи:

Стихи на случай сохранились;
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?..»

(Гл. VI, стр. XXI)

И далее Пушкин влагает в уста Ленского общие места элегий 20-х годов. Эти стихи он только цитирует, не доводя до конца цитаты.

Так он писал темно и вяло
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарею,
Склонясь усталой головою
На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал...

(Гл. VI, стр. XXIII)

В приведенных Пушкиным стихах слова «идеал» не было; этим подчеркивается, что стихи приведены не полностью: или не до конца, или на выдержку отдельными цитатами. Всё это создает впечатление стихов не в их собственной интонации, а с голоса рассказчика, с голоса иронического. Стихи Ленского превращаются в пародию на романтизм начала 20-х годов, тот романтизм, преодолевая который Пушкин и приступил к созданию «Евгения Онегина». Весь облик Ленского носит на себе черты романтизма, который решительно отвергался Пушкиным в период создания романа.

Именно сочетание присущего романтическому стихотворению тона с тоном автора и придает определенный полемический смысл всему эпизоду с Ленским. Между тем сама по себе пародия так натуральна, так похожа на оригинал, что дает достаточный материал для того, чтобы сентиментально или романтически настроенный читатель мог умиляться, читая этот набор истертых образов и затасканных мотивов. Для читателей 20-х годов, когда писалась и вышла в свет шестая глава «Евгения Онегина», был понятен пародируемый фон: в литературной критике тех лет насмешки над избитыми темами и образами элегической поэзии встречались часто, — это

было время, когда утверждались начальные опыты реалистической литературы, пришедшей на смену сентиментальному романтизму, что и определяло борьбу. Впоследствии эта полемика стала менее памятной и менее понятной читателю. Элегии 20-х годов были забыты и для многих сохранились только в форме стихов Ленского. Вот почему для либреттиста оперы Чайковского стихи Ленского показались удачным текстом к сентиментальной арии, тем более, что в оперной форме стилистические краски смещаются и пародия воспринимается как патетическое произведение, не допускающее к себе иронического отношения. Так пародия Пушкина могла превратиться в меланхолическое теноровое ариозо.

Из этого примера мы видим, как существенно было для Пушкина сочетание голоса героя с голосом автора-повествователя. Но достигать такой своеобразной стилистической полифонии возможно было не средствами натуралистического воспроизведения чужой речи, а только сочетанием слов и фразеологических оборотов, богатых смысловыми и эмоциональными ассоциациями, приобретенными в бытовом употреблении, в литературе, в исторических судьбах того или иного слова и выражения.

Отсюда стремление Пушкина к стилистической индивидуализации каждого слова, изъятию его из общих категорий стилистического порядка; из единообразно окрашенных «слоев» языка. Предмет речи и сопутствующее ему переживание определяло выбор наиболее адекватного выражения в смысле и стилистическом отношении.

Стилистическая окраска слова служила не только для обрисовки человеческого характера, но и для выражения своего отношения к идеям и предметам, служившим темой произведения. В этом отношении характерны стилистические контрасты в стихах Пушкина, иногда в выражении реально однозначном. Это именно контрасты, а не смешение слов разного стиля, так как эти контрасты появляются тогда, когда сталкиваются контрастирующие идеи или предмет показывается в разном к нему отношении. Так, в стихотворении «Зимнее утро» мы читаем:

Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Но немедленно, когда мысль покидает лежанку, «бурая кобылка» находит в языке поэта иное выражение:

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня...

Точно так же в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..», пока говорится о бытовой обстановке, и речь держится в соответствующем регистре:

Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы). —
Как оживляется глухая сторона!

И этот подъем настроения выражается сменой стилистических красок, и та же «девица» является в последнем стихе в ином словесном облике:

Как дева русская свежа в пыли снегов!

Характерным стилистическим контрастом окрашено стихотворение «Когда за городом, задумчив, я брожу. . .». Картина городского кладбища вызывает определенные чувства и соответствующий словарь:

По старом рогаче вдовицы плач амурный,
 Ворами со столбов отвинченные урны. . .

 Такие смутные мне мысли всё наводит,
 Что злое на меня урныне находит.
 Хоть плюнуть, да бежать. . .

И совсем иначе описание сельского кладбища:

Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
 Проходит селянин с молитвой и со вадомом:
 На место праздных урн и мелких пирамид,
 Безносых гениев, растрепанных харит
 Стоит широко дуб над важными гробами,
 Колебясь и шумя. . .

Или вот смешение стилей, иронически обнаруживающих иносказание сатиры. Стихотворение «На выздоровление Лукулла» имеет подзаголовок «Подражание латинскому». И, согласно с этим подзаголовком, Пушкин вводит ряд выражений, которые не только своим реальным значением, но и стилистической окраской имитируют переводы древних поэтов:

Ты угасал, богач молодой! . .
 Вздыхали верные рабы
 И за тебя богов молили,
 Не зная в страхе, что сулили
 Им тайные судьбы.

Но дальше мы встречаем резкое столкновение двух стилей, обнажающее современный план сатиры:

Уже скупой его сургуч
 Пятнал замки твоей кофторы. . .

И далее, после торжественного славянизма, идет внутренняя речь наследника, переносящая читателя из древнего Рима в современность:

Он мнил: «Теперь уж у вельмож
 Не стану нянчить ребятишек. . .

 И воровать уже забуду
 Казенные дрова!»

И далее полное смешение:

Бодрится врач, подняв очки;
 Гробовый мастер взоры клонит;
 А вместе с ним приказчик гонит
 Наследника в толчки.

Так противоречия реалий и стиля обнаруживают замысел сатиры на современника (Уварова).

Но таких смешений у Пушкина не так уже много. В большей части стихотворений общий тон выдержан, а потому и нельзя сказать, чтобы

столкновение слов разного стиля было обязательной приметой поэзии Пушкина. Он избегал немотивированных столкновений разнотильных слов, всегда оправдывая подобные контрасты соответствующим контрастом представлений и поэтических образов. Неоправданное столкновение противоречивых по стилю слов вовсе не было в манере Пушкина. Он повторял французскую поговорку (приписываемую то Фонтенеллю, то Вольтеру): «voilà des mots qui hurlent de se trouver ensemble» (вот слова, которые рычат, когда их ставят вместе). Всё это показывает, что ни о какой нейтрализации стилистической окраски слов в произведениях Пушкина не может быть и речи. Исторически сложившийся колорит слова был для Пушкина могучим средством прояснения мысли, ее конкретизации, ее образной выразительности. Один мемуарист приписывает Пушкину слова: «Разве человеческие лица, хотя они состоят из одинаковых частей, поэтому все отлиты в одну общую физиономию? А выражение не есть ли физиономия речи?»¹ Своеобразие каждого выражения и являлось целью стилистической работы Пушкина, но это своеобразие должно было отражать действительную характеристику человека, предмета, идеи и отношение автора к ним. Стилистическая окраска должна была явиться своеобразным продолжением реального значения слова. Пушкин меньше всего заботился о своеобразии своего стиля и не мог бы сказать о своем творчестве подобно Е. Баратынскому:

Не ослеплен я Музою моею...
 Но поражен бывает мельком свет
 Ее лица необщим выраженьем...
 («Муза»)

Это своеобразие языка и стиля Пушкина приходило само собой: он не искал его и не заботился о нем. Равно не подчинялся Пушкин нивелирующим традициям прошлого и не старался попасть в тон установившейся системы, жанра. В этом отношении он всегда считал себя романтиком, подразумевая под романтизмом свободу от схоластических традиций. Так, по поводу «Бориса Годунова» Пушкин писал:

«Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий — словом написал трагедию истинно романтическую» («Письмо к издателю „Московского вестника“», 1828; XI, 67). Точно так же и в своей стилистической системе Пушкин отказывался от форм, утвержденных привычкой, и старался заменить ее такой, которая бы давала верное изображение лиц, времени, характеров и событий в их историческом развитии.

До сих пор мы касались преимущественно лексики и фразеологии. То же самое можно сказать и об образной системе языка Пушкина (о тропах).

Репертуар метафор и сравнений был довольно точно ограничен в поэзии допушкинской поры. Это были либо олицетворения, либо мифологические образы, либо сопоставления фактов жизни со стихийными явлениями. Это была система классицизма; то же осталось и у романтиков, и, может быть, один Вяземский обращался к неожиданным метафорам и сравнениям для каламбуров и остроловия.²

¹ П. Бартенева. К биографии Пушкина, вып. II. М., 1885, стр. 147.

² Каламбуры и неожиданные сближения одинаково свойственны были и стихам и прозе Вяземского. В статье об Озере читаем: «Новейшие, рабски следуя древним, приняв их мерку не заботясь о выкройке их». Пушкин написал на полях статьи: «перестань,

Система сравнений Пушкина в лицейские годы характеризуется такими примерами:

И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.
(«Воспоминания в Царском Селе»)

Как сумрак, дремлющий над бездною морскою,
На сердце горестном унынья мрак лежал.
(«Осгар»)

Он поднял меч... и с трепетом Эвлега
Падет на дерн, как клоч летучий снега,
Метелицей отторженный от скал!
(«Эвлега»)

Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце младость...
(«К ней»)

Романтические поэмы выдержаны в том же стиле сравнений:

И гасну я, как пламень дымный,
Забытый средь пустых долин...
(«Кавказский павлинок»)

Свободней грудь его вздыхает,
Живее строгое чело
Волненье сердца выражает.
Так бурны тучи отражает
Залива зыбкое стекло.
(«Бахчисарайский фонтан»)

К тому же типу присоединительного сравнения относится и следующее:

Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине...
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы,

К тем же тематическим образам относится сравнение:

Похвал не слушает она.
Как пальма, смятая грозюю
Поникла юной головою...

Тема стихийного бедствия применена в сравнении:

Давно ль? И что же! Тьмы татар
На Польшу хлынули рекою:
Не с столь ужасной быстротою
По жатве стелется пожар.

не шали» (XII, 231). Аналогичное выражение Вяземский допустил в предисловии к «Бахчисарайскому фонтану»: «Мы еще не имеем русского покроя в литературе» (I, 1878, 169). «Благонамеренный» ответил эпиграммой (1824, ч. 26, № 9, стр. 220):

Поверь же мне он гений — не портной:
Как мерит он своим аршином смело!
В покрое у него что за прием лихои! и т. д.

Того же порядка развитые сравнения в «Цыганах»: сравнение «юной девы» с «вольной луной», сравнение одинокой телеги Алеко с раненым журавлем.

Но в реалистический период появляются иные сравнения, гораздо более конкретные и осязаемые, нарушающие канон привычных «украшений». Так, в «Евгении Онегине» читаем:

Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так упивались мы мечтой
К началу жизни молодой.

(Гл. I, стр. XLVII)

В заключение четвертой главы мы встречаем нарочитое противопоставление неожиданного (иронического) сравнения традиционному:

Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок...

(Стр. LI)

Подобные сравнения встречаются и в лирике начиная с середины 20-х годов, например, в «Сцене из Фауста»:

На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьем,
С неодолимым отвращеньем:
Так безрасчетный дуралей,
Вотще решаешь на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело...

И этой системе сравнений Пушкин не изменял до последних дней. В стихотворении «На выздоровление Лукулла», в первой строфе, еще имитирующей стиль латинской поэзии, читаем:

Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Займодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.

Если мы обратимся к наиболее зрелому произведению Пушкина последних лет, к «Медному всаднику», то найдем там сравнения разных стилистических окрасок, в зависимости от тех переживаний, которые сопровождают рассказ и которые хочет внушить читателю Пушкин.

В описании стихийных бедствий Пушкин обращается к тем бытовым явлениям, которые больше всего вызывают чувство беспокойства и тревоги:

Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постели беспокойной.

Вторая часть поэмы начинается с описания схлынувшей Невы. Тема сравнения уже была задана в описании наводнения:

Осада! приступ! Злые волны,
Как воры лезут в окна...

Этот образ грабителей здесь развивается:

Но вот, насытись разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Это сравнение еще дважды проходит в поэме:

... Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал...

О том же напоминает эпитет в стихах:

... Мятёжный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах...

Определение «мятежный» вызвано стихом: «Своим любясь возмущеньем».

Другая осенняя непогода вызывает такое сравнение:

... Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бясь об гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внимающих судей.

Но не все сравнения этого порядка. Имеются и более высокие (т. е. более традиционные). Мы видели, что в романтическую пору в качестве темы сравнения Пушкин изобразил пожар. Так и здесь кипение волн вызывает тему огня. Но выбором глагола Пушкин конкретизирует это сравнение:

Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь...

Точно так же сравнение с конем несколько отличается от обычных сравнений классического типа:

И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.

Значительно традиционное сравнение Невы со зверем:

И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась...

Но и сравнение это поставлено в переломный момент повествования, требующий более высокого тона, более энергичного и лаконичного образа. И, наконец, когда наводнение достигает своего предела, Пушкин применяет наиболее торжественное и в то же время архаическое мифологическое сравнение в духе классической поэзии:

И всплыл Петрополь как тритон,
По пояс в воду погружен.

Итак, мы видим, что Пушкин находил для каждой темы и для каждого характера свои изобразительные средства в языке, дополнявшие реальное значение выражения сопутствующим переживанием, отражавшим отношение говорящего к предмету речи и чувства, возбуждаемые этим предметом. Эти средства Пушкин находил в пределах общенационального языка, преимущественно в основном словарном фонде, откуда он черпал материал фразеологии в прямом и образном применении. Для Пушкина слово — одновременно и объективный знак и оценка действительности.

Деятельность Пушкина содействовала раскрепощению письменного языка от тех пут, которые были наложены на него предшествовавшими литературными школами. Язык в этих условиях не мог отражать в своем внешнем проявлении всех выразительных возможностей, в нем заложенных. Пушкин содействовал освобождению этих возможностей.

Изменение стилистической системы письменного языка совершено Пушкиным не в порядке филологического эксперимента. Его деятельность в области языка и стиля неразрывно связана с его литературной деятельностью и непосредственно из нее вытекает. Язык был для Пушкина орудием его воздействия на общество, и именно как орудие общения он его совершенствовал. В основном стиль Пушкина вполне определился, когда определилось направление его творчества. Преодолевая традиции и в то же время усваивая их, вооружаясь вековым опытом, Пушкин шел вперед, намечая новые пути в литературе. Смысл его литературной деятельности зрелого периода дан в краткой формуле, ему же принадлежавшей: «Пушкин — поэт действительности» (XI, 104), — так подводил он итоги последнего этапа своего творчества в 1830 году. Новое литературное направление — реализм, идущее от Пушкина в лице его непосредственного ученика — Гоголя и всей плеяды русских писателей 30-х и 40-х годов, обеспечило за русской литературой ведущее положение в мировой литературе. И этим мы обязаны в первую очередь Пушкину. В основе пушкинского реализма лежат принципы народности, историзма, гуманизма. Народность Пушкина — в преодолении классовой, дворянской литературы его непосредственных учителей. Пушкин пишет не от имени своего класса и не для своего класса. Он стремится выразить мысли, чувства и чаяния своего народа и обращает свой голос ко всему народу. Историзм Пушкина — в изображении настоящего на основе познания исторических судеб народа. Гуманизм Пушкина основан на познании человека, на борьбе за его достоинство, за его права, за гражданскую свободу. Для Пушкина руководящим было правило: «Стезю правды бодро следуй». Всем своим существом он стремился к будущему и приветствовал грядущие поколения. И он угадывал ростки этого будущего и сумел в своем творчестве опередить

свой век. Многое в поэзии Пушкина раскрылось в полной ясности уже после его смерти.

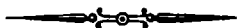
Перечисленные черты отразились и в работе Пушкина над литературным языком. Он не отрекся от исторического наследия, от накопленного веками опыта: в исторических судьбах языка он видел источник его гибкости и богатства. Он отрицал застывшие формы, он устранял сковывавшие язык путы, и под его пером язык приобрел свободу к дальнейшему непрерывному развитию, усовершенствованию, обогащению, к неуклонному поступательному движению. И наследники Пушкина, приняв его наследство, пошли дальше по пути, им означенному.

Художественная литература, поэзия — одно из могучих двигателей в развитии языка. Творчество Пушкина является наиболее заметным этапом в истории литературного языка позднейшего периода его развития. Его стилистическая система органически влилась в дальнейший языковой процесс. Эта стилистическая система исходила из принципов реализма, явившегося, в свою очередь, основой развития русской литературы, принципом, которому литература наша не изменяла никогда.

Среди литературного наследия, на котором воспитываются и растут новые кадры советской литературы, творчество Пушкина занимает одно из самых первых и самых почетных мест. Об этом писал Алексей Толстой: «Не напрасно за нынешние годы литература полным лицом повернулась к Пушкину. Это был революционный инстинкт. Ничто не порождается без преемственности. Преемственность послеоктябрьской литературы — Пушкин».³

³ А. Н. Толстой. Чистота русского языка. Полное собрание сочинений, т. XIII, Гослитиздат, М., 1949, стр. 291.

МАТЕРИАЛЫ, И СООБЩЕНИЯ

Т. Г. ЦЯВЛОВСКАЯ

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ «К МОРЮ»

1

Автографы Пушкина, тем более содержащие новые данные текстологического характера, чрезвычайно важны не только для окончательного установления подлинного авторского текста, но и для выяснения истории создания данного произведения. Сопоставление всех существующих автографов и списков, тщательное изучение сделанных поэтом поправок или изменений приводят иной раз к существенным выводам, меняют установившееся общее представление о данном произведении и его датировку. Всё это всецело может быть отнесено и к новооткрытому автографу одного из известнейших и замечательных стихотворений Пушкина «К морю».

До сих пор были известны три печатных текста стихотворения и автографы: беловой с поправками — первой редакции (сильно отличающейся от последней редакции) и черновики отдельных строк.¹ Эти тексты написаны в так называемой «второй масонской тетради»² поэта. Беловым же автографом окончательного текста стихотворения пушкиноведение не располагало. (Та рукопись, которая в дореволюционном академическом издании сочинений Пушкина называлась беловым автографом,³ на самом деле представляет собой копию, снятую И. И. Пушиным,⁴ почерк которого долгое время смешивали с почерком Пушкина). Между тем беловой автограф был необходим для установления текста одной из строк, которую Пушкин не мог напечатать полностью.

Известно было, что еще один автограф стихотворения уцелел до наших дней. Первые сведения о нем в печати появились в 1925 году, в заметке М. А. «М. П. Алексеева» «Автографы Пушкина в Одессе». Там сообщалось, что автограф стихотворения «К морю» «в 1921 году был приобретен в Одессе проф. П. А. Михайловым и находится теперь у владельца в Париже».⁵ Затем автограф принадлежал С. П. Дягилеву,⁶ а после его смерти (в 1929 г.) — Сергею Лифарю.

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 2, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 848—858 и 1141.

² Тетрадь № 2370 Всесоюзной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина — ныне ИРЛИ, ф. 244, оп. I, № 835, лл. 12 об., 13, 18, 12.

³ А. С. Пушкин, Сочинения, т. III, Изд. Академии Наук, 1912, стр. 381 примечаний.

⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 2, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 1141, № 13.

⁵ Пушкин. Статьи и материалы. Под редакцией М. П. Алексеева, вып. 1, Одесса, 1925, стр. 57.

⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 2, 1949, стр. 1141.

В настоящее время снимки с этого автографа присланы в Академию Наук СССР из Парижа.⁷

История нового автографа проясняется в какой-то мере сертификатом, приложенным (в снимке) к фотокопии, полученной из Парижа. На отдельном приложенном к автографу Пушкина листке написано: «25 мая 1918 года мною Е. А. Малиновской был продан автограф А. С. Пушкина стихотворение „К морю“, подаренное Пушкиным прадеду моему И. В. Лисенко в бытность его на Кавказе. Е. Малиновская».⁸

Итак, Е. А. Малиновская продала автограф, подаренный Пушкиным ее прадеду, «в бытность его на Кавказе». Это могло быть только во время второй поездки Пушкина на Кавказ, в 1829 году; в 1820 году, когда поэт впервые был на Кавказе, стихотворение «К морю» еще не существовало; оно написано в связи с отъездом Пушкина из Одессы в Михайловское, из одной ссылки в другую, в 1824 году.

Кто же этот И. В. Лисенко, которому Пушкин будто бы сделал такой подарок? Среди знакомых Пушкина мы такого лица не знаем. У нас есть достаточные основания предположить, что Е. А. Малиновская ошиблась, называя И. В. Лисенко первым владельцем пушкинской рукописи.

Пушкин действительно расстался с автографом стихотворения «К морю» на Кавказе в 1829 году, но подарил он его не Лисенко, а М. В. Юзефовичу. Не смешала ли Е. А. Малиновская двух своих прадедов?⁹

Михаил Владимирович Юзефович (1802—1889) был боевым товарищем брата Пушкина, Льва Сергеевича. В 1829 году Юзефович, в звании штабс-ротмистра Чугуевского уланского полка, состоял адъютантом друга Пушкина, Николая Николаевича Раевского (младшего), и принимал участие в военных действиях на Кавказе, где виделся с ним и Пушкин, мельком упомянувший Юзефовича («поэт Ю.») в своем «Путешествии в Арзрум».¹⁰

Знакомство с Пушкиным, с которым он виделся ежедневно во всё время пребывания Пушкина при армии, оставило в памяти Юзефовича глубокий след. Биограф Юзефовича свидетельствует, что впоследствии «предметом любимейших воспоминаний» его служили «продолжительные, оживленные беседы, центром и душою которых был А. С. Пушкин».¹¹ Этими воспоми-

⁷ Они хранятся здесь наряду с другими фотокопиями автографов Пушкина, находящихся вне Пушкинского Дома. Шифр: ИРЛИ, ф 244, оп 1, № 1731 Автограф стихотворения «К морю» весной 1953 г. был приобретен Байардом Кильгуром и принесен им в дар Гарвардскому университету (Кембридж, Массачусетс, США). (См.: D. Cizevsky. An Autograph of Pushkin's «To the Sea». «Harvard Library Bulletin», v. III, Autumn 1954, № 3, стр. 374—375).

⁸ П. А. Михайлов приобрел этот автограф в 1921 году, а Е. Малиновская продала его в 1918 году, следовательно, остается неясным, в чьих руках находился автограф с 1918 по 1921 год, если сведения о дате приобретения его П. А. Михайловым точны. Неизвестными остаются для нас также обстоятельства этой продажи, вызвавшие приведенный выше сертификат. Однако становится ясной ошибочность предположения, высказанного М. А. в заметке «Автографы Пушкина в Одессе», что автограф стихотворения «К морю» мог происходить «из собрания Куриса». Коллекционер И. И. Курис умер в 1898 году, а автограф продолжал храниться в одной семье, где он находился без малого сто лет (с 1829 по 1918 год).

⁹ Проверить эту догадку не удалось, потому что родословная Юзефовичей не опубликована. Последний том издания В. Л. Модзалевского «Малороссийский родословник», где могла быть помещена эта генеалогия, в свет не вышел.

¹⁰ См. об этом нашу заметку «„Поэт Ю.“ в „Путешествии в Арзрум“» в настоящем сборнике (стр. 351—356).

¹¹ См. анонимный биографический очерк в книге: М. В. Юзефович. Несколько слов об исторической задаче России. Второе издание, с биографическим очерком и портретом автора. Киев, 1895, стр. III.

ниями Юзефович делился со многими лицами. В 1866 году в письме к П. И. Бартеневу, рассказывая о Пушкине, Юзефович упоминал, что он не оставляет намерения собрать и изложить всё то, что сохранилось в его памяти о встречах и беседах с Пушкиным.¹² Известно далее, что на вечере у Ф. И. Тютчева (1870) Юзефович «умно и живо» рассказывал о прошлом: «Он говорил, что Пушкину очень хотелось побывать под ядрами неприятельских пушек и, особенно, слышать их свист. Желание его исполнилось, ядра, однако, не испугали его, несмотря на то, что одно из них упало очень близко».¹³

В позднем своем послании «Князю П. А. Вяземскому» Юзефович вспоминает:

Стих новый Пушкина встречали,
Как пиршество, бывало, мы.¹⁴

В середине семидесятых годов Юзефович опубликовал неизвестное дотоле стихотворение Пушкина «Надеждой сладостной младенчески дыша...»,¹⁵ затем сообщил заслуживающие внимания слова Пушкина о том, почему он не впал в подражание ни Жуковскому, ни Батюшкову даже на школьной скамье; по свидетельству Юзефовича, Пушкин говорил: «Я этим обязан Денису Давыдову. Он дал мне почувствовать, что можно быть оригинальным».¹⁶

Однако самым значительным из всего, что Юзефович напечатал о Пушкине, являются его воспоминания в статье «Памяти Пушкина» (1880), в которой находится и рассказ о том, как поэт подарил ему автограф стихотворения «К морю». Талантливо и живо написанные, насыщенные интереснейшими фактами и эпизодами, воспоминания эти требуют, однако, некоторых поправок. Свободолюбивый в молодости, как вся дворянская молодежь двадцатых годов, Юзефович стал к старости ярым ретроградом.¹⁷ Поэтому его воспоминания в иных случаях затемнены или искажены его же позднейшими тенденциозными истолкованиями отдельных фактов или размышлениями, не идущими к делу. В отношении же фактических данных, относящихся к Пушкину, воспоминания Юзефовича вполне достоверны, так как могут быть подтверждены рядом других документальных свидетельств. Вот что рассказывает Юзефович о Пушкине в записи, сделанной им в июле 1880 года:

¹² М. А. Цявловский. Неизвестные воспоминания о Пушкине (Письмо М. В. Юзефовича к П. И. Бартеневу). «Звезда», 1930, № 7, стр. 231—232.

¹³ А. В. Никитенко. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804—1877 гг.), т. II. СПб., 1905, стр. 403 (запись от 26 марта 1870 года).

¹⁴ «Русский архив», 1877, № 2, стр. 234.

¹⁵ Неизданные стихи Пушкина (Записаны и сообщены М. В. Юзефовичем). «Русский архив», 1874, кн. II, № 7, стб. 221—222.

¹⁶ Из памятных заметок М. В. Юзефовича. «Русский архив», 1874, кн. II, № 9, стб. 732.

¹⁷ Выйдя в отставку из военной службы, М. В. Юзефович служил (с 1840 года) в министерстве народного просвещения. В 1843—1858 годах он был помощником попечителя Киевского учебного округа, затем председателем Киевской археографической комиссии, возглавлял издание «Архива юго-западной России», а также других историко-археографических изданий. В это время он нередко выступал в печати с публицистическими статьями, отличавшимися своей крайне реакционной направленностью; к ним относятся и указанное выше издание «Несколько слов об исторической задаче России». Оценку политического лица Юзефовича сделала М. В. Нечкина в «Вводных замечаниях» к «Запискам декабриста Н. И. Лорера» (М., 1931, стр. 38—41).

«Я встретился с ним в 1829 году, когда ему было уже 30 лет, и при условиях, очень благоприятных для сближения между людьми: на боевых полях Малой Азии, в кругу близких ему и мне людей, под лагерною палаткой, где все живут на распахку. Хотя время, проведенное мною с ним, было непродолжительно, всего пять-шесть недель, но за то все почти дни этих недель я с ним проводил неразлучно. Таким образом, я имел возможность узнать его хорошо и даже с ним сблизиться. Он жил с... Николаем Николаевичем Раевским «младшим», а я жил с братом его Львом, бок-о-бок с нашим двадцатисемилетним генералом, моим однолетком, при котором мы оба были адъютантами, но не в адъютантских, а дружеских отношениях, начавшихся еще в Персии».¹⁸

Юзефович рассказывает далее о чтении Пушкиным друзьям в походной палатке «Бориса Годунова» и последней главы «Евгения Онегина», о словах поэта, что в замысел романа входило сделать Онегина декабристом; там же мы находим и рассказ о том, как попал к Юзефовичу автограф стихотворения «К морю».

«С Пушкиным был походный чемодан, дно которого было наполнено бумагами. Когда речь зашла о прочтении нам еще ненапечатанных „Бориса Годунова“ и последней песни „Онегина“, он отдал брату Льву и мне этот чемодан, чтоб мы сами отыскали в нем то, чего нам хочется. Мы и нашли там тетрадь „Бориса Годунова“ и отрывки „Онегина“, на отдельных листках. Но мы этим разумеется не удовольствовались, а пересмотрели всё, и отырыли, между прочим, прекрасный, чистый автограф „Кавказского пленника“. Когда я показал Пушкину этот последний, говоря, что это драгоценность, он, смеясь, подарил мне его; но Раевский, попросив у меня посмотреть, объявил, что так как поэма посвящена ему, то ему принадлежит и чистый автограф ее, и Пушкин не имеет права дарить его другому. Можно себе представить мою досаду! Я бросился отнимать у Раевского, но должен был уступить его ломовой силе...¹⁹ В замен отнятого у меня подарка, Пушкин дал мне другой автограф „К морю“, тоже чистый, но с поправками и с добавлением лучшей строфы о Байроне с боку:

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты глубок, могуч и мрачен,
Как ты, ничем неодолим.

Этот автограф и теперь хранится у меня».²⁰

Так писал Юзефович в 1880 году.

Не подлежит сомнению, что описываемая ниже рукопись стихотворения «К морю» и есть та самая, которая в 1829 году была подарена Пушкиным Юзефовичу. Не упоминая здесь о ряде косвенных соображений в пользу этого утверждения, укажем, что это ясно из свидетельства самого Юзефовича, давшего достаточно подробное описание внешних признаков доставшейся ему рукописи. Названная им строфа в публикуемом нами автографе написана именно на полях.

¹⁸ М. Юзефович. Памяти Пушкина. «Русский архив», 1880, т. III (2), стр. 434.

¹⁹ Юзефович называет Раевского «десятивершковым атлетом, гнувшим железную кочергу в узел» («Русский архив», 1880 т. III (2), стр. 433).

²⁰ «Русский архив», 1880, т. III (2), стр. 441—442. — При описании автографа М. В. Юзефович допустил неточность. Последнее слово в приписанной строфе читается: «неукротим» Слово же «неодолимый» употреблено Пушкиным в пятой строфе.

2

Стихотворение Пушкина «К морю» («Прощай, свободная стихия!») впервые увидело свет в четвертой части альманаха В. Ф. Одоевского и В. К. Кюхельбекера «Мнемозина» (1824), однако не в полном виде. Одна из его важнейших строф, следовавшая за стихами, посвященными недавней гибели «оплаканного свободой» Байрона, была в этой первой публикации, за исключением начальных слов «Мир опустел», опущена вовсе, конечно, из-за невозможности напечатать ее целиком в цензурных условиях той поры. Оберегая репутацию ссыльного поэта, издатели сопроводили сознательно сделанный ими пропуск особым примечанием, намерение которого в настоящее время раскрывается с полной ясностью; они явно прибегли к спасительной лжи для того, чтобы сохранить для себя возможность опубликования всех остальных строф стихотворения. Строфа была напечатана в следующем виде:

Мир опустел.....*

За этой строкой следовал пропуск, равный трем строкам, а под текстом дано примечание:

«* В сем месте автор поставил три с половиною строки точек. Издателям сие стихотворение доставлено кн. П. А. Вяземским в подлиннике и здесь отпечатано точно в том виде, в каком оно вышло из под пера самого Пушкина. Некоторые списки оного, ходящие по городу, искажены нелепыми прибавлениями.

*Изд<атели>».*¹

Был ли пропуск допущен по уговору с Пушкиным или его друзья решились на этот шаг по собственному разумению — остается неизвестным.

Несколько месяцев спустя в первом сборнике «Стихотворений Александра Пушкина» (СПб., 1826) тринадцатая строфа появилась уже в несколько расширенном виде:

Мир опустел... Теперь куда же
 Меня б ты вынес, океан?

¹ «Мнемозина», ч. IV, 1824, стр. 104. Цензурное разрешение — 13 октября 1824 года; книжка вышла в свет через год, в октябре 1825 года. Отметим, однако, что еще в первой книжке «Московского телеграфа» за 1825 год, вышедшей в первой половине января этого года (цензурное разрешение — 22 декабря 1824 года), в особом «Прибавлении» к переведенной с английского статье В. Скотта «Характер лорда Байрона» приведены были два последних стиха одиннадцатой строфы, вся двенадцатая и начало тринадцатой строфы: «Мир опустел...» этого стихотворения Пушкина. «Никто из поэтов, принесших дань памяти Байрона, не изобразил его так правдиво и сильно, как наш Пушкин (в стихах «Прощание с морем», которые будут напечатаны в четвертой части «Мнемозины»...). Далее следуют стихи:

— Реви, волнуйся непогодой,
 Он был, о море! твой певец!
 Твой образ был на нем означен,
 Он духом создан был твоим;
 Как ты, могущ, глубок, и мрачен,
 Как ты, ничем неукротим —
 Мир опустел.....

Едва ли может быть сомнение в том, что стихи эти доставил в редакцию П. А. Вяземский и что ему же принадлежит и все указанное «Прибавление» (ч. I, № 1, стр. 39—40).

Не пытался ли Пушкин, через голову цензуры, дать этим понять своим внимательным читателям, уже видевшим данное стихотворение в «Мнемозине», что примечанию Одоевского и Кюхельбекера верить не следует, что строфа в подлинном авторском тексте существует, но что напечатать ее он может лишь в сильно урезанном виде?

В третьем прижизненном авторском издании стихотворения тринадцатая строфа, хоть и не зияла белым пятном, как в «Мнемозине», но заменена была тремя с половиной строками многоточий.² В таком виде пропуск производил впечатление задуманной выразительной паузы, и строфа выглядела поэтичнее.

Однако идею стихотворения лучше всего выражал горький афоризм именно в той строфе, которая не могла быть напечатана по цензурным соображениям. И строфа, рожденная вольной мыслью поэта, стала известна его почитателям, — она распространилась в списках и зажила на долгие годы подпольной жизнью.

Пушкин послал стихотворение в день окончания «Цыган» (8 или 10 октября 1824 года) Вяземскому. Текст этот до нас не дошел, но, судя по словам А. И. Тургенева, он заключал в себе полностью и строфу тринадцатую, нелегальную: «Постараюсь прислать его <Пушкина> послание к морю, — писал он брату Николаю за границу (6 ноября 1824 года). — Прелесть; но долго, долго останетса в его портфеле».³

Восторги первых читателей стихотворение вызвало еще в рукописи. А. И. Тургенев всего лишь несколькими восклицаниями передает свое восхищение в наспех набросанной записке (6 ноября 1824 года) к В. Ф. Вяземской, снявшей для него копию стихотворения «К морю»; «Ah! quels vers! ⁴

Глубок, могущ и мрачен... неукротим».⁵

Вяземский отозвался на эти стихи в письме к А. И. Тургеневу от 27 октября 1824 года: «Пушкин прислал мне прелестные стихи: „Прощание с морем“. Жена их спишет для тебя, хотя ты того и не стоишь».⁶

Самому поэту Вяземский писал о том же (6 ноября 1824 года) более пространно и горячо: «Твое Море прелестно! Я затвердил его наизусть тот час, а это по мне великая примета. Вообще стихи потеряли для меня это очарование, это очаровательство невыразимо. Прежде стихи действовали на меня почти физически, щекотали чувства, *les sens*; теперь надобно им задеть струны моего ума и сокровенные струны души, чтобы отозваться во мне. Ты играешь на мне на старый лад. Спасибо, мой милый виртуоз!» (XIII, 117).

Заинтересовало оно и далекий от Пушкина круг любителей литературы, среди которых был цензор И. М. Снегирев; в его присутствии новое стихотворение поэта было прочитано в кружке, состоявшем из пяти человек.⁷

Недели через три И. Снегирев отметил в своем дневнике, что он подписал разрешение печатать стихотворение «К морю», о чем просил его Кюхель-

² Мир опустел

(Стихотворения Александра Пушкина, ч. I, СПб., 1829, стр. 194).

³ «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 1, 1936, стр. 200.

⁴ О! какие стихи! (франц.).

⁵ Остафьевский архив, т. III, 1899, стр. 91.

⁶ Там же, стр. 87.

⁷ Чтение происходило у генерала А. А. Писарева, писателя и члена Российской академии. Кроме И. М. Снегирева, сделавшего запись об этом чтении в своем дневнике,

бекер, подготовлявший в это время четвертую часть альманаха «Мнемозина».⁸

Через два месяца после разрешения печатать стихотворение «К морю» в Москву приехал из Михайловского Пушкин, ездивший проведать Пушкина в ссылке. Он мог привезти от него не одних «Цыган», о которых упоминает и сам поэт,⁹ но и некоторые новые стихотворения, а среди них, быть может, и «К морю», поскольку в бумагах Пушкина отыскан список этого стихотворения, относящийся к этому времени. Не исключена, впрочем, и другая возможность, что Пушкин списал это стихотворение у П. А. Вяземского.

В это время и распространились по Москве копии стихотворения «К морю» в полном тексте.

3

Тринадцатая строфа стихотворения «К морю» увидела свет только после смерти Николая I. Текст ее был почти полный. Не хватало только одного слова: тиран. Строфа была напечатана по списку, принадлежавшему И. И. Пушкину.

Публикация была сделана Е. И. Якушкиным (1826—1905), сыном декабриста, известного впоследствии юристом и этнографом. Как известно, его инициативе мы обязаны появлением таких важных источников для истории русской литературы и освободительного движения, как «Записки о Пушкине» И. И. Пушкина, «Записки» Н. В. Басаргина, «Воспоминания о К. Ф. Рылееве» Е. П. Оболенского и др. Приехав в Сибирь осенью 1855 года, для второго свидания с жившим здесь на поселении отцом, декабристом И. Д. Якушкиным, Е. И. Якушкин горячо уговаривал друзей отца писать воспоминания. На первых порах они сопротивлялись этому. Однако, уступая настояниям сына близкого своего приятеля, Пушкин «принялся за старину» и изложил на бумаге свои «Записки о Пушкине».¹ Со своей стороны, молодой Якушкин обещал Пушкину собрать, по возможности, все произведения великого поэта, сохранявшиеся в рукописях, но еще не напечатанные, и с рвением занялся этим делом.²

здесь присутствовали также профессор Московского университета Д. Е. Василевский, издатель организовавшегося в это время журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевой и князь П. И. Шаликов, редактор официальной газеты «Московские ведомости». (См. «Дневник» И. М. Снегирева (запись от 19 ноября 1824 года). «Русский архив», 1902, № 8, стр. 535). Подчеркнем, что в руках Снегирева могла быть только та рукопись, которая была ему представлена как цензору Кюхельбекером, и что, следовательно, стихотворение читалось без тринадцатой строфы.

⁸ Запись от 13 декабря 1824 года («Русский архив», 1902, № 8, стр. 544).

⁹ «Пушкин привезет тебе отрывок из моих Цыганов», — пишет Пушкин 25 января 1825 года Рылееву (XIII, 134). «Пушкин привезет тебе отрывки из Цыганов — заветных покамест нет», пишет он Вяземскому 28—31 января 1825 года (XIII, 139).

¹ Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. 1926, стр. 29—34; И. И. Пушкин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха, М., 1925, стр. 81—82. — Е. И. Якушкин сообщил в печати о «Записках» Пушкина после его смерти в заметке, являющейся, в сущности, некрологом о декабристе (см.: Е. И. Якушкин. Неизданные записки о Пушкине. «Библиографические записки», 1859, т. II, № 8, стб. 251—253); он же и издал эти замечательные «Записки» в «Атенее» (1859, ч. II, № 8, стр. 500—537).

² Нам известны два рукописных сборника произведений Пушкина, идущие из собрания Якушкиных. Почерк, которым переписаны стихи Пушкина, не оставляет сомнений в том, что оба сборника составлены и переписаны Е. И. Якушкиным. Первый сборник представляет собой шитую тетрадь in folio, на двенадцати листах которой переписаны в два столбца семьдесят восемь стихотворений; из них Пушкину принадлежат лишь три-

Когда после амнистии 1856 года И. И. Пущин вместе с другими декабристами, еще оставшимися в живых, вернулся из ссылки, молодой Якушкин продолжал поддерживать с ним личные отношения и переписку. «Скоро ли вы будете к нам, — писал Якушкин из Москвы в Царское Село Пущину, — я готовлю к вашему приезду полный экземпляр сочинений Пушкина, — работы за ним еще много, но в мае кончу. В этом экземпляре будет многое, чего не будет и в 7 томе,³ словом, этим трудом вы останетесь довольны. Как видите, я не забыл данного мною обещания два года тому назад».⁴

Составленное Е. И. Якушкиным рукописное собрание пушкинских текстов чрезвычайно обогатилось благодаря счастливому обстоятельству.

Осенью 1857 года Пущин получил от П. А. Вяземского свой старый портфель с бумагами, сохранявшийся им многие годы. В сознание читателей прочно вошел рассказ об этом портфеле, многократно повторявшийся в печати. Он передается постоянно и теперь без всякой критики. Между тем он грешит серьезными искажениями действительности. Вот этот рассказ.

«Пущин, 8 декабря 1825 года, приехал из Москвы в Петербург. Он присутствовал на последних совещаниях членов тайного общества и 14 декабря был на Сенатской площади, где собрались заговорщики и возмущенные ими войска. Когда восстание было подавлено, Пущин одним из последних ушел с площади, в шинели, пробитой во многих местах картечью.

дцать пять, а большинство приписывалось ему ошибочно. Сборник этот хранится в ИРЛИ (ф. 244, оп. 8, № 60). Тексты его использованы в академическом издании «Полного собрания сочинений» Пушкина (т. II, кн. 2, 1949, стр. 1012, № 80).

Второй сборник, составленный Е. И. Якушкиным, является рукописной книгой в переплете, на корешке которого вытиснено золотом: «Сочинения Пушкина» (ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 104). Поступил из Библиотеки Академии Наук СССР. На л. 1 штамп: «Библиотека В. Е. Якушкина». В этом томе рукой Е. И. Якушкина переписано пятьдесят восемь стихотворных произведений, из которых тридцать четыре принадлежат Пушкину, а остальные ему лишь приписывались.

Под отдельными текстами составителем указаны их источники; из них видно, как усердно занимался разысканиями этот пушкинист («с рукописи Пушкина», «с рукописи Пушкина, находящейся в альбоме Н. С. Алексеева», «стихотворение это получено мною от И. И. Пущина, который приписывает его Пушкину», «оба стихотворения списаны Солдеевым с автографа Пушкина из альбома К. Н. Ушаковой», «из записок И. И. Пущина», «Fac-simile этого произведения находится в Историческом альбоме Погодина на 39 листе»).

Далее в сборнике находится весь текст планов «Русского Пелама», в тщательной транскрипции Якушкина. Именно с этого текста и сделана Е. И. Якушкиным публикация планов романа в «Библиографических записках» (1859, № 5). Автограф этого произведения хранился в то время у П. В. Анненкова, который по дружбе дал его для опубликования молодому Якушкину.

В рукописном сборнике записаны и любопытные примечания к двум из эпиграмм Пушкина и к «Русскому Пеламу». Особенно интересно оставшееся до сих пор неизвестным сообщение о близости образов романа к их прототипам: «Вероятно, Пелама Пушкина лицо невымышленное — по крайней мере оно окружено лицами, близко знакомыми Пушкину. Одно из главных действующих лиц Федор Федорович Орлов, брат Михаила Орлова, с которым Пушкин был дружен. — Его судьба в романе очень близка к его действительной судьбе. Похищение, бедность, фальшивая игра, разбой — не вымыслы. Кажется Пушкин хотел соединить в этом лице два хорошо известные ему характера Ф. Орлова и Завадовского, потому что эти два имени — ставятся в романе иногда рядом — иногда одно возле другого. — Едва-ли это не тот Завадовский, который убил Шереметева, — это подтверждается отчасти и тем, что имена Грибоедова и Завадовского поставлены рядом. — Выражение: общество умных — кажется должно значить: „тайное общество“ <далее следует расшифровка имен декабристов>» (лл. 82—82 об.).

³ Речь идет о дополнительном томе издания П. В. Анненкова.

⁴ Письмо от 10 апреля 1857 года. Летописи Гос. литературного музея, кн. III, Декабристы. Редакция Н. П. Чулкова, М., 1938, стр. 465.

«Рано утром, 15 декабря, к нему приехал его лицейский товарищ князь Горчаков. Он привез ему заграничный паспорт и умолял его ехать немедленно за границу, обещаясь доставить его на иностранный корабль, готовый к отплытию. Пушкин не согласился уехать; он считал постыдным избавиться бегством от той участи, которая ожидает других членов тайного общества: действуя с ними вместе, он хотел разделить и их судьбу. В то же утро заехал к Пушкину кн. П. А. Вяземский и спросил его: не может ли он быть ему чем-нибудь полезен. Пушкин просил его взять на сохранение портфель с бумагами; в портфеле этом было несколько стихотворений Пушкина, Дельвига и Рылеева, а также несколько записок по разным общественным вопросам. Все эти бумаги, если бы они и были взяты при обыске, не могли служить к отягчению участи Пушкина; он потому только отдал их кн. Вяземскому, что желал сохранить их, так как они были связаны с дорогими для него воспоминаниями. Князь Вяземский обещал сберечь этот портфель и возвратить его Пушкину при первом с ним свидании. И действительно, в 1857 году, в первый же день приезда Пушкина в Петербург, кн. Вяземский привез ему портфель, взятый им на сохранение 32 года тому назад».⁵

Кстати о Горчакове. Не доверять самому факту, что успешно продвигающийся по службе первый ученик в Лицее, будущий известный дипломат, министр иностранных дел и государственный канцлер князь Александр Михайлович Горчаков не отступил от дружбы и предложил руку помощи своему близкому приятелю по Лицею Пушкину после восстания на Сенатской площади, у нас нет оснований. (К тому же, служащий коллегии иностранных дел, вероятно, имел возможность достать заграничный паспорт). Не забудем и того, что Пушкин прятался с Горчаковым в Лицее, что он написал ему три стихотворных послания.

Вызывает, однако, недоумение одно некритически повторяемое обстоятельство. Какой иностранный корабль мог быть готов к отплытию зимой, 15 декабря, из Петербурга, хотя бы из Кронштадта?! Навигации по Финскому заливу зимой не было.

И эта ложная деталь и, в особенности, критическое рассмотрение дальнейшего рассказа заставляют относиться к сообщению Якушкина о Горчакове с сугубой осторожностью.

Рассказ же о Вяземском, пришедшем после восстания к Пушкину с предложением помощи, несомненно является легендой: Вяземского в это время в Петербурге не было. Известно его письмо, написанное 13 декабря 1825 года из его подмосковной усадьбы Остафьево. Поэтому быть в Петербурге ни 14, ни 15 декабря он не мог.

Эти несообразности исследователи пытались примирить тем, что будто бы «Пушкин передал Вяземскому свой портфель в Москве», «незадолго до 14 декабря».⁶

Между тем один прошедший мимо внимания историков документ полностью опровергает весь рассказ Якушкина о Вяземском.

⁵ Е. И. Якушкин. Воспоминание об И. И. Пушкине. В книге: Записки И. И. Пушкина о Пушкине. СПб., 1907, стр. 92—93. — Тот же рассказ повторил Е. И. Якушкин устно П. С. Щереметеву (см.: С. Я. Штрайх. Первый друг Пушкина. Изд. «Федерация», М., 1930, стр. 43; см. также статью Николая Кутанова «С. Н. Дурылина» в сборнике «Декабристы и их время», т. II, М., 1932, стр. 243.

⁶ Архив братьев Тургеневых, вып. 6, Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским, т. I, 1814—1833 годы. Под редакцией и с примечаниями Н. К. Кульмана, Пгр., 1921, стр. 22. — Письмо помечено 13 декабря без года, но целый ряд признаков не оставляет сомнений в том, что письмо писалось в 1825 году. Ср. Ю. Г. Оксман. Агитационная песня «Ах тошно мне и в родной стороне». — Литературное наследство. Том 59. Декабристы-литераторы. I. 1954, стр. 100 и 87.

«допотопный твой портфель спрашивай у Вяземского, которому он еще в 41 году отдан мною на сохранение», — так писал И. И. Пушкину его брат Михаил 22 апреля 1857 г. из Кларана близ Женевы.⁷

Итак, с прекрасной легендой о том, что Вяземский, рискуя свободой, явился после восстания к Пушкину, чтобы предложить обреченному другу помощь, приходится расстаться.

Вторая часть легенды о том, что Вяземский принес декабристу портфель в день его возвращения из Сибири, тоже несколько приукрашена.

Когда после смерти Николая I декабристы вернулись из ссылки, Пушкин, приехавший на первых порах в Петербург, напомнил жившему там Вяземскому о своем портфеле. Сразу Вяземский не мог его отыскать. Только после четырехмесячных хлопот Пушкина портфель вернулся к нему.⁸

Авторитетность источника (Е. И. Якушкин рассказывал со слов Пушкина) не допускала сомнений в истине рассказа, который был принят на веру и утвердился в литературе.⁹ Рассказ же этот — характерный плод затемнения памяти состарившегося мемуариста. Якушкин сообщал этот эпизод в семидесятитрехлетнем возрасте, восстанавливая по памяти рассказ, слышанный им за сорок с лишним лет до этого.

Получив портфель со своими бумагами от Вяземского, Пушкин передал молодому Якушкину все неподлинные там произведения Пушкина.¹⁰ Среди них оказались списки неопубликованных стихотворений, а также стихотворений, которые раньше печатались не полностью.

Был среди них и список стихотворения «К морю».¹¹

⁷ «Летописи Гос. Литературного Музея». Книга третья. «Декабристы». Ред. Н. П. Чулкова. М. 1938, стр. 279. В примечаниях к этому письму Н. П. Чулков указал, что «семейное предание, сохранившееся в семье Якушкиных», опровергается этим письмом (стр. 279—280).

⁸ Не получив его, Пушкин уже из Москвы воздействует на Вяземского через брата своего Николая. Он шлет ему в Петербург письмо за письмом, прося получить от Вяземского его, Пушкина, портфель, который тот хотел отыскать «на даче своей у Лесного института». Постепенно просьбы сменяются требованиями («выручай портфель непременно») и, наконец, вопросом о том, как подействовал на Вяземского его ультиматум (см. пять писем И. И. Пушкина к Н. И. Пушкину за время с 19 июня по 2 октября 1857 года — в книге: И. И. Пушкин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. М., 1925, стр. 258, 260, 264, 266, 268).

⁹ См., например: С. Я. Штрайх. Первый друг Пушкина, стр. 43; Н. Дружинин. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933, стр. 151—152 и 378 (здесь историк обсуждает лишь вопрос, когда именно был Вяземский у Пушкина — 14 декабря вечером или 15-го утром); М. В. Нечкина. Восстание 14 декабря 1825 г. Изд. Академии Наук СССР, М., 1951, стр. 173—174; И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. «Советский писатель», М., 1955, стр. 185; М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, М., 1955, стр. 337.

¹⁰ Только так можно объяснить публикацию в статье Е. И. Якушкина первоначальной редакции стихотворения 1814 года «Казак» «по рукописи поэта, принадлежавшей И. И. Пушкину», с воспроизведением подписи: «А... Аннибал-Пушкин. Любезному Ивану Ивановичу от автора» («Библиографические записки», 1858, т. I, № 10, стб. 311—313). Автограф этот, подаренный Пушкиным Пушкину, принадлежал потом Е. И. Якушкину, а ныне хранится в Пушкинском Доме. История перехода автографа от владельца к владельцу указана в книге: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составили А. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.—Л., 1937, стр. 3, № 2: «И. И. Пушкин — 1856 (следует: 1858 или 1859, — Т. Ц.) — Е. И. Якушкин — В. Е. Якушкин — 1913 — БАН — 1931 — ПД». Таково же происхождение и другого автографа: «К Пушкину» («Любезный имяннинник...»); см. там же, стр. 6—7, № 9. Подтверждают эту гипотезу и слова Е. И. Якушкина в письме к Пушкину от 7 января 1858 года: «Бумаги ваши еще нужны — возвращу их через неделю» (Летописи Гос. литературного музея, кн. III, Декабристы. 1938, стр. 473).

¹¹ Копия эта, написанная рукой И. И. Пушкина, принадлежавшая Якушкиным, хранится в настоящее время в ИРЛИ (ф. 244, оп. 4, № 4) см.: Пушкин, Полное собра-

Вместе с посланиями Пушкина в Сибирь — декабристам и Пушину (полученными в свое время Якушкиным тоже от Пушкина) эти списки и составили главный фонд новых и очень важных текстов додекабрьских стихотворений великого поэта.

И если собиравшийся Якушкиным «полный экземпляр Пушкина» поневоле должен был оставаться рукописным, — об издании всего написанного Пушкиным в то время и помышлять еще нельзя было, — то теперь, после получения собрания Пушкина, Якушкин решился на публикацию некоторых текстов.

Лицейские и юношеские стихотворения Пушкина могли ему служить своего рода прикрытием вольнолюбивой поэзии Пушкина. Соблюдая осторожность, хитроумие и ловкость, можно было попытаться провести в печать хотя бы кое-что из «запретных» в политическом отношении произведений Пушкина. И Якушкин, действительно, попытался это сделать.

Во вновь основанном в 1858 году журнале «Библиографические записки», скрывшись под инициалами Е. Я., Якушкин напечатал статью «По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина», в которой он впервые опубликовал неизвестные фрагменты и варианты стихотворных текстов Пушкина.¹² Как в этой, так и в другой статье, появившейся в том же журнале в следующем году, в которой приведены были фрагменты из прозаических текстов Пушкина,¹³ Якушкин явно стремился к тому, чтобы показать подлинное политическое лицо Пушкина. Обе эти статьи насыщены цитациями из таких произведений поэта, которые не могли в свое время увидеть свет. Широко пользуясь «эзоповской манерой», умолчаниями или зашифровкой, Якушкин не побоялся дать читателям довольно ясное представление о многих «вольнолюбивых» произведениях Пушкина и весьма ответственных по своему политическому звучанию записях из его личных бумаг. Так, например, он намекнул на оду «Вольность», привел два стиха из послания декабристам в Сибирь, напечатал запись Пушкина о беседе его с П. И. Пестелем (скрытым под буквою П., но достаточно прозрачно разъясненным в сноске), план «Русского Пелама» с именами декабристов и пр. и пр.

Наряду с этими фрагментами рукописей, препарированными с большим искусством и тактической ловкостью, Якушкин привел полностью и ряд таких стихотворений поэта (неизвестных или известных в иных редакциях), которые были безгрешны в политическом отношении: эти публикации маскировали общую направленность его статьи, имея в то же время и самостоятельную фактическую ценность.

Многие места из статьи Якушкина утверждают нас в мысли, что первая попытка печатной пропаганды политической лирики Пушкина в России после смерти Николая I исходила из стана декабристов, вернувшихся из Сибири (за границей этим были заняты в те же годы Герцен и Огарев). Это были те же самые декабристы, которые были первыми читателями, переписчиками и распространителями вольной поэзии Пушкина за тридцать пять — сорок лет до того.

В этой статье Е. И. Якушкина и увидела впервые свет тринадцатая строфа стихотворения Пушкина «К морю».

ние сочинений, т. II, кн. 2, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 1141, № 13. Долгое время эта рукопись считалась автографом поэта. В рукописные сборники, составленные Якушкиным, стихотворения «К морю», так же как и «Казак», он уже не вписывал. Он использовал их тексты для публикации непосредственно со старых рукописей.

¹² «Библиографические записки», 1858, № 10, стб. 307—318; № 11, стб. 332—346.

¹³ Проза А. С. Пушкина. Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта. «Библиографические записки», 1859, № 5, стб. 129—148; № 6, стб. 161—184.

«В списках этого стихотворения, — писал Якушкин, — есть пять ненапечатанных стихов, обозначенных в издании г. Анненкова точками:

Мир опустел. — Теперь куда же
 Меня б ты вынес океан?
 Судьба людей повсюду та же:
 Где капля блага, там на страже —
 Непросвещение иль¹⁴

Не воспроизведенное в печати слово «тиран» прямо подсказывалось читателю рифмой и шестью точками по числу букв (считая и твердый знак), предусмотрительно поставленными Якушкиным. Впрочем, и это слово уже через полгода появилось в печати — в тех же «Библиографических записках»: здесь были опубликованы варианты к текстам Пушкина по копии с рукописного сборника, принадлежавшего «покойному Кольцову».

К усеченному стиху, напечатанному Якушкиным:

Непросвещение иль

автор заметки сообщил вариант:

Иль суеверье, иль тиран.¹⁵

Оба варианта стиха существенны своим заключительным словом «тиран». Первая же часть стиха — это различные «исправления» переписчиками непонятого для них в данном контексте пушкинского выражения «Иль просвещение».

Об этом уже писал Н. О. Лернер, давший сводку разночтений этого стиха, встречающихся в рукописях и изданиях:

Стоит неистовый тиран

или

Непросвещение иль тиран

или

Коварство, злоба и <тиран>

или

Иль суеверье, иль тиран

или

Иль самовластье, иль тиран.

Искажениям этого стиха Лернер дает совершенно справедливое объяснение: «Переписчикам стихотворения хотелось как можно ярче усилить, „революционизировать“ текст. Между тем мысль Пушкина очень ясна: в ней отразилась старая романтическая идея: „просвещение“, т. е. внешнюю культуру, сотканную из лжи и условностей, поэт считает не менее враждебной благу истинной, естественной свободы, чем тирания. Эта мысль была вполне в духе

¹⁴ «Библиографические записки», 1858, № 11, стб. 343.

¹⁵ А. М е р и н с к и й. Заметки. «Библиографические записки», 1858, № 24, стб. 751.

оплакиваемого Пушкиным великого английского поэта. То же поет Алеко сыну:

Под сенью мирного забвенья
Пускай цыгана бедный внук
Не знает неги, просвещенья
И пышной суеты наук...¹⁶

После публикации Якушкина тринадцатая строфа стихотворения «К морю» была включена в текст, помещавшийся в собраниях сочинений Пушкина (начиная с издания Г. Геннади 1859 года), но от издания к изданию редакторы вносили в строфу некоторые изменения, обычно без указания источника.

Начиная с издания под редакцией С. А. Венгерова, во всех последующих изданиях стал печататься один и тот же текст:

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье, иль тиран.¹⁷

Советские текстологи, подвергнув серьезнейшей ревизии все тексты Пушкина, тринадцатую строфу стихотворения «К морю» оставили в том виде, в каком она печаталась с 1908 года.

Этот текст имел источником автограф Пушкина, сохранившийся в его рабочей тетради.¹⁸ Правда, ему противостоял текст авторитетнейших списков, которые в большинстве были тщательно изучены уже ко времени работы над приготовлением к печати академического издания.

В самых авторитетных списках, принадлежавших друзьям Пушкина — В. Ф. Вяземской, И. И. Пущину, П. П. Каверину и другим современникам поэта (например, В. Ф. Щербакову, А. Л. Энгельгардт, будущей жене Е. А. Баратынского), центральные стихи 13-й строфы читаются:

Судьба земли повсюду та же:
Где капля блага, там на страже...¹⁸

Следующий стих в копиях или не помещался вовсе, или же искажался — по догадке переписчиков.

Редакторы стихотворения «К морю» в академическом издании (Н. В. Измайлов и М. А. Цявловский) не заменили текста стихов 54 и 55 редакцией, распространявшейся в списках, так как вариант списков

Где капля блага, там на страже
Уж просвещенье иль тиран —

уже существовал в черновике поэта, но он зачеркнут и заменен другим, который и печатался в последних изданиях сочинений Пушкина начиная с 1908 года. У редакции академического издания были основания полагать,

¹⁶ Н. О. Лернер. Примечания к стихотворениям 1824 года. В издании: Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова, т. III, 1909, стр. 514.

¹⁷ Пушкин. Под редакцией С. А. Венгерова, т. II, 1908, стр. 212.

¹⁸ Строфа тринадцатая вписана в перебеленный текст первоначальной редакции (см.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 2, Изд. Академии Наук, 1949, стр. 849—850).

¹⁹ Варианты этих списков см.: Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 2, стр. 859. Копию в альбоме А. Л. Энгельгардт см. в ИРЛИ, 26322. CLXXXIXб. 11, л. 99.

что Пушкин изменил текст указанных стихов в тетради уже после того, как он переслал Вяземскому или передал Пущину тот текст, который и получил распространение.

На этих основаниях редакция академического издания приняла текст, утвердившийся с 1908 года.

4

Обратимся к тексту нового автографа стихотворения.¹

В основе своей рукопись является характерным перебеленным автографом (текст написан отчетливым почерком, с несколькими поправками, сделанными во время переписки, ровными строками; он разбит на строфы, стихотворение подписано монограммой АП). Однако поэт продолжал работу и на этой белой рукописи. Переработка текста превратила центральную часть в черновую.

Приводим транскрипцию автографа.²

Морю

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мною
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропоть заунывный
Какъ зовь его
Въ прощальный [разлученья] часъ
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ

Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзвывы
Глухі звуки, бездны гласъ,
И тишину въ вечерній часъ,
И своенравные порывы!

Смиранный
[Безпечный] парусъ рыбарей
Твоею прихотью хранимый

безпечно

Скользить [отважно] средь зыбей...
Но ты взыгралъ, неодолимый —
И стая тонетъ кораблей.

¹ Над текстом позднейшие пометы рукой владельца автографа, М. В. Юзефовича: «послѣ 36 №», «послѣ 47 № и 84 <?> №». Почерк Юзефовича определен по его письмам начала 20-х годов. В старости у него был иной почерк.

² Исправления и вписанные слова переданы в транскрипции петитом; зачеркнутые слова заключены в квадратные скобки, редакторские дополнения — в ломаные скобки.

Москва, 36 А.

Морю М. В. а 84-83

Морю

Принца, свободная земля!
Во почтенный раз предвещан
мне камнем в уста камушек
И блуждаю гордо краем

Как зрела рожь в зачехленном
Кувшине
Во прохладном расклевывал раз
твой зрелый мушкет, твой мушкет
Убавился и во почтенный раз
моя душа в твоих зрелых!
Как нас не поспешит твоим
Брошью и мушкет и мушкетом,
Заставил зрелым мушкетом!

Как и вобит она отыскать
Луга зрел, бездельный шаг,
И мышью в зрелый шаг,
И вобит похвально!

Возвращаясь к зрелым,
твоему зрелому зрелому
созвучит ^{зрелому} зрелому зрелому...
Но тебе зрелый, зрелый —
И мал мой зрелый.

И зрелый мой зрелый
Моя зрелый мой зрелый
моя зрелый мой зрелый
И по зрелому зрелому
мой зрелый мой зрелый!

Моя зрелый, моя зрелый... и зрелый мой зрелый
Возвращаясь зрелый мой зрелый.

«Морю». Беловой с поправками автограф Пушкина.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Могучий империю охраняет
У берегов славянах.

Омниа франки? крива бы абент
и ~~Старо~~ ^{взросл} ~~восточная~~ ^{восточная} ~~империя~~ ^{империя}?
Судит при миге и в бойи шумовит
как бы душу пораженит.

Одна скала, грубоица скалы.
Мамъ порудимит и владави конь
Восновимити. Восточнах...
Мамъ угадас Нисновокъ.

Мамъ оу новити гиду имприн-
и восточна го нис, как бупа шумит.
Другой отъ нас угадас Тини,
Другой восточнах каинит шумит.

~~Мамъ оу новити гиду имприн-
и восточна го нис, как бупа шумит.
Другой отъ нас угадас Тини,
Другой восточнах каинит шумит.~~
Мамъ, восточнах восточнах,
Восточнах восточнах восточнах,
Мамъ оу новити гиду имприн-
и восточна го нис, как бупа шумит.
Другой отъ нас угадас Тини,
Другой восточнах каинит шумит.

Мамъ оу новити гиду имприн-
и восточна го нис, как бупа шумит.
Другой отъ нас угадас Тини,
Другой восточнах каинит шумит.
Мамъ оу новити гиду имприн-
и восточна го нис, как бупа шумит.
Другой отъ нас угадас Тини,
Другой восточнах каинит шумит.
Мамъ оу новити гиду имприн-
и восточна го нис, как бупа шумит.
Другой отъ нас угадас Тини,
Другой восточнах каинит шумит.

«Морю». Беловой с поправками автограф Пушкина. Оборот листа.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.

Не удалось на вѣкъ оставить
 Мнѣ скучный неподвижный берегъ
 Тебя восторгами поздравить
 И по хребтамъ твоимъ направить
 Мой поэтической побѣгъ!

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ
 Вотще рвалась душа моя,
 Могучей страстью очарованъ
 У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? куда бы нынѣ
 путь отважный
 Я [бѣгъ] [безпечный] устремилъ?
 Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
 Мою бы душу поразилъ,

Одна скала, гробница славы.
 Тамъ погружались въ хладный сонъ
 Воспоминанья величавы...
 Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій —
 И въ слѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
 Другой отъ насъ умчался Геній,
 Другой властитель нашихъ думъ...³

Речи жъ <?> [Ты]
 овалось [жъ]

Изчезъ оплаканный свободой
 Оставя міру свой вѣнецъ

Взволн[уйся], [море], непогодой
 вѣрный [Байронъ] Онъ былъ, о море
 [Твой] [сынъ⁴ любимый], твой пѣвецъ
 Изчезъ, оплаканный Свободой,⁵
 [намъ] Кумиромъ избранныхъ сердцемъ⁺⁷
 [Оставя] [міру] [свой] [вѣнецъ].⁶

+ Твой образъ былъ на немъ
 означенъ —

Онъ Духомъ⁸ созданъ былъ
 Какъ ты¹ глубоко, могущъ² твоимъ³
 [Онъ былъ] [какъ ты] [глубокъ]
 и мраченъ
 Какъ ты ничѣмъ неукротимъ

[увы!]
 [теперь]¹⁰ [меня]
 Міръ опустѣлъ... [и что жъ]? куда-же
 [Играя] ты
 [Меня]¹¹ бь¹² вынесъ, Океанъ?
 Судьба земли повсюду та же
 Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ
 Ужъ Просвѣщенье иль Тиранъ.¹³

³ После этой строфы поставлен разделительный знак (черта).

⁴ Исправлено из начатого: а. Вой, вой б. Твой, вѣ<рный> <?>

⁵ Исправлено из: свободой.

⁶ Переделано на: Оставя лиру и венецъ. Вся строфа перечеркнута двумя легкими чертами.

⁷ Описка, вместо сердець. Крѣстик означает место вставки строфы, приписанной сбоку.

⁸ Переделано из: духомъ

⁹ Переделано: Какъ ты могущъ, глубоко

^{10, 11} Зачеркнуто и затем восстановлено.

¹² Переделано из: бы.

¹³ После этой строфы слева поставлен разделительный знак (черта).

Удовлетворенный поэт переписал стихотворение и подписал его своей монограммой.

Именно этот перебеленный текст второй редакции, уже очень близкий к окончательному тексту, печатавшемуся Пушкиным, мы и видим в новом автографе.

Здесь композиция строится следующим образом. Первые пять строф посвящены лирическому прощанию поэта с морем. Шестая и седьмая говорят о неудавшемся замысле поэта — бегстве морским путем, с выразительным объяснением:

Могучей страстью очарован
У берегов остался я.

Далее следуют строфы исторического содержания — две, посвященные Наполеону, угасающему на скале, и две строфы, оплакивающие сына моря и его певца Байрона.

Эти строфы подводят к центральной мысли произведения — к мрачной политической сентенции, окрашенной романтической разочарованностью поэта.

Завершается стихотворение двумя прощальными строфами, теми самыми, которыми заканчивалась первая редакция.

Беловой текст обнажил перед поэтом не замеченные им в черновике стилистические погрешности. И он начал новую работу по только что удовлетворявшему его и даже подписанному беловику.

Поэт освобождался от тавтологии; в стихах:

Как друга ропот заунывный
В прощальный разлученья час —

он изменяет второй стих:

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час...

В стихах:

Беспечный парус рыбаей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей...

он меняет эпитеты, чтобы точнее выразить свою мысль:

Смиренный парус рыбаей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит беспечно средь зыбей...

В стихах:

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я бег беспечный устремил? —

поэт заменяет эпитет «беспечный», который уже был употреблен выше, освободившимся там эпитетом «отважный»; тем самым устраняется и случайный звуковой повтор («бег беспечный»):

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь отважный устремил?

В предпоследней строфе, текст которой совпадает с окончательной редакцией, напечатанной поэтом в сборнике его стихотворений, третий стих был первоначально написан в ином виде; он совпадал здесь с вариантом, напечатанным Пушкиным первоначально в альманахе «Мнемозина»:

И долго, долго помнить буду.

Исправленный текст выразительнее передает чувственное ощущение неотступного звучания моря:

И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

Упорно добиваясь более точного выражения своей мысли, Пушкин возвращается кое-где в печатном тексте к отмененной в новом автографе расстановке эпитетов; в окончательном тексте мы читаем вновь:

Смиранный парус рыбаей,
Твою прихоть хранимый,
Скользит отважно средь зыбей...

И далее:

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?

Первый стих последней строфы:

В леса, в пустыни молчаливы —

первоначально заканчивался в новой рукописи иным эпитетом — «отдаленны». Этого слова не было в предыдущем тексте (тетради № 2370), откуда списывался публикуемый нами текст; он мог быть в черновике последней строфы, которого, повторяю, мы не знаем. Но в новый беловой текст он попал, может быть, случайно, — к слову «отдаленны» в строфе нет рифмы, — и на ходу заменен прежним эпитетом «молчаливы».

Первоначальное чтение последнего стиха:

И блеск, и шум, и говор волн —

так же неожиданно, как эпитет «отдаленны»: слова «шум» не было в предыдущей беловой редакции строфы, черновика же ее мы не знаем.

Стих:

Твой гул в вечерние часы —

напечатан в «Мнемозине» с вариантом, нигде более не встречающимся:

Твой шум в вечерние часы.

Не случайное ли это искажение, происходящее от небрежного прочтения слова «гул»?

Аналогичное искажение на основании неправильного прочтения автографа «К морю» имеется и в стихе 26 в тексте, напечатанном в «Мнемозине»; этот стих дан там в следующем виде: «Мой поэтический набег» (вместо «побег»), что не имеет никакого смысла.

Пушкин словно предчувствовал ошибки при публикации этого стихотворения, когда писал:

«Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего демона! моего демона! после этого он и Верую напечатает ошибочно. Не давать ему за то ни Моря, ни капли стихов от меня» (XIII, 126).

Обратимся к работе поэта над центральными строфами произведения.

В процессе работы над текстом одиннадцатой строфы возникали разные варианты:

а. Взовлнуйся, море, непогодой

твой сын¹⁶ любимый, твой певец
Исчез, оплаканный Свободой,
Оставя миру свой венец.

б. Взовлнуйся ж, море, непогодой¹⁷
Байрон, твой певец¹⁸
Исчез, оплаканный Свободой,
Кумиром избранных сердец.¹⁹

в. Исчез, оплаканный Свободой,
Оставя миру свой венец.
Ревн ж <?> взовлн[уйся] непогодой.²⁰
Он был, о море, твой певец.²¹

На этом варианте Пушкин и остановился. Почувствовав, может быть, что патетическая строфа «Мир опустел...» недостаточно подготовлена ходом мыслей и выражения их, поэт вводит новую строфу (она вырабатывалась уже в черновом тексте²²).

Он вписывает эту строфу на полях, крестиком указывая ее место:

Твой образ был на нем означен —
Он Духом создан был твоим
Он был как ты глубок и мрачен
Как ты ничем неукротим.

Третий стих строфы был исправлен:

а. Как ты, глубок, могущ и мрачен.
б. Как ты, могущ, глубок и мрачен.

В следующей строфе Пушкин тоже исправил два первых стиха. Первоначально они читались:

Мир опустел... и что ж? куда же
Меня бы вынес Океан?

Исправления:

Мир опустел... теперь куда же

*

Мир опустел... увя! куда же

*

Мир опустел... меня куда же
Играя б вынес Океан?

*

¹⁶ Начато было: а. Вой, вой
б. Твой ве<рный> <?>

¹⁷ Взовлнуйся, море, непогодой

¹⁸ Твой верный сын <и> <?> твой певец

¹⁹ а. Оставя лиру и венец

б. Оставя нам венец

²⁰ Ты взволновалась непогодой

²¹ Вся строфа слегка перечеркнута, что связано, вероятно, с тем, что окончательный вариант двух стихов написан на полях.

²² ЛБ, № 2370, л. 18; см. т. II, кн. 2, 1949, стр. 856.

Мир опустел... теперь куда же
 Меня б ты вынес, Океан?

Обработав таким образом эти три строфы — XI, XII и XIII, а может быть, и до того, как была добавлена двенадцатая строфа, Пушкин отчеркнул их двумя разделительными чертами (см. снимок и транскрипцию). Не означала ли эта помета строф, которые, как предвидел поэт, не пройдут сквозь цензуру и возможность исключения которых при печатании он примеривал?

Переработанный текст нового автографа несколько отличается от текста, который был напечатан в «Мнемозине». Позднее он вновь несколько видоизменялся.

Приведу эти различия окончательного текста автографа и печатных текстов.²³

<i>Заглавие:</i> Морю	А
— К морю	М СП СП ₁
19 Скользит беспечно средь зыбей	А СП
— Скользит отважно средь зыбей	М СП ₁
21 И стая тонет кораблей	А СП СП ₁
— И тонет стая кораблей ²⁴	М
26 Мой повтической побег!	А СП СП ₁
— Мой повтический набег! ²⁵	М
29 Могучей страстью очарован	А СП СП ₁
— Могущей ²⁶ страстью очарован	М
32 Я путь отважный устремил	А СП
— Я путь беспечный устремил	М СП ₁
42 <i>Сноска:</i> Байрон ²⁶	М
45 Ревн ж(?) взволн[уйся] непогодой	А
— Ревн, волнуйся ²⁷ непогодой	М
— Шуми, взволнуйся непогодой	СП СП ₁
51—55 Мир опустел... теперь куда же Меня б ты вынес, Океан? Судьба земли повсюду та же Где капля блага, там на страже Уж Просвещение иль Тиран	А
— Мир опустел. ²⁸	М СП ₁
— Мир опустел... Теперь куда же Меня б ты вынес, океан?	СП
58 И долго, долго помнить буду	М
И долго, долго слышать буду	А СП СП ₁
59 Твой гул в вечерние часы	А СП СП ₁
— Твой шум ²⁹ в вечерние часы	М

Новый автограф — беловой — показывает, что Пушкин, как это с ним часто бывало, вернулся в тринадцатой строфе к отмененным вариантам, введя лишь новое, более широкое, обобщенное и образное понятие; вместо

Судьба людей повсюду та же

²³ Буквой А обозначается окончательный текст нового автографа, буквой М — текст «Мнемозины», буквами СП — текст издания «Стихотворений» 1826 года, буквами СП₁ — текст издания «Стихотворений» 1829 года.

²⁴ Редактура Кюхельбекера?

²⁵ Ошибка?

²⁶ Редактура Кюхельбекера?

²⁷ Ошибка?

²⁸ Типографская кушора стихов 52—55 показана в «Мнемозине» и «Стихотворениях» 1829 года по-разному; об этом см. выше.

²⁹ Ошибка?

поэт написал:

Судьба земли повсюду та же

Из черновой редакции Пушкин взял:

Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль тиран,

замененные там общеизвестными стихами:

Где благо, там уже на страже
Иль просвещение, иль тиран.

Эта редакция с усилением контраста — капля блага и тиран, — очевидно, удовлетворила поэта, потому что именно этот текст получил распространение в копиях.

Изучение текста нового автографа стихотворения Пушкина «К морю» проясняет историю его создания, работу поэта над композицией произведения; автограф дает и ряд новых словесных вариантов.

Этот автограф более поздний, чем автограф, бывший известным до сих пор в тетради поэта; текст публикуемого автографа еще несколько отличен от текста, который Пушкин отдал в печать. Безусловно был еще один (а может быть, и не один) автограф с тем текстом, который поэт отослал через П. А. Вяземского в «Мнемозину».

Но пока не обнаружен тот последний рукописный текст, — новый автограф является для нас последним словом поэта в отношении текста тринадцатой строфы, не напечатанной Пушкиным по цензурным условиям. Его чтение подтверждается и авторитетнейшими копиями стихотворения.

Таким образом, только теперь, на втором столетии после создания стихотворения «К морю», самая ответственная его строфа, центральная для понимания умонастроения Пушкина в 1824 году, получает, наконец, правильный текст, где трагическая идея воплощена в совершенное поэтическое выражение.

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

ЭПИГРАММЫ ПУШКИНА НА КАРАМЗИНА

В русских рукописных сборниках первой половины XIX века сохранилось несколько эпиграмм на Карамзина и его «Историю Государства Российского», приписанных переписчиками авторству Пушкина. Из них в собрании сочинений Пушкина впервые появилась в 1857 году следующая эпиграмма:

— «Послушайте, я вам скажу про старину,
Про Игоря и про его жену,
Про Новгород, про время золотое
И наконец про Грозного Царя» —
Эх, бабушка, затяла пустое!
Окончи лучше нам «Илью-богатыря».

Редактор этого издания, П. В. Анненков, сопроводил эпиграмму следующим примечанием: «Шутка написана была еще в лицее, заключает в себе намек на сказку Карамзина „Илья Муромец“ — и по добродушной, беззлобивой веселости, отличающей ее, может быть приведена здесь».¹ Последние слова примечания показывают, что Анненкову были известны и другие эпиграммы Пушкина на Карамзина, не такие добродушные, и которые в 1857 году не могли быть напечатаны.

Вскоре, в 1861 году, появились в печати две другие эпиграммы. Их напечатал за границей Н. Гербель в сборнике стихотворений, не вошедших в русские издания сочинений Пушкина.² Вот эти две эпиграммы или, вернее, два варианта одной эпиграммы:

АВТОРУ «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»

I

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

II

На плаху истину влача,
Он доказал нам без пристрастья
Необходимость палача
и прелесть самовластья.

¹ Сочинения Пушкина, седьмой, дополнительный том, ч. I, изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857, стр. 100, примечание Анненкова (текст эпиграммы помещен на стр. 99—100).

² «Н. В. Гербель». Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861, стр. 103.

Обе эти эпиграммы Н. Гербель печатал с датой: «1819». Они же появились в том же 1861 году в лондонском сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия». Там эти эпиграммы приведены в качестве двух вариантов одной эпиграммы, причем второй вариант напечатан в несколько иной редакции (стр. 84):

На плаху древность волоча,
Он доказал нам без пристрастья
Необходимость палача
И справедливость самовластья.

В рукописных собраниях можно встретить еще одну эпиграмму в разных вариантах:

Решившись хамом стать
Пред самовластья урной,
Он нам старался доказать,
Что можно думать очень дурно
И очень хорошо писать.³

В традиции удержались из этих эпиграмм только две: опубликованная П. В. Анненковым (но обычно с иным чтением первого стиха: «Послушайте, я сказку вам начну») и первая из опубликованных Н. В. Гербелем. Для этого имеются достаточные основания в самом качестве стихов. Обе эти эпиграммы, в качестве пушкинских, появились в книге М. П. Погодина «Н. М. Карамзин» в 1866 году.⁴ Эти две эпиграммы обычно и печатались во всех изданиях сочинений Пушкина без особенных сомнений. Так, в старом академическом издании В. Е. Якушкин приводит всю документацию, о которой мы будем говорить дальше и которая, казалось бы, давала основание сомневаться в принадлежности обеих эпиграмм Пушкину; однако он не убежден в непрерываемости этих свидетельств и печатает обе эпиграммы, как принадлежащие Пушкину. В. Е. Якушкин пишет: «... в виду всего этого мы и приняли две эпиграммы на Карамзина, по примеру всех изданий, начиная с издания 1880 года».⁵

Иначе решен вопрос в издании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова. Эпиграммы напечатаны среди других произведений с подзаголовком: «Приписывается Пушкину». В комментарии, принадлежащем Н. О. Лернеру, утверждается, что эпиграмма «В его „Истории“ изящность,

³ В одиннадцать просмотренных нами рукописных сборниках, хранящихся в фонде Пушкина рукописного собрания Пушкинского Дома, находится (в разных редакциях) десять списков эпиграммы «Послушайте...» (в том числе один список, подписанный именем Грибоедова), четыре — «В его „Истории“...», пять — «На плаху...» и три — «Решившись хамом стать...». В этих сборниках встречается и соединение двух последних эпиграмм в одну. Эти цифры характеризуют распространение эпиграмм. Обе рукописные эпиграммы («Решившись хамом стать...», «На плаху...») напечатаны Ефремовым: Сочинения А. С. Пушкина, т. VIII, редакция П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, 1905, стр. 122—123.

⁴ М. П. Погодин опубликовал эпиграммы Пушкина непосредственно после отрывков из критической записки Никиты Муравьева об «Истории Государства Российского» и при этом писал: «Молодой Пушкин, только что окончивший курс в Лицее, при всем своем благоговении к Карамзину, которое у него возрастало во всю жизнь, не мог преодолеть искушения сказать острое слово и выразил общее настроение окружавшей его передовой молодежи в двух эпиграммах, одна другой злее: эти эпиграммы имеют для нас историческое значение, как отголосок их мнения, от которого сам Пушкин впоследствии торжественно отказался» (М. П. Погодин. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. II, М., 1866, стр. 204).

⁵ Сочинения Пушкина, т. II, Изд. имп. Академии Наук, СПб., 1905, стр. 148.

простота...» принадлежит не Пушкину, а по отношению ко второй точных данных, позволяющих считать ее пушкинской, не имеется.⁶

В советских изданиях до последнего академического (1937—1949) обе эпиграммы печатались в разделе Dubia.

Остановимся на вопросе, какие же были основания сомневаться в принадлежности этих эпиграмм Пушкину?

Собственно Пушкину принадлежат два свидетельства о его эпиграммах против Карамзина. Первое заключается в ответе П. А. Вяземскому на его упрек. В записке Вяземского Пушкину от 12 июня 1826 года имеются слова: «... ты... шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов...».⁷ Пушкин был глубоко обижен этими словами и отвечал 10 июля 1826 года: «Во-первых, что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь? Во-вторых, кого ты называешь сорванцами и подлецами?».⁸

В записках Пушкина сохранились его воспоминания о Карамзине. Пушкин сообщил о том Вяземскому, а тот предложил ему эти воспоминания напечатать.

Пушкин сильно колебался, стал обрабатывать соответствующие страницы записок, одно время совершенно отказался от мысли печатать их (он писал Вяземскому 9 ноября 1826 года: «Сейчас перечел мои листы о Карамзине — нечего печатать»⁹), но, в конце концов, включил их в сокращении в «Отрывки из писем, мысли и замечания» для «Северных цветов» Дельвига. В рукописной редакции этих страниц, написанных, очевидно, не без мысли об их напечатании, мы читаем по поводу выхода в свет «Истории Государства Российского»: «Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни».¹⁰

Сопоставляя эти слова с письмом П. А. Вяземскому, мы можем заключить, что речь идет об одной и той же эпиграмме. В письме к П. А. Вяземскому Пушкин противопоставляет свою эпиграмму, «острую и ничуть не обидную», другим — «глупым и бешеным». Ясно, что после этого он только свою эпиграмму мог назвать лучшей (писалось это почти в одни и те же дни). Естественно, что под впечатлением недавней смерти Карамзина (22 мая 1826 года) Пушкин хотел несколько ослабить впечатление от распространеннейшей своей эпиграммы против Карамзина, и этого он достигал несколько противоречивым соединением полуотречения от авторства («Мне приписали») и осуждением своего поступка («не лучшая черта моей жизни»). В печати (в «Северных цветах») эта двусмысленная фраза не появилась.

Из этих свидетельств Пушкина явствует следующее: написанная им эпиграмма вызвана выходом в свет «Истории Государства Российского», т. е. относится ко времени после 1 февраля 1818 года, к тем дням, когда произошло какое-то обострение в личных отношениях Пушкина и Карам-

⁶ Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин, т. II. Изд. Брокгауз-Ефрон, СПб., 1908, стр. 535.

⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии Наук СССР, 1937, стр. 284.

⁸ Там же, стр. 285—286.

⁹ Там же, стр. 305.

¹⁰ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 306.

зина. Это могло быть и в 1819 году и в самом начале 1820 года. С такой датировкой согласуется и свидетельство А. И. Тургенева, который был сильно раздражен против Пушкина, прочтя в апреле 1825 года его эпиграмму на Карамзина, но затем смягчился, узнав, что стихи эти «написаны за пять или шесть лет перед сим, если не прежде».¹¹

В письме Вяземскому можно усмотреть намек и еще на одно обстоятельство. Вяземский характеризовал эпиграмму тем, что она была писана ради одобрения «некоторых сорванцов и подлецов». Между тем Пушкин хорошо помнил, в какой атмосфере возникла его эпиграмма. В его записках это достаточно ясно обрисовано: «Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, — казались им верхом варварства...».¹² Пушкин называет имена этих якобинцев: Никита Муравьев и Михаил Орлов. Речь шла о декабристах. Эпиграмма Пушкина могла вызвать одобрение среди декабристов. Бранные эпитеты, произнесенные Вяземским в пылу безотчетного рвения к памяти Карамзина, могли показаться весьма неуместными накануне казни и ссылки декабристов. А Пушкин, конечно, хорошо помнил, в какой среде зародилась идея его эпиграммы.

Остается еще одно указание в цитированном выше письме Пушкина Вяземскому от 10 июля 1826 года: его эпиграмма «остра и ничуть не обидна». В какой мере это может служить основанием к отождествлению эпиграммы Пушкина? Надо признать, что здесь Пушкин выступает судьей в собственном деле. Это скорее оправдания обвиняемого, чем окончательный приговор. Действительно ли могла быть такой добродушной эпиграмма, написанная в состоянии раздражения, вызванного обидой? Ведь Пушкин тут же писал: «До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить». Между тем именно это указание Пушкина на безобидность эпиграммы более всего повлияло на дальнейшую судьбу интересующих нас эпиграмм.

В последнем академическом издании напечатана только одна из них: «Послушайте: я сказку вам начну...». Другая эпиграмма вообще не вошла в это издание, даже в отдел *Dubia*. Эпиграмма, напечатанная в качестве несомненно принадлежащей Пушкину, опубликована во втором томе, среди произведений 1817 года.¹³ Замечу, что до этого в изданиях, редактировавшихся М. А. Цявловским, бывшим также редактором указанного тома академического издания, эпиграмма появлялась, хотя и как сомнительная по принадлежности, но под другой датой: она связывалась с датой выхода в свет «Истории Государства Российского», т. е. с 1818 годом.¹⁴ Вопреки обычаю академического издания, данный текст сопровождается примечанием по существу дела: «Эта эпиграмма — единственная эпиграмма Пушкина на Карамзина, авторство которой не вызывает сомнений. Включавшаяся до последних изданий в отдел *Dubia* эпиграмма „В его «Истории» изящность, простота“ по всем данным Пушкину не принадлежит».¹⁵

Итак, можно подумать, что академическое издание нашло окончательное решение вопроса. Однако затруднения возникают и здесь. Повидимому, ход решения был такой: из двух эпиграмм, считавшихся одновременными,

¹¹ См. письма А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 28 апреля и 4 мая 1825 года. Остафьевский архив, т. III, СПб., 1899, стр. 117 и 121.

¹² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, 1949, стр. 306.

¹³ Там же, т. II, 1947, стр. 39.

¹⁴ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, в шести томах, т. I, под редакцией М. А. Цявловского, изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 794.

¹⁵ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 2, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 1026.

избрана более добродушная. Критерий незлобивости выдвинут потому, что критерий хронологии не давал оснований для выбора. Правда, этот психологический критерий всегда сохраняет явные признаки субъективизма.

Но главным затруднением является то, что академическое издание меняет дату эпиграммы, при этом меняет так, что, принимая эту дату, мы должны считать, что к этой эпиграмме слова Пушкина не относятся. Эпиграмма напечатана во втором томе в разделе стихотворений 1817 года, однако примечание противоречит такому положению эпиграммы. В примечании мы читаем: «Датируется 27 (?) марта... 15 (?) апреля 1816 г.».¹⁶ Иначе говоря, редакторы вернулись к датировке П. В. Анненкова, писавшего, что эпиграмма писана в Лицее, и даже уточнили эту датировку очень узкими пределами (менее месяца). Академическое издание должно было бы согласно датировке напечатать эпиграмму в первом томе. Повидимому, она попала во второй том только потому, что новая датировка была установлена после того, как был отпечатан первый том.

Академическое издание не дает обоснования датировок, однако это обоснование нам известно по «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского (т. I, 1951); там стоит такая же дата, а в примечаниях на стр. 733—734 находится и мотивировка: «Поводом для написания эпиграммы на „Историю Государства Российского“ послужило, вероятно, следующее сообщение в „Сыне Отечества“ 1816 г., № XII, от 24 марта, с. 239: „При сем случае можем известить публику, уже давно с нетерпением ожидающую Истории Российской, сочиненной г. Карамзиным, что он кончил и совершенно изготовил к напечатанию 8 томов. В них заключается История России от древнейших времен до кончины царицы Анастасии Романовны, супруги царя Ивана Васильевича Грозного, т. е. до 1560 года. Ныне занимается он девятым томом и надеется кончить его до издания в свет первых осьми. Вся История печататься будет в Санктпетербурге, под смотрением самого автора, и все 9 томов выйдут вдруг. Печатание продолжится года полтора“».

Это объяснение допустимо, но оно несовместимо с предположением, что Пушкин писал Вяземскому именно об этой эпиграмме. Эпиграмма «Послушайте: я сказку вам начну...» говорит не об «Истории», а об обещании Карамзина выпустить «Историю» в свет. Следовательно, она не может относиться к 1818 или 1819 годам.

Отпадает и предположение, что эпиграмма получила распространение уже после выхода в свет «Истории» Карамзина, а написана она раньше. Если в «Записках» означен момент, когда эпиграмму *приписали* Пушкину, то в письме Вяземскому ясно говорится о времени *создания* эпиграммы. А это было в дни, когда Карамзин резко отстранил от себя Пушкина. Между тем обстановка марта и апреля 1816 года никак не допускала этого в отношениях Пушкина и Карамзина. Известно, что Карамзин впервые, если не считать московских долицейских встреч, увидел Пушкина в Лицее 25 марта 1816 года. Затем Карамзин уехал в Москву и оттуда переехал в Царское Село 24 мая того же года. Следовательно, ни о каком охлаждении, ни о какой обиде в эти дни говорить не приходится.

Отсюда прямой вывод: при новой датировке эпиграммы «Послушайте: я сказку вам начну...» исключается всякая возможность того, что именно о ней писал Пушкин в письме Вяземскому и в своих «Записках» в 1826 году. Следовательно, надо искать другую эпиграмму. Никакой ошибкой памяти

¹⁶ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 2, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 1026.

нельзя объяснить расхождение между теми обстоятельствами, на которые указывает Пушкин, и той действительной обстановкой, при которой создавалась эпиграмма «Послушайте...», если она действительно принадлежит Пушкину и написана им в Лицее.¹⁷

Исключение эпиграммы «В его „Истории“...» из корпуса сочинений Пушкина, совершенное в академическом издании и некритически повторенное в десятичном издании под моей редакцией (впрочем, она приведена в т. VIII, на стр. 522), не было принято единодушно. В частности, против этого возражал Д. Д. Благой, посвятивший этому вопросу обширное примечание в своей книге «Творческий путь Пушкина». Он пишет: «Невключение этой эпиграммы в новейшее академическое издание сочинений Пушкина, как и в 10-томник 1949 года, даже в раздел Dubia, я считаю безусловно ошибочным».¹⁸ Однако Д. Д. Благой ограничивается только психологической мотивировкой.

В самом деле, если избирать из двух эпиграмм ту, которая более согласуется с положительными указаниями Пушкина, то, конечно, за отпадением эпиграммы «Послушайте...», можно назвать только эпиграмму в «В его „Истории“...». Конечно, ни «Решившись хамом стать...»,¹⁹ ни «На плаху истину влача...» Пушкину не принадлежат, несмотря на упорное хождение их под именем Пушкина по страницам рукописных сборников.

Остается рассмотреть вопрос о том, насколько возможно приписать Пушкину именно эту эпиграмму по ее содержанию.

Отношение Пушкина к «Истории» Карамзина определяется его замечкой, относящейся к тому же времени, что и эпиграмма, — к 1818—1819 годам. Пушкин обратил внимание на сентенцию Карамзина: «Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где *обязанность*, там и *закон*: никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастье народное».²⁰ Пушкин разоблачает софизм Карамзина, указывая на различие между законом, гарантирующим исполнение обязанности, и моральным долгом, представляемым на произвол каждого:

«Г-н Карамзин неправ. Закон ограждается страхом наказания. Законы нравственности, коих исполнение оставляется на произвол каждого, а нару-

¹⁷ Слишком поспешное признание эпиграммы «Послушайте...» единственной, связываемой с именем Пушкина, привело к некоторым досадным недоразумениям в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского. Так, на стр. 149 читаем: «1818. Февраль 15... Март (?)». Распространяется эпиграмма на Карамзина „В его „Истории“ изящность, простота“, постоянно приписываемая Пушкину. Сам поэт отказывается от нее». В перечне же произведений Пушкина на стр. 836 находим ссылку на это место при эпиграмме «Послушайте...». Мало того, чтобы обосновать это известие, делается ссылка на издание Гербея и на письмо Пушкина Вяземскому 1826 года. Но в издании Гербея напечатан текст двух эпиграмм без всяких примечаний и с датой: «1819 г.», следовательно, отсюда никак нельзя сделать вывод, что эта, и только эта, эпиграмма распространялась в 1818 году. В письме Пушкина вообще ничего не говорится о распространении эпиграммы и никакой эпиграммы не называется. Пушкин отказывается от «глупых и бешеных» эпиграмм. Мы не можем назвать эпиграмму «В его „Истории“...» ни глупой, ни бешеной. Следовательно, известие о распространении эпиграммы «В его „Истории“...» остается ничем не подкрепленным. Неоправданными являются отсылки (в перечне произведений Пушкина на стр. 836) к письмам А. И. Тургенева и на письмо Пушкина 1826 года.

¹⁸ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. Изд. Академии Наук СССР, 1950, стр. 557—558.

¹⁹ Н. В. Гербель в своем сборнике 1861 года приводит список эпиграмм, о которых ему «положительно известно», что они «написаны не Пушкиным». Здесь под № 5 названа эпиграмма «Решившись хамом стать...». (стр. XI).

²⁰ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. VII, Изд. 2-е, СПб., 1819, стр. 201.

шение не почитается гражданским преступлением, не суть законы гражданские».²¹

Иными словами, возражая Карамзину, Пушкин именует самодержавие «беззаконием. Не следует ли из этого, что Пушкин в 1818 году солидаризировался с теми «якобинцами», о которых он писал в своих «Записках».

Идея самодержавия и его «спасительности», развиваемая Карамзиным на страницах его «Истории», вот первое, что привлекло внимание и возмутило как будущих декабристов, так и Пушкина. Это и отразилось в эпиграмме.

В эпиграмме чувствуется прежде всего впечатление от предисловия к первому тому «Истории» Карамзина, которое начинается обращением к властям и правителям с указанием: «Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок. . .».²² И с этим началом согласовывалось заключение: «да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей».²³ Разве не мог Пушкин уточнить, что именно восхваляет Карамзин в качестве мудрых мер, обуздывающих страсти, и подставить вместо риторических перифраз краткое слово «кнут»?

Не мог Пушкин не обратить внимания и на ту мысль Карамзина, что одно из первых достоинств истории есть художественность изложения. Указывая, что мысли историка «не имеют большой цены», Карамзин определял задачу историка как изображение «действий и характеров»: «Искусное повествование есть долг бытописателя, а хорошая отдельная мысль есть дар: читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено».²⁴ Самый патриотизм историка Карамзин изображает как чувство преимущественно эстетическое: «. . . как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в историке, так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. . ., в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии!».²⁵

Никита Муравьев в своих замечаниях, упоминаемых в «Записках» Пушкина, отметил это слабое место метода Карамзина:

«Наш писатель говорит, что в истории красота повествования и сила есть главное! Сомневаюсь!.. Мне же кажется, что главное в истории есть дельность оной. Смотреть на историю единственно как на литературное произведение есть унижать оную».²⁶

Не осталась незамеченной и поза беспристрастной верности истине, выразившаяся в том же предисловии Карамзина. Слова «истина» и «достоверность» неоднократно произносятся Карамзиным.

Рассматриваемая эпиграмма родилась в кругу тех мыслей, какие возникли у передовой молодежи при чтении «Истории» Карамзина. В первом же стихе формулируется то самое обвинение, которое находится в замечаниях Муравьева: «В его „Истории“ изящность, простота. . .» и далее слово за словом, стих за стихом высказываются те горькие истины, какие говорили Карамзину и Муравьев и его единомышленники. Эту эпиграмму никак

²¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, 1949, стр. 189.

²² Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. I. 1818, стр. IX.

²³ Там же, стр. XXVI.

²⁴ Там же, стр. XXI—XXII.

²⁵ Там же, стр. XXII, XXIII.

²⁶ М. П. Погодин. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников, ч. II, стр. 203.

нельзя отнести в разряд «глупых и бешеных», так как она в своем лаконизме поражает Карамзина-историка именно в том, что вызывало возмущение «молодых якобинцев».

Итог всего предыдущего таков: из двух эпиграмм согласуется с теми обстоятельствами создания, о которых говорил Пушкин, только эпиграмма «В его „Истории“...». Ее и следует печатать в собраниях сочинений Пушкина.

Не будем игнорировать и некоторые свидетельства против такого вывода. Таковы, например, замечания П. А. Вяземского. В его сочинениях мы читаем по поводу эпиграммы «Послушайте, я вам скажу про старину...» (в связи с тем, что она приписывалась Грибоедову): «В ней выдается почерк Пушкина, а не Грибоедова... При всем своем уважении и нежной преданности к Карамзину, Пушкин мог легко написать эту шалость; она, вероятно, заставила бы усмехнуться самого Карамзина. В лета бурной молодости Пушкин не раз бывал увлекаем то в одну, то в другую сторону разнородными потоками обстоятельств, соблазнов и влияний литературных и других» (писано в 1873 году).²⁷

С другой стороны, в сборнике «Старина и новизна» (вып. VIII) помещены пометы Вяземского на экземпляре сборника Гербея. На полях той страницы, где напечатаны эпиграммы «В его „Истории“...» и «На плаху истину влача...», Вяземский написал: «Я убежден, что стихи не Пушкина» (стр. 37).

Казалось бы, Вяземский подтверждает решение большого академического издания Пушкина. Но из самой формулировки видно, что у Вяземского не было положительных данных о том, какие эпиграммы против Карамзина писал Пушкин, и он руководствовался догадками, а кроме того, не совсем ясно, к которой из двух эпиграмм относится его замечание на полях.

Свидетельству Вяземского можно противопоставить свидетельство М. П. Погодина, поместившего в своей книге о Карамзине обе эпиграммы в качестве несомненно пушкинских. Погодину приходилось не раз беседовать с Пушкиным о Карамзине и его «Истории», об этом мы знаем из его дневника. Такие записи мы находим под датами 20 сентября 1826 года, 8 декабря 1828 года и 14 марта 1829 года.²⁸ В этих разговорах могла зайти речь и об эпиграммах.

Итак, эпиграмму «В его „Истории“ изящность, простота...» следует признать принадлежащей Пушкину. Но как быть с другой эпиграммой «Послушайте...»? Если верить заявлениям Пушкина буквально, то эту эпиграмму надо отбросить. Но вряд ли такое поспешное решение было бы правильным. Пушкин в письме Вяземскому мог и не вспомнить о своей лицейской шутке и, во всяком случае, считал, что такая эпиграмма не может быть основанием для обвинения в непочтительном отношении к Карамзину. Поэтому было бы осторожнее оставить ее в составе сочинений Пушкина, хотя бы в разделе ему приписываемых.

²⁷ П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. VII. СПб., 1828, стр. 341.

²⁸ «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX, 1914, стр. 77, 91, 93.

Л. Н. НАЗАРОВА

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОЭМЫ ПУШКИНА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА»

В. Г. Белинский, имея в виду четвертую песнь первой поэмы Пушкина, справедливо отмечал, что в ней содержится пародия на «Двенадцать спящих дев» Жуковского.¹ Повод к такого рода заключению дал Белинскому сам Пушкин в стихах 17—53 четвертой песни «Руслана и Людмилы», обращенных к Жуковскому («Поэзии чудесный гений...»). Позже исследователи также неоднократно сопоставляли «Руслана и Людмилу» с «Двенадцатью спящими девами». Так, например, А. И. Незеленов считал, что первая поэма Пушкина является «переделкой» «Двенадцати спящих дев», и ошибочно утверждал, что «если сравнить содержание обеих поэм, то окажется, что они почти тождественны».² Против утверждения Незеленова выступил П. В. Владимиров, отрицавший решающее значение для Пушкина «Двенадцати спящих дев» в период работы над «Русланом и Людмилой».³ Однако несколько позже, в 1902 году, к мнению А. И. Незеленова присоединился (хотя и с некоторыми оговорками) П. Н. Шеффер, находивший, что в «Руслане и Людмиле» «могут быть указаны несомненные... реминисценции из поэмы Жуковского».⁴ Отметим, что и по мнению советского исследователя Д. Д. Благого «поэма Пушкина тесно и непосредственно связана со „старинной повестью“ Жуковского „Двенадцать спящих дев“».⁵

Сопоставляя «Руслана и Людмилу» с «Двенадцатью спящими девами», исследователи обходили молчанием вопрос о возможных связях между первой поэмой Пушкина и одним из неосуществленных замыслов Жуковского. Так, А. Л. Слонимский и Д. Д. Благой⁶ лишь вскользь упоминают в своих исследованиях о намерении Жуковского написать поэму о Владимире.⁶ Некоторые сопоставления «Руслана и Людмилы» с планом Жуковского сделаны А. Н. Соколовым.⁷ Между тем именно в связи с этим задуманным, но не написанным произведением (сохранились только планы

¹ В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Редакция Н. И. Мордовченко, Л., 1937, стр. 303.

² А. Незеленов. Александр Сергеевич Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799—1826). СПб., 1882, стр. 49.

³ П. В. Владимиров. Происхождение «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина (1817—1820 гг.). «Университетские известия», Киев, 1895, № 6, стр. 6—8.

⁴ П. Н. Шеффер. Из заметок о Пушкине. «Руслан и Людмила». В сборнике: «Памяти Л. Н. Майкова». СПб., 1902, стр. 517.

⁵ Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. Изд. Академии Наук СССР, 1950, стр. 205.

⁶ А. Л. Слонимский. Первая поэма Пушкина. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», том 3. М.—Л., 1937, стр. 185; Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина, стр. 202—203.

⁷ А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в., М., 1955, стр. 415—416.

поэмы «Владимир») надо рассматривать, по нашему мнению, знаменитую надпись Жуковского на портрете, который он подарил Пушкину:⁸ «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26 великая пятница».⁹

В конце XVIII—начале XIX века героическая эпопея классицизма уже отмирала. Поэмы Хераскова перестали удовлетворять читателей. Знаменитая «Россиада» подверглась в 1815 году резкой критике в статье П. М. Строева.¹⁰ Правда, автор судил «Россиаду» с позиций классицизма, отдавая предпочтение другим эпическим поэмам — далеким предшественницам поэмы Хераскова, но характерен уже самый факт: критика покazyвала, что жанр классической или героической эпопеи является жанром вырождающимся. Многочисленные героические поэмы эпигонов Хераскова, подобные «Сувориаде» И. Завалишина (1796), «Петру Великому» Р. Сладковского (1803), «Петриаде» А. Грузинцова (1812), не имели значения. К. Н. Батюшков в двух своих эпиграммах, направленных против Шихматова, осмеял его попытку вернуться к героической поэме о Петре Великом.

Сказочно-богатырские поэмы¹¹ авторы задумывали с разных идейных позиций,¹² но эти поэмы уже не могли претендовать на ту роль, которую играла раньше героическая поэма, а поэты-карамзинисты были заняты преимущественно разработкой малых жанров — элегий, посланий, баллад. Необходимость поэмы нового типа, по своему значению не уступающей героической поэме, осознавалась ясно как ведущими поэтами-карамзинистами (Жуковский, Батюшков), так и второстепенными литераторами карамзинистского лагеря. Как известно, особенные надежды возлагались в этом отношении на Жуковского, от которого ожидали народного произведения в русском духе.¹³

Мы знаем, что в 1810 году у Жуковского возникает замысел поэмы «Владимир». В большом письме к А. И. Тургеневу от 12 сентября этого года он пишет:

⁸ Нам уже приходилось высказываться об этом в печати несколько лет тому назад, однако, по условиям места, без всякой аргументации. — См.: Л. Н. Назарова. Поэмы Пушкина. Стенограмма публичной лекции. Изд. Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, Л., 1949, стр. 5.

⁹ См. литографию Э. Эстеррейха (1820). В настоящее время подлинник с автографом Жуковского находится в кабинете Музея-квартиры А. С. Пушкина в Ленинграде. О надписи, сделанной Жуковским, неоднократно сообщалось в печати (см. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 351—352, 356).

¹⁰ «Современный наблюдатель российской словесности», 1815, ч. I, № 1, стр. 9—38; № 3, стр. 71—82.

¹¹ «Бова» А. Н. Радищева (1807), «Илья Муромец» Н. М. Карамзина (1794), «Алеша Попович» и «Чурила Пленкович» Н. А. Радищева (1801), «Бахариана» М. М. Хераскова (1803), «Добрыня» Н. А. Львова (1804), «Громвал» Г. П. Каменева (1804), «Светлана и Мстислав» А. Х. Востокова (1806) и др.

¹² О двух линиях в развитии жанра русской сказочно-богатырской поэмы см.: Л. М. Лотман. «Бова» Радищева и традиция жанра поэмы-сказки. «Ученые записки Ленинградского Гос. университета», № 33, Серия филологических наук, вып. 2, Л., 1939, стр. 134—147; М. А. Шнейерсон. «Руслан и Людмила» Пушкина. (Очерк из истории русского фольклоризма). «Ученые записки Ленинградского Гос. университета», № 81, Серия филологических наук, вып. 12, Л., 1941, стр. 19—66. — Оба автора противопоставляют «Бову» Радищева произведениям Карамзина, Львова и др. О «более близком родстве „Бовы“ с „историческими поэмами“ Радищева последнего периода его жизни („Песнью исторической“ и „Песнями, петыми на состязаниях“), чем с опытами стихотворных обработок „рыцарских“ или „богатырских“ повестей в современной ему русской литературе», см. в статье М. П. Алексеева «К истолкованию поэмы А. Н. Радищева „Бова“» (Радищев. Статьи и материалы. Изд. Ленинградского Гос. университета, 1950, стр. 211).

¹³ А. Л. Слонимский. Первая поэма Пушкина. «Пушкин. Временник пушкинской комиссии», том 3, 1937, стр. 183—185.

«На твоё мнение предпочтешь Владимиру Святослава теперь не отвечаю ничего, ибо мой план, как я уже сказал выше, есть только одно семя; но Владимир есть наш Карл Великий, а богатыри его те рыцари, которые были при дворе Карла; сказки и предания приучили нас окружать Владимира каким-то баснословным блеском, который может заменить самое историческое вероятие...».¹⁴

Упомянув далее, что Владимир будет в его поэме не главным действующим лицом, но «точкою соединения всех посторонних действий, для сохранения единства», Жуковский подчеркивает: «Поэма же будет не героическая, а то, что называют немцы *romantisches Heldengedicht*; следовательно, я позволю себе смесь всякого рода вымыслов, но наряду с баснею постараюсь вести истину историческую, а с вымыслами постараюсь соединить и верное изображение нравов, характера времени, мнений, позволяя однако себе нравы и мнения времен до Владимира перенести в его время...».¹⁵

Из этого письма (а также в особенности из плана «Владимира») видно, что Жуковский собирался написать волшебнорыцарскую поэму, которая русскими теоретиками литературы того времени могла бы быть отнесена к поэмам «романтическим» или «романическим». Так, например, Н. И. Греч указывал, что «в романтических поэмах господствует чудесное, т. е. содействии духов, волшебников, фей, исполинов, гномов... Поэма сия занимает средину между героической и комической».¹⁶

В 1815 году, когда Карамзиным были окончены первые восемь томов «Истории Государства Российского», Жуковский провел несколько времени в его обществе.¹⁷ Отчасти в связи с этим, по мнению П. Загарина, поэт снова возвращается к замыслу поэмы о Владимире, память о котором, по словам Карамзина, «хранилась и в сказках народных о великолепии пиров его, о могучих богатырях его времени: о Добрыне Новгородском..., Илье Муромце, сильною Рахдае... и прочих, о коих упоминается в новейших, отчасти баснословных летописях».¹⁸

О содержании задуманной поэмы можно иметь некоторое представление на основании послания Жуковского «К Воейкову» (1814), в котором поэтом упоминается «Владимир князь с богатырями» в Киеве, осажденном «бурсурманами».

Замысел Жуковского остался неосуществленным. В бумагах его сохранились лишь наброски плана «Владимира» и два наброска «Мыслей для поэмы».

¹⁴ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, стр. 61.

¹⁵ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, стр. 61. — Еще Н. Трубицын справедливо отмечал, что «Жуковский, в период работы над поэмой „Владимир“, повторил за немцами название *romantisches Heldengedicht* для крупного произведения такого жанра, отличая тем самым их от чисто героических...». Однако исследователь был неправ, когда далее, не учитывая плана «Владимира», а лишь на основании цитируемого выше письма Жуковского, подчеркивал: «но его рецепт был старый» (Н. Трубицын. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912, стр. 233).

¹⁶ Н. И. Греч. Учебная книга российской словесности, ч. III. СПб., 1820, стр. 304. — Н. Трубицын приводит определения «романтической поэмы, или рыцарской эпопеи», данные А. Ф. Мерзляковым в «Кратком начертании теории изящной словесности» (М., 1822, стр. 230), Н. Ф. Остолоповым в «Словаре древней и новой поэзии» (ч. III, СПб., 1821, стр. 28) и М. Тимаевым в «Начертании курса изящной словесности» (СПб., 1832, стр. 113—114). (Н. Трубицын. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века, стр. 233—234).

¹⁷ П. Загарин. В. А. Жуковский и его произведения. Изд. 2-е, М., 1883, стр. 177.

¹⁸ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. I. СПб., 1815, стр. 232.

Наброски плана относятся, судя по почерку и бумаге, к 1809 или 1810 году.¹⁹ По ним можно проследить, в основных чертах, содержание поэмы, задуманной Жуковским, сюжет которой, очевидно, был бы довольно фантастическим и запутанным.²⁰

Отметим еще, что в одной из тетрадей стихотворений Жуковского 1819—1820 годов есть пять зачеркнутых строк, может быть, относящихся к какому-то эпизоду поэмы: «Лодомир и Милороза. Лодомир в беседах с Владимиром. . .».²¹

Несмотря на большую подготовительную работу, проведенную Жуковским (сбор материалов, составление планов и пр.), его желание создать произведение большого жанра — поэму на материале русской старины осталось неосуществленным.

Знал ли Пушкин о том, что Жуковский в течение ряда лет собирал материалы для поэмы «Владимир»?²² Был ли ему известен план этого произведения? Думается, что на эти вопросы можно ответить утвердительно.

Обратимся сначала к биографическим фактам. В сентябре 1815 года Жуковский, побывав в Царском Селе, познакомился там с Пушкиным и в письме к П. А. Вяземскому сообщал: Пушкин «написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки — прекрасное! Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный!»²³ (Речь идет о послании, до сих пор неизвестном, утрата которого представляется «почти невероятной»)²⁴

В том же году Жуковский снова посетил Пушкина и читал ему свои стихотворения. Очевидно, уже тогда он высоко ценил мнение молодого поэта, так как уничтожал или переделывал те свои стихи, которые его младший товарищ в следующие свидания не мог вспомнить.²⁵ В 1816 году Пушкин встречался с Жуковским в Петербурге, куда приезжал на рождественские каникулы (25—31 декабря), причем пообещал доставить ему собрание своих лицейских стихотворений.²⁶ В марте 1817 года Жуковский прислал Пушкину

¹⁹ См. «Заметку о поэме „Владимир“» в примечаниях к письму Жуковского от 12 сентября 1810 года (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, 1895, стр. 65—67) и «Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в императорскую Публичную библиотеку в 1884 году. Разобраны и описаны И. Бычковым» (СПб., 1887, стр. 150, 155). С другой стороны, следует отметить, что значительно позже, 4 февраля 1817 года, Жуковский писал А. П. Юшковой (Зонтаг) о «Владимире» и подчеркивал: «У меня сделан план» («Уткинский сборник», I, М., 1904, стр. 90).

²⁰ О «Владимире» см. подробно: А. Н. Веселовский. «Алеша Попович» и «Владимир» Жуковского. ЖМНПр., 1902, ч. 341, № 5, стр. 137—145; А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. Пгр., 1918, стр. 487—498. — Упоминается о замысле Жуковского написать поэму о Владимире и в статье Т. О. Соколовской «Владимир Красное Солнышко в русской поэзии» («Вестник императорского Общества ревнителей истории», вып. III, Пгр., 1916, стр. 112—113).

²¹ См.: Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в императорскую Публичную библиотеку в 1884 году. СПб., 1887, стр. 82.

²² Еще П. И. Бартенев указывал, что Жуковский «в начале 1814 года в послании своем к Воейкову... набросал некоторые черты будущей поэмы. Развить их в большое и цельное произведение Жуковский по всему вероятно предоставил молодому другу своему» (П. И. Бартенев. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии, гл. 3 (1817—1820). «Московские ведомости», 1855, № 144, 1 декабря, «Литературный отдел», стр. 593).

²³ «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 33.

²⁴ Т. Г. Цявловская. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина». В книге: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции, М.—Л., 1953, стр. 373.

²⁵ П. Бартенев. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Гл. 2 — Лицей. «Московские ведомости», 1854, № 118, 2 октября, «Литературный отдел», стр. 494.

²⁶ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. Изд. Академии Наук СССР, М., 1951, стр. 107.

свое стихотворение «Певец на Кремле» с надписью: «Поэту товарищу Ал. Серг. Пушкину от сочинителя».²⁷ Тогда же, т. е. в первой половине 1817 года, Пушкин начал работу над «Русланом и Людмилой». Он писал стихи поэмы на стенах комнаты, куда был посажен в наказание, как в карцер.²⁸

Таким образом, несомненным является факт довольно близкого и притом творческого общения двух поэтов в годы 1815—1817, т. е. тогда, когда старший из них — Жуковский — еще не отказался от мысли написать поэму о Владимире, а младший — Пушкин — уже приступил к созданию «Руслана и Людмилы».²⁹

Сопоставление некоторых эпизодов и деталей «Руслана и Людмилы» с планом «Владимира», по нашему мнению, свидетельствует, что Пушкин не просто знал о замысле Жуковского, но и читал план его поэмы.

Отметим, что действие поэмы «Руслан и Людмила» начинается и оканчивается в Киеве, как и в плане неосуществленной поэмы Жуковского. В обоих произведениях героями являются князь Владимир и его богатыри, среди которых находится Рогдай (имя его взято и Пушкиным и Жуковским, очевидно, из «Истории Государства Российского» Карамзина³⁰).

Первая песнь поэмы Пушкина начинается с изображения пира князя Владимира по случаю брака его дочери Людмилы с Русланом. «Владимир» должен был начинаться с описания приготовлений к торжеству — женитьбе Владимира на Милолике, новгородской княжне.

Осада Киева печенегами (эпизод, сведения о котором Пушкин почерпнул из «Истории» Карамзина), описанная в шестой песни «Руслана и Людмилы», — событие, вокруг которого Жуковский предполагал развернуть, как это видно из плана, всё действие поэмы «Владимир».

Певец Баян на пиру князя Владимира является действующим лицом и у Пушкина и у Жуковского (образ Баяна, знакомый обоим поэтам по «Слову о полку Игореве», был, впрочем, почти традиционным в сказочно-богатырских поэмах).

Имя похитителя Людмилы — Черномора, взятое Пушкиным, вероятно, из поэмы «Илья Муромец» Карамзина, упоминается и в плане «Владимира». Роль, которую играет Фин в «Руслане и Людмиле», аналогична роли святого Антония у Жуковского, а Наина напоминает о «влюбленной чародейке» (Велледе) из плана «Владимира». Наконец, из отдельных мелких деталей отметим шапку-невидимку, играющую значительную роль в третьей песни «Руслана и Людмилы» и упоминаемую Жуковским в «Мыслях для поэмы».

²⁷ Лицейские письма А. М. Горчакова 1814—1818 гг. «Красный архив», т. 6 (79), 1936, стр. 198.

²⁸ П. Бартенев. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Гл. 3 (1817—1820). «Московские ведомости», 1855, № 144, 1 декабря, «Литературный отдел», стр. 593. — О том, что Пушкин начал «Руслана и Людмилу», «будучи еще воспитанником Царскосельского лицея», см. также в предисловии ко второму изданию этой поэмы (1828), стр. V.

²⁹ Что же касается последующих лет, то известно, что в 1818—1820 годах Пушкин бывал по субботам на еженедельных вечерах у Жуковского и читал там отрывки из своей поэмы. — См.: П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. III, СПб., 1885, стр. 78; Пушкин, Сочинения, т. I, Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина, изд. П. В. Анненкова, СПб., 1855, стр. 54; П. Бартенев. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии. Гл. 3 (1817—1820). «Московские ведомости», 1855, № 144, 1 декабря, «Литературный отдел», стр. 593—594.

³⁰ См. цитированный выше отрывок из «Истории Государства Российского» (т. I, 1815, стр. 232). Интересно, что в черновиках «Руслана и Людмилы» герой носит имя «Рохдая», почти как у Карамзина.

Наличие подобного рода отдельных совпадений не помешало, однако, молодому поэту совершенно самостоятельно разработать композицию и сюжет «Руслана и Людмилы». Совершенно прав был Белинский, когда отмечал впоследствии, что «в этой поэме всё было ново: и стих, и поэзия, и шутка, и сказочный характер вместе с серьезными картинами».³¹

Первая поэма Пушкина вытеснила со сцены героическую эпопею классицизма. Она была тем произведением большого жанра, о котором мечтали арзамасцы, которого они тщетно ждали от Жуковского.

Выше мы указывали, что на основании плана «Владимира» можно предположить, что Жуковский задумал написать так называемую «романическую» или «романтическую» поэму (по определению теоретиков литературы того времени).³² В связи с этим отметим, что Н. Ф. Остолопов, перечислив ряд характерных жанровых признаков такого рода поэмы, указывал: «На русском языке в романтическом вкусе мы имеем написанную г. Пушкиным поэму *Людмила и Руслан*».³³ С ним был согласен и Н. И. Греч, который находил, что «важнейшее его [Пушкина] сочинение есть романтическая поэма „Руслан и Людмила“...».³⁴

Произведение Пушкина было первым этапом его на пути к народности, первой попыткой молодого поэта создать национальную поэму.³⁵ Принципиальное значение имело обращение Пушкина в ряде случаев к русским источникам (например, народным сказкам), интерес его к русской старине (отнесение действия поэмы к временам княжения Владимира в Киеве), исторический элемент в поэме (осада Киева печенегами, а не татарами, как это изображалось, вопреки истории, в былинах) и, наконец, язык поэмы, приближающийся порой к разговорной народной речи.

³¹ В. Г. Белинский, Сочинения Александра Пушкина. Гослитиздат, Л., 1937, стр. 303.

³² Л. П. Гроссман в статье «Стиль и жанр поэмы „Руслан и Людмила“» справедливо указывает, что первые критики пушкинской поэмы «смешали два сходственных термина: романтический и романтический...» (см. Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Т. XLVIII, вып. 5, М., 1955, стр. 144).

³³ Н. Ф. Остолопов. Словарь древней и новой поэзии, ч. III. СПб., 1821, стр. 30.

³⁴ Н. И. Греч. Учебная книга российской словесности, ч. IV. СПб., 1822, стр. 600.

³⁵ Еще В. К. Кюхельбекер отмечал, что «печатью народности ознаменованы... два или три места в „Руслане и Людмиле“ Пушкина» («Мнемозина», ч. II, 1824, стр. 38—39).

Т. П. ДЕН

ПУШКИН В ТУЛЬЧИНЕ

В истории тайных организаций декабристов — Союза благоденствия и Южного тайного общества — местечко Тульчин на Украине играло важную роль. Здесь был штаб второй армии, здесь жили П. И. Пестель и ряд других участников движения, здесь происходили встречи и совещания членов тайного общества. Поэтому для суждения о связях Пушкина с декабристскими кругами очень существенно знать, бывал ли он в Тульчине, когда и при каких обстоятельствах. Между тем это до сих пор еще остается недостаточно ясным.

О поездке в Тульчин Пушкин мечтал еще до своей ссылки на юг России. 12 марта 1819 года А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: Пушкин «не на шутку собирается в Тульчин, а оттуда в Грузию и бредит уже войною».¹ В Тульчине у Пушкина были знакомые. Прежде всего он еще по Петербургу хорошо знал начальника штаба второй армии П. Д. Киселева, встречался с ним у Карамзиных, у П. А. Вяземского и, наконец, у М. Ф. Орлова. Киселев собирался даже устроить поэта на военную службу, но почему-то не выполнил своего обещания, и у Пушкина возникло недоверие к блестящему генералу, которое явно ощущается в посвященных ему стихах 1819 года:

На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.

(«Орлову»)

В Тульчине Пушкин знал и адъютанта Киселева, И. Г. Бурцова, с которым познакомился еще лицеистом в Царском Селе, где Бурцов стоял во главе кружка, который посещали Пушкин, Кюхельбекер, Вальховский и др.² Знал Пушкин также и двоюродных братьев А. П. и М. А. Полторацких, которые в 1821 году были откомандированы из Тульчина в Кишинев для топографических съемок.³

В Тульчин Пушкину удалось попасть только в период южной ссылки. О том, что в эти годы он бывал в Тульчине, свидетельствуют данные запи-

¹ Остафьевский архив князей Вяземских, т. I, СПб., 1899, стр. 202.

² В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I, Л., 1939, стр. XIII—XIV. Бурцова Пушкин назвал в стих. «Недавно я в часы свободы» (1822):

³ И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. «Русский архив», 1866, № 8 и 9, стб. 1250.

сок декабриста Н. В. Басаргина и стихи, посвященные Пушкиным в десятой главе «Евгения Онегина» движению тайных обществ на юге. Н. В. Басаргин в своих записках, рассказывая о пребывании в Одессе в 1823 году, сообщает следующее: «В Одессе встретил я также нашего знаменитого поэта Пушкина, он служил тогда в Бессарабии при генерале Инзове. Я еще прежде этого имел случай видеть его в Тульчине у Киселева. Знаком я с ним не был, но в обществе раза три встречал».³

В десятой главе «Евгения Онегина» Пушкин запечатлел пейзаж Тульчина:

... там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли...⁴

В этих стихах Пушкин с присущей ему лаконичностью дал четкое описание характерных крутых холмов, встающих над Бугом, которые открываются на окраине Тульчина, как раз за домом, где жил Пестель. В черновых вариантах этих стихов вместо холмов упоминаются то «чертоги», то «равнины». «Чертоги», т. е. дворцы, — также характерная деталь тульчинского пейзажа. Почти наискосок от дома, в котором жил Пестель, находился дворец Потоцких с медной сверкающей крышей. Другой дворец Потоцких был против дома, в котором жил Киселев. «Равнины» стелются у подножия холмов и за ними.

К какому же времени относится поездка Пушкина в Тульчин и чем она была вызвана?

Н. О. Лернер приурочивает поездку Пушкина в Тульчин к ноябрю 1822 года,⁵ связывая ее с «последней поездкой Пушкина в Каменку»: «Из Каменки, — пишет он, — Пушкин заезжал в Тульчин. Там его видел Н. В. Басаргин». Говоря о поездке Пушкина в Каменку, а оттуда в Тульчин в ноябре 1822 года, Лернер опирается на свидетельство П. И. Бартенева, который, рассказывая о вторичной поездке Пушкина в Измаил⁶ в 1822 году по приказу Инзова в наказание за какую-то дуэль, писал:

«Дорогою в Измаил, или может быть на обратном пути, Пушкин заезжал в Тульчин, где находилась, как мы сказали, главная квартира корпуса и жили некоторые знакомые его: при одном анакреонтическом стихотворении „Мальчик, солнце встретить должно“, означено им: „Тульчин, 1822“.

«Кажется, что к ноябрю месяцу этого же года следует отнести новую и последнюю поездку его в Чигиринский повет Киевской губернии, в село Каменку, к Давыдовым».⁷

М. А. Цявловский считал весь вышеприведенный рассказ Бартенева неправдоподобным.⁸ Он ссылаясь при этом на противоречия данным Бартенева свидетельства современников Пушкина — П. И. Долгорукова и И. П. Липранди. Долгоруков в своем дневнике сообщает, что Инзов за дуэль Пушкина с Рутковским, которую, вероятно, имел в виду Бартенев, посадил

³ Н. В. Басаргин. Записки. Изд. «Огни», Пгр., 1917, стр. 24—25.

⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, Изд. Академии Наук СССР, 1937, стр. 525.

⁵ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е, СПб., 1910, стр. 82.

⁶ Первая поездка в Измаил состоялась в 1821 году. Пушкин ездил туда вместе с Липранди, посланным по делу возмущения солдат в Камчатском полку («Русский архив», 1866, № 8 и 9, стб. 1272, 1276).

⁷ П. Бартенев. Пушкин в южной России. «Русский архив», 1866, № 8 и 9, стб. 1182.

⁸ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. Изд. Академии Наук СССР, стр. 758—759. В дальнейшем приводится сокращенно: Летопись.

поэта под домашний арест.⁹ Липранди в своих воспоминаниях, не выражая сомнений относительно поездки Пушкина в Каменку и Тульчин, сомневается лишь в том, что Пушкин поехал в Тульчин из Измаила. «Измаил от Кишинева лежит на юг, а Тульчин — на север. До каждого слишком по двести верст, и все три пункта находятся в прямом направлении». Кроме того, Липранди подвергает сомнению самый факт поездки Пушкина в Измаил во второй половине 1822 года: «Но я думаю, что в 1822 году, особенно во второй половине оною, едва ли Пушкин был там».¹⁰

Отвергая предположение Лернера о пребывании Пушкина в Тульчине в 1822 году, Цявловский утверждал, что Пушкин приехал в Тульчин 12 или 14 и пробыл до 15 или 17 февраля 1821 года.¹¹ По его мнению, Пушкин заехал туда вместе с братьями Давыдовыми, возвращаясь из Киева с «контрактной» ярмарки в Каменку, где он гостил с ноября 1820 по конец февраля 1821 года.¹² Прямых свидетельств, удостоверяющих поездку Пушкина в Тульчин в феврале 1821 года, у Цявловского нет. Он связывает посещение Пушкиным Тульчина с фактом его пребывания в Каменке в этом году, что само по себе вполне возможно. Но в Каменке Пушкин, как известно, гостил не только в 1820—1821 годах. А. И. Давыдова, жена В. Л. Давыдова, в письме к дочерям в 1838 году из Сибири пишет: Василий Львович «был хорошо знаком с нашим знаменитым поэтом, бывавшим несколько раз в Каменке и прожившим там однажды *целых четыре месяца*».¹³ Это письмо Т. Г. Цявловская в примечаниях к «Летописи» учитывает для того, чтобы аргументировать возможность пребывания Пушкина в Каменке в ноябре 1822 года.¹⁴ Свою гипотезу Т. Г. Цявловская подтверждает четырьмя документами: 1) стихотворением «К Адели», написанным, несомненно, в Каменке и помещенным Пушкиным под 1822 годом в издании «Стихотворений» (ч. I, 1829);¹⁵ 2) письмом М. Ф. Орлова от 9 ноября 1822 года к Вяземскому из Киева с приложением письма Пушкина, что указывает на пребывание Пушкина в этих числах в Киеве;¹⁶ 3) письмом Е. Н. Орловой от 8 декабря 1822 года к брату А. Н. Раевскому, в котором она пишет: «Посылаю тебе письмо, кажется от Пушкина; его принесла г-жа Тихонова. . . Пушкин послал Николаю отрывок поэмы, которую не думает ни печатать, ни кончить. . . Его дали Муравьевым, которые привезут его тебе».¹⁷ Письмо свидетельствует

⁹ «Звенья», т. IX, М., 1951, стр. 100.

¹⁰ «Русский архив», 1866, № 8 и 9, стб. 1445 и 1444.

¹¹ Летопись, стр. 277.

¹² Летопись, стр. 266—267 и 280. — О поездке Пушкина в Киев см. еще брошюру Д. Косарика «Пушкін на Україні» (Київ, 1949, стр. 19): «перевод» «28 января <1821 года> А. С. Пушкин вместе с В. Л. Давыдовым выехал в Киев на контракты, как это видно из материалов поместной конторы в Каменке» (Сборник «Пушкин», изд. Академии наук УССР, Киев, 1937, стр. 164).

¹³ Д. Косарик. Пушкін на Україні, стр. 22, 23.

¹⁴ Летопись, стр. 764; см. также: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции, 1953, стр. 366—367.

¹⁵ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 2, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 1121—1122.

¹⁶ П. П. Вяземский. А. С. Пушкин. 1816—1825. По документам Остафьевского архива, СПб., 1880, стр. 53—55. — Письмо Пушкина к П. А. Вяземскому, о котором пишет М. Ф. Орлов, считается утраченным и не упомянуто на своем месте в «Летописи» (стр. 364). Однако есть основание полагать, что это письмо — то самое, которое напечатано в академическом издании (т. XIII, стр. 59—61) под датой «Март 1823 г. Кишинев» (ср.: Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина, СПб., 1910, стр. 82—83). Вошедшие в письмо эпиграммы на Аглаю (Давыдову) связаны с жизнью Пушкина в Каменке и непонятны без предположения о пребывании там Пушкина во время их написания, а это могло быть в начале ноября 1822 года, до приезда поэта в Киев.

¹⁷ М. Гершензон. Семья декабристов. «Былое», 1906, № 10, стр. 308.

о том, что Пушкин находился около 9 декабря в Киеве, а может быть и в Каменке, откуда его письмо было доставлено в Киев Тихоновой. Четвертым документом является приведенное выше письмо А. И. Давыдовой 1838 года.

Итак, можно с достаточной уверенностью считать, что в ноябре 1822 года Пушкин был в Киеве у своего друга М. Ф. Орлова, который еще в феврале 1822 года покинул Кишинев в связи с делом В. Ф. Раевского. 24 ноября вместе с Орловым он, по всей вероятности, был на семейном празднике в Каменке, где в этом году был съезд представителей управ тульчинской директории. Из Каменки он, повидимому, вернулся снова в Киев, где был на контрактах, во время которых происходили собрания представителей управ Южного общества.¹⁸ Из письма Е. Н. Орловой А. Н. Раевскому мы знаем, что в Киеве в эти дни были братья Муравьевы.

Сообщение Бартенева о поездке Пушкина в Тульчин в 1822 году, несмотря на некоторые неточности, очевидно, в основе своей справедливо. Но Пушкин мог быть в Тульчине скорее в начале ноября, по дороге в Киев, чем в конце ноября, после пребывания в Каменке.

В Тульчине Пушкин, вероятно, имел намерение поговорить с П. Д. Киселевым о возможности устройства на военную службу брата Льва. В письме от 4 сентября он предлагал брату устроить его с помощью Н. Н. Раевского или же П. Д. Киселева: «Ты бы определился в какой-нибудь полк корпуса Раевского — скоро был бы ты офицером, а потом тебя перевели бы в гвардию — Раевский или Киселев — оба не откажут».¹⁹ Кроме того, в связи с арестом В. Ф. Раевского (в феврале 1822 года), с которым Пушкин был крепко связан дружескими отношениями, у поэта могла возникнуть потребность в серьезном разговоре с Киселевым, игравшим существенную роль в расследовании дела В. Ф. Раевского. И, наконец, Пушкин мог иметь желание попроситься с уезжающим за границу Киселевым, поскольку ходили упорные слухи, что он не вернется обратно в Россию.²⁰ В Тульчине Пушкин мог встретиться с К. А. Охотниковым,²¹ которому пришлось в это время отправиться в штаб второй армии для объяснений по личному делу в связи с арестом В. Ф. Раевского.

Остается, однако, неясным, был ли Киселев в это время в Тульчине. Получив в конце сентября 1822 года сообщение о смертельной болезни матери его жены графини Потоцкой, находившейся в Берлине, Киселев взял месячный отпуск и выехал из армии к прусской границе, о чем известил князя П. М. Волконского письмом от 1 октября. Вследствие формальных затруднений выезд Киселева задержался; пробив некоторое время в Варшаве, он выехал в ноябре и прибыл в Берлин уже после смерти тещи, последовавшей 12 ноября. В конце декабря он вернулся в Варшаву, где оставался, повидимому, до середины января 1823 года.²² С другой стороны, из письма П. И. Пестеля к Киселеву от 15 ноября 1822 года мы знаем, что в это время

¹⁸ 6 декабря 1822 года В. А. Глинка писал Кюхельбекеру: «Я наверно увижу его <Пушкина> в Киеве во время контрактов...» («Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 345).

¹⁹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, 1937, стр. 45.

²⁰ Памяти декабристов. Сборник материалов, т. III, Изд. Академии Наук СССР, Л., 1926, стр. 191—192.

²¹ 12 ноября Охотников покинул совсем Кишинев. В Петербург он повез письмо Пушкина Вяземскому, до нас дошедшее; см. письмо Пушкина к Вяземскому от 5 апреля 1826 года (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, 1937, стр. 61).

²² А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. I, СПб., 1882, стр. 168—169.

последний должен был быть уже в Берлине.²³ В таких условиях трудно предполагать, чтобы Киселев в начале ноября был в Тульчине — во всяком случае, на длительное время. Поэтому свидание с ним Пушкина в Тульчине остается под вопросом.

Когда же в таком случае могла произойти та встреча Басаргина с Пушкиным «в Тульчине у Киселева», о которой сообщает в своих воспоминаниях Басаргин? Последний, будучи адъютантом Киселева, должен был, вероятно, сопровождать его в поездке если не в Берлин, то, по крайней мере, в Варшаву. Следовательно, встреча его с Пушкиным в ноябре 1822 года столь же проблематична, как и встреча Пушкина с Киселевым. Что касается приезда Пушкина в Тульчин в феврале 1821 года, то в это время, нужно думать, там находились и Киселев и Басаргин, но последний еще не был тогда адъютантом Киселева.²⁴ Правда, в своих показаниях следственному комитету в 1826 году Басаргин сообщал: «В 1821 году зимой я был отчаянно болен, а по выздоровлении поехал в отпуск в Москву и Владимирскую губернию...».²⁵ Но датировку «в 1821 году зимой» следует понимать, очевидно, как конец этого года, так как в записках Басаргин сообщает о совещании тульчинского отдела Союза благоденствия (на котором он присутствовал), посвященном обсуждению постановлений московского съезда членов Союза.²⁶ Съезд же, как известно, происходил в январе 1821 года. Следовательно, в январе-феврале этого года Басаргин был в Тульчине. К этому времени, всего вероятнее, и нужно относить встречу Басаргина с Пушкиным в Тульчине у Киселева. Этим не исключается и возможность встречи в начале ноября 1822 года.

Необходимо рассмотреть еще обстоятельства, связанные с рукописью стихотворения Дельвига «Мальчик! Солнце встретить должно...», помеченной: «Тульчин, 1822», которую Геннади, а за ним и Бартенев считали автографом Пушкина, что, по мнению Бартенева, указывает на пребывание Пушкина в Тульчине в 1822 году. Но стихотворение принадлежит А. А. Дельвигу, а тульчинская рукопись его нам неизвестна, и написана ли она рукой Пушкина или чьей-либо иной, мы не можем сказать. К указанию П. И. Бартенева на рукопись стихотворения «К мальчику» с якобы пушкинской пометой: «Тульчин, 1822» Цявловский относится скептически:

«Что касается до указания Бартенева на мнимый тульчинский автограф Пушкина, то оно заимствовано из Геннади.²⁷ Геннади же был введен в заблуждение кн. Н. А. Долгоруковым, считавшим стихотворение Дельвига пушкинским. Таким образом, относить поездку Пушкина в Тульчин к 1822 году на основании пометы «Тульчин, 1822» на чьей-то копии стихотворения Дельвига, приписанного Пушкину, конечно, никак нельзя».²⁸

Возможно, однако, что Пушкин в ноябре 1822 года читал по памяти и записал первую строфу стихотворения Дельвига «К мальчику». Список этой первой строфы с пометой «Тульчин, 1822» и с ошибочной атрибуцией стихотворения Пушкину был передан Н. А. Долгоруковым Г. Н. Геннади, который поместил этот фрагмент в первом томе редактированных им сочинений Пушкина 1859 года под заглавием «Экспромт». Известно, кроме

²³ Памяти декабристов. Сборник материалов, т. III, 1926, стр. 186 и 191.

²⁴ Назначен на эту должность 16 октября 1821 года (см.: Восстание декабристов, т. VIII, Алфавит декабристов, 1925, стр. 274).

²⁵ Н. В. Басаргин. Записки, Пгр., 1917, стр. XXII.

²⁶ Н. В. Басаргин. Записки, стр. 13.

²⁷ Пушкин, Сочинения, т. I, под редакцией Г. Н. Геннади, изд. Я. А. Исакова, СПб., 1859, стр. 273.

²⁸ Летопись, стр. 759.

того, что тот же фрагмент стихотворения Пушкин однажды читал и в Каменке. Об этом чтении сохранился рассказ в дневнике Г. И. Соколова, одесского цензора, записанный 19 марта 1844 года:

«Вчера <В. А.> Давыдов рассказал экспромт, сказанный Пушкиным в доме покойного отца его Александра Львовича Давыдова. На другой день ужина, обильного возлияниями и продолжавшегося долго, Пушкин просыпается раньше других и зовет: Мальчик! Хозяин, проснувшись, спрашивает его: Что ему нужно? Но он не перестает звать мальчика и, когда он явился, то Пушкин торжественно провозгласил:

Мальчик! Солнце встретить должно
С торжеством в конце пиров;
Принеси же осторожно
И скорей из погребов
Матерь чистого веселья —
Благосмольного вина,
Чтобы мы, друзья, с похмелья
Не видали б в чашах дна!»²⁹

Текст этой записи совпадает, за исключением некоторых явных ошибок (вместо «благосмольного вина» нужно «влагу смольную вина», вместо «мы, друзья, с похмелья» нужно «мы, друзья похмелья», вместо «не видали б» — «не видали»), с черновым текстом этой строфы в тетради Дельвига 1819 года (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 768) и с первопечатным текстом стихотворения в журнале «Благонамеренный» (1819, ч. V, март, № VI, стр. 335). В тексте копии этого стихотворения в бумагах «Зеленой лампы» (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 763) рукой Илличевского, с поправкой Пушкина и с надписью: «Третье заседание 17 апреля 1819 <года>. Председательство члена Улыбышева» — имеется разночтение в последних двух стихах, а именно:

Чтобы мы друзья похмелья
Не нашли в фиале дна.

Текст же, напечатанный Геннади по «тульчинской» рукописи, дает следующее отличие второго стиха от текста «Благонамеренного»:

С торжеством, среди пиров.

Это разночтение можно объяснить тем, что тульчинская запись сделана по памяти. Принадлежит ли она действительно Пушкину, мы, не имея подлинника, сказать не можем (Геннади не был авторитетным знатоком пушкинских автографов), но если это так, то запись — лишнее подтверждение пребывания Пушкина в Тульчине в 1822 году.

Стихотворение Дельвига, любимое Пушкиным, — на это указывают и участие Пушкина в обработке стихов его друга, засвидетельствованное материалами Пушкинского Дома, и возвращение его к той же теме в 1832 году в стихотворении «Мальчику (Из Катулла)» («Пьяной горечью Фалерна...»), — могло быть произнесено в Каменке в один из приездов туда Пушкина, в 1820—1821 или в 1822 году, и вторично — в Тульчине, в ноябрьский приезд 1822 года.

Возможно, что стихотворение, читанное Дельвигом на заседании «Зеленой лампы» в 1819 году, всплыло в 1822 году в памяти Пушкина в связи с воспоминаниями об этом дружеском кружке, которые именно в это время с большой силой захватили Пушкина и отразились в незаконченном послании к петербургским друзьям, часть которого была послана в письме

²⁹ А. И. Маркевич. Неизданное стихотворение Пушкина. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. XXIV, 1902, отд. V, стр. 66.

к Я. Н. Толстому 26 сентября 1822 года; в нем Пушкин настойчиво спрашивает о судьбе «Зеленой лампы»:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бдений и пиров? ..
В изгнании скучном, каждый час
Горя завистливым желаньем,
Я к вам лечу воспоминаям...

Из наших соображений о возможности, почти несомненности вторичной поездки Пушкина в Тульчин в начале ноября 1822 года можно сделать следующие заключения.

Поездка диктовалась важными деловыми и политическими соображениями. Пушкин должен был хотеть видеть и Пестеля и Киселева. Видел ли он их — мы не знаем. Пестель 15 ноября 1822 года был в местечке Линцы, где стоял штаб Вятского полка,³⁰ но мог приезжать и в Тульчин, особенно если Киселев там был недолго в начале ноября 1822 года. Если последнее верно и Пушкин виделся в это время, хотя бы и мимоходом, с Киселевым, у них мог и должен был произойти очень серьезный разговор и даже спор, связанный с делом В. Ф. Раевского и других пострадавших кишиневских друзей.

Очень возможно, что в связи с этой встречей Пушкина и Киселева находится и письмо Киселева к М. Ф. Орлову, дошедшее до нас в черновике и написанное, вероятно, в начале 1823 года,³¹ по возвращении его из-за границы. В этом письме Киселев определяет свои политические позиции и противопоставляет свои убеждения либерала радикальным взглядам М. Ф. Орлова и Пушкина:

«Мы с тобою разнствуем в мнениях, полагаю потому, что смотрим разным способом: ты смотришь в подзорную трубу, в которой механизм весь устроен редакторами „Минервы“, пылким воображением твоим, киевским бездействием³² и скукою; я же гляжу зашуря глаз, дабы предметы видеть не в бесконечной и бесполезной отдаленности, но сколько можно вблизи и в настоящем их виде. . .

«Ты знаешь и уверен, сколь много я тебя уважаю; но мысли твои неправильны и, конечно, с сердцем твоим не сходны. Неудовольствия, грусть, сношения с красноречивыми бунтовщиками³³ и, сознаюсь, несправедливое бездействие, в котором ты оставлен, — вот тому причины. Скинь с себя тебе неприличное. . . ; оставь шайку крикунов и устреми отличные качества свои на пользу настоящую. . .

«Я знаю, что мысли мои с духом времени не сходны, что Греч не будет меня хвалить, что ряд пылких учеников лица³⁴ и громада тунаядцев московских³⁵ провозгласят недостойным гасителем; другие назовут рабом власти, но я суждения их презираю и мыслей своих не переменяю».³⁶

³⁰ Памяти декабристов, т. III, стр. 191.

³¹ В публикации это письмо датировано 1819—1820 годами, что, бесспорно, неверно.

³² Киселев имеет в виду вынужденную отставку М. Ф. Орлова и его отъезд в Киев в 1822 году.

³³ Киселев, вероятно, намекает на В. Ф. Раевского и П. И. Пестеля, на которого он в начале ноября 1822 года получил донос от Добровольского, сослуживца Пестеля. В связи с этим доносом Киселев даже предполагал в ноябре 1822 года навсегда уехать за границу.

³⁴ Киселев намекает на Пушкина и, возможно, на других лицеевцев — Кюхельбекера и Дельвига, фигурирующих в это время в доносах В. Н. Каразина и других.

³⁵ «Громада тунаядцев московских» — это, по всей вероятности, члены Союза благоденствия: Граббе, Фонвизин, Якушкин, которые бывали в Тульчине и были хорошо известны Киселеву.

³⁶ «Русская старина», 1887, т. 55, июль, стр. 231—233.

Итак, вопрос о встрече Пушкина с Киселевым в Тульчине в начале ноября 1822 года остается открытым, несмотря на значительную вероятность такой встречи. Но как бы то ни было, позднейшее отношение Пушкина к Киселеву характеризуется чувством большой неприязни и недоверия.

Липранди в своих воспоминаниях отмечает это неприязненное отношение Пушкина к Киселеву в 1823 году. Он рассказывает, что в спорах о дуэли Киселева и Мордвинова³⁷ Пушкин, вопреки мнению большинства, выступал против Киселева и «не переносил», как он говорил, «оскорбительной любезности временщика, для которого нет ничего „священного“».³⁸

Вот все, что нам известно об одном из важнейших моментов в истории связей Пушкина с членами Южного тайного общества — о пребывании поэта в центре декабристов-южан, в Тульчине, в 1821 и 1822 годах.

³⁷ В 1823 году Киселев убил на дуэли И. Н. Мордвинова.

³⁸ И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний. «Русский архив», 1866, № 8 и 9, стб. 1454.

И. К. СТОЙЧЕВ

ЗАМЕТКИ О ПУШКИНЕ¹

По поводу сцены в «Делибаше»

Стихотворение «Делибаш», отражающее впечатления Пушкина, полученные во время поездки в закавказскую армию, действовавшую против турок, описывает поединок между казаком, вооруженным пикой, и турком (делибашем), вооруженным саблей. Поединок заканчивается одновременной смертью обоих противников:

Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

Дата создания этого стихотворения устанавливается цензурной рукописью третьей части «Стихотворений Александра Пушкина».² Здесь под текстом «Делибаша» рукой Пушкина карандашом подписана дата «1829», зачеркнутая чернилами рукой Плетнева.³ В печатном тексте «Делибаш» включен в отдел стихотворений 1829 года.⁴

Сохранились два автографа «Делибаша»: один перебеленный, состоящий из трех строф, без заключительной, с собственноручным рисунком Пушкина, изображающим поэта в бурке верхом на коне;⁵ второй автограф — беловой с поправками, с пометой: «Сыганлу»; внизу проставлена дата: «7 сент<ября>».⁶ Сопоставляя эти автографы, исследователи Пушкина давно пришли к заключению, что замысел стихотворения возник у поэта на Кавказе во второй половине июня 1829 года, а окончательно отделано оно было, согласно помете на беловом автографе, 7 сентября 1830 года. Еще Н. О. Лернер в «Примечаниях» к стихотворениям 1829 года писал:

¹ Автор настоящих «Заметок о Пушкине», научный сотрудник Болгарской Академии наук Иван Кр. Стойчев прислал Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) Академии Наук СССР серию своих заметок о Пушкине (под заглавием «Около Пушкина»), написанных им в последние годы по поводу новых изданий о Пушкине, появившихся в СССР и полученных в Софии. В настоящем сборнике из серии этих заметок мы публикуем только две. Они печатаются в переводе с болгарской рукописи, выполненном Г. Ломакиным. Заметки представляют несомненный интерес, в частности потому, что в них автор приводит новые данные и материалы, мало известные в пушкиноведении или отсутствующие в наших книгохранилищах. В свою очередь редакция сборника в интересах выяснения научной истины позволила себе несколько дополнить эти заметки некоторыми материалами, в том числе и архивного характера, которые не могли быть известны болгарскому ученому. — *Ред.*

² ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 420, л. 6.

³ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1937, стр. 169.

⁴ Стихотворения Александра Пушкина, ч. III, СПб., 1832, стр. 13—14.

⁵ ЛБ, № 4835; ныне ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 889.

⁶ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 126.

«О впечатлениях, под влиянием которых возникла пьеса, Пушкин рассказывает в третьей главе „Путешествия в Арзрум“, описывая перестрелку 14 июня на высотах Сыган-лу...⁷

«Приходится решить, что пьеса создавалась в 1829 году, но что помета „Сыган-лу“ намекает на события, с которыми она связана, и не обозначает места ее написания, которое последовало позднее; в 1830 же году, именно 7 сентября, в Болдине, занимаясь пересмотром своего поэтического багажа, Пушкин исправил ее для печати».⁸

На этом же основании и последующие комментаторы обычно указывали, что Пушкин якобы был свидетелем описанной в стихотворении сцены, когда участвовал в кавказском походе 1829 года. Однако такое предположение, с нашей точки зрения, не является обоснованным. Если бы Пушкин действительно видел подобную сцену, т. е. одновременную гибель в схватке казака и делибаша, то трудно было бы объяснить, почему он не упомянул об этом в «Путешествии в Арзрум», где описываются военные эпизоды и события даже менее драматические и эффектные. Но Пушкин, несомненно, не выдумал эту военную картину. Каково же ее происхождение? С нашей точки зрения, представляется правдоподобным предположение, что Пушкин вспомнил здесь рассказ, давно ему известный, о гибели гетериста Кантагони в 1821 году, детально переданный им впоследствии в повести «Кирджали», напечатанной в 1834 году. По рассказу Пушкина Кирджали вместе со своими друзьями Кантагони и Сафьяносом участвовали в восстании гетеристов, возглавлявшемся А. Ипсиланти. После поражения при Скуляях группа Кирджали была оттеснена к русской границе, где она отчаянно отбивалась от находившихся в турецких войсках казаков-некрасовцев, вооруженных пиками. Кирджали был ранен, и его переправили к русским за Прут, Сафьянос был убит, а о героической смерти Кантагони Пушкин пишет: «Кантагони, человек очень толстый, ранен был копьем в брюхо. Он одной рукой поднял саблю, другою схватился за вражеское копье, всадил его в себя глубже, и таким образом мог достать саблю своего убийцу, с которым вместе и повалился».⁹

Этот трагический образ пронзенного копьем Кантагони, отсекающего саблей голову казаку, не нашел отражения в черновом варианте «Делибаша» 1829 года, в котором автор выразил лишь предостережение делибашу от гибели на копье и уверенность в победе казака. Картина одновременной гибели обоих противников возникает только при переработке стихотворения в Болдине и появляется в беловом автографе, помеченном 7 сентября 1830 года. По всей вероятности, просматривая в Болдине свои кишиневские заметки о Кирджали и греческом восстании, а также свои дневники о военных действиях в Закавказье, Пушкин нашел между этими материалами ряд сходных мотивов (тут и там действуют турки-делибаша, вооруженные саблями, и казаки с пиками в руках) и потому решил воспользоваться ярким героическим образом одновременной смерти Кантагони и казака; таким образом он придал большую выразительность и остроту своему кавказскому стихотворению. Что Пушкин в Болдине действительно перелистывал свои кишиневские рукописные материалы, свидетельствует его письмо от 26 декабря 1830 года в Кишинев к Н. С. Алексею: «Пребывание мое в Бессарабии доселе не оста-

⁷ Горная цепь близ Карса. — *И. Ст.*

⁸ Пушкин, т. V, изд. Брокгауз-Ефрона, СПб., 1911, стр. XXXII.

⁹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. Академии Наук СССР, 1938, стр. 256.

вило никаких следов ни поэтических, ни прозаических. Дай срок — надеюсь, что когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто».¹⁰

История Кирджали и его товарищей долго занимала Пушкина. Поэма о гетеристах, близкая по теме к рассказам о Кирджали, была задумана Пушкиным еще в Кишиневе в 1821—1822 годах, о чем говорит сохранившийся набросок плана и начала поэмы.¹¹ Немного позднее, в 1823 году, Пушкин начинает стихотворение «Чиновник и поэт», посвященное эпизоду из истории Кирджали.¹² В 1828 году, в период начавшейся войны России с Турцией, Пушкин снова обращается к воспоминаниям о Кирджали, записывает обстоятельный план повести и, кроме того, набрасывает начало стихотворения или поэмы «Кирджали». Но лишь в 1834 году, после встречи Пушкина в Петербурге с М. И. Лексом, бывшим чиновником канцелярии Инзова, от которого Пушкин еще в 1821 году слышал подробности о Кирджали, а теперь получил о нем дополнительные сведения, повесть «Кирджали» могла быть закончена.

Остановимся теперь на комментариях к «Делибашу» в собраниях сочинений Пушкина. Объяснения эти до последнего времени страдали значительными неточностями. В издании сочинений Пушкина под редакцией П. О. Морозова читаем: «Делибаш (по-турецки — «сумасшедший») — удалой наездник».¹³ В издании под редакцией С. А. Венгерова утверждается: «Делибаш — по-русски сумасшедший, сорви-голова».¹⁴ В однотомнике сочинений Пушкина под редакцией М. А. Цявловского и С. М. Петрова: «Делибаш — начальник делисов (турецкое название), отчаянных храбрецов, которые набирались преимущественно в Боснии и Албании».¹⁵

Слово «дели» — турецкое, образовавшееся от арабского «делиль». По объяснению турецкого лексикографа Шемседдина Сами в его толковом словаре оно означает: «в старой османской армии род легкой кавалерии, главной обязанностью которой было служить проводником для армии».¹⁶ Следовательно, объяснение, что «дели» — войсковая часть, составленная из «отчаянных храбрецов», нельзя считать точным. Неверно также, что «дели» пополнялись преимущественно из числа турок, жителей Боснии и Албании. «Дели» имелись и в самой Турции и пополнялись народами Малой Азии.¹⁷

¹⁰ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, Изд. Академии Наук СССР, 1941, стр. 136.

¹¹ Там же, т. V, 1948, стр. 153, как набросок поэмы о гетеристах; повторено в т. VIII, кн. 2, 1940, стр. 838, в качестве наброска к повести «Кирджали».

¹² Там же, т. II, 1947 и 1949, стр. 282 и 1124; в десятитомном издании Академии Наук СССР (т. II, 1950, стр. 73 и 410) стихотворение датировано концом 1821 года; «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» (т. I, 1951, стр. 378) следует датировке большого академического издания.

¹³ А. С. Пушкин, Сочинения и письма, под редакцией П. О. Морозова, т. II, СПб., 1903, стр. 463.

¹⁴ Пушкин, т. V, изд. Брокгауз-Ефрона, СПб., 1911, стр. XXXII.

¹⁵ А. С. Пушкин, Сочинения, редакция и комментарии М. А. Цявловского и С. М. Петрова, Гослитиздат, 1948, стр. 875; то же в «Путеводителе по Пушкину»: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, Приложение к журналу «Красная нива», т. VI, 1931, стр. 120.

¹⁶ Шемседдин Сами. Kamus-i türkî, т. I, 1900, стр. 619.

¹⁷ Известный советский турколог профессор А. Н. Кононов по просьбе редакции настоящего сборника любезно дал следующие свои пояснения к интересующему нас слову: «Слово „делибаш“ происходит из турецкого слова „делибашы“, что значит начальник легкой кавалерии» (В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, вып. 18, 1905, стб. 1678); оно состоит из двух слов: дели—баш+ы, где баш 'голова', 'начальник' (-ы — формант — показатель синтаксической связи между этими словами); дели: 1) безумный, сумасшедший; 2) отважный, храбрый, храбрец, смельчак. Л. З. Будагов, автор известного и авторитетного словаря (Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, СПб., 1869), к последним значениям в скобках добавляет: «название бывшего иррегуляр-

Объяснения слова «лава», даваемые в комментариях к стихотворению «Делибаш», тоже не отличаются полнотой и точностью. В издании Брокгауз-Ефрон сказано: «Лава — построение казачьей сотни для атаки в одну шеренгу, выгнутую дугою».¹⁸ В военном словаре С. А. Тучкова имеется такое толкование: «Лава. Термин козачий. Так называют они свой фронт или линию. Ударить лавой в неприятеля есть атаковать его линией».¹⁹ В военной энциклопедии Леера дано более пространное и конкретное пояснение: «Лава — особый вид рассыпного строя у казаков. . . Лава употребляется для атаки, маневрирования с целью утомления противника и поражения его, избегая столкновения с ним и, при удобном случае, охватывая его фланги, действуя в тыл, вызывая претивника также на действия в рассыпном строе. Поэтому маневрирование (маячение) лавы не может поддаваться уставным правилам; всё искусство заключается в той тесной связи, какая должна быть между начальствующими и подчиненными, в личной находчивости всех, уменьши по отрывочным знакам, сигналам, быстро схватить мысль начальника и ловко привести ее в исполнение».²⁰

Таким образом, лава не просто строй, но и способ действия. Слово это, очевидно, одного происхождения и значения со словами «лава», которую извергают вулканы, и «лаваина», стремительно несущаяся с гор.²¹

К «Полтаве»

В первой песни поэмы «Полтава» Пушкин, изображая коварное поведение гетмана Мазепы и его приготовления к измене Петру I и России, говорит:

Грозы не чуя между тем,
 Неужасаемый ничем,
 Мазепа козни продолжает.
 С ним полномощный езуит
 Мятеж народный учреждает
 И шаткий трон ему сулит. . .
 Какой-то нищий во дворец
 Неведомо отколе ходит,
 И Орлик, гетманов делец,
 Его приводит и выводит.

В пятнадцатом примечании к этим стихам Пушкин поясняет, что «главными агентами Мазепиной измены» были «езуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества»;

ного войска в Турции» (I, 565). Известный турецкий лексикограф Шемседдин Сами в двух своих словарях (Dictionnaire Turc-français, Constantinople, 1928 и Kamus-i türkî, Constantinople, 1317 h) слово «дели» возводит к арабскому слову «делаиль» — argument, preuve || guide, conducteur || Comme mot turc: Cavalier léger dans l'ancienne organisation de l'armée ottomane. En ce cas on prononce vulg. *déli* (Dictionnaire Turc-français, 580). Из сказанного ясно, что в объяснение, приведенное в «Путеводителе по Пушкину» и в одном томике сочинений Пушкина, изданном под редакцией М. А. Цявловского и С. М. Петрова, нужно внести только одно существенное исправление: словосочетание «начальник делисов» заменить на «начальник дели» (о слове «дели» см. выше); форма «делис» в данном объяснении, вероятно, возникла под влиянием французской транскрипции этого слова с показателем множественного значения («*délis*»). — *Ред.*

¹⁸ Пушкин, т. V, изд. Брокгауз-Ефрон, СПб., 1911, стр. XXXII.

¹⁹ Тучков. Военный словарь, ч. I, М., 1818, стр. 226.

²⁰ Энциклопедия военных и морских наук. Составлена под редакцией генерал-лейтенанта Г. А. Леера, т. IV, СПб., 1889, стр. 484.

²¹ См.: Толковый словарь русского языка, т. II, под редакцией Д. Н. Ушакова, 1938, стр. 14.

этот архиепископ «в виде нищего ходил из Польши в Украину и обратно».²² О тех же лицах идет речь и в начале второй песни поэмы, где гетман, раскрывая Марии тайну своего заговора, сообщает:

Друзей надежных я имею:
Княгиня Дульская и с нею
Мой езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят.

Откуда знал Пушкин об этих пособниках Мазепы? Серьезное изучение поэтом исторических событий и деятелей изображаемой им эпохи не подлежит сомнению: каждый исторический факт, о котором поэтически рассказывается в поэме, может быть подтвержден ссылкой на источник.²³ Одним из главных источников для Пушкина являлся труд Д. Н. Бантыша-Каменского «История Малой России» (чч. III и IV, М., 1822). Здесь нашел он ряд упоминаний об агентах Мазепы — княгине Дульской и польском ксендзиезуите Заленском; здесь же есть и одно указание на роль болгарского архиепископа, со ссылкой при этом на французский перевод сочинения шведского мемуариста-историка Адлерфельда, изданный в Амстердаме в 1740 году. В примечании на стр. 124—125 третьей части своей «Истории» Бантыш-Каменский, говоря о договорах, заключенных между Мазепой, Карлом XII и Станиславом Лещинским, замечает: «Никто не знал о помянутых договорах, кроме обоих королей, Мазепы, графа Пипера, одного польского сенатора (которого Адлерфельд забыл фамилию) и изгнанного из отечества Болгарского Архиепископа. Сей последний, в виде нищего, скитался от Мазепы к Карлу и обратно. <Gustave Adlerfeld.> Histoire militaire de Charles XII, t. IV, page 8 et suiv.».

Как видно, Пушкин в своем примечании к «Полтаве» почти дословно повторил сообщение Бантыша-Каменского, в тексте же поэмы отнес к архиепископу-нищему то, что в «Истории» говорится о Заленском (но что, конечно, могло относиться и к другому агенту-изменнику).²⁴

Личность болгарского архиепископа, тайного агента Мазепы, тем не менее остается неясной. Документальных данных о нем не сохранилось: после поражения при Полтаве Карл XII уничтожил свой походный архив, чтобы он не попал в руки русских, а Мазепа сделал то же самое перед смертью в Бендерах.

Шведский историк Альфред Йенсен в своем труде «Мазепа» (Лунд, 1909) говорит: «Никакой славянский документ не дает сведений о таинственном бывшем архиепископе южно-славянского происхождения (кажется, что имя его было Руфим)». Последнее указание является, повидимому, недоразумением: в уже цитированных показаниях Кочубея под пунктом 8 говорится: «Мая 28 <1707 года>. Епископ Сербский Руфин сказывал Кочубею, что Мазепа слезно жаловался ему на государя за требуемых с малороссиян для великороссийского войска лошадей»,²⁵ т. е. в данном случае этот епископ

²² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. Академии Наук СССР, 1948, стр. 65—66.

²³ Ср.: Н. В. Измайлов. К вопросу об исторических источниках «Полтавы». «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 4—5, 1939, стр. 435—452.

²⁴ В показаниях Кочубея, данном графу Головкину и Шафирову, под пунктом 14 говорится: «Перед праздником Рождества Христова Орлик встретил тайно и проводил Заленского в гетманский замок, что под селом Бахмачем, откуда сей иезуит ездил по ночам к гетману в загородный дом» (Д. Н. Бантыш-Каменский, История Малой России, ч. III, 1822, стр. 103; почти то же в показаниях Петра Яценко — там же, стр. 93).

²⁵ Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России, ч. III, стр. 101.

Руфин, во-первых, серб, а во-вторых, не агент, но разоблачитель Мазепы и не может быть отождествлен с бывшим болгарским архиепископом.

Другой шведский писатель нашего времени Хейденстам, обладающий серьезными историческими познаниями, в книге, посвященной эпохе Карла XII (нам известен ее перевод на французский язык под заглавием «Les Carolins», Париж, 1923), поместил рассказ «L'Ambassadeur de Maserra» («Посланник Мазепы», стр. 25—26), где этим посланником является болгарский архиепископ, изгнанный из своей родины и помогавший заключению союзного договора между Карлом XII и Мазепой.

Некоторый свет на вопрос проливают справки из истории болгарской православной церкви, имеющиеся в книге профессора Ивана Снегарова «История Охридской архиепископии-патриархии во времена ее падения под турецкое владычество до ее уничтожения» (София, 1936), хотя здесь прямо и не говорится о посреднической роли какого-либо болгарского архиепископа в измене Мазепы. Из книги профессора Снегарова мы узнаем, что в конце XVII и в начале XVIII века существовала в Болгарии только Охридская архиепископия (в сущности, патриархия) со множеством митрополий, епархий и епископий. В это время Охридским архиепископом был Милентий, занявший престол в 1676 году, после того, как он в 1661 году был софийским митрополитом. В 1677 году он отказался от престола и отправился в Молдавию и Украину, где жил в городе Нежине до 1686 года. Патриарший титул охридского архиепископа оспаривался у него какими-то греческими патриархами. По этой причине на Милентия был сделан донос русскому царю — главе русской церкви. Чтобы доказать, что он действительно по праву назывался патриархом, Милентий явился в Москву 8 августа 1686 года. Он был хорошо принят и поселен в Троице-Сергиевской лавре, но всё же ему запретили называться патриархом. Милентий оставался в Москве до 1690 года и, не убедив русское правительство в своем праве, вернулся на Украину под предлогом болезни, а в сущности глубоко оскорбленным. В таком состоянии не трудно было Мазепе привлечь его, озлобленного монаха, к замыслам своим против Петра. Поэтому у нас есть основания считать, что Милентий и есть упомянутый Пушкиным изгнанный болгарский архиепископ.

Этому не противоречит и хронология. Милентий родился около 1635 года, софийским митрополитом был избран 26 лет (в 1661 году), а охридским архиепископом 41 года (1676). Ранее избрание его митрополитом объясняется тем, что духовные звания в ту эпоху получались преимущественно с помощью подкупа. К 1709 году Милентию было приблизительно 75 лет. Суровый монашеский образ жизни мог сохранить ему и в этом старческом возрасте необходимые силы для исполнения поручений Мазепы.²⁶

Дальнейшие исследования по архивным источникам должны несомненно уточнить наши сведения о тайном агенте Мазепы.

София

²⁶ Более подробно я рассматриваю этот вопрос в статье «Невыясненная связь Карла XII Шведского с болгаринном — духовным лицом» (журн. «Родина», София, 1940, т. II, кн. 4 (июнь), стр. 158—162).

ПУШКИН И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Б. В. ТОМАШЕВСКИЙ

СКАЗКА ОБ ОРЛЕ

(Из бумаг Пушкина)

Среди бумаг Пушкина имеются наброски прошения для неизвестного нам лица, записанные на обороте чьей-то записи сказки.¹ Запись эта, сделанная малограмотной рукой, повидимому, не напрасно находилась среди бумаг Пушкина. Можно утверждать, что сделана она для Пушкина по его просьбе и, следовательно, относится к собранию его фольклорных записей. Нам известны некоторые фольклорные записи, сделанные по просьбе Пушкина и хранившиеся в его бумагах, но это были записи иноязычных текстов. Запись русской сказки, сделанная для Пушкина, представлена только в этом документе. Запись эта до сих пор не опубликована. О ней имеются лишь отрывочные сведения. В книге «Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме» (1937) на стр. 259 под № 726 читаем: «На лл. 1₂ и 2₂ находится сплошной текст сказки о царе Орле и птицах, писанный малограмотной рукою, чернилами». Текст прошения был опубликован в книге «Рукою Пушкина» (1937) и там, на стр. 817, сообщается: «На обороте двух листов находится полуграмотная запись неизвестною рукою сказки про царя Арола и птиц».

Документ датируется лишь приблизительно 20-ми годами. Можно думать, что написан он в Михайловском. В записи сохранились некоторые особенности местного говора. Приводим эту запись полностью, в новой орфографии, но с сохранением всех произносительных особенностей, отразившихся в написании слов. Оставляем эту запись без знаков препинания, которых не употреблял ее автор. Лишь в написании больших букв мы допустили некоторые отступления от подлинника, так как автор применял их совершенно без всякой системы. Сказка записана, повидимому, без окончания. Последняя строка записи явно не относится к предыдущему и представляет собой начало новой сказки — о Бове-королевиче.

В некотором царстве в некотором государстве бил жил царь Ароль и говорить что я за царь что я жени не имею и взял себе Сонку за жонку Сонка ему говорить что ты за царь когда они тебе панцини не роблють и податей не плотють что ж ани мне будуть за панцину работать Сонка говорить своему чару мужу когда ти царь над нима прикажи ж ти им всемь

¹ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 726. — Эта запись относится, очевидно, к числу тех бумаг Пушкина, которые хранились некоторое время у П. А. Плетнева. Я. К. Грот в статье «Дополнения к изданиям Пушкина» (напечатана в его книге: Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, СПб., 1887) писал о них: «Сохранились также народные сказки (в прозе, как они выходили из уст рассказчика); они переписаны рукой писаря, но так неграмотно, что ими в настоящем виде трудно пользоваться» (стр. 213).

птицам чтоб всякая пара птицъ принесла по пари косток и когда наносят то ти продашь и много денег будеш иметь И в то время ти продашь те косте кому небудь на дом <?> и много будеш иметь денег и в то время ты будеш государомъ Ароль позвал всех птицъ и сказал чтоб ви мне десятово дня всякая пара чтоб мне принесли по костыки Харашо принесом Девятого дня принесли всякая птица по костки А сыча неть неть Ароль велел позвать сыча призвать и говорить сичу скурвий сину что ты не бил на панщине Сич говорить государ мой я не бил дома ароль ево спрашивает где ти бил Сыч отвечал я бил у лесу щитать дерива чи болше сухово чи болше сырово Ароль отвечает болше сырово а сич говорить Стой царю болше сухого потому что я и то за дериво щитаю что под деривомъ лежит Ароль говорить правда что больше

в доме бави

Некоторые особенности записи объясняются малограмотностью записывавшего. Таковы написания, связанные с выражением мягкости согласного перед гласным. В данной записи часто эта мягкость не обозначена: ароль, принесом; повидимому, тем же объясняется частое употребление (впрочем, непоследовательное) «и» вместо «ы»: сич (но есть и сыч), бил (вместо был), жени, ти и др. Однако в записи отразились и совершенно ясные особенности говора, а именно:

в лексике: панщина, робить, скурвий сыну (бранное обращение);

в морфологии: формы третьего лица множественного числа глаголов: плотють, наносят; наличие звательной формы: сыну, царю;

в фонетике: «у» вместо «в»: у лесу.

Эти и некоторые другие менее определенные особенности текста, при небольшом объеме записи, позволяют отнести эту запись к каким-нибудь западнорусским говорам, близким к белорусскому языку. Поэтому данный текст следует отнести к территории псковских говоров, в которых присутствуют подобные особенности.²

Сказка, как сказано выше, повидимому, не имеет в записи окончания. Так как варианты ее встречаются в разных записях, то представляется возможность приблизительно восстановить недостающее окончание. За приведенным ответом сыча диалог должен был развиваться так: «Кого больше: баб или мужчин? — Мужчин больше. — Стой, царю, больше баб: потому что я за баб и тех считаю, кто баб слушается. — Орел подумал и отменил свой приказ о сборе костей».

Среди известных вариантов этой сказки можно назвать рассказ А. Ф. Погоского «О Соколе Сизокрыловиче, о Соколихе Сизокрыловне и о Куликемудреце носатом» (относится к началу 70-х годов XIX века). В этой сказке роль Орла играет Сокол. Его жена Соколиха требует, чтобы он приказал построить из костей дворец, а для этого созвал всех птиц и их бы перебил. Когда все птицы собрались, оказалось, что Кулик отсутствует. Его разыскали и привели, и между ним и Соколом произошел аналогичный разговор. Сокол спрашивал, чего больше — воды или земли, гор или долин, а Кулик давал неожиданные ответы, которые подтверждал доводами. Диалог кончился так:

«— Ну, говори, которого пола в моем царстве больше — баб или мужчин?»

«— Баб больше, — отвечал Кулик.

«— Теперь-то врешь! — возопил Сокол; — я доподлинно знаю, что всех у нас по паре; значит, ровнехонько — и баб, и мужчин!

² Анализ говора данной записи принадлежит Г. Ф. Нефедову. См. также: К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино Пушкинского района Псковского округа. «Известия по русскому языку и словесности Академии Наук СССР», 1930, т. III, кн. 2, стр. 585—597.

«— Это совершенная правда, — ответил покорно Кулик; — одначе, и тот самец, который слушает свою бабу — сам баба: — следовательно, баб у нас выйдет гораздо больше.

«Нахмурился Сокол, встрепенулся, зиркнул на Соколиху, махнул крылом и крикнул всем птицам: — пошли прочь!».³

Другой вариант той же сказки мы находим в записях П. П. Чубинского. Это украинская сказка, записанная в селе Косенове Новоградволинского уезда Волинской губернии. Этот вариант ближе к сказке, сохранившейся в бумагах Пушкина. Действующие лица здесь «кук» и «крук» (ворон). Диалог, вызванный опозданием крука, состоит из двух частей: сперва кук спрашивает крука, каких деревьев больше — сухих или зеленых, а затем, кого больше — женщин или мужчин. Возникает спор, в котором побеждает крук: «Женщин больше, потому что я и того мужчину считаю за женщину, который слушается женщины».⁴

Наконец, несколько иной вариант дает сказка, записанная Д. К. Зелениным в б. Вятской губернии. Там идет речь о костяном дворце, который собирается строить князь Кирбит по настоянию своей жены. Кирбит приказывает птицам наносить костей, причем опаздывает сыч (как и в записи Пушкина). Однако ответ сыча простой, без витийственных параллелей: «А кто бабы слушает, так тот девять раз хуже бабы».⁵

В варианте, сохранившемся в бумагах Пушкина, характерным является мотив сбора костей: не для постройки дворца или гнезда, а для торговой операции. Этот мотив следует считать новым; скорее всего он не мог быть присущ сказке в ее первоначальном виде.

В. В. ШМИДТ

НОВАЯ ЗАПИСЬ ПЕСНИ «РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА»

Среди песен, записанных Пушкиным, сохранилась в автографе песня «Во славном городе во Киеве» о девяти братьях-разбойниках, взявших в плен собственную сестру и убивших ее мужа Морьянина и ее сына.⁶ Место записи этой песни, сделанной Пушкиным, как это отметил еще В. И. Чернышев, определяется находящимся в тексте записи псковским областным словом «пелегали» — лелеяли.⁷ В автографе Пушкина имеется помета над записью: «из быта поволжских разбойников». Песня эта в разных вариантах получила большое распространение; под заглавиями «Про вдову», «Песня о девяти братьях и одной сестре» и др. опубликовано много ее вариантов.⁸ Однако до сих пор не удавалось найти в живом исполнении текст, близкий к записанному Пушкиным. Как показывает приводимая запись, такой текст

³ А. Ф. Погосский, Полное собрание сочинений, т. II, СПб., 1900, стр. 591—594.

⁴ Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край, т. II, СПб., 1878, стр. 110—112, № 34, «Про кука». — Здесь в одной записи соединены две сказки: конец записи — самостоятельная сказка о победе сокола над куком.

⁵ Великорусские сказки Вятской губернии. Сборник Д. К. Зеленина. «Записки имп. Русского географического общества по отделению этнографии», т. XLII, 1915, стр. 173—174, № 46.

⁶ См.: Рукою Пушкина, изд. «Academia», 1935, стр. 454—456.

⁷ Русская баллада, 1936, стр. 385. См. также: С. А. Бугославский, Русские народные песни в записи Пушкина. «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 6, 1941, стр. 192—193.

⁸ В сборнике А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» приведено шестнадцать вариантов этой песни в записях из различных мест (т. I, СПб., 1895).

существует и в наши дни. Он записан в деревне Городище Печерского района Псковской области от известной в своем районе руководительницы местного женского хора Елизаветы Федоровны Укатовой. Е. Ф. Укатова пела эту песню в июне 1953 года; настоящая запись сделана при вторичном исполнении песни в октябре 1953 года.

Е. Ф. Укатовой 60 лет, она обладает приятным и еще свежим голосом и очень выразительно поет протяжные долевые песни. Укатова сообщила, что эта песня очень старинная; от кого же она выучила ее, она уже не помнила.

Сличив опубликованные варианты этой песни со сделанной записью, можно придти к выводу, что городищенский вариант, несмотря на некоторые различия, является всё же одним из самых близких к записи Пушкина. С другой стороны, в записанном тексте имеется общее со всеми северными записями, а также с вариантом, опубликованным В. И. Чернышевым.⁹ Песня начинается словами:

Что по край было моря, по край синего,
По край синего моря, глубокого...

Так же начинаются почти все тексты Заонежья и вообще севера, которые предполагают, что вдова жила на берегу моря или озера. В некоторых песнях поется даже, что вдова отдает дочь за поморина, а в других, что дочка едет с мужем

За шумяче за гремяче за Онегушко.

Повидимому, связь певцов и сказителей Псковской области с Чудским или Псковским озером содействовала тому, что начало текста данной песни соответствует северным вариантам. В остальном же песня сходится почти дословно с текстом Пушкина. Здесь также муж называется Морянин, жена Морянка, а ребенок Моряночек, разбойники нападают на них ночью, что подчеркивается в обеих песнях упоминанием разведенного костра.

Нарубили огоничек малёшенек,
Пустили дымочик тонешеник.

(Пушкинская запись)

И возле дубика горит огонечек,
Вокруг огоничка сидят разбойнички.

(Городищенская запись)

В этом месте вариант Чернышева ближе подходит к пушкинскому, чем данный: раскладывают костер сами Морянин и Морянушка:

Огонь рóсклали, кашу вáрили,
Кашу вáрили, дитя кóрмили.

Но в описании, например, нападения разбойников и расправы их с Морянином и Морянкой городищенский текст сходится с текстом Пушкина:

стр. 250—274, №№ 178—193), но они далеко не исчерпывают источников, опубликованных даже к тому времени. Территория ее распространения была значительно шире. Приводит варианты этой песни и В. И. Чернышев в сборнике «Русская баллада» (Л., 1936, стр. 35—37 (№№ 31—32), стр. 384—385). Под названием «Песня о вдове» или «Песня о пашце» песня очень известна также на севере. В книге А. М. Астаховой «Былины Севера» (тт. I, II, 1938, 1951) она приведена в двенадцати вариантах, из которых видно, что она бытует до сих пор. Существует также украинский вариант этой песни («Жила вдова на Подоли Та не мала щастя й доли...»), записанный Н. В. Лысенко в селе Свидивок Черкасского уезда (см.: Збирник українських писень. Зібрав й у ноты завив М. Лисенко, вып. VI, № 5, Киев, 1895, стр. 12—13). Самая ранняя публикация — в «Собрании разных песен М. Д. Чулкова», СПб., 1770, часть I, № 135, стр. 165—167.

⁹ Русская баллада. Изд. «Советский писатель», М.—Л., 1936, стр. 35—36.

Вы вставайте-ка, все разбойнички,
 Вы послушайте, что мы сделали,
 Мы свою зятя ножом зарезали,
 Племянника в море бросили,
 А сестру свою а мы в плен взяли.

В тексте записанной в Городище песни имеются следующие строки — их нет в других вариантах, и, может быть, не без основания:

Мы и переехали всё синёе море,
 Мы приехали к сырому дубу, к раскольчистому,
 И возле дубика горит огонечек...

Если начало песни пушкинского и некоторых других вариантов говорит о какой-то первоначальной близости источника этой песни к Киеву,¹⁰ к былинным временам —

Во славном городе во Киеве,
 У славного князя у Владимира
 Жила была молодая вдова,

то приведенное место данного варианта тоже, может быть, является доказательством более древнего источника этой песни. Дуб не упоминается ни в одном из многочисленных северных вариантов, вероятно потому, что дуб там редок и не остается в памяти, как излюбленная северная береза. Если этот «дуб раскольчистый», растущий на берегу синего моря, не перешел сюда из какой-нибудь другой песни или былины, то не указывает ли это также на какой-то более древний первообраз песни, являющийся, быть может, первоисточником пушкинского варианта?

Приводим самую запись:

Что по край было моря, по край синего,
 По край синего моря, глубокого,
 Там жила-была молодая вдова.
 Как у вдовушки и сиротушки
 У ней девять сынов, десятая дочь.
 На все девять сынов под разбой ушли,
 А десятую дочь замуж выдали,
 Замуж выдали за Морянинова.
 Они год жили и другой жили,
 А на третий годок дитя прижили Морянёночка.
 Как стоскнулось Морянке по своей стороне,
 По своей стороне, по родной матушке.
 Стала звать-подзывать свою Морянина:
 «Ты пойдём, Морянин, в мою сторону,
 Как ты к теще, а я к матушке,
 А милое детище — к милой бабушке».
 Мы и переехали все синёе море.
 Мы приехали ко сырому дубу, к раскольчистому,
 И возле дубика горит огонечек.

¹⁰ Былинного склада зачин, с упоминанием Киева, который мы находим в записи Пушкина, составляет важнейшее его отличие от варианта, записанного нами. Однако подобное начало мы встречаем и в других записях, например:

Во граде было Киеве...

(Соболевский, I, № 178)

В городе во Киеве...

(Соболевский, I, № 190; ср. № 193)

Во славном во городе, в Киеве...

(«Русская баллада», № 31)

Вокруг огóничка сидят разбойнички.
 Как мово мужа нóжом зарезали,
 Милсе детище в море бросили,
 А меня молодú они в плен взяли.
 На вси разбойники они спать легли.
 Один-то разбойник он спать не лёг,
 Он спать не лёг, стал выпрашивать:
 «Ты какой роды, какой племени.
 Какого отца, какой матери?»
 «Я такого рода, такого племени,
 Такого отца, такой матери,
 Что по край было моря, по край синего,
 Там жила была молодая вдова,
 Как у вдовушки, у сиротушки
 Было девять сынов, десятая дочь.
 Девять сынов под разбой ушли,
 Десятую дочь замуж выдали,
 Замуж выдали за Морянинова».
 Вы вставайте ка, все разбойнички,
 Вы послушайте, что мы сделали,
 Мы свово зятя нóжом зарезали,
 Племянника в море бросили,
 А сестру свою а мы в плен взяли

Приводим также нотную запись напева, на который поется указанный текст песни:

Умеренно (♩ 108)

О- ай, что по край было мо- ря, по край
 си- не- го, ай, лю- ли лю-ли, и- ой, по край си- не- го,
 о- ай, по край си- не- го и мо- ря глу-
 . бо- ко- го, ай, лю- ли, лю-ли, и мо- ря глу- бо- ко- го,
 о- ай, там жи- ла- бы- ла и вот мо- ло-
 - да- я вдо- ва, ай, лю- ли, лю-ли, и- ой, мо- ло- да- я вдо- ва.

Следует иметь в виду, что в пении текст усложнен припевом и междометиями, не воспроизведенными выше. Напев остается неизменным для

каждой строфы, за исключением второго такта, который всё время варьируется, но не выходит за пределы своей структуры; остальные изменения выражаются лишь в небольших ритмических сдвигах и в удлинении или сокращении заключительного звука.

- О-ай, что по край было моря, по край синего,
 Ай, люли, люли, и-ой, по край синего,
 О-ай, по край синегъ, у моря глубокого,
 Ай, люли, люли, и моря глубокого,
 О-ай, там жила-была и вот молодая вдова,
 Ай, люли, люли, и-ой, молодая вдова.
 О-ай, как у вдовушки, и-ой, у сиротушки,
 Ай, люли, люли, и-ой, у сиротушки,
 О-ай, у ней девять сынов вот десятая дочь,
 Ай, люли, люли, и-ой, десятая дочь.
 О-ай, да все девять сынов о-ой, под разбой ушли,
 Ай, люли, люли, и-ой, под разбой пошли,
 О-ай, как десятую, дочку, замуж выдали,
 Ай, люли, люли, и-ой, замуж отдали,
 О-ай, замуж отдали, э-о, за Морянинова, а-ой,
 Ай, люли, люли, и-ой, за Морянинова... и т. д.¹¹

Вариант этой же песни был записан Г. Т. Тампере в 1934 году в деревне Митковицы Печорского района от крестьянина Семена Крючкова, 63 лет.

Приводим запись напева этой песни и ее текст:¹²

Умеренно (♩=110)

У ба-тюш-ки бы-ло де-вять сы-нов, ай, лю-ли, лю-ли, бы-ло
 де-вять сы-нов, у ма-туш-ки я де-ся-та-я, ай, лю-
 ли, лю-ли, я де-ся-та-я. Все де-вять сы-нов под раз-
 бой пош-ли, ай, лю-ли, лю-ли, под раз- бой пош-ли...
 ... и т. д.

¹¹ Звукозапись на магнитофон и нотная расшифровка произведены Э. Г. Лаугасте и Г. Т. Тампере в Тарту в мае 1954 года; редакция расшифровки сделана музыковедом Б. М. Добровольским.

¹² Обе публикуемые песни по характеру напева относятся к хороводным. По наблюдениям ленинградского музыковеда Н. Л. Котиковой, в течение ряда лет собирающей псковский фольклор, под эту песню в Псковской области некогда водили хороводы в дни пасхальной недели; сейчас ее знают уже немногие. Хоровой вариант этой песни был записан Н. Л. Котиковой летом 1953 года; текст его совпадает полностью с публикуемым, наиболее полным вариантом песни (сообщил Б. М. Добровольский). В книге «Elsa Mahler. Altrussische Volkslieder aus dem Peczoryland» (Bärenreiter Verlag, Basel, 1951) опубликованы две нотные записи этой песни от той же исполнительницы Е. Ф. Укатовой.

У батюшки было девять сынов,¹³
 У матушки я десятая.
 Все девять сынов под разбой пошли,
 А меня, молодую, вечер сватали
 За дворянина и за морянина.

Я годок жила и другой жила —
 На третий дитя прижила.
 Стала свою мужа упрашивать:
 «Муж, мой возлюбленный,
 Поедем в мою родиму сторону,
 К родному батюшке, к родной матушке!»

Годок пошли, другой ехали —
 Приезжаем к желту песку,
 Да к желту песку, круту бережку.
 Возле бережка есть огонечек —
 Возле огонечка есть разбойнички.
 Вскочили разбойнички, мужа убили,
 А детеночка-моряненочка в море бросили —
 А меня, молодую, во полон взяли.

Все восемь разбойничков спать легли,
 А девятый разбойничек спать не лег
 И стал меня спрашивать:
 «Какой роды, какой племени?»
 И оказалась я родная сестра.

Г. Ф. НЕФЕДОВ

НОВАЯ ЗАПИСЬ СКАЗКИ О ЦАРЕ САЛТАНЕ

В 1952 и 1953 годах, зимой и летом, мне приходилось бывать неоднократно с группой студентов Вильнюсского Государственного университета в Зарасайском районе Литовской ССР для изучения говоров местного русского старожильческого населения (говоры староверов, проживающих здесь с XVII—XVIII веков). В ходе работы по собиранию диалектологического материала удалось записать несколько сказок и песен, представляющих собой довольно старые варианты русских сказок и песен, сохранившиеся здесь в своеобразных условиях жизни русского населения среди литовцев, в отрыве от основной массы коренного русского населения.

В числе записанных в это время сказок особое внимание привлекает к себе сказка без названия, представляющая собой вариант известной по произведениям А. С. Пушкина сказки о царе Салтане и, кажется, близкой к варианту или к вариантам, знакомым Пушкину.

произведенные, однако, значительно раньше, чем приведенная выше запись, — в июле 1938 и в августе 1939 года (стр. 160—162), — и текст на русском (стр. 80) и немецком (стр. 145) языках; напевы их являются близкими хоровым и сольным вариантами к записям, сделанным в Тарту и Н. Л. Котиковой. В издании Э. Малер русский текст дан в сокращенном виде; имена «Морянка» и «Моряненочка» отсутствуют; в зачине строки спутаны и совершенно расходятся с текстом, приведенным в нотных примерах. Немецкий перевод текста (стр. 145), однако, точно передает зачин нотной записи (стр. 160). Оба текста даны как сводная запись двух вариантов, записанных от одного лица.

¹³ После каждой строки исполняется припев: «Ай, люли, люли» и повторяются последние три или два слова.

Пушкин, повидимому, еще до высылки в Кишинев познакомился с широким репертуаром русских сказок, отдельными мотивами которых он пользовался в своем творчестве. Помимо законченных произведений, об этом свидетельствуют неосуществленные замыслы поэта, сохранившиеся в виде отдельных набросков. Так, в кишиневской записи (1822; ЛБ, № 2366; ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 832, л. 30 об.) сохранился набросок, представляющий собой скорее план сказочной поэмы по уже известным Пушкину мотивам, нежели запись устного рассказа («Царь не имеет детей. Слушает трех сестер. . . Царь на войне. Царевна рождает сына. . .»). Для нас этот набросок представляет интерес, так как показывает, что с сюжетом сказки о царе Салтане Пушкин был знаком уже до высылки в Кишинев. Эта запись, напечатанная впервые В. Е. Якушкиным,¹⁴ вошла в некоторые издания Пушкина,¹⁵ но отсутствует в сборнике «Рукою Пушкина» (1935) и в обоих — большом и малом — академических изданиях (1937—1949). По характеру записи это, несомненно, план сказочной поэмы, примыкающей к традиции «Руслана и Людмилы» и к планам поэм о Бове и о Мстиславе того же 1822 года. Б. В. Томашевский напрасно не ввел этот план в свою работу о незавершенных кишиневских замыслах Пушкина 1822 года.¹⁶

До 1825 года Пушкин очень «вольно» обращался с памятниками народного творчества. Он брал из них то, что ему требовалось для создания собственных произведений, не сохраняя форму тех источников, из которых он черпал необходимые ему материалы. Поэтому-то трудно найти непосредственные источники для ранних «фольклорных» произведений Пушкина; поэтому же осталось довольно много не выполненных Пушкиным замыслов, навеянных произведениями народного творчества.

Поворотным пунктом в отношении Пушкина к народному творчеству, началом пристального изучения его надо считать время пребывания Пушкина в Михайловском (1824—1826). Об этом говорит сам Пушкин. В письме от 25 января 1825 года к П. А. Вяземскому он пишет: «Жду к себе на днях брата и Дельвига — покаместь я один одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни».¹⁷

Не новым было для Пушкина слушание сказок. Но, повидимому, совершенно по-новому он слушал в Михайловском, хотя это были сказки, которые он уже не раз слышал. Теперь каждая сказка для него «поэма». Это уже отношение к сказке зрелого поэта, понявшего, что она может ему дать. Пушкин начинает записывать сказки со слов Арины Родионовны и, вероятно, других сказителей. Мы имеем семь сказок, записанных Пушкиным.

В числе записанных от няни имеется и сказка о царе Салтане, очень близкая по содержанию к сказке Пушкина. Последняя написана Пушкиным, повидимому, не без влияния других сказок. В нее вставлен существенный мотив «Лебедь-царевна», иначе дан мотив «тридцать три богатыря» — это братья царевны, а не Гвидона, введен мотив белки вместо мотива двух боровов и др.¹⁸

¹⁴ «Русская старина», 1884, т. XLII, май, стр. 334—335; ср.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I, 1951, стр. 369.

¹⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в девяти томах, т. III, изд. «Academia», 1935, стр. 336; то же в шести томах, т. II, 1936, стр. 558.

¹⁶ Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции, Изд. Академии Наук СССР, 1953.

¹⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIII, Изд. Академии Наук СССР, 1937, стр. 135; ср. письмо А. С. Пушкину от ноября 1824 года* (XIII, 121).

¹⁸ См. запись сказки о царе Салтане: Рукою Пушкина, стр. 405—407; А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III, Гослитиздат, 1950, стр. 248—249; то же, т. III, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 456—458, и др.

Интерес к песенному и сказочному народному творчеству у Пушкина не уменьшается, а усиливается. В зрелом возрасте поэт начинает писать свои сказки, навеянные, конечно, народными сказками. И это не было мимолетным увлечением, а длилось в течение нескольких лет. Первый опыт написания сказки относится к 1828 году: написано четырнадцать стихотворных строк и небольшой отрывок в прозе — начало сказки о царе Салтане. В 1830 году написаны: в Болдине «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о Медведихе», в 1831 году в Царском Селе «Сказка о царе Салтане»; в 1833 году в Болдине «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»; в 1834 году в Болдине «Сказка о золотом петушке».

Няня познакомила Пушкина с миром русской сказки. Интерес к русской сказке у Пушкина всё возрастал, опять-таки при содействии няни. Повидимому, и после ее смерти Пушкин слушал сказки при любом представившемся ему случае и читал в записях. Таким благоприятным случаем для слушания сказок было, вероятно, пребывание Пушкина в Болдине. Не случайно появление всех пушкинских сказок связано именно с пребыванием в Болдине. А нам известно, что с Болдиным связано наличие богатой фольклорной традиции.

В. И. Чернышев подчеркивает, что главная причина малой изученности сказок Пушкина кроется именно в недостаточности собранных материалов.

«О сказках Пушкина, — пишет он, — написано несколько исследований, статей и заметок (Н. Ф. Сумцов, Ю. А. Яворский, Л. Н. и В. В. Майковы, Трубицын и др.), и всё же сказки великого поэта остаются мало изученными. Главная причина этого — недостаточность собранных материалов». Далее В. И. Чернышев определил и те задачи, которые, по его мнению, стоят перед исследователями:

«Полагаем, что общая задача изучения сказок Пушкина сводится к: 1) выяснению материалов, которые фактически были или могли быть источниками его сказок; 2) изучению способов, которыми поэт использовал эти материалы; 3) исследованию конечного результата его творчества — самого текста его сказок».¹⁹

Сбор материала остается пока первоочередной задачей. Надо записывать сказки во всех возможных вариантах, изучать движение этих вариантов, отношение их к художественным произведениям, в том числе и к сказкам Пушкина. Одновременно надо изучать и то, что вносил поэт в данную сказку от себя, как он украшал ее блеском своего таланта, оставляя неизменными ее смысл и силу.²⁰

Надо только расширить положение В. И. Чернышева: изучать следует сказки в связи с творчеством Пушкина не только в Пушкинском и Лукояновском (Болдинском) районах, но и значительно шире.

Приводимая ниже сказка записана летом 1952 года и вторично в январе 1953 года студентками Вильнюсского Государственного университета Криволевой, Красиловец, Прокофьевой в деревне Поливарок (Фольварк) Зарасайского района Литовской ССР, заселенной русскими староверами, от колхозницы Вассы Новиковой, 73 лет, неграмотной. Названия сказки, как и имен действующих лиц: Салтан, Гвидон и др., сказительница не дает, кроме дядьки Цынбалды или Цынбала (в варианте 1953 года), восходящего к повести о Бобе Королевиче. В записях 1952 и 1953 годов есть небольшие рас-

¹⁹ В. И. Чернышев. Сказки и легенды Пушкинских мест. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 283.

²⁰ М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 98—99.

хождения, взаимно дополняющие сказку. Считаю поэтому целесообразным привести ниже обе записи.

Языковые особенности сохранены в той мере, в какой это необходимо для передачи типа данного русского говора. В говоре наблюдаются и белорусские черты, но они неярко выражены и не последовательны. Это — русский говор с западными чертами, какой наблюдается в Смоленской, Витебской, Калужской областях. В отдельных случаях наблюдается влияние литературного русского языка.

Сказка о царе Салтане

(Запись 1952 года)

Вот были у мужичка три дачки.²¹ А царёф сын пашол на ахвоту, в ярины²² ляжыт. А яны пашли за грибам и гаварят друк з другом. Адна гаварит: — если бы меня сын царя взял замуж, я б яво фсю армию адной иллинай²³ адела. А другая гаварит: — я ево армию адним каласком бы накармила. А третья гаварит: — вот я бы ему сына радила — ва лбу сонце, в затылке мясяц, ноги па калена в золате, руки па лактях в земчигах, адна валасинка сярэбряная, другая залатая, а тело как в звёздочках.

Пришол он дамой и батьке рассказывает, што он лежал в ярины и шли дочки такова-та, слышал их разговор. Пасаветуйте, какую мне взять. Матка гаварит — взять ту, каторая ильном абдявать будет, бес труда будешь армию адывать. А батька гаварит — с каласком бери, никада нуждатца не будеш, фсю армию накормит. А ён гаварит — вазьму эту, катора мальчишка мне абещала. Тада ён абжанился и взял яму. Маленечка прашло время, он паехал на вайну. А яна асталась ф палаженин. Гараст яна красивая была, а дядя лез с ней любитца. Ана радила мальчишка, какова обишала. Тада написала письмо, а дядя са священникам перехватили это письмо и приписали яму: — радила ни свиньёнка, ни шанёнка, ня знаю, к чаму приминить. Тада ён написал распаржения, штоб без яво распарженья ни делать ничаво. А яны апять даписали — куды деньте, туды деньте, абы деть.

Тада взяли бочечку сладили, а ей глазы завязали и руки назад и пустили ф свет белый. А мальчишка пасадили в бочку, аднаво и пустили на море.

Мальчишка яна ня знает, куда пустили. Яна йшла, йшла и сувстречала чалавека и рассказала яму, што так и так.

Тагда ана на востров в намастырь прибилась, ф прачешную Пабыла там сколька, раненька фстафши, пашла за вадой. Идёт и видит — эта бочечка приплыфши к берегу. Яна стала бочечку шевялить. А из бочки голос: — мне тесна гараст, не шевялится. И апять гаварит: — если женьщина, может мне мать, если старая, может бабушка. А может дедушка? Ана спужалася и пабяжала в намастырь. — Батюшка! приплывши бочечка и тама мальчик! Идут с пятьём и иконами бочечку брать. — Па матушкиному раждению, па батюшкину благаславлению развались бочушка! Тагда эта женьщина признала в ём сына. Стали яво абучать. Ана ф прачешной, он гаразд харашо в грамате вучитца, хто мясяц, он за день выучитца, гараст грамату харашо панимает.

Тагда яво купил купец в лафку таргавать. Он людей привечать умеет, фсе чисто. Приехал явонный батька в магазин и гаварит: — мне повар нужен

²¹ Ударение ставится в случаях расхождения с литературным языком.

²² Ярина — яровые хлеба.

²³ Иллиная — льняное волокно.

на свадьбу. А ён «сын» адет ф шапачку, перщатки, не признаёт. И сагласился пайти поваром, только с прислугай, с матерью. Настряпали, наварили, сели абедать. Фсе яво гараст хвалят. Попрасили раскас рассказать. А на свадьбе есть и дядя и священник. Повар сагласился рассказывать, но только с угаворам, если хто яво перебьёт, то палучит три кия ф плечи и аддаст сто рублей денек ф карман — если ф первый рас, а ва фтарой — шесть кий и двесьти рублей. И ён стал эту скаску рассказывать. Батюшка понял, што про яво гаварят. Тада дядя гаварит, што фсе это неправда. Он палучил три кия и заплалил сто рублей. Апять дальши гаварит. Дядя: — этыва не была. Палучил шесть киеф и заплалил двести рублей.

Атец узнал сына и жану. Свадьба атменена. И фтарой рас замуш матка вышла. Начался праздник. И я там была и мёд пилá, па вусам тьякло, ва рту ня былó.

«Сказка о царе Салтане»

(Запись 1953 года)

Был в царя-батки сын. А в мужыка была три дачки, у самава у бяднейшаво. Вот царёф сын пашол на ахоту, а яны пашли за грибам. Ён лёх в горох и ляжыт. Идут три дефки. Адна и гаварит: — вот как взял бы миня царский сын замуш, яб адним каласком фсю армию пракармила. Другая гаварит: — я б адной яльнинкай фсю армию адела. А третья гаварит: — а вот я радила б яму сына — ва лбу сонца, в затылке месяц, адна валасинка залатая, другая серебряная, ношки па калена в золате, ручки па локать в земчуге, а тела как звёздчакам.

Пришол ён дамой и рассказывает: — батька! ляжал я в ярины, ишли дачки такова-та и так гаварили. Какую мне взять? Матка гаварит: — вазьми где льном абдявать будит, бес труда ты будешь армию абдявать. Батька гаварит: — вазьми где каласком кармить будет, так хлеба никагда нуждатца ня будишь. А ён ня хочит. А ён гаварит: — я вазьму яну, иде мальчика мне радит, йэта мне антяресней за фсех. Тагда ён ажанился и взял яну. Маленька пажили, и взяли яво на вайну, а яна асталась адна, ф палажении. Гараст ана красивая была, и к ней лез дядька Цынбалда любовничать. Ён гаварит, мы будим с табой жить. Яна ни сагласилась. Радила ана мальчика, каво и абищала, и написала яму, мужу, што радила, каво и абищала. А дядя Цынбал пириймёт письмо и пирипишыт: — радила тебе рябёнка, ни парасёнка, ни щанёнка, низнай, на каво пахож. Ён атписал письмо: — без маяво распаряженья никуды ни дявайти. Дядя Цынбал снова пирихватил письмо и написал: — деньте, куды деньте. Тагда яво взяли и в бочечку заказали и пустили на море, а ей, матери, руки назад завязала, глаза завязали и пустили на белый свет. Яна шла, шла и пришла в намастырь и паступила в прачичную. Пашла яна рана за вадой, а в намастыре бофу молятца. Яна приходит к возиру, и бочичка там, йэта бочичка приплыла к биряну. Яна бочичку начала шавелить, а из бочички гаварит: — миня ни шавельтя, мне тесна больна. Ежели это женщина, так будь мне мать али сястра, ежели мушина — атец, брат али дедушка. Яна пабижала в намастырь и гаварит: — батюшка! приплыфши бочичка, и в бочичке чилавек гъварит. Взяли иконы и идут все все эту бочечку брать. Пришли и яну ни пашывелят. Тагда из бочички гаварит: — па батюшкинаму благаславению, па матушкинаму ражденью бочичка развались! Яна и развалилась. Тагда йэта женщина узнала сваво сына, и фсе чиста рассказала священнику.

Яна в праичнай работант, а ён учитца — што в ход учат, ён в день вы-учит. Пабыл — научился.

Приехал купец и стал прасить прадаць яво яму, мальчика купцу. Ён гаварит матири, штоб яна яво прадала. Купец купил яво в лафку таргавать. Как идёт у няво тарговля!

Приехал царь-батька в йэтат магазин и гаварит: — мне нада хорошава повара на свадьбу; а у мальчика шапачка и пиршатки надеты, ён и гаварит, што может варить, тока с ним естя прислуга. Ну ён пашол в повары с прислугай, с матерью. Ён начал варить всяво. Настряпал, сели абедать. Фсе яво гараст хвалят. Тагда и гаварят: — може расскас хто знае расказать? А на свадьбе есть и дядя и священник. Тагда и гаварит повар: — я буду расскас рассказывать, но штоб мне ништо не мешал. Хто помешает, таму три кия в плечи, а мне сто рублей ф карман, хто фтарой рас памешает, таму шесть кий в плечи, а мне двести рублей ф карман. И стал фсё рассказывать пра себя да пра мать. Как ён начал гаварить пра жаниха и пра то, как яво на вайну взяли. Дятька яво перебил, яму дали три кия ф плечи, а расказащигу сто рублей ф карман. Дальше стал рассказывать пра бочку, фтарой рас дядя перебил яво. Таперь яму дали шесть кий ф плечи, а расказащигу двести рублей ф карман. Вот дасказал ён скаску и гаварит: ты мой батька, ты мая матка, а я ваш сын, и сдёр шапачку и пиршатки.

Яны снова пажанились и стали жыть. Я там была, мёд пила, па усам тьякло, ва рту ня былб.

Л. А. ЧЕРЕЙСКИЙ

ПУШКИН И АЛЕКСАНДР ГУМБОЛЬДТ

Александр Гумбольдт (1769—1859), выдающийся немецкий ученый и путешественник, посетил Россию в 1829 году. С разрешения русского правительства Гумбольдт вместе с немецкими учеными С. Эренбергом и Г. Розе совершил путешествие по Среднему Уралу и Западной Сибири для научных наблюдений.

18 апреля 1829 года Гумбольдт в сопровождении своих спутников приехал в Петербург и 8 мая выехал через Москву на Урал и в Сибирь, совершив, по словам современника, продолжительное путешествие, во время которого он проехал четырнадцать с половиной тысяч верст. 1 ноября 1829 года путешественники вернулись в Петербург и 3 декабря выехали на родину.

Гостей сопровождали горный инженер Н. С. Меншенин и адъютант тобольского губернатора Ермолов (племянник А. П. Ермолова), оставившие подробные сведения об этом путешествии.¹

Во время путешествия Гумбольдт внимательно присматривался к условиям жизни крепостных николаевской России. Связанный русским правительством обязательством заниматься только научными изысканиями, Гумбольдт не высказал открыто свои мысли и наблюдения, но его замечания в письмах о впечатлениях, полученных им в России, свидетельствуют, что он живо интересовался общественно-политической жизнью русского народа; равным образом и свидетельства современников сохранили нам отдельные характерные в этом смысле эпизоды. Так, например, ишимский городничий доносил, что Гумбольдт, «явно не почтив своим вниманием высшие официальные лица в городе, вступил в разговоры с поляками и другими политическими преступниками, находящимися у меня под надзором».²

Декабрист Н. И. Лорер рассказывает в своих «Записках» об участии Гумбольдта в судьбе декабриста С. М. Семенова. «Узнав, что в городе <Омске> проживает чиновник, знающий прекрасно языки французский и немецкий, хотя и сосланный по 14 декабря, Гумбольдт просил начальство отпустить его с ним... Во время долгого собеседничества с Гумбольдтом Семенов сумел снискать снисхождение и дружбу его, рассказал ему всё наше

¹ Briefe Alexanders von Humboldt an seinem Bruder Wilhelm. Stuttgart, 1880, стр. 167—210; «Н. С. Меншенин». О путешествии А. Ф. Гумбольдта по России. «Горный журнал», 1830, ч. II, № 5, стр. 229—263; «Ермолов». Переезды с Александром Гумбольдтом по Сибири (1829). «Русский архив», 1865, стб. 1011—1030. Из большого числа статей и заметок в периодической печати того времени укажем на следующие работы: Письмо барона А. Гумбольдта к члену Парижской Академии наук г-ну Арраго. «Сын отечества и Северный архив», 1829, т. VII, № 18, отд. IV, стр. 177—186; Путешествие барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю. Перевел с подлинника И. Неронов, СПб., 1837.

² «Русская старина», 1889, т. 64, стр. 412.

павшее дело и так расположил своего спутника в свою пользу, что Гумбольдт обещал Семенову по возвращении своем в Петербург хлопотать о его прощении и лично просить за него государя». ³ Хлопоты Гумбольдта, однако, не увенчались успехом. Царь приказал «употребить Семенова на службу в отдаленном месте без права выезда». ⁴

Заслуживает также внимания утверждение декабриста Н. И. Тургенева, что Гумбольдт высоко ценил идеалы декабристов. ⁵

Достоинная оценка трудов выдающегося немецкого ученого дана была одним из его русских современников в статье «Нечто о пребывании А. Гумбольдта в Москве»:

«Слава ученому мужу, который, несмотря на преклонные лета (Гумбольдту в России исполнилось шестьдесят лет, — Л. Ч.), не боится ни трудов, ни опасностей и отваживается на такие предприятия для пользы науки и человечества!.. Русскому сердцу больно, что русскую землю до сих пор всё еще исследуют, по большей части, иностранцы; но если уж должно уступить кому-нибудь из них эту лестную честь, то всего легче Гумбольдту». ⁶

Имя Гумбольдта нередко встречается в русской печати с начала 20-х годов, т. е. еще до его приезда в Россию: описания его путешествий, характеристика его ученых трудов печатаются в русских журналах. Об известности Гумбольдта как ученого-географа свидетельствует, в частности, тот факт, что лицейст выпуска 1820 года Ахиллес Павлович Шабельский посвятил Гумбольдту свою книгу, изданную в Петербурге на французском языке в 1826 году. Эта книга представляет собой описание путешествия, совершенного Шабельским на русском военном корабле «Аполлон» в 1821—1823 годах (т. е. вскоре по выходе из Лицея) в российские североамериканские владения, и представляет известный интерес по изложенным в ней наблюдениям географического и этнографического характера. Книга эта подарена была автором Пушкину и сохранилась в составе библиотеки поэта. На обороте страницы с посвящением Гумбольдту («А М. le baron Alexandre de Humboldt, comte t^{mo}ignage de ma sincère reconnaissance») чернилами написано: «Любезнейшему Товарищу Александру Сергеевичу Пушкину усерднейшее приношение от Сочинителя». ⁷

В 1827 году, следовательно, еще до приезда Гумбольдта в Петербург, русские литераторы с интересом знакомились с альбомом пианистки М. Шимановской, в котором была оставлена запись и Гумбольдтом. Вяземский, описавший этот альбом в «Московском телеграфе» (1827, ч. XVIII, отд. II,

³ Записки декабриста Н. И. Лорера. М., 1931, стр. 180—181, 413.

⁴ А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905, стр. 56.

⁵ Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг, 1872, стр. VII.

⁶ «Галатей», 1829, ч. V, № 22, стр. 41. — Научные заслуги знаменитого натуралиста, имя которого правительство Германской Демократической Республики присвоило Берлинскому университету, были высоко оценены в России. В разное время Гумбольдт был избран почетным членом Академии Наук, Московского и Казанского университетов, Московского общества испытателей природы, Русского Географического общества и других научных учреждений.

⁷ Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 330—331, № 1355: Voyage aux colonies russes de l'Amérique, fait à bord du sloop de guerre l'Apollon, pendant les années 1821, 1822 et 1823, par Achille Schabelski, St.-Petersbourg, de l'Imprimerie de N. Gretsck, 1826. — Никаких сведений об отношениях Пушкина с Шабельским, состоявшим в начале 20-х годов секретарем русской миссии в Филадельфии, не сохранилось («Литературный архив», т. 1, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 80, 82).

Шмуцитул книги А. Шабельского с посвящением А

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Александровичу

товарищу

Александру Сергеевичу

Пушкину

с уважением признанием

отъ Союзителю

. Гумбольдту и дарственной надписью автора Пушкину.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

стр. 110—119), упомянул об этом. Пушкин хорошо знал этот альбом и внес туда свою запись (1 марта 1828 года).

В литературе о Пушкине не упоминается о личных встречах великого русского поэта с знаменитым немецким естествоиспытателем. Тем не менее они, повидимому, встречались; хотя данные об этом опубликованы были свыше ста лет тому назад, но они не обратили на себя внимания биографов Пушкина и не подвергались еще критической оценке.

Публикуя в 1865 году упомянутую выше статью Ермолова «Переезды с Александром Гумбольдтом по Сибири (1829)», издатель «Русского архива» П. И. Бартнев сопроводил ее следующим примечанием: «Пушкин, встречавшийся с ним <Гумбольдтом> в Петербурге, сказал про него одной даме: „Не правда ли, что Гумбольдт похож на тех мраморных львов, что бывают на фонтанах? Увлекательные речи так и бьют у него изо рта“».⁸

Свидетельство П. И. Бартнева не должно вызвать у нас сомнений. Один из первых биографов Пушкина, Бартнев, собирал и печатал материалы для биографии великого поэта, сообщавшиеся ему Вяземским, Смирновым, Погодиным, Соболевским, Далем, Данзасом, братьями Киреевскими, Нащокиным и другими близкими поэту лицами; точность большей части записанных им данных впоследствии была подтверждена рядом других источников. Таким образом, Бартнев и на этот раз, повидимому, основывался на каком-то записанном им устном сообщении и опубликовал его в примечании к чужому труду, печатавшемуся в его журнале,⁹ как он нередко делал с рассказами, сообщенными ему в устной форме или услышанными случайно.

Это была своеобразная форма публикации, казалось бы, случайных данных о Пушкине, подхваченных на лету, в виде попутных замечаний редактора, не нуждавшихся до поры до времени в более серьезных обоснованиях. Нередко такие примечания к публикуемым им историческим материалам удобны были для П. И. Бартнева и потому, что они не требовали раскрытия своего источника. Очень вероятно, что указание на встречу Пушкина с Гумбольдтом получено было Бартневым от того лица, которое он не хотел назвать по тем или иным причинам: Пушкин, по его словам, говорил о Гумбольдте «одной даме», — несомненно из великосветской среды.

Интересно, однако, то, что эта запись Бартнева находит себе подтверждение в другом источнике, в котором содержатся более подробные данные о взаимоотношениях Пушкина и Гумбольдта.

Еще в 1839 году в «Отечественных записках» была опубликована статья Н. А. Мельгунова «Барон Александр Гумбольдт (Из путевых записок)», в которой автор делится своими воспоминаниями о встречах с Гумбольдтом в Берлине в начале 1836 года. Здесь, между прочим, Н. А. Мельгунов рассказывает:

«Путешествие Гумбольдта по России, пребывание его в Москве и пр. были также предметом нашего разговора. Он вспоминает с удовольствием, хотя не без улыбки, ему свойственной, о радушном гостеприимстве Москвы, о вечерах, которые давали ему в честь и на которых каждый вменял себе в обязанность говорить с ним впрямь и вкось „о Байроне и о матерях важных“; он вспомнил о некоторых знакомых ему лицах, спрашивал о Пушкине, бывшем тогда еще во всем цвете жизни, в особенности об истори-

⁸ «Русский архив», 1865, стб. 1028.

⁹ В книгах «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартневым в 1851—1860 годах» (1925) и «Летопись Гос. Литературного музея, кн. I, Пушкин» (М., 1936, стр. 491—562) запись отзыва Пушкина о Гумбольдте отсутствует.

ческом труде его... Вначале, не столь еще разговорчивый, он более спрашивал, чем говорил, желая как бы выведать мой образ мыслей и мою степень образованности; но потом, одушевляясь понемногу, он овладел разговором, и речь его текла почти безостановочно, как у тех мраморных львов, по сравнению покойного Пушкина, у которых вода течет двойною струей из обеих оконечностей рта, справа и слева».¹⁰

Таким образом, Мельгунов, хотя и не говорит прямо о встречах Пушкина с Гумбольдтом, но приводит то же пушкинское сравнение, что и Бартенов, предполагающее, что такая встреча не могла не состояться, ибо сделанное Пушкиным сравнение Гумбольдта с «фонтаном» прямо основано на впечатлении поэта от говорящего Гумбольдта, на его наблюдении живого человека. Следует поэтому признать, что Пушкин действительно видел Гумбольдта в каком-нибудь обществе, а также, вероятно, беседовал с ним лично. Сопоставление двух указанных редакций записей остроумного пушкинского сравнения, несомненно облетевшего гостиные и удержанного в памяти его слышавших, едва ли может привести к догадке, что Бартенов основывался на статье Н. А. Мельгунова в «Отечественных записках». Едва ли бы в этом случае Бартенов сослался на то, что Пушкин сказал это «одной даме»; с другой стороны, если бы Бартенов повторял указанное известие Мельгунова, он едва ли удержался бы от того, чтобы воспроизвести и другие данные, приводимые Мельгуновым, о взаимном интересе поэта и немецкого ученого. Естественно поэтому предположить, что и Мельгунов и Бартенов имели в виду различные источники; тем вероятнее достоверность приводимого им факта; поэтому пушкинская фраза может занять свое место в сводке тех устных высказываний поэта, которые удержаны были в памяти мемуаристов.¹¹

Беллетрист и публицист Н. А. Мельгунов принадлежал к московскому кружку Любомудров и был знаком с Пушкиным по Москве. Близкий к Погодину, Шевыреву, братьям Киреевским и другим московским знакомым Пушкина, Мельгунов мог знать о встречах Пушкина с Гумбольдтом и его высказываниях от самого поэта или от его друзей и знакомых. Свидетельство Мельгунова, напечатанное в 1839 году при жизни Гумбольдта, заслуживает полного доверия.

Отзыв Пушкина о Гумбольдте в передаче Бартенева и Мельгунова, лаконичный по форме и пронизанный тонкой иронией, находит подтверждение в высказываниях современников, встречавшихся с выдающимся ученым.¹²

Образному сравнению Пушкина весьма близок отзыв о Гумбольдте его великого соотечественника Гете: «Он подобен источнику с множеством ручейков — всюду можно подставить сосуды, и неиссякаемо бьет нам на встречу освежающая влага».¹³

¹⁰ «Отечественные записки», 1839, т. VI, отд. II, стр. 93—95. — В «Библиотеке для чтения» (1840, т. 42, отд. VII, стр. 5) Гумбольдт также характеризуется как «ужаснейший говорун во всей поднебесной: не только возражать ему, но даже запятой всунуть в его речь математически невозможно: в разговоре с ним надобно довольствоваться одною пантомимой... Гумбольдт, быстрою своего слова, любого стенографа доведет до отчаяния».

¹¹ В книге «Разговоры Пушкина» (собрали Сергей Гессен и Лев Модзалевский, М., 1929) слова Пушкина о Гумбольдте отсутствуют.

¹² См., например: «Московские ведомости», 1829, № 88, 2 ноября, стр. 4115—4117; «Литературная газета», 1830, № 22, 16 апреля, стр. 173—177.

¹³ Отзыв Гете о Гумбольдте от 11 декабря 1826 года цитируется по книге: И. П. Эккерман. Разговоры с Гете. Изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 304. (В оригинале книга Эккермана вышла впервые в 1836 году).

Известный интерес представляет свидетельство Мельгунова о внимании Гумбольдта к «историческому труду» Пушкина. Что Гумбольдт имел в виду? Это могла быть «История Петра», над которой Пушкин начал работать еще в 1827 году, или «История Пугачева», писавшаяся в 1833 году и вышедшая в свет в конце декабря 1834 года. Естественнее предположить, что Гумбольдта привлекала «История Пугачева» в связи с посещением им мест, связанных с пугачевским восстанием, и, возможно, в результате его бесед в Казани с К. Ф. Фуксом, который позднее сообщил Пушкину «многие любопытные известия касательно эпохи».

Приведенные выше сведения о вероятных встречах Пушкина с Гумбольдтом лишают нас возможности сделать какие-либо выводы или обобщения.

Встречи их могли произойти только в Петербурге, после возвращения Гумбольдта из Сибири (в период с 10 ноября по 3 декабря 1829 года — день отъезда на родину), так как в первое пребывание ученого в Петербурге (с 18 апреля по 8 мая 1829 года) Пушкин находился в Москве и на пути в Закавказье.¹⁴

Гумбольдт со своими спутниками остановился на Гагаринской улице в доме своего старого друга, прусского посланника Шеллера.

Петербург радушно принял иностранных гостей.

Бюрократическая Россия, в лице Николая I и его приближенных, оказывала всякие почести великому ученому. У палача декабристов и гонителя просвещения, по образному замечанию Б. Н. Чичерина, «чувство власти не исключало... лицемерия, когда оно требовалось для его целей. С иностранцами он кокетничал, стараясь выказываться перед ними вовсе не таким, каким он был на деле. Он кокетничал перед Гумбольдтом... В действительности же ему не было ни малейшего дела ни до науки, ни до образования, которые он в России старался подавить, насколько позволяло приличие... Он кокетничал с Пушкиным».¹⁵

Встречи Пушкина с Гумбольдтом и другими литераторами происходили, вероятно, не на официальных приемах, а в более свободной беседе в петербургских гостиных. Здесь встречали не «официального» Гумбольдта «в придворном мундире, с праздничным умом и заказною любезностью», Гумбольдта, который разыгрывал известную, обстоятельствами наложенную на него «роль», говоря словами Мельгунова,¹⁶ а просто известного ученого и занимательного собеседника.

В близкой Пушкину «Литературной газете» за 1830 год напечатана любопытная тижба о букве «ъ».

Здесь рассказывается, что однажды в бытность свою в Петербурге (27 ноября 1829 года), находясь в одном доме, Гумбольдт высказал свое мнение о бесполезности существования буквы твердый знак («ъ») в рус-

¹⁴ На обратном пути в Петербург Гумбольдт останавливался в Москве с 22 по 28 октября. Не сохранилось документальных данных о местопребывании Пушкина в эти дни. Известны письма поэта от 16 октября из Малинников Тверской губернии и от 10 ноября из Петербурга. В этом промежутке известны также даты: 2 ноября и 3 ноября под сгихтворениями «Зима. Что делать нам в деревне?..» и «Зимнее утро» (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III, Изд. Академии Наук СССР, 1948—1949, стр. 181, 183, 1191, 1192), которые, вероятнее всего, написаны в деревне (в Малинниках).

¹⁵ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 155—156. — Любопытное описание официального приема Гумбольдта в Москве засвидетельствовано А. И. Герценом в «Былом и думах» (Гослитиздат, Л., 1946, стр. 66—67).

¹⁶ «Отечественные записки», 1839, т. VI, отд. II, стр. 83.

ской азбуке. На другой день известный в то время писатель А. А. Перовский (писавший под псевдонимом «Антоний Погорельский») обратился к Гумбольдту с челобитной от обиженной буквы «ъ». Гумбольдт ответил ему остроумным письмом от 29 ноября 1829 года. Эта переписка и была напечатана в «Литературной газете». Отметим, кстати, что замечание в письме Гумбольдта о букве «ъ», что «она немного сутуловата и доказывает, что не могла пользоваться благоденствиями госпожи Т.*»,¹⁷ подтверждает довольно близкое знакомство Гумбольдта с петербургской жизнью того времени. Под инициалом Т.* Гумбольдт, несомненно, подразумевает А. А. Турчанинову, поэтессу и магнетизерку, которая «бралась лечить от всевозможных болезней и исправлять физические недостатки вроде косолазия и даже горба, подвизаясь исключительно в богатой среде».¹⁸

Переписке Гумбольдта с Перовским предпослана вступительная статья от редакции, которую мы позволим себе привести в извлечении. О Гумбольдте здесь говорится: «Мы видели в нем высокий пример истинно ученого и образованного человека, который, посвятив жизнь и все способности свои на изучение и развитие одной из отраслей человеческих познаний, не чуждается всех других отраслей и любопытным взглядом окидывает все запросы, любопытные для ума человеческого вообще, и для ума народного частно. Всеобъемность размышлений и разговоров его изумительна... В России, столь еще богатой для наблюдений разнородных, столь еще свежей для изысканий, открылось обширное поле пред испытательным умом его. Язык, сие живое знамение бытия народа, язык наш, столь незнакомый чужестранцам, столь мало знакомый нам самим, должен был обратить на себя внимание ученого путешественника, слышавшего на веку своем звуки языков большей части мира известного: в краткое пребывание свое у нас он учился ему». Далее следуют письмо к Гумбольдту, подписанное «ъ», и ответ Гумбольдта.¹⁹

Кто был автором редакционного предисловия к этой «тягбе»? Нам известны три перепечатки данной статьи из «Литературной газеты»: первая по времени — в сочинениях А. Погорельского,²⁰ вторая — в «Русском архиве»²¹ и третья — в полном собрании сочинений князя П. А. Вяземского.²²

Авторство Вяземского исключается. Во второй приезд Гумбольдта его не было в Петербурге. Он вернулся в столицу лишь 28 февраля 1830 года.²³ Кроме того, едва ли Вяземский стал бы писать редакционное предисловие к переписке Гумбольдта с Перовским, не будучи участником их спора; таким образом, включение публикации «Литературной газеты» во второй том полного собрания сочинений Вяземского, вышедший после его смерти, следует считать ошибочным. Установление автора этого предисловия в настоящее время представляется делом затруднительным и едва ли очень

¹⁷ «Литературная газета», 1830, № 22, 16 апреля, стр. 177.

¹⁸ О Турчаниновой упоминал и Пушкин (Н. О. Лернер. Пушкинологические этюды. «Звенья», т. V, М.—Л., 1935, стр. 102). Этим указанием мы обязаны Т. Г. Цявловской.

¹⁹ «Литературная газета», 1830, № 22, 16 апреля, стр. 172—177. — К следующему номеру (№ 23) приложено факсимиле ответа Гумбольдта на французском языке. Любопытно, что на той же странице, где помещено заключившее «тягбу» письмо Гумбольдта, помещена рецензия на третье издание «Бахчисарайского фонтана» 1830 года; это подтверждает, что Пушкину было известно остроумное письмо Гумбольдта.

²⁰ А. Погорельский, Сочинения, изд. А. Смирдина, СПб., 1853, стр. 319—345.

²¹ «Русский архив», 1865, стб. 1128—1138 (без указания автора).

²² П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. II, СПб., 1879, стр. 112—120.

²³ «Звенья», т. VI, 1936, стр. 202.

существенным. Но кто бы ни написал его в действительности, нам представляется, что оно, как и полемика Перовского с Гумбольдтом, не могло не быть известно Пушкину. Незадолго перед тем, как она была опубликована, Пушкин во время отсутствия Дельвига и Вяземского в Петербурге (январь—февраль 1830 года) исполнял своего рода редакторские обязанности в «Литературной газете» и позже не переставал регулярно следить за этим изданием.

Как ни недостаточны пока сведения о личном знакомстве и общении Пушкина и Гумбольдта, но они все же заслуживают внимания и, возможно, будут впоследствии дополнены на основании неизвестных нам в настоящее время источников. Во всяком случае, имя Пушкина следует внести в длинный перечень лиц, с которыми Гумбольдт завязал личное знакомство во время своего пребывания в России и позднее.²⁴

²⁴ В числе этих лиц упомянем лишь о современниках — знакомых Пушкина, с которыми в разное время общался Гумбольдт. Это — *А. И. Тургенев* («Современник», 1841, т. XXI, стр. 6 сл.; «Русский архив», 1873, № 8, стб. 1519—1525); *Н. И. Тургенев* (Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу, Лейпциг, 1872, стр. VII); *П. Я. Чаадаев* («Вестник Европы», 1871, кн. 9, стр. 12); *Н. И. Греч* (Путевые письма из Англии, Германии и Франции, ч. II, СПб., 1839, стр. 219—223); *В. А. Жуковский* («Русский архив», 1873, № 8, стб. 1518); *А. Н. Оленин* («Русская старина», 1876, март, стр. 620); *П. П. Свиньин* («Отечественные записки», 1829, ч. 38, стр. 280—283); *Н. А. Мельников* («Отечественные записки», 1839, т. VI, отд. II, стр. 82—96); *К. К. Павлова* (Татевский сборник С. А. Рачинского, СПб., 1899, стр. 109—113; здесь же опубликовано письмо Гумбольдта к К. Павловой; «Русский архив», 1877, № 8, стр. 493; 1893, № 3, стр. 317; 1894, № 1, стр. 119; «Русская старина», 1891, № 2, стр. 269; С. А. Соболевский. Эпиграммы и экспромты. Под редакцией В. В. Каллаша, М., 1912, стр. 43); *М. Шимановская* (Рукою Пушкина. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер, Изд. «Academia», 1935, стр. 647—648); *А. Е. Шипова* («Пушкин и его современники», вып. XI, 1909, стр. 91); *А. В. Алябьева* (Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 57); *Р. С. Эдлинг* («Современник», 1841, т. 21, стр. 41); *П. Л. Шиллинг* (А. В. Яроцкий и Павел Львович Шиллинг. М.—Л., 1953, стр. 101) и др. Гумбольдт мог быть также знаком со многими представителями русской литературы и науки через своего старого друга Карла-Августа Фарнгагена фон Энзе, автора известной статьи о Пушкине.

М. П. СУЛТАН-ШАХ

М. Н. ВОЛКОНСКАЯ О ПУШКИНЕ В ЕЕ ПИСЬМАХ
1830—1832 годов

Отношения Пушкина к сосланным в Сибирь декабристам — «друзьям, товарищам, братьям» поэта — изучены довольно полно. Гораздо меньше мы знаем о том, как относились к нему сосланные декабристы, как воспринималось в Сибири его творчество. И в этом отношении письма декабристов и их жен представляют собой драгоценный источник.

Сношения сосланных в Сибирь декабристов с внешним миром были чрезвычайно затруднены. По утвержденной Николаем I инструкции генерал-майору Лепарскому переписка самим ссыльным была запрещена: «Преступникам, осужденным в каторжную работу, воспрещается вовсе писать и посылать от себя письма кому бы то ни было. Женам же их позволено посылать от себя письма к родственникам их и к другим лицам, но таковые письма должны они доставлять открытые г. коменданту, который обязан препровождать их к гражданскому губернатору для дальнейшего отправления».¹ И хотя вопреки этой инструкции декабристы и писали письма с каторги в Россию, эти письма, посылаемые обходным путем, были случайными. Постоянная переписка могла вестись только женами декабристов. Недаром декабрист А. Е. Розен писал: «Нам запрещено было писать самим, во время нахождения нашего в каторжной работе, несколько наших товарищей были совершенно забыты и покинуты родными; может быть таков был бы жребий и многих, если бы наши дамы не приехали к мужьям своим, не переписывались бы с нашими родными, и письмами своими, и влиянием, и родством не поддерживали памятования о многих».² Это придавало особый характер письмам жен декабристов. Письма их имели не только значение личной переписки; в них отражалась жизнь осужденных, которые косвенно, а иногда и прямо принимали участие в составлении этих писем. Иногда черновики писем составляли сами декабристы, а жены только переписывали эти письма и подписывали их своим именем. Иногда в письмах находятся прямые указания, что то или иное место письма передает чужие слова.

Поэтому письма жен декабристов важны для нас не только как документы, характеризующие тех, кем эти письма подписаны, но и как отражение умственной жизни сосланных декабристов.

В обширном архиве С. Г. и М. Н. Волконских, хранящемся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии

¹ Записки княгини Марии Николаевны Волконской. С предисловием и приложениями издателя князя М. С. Волконского. Изд. 2-е, СПб., 1906, стр. 154.

² А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 151.

Наука СССР,³ имеется несколько неизданных писем за 1829—1832 годы, содержащих упоминания о Пушкине. Письма эти дошли до нас в копиях, вписанных в особые тетради, озаглавленные С. Г. Волконским: «Journal-Résumé de la correspondance de Marie Wolkonsky pour l'année 1829 avec ses parents et autres individus»⁴ или «Черновой журнал исходящих писем» за 1830 год.⁵ Сама М. Н. Волконская вписывала письма в эти журналы сравнительно редко. В основном журнал заполнялся С. Г. Волконским, а иногда А. В. Поджио. Встречаются почерки и других лиц.

В журналах регистрации писем за 1829—1834 годы занесено свыше тысячи писем. Иногда это полные копии отсылавшихся писем, иногда краткое содержание их, а иногда, начиная с 1830 года, просто регистрация даты и адресата; последние — под общим заглавием: «Lettres particulières» и «Lettres pour camarades».⁶ Так регистрировались, главным образом, письма, написанные по просьбе ссыльных их близким (этих писем зарегистрировано больше, чем писем лично от Волконских).

В письмах М. Н. Волконской много говорится о быте и личных переживаниях: о потере первого ребенка, а в связи с этим о настойчивом желании добиться совместной жизни с мужем, беспокойстве о здоровье своем собственном и близких, о смерти отца, Н. Н. Раевского, сообщается о детях, родившихся в Сибири, и т. п.

Среди писем Волконской за 1829 год из Читы вызывают к себе интерес два ранее опубликованные письма — к отцу⁷ и к брату⁸ — как отклик на эпитафию первенцу Волконских, написанную Пушкиным и сообщенную М. Н. Волконской в Читу отцом ее в неизданном письме от 2 марта 1829 года.⁹

Следующие письма М. Н. Волконской относятся уже к новому этапу жизни декабристов в Сибири, начавшемуся в 1830 году. Летом 1830 года большую группу декабристов перевели из Читы во вновь отстроенный Петровский завод. Переход туда в 600 верст был неоднократно описан декабристами.¹⁰ С этим переводом связано было и некоторое улучшение их участи: облегчены были встречи заключенных с родными в свободное

³ Издание архива Волконских, предпринятое С. М. Волконским и Б. Л. Модзалевским, остановилось на первом томе, охватывающем период за 1780—1816 годы (см.: Архив декабриста С. Г. Волконского, т. I, До Сибири. Пгр., 1918).

⁴ «Журнал записей корреспонденции Марии Волконской на 1829 год с ее родными и другими лицами» (франц.). ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 2, лл. 1—167.

⁵ Там же, лл. 168—285.

⁶ «Частные письма», «Письма для товарищей» (франц.).

⁷ Н. Н. Раевскому-отцу от 11 мая 1829 года. Автограф. ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 342, л. 36; см. также ф. 57, оп. 1, № 2, л. 55 об. (напечатано в «Звеньях», кн. III—IV, 1934, стр. 67, примечание 2).

⁸ Н. Н. Раевскому-брату от 28 сентября 1829 года. Черновое рукой С. Г. Волконского. ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 2, лл. 133 об.—134. — Выдержка из этого письма (а именно приписка к нему), сделанная рукой Н. Н. Раевского-брата с небольшими исправлениями и, очевидно, переданная им Пушкину, хранится в Пушкинском фонде ИРЛИ (ф. 244, оп. 3, № 20). Напечатана И. А. Шляпкиным в его книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» (СПб., 1903, стр. 129—130), с датой: 1828—1829, без указания адресата. Полностью письмо напечатано по автографу М. Н. Волконской в книге: Труды Гос. Исторического музея, вып. II, Разряд исторических источников. Неизданные письма М. Н. Волконской. М., 1926, стр. 23—26, с искажением; напечатано (стр. 24): «à celui dit: С:», следует же читать: «à celui d'A: С:» (т. е. Александра Сергеевича).

⁹ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 386, л. 11. — Печатается в «Литературном наследстве».

¹⁰ См., например, дневник В. И. Штейнгеля в сборнике: Декабристы. Неизданные материалы и статьи. Под редакцией Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана, М., 1925, стр. 128—148; дневник М. А. Бестужева в книге: Воспоминания Бестужевых. Редакция, статья и комментарии М. К. Азадовского. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 325—335 и 777—779.

время; семейным декабристам были отведены казематы в тюрьме, где они поместились с женами. Вскоре после переезда М. Н. Волконская писала В. Ф. Вяземской (19 октября 1830 года): «Я сильно запоздала с ответом, добрая и дорогая Вера; Ваше письмо от 20 июня дошло до меня только во время нашего переезда из Читы в Петровск; трудности перехода, нашего прибытия и моего поселения в остроге, — ибо я наконец могу Вам сказать, что полностью разделяю участь Сергея; я достигла этой единственной цели своего существования».¹¹

Колония декабристов в остроге Петровского завода была многочисленна. Сюда перевели почти всех декабристов, находившихся в Чите. Среди них были: А. В. Поджио и И. И. Пущин — ближайшие друзья Волконских, В. Л. Давыдов — родственник М. Н. Волконской, М. С. Лунин, А. П. Юшневский, А. З., А. Н. и Н. М. Муравьевы, Е. П. Оболенский, И. Д. Якушкин, Н. А. и М. А. Бестужевы, А. И. Одоевский, П. А. Муханов и др., — всего шестьдесят пять человек.

Об умственных интересах декабристов мы читаем в письмах М. Н. Волконской из Петровского завода. Так, в письме к Э. А. Волконской от 25 декабря 1831 года М. Н. Волконская пишет: «Друзья Сергея или ближайшие его знакомые посещают нас; так мы проводим вечера, а так как это всё люди просвещенные, то мы проводим порой время весьма приятно». В Петровском получали довольно обширную литературу. В том же письме Волконская пишет: «Я получаю „Британское обозрение“, а также несколько русских журналов; до сих пор наши чтения удерживаются в достаточной мере на уровне образованности нашего времени. Историческая наука, доведенная до такой степени совершенства во Франции, произведения Гизо, Тьерри, имеющие доступ в Россию, находятся в нашем распоряжении. Сергей восхищен Вашим определением поэзии Гюго, я же нахожу Вас немного строгой, но не могу себе позволить судить о нем, так как мало знакома с его произведениями. Фарис молчит, и я понимаю его молчание, как ни грустно оно для нас и для поэзии».¹² Под именем Фариса¹³ подразумевается А. Мицкевич. Назвать его прямо в письме, проходившем через III Отделение, Волконская не решалась. Но это подтверждается более ранним письмом ее к Э. А. Волконской (от 20 марта 1831 года): «Не знаю, говорила ли я Вам о Фарисе, во всяком случае еще раз благодарю Вас за то, что Вы мне его переслали. Он произвел здесь большое впечатление и никто не читает его лучше Сергея. Хочу думать, что автор вдохновлен теперь еще более великими и возвышенными истинами и что он уже более не в Италии».¹⁴ Последняя фраза очень характерна для отношения декабристов к польскому восстанию. Отражая мнение своих друзей, Волконская выражает надежду на то, что великий польский поэт принял активное участие в борьбе своего народа и находится в Польше.

¹¹ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 2, л. 252. Подлинник по-французски.

¹² ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 273 (черновой автограф, по-французски).

¹³ Стихотворение Мицкевича «Фарис» в переводе В. И. Щастного (с рукописи автора) было напечатано в альманахе «Подснежник» на 1829 г. (СПб., 1829, стр. 17—27); кроме того, в «Сыне Отечества и Северном Архиве» (1829, т. 1, № 5, стр. 290—296, без указания переводчика) был дан буквальный подстрочный перевод «Фариса» и в том же журнале (1829, т. 4, № 24, стр. 241—247) стихотворный перевод П. П. Манасеина, знакомого В. К. Кюхельбекера, с пометой: «Крепость Динабург»; кроме того, в «Московском телеграфе» (1829, ч. 29, № 20, октябрь, стр. 450—457) помещен был еще стихотворный перевод «Фариса» Г. Сянова. Какой из этих переводов был известен М. Н. Волконской, из писем ее не ясно.

¹⁴ ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 3, л. 32.

Так рисуется умственная жизнь и круг чтения декабристов на Петровском заводе.

Обратимся теперь к упомянутым выше письмам М. Н. Волконской 1830—1832 годов. Приводим отрывки, относящиеся к Пушкину, в хронологическом порядке, давая после каждого отрывка необходимый комментарий.

В. Ф. Вяземской¹⁵

12 июня 1830 года

...L'envoi de la Gazette littéraire me procure¹⁶ la double consolation de revoir les noms des auteurs favoris de mon pays et celle de me mettre un peu au fait de ce qui se passe dans un monde qui n'est plus le mien. Je les prie de vouloir bien persévérer dans leur intérêt pour moi en continuant l'envoi de leurs productions, de prolonger les moments heureux qu'ils m'ont déjà procuré.¹⁷ Je suis peut-être indiscreète, ce n'est point pour cette année seulement que je voudrais m'y abonner chez vous, c'est pour tout le temps de notre exil.

Remerciez ceux qui ont sù rendre hommage à mon père, à sa mémoire. Je partage leur juste déplaisir contre son biographe, il a beaucoup omis ou oublié. J'ai lu cet article avec la reconnaissance la plus vive et un profond sentiment d'une douleur qui ne me quittera qu'avec mon dernier souffle. Je vous charge, bonne et chère princesse, de saluer particulièrement de ma part votre mari et Пушкин,¹⁸ je vous prie¹⁹ de leur transmettre scrupuleusement ma haute estime et l'hommage²⁰ que je leur rends. Engagez les de grâce à m'envoyer toutes leurs nouvelles productions et quelques autres nouveautés littéraires si ce n'est point à leur être à charge...

¹⁵ Печатается по копии рукой С. Г. Волконского (ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 2, л. 223 об). Подлинник письма с датой 13 июня 1830 года и с незначительными расхождениями в тексте хранится в Центральном Государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 3262, лл. 3—4). Там же хранится письмо М. Н. Волконской к В. Ф. Вяземской из Нерчинска от 12 августа 1827 года на французском языке (ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 3262, лл. 1—1 об.) также с упоминанием о Пушкине:

«J'ai reconnu avec joie Votre écriture ainsi que celle de notre grand poète sur l'enveloppe du livre que Vous m'avez envoyé. Que je Vous remercie de cette aimable attention de Votre part. Quel plaisir pour moi de relire ce qui Vous charmait tant dans des jours plus heureux».

Перевод.

«Я с радостью узнала Ваш почерк, так же как и почерк нашего великого поэта на конверте, в котором Вы переслали мне книгу. Как я Вам благодарна за любезное внимание с Вашей стороны. Какое удовольствие для меня перечитывать то, что восхищало Вас во времена более счастливые».

Письмо это написано, вероятно, при пересылке поэмы «Цыганы». «Цыганы» вышли отдельной книгой в 1827 году (до 10 мая); «Русский инвалид» в № 119 от 15 мая 1827 года извещал о выходе из печати «новой прелестной безделки А. С. Пушкина, написанной в 1824 году» (стр. 475).

¹⁶ В подлиннике, хранящемся в ЦГАЛИ: m'a procuré (доставило мне).

¹⁷ В ЦГАЛИ: prolonger le plaisir, je puis dire les moments heureux, qu'elles m'ont déjà procurées (продлить удовольствие, могу сказать, счастливые мгновения, какие они <произведения> мне уже доставили).

¹⁸ В ЦГАЛИ: votre mari et Pouchkin (Вашего мужа и Пушкина).

¹⁹ В ЦГАЛИ: je vous supplie (умоляю Вас).

²⁰ В ЦГАЛИ: ma haute estime et l'hommage sincère (моего высокого уважения и искреннего почтения).

Перевод.

... Присылка «Литературной газеты» доставляет мне двойное утешение: вновь увидеть имена любимых писателей моей родины и получать некоторые сведения о том, что делается в мире, которому я уже не принадлежу. Прошу их проявлять и впредь то же участие ко мне, продолжая присылать свои произведения, и продлевать счастливые мгновения, какие они мне уже доставили. Возможно, что я слишком назойлива, но я хотела бы абонироваться у Вас не только на этот год, но и на все время нашего изгнания.

Поблагодарите тех, кто сумел принести дань уважения моему отцу, его памяти. Я разделяю их справедливое недовольство его биографом: он многое опустил или забыл. Я прочитала эту заметку с живейшей благодарностью и с глубоким чувством боли, которое покинет меня лишь с последним моим вздохом. Поручаю Вам, добрая и дорогая княгиня, передать от меня особый привет Вашему мужу и Пушкину. Прошу Вас обязательно передать им выражение моего высокого уважения и почтения. Убедите их, пожалуйста, посылать мне все их новые произведения и какие-либо другие литературные новинки, если это не будет сколько-нибудь им в тягость.

Это письмо, ответное на несохранившееся письмо Вяземской от 20 марта 1830 года, вызвано получением в Чите первых номеров «Литературной газеты» за 1830 год. Эти номера редактировал Пушкин, так как Дельвиг находился тогда в Москве. Естественно, что внимание Волконской привлекла заметка в отделе «Смесь» первого номера «Литературной газеты» (1830, 1 января, стр. 8), посвященная некрологической брошюре о генерале Н. Н. Раевском, отце М. Н. Волконской, умершем 16 сентября 1829 года. Заметка была анонимной. Волконской не было известно, что автором ее был Пушкин. Брошюре, о которой идет речь, также анонимную, написал М. Ф. Орлов.²¹ Соглашаясь с недовольством автора заметки «Литературной газеты» биографом ее отца, который «многое опустил или забыл», Волконская имеет в виду замечание Пушкина о «Некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского»: «С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло».²²

В первых номерах «Литературной газеты» Волконская увидела имена знакомых ей писателей под их произведениями: Пушкина — под отрывком из путешествия Онегина (№ 1), под «Стансами» — «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (№ 2); П. А. Вяземского — под эпиграммой «Сбираясь в путь, глупец под позолотой...» (№ 2), под «Дорожной думой» (№ 3) и под статьей «Введение в жизнеописание Фонвизина» (№№ 2 и 3). Она могла угадывать тех же авторов под анонимными рецензиями в отделе «Библиография».

В публикуемом ниже письме от 19 октября 1830 года она упоминает мартовские номера «Газеты». В № 15 (12 марта) появились три письма из романа в письмах «Монастырка» А. Погорельского (псевдоним А. А. Перовского, близкого друга Жуковского, братьев Тургеневых, Вяземского). Эти три письма составляют вторую главу «Монастырки» (до этого в № 14 от 7 марта напечатан был другой отрывок романа). Пишет их героиня повести Аня Оленко к подруге по Смольному институту. Письма ее полны впечатлений девушки, только что окончившей институт и приехавшей к родственникам в глухую украинскую деревню. В этих письмах одинаково ярко отражены и психология барышни, привыкшей к столичному Петербургу, впервые знакомящейся с провинциальным укладом жизни, и, сквозь ее сатирические замечания, быт украинских помещиков. Поэтому

²¹ См.: Восстание декабристов. Библиография. Составил Н. М. Ченцов, ГИЗ, М.—Л., 1929, стр. 457.

²² Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 84.

нетрудно понять, почему живые страницы повести Погорельского показались М. Н. Волконской и, вероятно, другим обитателям Петровского завода ярче и привлекательнее отрывков из шаблонных исторических романов, переведенных с французского и немецкого. Вскоре «Монастырка» вышла отдельным изданием и имела большой успех у читателей.

4 марта 1830 года Пушкин уехал из Петербурга в Москву, и «Литературную газету» редактировал Дельвиг совместно с О. Сомовым. Номера газеты начали заполняться переводным материалом. В № 16 (17 марта) напечатан отрывок из романа Фан дер Фельде «Богемская девичья война», в № 18 (27 марта) «Последний Браччиано» Оже и т. п. Печатались и отрывки из русских произведений малоизвестных авторов. Об этом периоде издания «Литературной газеты» Вяземский писал Пушкину (26 апреля 1830 года): «Дельвиг — ленив и ничего не пишет, а выезжает только sur sa bête de somme ou de Somoff».²³

В. Ф. Вяземской²⁴

19 октября 1830 года

... Comme je vous dois quelques nouveautés littéraires, il faut que je vous en parle après vous en avoir remercié.

Vous allez me trouver un peu hâtive dans mes jugements, mais la Gazette littéraire qui dans ses premières feuilles contenait des articles dignes d'un Guizot et d'un Villemain, ainsi que des pensées remarquables — s'est rabattue sur des pièces détachées de romans peu connus ou, plutôt, peu dignes de l'être. J'en excepte la Монастырка, c. à d. les trois lettres très heureusement incluses dans la Gazette. Je vous suis très redevable de l'exactitude avec laquelle vous me la faites parvenir de même que pour la pièce de vers de notre grand poète; j'avoue que j'ai abusé de votre confiance en la faisant connaître ici. Les deux premiers vers sont ceux d'un poète qui essaye sa voix, il tire des sons fort harmonieux, à la vérité, mais qui n'ont aucune suite ni rapport avec les idées qui les suivent et qui sont si dignes de notre grand poète et d'après ce que vous m'en dites de l'objet qui l'inspire. Ces idées sont si neuves et si gracieuses, elles font notre admiration, mais la fin — je vous demande pardon, chère Véра, pour votre fils d'adoption — est celle d'un vieux madrigal français, c'est un radotage amoureux qui nous fait grand plaisir, puisqu'il nous prouve combien le poète est épris de sa promise et c'est un garant pour nous de l'avenir heureux qui l'attend. Chargez-vous de nos félicitations les plus sincères, les plus vraies pour lui...

Перевод.

... Так как я обязана Вам несколькими литературными новинками, я должна о них поговорить с Вами, предварительно поблагодарив Вас за них.

Вы сочтете меня слишком поспешной в своих заключениях, но «Литературная газета», содержащая в первых листах статьи достойные Гизо и Вильмена, а также замечательные мысли, опустилась до отрывков из романов мало известных или, вернее, мало достойных известности. Делаю исключение для «Монастырки», т. е. для трех писем, очень удачно включенных в «Газету». Я очень обязана Вам за аккуратность, с какой Вы мне пересылаете газету, равно как и за стихотворение нашего великого поэта. При-

²³ «На своем вьючном животном или Сомове» — игра слов, основанная на частичном созвучии французского слова в значении «вьючного» и фамилии Сомова (Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, 1941, стр. 80).

²⁴ Печатается по копии рукой А. В. Поджио (ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 2, лл. 252—252 об.).

знаюсь, что я злоупотребила Вашим доверием и сообщила его здешним. В первых двух стихах поэт пробует свой голос. Извлекаемые им звуки, нет сомнения, очень гармоничны, но не имеют отношения к дальнейшим мыслям, столь достойным нашего великого поэта, и, судя по тому, что Вы пишете мне, достойным предмета его вдохновения. Эти мысли так новы, так привлекательны, они возбуждают в нас восхищение, но окончание, извините меня, милая Вера, за Вашего приемного сына, — это окончание старого французского мадригала, это любовный вздор, который нам приятен потому, что доказывает, насколько поэт увлечен своей невестой, а это для нас залог ожидающего его счастливого будущего. Поручаю Вам передать ему наши искренние, самые сердечные поздравления.

Своеобразный и интересный отзыв Волконской относится к стихотворению Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла», тогда еще не изданному.²⁵ Стихотворение это появилось впервые в альманахе «Северные цветы» (отдел «Поэзия», стр. 56), под заголовком «Отрывок». Альманах вышел в свет 24 декабря 1830 года. Текст стихотворения в альманахе, кроме заголовка, который Пушкин снял в издании своих стихотворений 1832 года (ч. III, стр. 15), тот же, который печатается во всех изданиях сочинений Пушкина. Был ли это тот же текст, который В. Ф. Вяземская прислала М. Н. Волконской? Для решения этого вопроса мы располагаем следующими данными. В письме к Э. А. Волконской от 20 марта 1831 года М. Н. Волконская сообщает в качестве конца стихотворения стих:

Что не любить оно не может.

Из этого можно заключить, что полученный ею текст по своему составу совпадал с общеизвестной редакцией, напечатанной немного позднее Пушкиным в «Северных цветах». Письма П. А. Вяземского к жене дают некоторые дополнительные сведения. Так, 2 июня 1830 года Вяземский пишет из Петербурга В. Ф. Вяземской в Москву: «Пришли мне на „Холмах Грузии“, я их не знаю».²⁶ Нужно думать, что Пушкин, находившийся в это время в Москве, передал эти стихи В. Ф. Вяземской для пересылки П. А. Вяземскому, и В. Ф. Вяземская переслала текст, очевидно в копии, М. Н. Волконской. На письме Вяземского жене, датированном 9 июня, Пушкин сделал надпись: «Стих 2 Шумит Арагва предо мною».²⁷ Из сказанного можно заключить, что Пушкин передал Вяземской общеизвестный текст стихотворения «На холмах Грузии», состоящий из двух строф.

Отзыв М. Н. Волконской тем интереснее, что комментарии к этому стихотворению во всех современных изданиях указывают, что оно адресовано именно к ней, Волконской. Между тем В. Ф. Вяземская прислала ей это стихотворение с указанием, что оно обращено к невесте поэта — Н. Н. Гончаровой. Это явствует из писем Волконской от 19 октября 1830 года и 20 марта 1831 года. Того же мнения придерживались и первые комментаторы, начиная с П. И. Бартенева, который остановился на вопросе об адресате этих стихов и назвал Н. Н. Гончарову.²⁸ В отнесении стихотворения к Н. Н. Гончаровой первый усомнился П. Е. Щеголев.²⁹ По его следам стали искать другого адресата. П. А. Ефремов высказал неуверенное предположение, что Пушкин имел в виду Ушакову,³⁰ затем Е. Г. Вейденбаум

²⁵ Стихотворение не названо в данном письме, но в следующем публикуемом письме (к Э. А. Волконской) Волконская цитирует последнюю его строку.

²⁶ «Звенья», кн. VI, 1936, стр. 263.

²⁷ Там же, стр. 272; факсимиле на стр. 271.

²⁸ «Русский архив», 1881, кн. III, вып. 2, стр. 468.

²⁹ «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1903, т. VIII, кн. 4, стр. 376—379; ср.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, 1931, стр. 342—346; Заметки к тексту Пушкина. IV («На холмах Грузии»).

³⁰ А. С. Пушкин, Сочинения, т. VIII, редакция П. А. Ефремова, 1905, стр. 304.

предположил, что в этих стихах говорится о Елене Раевской.³¹ После разысканий П. Е. Щеголева о предмете «утаенной любви» Пушкина³² стали склоняться к тому, что стихотворение обращено к М. Н. Раевской-Волконской. Так, в издании «Academia» 1936 года читаем: «Стихотворение связано с воспоминаниями о М. Н. Раевской и о первом пребывании Пушкина на Кавказе».³³ Так же категорически сообщается в издании Гослитиздата 1949 года: «Поэт вспоминает сильное увлечение М. Н. Раевской, пережитое им на Кавказе в 1820 году».³⁴

Аргументация в пользу имени М. Н. Раевской-Волконской основывается преимущественно на следующей предположительной композиции раннего текста данного стихотворения, извлекаемой из черного автографа в тетради 1829 года:³⁵

Всё тихо. На Кавказ идет ночная мгла.
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко — печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,

Тобой, одной тобой. Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Прошли за днями дни. Скрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет —
Со мной одни воспоминанья.

Я твой попрежнему, тебя люблю я вновь,
И без надежд, и без желаний.
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

Действительно, последовательность двух последних строф заставляет сопоставить воспоминания о прежнем посещении этих же мест (т. е. поездку

³¹ Е. Вейденбаум. Пушкин на Кавказе в 1829 году. «Русский архив», 1905, кн. I, № 4, стр. 676—677. — Приводя различные аргументы в пользу того, что стихи связаны с воспоминаниями о первом посещении Кавказа, Вейденбаум пишет: «Всё это дает основание заключить, что стихотворение внушено воспоминанием о Елене Николаевне Раевской, с которою Пушкин в 1820 году провел несколько месяцев на Кавказских водах и в Крыму» (там же, стр. 677). Вейденбаум ошибочно предполагал, что Елена Раевская была на Кавказе вместе с другими членами семейства Раевских и Пушкиным. В действительности из сестер Раевских в 1820 году на Кавказе были Мария и Софья, а Елена и Екатерина направились с матерью из Петербурга прямо в Крым.

³² П. Е. Щеголев. Из разысканий в области биографии и текста Пушкина. «Пушкин и его современники», вып. XIV. 1911, стр. 53—193. — Перепечатывалось в трех изданиях сборника статей П. Е. Щеголева о Пушкине, последний раз в издании: Из жизни и творчества Пушкина. 1931, стр. 150—254 (см. в том же сборнике указанную выше заметку, стр. 342—346).

³³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. I, изд. «Academia», 1936, стр. 768.

³⁴ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, Гослитиздат, 1949, стр. 557.

³⁵ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 841, л. 128 об. (ранее ЛБ., № 2382, л. 107 об.); Пушкин, Полное собрание сочинений, т. III, кн. 2, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 722—723. — Этот черновой автограф впервые полностью разобран и напечатан С. М. Бонди в его книге «Новые страницы Пушкина» (изд. «Мир», М., 1931, стр. 18—26; там же (стр. 21) факсимиле автографа). Однако еще раньше третью строфу, на которой и строилась аргументация, опубликовал в не совсем точной транскрипции П. Е. Щеголев в статье «Заметки о Пушкине» в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1903, т. VIII, кн. 4, стр. 378; ср.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, Гослитиздат, М.—Л., 1931, стр. 344. Пунктуация автографа, почти отсутствующая, нами не сохраняется.

на Кавказ в 1820 году с семейством Раевских) с темой любви, а это уже подсказывает (если принимать гипотезу П. Е. Щеголева) имя Марии Раевской-Волконской. Многозначительным представляется и стих «Иные далеко, иных уж в мире нет». Стих этот перефразирует эпитафия из Саади к «Бахчисарайскому фонтану», поэме, которая больше всех других связана с историей «утаенной любви». С другой стороны, сентенция из Саади применялась Пушкиным и к декабристам в заключительной строфе «Евгения Онегина» (гл. VIII, строфа LI). И это также указывает как будто на М. Н. Волконскую, бывшую, согласно гипотезе П. Е. Щеголева, предметом утаенной любви поэта в течение ряда лет.

Однако стихотворение в такой композиции в действительности никогда не существовало. Автограф ясно показывает, что Пушкин, написав две первые строфы (которые позднее с изменением двух первых стихов и составили всё стихотворение), поставил разделительный знак — и перешел к новой теме, обычной для него в эти годы (1828—1830), — к теме воспоминаний и пересмотра своего жизненного пути. Но, написав одну строфу, он остановился, отказался от намерения ввести тему воспоминаний в стихотворение, зачеркнул эти четыре стиха и, поставив под ними разделительную черту, продолжал прерванную тему первых двух строф: «Я твой попрежнему...» и т. д.

В самом деле, третья строфа («Прошли за днями дни...») не связана ни по смыслу, ни стилистически со второй и особенно с четвертой строфами («Где вы, бесценные созданья?..», «Я твой попрежнему...»).

Это признает и первый публикатор чернового текста стихотворения С. М. Бонди. Приведя все четыре строфы подряд, он сопровождает их оговоркой:

«Можно ли считать эти четыре строфы цельным, законченным стихотворением? Я думаю, что нет. Третья строфа недаром вычеркнута Пушкиным, и переход от нее к четвертой звучит несколько натянуто».³⁶

Первой законченной редакцией стихотворения является, несомненно, трехстрочная:

- I. Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла...
- II. Тобой, одной тобой — унынья моего...
- III. Я твой попрежнему — тебя люблю я вновь...

Эти три строфы, тесно связанные между собой, представляют единое целое, где третья строфа лишь развивает мысль второй.

Но эту редакцию Пушкин не обнародовал. Он сначала имел намерение сократить стихотворение, оставив лишь первую и третью строфы; эта предполагаемая поэтом редакция указана С. М. Бонди (ук. соч., стр. 27—28) и напечатана в академическом издании (т. III, кн. 2, 1949, стр. 724, В) как «Вторая черновая редакция». Но, не остановившись на ней, Пушкин отбросил третью строфу, ввел снова вторую — и в таком виде напечатал (а до напечатания сообщал друзьям в рукописи) свое стихотворение. Чем это объяснить? Очевидно (как справедливо замечает С. М. Бонди), третья строфа, говорящая как будто о возвращении какого-то прежнего чувства, могла вызвать неверные толкования и была неуместной накануне свадьбы Пушкина. Что же касается третьей строфы, то она нам

³⁶ С. Бонди. Новые страницы Пушкина. Изд. «Мир». М., 1931, стр. 26. — В академическом издании сочинений Пушкина (т. III, кн. 2, 1949, стр. 722—723) четырехстрочная редакция стихотворения напечатана, однако, как единое целое, без указаний на разделительные знаки и на исключение третьей строфы, что, несомненно, представляет ошибку.

представляется также не противоречащей отнесению стихотворения к Н. Н. Гончаровой. Стихотворение в целом (и, в частности, третья строфа) говорит о трагическом перерыве в любви, о пережитой печали — и вновь разгоревшемся чувстве.

Следует обратить внимание и на одну особенность берлинского автографа этого стихотворения. Там текст его сопровождается рисунком, изображающим девушку во весь рост в профиль, с крылышками бабочки, как изображали Психею.³⁷ Мы знаем из свидетельств сестры поэта, что жену Пушкина называли в петербургском свете Психеей.³⁸ В этом профиле несколько подчеркнута длинная линия лба и длинная шея — особенности, которыми отличаются пушкинские зарисовки профиля Н. Н. Гончаровой.

Э. А. Волконской³⁹

20 марта 1831 года

...Véra Viazemsky a cessé de m'écrire depuis que j'ai traité les vers de son enfant d'adoption adressés à sa promise d'un radotage amoureux ou bien de madrigal, *что не любить оно не может*. Le *Борис Годунов* fait notre admiration à tous, on y voit le talent de notre grand poète parvenu à sa maturité. Les caractères sont tracés avec tant de force, d'énergie, la scène du *Летописец* est magnifique, mais j'avoue que je n'y trouve plus cette poésie dans ces vers qui m'enchantait⁴⁰ autrefois; cette harmonie inimitable, malgré toute la force actuelle de son genre...

Перевод.

...Вера Вяземская перестала мне писать с тех пор, как я назвала стихи ее приемного сына, обращенные к его невесте, любовным вздором или же мадригалом, «что не любить оно не может».

«Борис Годунов» вызывает наше общее восхищение; по нему видно, что талант нашего великого поэта достиг зрелости; характеры обрисованы с такой силой, энергией, сцена летописца великолепно, но, признаюсь, я не нахожу в этих стихах той поэзии, которая очаровывала меня прежде, той неподражаемой гармонии, как ни велика сила его нынешнего жанра...

«Борис Годунов» вышел в начале 1831 года. М. Н. Волконская воспринимала трагедию как произведение 1830 года; ей, видимо, не было известно, что «Борис Годунов» был написан еще в 1825 году.

С. Н. Раевской⁴¹

19 февраля 1832 года

...Les contes de Pouschkin soit-disant Белкин font événement ici, rien n'est plus gracieux, plus harmonieux que cette prose, tout est tableau. Il a ouvert une nouvelle carrière à nos littérateurs. Quelques romans nouveaux et des journaux littéraires, voilà ce qui occupe Петровск ou plutôt ses détenus, pour le moment...

³⁷ См. факсимиле в книге: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, между стр. 344 и 345.

³⁸ «Пушкин и его современники», вып. XV, 1911, стр. 106.

³⁹ Печатается по копии рукой С. Г. Волконского (ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 3, лл. 31 об. — 32).

⁴⁰ В автографе: «qui m'enchantaient».

⁴¹ Печатается по автографу (ИРЛИ, ф. 57, оп. 1, № 334, л. 11). В журнал копий (ф. 57, оп. 1, № 4, л. 15 об.) оно внесено рукой С. Г. Волконского с незначительными изменениями: вместо «à nos littérateurs» — «à notre littérature» («нашим писателям» — «нашей литературе»).

Перевод.

... Повести Пушкина, так называемого Белкина, являются здесь настоящим событием. Нет ничего привлекательнее и гармоничнее этой прозы. Всё в ней картина. Он открыл новые пути нашим писателям. Несколько новых романов и литературные журналы, вот что в настоящую минуту занимает Петровск или, вернее, его заключенных...

Отзыв М. Н. Волконской о «Повестях Белкина» представляет большой интерес. Как известно, эти повести не имели никакого успеха у читателей и критики 30-х годов и в них усматривали признак падения таланта Пушкина. Тем знаменательнее безусловное признание этих повестей, в обществе декабристов, живших в Петровском заводе, справедливо заметивших, что Пушкин открывает этими повестями новые пути в русской литературе.⁴²

⁴² Отрывки из писем М. Н. Волконской к В. Ф. Вяземской от 19 октября 1830 года и к З. А. Волконской от 20 марта 1831 года, касающиеся стихотворения Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла», напечатаны в русском переводе Б. В. Томашевским в примечании к этому стихотворению в издании: А. С. Пушкин, Стихотворения, Библиотека поэта, Большая серия, 2-е изд., т. 3, Л., 1955, стр. 836—837, — с указанием на то, что отзыв М. Н. Волконской-Раевской «кажется, опровергает» версию П. Е. Щеголева о посвящении ей (а не Н. Н. Гончаровой) этого стихотворения. — *Ред.*

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

К ИСТОРИИ СТАТЬИ ПУШКИНА «АЛЬМАНАШНИК»

В 20—30-х годах XIX века большое распространение в России получили альманахи — небольшие, «карманного» формата, сборники произведений, большей частью печатавшихся впервые. Александр Бестужев писал по этому поводу: «Теперь ходячая наша словесность сделалась карманною».¹

Начало массового распространения альманахов было положено декабристами А. Бестужевым и К. Рылеевым, выпустившими в конце 1822 года первую книжку альманаха «Полярная звезда». С этого времени число альманахов непрерывно возрастает. Наибольшей величины оно достигает в 1830 году, когда было издано пятнадцать альманахов; в 1832 году было издано девять альманахов, в 1833 — шесть и, наконец, в 1835 году — только два. После 1834 года альманахи утрачивают характер массового литературно-общественного явления. Распространение альманахов дало основание Белинскому назвать литературу 20—30-х годов прошлого века «по преимуществу альманачною».²

Развитие прогрессивной периодической печати в период после Отечественной войны 1812 года было неразрывно связано с движением декабристов. Стремясь сделать литературу выразительницей передового общественного мнения, превратить ее в орудие пропаганды своих идей, декабристы и близкие к декабристским кругам передовые литераторы уделяют большое внимание журналистике.

Стремление к развитию периодической печати неизбежно наталкивалось на препятствия со стороны правительства, видевшего в распространении журналов «рассадник крамолы». Получить разрешение на издание нового журнала было очень трудно, особенно если «образ мыслей» издателя не отличался «благонамеренностью». Специальным распоряжением министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына («министра погашения и помрачения просвещения», как называли его современники) предписывалось цензурным комитетам — «дабы они сами собою не разрешали к изданию новых периодических сочинений, но представляли бы о каждом, вновь предполагаемом издании оных, установленным порядком господину министру духовных дел и народного просвещения на разрешение, излагая подробно цель и содержание сочинения, кто оно издатель, какими другими сочинениями он уже известен, и представляли притом послужной список такового и другие о нем сведения, а сверх того и мнение свое о предполагаемом к изданию периодическом сочинении».³

¹ А. Бестужев. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов. «Полярная звезда» на 1825 год, СПб., 1825, стр. 18.

² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. Академия Наук СССР, М., 1955, стр. 214.

³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 118, № 182086.

Цензурные затруднения, связанные с получением разрешения на издание новых журналов, привели передовых литераторов к необходимости использовать альманашную форму издания, безобидную в глазах правительства и в то же время достаточно гибкую, чтобы с ее помощью можно было «дать направление общему мнению».

Издатели «Полярной звезды», первого альманаха пушкинской поры, использовав альманашную форму издания, поставили ее на службу своим общественно-политическим и литературным интересам. Популяризация лучших произведений современной литературы сочеталась на страницах «Полярной звезды» с пропагандой передовой декабристской идеологии. Это определило особенности состава альманахов «Полярная звезда» (всего вышло три книжки альманаха: на 1823, 1824 и 1825 годы), в которых художественный материал сочетался с историей, критикой, публицистикой.

Традиции и принципы «Полярной звезды» были продолжены другими прогрессивными альманахами, как, например, «Мнемозина» (1824—1825, издатели В. К. Кюхельбекер и В. Ф. Одоевский), «Русская старина» (1825, издатели А. О. Корнилович и В. Д. Сухоруков), «Северные цветы» (1825—1831, издатель А. А. Дельвиг; 1832, издатель А. С. Пушкин), «Уrania» (1826, издатель М. П. Погодин), «Альбом северных муз» (1828, издатель А. А. Ивановский). «Денница» (1830, 1831, 1834, издатель М. А. Максимович) и др.

Прогрессивным альманахам принадлежала ведущая роль в литературной жизни пушкинской поры. «Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним со временем станут судить о ее движении и успехах», — писал Пушкин в начале 1827 года.⁴ На страницах передовых альманахов часто ставились вопросы, к решению которых была призвана русская эстетическая мысль. Важнейшими из них были вопросы народности и национальной самобытности русской культуры, значения поэтического творчества и общественного призвания писателя. Большинство писателей, современников Пушкина, печатали свои произведения именно в альманахах. «Не купив русских альманахов, вы не узнаете, что написали русские поэты в протекшем году», — писал рецензент «Московского телеграфа» в 1829 году.⁵

В условиях крайнего стеснения периодической печати прогрессивные альманахи в известной степени должны были выполнять роль журналов. Помимо художественных произведений, в альманахах печатались обзорные критические статьи, исторические очерки, публиковались исторические документы и письма писателей и ученых, очерки по экономическим вопросам, рецензии на книги и объявления о новых изданиях.

Издатели передовых альманахов широко пользовались новой формой литературно-критической статьи — ежегодным обзорением, — которая впервые была применена А. Бестужевым в «Полярной звезде». Отзывы о книжных новинках сочетались в этих обзорах с рассуждениями о путях развития русской литературы, с полемическими выпадами против враждебных литературных группировок, а в «Полярной звезде» — с резкой критикой общественных отношений.

Особенности состава альманахов вели к тому, что современники часто относили их к разряду периодических изданий. Этому способствовало также и то обстоятельство, что в 20-е годы журналы по своим хозяйственно-орга-

⁴ Пушкин. Полное собрание сочинений, т. XI, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 48.

⁵ «Московский телеграф», 1829, ч. 26, № 8, стр. 478—479.

низационным функциям (условия оплаты, привлечение сотрудников и т. п.) приближались к типу сборников-альманахов.

Современники высоко ценили значение прогрессивных альманахов. В условиях роста национального самосознания и общественного подъема в передовых слоях русского общества чрезвычайно возрос интерес к отечественной литературе. Поэтому альманахи—сборники, где были сконцентрированы лучшие произведения современной поэзии и прозы, пользовались большим успехом и быстро раскупались. В первую очередь это относится к декабристским альманахам, которые вносили новую общественно-политическую, «гражданскую», вольнолюбивую струю в русскую литературу и привлекали читателей прежде всего своей политической актуальностью. Достаточно напомнить, что вторая книжка «Полярной звезды», вышедшая довольно значительным по тому времени тиражом — 1500 экземпляров, была раскуплена меньше чем за три недели. «Нам весьма приятно объявить, — писал по этому поводу Булгарин, — что Полярная звезда столь же лестно принята публикою; в три недели раскуплено оной 1500 экземпляров — единственный пример в русской литературе, ибо, исключая Историю Государства Российского г. Карамзина, ни одна книга и ни один журнал не имели подобного успеха».⁶ Альманах «Русская старина», вышедший в конце 1824 года, через несколько месяцев был издан вторым изданием.

Успех передовых альманахов вызвал появление альманахов «коммерческого» типа, т. е. таких изданий, которые не ставили себе никаких идейных задач и преследовали, главным образом, коммерческие цели или барыш «альманашника», как презрительно называли современники Пушкина издателей подобных альманахов. Особенно большое распространение «коммерческие альманахи», наполненные низкопробной литературной продукцией, получили в годы реакции, наступившей после поражения декабрьского восстания.

Предприимчивые «альманашники» под видом альманахов или «подарков на Новый год» издают песенники или собрания уже печатавшихся раньше стихотворений, причем весьма распространенным способом собирания материала в таких случаях становится литературное воровство. Вот как отзывался об одном таком «подарке» рецензент «Молвы»: «Всегда с негодованием смотрим мы на сборники, подобные „Лире граций“! Без позволения сочинителей, не зная не только грамматики — грамоты. . . у нас всякий уродует, перепечатывая произведения лучших наших писателей, и даже приписывает им то, чего они никогда не писывали».⁷

Модное слово «альманах», или «карманная книжка», на титульном листе книги используется как приманка для читателя. Альманахами называют собрания анекдотов, перепечатанных из иностранных журналов (три таких «Альманаха анекдотов» были изданы К. Зейделем в 1830, 1831 и 1834 годах), а также собрания сочинений одного автора. Даже такой известный в свое время литератор, как Трилунный (Д. Ю. Струйский), издавая в 1830 году сборник своих стихотворений, называет его альманахом.⁸

Особенно часто пользуются подобным приемом безвестные литераторы, причем только в редких случаях на титульном листе указывается, что издатель альманаха является в то же время и единственным его сотрудником. К таким альманахам — сборникам произведений одного автора относятся

⁶ «Литературные листки», 1824, ч. I, № 2, стр. 64—65.

⁷ «Молва», 1832, № 32, 19 апреля, стр. 127—128 (рецензия на альманах «Лира граций»).

⁸ Трилу н н ы й. Стихотворения. Альманах на 1830 г., ч. 1—2, СПб., 1830.

«Астраханская флора», карманная книжка на 1827 год (издатель Н. Розенмейер), «Метеор», альманах на 1831 год (издатель Ф. Соловьев), «Утренняя звезда», литературный альманах на 1831 год (издатель Д. Сигов), «Элизинум», альманах на 1832 год (издатель П. Иовский) и др.

В 1832 году под видом альманаха был издан сборник, составленный из отрывков «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина («Альманах исторический или Красоты российской истории», изданный Кнцгм, М., 1832).

В конце 20-х—начале 30-х годов, когда книжный рынок буквально наводняется альманахами, особое значение приобретает борьба за сбыт, разные способы приманки покупателя. Предприимчивые издатели, выпуская в продажу свои альманахи, дают им названия альманахов, пользовавшихся ранее успехом у публики. В 1829 году Дельвиг издал в дополнение к «Северным цветам» альманах «Подснежник», не обозначив на титульном листе своего имени. В следующем же 1830 году альманах «Подснежник» издает Е. В. Аладьин, также не указывая своего имени на титульном листе. В 1832 году появляется альманах под названием «Полярная звезда», наполненный бездарными произведениями неизвестных литераторов. Издатель альманаха «Утренняя звезда» Д. Сигов, безграмотность которого была притчей во языцех всех рецензентов, берет эпиграфом к своему альманаху, единственным сотрудником которого он являлся, четверостишие собственного сочинения, где старается подчеркнуть родство своего сборника с декабристским альманахом:

Взойди, моя звезда
На литературный горизонт;
Ведь тебе Полярная — сестра,
И друг — милый Аполлон.

В погоне за покупателем особое значение приобретают издательские предисловия. В них издатели стараются заранее оградить себя от «литературных сплетней» и «косвенных и кривых нападений» «придирчивых и несправедливых зоилов» и без излишней скромности расхваливают свои сборники. Так, издатель весьма низкого по своим достоинствам альманаха «Цинтия» (1832) в предисловии выражает надежду, что приобретет «на литературном поприще если не лавровый, то и не терновый, а по крайней мере скромный венок из незабудок, который хотя не благоухает, но цветет красю неотцветаемою». Чтобы обеспечить своему изданию коммерческий успех, альманашники стремятся заручиться сотрудничеством кого-либо из известных литераторов, причем принципиальное значение для них имеет опять-таки не столько содержание произведения, сколько сам факт участия в альманахе того или иного литератора. С циничной откровенностью сознается в этом издатель альманаха «Полярная звезда» на 1832 год. Вместо предисловия в альманахе напечатан «Драматический рассказ в IV сценах». Действующими лицами являются издатели альманаха Куплетов и Рифминский. Куплетов, выпросив у «знаменитого» поэта залежавшийся старый мадригал, с торжеством приносит его своему товарищу Рифминскому.

Р и ф м и н с к и й

Ну, дело сделано: наш альманах создан,
И слава обо мне как раз заговорит.

Теперь один нам труд остался,
Чтоб имя громкое нам выставить на вид.

К у п л е т о в

Совсем тут нет труда: под нашими статьями
Не выставим имен; об этом уж с друзьями
Вчера я толковал. Согласие дано,
И имя славное блеснет в глаза одно.

Р и ф м и н с к и й

А мадригал его не слишком-то завиден!

К у п л е т о в

О, прупустой! а нам что до того?
 Лишь сочинитель-то под ним был виден;
 Мы не ответим за него.⁹

В погоне за «именами» довольно часто применялся способ печатать стихи без разрешения и ведома автора. Авторское право в 20-х годах не было еще нормировано русским законодательством. Авторские привилегии, гарантировавшие от произвольных перепечаток, если и давались в России, то это были явления случайные, не обусловленные специальными положениями. Таким образом, Б. Федоров в альманахе «Памятник отечественных муз» на 1827 год печатает пять стихотворений Пушкина, в том числе лицейское стихотворение «Фавн и пастушка». О. М. Сомов писал по этому поводу в «Северных цветах» на 1829 год: «... в „Памятнике муз“ на 1827 год напечатаны были отрывки из стихотворения Пушкина «Фавн и пастушка», стихотворения, от которого поэт наш сам отказывается, и поручил нам засвидетельствовать сие пред публикой».¹⁰ Издатель «Эвтерпы», «собрания новейших романсов и песен» на 1828 год, с значительными искажениями перепечатывает в своем сборнике стихи Пушкина «Вчера за чашей пуншевою...» и «Заздравный кубок». Столь бесцеремонное нарушение авторского права вызвало возмущение рецензента «Московского вестника»: «Жаль, что у нас нет ареопага литературного... — пишет он, — не знаем, как отвечал бы неизвестный собиратель песен, если бы ему предложили следующий вопрос: имел ли он от всех поэтов, стихотворения коих помещены в его альманахе, законное на то полномочие?» и «... по какому праву он с такими ошибками печатал стихи Пушкина... По какому праву так бесчеловечно искажил их и поднял руку на поэта — любимца публики?».¹¹

Особенно бесцеремонно обращался со стихами Пушкина известный своей беспринципностью литератор и «альманашник» М. А. Бестужев-Рюмин, зарекомендовавший себя как литературный враг писателей, близких Пушкину. В своем альманахе «Сириус» на 1826 год он поместил за подписью «Н» стихотворение «Возвращение на родину. Элегия». Первую часть элегии составляет отрывок (14 строк) из стихотворения Пушкина «Деревня». Отрывок напечатан тем же шрифтом, что и остальная часть стихотворения, и отделен от нее чертой. Никакого указания на авторство Пушкина нет.

В 1829 году Бестужев-Рюмин предпринял издание альманаха «Северная звезда». Чтобы привлечь покупателей, он задолго до выхода альманаха распустил слух, что в составлении его примут участие Пушкин и Дельвиг. «Северная звезда» появилась в продаже в начале июля 1829 года, а еще 24 декабря 1828 года П. А. Плетнев, как доверенное лицо Пушкина, обратился в Санкт-Петербургский цензурный комитет с просьбой оградить авторские права поэта. Такое же прошение подал в цензурный комитет Дельвиг.

Эти документы не были опубликованы, и о них еще ничего не сообщалось в пушкинской литературе.

Приводим текст прошений Дельвига и Плетнева:

⁹ «Полярная звезда» на 1832 год, М., 1832, стр. 17.

¹⁰ О. Сомов. Обзор российской словесности за 1828 год. «Северные цветы» на 1829 год, СПб., 1828, стр. 35—36.

¹¹ «Московский вестник», 1828, ч. 7, № 3, стр. 321.

«В Санктпетербургский Цензурный комитет

От Коллежского Ассессора
Барона Дельвига

Прошение

Дошло до сведения моего, что г-н Бестужев-Рюмин печатает в альманахе всем Северная звезда какие-то стихи с моим именем. Как я никогда не давал ему стихов моих, то и прошу Цензурный Комитет запретить ему подписывать мое имя под какой бы то ни было статьею. В случае же, если он уже напечатал самовольно мое имя, то благоволит Цензурный Комитет не выдавать ему билета для выпуска альманаха его из типографии до выключения оной подписи.

1828 года 24 Декабря. Коллежский Ассессор

Барон Дельвиг.»

«В Санктпетербургский Цензурный Комитет

От Надворного Советника
Плетнева

Прошение

Узнав, что г. Бестужев-Рюмин в альманахе своем: Северная звезда печатает стихи Александра Пушкина, спешу уведомить Цензурный Комитет, что это делается против согласия автора, который, по случаю своего отъезда из Санктпетербурга, передал мне все права свои на распоряжение его сочинениями, изъяснив это в своем верующем ко мне письме, засвидетельствованном в I Департаменте здешней Гражданской Палаты по 12 добавочной книге под № 214. Посему и прошу не пропускать сих пьес в печать, а если они уже пропущены, то не выдавать ему г. Бестужеву-Рюмину билета на выпуск книги, пока он не исключит из нее всех стихотворений Александра Пушкина.

24 Декабря 1828 г. Надворный советник

Петр Плетнев». ¹²

Предупреждение, полученное издателем «Северной звезды» на заседании цензурного комитета, куда он был вызван, не помешало ему поместить в своем альманахе семь стихотворений за подписью «Ап» (т. е. Аполуте), из которых шесть принадлежали Пушкину и одно Вяземскому. В числе этих шести стихотворений Пушкина в «Северной звезде» было напечатано послание «К Чаадаеву» (в «Северной звезде»: «к N. N.»), одно из наиболее популярных политических стихотворений Пушкина, сыгравших большую агитационную роль в кругу декабристов. В альманахе Бестужева-Рюмина оно было напечатано с цензурными изменениями. ¹³

¹² ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1, № 287, 191, л. 1.

¹³ Стих «Минуты вольности святой» был заменен другим: «Подруги, сердцу дорогой». Кроме того, был опущен конец стихотворения начиная со стиха: «Товарищ, верь: взойдет она...». Кроме послания «К Чаадаеву» за подписью «Ап» в «Северной звезде» были напечатаны следующие стихотворения Пушкина: «Моя эпитафия» (в «Северной звезде»: «Будущая эпитафия»); «Орлову» (в «Северной звезде»: «К***, отсоветовавшему мне вступить в военную службу»); «К Каверину»; «Юрьеву» («Любимец ветренных Лаис...»); «Ее глаза» (в «Северной звезде»: «К Приятелю, сравнивавшему глаза одной девицы с южными звездами»).

В предисловии к альманаху Бестужев-Рюмин с удивительным бесстыдством благодарит неизвестного ему господина Ап, доставившего в альманах тринадцать пьес, из которых он, Бестужев-Рюмин, поместил несколько в своем альманахе, и просит «гг. неизвестных об объявлении впредь имен своих издателю».¹⁴

Не имея возможности подкрепить успех альманаха именами Пушкина и его друзей, Бестужев-Рюмин активно включается в начатую Булгариным травлю передовых литераторов, группировавшихся вокруг Пушкина и объединенных, кроме того, сотрудничеством в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы» (начал издаваться в 1825 году), а потом в «Литературной газете». В своем альманахе «Северная звезда» Бестужев-Рюмин помещает статью «Мысли и замечания литературного наблюдателя», подписанную всем известным псевдонимом «Аристарх Заветный». Статья наполнена грубыми выпадами против Пушкина, Баратынского, Дельвига, Плетнева, доходящими до крайних пределов пошлости. Так, например, он утверждает, что «литературная слава знаменитого поэта нашего барона Дельвига непосредственно зависит от приязни его с А. Пушкиным и Баратынским» и что «пиитические произведения его не дурны более потому, что одна половина их... принадлежит Пушкину, а другая Баратынскому».¹⁵ В другом месте он высмеивает будто бы существующее между «некоторыми русскими литераторами» «Общество друзей взаимного прославления», повторяя при этом булгаринские намеки на дружеские послания, распространенные в кругу литераторов пушкинской группы. «Почетные члены сего блистательного общества пишут беспрестанно друг к другу Послания, в которых истощаются во взаимных похвалах. Но этого еще мало! Они дарят издаваемые ими книжечки с надписями, приносящими особенную честь авторской их скромности. Так, например, Б. Д. «барон Дельвиг», даря свои произведения А. П. «А. Пушкину» и П. П. «П. Плетневу», надписывает первому: Русскому Байрону, а последнему: Русскому Лагарпу. А. П. отвечает Б. Д. своим подарком с надписью: Русскому Горацию. — Проказники!».¹⁶

Выступление Бестужева-Рюмина против передовых литераторов носило характер политического пасквиля. В этом убеждают насмешливые намеки его на «крещенские морозы», после которых «Северные цветы» (альманах Дельвига, в котором печатались декабристы) «потеряли свой былой аромат», и злобный выпад против альманаха Кюхельбекера «Мнемозина». В статье «Нечто об альманахах», имея в виду «Мнемозину», он пишет о том, как вскоре после появления «Полярной звезды» «взгромоздилось на сцену альманачного действия какое-то четырехтомное чудище, также под символическою вывескою заветной лиры и под скромным названием богини памяти...».¹⁷

Свои выпады против Пушкина и его друзей Бестужев-Рюмин продолжал в газете «Северный Меркурий», которую он начал издавать в 1830 году, усердно поддерживая Булгарина в его борьбе против прогрессивных литераторов.

На выступление Бестужева-Рюмина в «Северной звезде» Пушкин ответил двумя статьями. В первой из них («О публикации Бестужева-Рюмина в „Северной звезде“») Пушкин глубоко возмущается выходкой Бестужева-Рюмина и обещает г-ну Ап, что «при первом таковом же случае принужден будет

¹⁴ «Северная звезда», 1829, стр. VI.

¹⁵ Там же, стр. 288—289.

¹⁶ Там же, стр. 289—290.

¹⁷ Там же, стр. 3.

прибегнуть к покровительству законов» (XI, 82). В этой же заметке Пушкин указывает и на самоуправство Б. Федорова, напечатавшего в своем «Памятнике отечественных муз» на 1827 год стихотворения, которые Пушкин вовсе не предназначал для печати.

Второй попыткой Пушкина заклеить Бестужева-Рюмина явились черновые наброски сатирических сцен, известные под названием «Альманашник» (1830). Бестужев-Рюмин выведен в этих сценах под именем бездарного литератора Бесстыдина, затевающего издание альманаха «Восточная звезда». Весьма прозрачный намек на Бестужева-Рюмина содержится в следующей реплике Бесстыдина:

«Увидишь, как пойдет наш Альманак: с моей стороны даю 34 стихотворения; под пятью подпишу А. П. <А. Пушкин>, под пятью другими Е. Б. <Е. Баратынский>, под пятью еще К. П. В. <князь П. Вяземский>. Остальные пушу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения. Прозы у нас вдоволь: лихое Обзорение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы...» (XI, 137).

Обе статьи Пушкина по неизвестной причине не были напечатаны при его жизни. Отповедь Бестужеву-Рюмину была дана только О. Сомовым на страницах альманаха «Северные цветы» на 1830 год. В «Обзрении российской словесности за первую половину 1829 года» Сомов сделал следующую оценку «Северной звезды»: «Проза сего тощего альманаха дышала только перепечатками отрывков из сочинений Фонвизина и его же „Придворною грамматикой“, давно известною по рукописям». «Стихотворений в „Северной звезде“ много, хороших очень мало. Подписанные Ап (которых подлинный сочинитель вовсе не назначал в „Северную звезду“), „Уверение“, соч. Баратынского и еще несколько других стихотворений, могших найти себе лучшее место, здесь загромождены вялыми произведениями самого издателя и других стихотворцев, столь же мало имеющих права на известность». Плохой по своему составу альманах еще хуже по своему направлению: «Прибавим еще, что ни издатель „Северной звезды“, ни жалкий альманах его, ни шумливый его сотрудник (?) Аристарх Заветный, которому русская грамота не далась в руки, не приобрели еще никакого права выказываться в свет с решительными приговорами кому бы то ни было; не говорим уже о дерзких намеках и вздорных догадках помянутого Аристарха».¹⁸

Стремясь заклеить издательские приемы Бестужева-Рюмина и выявить его невежество, Пушкин в статье «Альманашник» преследовал и другую цель, а именно борьбу против эпигонских коммерческих альманахов. Под пером Пушкина образ Бесстыдина — Бестужева-Рюмина превращался в обобщающий образ беспринципного «альманашника». В этом смысле статья Пушкина должна была стать одним из основных звеньев той борьбы с эпигонскими коммерческими альманахами, которую начали передовые литераторы после 1826 года, т. е. в период наибольшего распространения этих альманахов.

Уже в 1826 и 1827 годах раздаются протесты против «неумеренной страсти печатать всё без разбора под скромной вывеской альманаха».¹⁹ Приветствуя такие альманахи, как «Северные цветы», «Альбом северных муз», «Подснежник» на 1829 год и др., рецензенты строго отзываются об альманахах коммерческого типа. «Первый русский альманах был хорош — и по-

¹⁸ «Северные цветы» на 1830 год, СПб., 1830, стр. 42—43.

¹⁹ «Московский вестник», 1827, ч. 2, № 5, стр. 67.

шел, — пишет рецензент «Московского телеграфа», имея в виду «Полярную звезду», — но дивиться ли, что охота читать альманахи исчезает, когда появились Невские, Московские альманахи и Календари муз?».²⁰

Передовые журналисты придавали борьбе с коммерческими альманахами принципиальное значение. «Литературная газета», «Московский телеграф», «Телескоп» рецензировали почти все выходившие альманахи, независимо от их внутренних достоинств, ставя себе задачей нейтрализовать развращающее влияние эпигонских альманахов на читателей. Об этом прямо пишет рецензент «Телескопа» в отзыве на сборник «Утренняя заря»: «... Как извинить того человека, который, не имея понятия не только о правилах стихосложения и о грамматике, но даже не умеющий сочетать двух слов как должно, бесстыдно печатает бред свой под именем Литературного Альманаха?». «Совестно даже говорить о нем, — продолжает рецензент, — и мы верно б не сказали ни слова, если б не почитали обязанностью нашей предостерегать любителей чтения, увлекаемых громкими названиями книг и газетными объявлениями, от покупки Парнасской макулатуры».²¹

В то время как Полевой и Надеждин на страницах своих журналов ведут борьбу главным образом с содержанием эпигонских альманахов, Пушкин, при поддержке близких ему литераторов, выступает и против альманашной формы, как не удовлетворяющей задачам литературной борьбы.

Пушкин стремился к созданию независимой журналистики, противостоящей верноподданническому дуэту «грачей-разбойников», как называл он содружество Греча и Булгарина, и способной овладеть общественным мнением. Для этого недостаточно было альманахов—сборников, выходящих раз в год и включающих главным образом художественный материал. После 1825 года Пушкин предпринимает неоднократные попытки к изданию журнала. С этой целью он ведет переговоры с Катениным и Вяземским и стремится обеспечить свое влияние в «Московском вестнике».

Стремясь к объединению прогрессивных литературных сил в одном периодическом издании, способном забрать в руки «общее мнение», Пушкин неоднократно протестует против попыток своих друзей предпринять издание альманаха.

«Будущий альманах радует меня несказанно, если разбудит он тебя для поэзии, — пишет он Катенину в феврале 1826 года. — Душа просит твоих стихов; но знаешь ли что? Вместо альманаха не затеять ли нам журнала в роде Edimburgh Review? Голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление?» (XIII, 261—262).

Также возражает он и против намерения Погодина издать вторую книжку альманаха «Урания», считая, что это будет мешать его редакционной работе в «Московском вестнике». «Вы хотите издать Уранию!!! — писал Пушкин Погодину 31 августа 1827 года, — et tu, Brute!!...²² Но подумайте: на что это будет похоже? Вы, издатель европейского журнала в азиатской Москве, Вы, честный литератор между лавочниками литературы, Вы!.. Нет, вы не захотите марать себе рук альманашной грязью. У Вас много накопилось статей, которые не входят в журнал; но каких же? Quod licet Uraniae, licet²³ тем паче Московскому Вестнику; не только licet, но decet.²⁴

²⁰ «Московский телеграф», 1826, ч. 7, отд. II, стр. 112.

²¹ «Телескоп», 1831, ч. IV, № 15, стр. 388—389.

²² и ты, Брут (лат.).

²³ Что дозволено Урании, дозволено (лат.).

²⁴ не только дозволено, но подобает (лат.).

Есть и другие причины. Какие? деньги? деньги будут, будут. Ради бога не покидайте Вестника; на будущий год обещаю Вам безусловно деятельно участвовать в его издании; для того разрываю непременно все связи с альманашиками обеих столиц» (XIII, 340). Другие причины, о которых Пушкин писал Погодину, были, конечно, деньги. «Московский вестник» имел мало подписчиков, и издание альманаха было гораздо более выгодным в денежном отношении.

Издать собственный журнал, как и обеспечить свое влияние в «Московском вестнике», ориентированном на немецкую идеалистическую философию, Пушкину не удастся. Поэтому именно в альманахе Дельвига «Северные цветы» в последекабрьские годы печатается наибольшее количество его произведений.

Отказ передовых литераторов от обращения к альманашной форме издания, с одной стороны, и вытеснение коммерческих альманахов «Библиотекой для чтения» (журналом нового типа, начавшим выходить с 1834 года и организованным на чисто коммерческих основаниях с расчетом на широкую аудиторию), с другой стороны, положили конец «альманашному» периоду.

В. Г. БЕРЕЗИНА

ИЗ ИСТОРИИ «СОВРЕМЕННОКА» ПУШКИНА

Несмотря на то, что «Современнику» Пушкина уделялось и уделяется довольно большое внимание исследователей, журнал этот изучен всё еще недостаточно. До сих пор нет единого мнения в решении некоторых важнейших вопросов, связанных с «Современником» (общественно-литературная позиция журнала, способы и методы журнальной полемики с реакционными изданиями, Гоголь и Пушкин в «Современнике» и т. д.), не восстановлена во всей полноте цензурная история журнала Пушкина.

Новые мемуарные, эпистолярные и документальные материалы, опубликованные в последнее время,¹ многое проясняют в истории «Современника».

К числу таких новых находок принадлежит хранящийся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде экземпляр первого тома «Современника», который значительно отличается от тех экземпляров, которые получили массовое распространение и которые только и были известны современникам Пушкина и последующим исследователям его творчества.² В найденном экземпляре то же число страниц, что и в других (320, включая оглавление), и та же дата цензурного разрешения (31 марта 1836 года). Но, в отличие от известных экземпляров, в нем, во-первых, по-иному сверстаны последние два листа (страницы 296—319; раздел «Новые книги»), во-вторых, отсутствует заключительная заметка к разделу «Новые книги», начинающаяся словами: «Вот книги, вышедшие в продолжение первой четверти сего года», в-третьих, в оглавлении указано имя Гоголя как автора статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (в оглавлении статья названа сокращенно: «О движении журнальной литературы»), в-четвертых, в разделе «Новые книги» звездочки, указывающие на то, что книги будут впоследствии рассмотрены, стоят не при трех книгах, а при пяти (дополнительно при книгах «Политические речи Исократы» и «История военных действий в Азиатской Турции»).

Изучение обнаруженного экземпляра приводит к выводу, что он был первым вариантом первого тома «Современника», который уже после утверждения его в цензуре (31 марта) был заменен вторым вариантом, по которому был отпечатан и весь тираж.

Вполне возможно, что именно этот первоначальный экземпляр «Современника» видел еще в 1916 году В. П. Красногорский — первый исследователь «Письма к издателю» (вызванного статьей Гоголя), определивший авторство Пушкина, но, к сожалению, Красногорский не сделал нужных выводов из своих наблюдений.

¹ См., в частности, «Литературное наследство», т. 58, 1952.

² Об этом экземпляре см.: В. Г. Березина. Новые материалы о статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». В книге: Н. В. Гоголь, Статьи и материалы, изд. Ленинградского Гос. университета, Л., 1954, стр. 70—85.

Будучи студентом Петербургского университета, участником семинара С. А. Венгерова, В. П. Красногорский в 1916 году работал над «Современником» Пушкина. На заседании семинара от 17 сентября 1916 года он прочитал доклад о «Письме к издателю», напечатанном в третьем томе «Современника», приводя доводы в пользу авторства Пушкина. Доклад Красногорского был опубликован только в 1924 году, уже после его смерти.³ О статье Гоголя «О движении журнальной литературы» Красногорский писал так: «... она является в „Современнике“, хотя и без подписи непосредственно под ней, но в оглавлении, приложенном к первой же книге, фамилия Гоголя, как автора, указана. Само собой разумеется, что благодаря этому статья вовсе не может считаться анонимной, как это прочно установилось в нашей научной литературе».⁴ Из этих слов Красногорского со всей очевидностью явствует, что он не видел других экземпляров первого тома «Современника», а потому и не знал, что в других экземплярах в оглавлении имя Гоголя, как автора обзора журналов, отсутствует, и не предполагал, что экземпляр «Современника», над которым он работал, является уникальным.

Всё это привело к тому, что последующие исследователи, которым были известны только экземпляры «Современника» без имени Гоголя как автора статьи «О движении журнальной литературы», не обратили никакого внимания на слова В. П. Красногорского, отнеслись к ним, как к недоразумению или описке, т. е. вопрос, затронутый Красногорским, обсуждению не подвергался.

Установление наличия двух вариантов первого тома «Современника» имеет значение не только для цензурной истории журнала Пушкина. Этот факт проясняет историю создания и печатания статьи Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», что, в свою очередь, позволяет наметить более правильное решение вопроса о программности статьи Гоголя.

Была ли статья Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» программной статьей «Современника»? Как понять отношение Пушкина к статье Гоголя, которое нашло отражение в пушкинском «Письме к издателю», напечатанном (за подписью А. Б.) в третьем томе «Современника», и в издательском примечании к этому письму? Каково, наконец, было отношение Белинского к статье Гоголя? Несмотря на то, что к этим вопросам неоднократно возвращаются в общих и специальных работах по Пушкину и Гоголю, более или менее определенного решения они не получили. И до сих пор в нашей научной литературе встречается совершенно различное истолкование этих вопросов. До сих пор не получили объяснения и более частные вопросы: почему, например, абзац о Белинском, находившийся в рукописи статьи Гоголя, оказался исключенным из журнального текста, почему под «Письмом» А. Б., напечатанным в третьем томе «Современника», который вышел в октябре 1836 года, стоит дата: 23 апреля и т. д.

В связи с первым томом «Современника» необходимо также пересмотреть два спорных вопроса: кому принадлежит статья в № 86 «Северной пчелы» (от 17 апреля 1836 года) с защитой журнала Пушкина от «Библиотеки для чтения» и кто был автором заметки, заключающей раздел «Новые книги» в первом томе «Современника», которая отсутствовала в первом варианте первого тома и была включена в издание позже, уже после утверждения тома в цензуре, т. е. после 31 марта 1836 года.

Выяснению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

³ «Наш труд», Сборники литературы, драмы и критики, 1924, № 2, стр. 106—120.

⁴ Там же, стр. 107, сноска.

1

Естественно, что вопрос о программности статьи Гоголя и об отношении Пушкина к этой статье встал тогда, когда было установлено, что «Письмо к издателю» принадлежит Пушкину, т. е. в 1924 году в статьях В. П. Красногорского⁵ и Ю. Г. Оксмана.⁶

По мнению В. П. Красногорского, Пушкин «не был удовлетворен статьей Гоголя» («игривые выражения», много «вранья»), хотя статья была написана не без влияния Пушкина и проредактирована им же. Но тогда остается неясным, почему Пушкин пропустил эту статью. Самое «Письмо к издателю» Пушкина Красногорский определяет как «лукавую» отповедь Гоголю и настаивает на том, что «Письмо» было написано Пушкиным «для того, чтобы вызвать прямое заявление от него, что он под статьей Гоголя не подписывается» (стр. 115, 117). Иными словами, Пушкин выступил против Гоголя, и сделал он это скорее по соображениям журнальной тактики («осторожный») Пушкин не хотел ставить под угрозу свой журнал, чем по соображениям принципиального порядка. Подчеркивая, что, по мнению Пушкина, статья Гоголя «не выражает программы журнала», Красногорский, однако, не показывает, как же понимал программу «Современника» Гоголь и какова была истинная программа журнала Пушкина.

Еще с большей определенностью за расхождение позиций Пушкина и Гоголя высказался Ю. Г. Оксман. Исходя из неверного предположения, что Пушкин почти не занимался журналом, Ю. Г. Оксман считает, что Пушкин со статьей Гоголя по-настоящему ознакомился уже после выхода «Современника» в свет. По мнению Ю. Г. Оксмана, Пушкин отнесся к обзору журналов Гоголя как к «неосмотрительно пропущенной статье» и в целях исправления своей ошибки написал «Письмо к издателю», в котором постарался «отмежеваться» от статьи Гоголя. «Отмежеваться» от Гоголя Пушкину нужно было потому, что, во-первых, Пушкин «принципиально разошелся с Гоголем в некоторых существеннейших пунктах журнальной программы» (в каких пунктах и как разошелся — осталось неясно), во-вторых, резкость суждений Гоголя будто бы не входила в расчеты Пушкина, «необычайно осторожно намечавшего ближайшие пути своего органа, определенно уклонявшегося от острых полемических схваток», и, в-третьих, Пушкину Сенковский нужен был как «мощный союзник в предстоящей борьбе с болгаринской кликой» (стр. 16); (последнее утверждение без дополнительных пояснений также неясно, так как оно противоречит второму пункту, в котором говорится об «осторожности» Пушкина и об отходе «Современника» от полемики).

Точка зрения В. П. Красногорского и Ю. Г. Оксмана, названная В. В. Гиппиусом «скептической», была подвергнута пересмотру в 1931 году в статье В. В. Гиппиуса «Литературное общение Гоголя с Пушкиным» (раздел 4: «Гоголь — сотрудник „Современника“»)⁷.

Прежде всего В. В. Гиппиус убедительно доказал, что Пушкин хорошо знал статью Гоголя, которая была отпечатана еще до отъезда Пушкина в Михайловское. Исследователь не сомневается, что статья Гоголя, за

⁵ В. П. Красногорский. Новая статья Пушкина (Пушкин о Гоголе). «Наш труд», Сборник литературы, драмы и критики, 1924, № 2, стр. 106—120.

⁶ «Атеней». Историко-литературный вестник, 1924, кн. I—II, стр. 15—24.

⁷ «Ученые записки Пермского Гос. университета. Отдел общественных наук», вып. II, Пермь, 1931, стр. 102—124.

исключением отдельных выражений, была одобрена Пушкиным, что «в существе гоголевской статьи не было ничего неприемлемого для Пушкина» (стр. 108).

«Статья „О движении журнальной литературы,“ — пишет В. В. Гиппиус, — снисходительна к Булгарину, сдержанно-приветлива к Телескопу (частично тронутому элементами демократической оппозиции), в большой степени — к „Московскому наблюдателю“, социально родственному „Современнику“. Все удары гоголевской статьи направлены на „Библиотеку для чтения“. Такова же была позиция Пушкина — личная, литературная, социальная». И дальше: «... сочувствия и несочувствия, друзья и враги у Пушкина и Гоголя в эти годы были одни и те же... Но тактика Пушкина не совпадала с гоголевской. Если Гоголь выступал „с юношеской живостью и прямодушием“, — Пушкин сдерживался, уклонялся или скрывался», поскольку «Пушкин с его трехмесячником, претендовавшим на аристократическую „отрешенность“, «мимовольно был втянут» в журнальную борьбу, начатую Гоголем (стр. 109).

О программности или непрограммности статьи Гоголя, по мнению В. В. Гиппиуса, вообще не может быть речи, так как «никакой программы и не должно было быть у „Современника“, задуманного не как журнал, а как распространенный на 4 тома альманах...» (стр. 110).

В. В. Гиппиус решительно возражает против стремления видеть в «Письме к издателю» Пушкина его «критико-публицистическое кредо» (стр. 115). Гиппиус пытается доказать, что Пушкин полемизирует не с Гоголем, а с мнимым противником, поскольку он «вылавливает из гоголевской статьи отдельные второстепенные фразы, а иногда присоединяет свои... , исказив мысли Гоголя» (стр. 116).

Одновременно, процитировав примечание Пушкина под «Письмом к издателю», Гиппиус утверждает, что, разыгрывая роль защитника Сенковского, Пушкин будто бы уклонился «от прямого и откровенного ответа, на чьей же он стороне — на стороне А. Б. или Гоголя», «утаил, в чем он согласен и в чем не согласен с Гоголем и в чем — с А. Б.» (стр. 115, 119).

Заявляя о единомыслии Пушкина и Гоголя, Гиппиус также подчеркивает единомыслие Белинского со статьей Гоголя, ни одним словом, кстати говоря, не обмолвись о возражениях Белинского на статью Гоголя.

Взгляды В. В. Гиппиуса (иногда, правда, с некоторыми уточнениями и дополнениями) получили широкое распространение. Так, в «Очерках по истории русской журналистики и критики» сказано, что статья Гоголя, несомненно, во многом была близка взглядам Пушкина, но что «в обстановке тогдашней литературной борьбы, в обстановке постоянной опасности осложнений для издания журнала, Пушкин не захотел признать статью Гоголя программой своего журнала», так как «он не считал целесообразным идти на открытую ссору с „Библиотекой“ и журнальным триумvirатом». «Следует учитывать здесь прежде всего нежелание Пушкина ставить под удар журнал, стремление его к сохранению как бы нейтральной позиции...», — пишет автор главы о «Современнике» Н. Л. Степанов.⁸

Объясняя, как и В. В. Гиппиус, полемику Пушкина с Гоголем необходимостью журнальной дипломатии, Н. Л. Степанов в то же время вторую (не основную!) причину, побудившую Пушкина выступить против статьи Гоголя, видит в различии отношении Гоголя и Пушкина к «Библиотеке для чтения» и, соответственно, в различном понимании ими программы журнала. Сказав

⁸ Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I. Изд. Ленинградского Гос. университета Л., 1950, стр. 408.

(без достаточных, правда, оснований), что «литературную программу журнала должна была наметить статья Гоголя „О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году“»,⁹ Н. Л. Степанов, однако, правильно отмечает, что Гоголь свел программу «Современника» к борьбе с «Библиотекой для чтения», а это для Пушкина было слишком узким.

В некоторых новых работах явно ощущается тенденция к отождествлению журнальных позиций Гоголя и Белинского, а иногда даже всех троих современников — Пушкина, Гоголя и Белинского. Так, например, в специальной работе, посвященной Белинскому и Гоголю, Е. Серебровская, приведя все (даже самые незначительные) примеры более или менее близкого сходства мыслей и выражений в статье Белинского «Ничто о ничем» и статье Гоголя «О движении журнальной литературы», делает ответственный вывод о «почти полном совпадении взглядов Гоголя и Белинского на журнальную литературу».¹⁰ Но ограничительное слово «почти» отнюдь не спасает положения, так как оно не раскрывается; в стремлении найти совпадения Е. Серебровская, к сожалению, не вскрыла чрезвычайно важных расхождений Белинского с Гоголем в оценке современной журналистики и в понимании характера передового журнала.

Еще дальше в поисках сходства и совпадений идет А. Н. Степанов, автор в целом содержательной работы о Гоголе как сотруднике «Современника» Пушкина,¹¹ причем, согласно утверждению А. Н. Степанова, на сходных позициях стояли не только Гоголь и Белинский, но и Гоголь и Пушкин.

«Для нас ясно, — пишет А. Н. Степанов, — что Пушкин, помещая в свой журнал обзор журнальной литературы, полностью разделял основные принципиальные позиции ее автора» (стр. 57), однако, каковы конкретно эти «основные принципиальные позиции», в статье А. Н. Степанова, к сожалению, не показано.

Не учтя ряда фактов и не обратив внимания на справедливые замечания некоторых литературоведов (в частности, Н. Л. Степанова) относительно программы «Современника», А. Н. Степанов настаивает, что статья Гоголя была истинной программой «Современника» в понимании Пушкина. После отхода Гоголя от «Современника» на Пушкина, по мнению А. Н. Степанова, «ложилась обязанность поддерживать направление журнала, намеченное Гоголем с его одобрения и согласия» (стр. 61—62). И Пушкин будто бы поддержал это намеченное Гоголем направление журнала в «Письме к издателю» и в примечании к нему! Доказывая (впрочем, с малой убедительностью), что суждения А. Б. в «Письме к издателю» не имеют абсолютно ничего общего с собственными мнениями Пушкина, А. Н. Степанов настаивает, что «примечание, сделанное Пушкиным к письму „А. Б.“, таким образом, вовсе не означает отказа Пушкина от программы, намеченной статьей Гоголя о журнальной литературе», так как оно «нужно было Пушкину для того, чтобы завуалировать свои истинные стремления — продолжать программу, намеченную в первом номере „Современника“» (стр. 68).

Итак, тридцать лет идут споры между литературоведами в решении вопроса о Пушкине и Гоголе как журналистах. Если в 20-е годы господствовала так называемая «скептическая точка зрения», то теперь намечается прямо противоположная крайность — стремление усмотреть полнейшее единомыслие

⁹ Там же, стр. 406.

¹⁰ Е. Серебровская. Белинский и Гоголь (К истории борьбы за реализм). Л., 1952, стр. 43.

¹¹ А. Н. Степанов. Гоголь-публицист (Гоголь — сотрудник «Современника» Пушкина). В сборнике: Н. В. Гоголь. Статьи и материалы. Изд. Ленинградского Гос. университета, 1954, стр. 39—69.

между Пушкиным и Гоголем, причем некоторые современные исследователи (например, Е. Серебровская) в своем желании «поднять» Гоголя-журналиста не только до Пушкина, но и до Белинского находятся, очевидно, еще дальше от истины, чем те, кто писал о Гоголе и Пушкине в 1924 году.

Совершенно очевидно, что эта противоречивость в решении вопроса о журнальных позициях Пушкина и Гоголя в 1836 году проистекает прежде всего из того, что до сих пор не учитывались те особые обстоятельства, при которых подготовлялся выпуск первой книжки «Современника», т. е. факт наличия двух вариантов первого тома пушкинского журнала: с указанием в оглавлении имени Гоголя как автора статьи «О движении журнальной литературы» (первый вариант) и без указания имени (второй вариант).

Благодаря обнаружению в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде экземпляра «Современника», опечатанного по первому варианту, который не был в поле зрения исследователей, удастся восстановить историю создания и печатания статьи Гоголя, что, в свою очередь, безусловно помогает более верно решить вопрос и об отношении Пушкина к статье Гоголя.

История работы Гоголя над статьей «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» представляется в следующем виде.

Статья была задумана Гоголем как анонимная. Первоначальные наброски ее свидетельствуют, что Гоголь предполагал статью печатать без подписи: в них он несколько раз говорит о себе в третьем лице. Так, например, он пишет о «Библиотеке для чтения»: «В критике была или безусловная похвала, где рецензент от всей души занимался собственными фразами, беспрестанно варьируя ими обветшалые мысли, или хула, которая отзывалась часто желчью и завистью. Читатели помнят разбор Н. Гоголя».¹² И дальше. «Любопытно, что этот же самый г. Сенковский, показавший в такой степени неопрятность своих выражений, напал очень жарко на г. Гоголя...». И, наконец, третий пример: «Сказал ли что-нибудь Жуковский, Пушкин, князь Вяземский, Крылов? Сказали ли из молодых, но чьи труды уже приобретают им место в литературе? сказал ли мнение свое Языков, Н. Гоголь» (VIII, 528, 536; см. также 541).

Но в дальнейшей работе над статьей Гоголь снимает все упоминания о себе, т. е. пишет статью уже не как анонимную. Так, например, только что цитированное место первоначальной редакции в позднейших набросках приняло следующий вид:

«Высокий, образованный эстетический вкус показали в творениях своих Жуковский, Крылов, князь Вяземский. Присутствие вкуса и обдуманности показали Павлов, поэт Языков. Но разве сказали они хоть раз мнения свои в журналах?» (VIII, 548—549).

Что заставило Гоголя отказаться от первоначального замысла и решить писать статью от своего имени? Может быть (и это вполне вероятно), дело не обошлось без вмешательства Пушкина. В планы Пушкина, очевидно, входило, чтобы статья о журнальной литературе появилась в печати как статья Гоголя, в противном случае могли возникнуть различные толкования статьи, в частности истолкование статьи как редакционной, что для Пушкина, хорошо знавшего статью Гоголя, было неприемлемо.

Статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», как теперь выясняется, и была напечатана как статья Гоголя (первый вариант

¹² Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. Академии Наук СССР, 1952, стр. 525. В дальнейшем цитируется по этому изданию. — Говоря «разбор Н. Гоголя», Гоголь имел в виду рецензии «Библиотеки для чтения» на «Арабески» и «Миргород» (1835, т. IX, отд. VI, стр. 8—14, 30—34).

первого тома «Современника»), и только в силу непредвиденных обстоятельств Пушкин был вынужден снять имя Гоголя как автора статьи о журналистике из оглавления первого тома «Современника» в начале апреля 1836 года, уже после утверждения тома в цензуре,¹³ дав, помимо своего желания, повод рассматривать статью «О движении журнальной литературы» как редакционную. Современники так и поступали.

О программном характере обзора журналов говорилось даже в таких идеологически противоположных изданиях, как «Молва» и «Северная пчела». Так, например, в № 7 «Молвы» (цензурное разрешение 31 апреля 1836 года) Белинский писал:

«Но самые интересные статьи — это „О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году“ и „Новые книги“: в них видны дух и направление нового журнала».¹⁴

Булгарин в № 127 «Северной пчелы» (от 6 июня 1836 года) так определял роль в «Современнике» обзора журналов: «Обращаем главное внимание на статью „О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 годах“, ибо в этой статье выражаются дух, цель и все будущие намерения „Современника“» (стр. 506).

Современники не только истолковали статью Гоголя как статью программную, но даже приписали ее самому издателю «Современника» — Пушкину. Так, например, Белинский в своей статье «Несколько слов о „Современнике“» дважды называет автором статьи «О движении журнальной литературы» «почтенного издателя» «Современника» (II, 182). Булгарин также несколько раз говорит о Пушкине как авторе статьи о современных журналах.¹⁵ Интересно в этой связи письмо Г. С. Аксакова к отцу С. Т. Аккову от 18 апреля 1836 года. Он пишет: «Здесь появился новый журнал „Современник“, издаваемый Пушкиным, который, я думаю, много подорвет „Библиотеку для чтения“. Первый номер его очень хвалят. В нем есть повесть Гоголя, критика Пушкина на Сенковского».¹⁶

Следовательно, вопрос о программности или непрограммности статьи Гоголя «О движении журнальной литературы» возник не в пору ее создания, а значительно позже, уже после выхода журнала,¹⁷ причем в результате случайных обстоятельств — в связи с тем, что имя Гоголя, как автора обзора журналов, пришлось снять из оглавления.

Отношение критики к статье Гоголя, как к статье программной, определяющей «дух и направление» «Современника», и заставило Пушкина в третьем томе журнала выступить под маской провинциального читателя А. Б. с «Письмом к издателю», которое в какой-то мере было подготовлено заметкой «Несколько слов о „Современнике“», напечатанной в № 86 «Северной пчелы» от 17 апреля 1836 года.

¹³ О причинах снятия имени Гоголя как автора обзора журналов см. в названной статье В. Г. Березиной.

¹⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, Изд. Академии Наук СССР, 1953, стр. 180. В дальнейшем цитируется по этому изданию (т. I и сл., 1953 и сл.).

¹⁵ «Северная пчела», 1836, № 127, 6 июня, стр. 508; № 128, 8 июня, стр. 512.

¹⁶ «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 119.

¹⁷ Истокование Сенковским обзора журналов как программной статьи («Библиотека для чтения», 1836, т. XV, апрель, отд. VI, стр. 67—70) сделано было до выхода первого тома «Современника», еще в то время, когда он находился в цензуре и когда, следовательно, имя Гоголя, как автора статьи «О движении журнальной литературы», значилось в оглавлении. Но Сенковскому, знавшему о содержании статьи понаслышке, не удалось узнать имени автора, и он приписал статью Пушкину. Таким образом, просто недостаточная осведомленность ввела Сенковского в заблуждение.

Чтобы правильно решить вопрос об отношении Пушкина к статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», нужно иметь в виду, что пушкинские оценки гоголевской статьи давались в двух аспектах, причем далеко не одинаковых. У Пушкина было, так сказать, двойное отношение к статье Гоголя: с одной стороны, как к обычной журнальной статье, а с другой — как к программной статье «Современника». Только при учете такого разграничения в подходе Пушкина к журнальному обзору Гоголя всё становится более или менее ясным.

Пушкин мог не соглашаться с отдельными определениями и суждениями Гоголя (тем более, что они должны были появиться за его, Гоголя, подписью), но присутствующие в статье Гоголя острота, полемический задор могли внести оживление в издание Пушкина, придать его альманаху черты настоящего журнала; и этим статья Гоголя была нужна Пушкину, старавшемуся практически вывести свой «Современник» за пределы стеснительных, узких рамок сборника-альманаха.¹⁸ В этом плане Пушкин положительно относился к статье Гоголя как в пору ее создания (в противном случае он не поместил бы ее, как не поместил многие рецензии Гоголя, заготовленные для первого тома «Современника»), так и после, когда статья уже была напечатана. Ведь не случайно устами тверского корреспондента (А. Б.) Пушкин говорит в своем «Письме к издателю»: «Статья „О движении журнальной литературы“ по справедливости обратила на себя общее внимание. Вы в ней изложили остроумно, резко и прямодушно весьма много справедливых замечаний».¹⁹ Здесь, между прочим, «тверской корреспондент» «Современника» почти цитирует слова Белинского, писавшего в № 7 «Молвы» в рецензии на первый том «Современника», что в статье «О движении журнальной литературы» «суждения не только изложены резко, остро и ловко, но даже беспристрастно и благородно», что «вообще эта статья содержит в себе много справедливых замечаний, высказанных умно, остро, благородно и прямо» (II, 181, 183). В связи с этим, думается, следует иначе оценить и то место в издательском примечании к «Письму» А. Б., где Пушкин говорит о том, что «из сего еще не следует, чтобы все мнения, в ней <статье о журналах> выраженные с такою юношескою живостью и прямодушием, были совершенно сходны с моими собственными» (XII, 98). Здесь Пушкин отмечает свое несогласие с некоторыми мнениями Гоголя, но из этого еще совсем не следует, что он осуждает статью Гоголя за «живость» и «прямодушие». Напротив, именно «живостью» и «прямодушием», т. е. полемической направленностью, дорога была Пушкину статья Гоголя. И Гоголь имел все основания писать впоследствии (4 декабря 1846 года) Плетневу: «В статьях моих он <Пушкин> находил много того, что может сообщить журнальную живость изданию. . .» (VIII, 422).

Итак, статья Гоголя была нужна Пушкину, и он оценивал ее положительно, хотя и не во всем был согласен со своим сотрудником (слова: «не следует, чтобы все мнения. . . были совершенно сходны с моими собственными» свидетельствуют только об отдельных несогласиях).

Совсем другое отношение было у Пушкина к журнальному обзору Гоголя как к программной статье «Современника». Здесь Пушкин решительно разошелся с Гоголем и в издательском примечании к «Письму» А. Б. отвел всякие подозрения в принадлежности ему статьи «О движении журнальной

¹⁸ И. И. Панаев вспоминал впоследствии, что статья Гоголя «наделала большого шума в литературе и произвела очень благоприятное впечатление на публику» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, Л., 1950, стр. 141).

¹⁹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 94. В дальнейшем цитаты приводятся по этому изданию.

литературы» (не назвав, однако, автора)²⁰ и категорически заявил как издатель, что эта статья «не есть и не могла быть программой „Современника“». Слова Пушкина «и не могла быть» указывают на то, что для него статья Гоголя никогда (даже в пору ее написания) не была программной и что, следовательно, он не признал программности ее уже после выхода «Современника» не из дипломатических соображений (стремление быть «осторожным», боязнь «Библиотеки для чтения», поиски «союзников» в реакционном лагере и т. п.), а совсем по другим, более важным причинам: то направление «Современника», которое защищал Гоголь (постоянная и последовательная борьба с «Библиотекой для чтения»), для Пушкина было неприемлемо, так как оно не отражало во всей полноте задач, которые ставил Пушкин перед своим изданием.

И, конечно, не дипломатическая тактика, а истинная пушкинская точка зрения выражена в следующих словах А. Б.: «Статья „О движении журнальной литературы“, по справедливости, обратила на себя общее внимание. Вы в ней изложили остроумно, резко и прямодушно весьма много справедливых замечаний. Но²¹ признаюсь, она не соответствует тому, чего ожидали мы от направления, которое дано будет вами вашей критике. Прочитав со вниманием эту немного сбивчивую статью, всего яснее увидел я большое ожесточение противу г. Сенковского... Признаюсь, это изумило тех, которые с нетерпением ожидали появления вашего журнала. Неужто, говорили они, цель „Современника“ — следовать по пятам за „Библиотекою“, нападая на нее врасплох и вооруженной рукою отбивая от нее подписчиков? Надеюсь, что опасения сии лживы и что „Современник“ изберет для себя круг действия более обширный и благородный...» (XII, 94, 95).²²

Таким образом, Пушкин считал, что «Современник» должен иметь «круг действия более обширный и благородный», чем полемика с «Библиотекой для чтения». В «Письме к издателю» Пушкин не сказал, что это за «круг», но по содержанию первых трех томов «Современника» читатели уже могли ясно представить себе «дух и направление» нового издания, прекрасно понимали стремление Пушкина превратить разрешенный к изданию литературный сборник-альманах в общественно-литературный журнал, со всеми характерными для такого журнала материалами (вопросы современной политики, отечественная история, экономика, история и теория литературы, критика и библиография, художественная литература и т. д.).

²⁰ Считается, что в печати имя Гоголя как автора статьи «О движении журнальной литературы» было названо впервые только в 1846 году — в статье С. Д. Полторацкого «Русские биографические и библиографические летописи» («Иллюстрация», 1846, т. II, № 12, стр. 177; см. об этом: Н. В. Гоголь, Сочинения и письма, т. VI, изд. П. А. Кулиша, СПб., 1857, стр. 560). Однако об авторстве Гоголя современники узнали значительно раньше: см., например, прозрачные намеки в рецензии Белинского на «Сочинения Николая Греча» («Московский наблюдатель», 1838, ч. XVIII, июль, кн. 1, стр. 93; В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, Изд. Академии Наук СССР, М., 1953, стр. 531). А в самом начале 1843 года Белинский уже прямо назвал Гоголя автором статьи «О движении журнальной литературы» (В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VI, 1955, стр. 579).

²¹ Эта конструкция предложений с противительным союзом «но» употреблена Пушкиным не случайно: она подчеркивает различие в оценке Пушкиным гоголевского обозрения журналов как журнальной статьи и как программной статьи «Современника».

²² Гоголь, призывая современные периодические издания (в том числе и журнал Пушкина) к борьбе с «Библиотекой для чтения», нигде, правда, открыто не говорил, что «Современник» должен отбивать подписчиков у «Библиотеки для чтения». Но такой вывод из статьи читатели могли сделать и сами, особенно с помощью соответствующего комментария в заметке Сенковского в апрельском номере «Библиотеки для чтения» за 1836 год.

И это остро ощущали не только друзья Пушкина, но и его журнальные и литературные враги. В этом плане интересно свидетельство В. Ф. Одоевского, одного из ближайших помощников Пушкина по изданию «Современника». Одоевский писал: «Враги Пушкина называли беспрестанно „Современник“ журналом — не спроста; здесь было указание цензуре на то, что... „Современник“ был разрешен ему как сборник, а не как журнал».²³

Издавая журнал в широком общественно-политическом и просветительском плане, Пушкин (вопреки мнению некоторых его современников и позднейших литературоведов) думал об «осторожности» не более, чем то нужно было для обхода цензуры. «Осторожной» была не общественная позиция Пушкина, а его тактика как издателя и журналиста, причем осторожность его выражалась никак не в молчании и не в «стремлении... к сохранению как бы нейтральной позиции», как, например, считает Н. Л. Степанов,²⁴ а в поисках путей, средств и методов высказывать то, к чему особенно придиралась цензура, в использовании «эзопова языка». Например, свою острую критику американской лжедемократии Пушкин, как известно, вставил в рецензию на «Записки» Джона Теннера («Современник», т. III), а о приобщении индейцев к американской «цивилизации» сказал так, что это прозрачно намекало на колонизаторскую политику русского самодержавия на отдаленных окраинах России. Или, в другой раз, желая перепечатать в своем журнале «Вопросы» Фонвизина Екатерине II, Пушкин в своей статье «Российская академия» («Современник», т. II) действительно их перепечатывает вместе с ответами Екатерины, сопроводив свою перепечатку следующими комплиментарными словами в адрес Екатерины: «Вопросы явились в „Собеседнике“ с весьма остроумными ответами» (XII, 42), хотя читатели прекрасно понимали, что «остроумными» были не ответы Екатерины, а вопросы Фонвизина, которыми он учинил настоящий допрос императрице по самым актуальным вопросам современности. Нет необходимости приводить еще аналогичные примеры — эта тема может стать предметом специального исследования. Но следует остановиться на одном вопросе — на способах и формах полемики Пушкина с «Северной пчелой» и «Сыном отечества», как доказательстве того, что Пушкин, несмотря на трудности, стоявшие перед ним как издателем «Современника», не уклонялся от полемики, если считал ее нужной, причем вел полемику не с меньшей, если не с большей «живостью», чем Гоголь.

О полемике Пушкина с Булгариным в пору издания «Современника», к сожалению, ничего не говорится как в общих, так и частных работах по Пушкину, а между тем эти материалы дают возможность отбросить все легенды об «отрешенности» «Современника» и «осторожности» его издателя: они свидетельствуют о смелости и решительности Пушкина как издателя и редактора, лишней раз убеждают в справедливости слов одного современника: «... Пушкин едва ли не потому подвергся горькой своей доле, что сделался журналистом».²⁵ Кроме того, эти материалы позволяют еще более прояснить вопрос о действительной программе «Современника» — не о программе-декларации, а о внутренней, действительной программе журнала.

Уже в первом томе «Современника», в статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», о «Северной пчеле» говорилось как

²³ В. Ф. Одоевский. О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина. «Русский архив», 1864, № 7 и 8, стб. 827.

²⁴ Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I, стр. 408.

²⁵ Письмо В. П. Андросова к А. А. Краевскому от 3 февраля 1837 года. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, фонд А. А. Краевского, Письма, т. «А», л. 294.

о корзине, «в которую сбрасывал всякий всё, что ему хотелось» (VIII, 162), подчеркивались беспринципность, недобросовестность этого издания, стремление его к наживе; суровую оценку Гоголь дал также «Сыну отечества», издававшемуся Булгариным и Гречем. Полностью соглашаясь с гоголевской критикой изданий Булгарина, Пушкин счел ее всё же недостаточной (вернее, односторонней), о чем и заявил в своем «Письме к издателю» в томе третьем «Современника».

Во втором томе «Современника» выступления против «Северной пчелы» и ее издателя Булгарина продолжают, хотя имя его и не называется. Так, в первой заметке «От редакции» (стр. 311—312), посвященной защите статьи А. И. Тургенева «Париж. (Хроника русского)», напечатанной в первом томе «Современника», от нападок реакционной критики, содержится прозрачный намек на Булгарина как автора статьи о «Современнике» в № 129 «Северной пчелы» от 9 июня 1836 года (стр. 516).

В значительной степени против Булгарина как критика направлена и статья Вяземского о «Ревизоре» Гоголя: некоторые страницы статьи Вяземского полемически направлены непосредственно против рецензии «Северной пчелы» на «Ревизора» Гоголя (№№ 97 и 98 от 30 апреля и 1 мая 1836 года), в которой Булгарин доказывал, что пьеса Гоголя не художественное произведение, что Гоголь — безнравственный писатель, что он не знает русского языка.

Конечно, ограниченность мировоззрения Вяземского, его симпатии к салонно-аристократическому «Московскому наблюдателю», вражда к Белинскому и неприятие демократических тенденций в русской литературе сказались и на его оценках комедии Гоголя (что, как известно, было отмечено Белинским в рецензии на второй том «Современника»), но полемическая направленность статьи Вяземского против реакционной критики и особенно против Булгарина была высоко оценена даже теми его современниками, для которых литературная позиция Вяземского в общем была чуждой. Так, Д. В. Давыдов, ознакомившись со вторым томом «Современника», писал Пушкину 10 августа 1836 года:

«Спасибо и тебе и Вяземскому и за Наполеона и за то, что вы по-наполеоньски отломали бока этой шайки ярыжных писателей, которые вмешиваются не в свое дело и судят и рядят о благопристойности, о которой они не имеют понятия» (XII, 152).²⁶

Интересно также в этой связи более позднее свидетельство Белинского. Оно относится к 1842 году, когда после выхода «Мертвых душ» реакционная печать (и в первую очередь булгаринская «Северная пчела») возобновила травлю Гоголя, вновь начала обвинять его в незнании русского языка, в употреблении «неприличных и неупотребляемых в высшем обществе слов». Тогда, дав решительный отпор Булгарину в своих «Журнальных и литературных заметках», Белинский положительно отозвался о статье Вяземского о «Ревизоре», процитировав целых две страницы из его статьи из второго тома «Современника» (стр. 295—297).²⁷

И, наконец, во второй заметке «От редакции» было сказано: «Мы получили также статью г. Косичкина. Но, к сожалению, и эта статья доставлена

²⁶ Говоря о Наполеоне, Давыдов имеет в виду статью Вяземского «Наполеон и Юлий Цезарь» и его же разбор поэмы Э. Кине, посвященной Наполеону; в последних словах Давыдова речь идет не только о статье Вяземского о «Ревизоре», но и о заметке «От редакции», посвященной защите статьи А. И. Тургенева от нападок Булгарина.

²⁷ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд. Академии Наук СССР, 1955, стр. 240—241; ср. Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, Гослитиздат, 1947, стр. 131.

поздно, и мы, боясь замедлить выход этой книжки, отлагаем ее до следующей» (стр. 312). Это упоминание о Феофилакте Косичкине — псевдониме, которым Пушкин подписал свои известные памфлеты «Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», напечатанные в 1831 году в «Телескопе», было смелым вызовом Булгарину. Ведь современники помнили, что эти памфлеты, в которых Пушкин с исключительным остроумием и тонкой иронией не только высмеял литературные «дарования» Булгарина, но и раскрыл политическое лицо этого Видока Фиглярина как агента III отделения и литературного сыщика, были продолжением той политической и литературной борьбы с Булгаринным, которую Пушкин начал еще в 1830 году в «Литературной газете».

Указание на то, что статью Косичкина редакция «отлагает» «до следующей книжки», как бы подсказывало читателю, что с третьего тома борьба «Современника» с Булгаринным и его изданиями приобретает более острые формы, чем то было в первых двух томах.

В действительности так оно и было. Несмотря на то, что статьи Косичкина как таковой в третьем томе не появлялось, «рукою Косичкина» были написаны многие строки и страницы этого тома. В этом отношении интересна самая композиция тома, на редкость тонкая и остроумная: полемическая острота, ее внутренний политический смысл возрастают от одного журнального выступления к другому и заканчиваются известной второй заметкой «От редакции», в которой Пушкин открыто сформулировал позицию своего журнала, заявив, что «Современник» является продолжением «Литературной газеты» (стр. 330—331).

Статья Пушкина «Об истории пугачевского бунта. (Разбор статьи, напечатанной в «Сыне отечества», в январе 1835 года)» есть не только разбор рецензии В. Б. Броневского в «Сыне отечества», но и разоблачение беспринципности и цинизма Булгарина как журналиста (в связи с его статьей о «Современнике» в № 129 «Северной пчелы» от 9 июня 1836 года).

К Булгарину-доносчику вполне можно было отнести следующую эпиграмму Д. В. Давыдова (подпись: Н.), тем более, что последние строки эпиграммы напоминали об известных эпиграммах Пушкина на Видока Фиглярина-Булгарина («Не то беда, что ты поляк...» и «Не то беда, Авдей Флюгарин...»).

Вот эта эпиграмма Давыдова:

Меринос собакой стал;
Он нахальствует упрямо,
Он всё стадо забодал.
Сторож, что ж ты оплошал?
Подойди к барану прямо,
Зацепи его на крюк,
И прижги ему курдюк
Раскаленной эпиграммой.²⁸

А через 16 страниц напечатана «Родословная моего героя» Пушкина, где Булгарин уже прямо назван Видоком Фигляриным:

Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин...²⁹

²⁸ «Современник», 1836, т. III, стр. 136.

²⁹ Там же, стр. 156.

Затем идет «Письмо к издателю» Пушкина, который устами тверского корреспондента А. Б. выражает свое несогласие с недостаточно суровой критикой «Северной пчелы» в статье «О движении журнальной литературы». Пушкин пишет:

«Обращаясь к „Северной пчеле“, вы упрекаете ее в том, что она без разбора помещала все в нее бросаемые известия, объявления и тому подобное... Не за объявления должно было укорять „Северную Пчелу“, но за помещения скучных статей с подписью: Ф. Б., которые (несмотря на ваше пренебрежение ко вкусу бедных провинциалов) давно оценены у нас по достоинству. Будьте уверены, что мы с крайней досадою видим, что гг. журналисты думают нас занять нравоучительными статейками, исполненными самых детских мыслей и пошлых шуточек, которые, достались „Северной Пчеле“, вероятно, по наследству от „Трудолюбивой Пчелы“» (XII, 97).³⁰

И, наконец, вторая заметка «От редакции» в третьем томе «Современника», в которой Пушкин открыл свои карты: он смело провозгласил программой своего журнала ту решительную и последовательную борьбу со всем реакционным в политике, экономике и культуре, которая велась в свое время «Литературной газетой». А уж если заниматься полемикой, говорил Пушкин, то более необходимо вести ее не с «Библиотекой для чтения» (хотя и она нужна — и примеры тому были в «Современнике»), а с официальными болгаринскими изданиями, что с таким успехом было начато «Литературной газетой».

Вот эта смелая декларация Пушкина:

«Издатель „Современника“ не печатал никакой программы своего журнала, полагая что слова: *литературный журнал*³¹ уже заключает в себе достаточное объяснение.

«Некоторые из журналистов почли нужным составить программу нового журнала. Один из них³² объявил, что „Современник“ будет иметь целью — уронить „Библиотеку для Чтения“, издаваемую г. Смирдиным; в „Северной же Пчеле“³³ сказано что „Современник“ будет продолжением „Литературной газеты“, издаваемой некогда покойным бароном Дельвигом.

«Издатель „Современника“ принужден объявить, что он не имеет чести быть в сношении с гг. журналистами, взявшими на себя труд составить за него программу и что он никогда им того не поручал. Отклоняя однако ж от себя цель, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную в „Библиотеке для Чтения“, он вполне признает справедливость объявления, напечатанного в „Северной Пчеле“: „Современник“, по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнения о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением „Литературной Газеты“» (стр. 330—331; XII, 183—184).

Пояснения были излишни: Пушкин действительно не печатал общей программы-декларации своего издания, так как не мог этого сделать по цензурным причинам (отношение журнала к современной литературной продукции было сформулировано в заметке, заключающей раздел «Новые

³⁰ Говоря о «статьях», Пушкин имел в виду не только критические статьи и рецензии Фаддея Булгарина, но и его юмористические очерки и фельетоны. Ср. здесь же (XII, стр. 95), как и в памфлетах 1831 года, отождествление романов Булгарина с романами А. А. Орлова («романы г. г.***»).

³¹ На титуле «Современника» значилось: «Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным».

³² «Библиотека для чтения», 1836, т. XV, апрель, отд. VI, стр. 67—70.

³³ В № 127 от 6 июня 1836 года, стр. 506.

книги» в первом томе «Современника» (стр. 318—319) — и это Пушкин считал достаточным). Программа «Современника» не была декларирована, но она существовала: уже опубликованный в трех томах «Современника» материал служил достаточно убедительным тому доказательством. Последние строки приведенной выше заметки «От редакции» только теоретически обобщали то, что уже было практически сделано в журнале.

Разойдясь с Гоголем в вопросе о программе «Современника», Пушкин не согласился с ним и в некоторых других вопросах далеко не частного порядка, причем в ряде случаев пушкинская точка зрения была близка к точке зрения Белинского. Так, например, полностью соглашаясь с Гоголем в его критике недобросовестности и беспринципности «Библиотеки для чтения», ее стремления всё подчинить наживе,³⁴ Пушкин, в отличие от Гоголя и в полной солидарности с Белинским, считал, что опыт «Библиотеки для чтения» как журнала, который сумел не только привлечь, но и удержать читателей, заслуживает большого внимания.

Белинский в статье «Ничто о ничем», говоря о том, «какими средствами умела она «Библиотека для чтения» поддержать себя во мнении публики», к достоинствам этого журнала (и вообще всякого хорошего журнала) относит, во-первых, полноту и разнообразие журнального материала, во-вторых, истинно журнальный способ его подачи (ясный, простой, доступный способ изложения, занимательность), в-третьих, аккуратность выхода книжек, строгую периодичность журнала (II, 19, 20, 39—41 и др.).³⁵ О редакторе «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковском Белинский отзывался как о человеке, обладающем «качествами, составляющими необходимое условие журналиста»: это «человек умный, ловкий, сметливый, деятельный» (II, 17).

Об этих же положительных «средствах» «Библиотеки для чтения» Пушкин так пишет в «Письме к издателю»: «Он «Сенковский», издает «Библиотеку» с удивительной сметливостью, с аккуратностью, к которой не учили нас гг. русские журналисты. Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему — и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости европейские, и даже за отчет об литературной всячине» (XII, 96—97).

Положительно отзывался Белинский об отделении «Литературная летопись» в «Библиотеке для чтения» за помещение статей, небольших по объему, но живо и остроумно написанных. Белинский указывает, что суждения «Литературной летописи» «часто умные и острые, хотя редко справедливые и добросовестные», что «Литературной летописи» «нельзя

³⁴ Как известно, в этой части статья Гоголя «О движении журнальной литературы» примыкает к статье Белинского «Ничто о ничем», что, между прочим, с удовольствием было отмечено потом Белинским в рецензии на первый том «Современника» в № 7 «Молвы» (II, 181). Примеры недобросовестности «Библиотеки для чтения» приводились также и Пушкиным (см. его рецензию на «Востолу» Виланда в первом томе «Современника», стр. 303—304; XII, 26). Ср. слова Пушкина в письме к Погодину от 31 августа 1827 года: «Издатель журнала должен все силы употребить, дабы сделать свой журнал как можно совершенным, а не бросаться за барышом» (XIII, 341), и в статье «Обозрение обозрений» (1831): «Сословие журналистов есть рассадник людей государственных — они знают это и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью» (XI, 194).

³⁵ Отмечая умение «Библиотеки для чтения» «приноровляться и подделываться» к читателю, Белинский осуждал ее за чрезмерное «приноровление». По мнению Белинского, истинно массовый журнал, удовлетворяя потребностям читателя, должен поднимать читателя до журнала, а не опускаться до читателя (II, 46—47).

отказать в одном, очень важном достоинстве: в ловкости, уменье, знании литературной манеры, в шутовности и часто остроумии» (II, 20, 39).

На это же обратил внимание и Пушкин; он писал в «Письме к издателю»: «Признаюсь, некоторые из веселых разборов, попадающихся в „Библиотеке для Чтения“, тешат меня несказанно, и мне было бы очень жаль, если бы критик предпочел хранить величественное молчание». И здесь же: «Но если публика этого требует непременно, зачем ей не угодить?» (XII, 95—96).³⁶

Наиболее высоко оценивает Белинский научное отделение «Библиотеки для чтения» («Науки и художества»), так как, по его мнению, «в нем встречаются иногда статьи, истинно заслуживающие внимания, истинно прекрасные и любопытные» (II, 34). Далее Белинский отмечает особенно интересные статьи этого отдела, в том числе статью самого Сенковского «Воспоминания о Сирии», статью «интересную, живую, проникнутую чувством», статью «прекрасную» (II, 34). Гоголь, напротив, обвинял Сенковского в том, что о Востоке его «суждения так легковесны», что в его статьях о Востоке нет «ничего нового», «ни одной яркой черты, сильной мысли, гениального предположения» (VIII, 159). И в этой части Пушкин разошелся с Гоголем и согласился с Белинским. Устами тверского корреспондента А. Б. Пушкин так ответил Гоголю:

«Признайтесь, что нападения ваши на г. Сенковского не весьма основательны. Многие из его статей, пропущенных вами без внимания, достойны были занять место в лучших из европейских журналов. В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные» (XII, 96).

Итак, в своих спорах с Гоголем по вопросу о «Библиотеке для чтения» Пушкин использовал суждения Белинского об этом журнале, тем более, что мысли Белинского о журнале, рассчитанном на широкую читательскую аудиторию, были близки самому Пушкину как издателю и журналисту.

В связи с «Письмом к издателю» до сих пор оставалась невыясненной одна существенная деталь: почему Пушкин упрекает Гоголя в том, что он, говоря о «Телескопе», не упомянул имени Белинского,³⁷ когда Пушкину было известно, что Гоголь писал о Белинском в черновой редакции своей статьи.

Прежде всего следует выяснить, почему слова Гоголя о Белинском были исключены из первоначальной редакции статьи и, таким образом, не попали в печать. Правильно решить этот вопрос можно только при учете истории работы Гоголя над статьей.

В первоначальных черновых набросках статьи, которая задумана была как анонимная, о Белинском сказано:

«В критиках Белинского, помещающихся в „Телескопе“, виден вкус, хотя еще необразовавшийся, молодой и опрометчивый, но служащий порукою за будущее развитие, потому что основан на чувстве и душевном

³⁶ О необходимости для журналиста учитывать потребности читателей Пушкин, например, писал М. П. Погодину 31 августа 1827 года (по поводу «Московского вестника»): «Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными... Его <Вяземского> критика пверхностна или несправедлива, но образ его побочных мыслей и их выражения резко оригинальны, он мыслит, сѣдит и заставляет мыслить и смеяться: важное достоинство, особенно для журналиста!» (XIII, 340, 341).

³⁷ Пушкин писал: «Жалею, что вы, говоря о „Телескопе“, не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного» (XII, 97).

убеждении. — При всем этом в них много есть в духе прежней семейственной критики, что вовсе неуместно и неприлично, а тем более для публики» (VIII, 533). И совершенно понятно, что этот отзыв как в его положительной, так и отрицательной части не мог остаться в окончательном варианте статьи, которую решено было опубликовать в журнале за подписью Гоголя. Ведь всего около шести месяцев назад Белинский в своей статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» дал наивысшую оценку творчества Гоголя, сказав, что в настоящее время Гоголь «является главою литературы, главою поэтов; он становится на место, оставленное Пушкиным» (I, 306). В связи с этим похвала Гоголя Белинскому в статье «О движении журнальной литературы» могла быть превратно истолкована врагами Гоголя, а его порицания в адрес Белинского были бы не тактичными по отношению к самому Белинскому.

Вопреки распространенному мнению, что Пушкин будто бы не совсем тактично поступил по отношению к Гоголю, сначала сняв из его статьи имя Белинского, а потом упрекнув Гоголя в умолчании о Белинском, можно предполагать, что абзац о Белинском был снят в окончательном тексте статьи не Пушкиным, а самим Гоголем, причем, возможно, без договоренности с ним. Поэтому Пушкин, помня о суждении Гоголя о Белинском в черновой редакции статьи «О движении журнальной литературы», но не зная, а может быть, просто забыв, что снятие этого абзаца было следствием того, что статью решили печатать не анонимно, а за подписью Гоголя, выразил свое удивление по поводу отсутствия имени Белинского в статье «О движении журнальной литературы».

Возможно, несправедливый в упреках Гоголю, Пушкин был прав, вспомнив Белинского в своем «Письме к издателю», прав как издатель «Современника», не желавший рассматривать статью «О движении журнальной литературы» как программу «Современника». Более положительная, чем у Гоголя, оценка деятельности Белинского Пушкиным и умолчание о Шевыреве в «Письме к издателю» были внутриредакционной полемикой Пушкина со своим сотрудником и отражали различие журнальных позиций Гоголя и Пушкина.

Отношения Гоголя с кругом салонно-аристократического «Московского наблюдателя» к началу 1836 года были довольно сложными: «наблюдатели»-любомудры не поддерживали стремлений Гоголя сделать из «Московского наблюдателя» не светский журнал, а журнал более или менее массового характера; они не приняли в свой журнал повести Гоголя «Нос» и т. д. Это привело к тому, что Гоголь организационно порывает с «Московским наблюдателем», примыкает к «Современнику» Пушкина и считает своим долгом дать в своем обзоре журналов довольно суровую оценку «Московскому наблюдателю», который не сумел оказать должного отпора «Библиотеке для чтения». Гоголь показал, что «Московский наблюдатель» критиковал журнал Сенковского справа, с позиций салонно-аристократических, поскольку он боролся против проникновения денежных отношений в литературу и журналистику и тем самым тормозил демократизацию русской культуры. Но в то же время общественная (и, как следствие, литературно-журнальная) позиция Гоголя не отличалась в эту пору полной определенностью: стихийный демократизм Гоголя в это время заметно осложнялся элементами того дворянско-аристократического мировоззрения, защитниками которого выступали сотрудники «Московского наблюдателя». Уходя из «Московского наблюдателя», Гоголь не порвал все нити, связывающие его с этим изданием; попрежнему он считал «Московский наблюдатель» лучшим журналом, а С. П. Шевырева — ведущим русским критиком.

Всё это нашло отражение в статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и в его рецензиях, предназначенных для «Современника». Так, в обзоре журналов, решительно осудив всех действующих критиков и журналистов, Гоголь исключение делает только для Шевырева. Он пишет: «Справедливость требует упомянуть о критиках Шевырева, как об утешительном исключении... В статьях его везде заметен мыслящий человек, иногда увлекающийся первым впечатлением» (II, 175).³⁸ В рецензии на «Исторические афоризмы Михайла Погодина», напечатанной также в первом томе «Современника», Гоголь, сделав ряд критических замечаний в адрес Погодина (причем в весьма учтивой форме), в то же время чрезвычайно высоко оценил научные заслуги этого второго основного сотрудника «Московского наблюдателя», сказав, что он является первым современным ученым-историком. Таким образом, у Гоголя получилось (хотел он того или нет), что Погодин — первый ученый современности, а Шевырев — первый критик!

В рецензии на «Историю поэзии» Шевырева, написанную для «Современника», но не напечатанную Пушкиным, этот труд Шевырева определен Гоголем как «важное сочинение», «замечательное явление в нашей литературе», созданное «мыслящим, исполненным критическою ума писателем». А о самом Шевыреве сказано так: «Из всех доселе писателей наших, преимущественно занимавшихся критикою, бесспорно Шевырев первый, которого имя останется в летописях нашей литературы» (II, 199).

Белинский не знал, естественно, этого последнего отзыва о Шевыреве, но и то, что было напечатано в первом томе «Современника», заставило его насторожиться. В нашей научной литературе обычно отзыв Белинского о первом томе «Современника» (его статья «Несколько слов о „Современнике“») приводится только с целью показать положительную оценку Белинским журнала Пушкина вообще и статьи «О движении журнальной литературы» в особенности. Белинский действительно очень высоко оценил «Современника» Пушкина; по его мнению, «Современнику» суждено открыть новые пути в развитии русской журналистики, но он строго осудил автора обзора журналов за непоследовательность в оценке «Московского наблюдателя», за чрезмерное восхваление Шевырева. Белинский пишет: «О „Наблюдателе“ сказана сущая правда, почти то же самое, что было сказано и в нашем журнале, только немного посписходительнее. Вообще „Современник“, при всей своей благородной и твердой откровенности, обнаруживает какую-то симпатию к „Наблюдателю“. Например, сказавши, что это журнал безжизненный, чуждый резкого и постоянного мнения, он через несколько страниц приходит в восторг от критик г. Шевырева...» (II, 181). А в ответ на сатования Гоголя о том, что Вяземский не выступает как критик, Белинский иронически замечает: «Что же касается до кн. Вяземского, то избавь нас боже от его критик так же, как и от его стихов...» (II, 183).

К числу наиболее важных возражений Белинского Гоголю относится его несогласие с Гоголем относительно остроты полемики. Гоголь писал: «...положим, для журналиста необходим резкий тон и некоторая даже дерзость (чего, однако ж, мы не одобряем, хотя нам известно, что с подобными качествами журналисты всегда выигрывают в мнении толпы)...» (VIII, 158). Белинский возразил Гоголю: «Мы не почитаем резкости пороком, мы напротив, почитаем ее за достоинство, только думаем, что кто

³⁸ В черновой редакции статьи о Шевыреве говорится, что он один завоевал «авторитет [славу] критиками, заслуживающими в высокой степени назваться замечательными и оригинальными явлениями» (II, 536).

резко высказывает свои мнения о чужих действиях, тот обязывает этим и самого себя действовать лучше других» (II, 183—184).

Рецензия Белинского была напечатана в № 7 «Молвы», который вышел в начале мая 1836 года, когда Пушкин был в Москве. Здесь он, очевидно, и познакомился со статьей Белинского и признал справедливой его критику статьи Гоголя в части оценок «Московского наблюдателя» и Шевырева. Именно об этом свидетельствует письмо Пушкина П. В. Нащокину, отосланное почти сразу по возвращению в Петербург (письмо от 27 мая; Пушкин приехал 23 мая). Пушкин пишет: «Я оставил у тебя два порожних экземпляра Современника. Один отдай кн. Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей, NB) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться» (XVI, 121).

В начале июля 1836 года выходит второй том «Современника» (цензурное разрешение 30 июня), и в № 13 «Молвы» (цензурное разрешение 3 августа) появляется рецензия на него Белинского. Еще в рецензии на первый том «Современника» Белинский указал, что в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» «видны дух и направление нового журнала»; он подчеркнул тогда то положительное, что есть в этом направлении, отметив также некоторые отрицательные моменты, особенно «симпатию к Наблюдателю» и «восторг от критик Шевырева». В заключение Белинский писал: «Но подождем второго номера: он нам даст средство высказать наше мнение о «Современнике» яснее и определеннее...» (II, 180, 181, 184).

Во втором номере «Современника», в котором первое место занимали критические статьи Вяземского (разбор «Ревизора» Гоголя и поэмы Э. Кине, посвященной Наполеону, статья «Наполеон и Юлий Цезарь»), Вяземский, как бы продолжая линию Гоголя, писал о «Московском наблюдателе» в статье о «Ревизоре»: «Нельзя не желать для пользы литературы нашей и распространения здравых понятий о ней, чтобы сей журнал сделался у нас более и более известным. Особенно критика его замечательно хороша. Не выгодно подпасть под удары ее, но по крайней мере оружие ее и нападения всегда благородны и добросовестны».³⁹

И Белинский открыто заявлял, что дух светскости, который уже частично ощущался в первой книжке «Современника», в обзоре журналов, теперь проявился вполне как основная, характерная черта направления журнала; Белинский, конечно, ошибался, когда в пылу полемики всё содержание второго тома свел к светскости и не увидел положительных элементов не только в статьях Вяземского, но и в других материалах журнала. Белинский писал: «Впрочем, это всё бы ничего: остается еще дух и направление журнала. Но, увы! вторая книжка вполне обнаружила этот дух, это направление; она показала явно, что „Современник“ есть журнал „светский“, что это петербургский „Наблюдатель“... Вообще в этих статьях <Вяземского> обнаруживается самая глубокая симпатия к московскому „светскому“ журналу и беспредельное уважение в его критике, что, впрочем, и неудивительно: свой своему поневоле брат» (II, 234, 237).

Поэтому, когда Пушкин в «Письме» А. Б. в третьем томе «Современника», упрекнув Гоголя в умолчании имени Белинского, сам высказался о Белинском, причем очень положительно, он, во-первых, отвечал не только Гоголю, но и Вяземскому, а в его лице — всем своим бывшим друзьям и союзникам по «Московскому наблюдателю», во-вторых, подчеркивал, что статья «О движении журнальной литературы» для него не была программой

³⁹ «Современник», 1836, т. II, стр. 289 (сноска).

в части «симпатии» к «Наблюдателю», и, в-третьих, это выступление Пушкина по существу оформляло организационное единение Пушкина и Белинского. Ведь не случайно, что Пушкин в это же самое время ведет переговоры с Щепкиным и Нащокиным о приглашении Белинского в «Современник» (письмо Пушкина с приглашением Белинского до нас не дошло, но, очевидно, оно было послано в конце сентября—начале октября 1836 года, так как ответ Нащокина относится к концу октября 1836 года; третий том «Современника» вышел в начале октября).⁴⁰

В третьем томе «Современника»⁴¹ Пушкин, с одной стороны, выступает с решительной и смелой защитой Белинского от выпадов реакционера М. Е. Лобанова,⁴² а с другой — подчеркивает аристократические тенденции в критике Шевырева. Так, имея в виду отрицательный отзыв Шевырева на сочинение Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» в «Московском наблюдателе» (1836, ч. VI, стр. 91—98), Пушкин в своей рецензии на эту же книгу в третьем томе «Современника» так выговаривал Шевыреву:

«Неужели Сильвио Пеллико имеет нужду в извинении?.. Неужели, если б она [книга Пеллико] была написана в тишине Фиваиды или в библиотеке философа, а не в грустном уединении темницы, недостойна была бы обратить на себя внимание человека, одаренного сердцем?» (XII, 100).

В связи с решительным отмежеванием Пушкина от «наблюдателей» и с его ориентацией на Белинского нужно, очевидно, рассматривать и третью редакционную заметку в третьем томе «Современника». Известно, что еще в первом томе журнала Гоголь, начиная отдел «Новые книги», сделал следующее примечание: «Книги, означенные звездочками, будут впоследствии разобраны».⁴³ Такие звездочки в первом томе были поставлены при трех книгах (в первом варианте первого тома — при пяти), во втором — при четырех, в третьем — при девяти, в четвертом — при одиннадцати.

Отвечая Гоголю, Пушкин в третьем томе «Современника» делает следующее заявление: «Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатанием первых двух нумеров своего журнала; вкрались некоторые ошибки, и одна довольно важная, происшедшая от недоразумения: публике дано обещание, которое издатель ни в каком случае не может и не намерен исполнить — сказано было в примечании к статье: *Новые книги*, что книги, означенные звездочкою, будут современем разобраны. В списке вновь

⁴⁰ Все приведенные выше цитаты из «Письма к издателю», безусловно, выражают мнение Пушкина, т. е. точка зрения А. Б. полностью совпадает с пушкинской. По-пушкински, т. е. совершенно точно, понял А. Б. и композицию статьи Гоголя, который рассматривал все современные журналы (и группировал их) только по одной линии — ведут или не ведут эти издания борьбу с «Библиотекой для чтения». Пушкинский голос звучит и в других частях «Письма» (например, в суждениях о разговорном и письменном языке, в наблюдениях над распространением повестей и т. д.). Но Пушкин в некоторых случаях (их, кстати, немного) как бы отделяет себя от А. Б., предоставляет ему полную самостоятельность на бесконтрольные со стороны Пушкина высказывания, которые сразу обнаруживают истинное лицо провинциального читателя, не способного сделать правильные обобщения (так, например, совершенно примитивно выставлена программа обвинений Сенковского Гоголем по «пяти пунктам»). Это, конечно, было продиктовано необходимостью сохранить нужную мистификацию.

⁴¹ Во всех известных нам экземплярах третьего тома «Современника» на обороте титула, в тексте цензурного постановления, отсутствует точная дата цензурного разрешения: указан только месяц (сентябрь) и пропущено число (сказано: «...Сентября, 1836»). Согласно «Реестру печатных книг по Санктпетербургскому цензурному комитету в 1836 году» третий том «Современника» прошел цензуру 28 сентября 1836 года (см. ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, № 29, л. 44).

⁴² Об этом см.: «Литературное наследство», т. 56, 1950, стр. 233.

⁴³ «Современник», 1836, т. I, стр. 296 (сноска).

вышедшим книгам звездочкою означены были у издателя те, которые показались ему замечательными, или которые намерен он был прочитать: но он не предполагал отдавать о всех их отчет публике: многие не входят в область литературы, о других потребны сведения, которых он не приобрел» (стр. 331—332; XII, 184).

Здесь Пушкин сознательно допустил некоторые неточности. Во-первых, известно, что Пушкин принимал самое деятельное участие в подготовке к печати «Современника», в особенности первого тома (XVI, 89, 91, 92 и др.); во-вторых, если бы Пушкин в свое время был против такого заявления Гоголя, оно могло быть тогда же снято, так как эта страница «Современника» была переверстана. Очевидно, решение не рецензировать отмеченные книги Пушкин принял позже, когда окончательно определялась позиция его журнала, и в первую очередь по отношению к сотрудникам и сторонникам «Московского наблюдателя» в частности, к Шевыреву.

В числе книг, отмеченных Гоголем звездочкой, была «История поэзии» Шевырева; сам Гоголь заготовил для первого тома «Современника» восторженный отзыв, в котором обещал читателям дать в следующем томе «обстоятельный разбор этого важного сочинения» (VIII, 199). Пушкин не поместил отзыва Гоголя в первом томе; но, возможно, не желая обострять отношений с Гоголем, звездочку при книге Шевырева оставил. На звездочку при книгах в первом томе «Современника» обратил внимание Белинский, и, очевидно, имея в виду прежде всего звездочку при «Истории поэзии» Шевырева, он иронически замечал в отзыве на первый том «Современника»: «А разве вы не знаете, как неживуши, как недолговечны наши книги? Им не помогут и ваши звездочки, потому что они рождаются, по большей части, под несчастною звездою» (II, 179). Для Пушкина как издателя создалось довольно сложное положение: хвалить книгу Шевырева в журнале он не хотел, так как это могло дать передовой критике, и в первую очередь Белинскому, дополнительный повод обвинить «Современник» в светскости и аристократизме, т. е. в том, что было чуждо Пушкину как издателю; поместить же отрицательный отзыв на «Историю поэзии» Пушкин не мог, так как никто из сотрудников «Современника» на это бы не пошел, да и у самого Пушкина в это время не было еще достаточно критического отношения к книге Шевырева: в своем кратком конспекте «Истории поэзии» Пушкин определяет ее как «явление утешительное, книгу важную» (XII, 65). Чтобы выйти из сложного положения, Пушкину ничего не оставалось, как дать иное истолкование значению звездочек; при таком решении вопроса «История поэзии» Шевырева попадала в разряд книг, «которые показались ему <издателю> замечательными или которые намерен он был прочитать» (XII, 184).

Но почему Пушкин так задержался со своим ответом Гоголю? Почему он не напечатал своего «Письма к издателю» во втором томе (который был подготовлен во второй половине июня),⁴⁴ а только сообщил в редакционной заметке: «Статья, присланная нам из Твери за подписью А. Б., не могла быть напечатана в сей книжке по недостатку времени» (стр. 312; XII, 183). Было ли «Письмо» А. Б. действительно написано к этому времени? И, наконец, почему, напечатав письмо только в третьем томе (который вышел в начале октября), Пушкин сделал под ним помету: «Тверь. 23 апреля 1836»?

⁴⁴ Цензурное разрешение второго тома — 30 июня, билет на выпуск в свет был выдан 3 июля (см. Центральный Гос. исторический архив в Ленинграде, ф. 777, оп. 27, № 29, л. 30).

Тверь — это, конечно, литературно-географическая мистификация: указание, что письмо пришло из провинции, но провинции литературной (в этом отношении Тверь могла быть заменена любым другим крупным провинциальным городом — Саратовом, Воронежом и т. д.). Но точная датировка, надо полагать, сделана Пушкиным не случайно.

Нужно было создать впечатление, что «Письмо» написано сразу по ознакомлении с журналом, под свежим впечатлением, притом еще до появления рецензий профессиональных журналистов (первой была рецензия Белинского в № 7 «Молвы», который прошел цензуру 31 апреля).⁴⁵ Пушкину важно было подчеркнуть, что суждение о статье Гоголя сделано рядовым читателем совершенно самостоятельно, так сказать, с чисто читательской точки зрения; подчеркнуть это для того, чтобы дать себе право резко отмежеваться от истолкования Гоголем программы «Современника» (ср.: «С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б., нахожусь в необходимости дать моим читателям некоторые объяснения»). Под «Письмом» была поставлена дата, предшествующая появлению рецензии Белинского на первый том «Современника» еще и для того, чтобы враги Пушкина не обвинили его в том, что он похвалил Белинского после появления положительного его отзыва на первый том «Современника».

Было ли написано «Письмо к издателю» еще в июне и можно ли верить свидетельству Пушкина, что оно уже находится в портфеле редакции?

Вероятно, «Письмо» действительно было написано для второй книжки «Современника», но не было напечатано не «по недостатку времени», как сообщает Пушкин, а по другим причинам: Пушкин не считал удобным помещать свое письмо в одном томе с рецензией Вяземского на постановку «Ревизора», с той рецензией, в которой Вяземский вознес до небес «Московский наблюдатель» и совершенно уничтожающе отозвался о Белинском. Напротив, «Письмо» А. Б. композиционно более подходило к третьему тому, тем более, что к этому времени Пушкин занял более твердую и определенную позицию по отношению к своим основным сотрудникам.

2

В 1914 году П. Столпянский обратил внимание на статью «Несколько слов о „Современнике“», напечатанную без подписи в № 86 «Северной пчелы» за 1836 год (от 17 апреля).⁴⁶ Статья была посвящена защите «Современника» Пушкина от грубых нападок «Библиотеки для чтения».

Опираясь на свидетельство Булгарина и сделав ряд сопоставлений (преимущественно стилистического характера), Столпянский пришел к выводу, что автором указанной статьи был Пушкин и что ее, таким образом, «необходимо внести в Полное собрание сочинений Пушкина даже в том случае, если неизвестна авторская рукопись этой статьи».⁴⁷

Несмотря на то, что некоторые доводы Столпянского заслуживали внимания, они остались вне поля зрения последующих исследователей; на них не ссылались и в то же время их не оспаривали — о них просто забыли.

⁴⁵ Рецензия Булгарина на первый том «Современника» была напечатана в №№ 127, 128, 129 «Северной пчелы» от 6, 8 и 9 июня. В рецензии на третий том «Современника» Булгарин пытался доказать, что «Письмо» А. Б. написано под влиянием рецензии «Северной пчелы»; он пишет: «В третьей книжке „Современника“ некто господин А. Б. напечатал статью такого же содержания, как статья «Северной пчелы», с подписью «Ф. Б.» («Северная пчела», 1836, № 255, 6 ноября, стр. 1019).

⁴⁶ П. Столпянский. Пушкин и «Северная пчела». «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX, 1914, стр. 119, 179—190.

⁴⁷ Там же, стр. 184.

Попрежнему считали, что автором статьи в «Северной пчеле» был Булгарин или один из его сотрудников, которые почему-то решили защищать журнал Пушкина.

Первый о статье Столянского напомнил В. В. Гиппиус в 1931 году, но с тем, чтобы не согласиться (впрочем, без всяких доказательств) с его утверждением о принадлежности статьи Пушкину. Так, к своим словам: «Булгарин же был готов защищать Пушкина от Сенковского» В. В. Гиппиус даёт следующее примечание: «Предположение П. Столянского о собственной статье Пушкина, напечатанной в «Северной пчеле» в защиту от Сенковского (Пушк. и его совр. XIX—XX, стр. 179—189) — аргументировано недостаточно, но самый факт защиты «т. е. защиты Булгаринным» сохраняет свое значение». ⁴⁸

Очевидно, это примечание в статье В. В. Гиппиуса дало повод А. Г. Фомину в его «Пушкиниане» зарегистрировать статью «Несколько слов о „Современнике“» в разделе «Сочинения, приписанные ошибочно Пушкину», но, отвергнув авторство Пушкина, Фомин даже предположительно не указал на имя истинного автора статьи в «Северной пчеле». ⁴⁹

Прежде чем рассматривать доводы П. Столянского, необходимо отметить некоторые обстоятельства, которые предшествовали и обусловили помещение названной статьи в «Северной пчеле».

Первый том своего «Современника» Пушкин предполагал выпустить в конце марта 1836 года: в «Прибавлениях» к №№ 42 и 49 «Санктпетербургских ведомостей» (от 22 февраля и 1 марта 1836 года) от книгопродавцов Лисенкова и Глазунова было объявлено, что первый том «Современника» выйдет «к 1-му апреля».

Известно, что еще раньше, только узнав о намерении Пушкина издавать журнал, Смирдин и Сенковский предлагали Пушкину 15 тысяч отступного. Несмотря на выгодность этого предложения, Пушкин, испытывавший в это время сильные материальные затруднения, отказался от него, решив, несмотря ни на что, издавать журнал. ⁵⁰

Это решение Пушкина сразу усилило внимание к нему Сенковского, который старался любым способом очернить поэта в глазах читателей. Уже в первом номере «Библиотеки для чтения» за 1836 год (т. XIV, отд. VI, стр. 33—34) Сенковский обвинил Пушкина в явной недобросовестности — будто Пушкин хотел присвоить себе чужую собственность, издав «Востолу» Виланда, переведенную неким «бедным литератором» (Е. П. Люценко), без указания имени переводчика. Сенковский буквально глумился над Пушкиным, и глумление его имело некоторый резонанс в обществе, что глубоко огорчало поэта. ⁵¹

Когда же из объявлений в газетах стало известно, что «Современник» Пушкина, несмотря на все происки его врагов, увидит свет, Сенковский решил применить по отношению к нему свою излюбленную тактику — решил заранее, еще до выхода «Современника» из печати, начать поход

⁴⁸ В. В. Гиппиус. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. «Ученые записки Пермского Гос. университета, Отдел общественных наук», вып. II, 1931, стр. 110.

⁴⁹ А. Г. Фомин. Puschkiniana. 1911—1917. Изд. Академии Наук СССР, 1937, стр. 89, 436.

⁵⁰ См. письмо Пушкина к П. В. Нащокину от начала января 1836 года (XVI, 73).

⁵¹ Известна история со знакомым Пушкина С. С. Хлюстиным, возмутительное поведение которого (он, по словам Пушкина, повторял «нелепости свиней и мерзавцев») едва не привело к дуэли (см. переписку Пушкина с Хлюстиным от февраля 1836 года, XVI, 79—82, 379—381). Самому Сенковскому Пушкин ответил в своей рецензии на «Востолу» в первом томе «Современника» (XII, 26).

против нового издания.⁵² Так, в апрельском номере «Библиотеки для чтения» (раздел «Литературная летопись. Разные известия», стр. 67—70) была помещена возмутительная по своему тону заметка Сенковского, направленная против Пушкина как издателя будущего журнала «Современник». Написана заметка была не только до выхода «Современника» в свет, но даже до получения на него цензурного разрешения (цензурное разрешение апрельского номера «Библиотеки для чтения» — 27 марта, а первого тома «Современника» — 31 марта).

Сенковский заявляет: «Таким образом, пока еще не вышел первый номер „Современника“, она «Библиотека для чтения» считает себя в праве, не выходя из своих обыкновений, сказать то, что думает о предпрятии А. С. Пушкина по прочтении его программы» (стр. 68). Но «прочитать» программу «Современника» в печати Сенковский никак не мог, так как ни в одном из газетных объявлений о «Современнике» о программе будущего издания ничего не говорилось.⁵³ Характер же истолкования Сенковским программы «Современника» не вызывает никаких сомнений в том, что редактору «Библиотеки для чтения» каким-то способом удалось узнать, что в первом томе «Современника» будет напечатана статья о современных русских журналах, в которой больше всего достается «Библиотеке для чтения». Сенковскому осталось неизвестным авторство Гоголя, и он приписал статью Пушкину. Эту статью Сенковский определил как программную, сведя программу «Современника» к борьбе с «Библиотекой для чтения». Сенковский писал: «... этот журнал, или этот альманах, учреждается нарочно против „Библиотеки для чтения“, с явным и открытым намерением — при помощи божией уничтожить ее в прах. Что тут таиться! Угрозы раздались уже в наших ушах: и вот мы сами добродушно спешим известить публику, что на нас готовится туча» (стр. 67). В выражениях далеко не добродушно тона Сенковский старается доказать, что Пушкин якобы из зависти к «цветущему состоянию» «Библиотеки для чтения» решил приступить к изданию «бранно-периодического альманаха», погрузиться в «грязное бездонное болото», в журнальную полемику, этот «самый низкий и отвратительный род прозы, после рифмованных пасквилей». Сенковский дошел даже до гневных угроз в адрес Пушкина: «Берегитесь, неосторожный гений», — предостерегающе восклицал редактор «Библиотеки для чтения» (стр. 67, 69).

Своей заметкой Сенковский сделал по Пушкину и по изданию сразу два выстрела. С одной стороны, Сенковский обращал внимание правительства и цензуры на политическую неблагонадежность издателя «Современника» (упоминание о «рифмованных пасквилях», т. е. об эпиграммах Пушкина и его сатире «На выздоровление Лукулла»); с другой стороны (и это Сенковскому было не менее, если не более важно), он пытался подорвать авторитет Пушкина как поэта и издателя, дискредитировать «Современник», уронить его в глазах будущих читателей, в конечном счете — лишить новый журнал подписчиков и, таким образом, сохранить собственное благополучие.

⁵² Год назад подобная тактика была применена Сенковским по отношению к «Московскому наблюдателю». По этому поводу Гоголь писал в статье «О движении журнальной литературы»: «Но уже один слух о новом журнале возбудил негодование „Библиотеки для чтения“ и подвинул ее к неожиданному поступку: она уверяла своих читателей и подписчиков с необыкновенным жаром, что новый журнал будет бранчивый, и неблагонамеренный» (VIII, 166).

⁵³ К этому времени объявления о «Современнике» были помещены: в «Северной пчеле» (1836, № 27, 3 февраля), в «Московских ведомостях» (1836, № 13, 12 февраля, стр. 272) и в «Санкт-Петербургских ведомостях» (1836, №№ 35, 42 и 49, 14 и 22 февраля и 1 марта, стр. 284, 242, 406).

Судьба «Современника» оказалась под угрозой, тем более, что заметка Сенковского появилась перед самым выходом в свет журнала Пушкина, очевидно, около первого апреля, когда уже отпечатывался тираж «Современника»⁵⁴ и когда должна была развернуться подписка на него. Осложняло дело и то обстоятельство, что у «Библиотеки для чтения» была большая читательская аудитория (пять тысяч подписчиков), что, как справедливо отмечал Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», «мнения „Библиотеки для чтения“ разносились в таких слоях общества, где даже не слышали, существуют ли „Телескоп“ и „Литературные прибавления“», что «большая часть подписчиков <«Библиотеки для чтения»> были люди новые, дотоле не знавшие журналов, следственно, принимавшие всё за чистую истину...» (VIII, 165—166).

Для того чтобы предотвратить срыв подписки на журнал, Пушкину нужно было срочно нейтрализовать то невыгодное впечатление о «Современнике», которое могло создаться после опубликования заметки Сенковского. В каком периодическом издании следовало поместить опровержение? Очевидно, для большей эффективности в таком, который по количеству читателей не уступал бы «Библиотеке для чтения». Таким изданием была только «Северная пчела», имевшая тогда до четырех тысяч подписчиков. Не даром Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» писал, что тогда «единственные глашатаи вестей были... „Северная пчела“ и „Библиотека для чтения“» (VIII, 167).

Только опасение за судьбу своего журнала могло заставить Пушкина обратиться к услугам «Северной пчелы». Статья в № 86 «Северной пчелы» от 17 апреля 1836 года под заглавием «Несколько слов о „Современнике“» и есть вынужденная оборона Пушкина, причем на страницах издания, ему не менее враждебного, чем «Библиотека для чтения», но с которым ему, в силу обстоятельств, нужно было заключить временное (хотя бы на неделю — до выхода первого тома «Современника») соглашение.

Это было остроумный тактический ход со стороны Пушкина: прося «Северную пчелу» поместить отповедь «Библиотеке для чтения», Пушкин выступал будто бы как «союзник» «Северной пчелы», у которой в эту пору наметились трения с «Библиотекой для чтения».⁵⁵ Эта тактическая позиция «союзника» предохраняла журнал Пушкина от возможного выпада со стороны Булгарина, который с не меньшей враждебностью, чем Сенковский, относился к стремлению Пушкина издавать собственный журнал. Пушкин прекрасно понимал, что ответ Сенковскому нужно поместить в «Северной пчеле» незамедлительно, до того, как Булгарин ознакомиется с первым томом «Современника», в котором, в частности в статье «О движении журнальной литературы», в адрес «Северной пчелы» и лично Булгарина было обращено чрезвычайно много обвинений и острых замечаний.

Замысел Пушкина осуществился в самом благоприятном для него варианте, так как статья в «Северной пчеле» появилась весьма своевременно — почти одновременно с объявлением о продаже первого тома «Современника», т. е. оказалась как бы рекламой для журнала Пушкина.

Позволительный билет на выпуск в свет первого тома «Современника» был получен в Санкт-Петербургском цензурном комитете 9 апреля

⁵⁴ Позволительный билет на выпуск в свет апрельской книжки «Библиотеки для чтения» Санкт-Петербургским цензурным комитетом выдан 29 марта 1836 года (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, № 29, л. 16).

⁵⁵ О полемике «Северной пчелы» с «Библиотекой для чтения» и о мелочности и ничтожности поводов для этой полемики см., например, в статье Белинского «Ничто о ничем» (II, 17).

1836 года,⁵⁶ причем, как можно предполагать, в этот день тиражные экземпляры еще не были готовы, и в цензуру были отправлены требуемые экземпляры не во втором варианте, по которому печатался весь тираж, а в первом;⁵⁷ в противном случае Вяземский послал бы в этот день А. И. Тургеневу в Париж книжку «Современника», а он ему писал, напротив, в письме от 8 апреля (среда) 1836 года: «Жаль что не успею отправить к тебе первую книжку «Современника»: она выйдет в субботу <т. е. 11 апреля>, а курьер едет завтра, в четверг».⁵⁸

Во всяком случае, извещение о том, что «Современник» вышел из печати и поступил в продажу, появилось только 15 апреля 1836 года. Так, в «Прибавлениях» к № 82 «Санкт-Петербургских ведомостей» от 15 апреля (стр. 718) помещено извещение от книгопродавцов Глазунова и Заикина о том, что первый том «Современника» вышел из печати и выдается подписчикам; здесь же сообщалось о продолжении подписки в книжной лавке братьев Заикиных. На особом листе, приложенном к этому номеру «Санкт-Петербургских ведомостей», крупным шрифтом напечатано «Объявление» о поступлении в продажу первого тома «Современника» (с перепечаткой оглавления).

Это объявление перепечатано на следующий день, 16 апреля, в № 85 «Северной пчелы» (стр. 338; цензурное разрешение № 85, 15 апреля).

А еще через день, 17 апреля 1836 года, вышел № 86 «Северной пчелы» (цензурное разрешение 16 апреля), в котором была напечатана статья «Несколько слов о „Современнике“» (стр. 341—344) со следующим подстрочным примечанием от издателей — Булгарина и Греча: «Эта статья получена была нами до выхода в свет первой книжки „Современника“. Изд.». Примечание носило разъяснительный характер: ведь «Современник» уже вышел, о чем накануне сообщала сама же «Северная пчела», а в статье о «Современнике» говорилось как о журнале, который еще не вышел. В то же время очевидно, что Булгарин еще не видел пушкинского журнала и не читал статьи Гоголя, в противном случае он ни за что не поместил бы статью, защищающую «Современник».

Кто же был автором этой статьи? Пушкин ли, как доказывал в свое время Столпянский? А может быть, статья вышла из редакции «Северной пчелы» и написана была самим Булгариным или кем-нибудь из его сотрудников? Или она была прислана посторонним человеком?

Для ответа на эти вопросы следует прежде всего рассмотреть аргументы П. Столпянского. Самый важный аргумент — это свидетельство Булгарина. В № 129 «Северной пчелы» от 8 июня 1836 года в рецензии на первый том «Современника» Булгарин, возражая автору статьи «О движении журнальной литературы», сравнившему «Северную пчелу» с корзиной, в которую каждый бросает что придется, писал: «Но если б у нас не было в литературе такой корзины... то в литературе нашей водворилась бы вредная для ее успехов монополия и оскорбленный автор не имел бы места, где поместить свою защиту. Этим правом воспользовался

⁵⁶ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 27, № 29, л. 16 об.

⁵⁷ В. Г. Березина. Новые материалы о статье Гоголя «О движении журнальной литературы» в 1834 и 1835 году». В книге: Н. В. Гоголь, Статьи и материалы, 1954, стр. 85.

⁵⁸ К биографии А. С. Пушкина, вып. 11, М., 1885, стр. 63. — Тиражные экземпляры «Современника» (если не все, то некоторые) были, очевидно, действительно готовы в субботу, 11 апреля; но 12-го (воскресенье) типография не работала, и, таким образом, даже близкие к редакции люди могли получить эти экземпляры не раньше 13 апреля. Например, Вяземский, посылая И. И. Дмитриеву первую книжку «Современника» 13 апреля, сообщал, что она только что вышла («Русский архив», 1868, № 4 и 5, стб. 647). Можно не сомневаться, что с посылкой тома «Современника» Булгарину не торопились.

и сам издатель „Современника“, напечатав в „Пчеле“ защиту свою противу обвинений „Библиотеки для чтения“» (стр. 516). Истолковав слова Булгарина «защиту свою» как «статью свою», Столпянский категорически высказался за авторство Пушкина.

Далее, чтобы еще более подкрепить свою точку зрения, исследователь делает ряд сопоставлений данной статьи с другими высказываниями Пушкина, причем все эти сопоставления настолько неубедительны, что нет никакой необходимости их опровергать (таковы, например, сопоставления с редакционной заметкой «Издатель „Современника“ не печатал...», с «Памятником», с отдельными высказываниями Пушкина по вопросам журнальной полемики). Ничего не прибавляют и параллели стилистического характера. Приведа три выражения из статьи (в том числе выражение «литературная совесть»), Столпянский замечает: «это вполне пушкинский оборот речи»,⁵⁹ но никак этого не доказывает.

Напротив, некоторые мысли и формулировки автора статьи в «Северной пчеле» как будто противоречат категорическому утверждению Столпянского об авторстве Пушкина. Так, например, о Пушкине в статье неоднократно говорится в третьем лице, причем очень положительно, как о человеке, «коего имя, по крайней мере для русского, имеет в себе нечто симпатическое с любовью и гордостью народною» (стр. 344).⁶⁰ Можно не сомневаться, что этих слов Пушкин сам о себе не напечатал бы нигде, тем более в реакционной болгарской газете.

Кроме того, характеристика допустимой в журналах критики и полемики дается в статье с точки зрения условной «благовоспитанности» и ничего общего не имеет с теми требованиями, которые предъявлял к журнальной критике и полемике Пушкин. Например, автор статьи пишет: «В полемике, также как в самых жарких словесных спорах между людьми образованными и благовоспитанными, невидимую руку и высшим чувством приличия сохраняется мера, за которую переступить не следует; так и в письменных и журнальных спорах есть литературная совесть, предписывающая свои законы. У людей же другого образования и другой натуры и в самых хладнокровных разговорах срываются с языка и с пера выражения грубые, площадные, оскорбительные для утонченного вкуса и чистого нравственного чувства! Напротив, полемика, удержанная в законных границах, есть необходимая стихия журнала» (стр. 343). Пушкин был решительно против такого подхода к полемике. Например, в «Письме к издателю „Литературной газеты“» он писал: «Вы поминутно говорите о приличии, но позволите дать заметить, что и Литературная Газета, стараясь быть равно учтива и важна в отношении ко всем книгам, ею разбираемым, без сомнения погрешила бы противу правил приличия» (XI, 132; ср. 193). Или, например, в «Письме к издателю»: «Неужто журналисту надлежит соблюдать один и тот же тон в отношении ко всем книгам, им разбираемым? Разница — критиковать „Историю Государства Российского“ и романы г.г. *** и пр. Критик, стараясь быть всегда равно учтивым и важным, без сомнения, погрешает противу приличия» (XII, 95).

Следовательно, приписывать статью в «Северной пчеле» лично Пушкину оснований нет. Слова же Булгарина о том, что Пушкин воспользовался «Северной пчелой», чтобы напечатать «защиту свою» против Сен-

⁵⁹ «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX, 1914, стр. 188.

⁶⁰ Ср. также: «Имя Пушкина так известно у нас, что в одном имени его заключается программа журнала, который он издавать намерен»; или: «Библиотека для чтения» «позволяет себе... наносить оскорбление писателю, которого она сама именует поэтическим гением первого разряда» (стр. 342, 344).

ковского, могли обозначать только то, что статья или была передана Булгарину Пушкиным, который не считал нужным объяснять Булгарину, кто написал статью, или была написана кем-нибудь из людей, близких редакции «Современника», и принята в «Северную пчелу» по просьбе Пушкина.

О том, что статья не принадлежала Булгарину и его сотрудникам, а поступила «со стороны», свидетельствует примечание к ней: «Эта статья получена была нами до выхода в свет первой книжки „Современника“. Изд.».

Содержание статьи позволяет сделать бесспорное утверждение, что она вышла из редакции «Современника». Вся статья написана в тонах редакционного опровержения. Если не Пушкин, то только самый осведомленный член редакции «Современника» мог взять на себя право писать, например, следующее:

«Для успокоения встревоженного воображения в одних и для объяснения другим скажем несколько слов о сем предмете, которые, на всякий случай, могут служить некоторою действительною программю Современнику, если речь зашла о мнимой программе. Имя Пушкина так известно у нас, что...»; или: «критик <„Библиотеки“>... написал несколько страниц самой заносчивой полемики в запасный ответ на то, что никем не сказано, но, может быть, некогда будет сказано в Современнике» (стр. 342, 343).

В это время самым осведомленным и активным сотрудником редакции «Современника» был В. Ф. Одоевский. Одоевский принимал самое деятельное участие в подготовке и издании первого тома «Современника» (см. переписку с ним Пушкина за февраль—март 1836 года; XVI, 89, 91), так что он имел все основания шуточно заметить Пушкину в записке от 10-х чисел марта 1836 года: «За все труды я Вас как издателя прижимаю и требую баночку шиповника» (XVI, 93).⁶¹

Следует учесть также, что Одоевский в 1836 году был связан с издателями «Северной пчелы» деловыми отношениями: он редактировал музыкальный отдел «Энциклопедического лексикона», главную редакцию которого возглавлял в это время Греч; кроме того, Одоевский в 1836 году эпизодически сотрудничал в «Северной пчеле».⁶² Поэтому наиболее естественно было, чтобы именно он поместил статью в «Северной пчеле».

С защитой «Современника» от нападений реакционной критики Одоевский выступал неоднократно. Так, осенью 1836 года он написал свою острую полемическую статью «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», которая тогда благодаря своей остроте не могла быть напечатана.⁶³

Сопоставление этих двух статей окончательно убеждает, что автором статьи «Несколько слов о „Современнике“» был В. Ф. Одоевский.

Автор статьи в «Северной пчеле» говорит о Пушкине как о гениальном поэте, как о народной гордости. То же и в статье Одоевского: «Пушкин, эта радость России, наша народная слава, Пушкин, которого стихи знает наизусть и поет вся Россия, которого всякое произведение есть важное событие в нашей литературе, которого читает ребенок на коленях

⁶¹ О реальной, деловой помощи Одоевского по изданию второго тома «Современника» см.: «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 131—132.

⁶² Об участии Одоевского в 1836 году в «Северной пчеле» свидетельствует письмо к нему Н. И. Греча от 2 декабря 1836 года (Рукописное отделение Гос. Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 443, л. 1).

⁶³ Напечатана впервые в «Русском архиве» (1864, № 7 и 8, стб. 824—831). О других журнальных выступлениях Одоевского в защиту Пушкина и его журнала см. ниже в статье Р. Б. Заборовой «Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине».

матери, и ученый в кабинете...» (стб. 827). В статье в «Северной пчеле» сказано, что «в одном имени его «Пушкина» заключается программа журнала» (стр. 342); и Одоевский, рассмотрев современные периодические издания, пишет: «Такое ли направление Пушкин должен поддерживать своим именем? Тщетные замыслы!» (стр. 830). Автор статьи «Несколько слов о „Современнике“» справедливо «успокаивает» Сенковского: «Можно утвердительно сказать, что тот, кто подписывается на Библиотеку для чтения из того именно, что в ней преимущественно печатаются статьи Брамбеуса, тот не подпишется на Современника из того именно, что в нем будет преимущественно Пушкин. Два вкуса столь разнородные, две умственные потребности столь противоположные не могут вместиться в одном читателе» (стр. 342). У Одоевского: «Да что вам и нужды до этого; печатайте, издавайте, никто вам не мешает; вы имеете свой круг читателей, людей, которые вам удивляются, свои олтари, довольствуйтесь ими — книга Пушкина <„Современник“> не отобьет у вас читателей...» (стб. 830).

П. Столянский утверждал, что употребленное в статье «Северной пчелы» выражение «литературная совесть» могло быть «достоянием одного Пушкина». ⁶⁴ Однако и Одоевский употреблял это выражение: в статье «О нападениях...» он писал о «литературной и ученой совести» Пушкина. Одоевский пишет также, что Пушкин «был поражен печальной картиною нашей литературной расправы, — ее площадною бранью, ее коммерческим направлением» (стб. 825); о площадной брани («выражения грубые, площадные, оскорбительные для утонченного вкуса») говорится и в «Северной пчеле» (стр. 343).

Следовательно, статья «Несколько слов о «Современнике» принадлежит Одоевскому. Пушкин, очевидно, сам поручил Одоевскому напечатать ответ Сенковскому в «Северной пчеле»; вполне возможно, что статья писалась под свежим впечатлением от прочтения апрельского номера «Библиотеки для чтения» и была в рукописи известна Пушкину, уехавшему из Петербурга 8 апреля, после того, как все осложнения по вынужденной переверстке первого тома «Современника» были сделаны.

По возвращении в Петербург 24 апреля Пушкин удостоверился, что все его распоряжения по первому тому «Современника» выполнены: Краевский, который отвечал за техническое оформление журнала и наблюдал за типографией, обеспечил быструю переверстку тома и отпечатание тиража, а Одоевский во-время опубликовал свою статью о «Современнике» в «Северной пчеле».

Поэтому по приезде в Петербург Пушкин сразу же поехал на квартиру Краевского, а не застав его дома, на другой день послал ему следующую записку: «Вчера был я у Вас и не имел удовольствия застать Вас дома. Завтра явлюсь к Вам поутру. Не имею слов для изъявления глубочайшей моей благодарности — Вам и князю Одоевскому. До свидания весь Ваш А. П.» (XVI, 107).

Однако вскоре выяснилось, что статья Одоевского не произвела ожидаемого впечатления: в периодических изданиях продолжали говорить о статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» как о программной статье «Современника». Тогда Пушкин выступил в третьем томе «Современника» со своим «Письмом к издателю», в котором решительно заявил, что борьба с «Библиотекой для чтения» не является программой его журнала.

⁶⁴ «Пушкин и его современники», вып. XIX—XX, стр. 188.

20 Пушкин. Материалы и исследования.

3

Обнаруженный в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина экземпляр первого тома «Современника» отличается от экземпляров, до сих пор известных, в частности, и тем, что в нем отсутствует заключительная заметка к разделу «Новые книги». Это дает основание утверждать, что заметка была написана и включена в том позже, уже после получения цензурного разрешения, т. е. после 31 марта 1836 года.

Для того чтобы поместить эту заметку, не нарушая внешнего вида тома (то же количество страниц и расположение строк на последней, 319-й странице), пришлось переверстать страницы 296—319, в результате чего и удалось сэкономить нужные для помещения заметки 22 строки журнального набора.⁶⁵

Необходимость в помещении этой заметки диктовалась, очевидно, тем, что в журнале не было редакционной статьи, а статью Гоголя «О движении журнальной литературы» Пушкин не считал статьей редакционной, вопреки мнению Сенковского, выступление которого в самом начале апреля 1836 года в «Библиотеке для чтения» и вызвало, нужно думать, появление данной заметки в «Современнике».

Кем же была написана заметка, заключающая раздел «Новые книги» в первом томе «Современника»?

Впервые вопрос об авторе заключительной заметки был поставлен в 1856 году П. А. Кулишем, который высказал предположение о принадлежности заметки Гоголю, правда, без всяких доказательств. Он писал: «Вероятно, и заключение обзора писано Гоголем (стр. 318—319)».⁶⁶ В шестом томе «Сочинений и писем» Н. В. Гоголя в издании П. А. Кулиша (СПб., 1857, стр. 555—567) был помещен «Полный список печатных сочинений Гоголя, составленный Н. В. Гербелем». На стр. 560 Гербелем зарегистрирован библиографический обзор Гоголя «Новые книги» в первом томе «Современника». Однако остается неясным, включил или не включил Гербель заключительную заметку обзора на стр. 318—319 «Современника» как принадлежащую Гоголю, так как в данном месте списка Гербеля содержится явная опечатка: вместо стр. 296—318 или 296—319 напечатано 296—313. В названное издание Кулиша заметка введена не была, как и остальные рецензии Гоголя в «Современнике», безусловно принадлежащие Гоголю. В последующих изданиях сочинений Гоголя заметка также отсутствовала. Не поместил заметку в основной текст и Н. С. Тихонравов, а только перепечатал в примечаниях, заявив, что «в записных книгах Гоголя этого заключения нет, и мы не решаемся ни утверждать, ни отрицать принадлежность его Гоголю».⁶⁷

Но уже в 1911 году Н. О. Лернер высказался за авторство Пушкина,⁶⁸ он писал: «Наша попытка решить вопрос привела нас к убеждению, что заключение писано не Гоголем, а Пушкиным». Для доказательства своей мысли Лернер приводит три довода: во-первых, Пушкин, по мнению Лернера, «едва ли бы позволил ему [Гоголю] высказать столь решительное и общее мнение, налагающее серьезную ответственность на журнал»; во-вторых, выражение «журнал наш» могло быть употреблено только Пушкиным и,

⁶⁵ См. об этом: В. Г. Березина. Новые материалы о статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». В книге: Н. В. Гоголь, Статьи и материалы, 1954, стр. 73—75.

⁶⁶ П. А. Кулиш. Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. I, СПб., 1856, стр. 166.

⁶⁷ Н. В. Гоголь, Сочинения, т. V, изд. 10-е, М., 1889, стр. 661.

⁶⁸ Н. О. Лернер. Из истории журнальной деятельности Пушкина. 1. Пушкин или Гоголь? «Русский библиофил», 1911, № 5, стр. 66—68.

в-третьих, слова: «иные, взятые отдельно, не принадлежат собственно к словесности» сходны со словами Пушкина: «многие не входят в область литературы» (редакционная заметка «Обстоятельства не позволили издателю...» в третьем томе «Современника»). В 1915 году Лернер включил заметку в сочинения Пушкина.⁶⁹

Несмотря на то, что доводы Лернера не были опровергнуты в печати и не было высказано никаких аргументов в пользу авторства Гоголя, А. Г. Фомин в своей «Пушкиниане» зарегистрировал заметку в разделе «Сочинения, приписанные ошибочно Пушкину», указав, что она «принадлежит Н. В. Гоголю».⁷⁰ После этого данная заметка с именем Пушкина уже не связывалась — она не включалась в собрания сочинений Пушкина даже в раздел «Dubia». Отметим, впрочем, что в пользу авторства Пушкина высказался еще А. Н. Горецкий в статье «Пушкин и библиография». Он предположил, что этот «общий итог книг за первую четверть года», «по всей вероятности, принадлежит перу Пушкина», и, хотя не приводит в пользу такой догадки никаких новых аргументов, все же очень высоко оценивает интересующую нас заметку. «Это, — пишет он, — шаг вперед по сравнению с реализацией идеи текущей библиографической регистрации. „Послесловие“ — смелое, направленное против официальной (охранительной) печати, библиографическое обобщение с явно выраженным критическим отношением к тогдашней книжной продукции».⁷¹

В последнее время вновь отмечается стремление приписать заметку Гоголю. Так, в восьмом томе «Полного собрания сочинений» Н. В. Гоголя, изданном Академией Наук СССР в 1952 году, заметка напечатана в разделе «Приписываемое Гоголю», причем в примечаниях приведены некоторые «внутренние основания» принадлежности заметки Гоголю.

Более категорично за принадлежность заметки Гоголю высказался Е. И. Рыскин в статье «Н. В. Гоголь и библиография».⁷² Полемизируя с окончательным выводом академического издания: «Поскольку, однако, нет документальных данных для того, чтобы считать бесспорной принадлежность этих статей Гоголю, они печатаются в разделе приписываемых ему» (Гоголь, VIII, 810),⁷³ Е. И. Рыскин настаивает на несомненной принадлежности Гоголю заключительной заметки. Рыскин полностью принимает все доводы в пользу авторства Гоголя, приведенные в комментариях восьмого тома, и, в дополнение к ним, сообщает ряд своих соображений. Думается, что и доводы академического издания, и аргументы Е. И. Рыскина нуждаются в дополнительном рассмотрении и, как кажется, не дают оснований для решения вопроса в пользу авторства Гоголя.

Остановимся сначала на доказательствах академического издания. Исходное его положение — «известно, что эти заметки не принадлежат Пушкину». Откуда известно? Если из «Puschkinian'ы» А. Г. Фомина, то этот вывод Фомина, как уже было показано выше, нуждается в уточнении. Далее, утверждение академического издания: «Вместе с тем трудно пред-

⁶⁹ Библиотека великих писателей. Под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин, т. VI. Изд. Брокгауз-Ефрона, Пгр., 1915, стр. 220.

⁷⁰ А. Г. Фомин. Puschkiniana. 1911—1917. Изд. Академии Наук СССР, 1937, стр. 87, 435.

⁷¹ «Ученые записки Ульяновского Гос. педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник», Ульяновск, 1949, стр. 91—92.

⁷² «Советская библиография», 1953, № 1, стр. 163—178.

⁷³ Говоря «этих статей», автор примечаний имеет в виду, кроме заключительной заметки, еще две рецензии, напечатанные в первом томе «Современника»: на «Историю средних веков, составленную Циммерманом», и «Первый день светлого праздника, соч. Л. Я.».

положить, чтобы... заключение было бы написано не тем лицом, которому принадлежат все рецензии», сделано без учета того, что заключительная заметка отсутствовала в первом варианте первого тома «Современника» и была включена дополнительно — уже после прохождения тома в цензуре. Поспешность работы по переделке тома (переверстка и частичный новый набор двух последних листов, снятие имени Гоголя из оглавления при статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», включение дополнительной заметки, заключающей раздел «Новые книги») не исключает возможности предполагать, что заметка была написана в редакции «Современника» — без специального обращения к Гоголю; поэтому, может быть, ее нет в записных книгах Гоголя.

Сказав, что «имеются и внутренние основания приписать эти рецензии Гоголю», комментатор пишет: «Заключение, содержащее суммарную характеристику русской литературы, соответствует взглядам Гоголя, высказанным в его критических статьях. Мысль о том, что первое место в литературе занимает роман и повесть, отвечающие „всеобщей потребности“, сожаление о том, что историческая тема только „урывками“ появляется в произведениях последнего времени, находят соответствие, например, в статье Гоголя „О Современнике“, написанной в форме письма Плетневу. Здесь Гоголь на первое место выдвигает повесть, которая в литературе представлена „гораздо значительней и богаче, чем когда-либо прежде“, так как „несколько молодых писателей показали особенное стремление к наблюдению жизни действительной“». В той же статье Гоголь пишет и об исторических произведениях, как о необходимой части проектируемого журнала-альманаха.

Но статья «О Современнике» написана в конце 1846 года, т. е. спустя почти десять лет, когда общественные, литературные и журнальные позиции Гоголя претерпели значительное изменение. Например, парадоксально звучат в устах Гоголя, как автора статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», советы его Плетневу о превращении «Современника» из журнала в альманах и самое понимание направления преобразованного издания. Гоголь пишет Плетневу 4 декабря 1846 года: «Признаюсь, я даже не могу и представить себе, чем может быть нужно нынешнему времени появление нового журнала... Никакой новый журнал не может дать теперь обществу пищи питательной и существенной. Современник должен отбросить от себя название журнала; он должен сжаться по-прежнему в книги вместо листов⁷⁴ и более еще, чем при Пушкине, походить на альманах: он должен скорей напомнить собой Северные цветы барона Дельвига, с которым было у тебя так много сходства в уменьи наслаждаться и нежитья благоуханными звуками поэзии... Нужно, чтобы здесь ничто не поминало читателю о том, что есть какие-нибудь распри в литературе и существует журнальная полемика» (VIII, 423).

В комментариях академического издания соответствие между заключительной заметкой в первом томе «Современника» и статьей «О Современнике» устанавливается прежде всего в признании ведущей роли романа и повести. Но, во-первых, в статье Гоголь имеет в виду русскую литературу не 30-х, а середины 40-х годов, а во-вторых, он говорит не о романе и повести, а только о повести, причем характеризует ее не как ведущий жанр, а как жанр, который в последнее время «делает успех», причем Гоголь подчеркивает, что это заключение им сделано больше со слов его знакомых из России (Гоголь в это время жил в Италии), чем на основании

⁷⁴ Вместо журналов.

собственных наблюдений. Гоголь пишет: «Мне сказывали, что вообще в последнее время повесть сделала у нас успех, и несколько молодых писателей показали особенное стремление к наблюдению жизни действительной. Из того, что удалось прочесть мне самому, я заметил также тому признаки, хотя постройка самих повестей мне показалась особенно неискусна и неловка; в рассказе заметил я излишество и многословие, а в слоге отсутствие простоты» (VIII, 425).

В примечаниях сказано также, что в статье «О Современнике» Гоголь на первое место выдвигает повесть, которая в литературе представлена «гораздо значительней и богаче, чем когда-либо прежде». В действительности у Гоголя читаем: «Часть прозаическая альманаха может быть теперь гораздо значительней и богаче, чем когда-либо прежде» (VIII, 424), причем, когда Гоголь говорит «часть прозаическая», он не имеет в виду исключительно повесть. Например, советуя Плетневу привлечь в «Современник» П. А. Кулиша, он пишет: «Я вижу тоже много достоинств в писателе, который подписывает под своими сочинениями имя: Кулиш. Цветистый слог и большое познание нравов и обычаев Малой России говорят о том, что он мог бы прекрасно написать историю этой земли. Он мог бы еще с большим успехом составить живые статьи для альманаха и в них рассказать просто о нравах и обычаях прежних времен, не вставляя этого в повесть или драматический рассказ...» (VIII, 425).

Вторым моментом, позволяющим, по мнению комментатора, сопоставить статью Гоголя «О Современнике» с заключительной заметкой, является то, что в статье «О Современнике» Гоголь будто бы «пишет и об исторических произведениях, как о необходимой части проектируемого журнала-альманаха». Приведенные выше слова Гоголя о Кулише — единственные в статье «О Современнике», посвященные историческим произведениям, могущим быть включенными в альманах, но они вряд ли позволяют делать вывод, что Гоголь считал исторические произведения необходимой частью периодического издания.

Таким образом, статья Гоголя «О Современнике» не дает «внутренних оснований» приписать ему заключительную заметку в первом томе «Современника», и, следовательно, примечания в академическом издании сочинений Гоголя не проясняют вопроса об авторе данной заметки.

Несмотря на это, Е. И. Рыскин, как уже указывалось, полностью принимает приведенные в академическом издании «внутренние основания» и, опираясь на них, старается подыскать дополнительные аргументы в пользу авторства Гоголя. «Между тем, — пишет Рыскин, — имеется много оснований, позволяющих утверждать, что послесловие написал Гоголь. Отдельные мысли послесловия совпадают с другими высказываниями Гоголя. Такова, например, мысль о преобладании романа и повести в современной литературе...».⁷⁵

Далее Рыскин рассматривает отношение Гоголя и Пушкина к вопросу о повести и романе так, как это отразилось в статье Гоголя «О движении журнальной литературы» («Современник», т. I) и статье Пушкина «Письмо к издателю» («Современник», т. III), и приходит к выводу, что заключительная заметка, где также говорится о повести и романе, близка к статье Гоголя, а не к пушкинскому «Письму к издателю».

По мнению исследователя, Гоголь в статье «О движении журнальной литературы» заявил о преобладании романа и повести в современной литературе, а Пушкин в «Письме к издателю» оспаривает утверждение Гоголя

⁷⁵ «Советская библиография», 1953, № 1, стр. 171.

о равнодушии читателей к поэзии и об их повороте к прозе; автор же послесловия, как и Гоголь, «считает преобладание романа и повести чертой современной литературы», а потому настаивает, что «даже ничтожные романы и повести должны привлечь внимание наблюдателя, так как они составляют «всеобщую потребность».⁷⁶

На самом деле этот вопрос решается несколько иначе.

Гоголь действительно в статье «О движении журнальной литературы» указывал на то, что «поэзия заменилась прозаическими сочинениями», «распространилось в большой степени чтение романов, холодных, скучных повестей и оказалось очень явно всеобщее равнодушие к поэзии» (VIII, 172). Но важно учесть тональность рассуждений Гоголя: он с сожалением и болью в сердце отмечает это «равнодушие к поэзии», тягу к низкопробной прозе, водяным романам. Цель высказываний Гоголя о прозе — подчеркнуть отрицательные стороны современной прозы. В статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» Гоголь неоднократно с осуждением отзывается о повестях, напечатанных в журналах (VIII, 162, 163—164); в рецензии на «Сорок одну повесть лучших иностранных писателей», напечатанной в первом томе «Современника», Гоголь иронически говорит о «наших самодельных романах» (XVIII, 197). Очень много буквально убийственных характеристик современных романов и повестей содержится в рецензиях Гоголя, приготовленных для первого тома «Современника», но не пропущенных Пушкиным (VIII, 197—200, 202, 203, 206).

И показательно, что при таком обилии отрицательных оценок современных романов и повестей в высказываниях Гоголя, при столь явно выраженном огорчении Гоголя фактом распространения повестей и романов мы нигде не видим у него попыток объяснить эту тягу читателей к прозе.

У Пушкина — другое.

Еще в 1830 году в заметках «Опровержение на критики» (заметка «Между прочими литературными обвинениями...») Пушкин так объяснял «равнодушие» публики к лирической поэзии: «Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светский человек, и дама, и горничная, и дети. Но стихотворение лирическое читает токмо любитель поэзии. А много ли их?» (XI, 154).

По существу то же объяснение распространению прозаических жанров дает Пушкин в «Письме к издателю», полемизируя с Гоголем как автором статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». Пушкин пишет:

«Вы говорите, что в последнее время заметно было в публике равнодушие к поэзии и охота к романам, повестям и тому подобному. Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде?» (XII, 97—98).

Таким образом, «охота» публики к романам и повестям Пушкиным не осуждается, вопреки Гоголю, а рассматривается как всеобщая потребность («читаются всеми и везде»). Автор заключительной заметки также пишет: «Из сего реестра книг ощутительно заметно преобладание романа и повести, этих властелинов современной литературы. Их почти вдвое больше против числа других книг. Бесперывным появлением в свет они, несмотря на глубокое свое ничтожество, свидетельствуют о всеобщей по-

⁷⁶ «Советская библиография», 1953, № 1, стр. 171.

требности».⁷⁷ В этой части заключительная заметка находится в противоречии с суждениями Гоголя и полностью соответствует взглядам Пушкина.

Остальные аргументы Е. И. Рыскина подобраны по принципу «похоже на Гоголя», но без учета того, что приводимые мысли и положения характерны не для одного Гоголя: они встречаются, например, и у Пушкина. Так, исследователь правильно замечает, что послесловие написано человеком, который читал книги раздела «Новые книги», но вызывает сомнение его утверждение, что этим человеком мог быть только Гоголь. А почему Пушкин не мог их читать и просматривать? Ведь списки книг, которые должны быть отмечены в библиографическом отделе «Современника», составлял сам Пушкин; он же, как известно, отбирал и приобретал эти книги в книжных лавках.⁷⁸ Кроме того, слова заметки: «О большей части их <отмеченных книг> мы ничего не говорили, потому что о них решительно ничего нельзя сказать» — не могли принадлежать Гоголю, так как на восемнадцать книг, о которых в первом томе «Современника» ничего не сказано (выписаны только титульные листы), Гоголь заготовил рецензии, но они не были приняты Пушкиным (Гоголь, VIII, 198—209).

По мнению Е. И. Рыскина, мысль о бедности русской литературы, присутствующая в заключительной заметке, характерна для Гоголя, в частности для его статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» («мертвенность и бесцветность» журналов, «бесплодная, тощая эпоха» в журналистике, «мелкость предметов» журнальных, «литературное безверие и литературное невежество» в журнальной критике (VIII, 517, 171, 173)). Но, во-первых, Гоголь имеет в виду исключительно журнальную литературу, а во-вторых, значительно более близкие к заметке суждения можно найти у Пушкина. Известно, например, что Пушкин начал писать статью с весьма характерным названием «О ничтожестве литературы русской» (1833—1834, XI, 268—272); в 1836 году он писал: «Критика литературная у нас ничтожна» (XII, 65; ср. 180). А в рецензии на «Словарь о святых», напечатаной в третьем томе «Современника», Пушкин так определил состояние научных знаний в России:

«В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых произведениях, есть отсутствие труда. Редко случается критике указывать на плоды долгих изучений и терпеливых разысканий. Что же из того происходит? Наши так называемые *ученые* принуждены заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною *взглядов*, приноровлением модных понятий к старым давно известным предметам и пр. Таковые средства (которые, в некотором смысле, можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий *дух сомнения и отрицания* в умах незрелых и слабых и печалят людей истинно ученых и здравомыслящих» (XII, 101).

Затем Е. И. Рыскин переходит к доказательствам стилистического характера. «Стилистический анализ также свидетельствует о том, что автором послесловия был Гоголь», — настаивает исследователь.⁷⁹

И здесь Е. И. Рыскин исходит из принципа «встречается у Гоголя». Так, например, к слову «вторгшихся» приводится параллельное «вторжений» (из статьи «О движении журнальной литературы»). Но разве это особенность языка Гоголя? В картотеке «Словарь Пушкина» в Институте языкознания в Москве зарегистрировано, например, три случая употребле-

⁷⁷ «Современник», 1836, т. I, стр. 318.

⁷⁸ Н. Э д о б н о в. Пушкин и библиография. «Книжные новости», 1937, № 2, стр. 49.

⁷⁹ «Советская библиография», 1953, № 1, стр. 172.

ния данной семантической формы. Е. И. Рыскин указывает, что слово «решительно» — «любимейшее у Гоголя» (приведено пять случаев); но ведь у Пушкина, по данным картотеки «Словарь Пушкина», это слово встречается девятнадцать раз! В статье Рыскина указано, что Гоголь любит начинать предложение со слова «Вот» (приведено три случая, причем все предложения находятся внутри абзацев). И Пушкин неоднократно пользуется этой конструкцией, причем зачастую словом «Вот» начинает произведение («Вот Виля — он любовью дышит», «Вот муза, резвая болтунья», «Вот перешед чрез мост Кокушкин» и др.).

Сказав, что словосочетание «итог книг», «реестр книг» характерно для Гоголя («реестр... сочинений» — в рецензии на «Исторические афоризмы» М. Погодина; VIII, 191; «итог... всеобщих историй» — в «Библиографии средних веков»; IX, 102), Е. И. Рыскин подчеркивает, что у Пушкина в аналогичных конструкциях второе слово стоит не в родительном падеже, а в дательном, для доказательства чего им приводится пример: «В списке вновь вышедшим книгам» — из редакционной заметки от издателя в третьем томе «Современника» («Обстоятельства не позволили издателю...»). Однако следует учесть, что в языке Пушкина не было устойчивой нормы в употреблении слова «список» в сочетании с существительным. Так, по данным картотеки «Словарь Пушкина», при четырнадцати случаях употребления словосочетания со словом «список» в девяти случаях управляемое существительное стоит в родительном падеже и в пяти случаях в дательном, причем без какой-либо отчетливой закономерности. Например, параллельно с уже отмеченной формой «в списке книгам» существует «список источников» (VIII, 133); при форме «список жертв» (два случая) имеется «список жертвам» (один случай) (V, 89; XII, 200; IX, 116); «список офицеров» и в то же время «список генералам» (X, 311, 388) и т. д.

В заключение следует отметить, что, полемизируя с Н. О. Лернером, увидевшим сходство в словосочетаниях «не принадлежат собственно к словесности» (послесловие) и «многие не входят в область литературы» (заметка Пушкина «Обстоятельства не позволили издателю...»), Е. И. Рыскин не обратил внимания на то, что словам Пушкина: «многие не входят в область литературы» — стилистически близки следующие слова из послесловия: «Иные... входят таким образом в область литературы».

Итак, вывод Е. И. Рыскина: «Нам кажется бесспорным, что и послесловие к отделу «Новые книги» принадлежит перу Гоголя»,⁸⁰ — не подтверждается приведенными им аргументами.

Окончательно решить вопрос об авторе заметки пока затруднительно, но авторство Пушкина можно предполагать с большим основанием, чем авторство Гоголя, и более законное место этой заметке — в приложении не к Собранию сочинений Гоголя, а к Собранию сочинений Пушкина.

⁸⁰ «Советская библиография», 1953, № 1, стр. 170.

Р. Б. ЗАБОРОВА

НЕИЗДААННЫЕ СТАТЬИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО О ПУШКИНЕ

1

В архивном фонде А. А. Краевского в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, среди не пропущенных цензурой статей имеется статья о пятом томе «Современника» Пушкина, выпущенном в свет стараниями друзей поэта вскоре после трагической его гибели.¹ Статья эта представляет собой правленную корректуру в 2¹/₂ столбца на развернутом листе бумаги с водяным знаком 1837 года, без подписи автора и даты. Зарегистрированная И. А. Бычковым в описании архива А. А. Краевского как безымянная,² она до сих пор не введена в научный оборот. Между тем эта статья представляет большой интерес для характеристики общественно-литературной борьбы в 30-х годах, в центре которой стоял Пушкин.

С обзором содержания журнала и надгробным словом великому поэту, основателю «Современника», статья сочетает полемику с литературными врагами Пушкина и защиту его журнальной деятельности. По почти полному совпадению второй части этой статьи со статьей В. Ф. Одоевского «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», написанной в 1836 году, но по цензурным условиям увидевшей свет только через 28 лет,³ точно определяется принадлежность ее перу В. Ф. Одоевского. Из указаний в тексте статьи и из переписки Одоевского видно, что написание ее шло чуть ли не одновременно с подготовкой пятого тома «Современника». Вычерки и исправления карандашом в тексте статьи, а также стоящая внизу карандашная помета: «Вторая кн.» сделаны рукой А. А. Краевского, который по предложенному Жуковским плану должен был подготовить вторую книжку «Современника» на 1837 год (VI том).⁴ Приводим текст указанной статьи, обозначая в квадратных скобках места, вычеркнутые Краевским, с краткими пояснениями в подстрочных примечаниях:

Современник,

литературный журнал А. С. Пушкина, изданный по смерти его кн. <П. А.> Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, кн. В. Ф. Одоевским и П. А. Плетневым. Том пятый, СПб. 1837. В Гуттенберг. тип. (8). XVIII и 340 стр.

Наконец нетерпеливое желание бесчисленных почитателей великого поэта, нами оплакиваемого, теперь удовлетворилось. Первая на нынешний

¹ ГПБ., Отдел рукописей, фонд А. А. Краевского, отдел «О», № 1.

² И. А. Бычков. Бумаги А. А. Краевского. Опись их собрания, поступившего в 1889 году в имп. Публичную библиотеку, СПб., 1893, стр. 59, № 1.

³ «Русский архив», 1864, вып. 7—8, стб. 824—831.

⁴ Там же, стб. 832.

год книжка основанного им журнала, который друзья покойного предположили издать и по смерти его, в пользу его семейства, уже вышла из типографии и поступила в продажу. Никогда еще в русской журналистике не являлось периодическое издание, в котором бы собрано было столько превосходных статей — лучших цветов с нероскошного поля русской литературы, как в этом томе «Современника». Там восемь⁵ нигде не напечатанных статей в стихах и прозе самого Пушкина; между ними одна полная поэма «Медный Всадник» и три последние в его жизни стихотворения, из коих одно «Молитва» отличается всею полнотою поэзии святой, глубокой и возвышенной; оно приложено в fac-simile вместе с начерченной самим поэтом на рукописи картинкою. Потом — никому до сих пор неизвестная статья Карамзина; стихотворение и трогательная, исторгающая слезы статья Жуковского о последних минутах Пушкина; стихи Баратынского, Языкова, гр. Р-й,⁶ Вяземского, Бенедиктова, Соколовского, Губера, Козлова; повесть Одоевского; статьи Тургенева, Погодина, и проч. Пересмотрите всю эту книжку «Современника» — не найдете почти ни одной статьи, которая не украсила бы лучшего периодического издания по крайней мере на целое полугодие. Эту книжку можно почитать как бы отличным русским альманахом, как бы воскресшими «Северными цветами» незабвенного Дельвига, которые могли быть собираемы только в продолжение целого года и с каждым новым годом восходили лучезарною звездою над горизонтом русской литературы.

Но прежде всего остановитесь с умилением над статьею Жуковского о последних минутах Пушкина; почтите слезою память знаменитого поэта, так рано отозванного от вас в вечность; запечатлейте в своей душе подробности предсмертных дней его, и, слушая раздирающий душу рассказ о страданиях и муках невыносимых, которым подвергалось в нем то, что было землею, подивитесь могуществу души, не ослабевшей ни от каких телесных недугов и до последней минуты сохранившей всю свою энергию.

Читая теперь новые стихотворения Пушкина в этой книжке «Современника», как бы забываешь о том, что уже нет его между нами; кажется, не прошло еще то время, когда вся образованная Россия ожидала от певца своего новых стихотворений, как светлого праздника, — и получала их. . . Да, эта мечта еще продлится: публика всё еще будет в продолжение нынешнего года слышать в «Современнике» новые звуки его поэтической лиры и забываться, думая, что певец высылает их попрежнему из тиши уединенного своего кабинета; — но кабинет этот уже пуст, гений отлетел в далекую свою родину и оставил нам в отраду только то, что суждено было создать ему на земле. . . Пройдет еще год, издано будет полное собрание творений его, куда войдут многие сочинения, кроме тех, которые напечатаны в «Современнике», — и с той минуты настанет для Пушкина потомство. . . Потомство! . . о, оно оценит Пушкина; оно поместит его подле северных бардов времен Екатерины и Александра; потомство с благоговением будет изучать поэта: оно не поступит с ним так, как поступали некоторые современники. . .

Зачем при воспоминании о Пушкине невольно представляется прискорбная, тяжелая мысль о том, как у нас понимали его некоторые издатели журналов! . . Каким [клеветам, каким] оскорблениям не подвергали они

⁵ В пятом томе напечатано одиннадцать произведений Пушкина. Неточность Одоевского показывает, что статья писалась в то время, когда пятый том журнала еще готовился к печати и не был закончен.

⁶ Ростопчиной.

поэта, который составлял нашу гордость! Как должны были казаться странными для иностранцев эти [мелочные, злобные] придирки к великому писателю, [которого мы должны были бы хранить, как драгоценное свое сокровище!]... Что же теперь? Эти господа, как слышно, уже горюют о Пушкине, даже чтят его память притворными похвалами. Позднее, [ложное] сожаление!..⁷ Кто поверит, что они не могли простить поэту даже издание «Современника»? Да! они доказывали, будто Пушкин уже более не поэт, потому что занимается изданием журнала. «Но не может быть», скажут, «чтоб эти люди, если в них есть [хоть искра литературной совести],⁸ не признавали [величия] гения в Пушкине: отчего же они вздумали [дети бессильные,] нападать на него,⁹ [чернить?]». Отчего?.. Это не легко понять людям, не посвященным в журнальные тайны: это требует пояснений. И теперь, один раз навсегда, мы хотим раскрыть эти причины литературных гонений на Пушкина, причины, сделавшиеся неотъемлемою собственностью его будущей биографии. Мы хотели было сказать о них несколько слов еще при жизни поэта: смерть его остановила наши намерения; теперь же это кстати.

Надобно знать,¹⁰ что было время, когда Пушкин, беззаботный, беспечный [бросал свой драгоценный бисер на всяком перекрестке: сметливые люди поднимали его, хвастались, продавали и наживались;¹¹ ремесло было прибыльно]:¹² стоило надоесть поэту и пустить в воздух несколько фраз

⁷ Травившая Пушкина «Северная пчела» по смерти поэта с «глубочайшей горестию» извещала о «невознаградимой потере» (1837, № 24, 30 января, стр. 94). «Библиотека для чтения» поместила статью Н. А. Полевого «Пушкин» (1837, т. XXI, отд. I, стр. 181—198) с сомнительными похвалами покойному поэту.

⁸ Эти вычеркнутые слова были Краевским заменены на «сколько-нибудь беспристрастия».

⁹ Вместо запятой Краевским поставлен вопросительный знак.

¹⁰ Начиная от этих слов и до последнего абзаца Одоевский воспроизводит частью дословно, частью в пересказе свою же, тогда не напечатанную, статью «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина». Поскольку эта статья была написана Одоевским еще при жизни Пушкина, он принужден был несколько изменить ее характер. Некоторые допущенные им переделки заслуживают особого внимания. Так, например, говоря уже о прошлом, он еще более усиливает резкие характеристики гонителей поэта, с негодованием отзываясь об их самомнении и невежественном самодовольстве. Слова «площадную брань» он заменяет «площадной дракой»; враги поэта из «захвативших литературную монополию» превращены в «хотевших захватить в свои руки литературную монополию»; они не «знают», а только «думают», что им дано право распоряжаться литературной жизнью и смертью тех или иных писателей. С крайним возмущением Одоевский приводит теперь выдержки из их статей — образцы резких и наглых выпадов против поэта. С другой стороны, осуществляя уже суд «потомства», Одоевский подчеркивает значение деятельности Пушкина как великого национального поэта. Он говорит уже о руководстве Пушкиным русским литературным движением как о «долге», а не «деле» поэта, «слово» его называет «сильным словом», он вставляет определение «Современника» как «лучшего из всех русских журналов», сообщает с гордостью об «огромных, к несчастью, лишь приурочительных трудах поэта». Снятие же применительно к Пушкину слов «народная слава» и замена «барона Брамбеуса» неопределенным «фразером» вызваны, несомненно, оглядкой на цензуру. Ниже все разночтения публикуемой статьи с текстом статьи «О нападениях...», кроме изменения настоящего времени на прошедшее, оговорены.

¹¹ Имеются в виду публикация нескольких стихотворений Пушкина в изданиях Булгарина, а также факты, вызвавшие негодование поэта, например перепечатка Е. Ольдекопом в 1824 году всего текста «Кавказского пленника». См.: Ю. Г. Оксман. Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. (По неизданным материалам). (В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. 1, Одесса, 1925, стр. 6—11).

¹² Взятые в квадратные скобки слова были заменены Краевским на «сам как бы не дорожил своими произведениями; гг. журналисты пользовались этим; это было довольно для них полезно».

о своем бескорыстии, о любви к наукам и к литературе; поэт верил на слово, потому что имел похвальное обыкновение даже не заглядывать в те статьи, которые помещались рядом с его произведениями. Тогда [все литературные промышленники]¹³ стояли на коленях пред поэтом, курили пред ним фимиам похвалы заслуженной и незаслуженной; тогда, если кто-либо истинно-благоговейший пред поэтом осмеливался сказать, что он не согласен с тем или другим мнением Пушкина, о тогда!.. тогда горящие уголья сыпались на главу некстати откровенного рецензента. Сам Пушкин¹⁴ вспоминает об этом времени в¹⁵ «Евгении Онегине»:

И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы?
Себе встречал я иногда —
E sempre bene, господа.

Но есть время всему. Пушкин возмужал, Пушкин понял свое значение в русской литературе, понял вес, который придавало его имя изданиям, удостоиваемым его произведениями; он посмотрел вокруг себя и был поражен печальною картиною нашей литературной расправы, [ее площадною дракою,¹⁶ ее коммерческим направлением.] — и имя Пушкина исчезло на многих, многих изданиях. Чтó было делать тогда [литературным негоциантам?].¹⁷ Некоторое время они продолжали свои похвалы, думая своим фимиамом умиловить поэта. Но всё было тщетно: Пушкин не удостоивал их ни крупницею с роскошного стола своего. И [негоцианты],¹⁸ думая,¹⁹ что в их руках находится исключительное право литературной жизни и смерти, решились испытать, нельзя ли им обойтись без Пушкина... И замолкли похвалы поэту, замолкли — когда же? когда Пушкин издал «Полтаву» и «Бориса Годунова», два произведения, доставившие ему прочное, неоспоримое право на звание *первого поэта*²⁰ России. О них почти никто не сказал ни слова, и это одно молчание говорит больше, нежели все²¹ так называемые разборы и критики.²²

Между тем²³ тяжело было признаться пред подписчиками, что Пушкин не участвует в том или другом издании, что он даже явно обнаруживает свое негодование против людей, хотевших захватить²⁴ в свои руки литературную монополию! Придуманно другое: нельзя ли доказать, что Пушкин начал ослабевать, т. е. именно с той минуты, как он перестал принимать

¹³ Эти слова были заменены Краевским на: «эти господа».

¹⁴ В рукописи статьи «О нападениях»: «Сам поэт»; в «Русском архиве»: «Поэт».

¹⁵ Краевским здесь вставлено слово: «своем».

¹⁶ В статье «О нападениях»: «бранью».

¹⁷ Заменено Краевским на: «тем гг-м журналистам?».

¹⁸ Заменено Краевским на: «они».

¹⁹ В статье «О нападениях»: «зная».

²⁰ В статье «О нападениях» без курсива.

²¹ В статье «О нападениях»: «все наши».

²² «Полтава» вышла в марте 1829 года, но критика большей части журналов отозвалась на нее позднее; в публике же, судя по письму Е. А. Баратынского к П. А. Вяземскому в мае 1829 года, о ней толковали «вкривь и вкось». Вышедший в декабре 1830 года «Борис Годунов» вызвал неодобрительные и полуодобрительные статьи Плаксина и Камашева в «Сыне отечества» и Н. А. Полевого в «Московском телеграфе» 1831 года.

²³ В статье «О нападениях» далее следует указание на борьбу Пушкина с болгаринским направлением на страницах «Литературной газеты» и «Московского вестника», здесь опущенное (со слов: «... новая гроза» до слов: «Тяжел гнев поэта!»).

²⁴ В статье «О нападениях»: «захвативших».

участие в журналах этих господ? Доказать это было довольно трудно: «Полтава», «Борис Годунов», несметное множество мелких произведений, как драгоценные перлы, катались по всем концам святой Руси... Нельзя ли читателей приучить к этой мысли, напр.,²⁵ намекая об ней стороною, с видом участия, сожаления?.. Над этим похвальным делом трудились многие, трудились прилежно и долго.

В одной статье «Северной пчелы», прошлого года,²⁶ по поводу перевода «Полтавы» Пушкина на малороссийский язык, эта мысль выражена очень просто и ясно: там сказано прямо, что Пушкин упал совершенно!²⁷ [Кем же произнесен этот приговор? «Северною пчелою»?²⁸ Нет, это уже слышком...] Как? Пушкин, эта радость России,²⁹ Пушкин, которого стихи знает наизусть и поет вся Россия, которого всякое произведение было важным событием в нашей литературе, которого читает ребенок на коленях матери и ученый в кабинете, Пушкин — один человек, на которого даже и «Северная пчела» с гордостью укажет на вопрос иностранца о нашей литературе, Пушкин разжалован из поэтов «Северною пчелою»? — Кого же, господа, скажите, ради бога, вы сыскали на его место? [творца Выжигиных, Алек. Анфимовича Орлова или какого-нибудь высокопарного]³⁰ фразера,³¹ пишущего мерные, коротенькие строчки [без смысла и называющего их стихами?..³²]. Но негодование, которое³³ невольно возбуждается [во всяком русском]³⁴ сердце при таком известии, исчезает, когда вы дойдете до причины, приведенной «Северной пчелою» такому несчастию. Знаете ли, отчего Пушкин перестал быть поэтом? Рецензент, пишущий под вдохновением «Северной пчелы», [в своей младенческой душе]³⁵ отыскал лишь

²⁵ Слова «например» в печатном тексте статьи «О нападениях» нет.

²⁶ В статье «О нападениях»: «В статье С. Пчелы, подавшей повод к нашим замечаниям».

²⁷ Относится к статье П. М-ского «Полтава». Поэма А. С. Пушкина. (Вольный перевод на малороссийский язык Е. Гребенки. СПб., 1836). «Северная пчела», 1836, № 162, 18 июля. — Эта статья, доказывавшая падение таланта Пушкина, променявшего «золотую лиру свою на скрипучее... перо журналиста», по мнению Одоевского, была «сокращением всего того, что „Северная пчела“, „Сын отечества“ и „Библиотека для чтения“, под разными видами, с некоторого времени стараются втолковать своим читателям» («Русский архив», 1864, № 7 и 8, стб. 824).

²⁸ В статье «О нападениях»: «там осмеливаются говорить прямо, что Пушкин свергнут с престола (détrôné), — кем? неужели С. Пчелою?».

²⁹ В статье «О нападениях» здесь вставлено: «наша народная слава».

³⁰ Краевским вместо этих слов поставлено многозначие.

³¹ В статье «О нападениях» вместо «или... фразера» стояло: «барона Брамбеуса».

³² Под «высокопарным фразером» — стихотворцем, которым Одоевский заменил «барона Брамбеуса» статьи «О нападениях», вероятно, подразумевались модные в 30-х годах стихотворцы, вроде Кукольника, Бенедиктова, Тимофеева и пр.

³³ В статье «О нападениях» искажение: слово «которое» понято как «полное».

³⁴ Вместо вычеркнутых слов Краевский поставил предлог «в», а после слова «сердце» добавил: «всякого здравомыслящего».

³⁵ Намек на незрелость и несамостоятельность суждений сотрудников Булгарина, которых тот, судя по воспоминаниям Греча, «брал и отставлял, привлекал и выгонял... беспрерывно», рассматривая их «как наемников, питающихся от крох его трапезы» («Русская старина», 1871, т. IV, № 11, стр. 499), и требуя безусловного подчинения своему влиянию. О «младенческом» повторении рецензентом «Северной пчелы» мнений Булгарина Одоевский яснее высказался в одной из рукописей статьи «О нападениях», в которой в этом месте имеется отсутствующая в печатном тексте вставка: «Непростительно быть рабом своих страстей, но каково же быть рабом страстей и корысти другого? Бедное дитя!» (ГПБ, Отдел рукописей, Собрание автографов, к. 18, В. Ф. Одоевский. «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», л. 4 об.). О «младенчестве» критики, бьющей «кого ни попадя, за что, про что неизвестно, говорится и в «Набросках и заметках из бумаг В. Ф. Одоевского», опубликованных в «Русском архиве» (1874, № 7, стб. 45—46).

следующую причину: «Пушкин уже больше не поэт, потому что издает журнал»...³⁶

Было бы смешно возражать на такое обвинение, было бы обидно для читателей, если бы мы стали вспоминать, что Карамзин и Жуковский, Шиллер и Гете были журналистами; мы оставим в покое [невинность] рецензента «Северной пчелы», [но]³⁷ обратимся к его учителям, или к тем людям, которые лучше должны понимать: отчего Пушкин издавал то, что вы называете журналом.

Многим было неприятно это известие; некто до того простер свою проницательность,³⁸ что разобрал «Современник» прежде его появления и написал целую статью о программе этого журнала, когда эта программа³⁹ не существовала.⁴⁰ Всё это понятно;⁴¹ но скажите откровенно, кто был виноват в этом? кто виноват, если Пушкин принужден был издать особую книгу свое собрание отдельных статей о разных предметах? Не кажется ли вам это горьким упреком?.. Если кто-нибудь в нашей литературе имел право на голос, то это без сомнения Пушкин. Всё давало ему это право: и его поэтический талант, и проницательность его взгляда, и его начитанность, [далеко превышающая лексиконные познания большей части наших журналистов:]⁴² — ибо Пушкин не останавливался на своем пути,⁴³ как то случается часто с нашими литераторами: он, как Гёте и Шиллер, умел читать, трудиться и думать; он был поэт в стихах, и бенедиктинец в своем кабинете, как доказывают оставшиеся после него огромные, к несчастью лишь приуготовительные труды;⁴⁴ ни одно из таинств науки им не было забыто, и, счастливец! он умел освещать эту обширную массу познаний своим поэтическим ясновидением! Ему ли было не иметь голоса в нашей литературе?..

Но где бы он нашел место для своего голоса? укажите. Не там ли, где каждая ошибка великого поэта⁴⁵ принимается, как подарок, с восхищением?⁴⁶ Или там, где посредственность [преклоняющаяся пред литературными монополистами,] возносится до небес; а имена Шеллингов, Окенов, Ньютонов,⁴⁷ Гизо и Шампольонов произносятся лишь для насмешки?⁴⁸

³⁶ Одоевский имел в виду слова М-ского в указанной выше статье: «поэт умолк и сделался журналистом».

³⁷ Заменено Краевским на: «и».

³⁸ В рукописи статьи «О нападениях»: «прозорливость».

³⁹ В рукописи статьи «О нападениях» здесь стоит: «вовсе и не».

⁴⁰ Подразумевается резкий отзыв о «Современнике» О. Сенковского в «Библиотеке для чтения» (1836, т. XV, апрель, отд. «Литературная летопись», стр. 67—70).

⁴¹ В статье «О нападениях» подчеркнутые слова не выделены курсивом.

⁴² Намек на «Энциклопедический лексикон» Плюшара, вышедший с 1834 года под редакцией Греча и являвшийся, по мнению Пушкина и Одоевского, «второй „Библиотекой для чтения“».

⁴³ В печатном тексте статьи «О нападениях»: «на своем пути, господя»; в одной из рукописей статьи было: «господа читатели».

⁴⁴ Строк: «как доказывают оставшиеся после него огромные, к несчастью лишь приуготовительные труды» — в печатном тексте статьи «О нападениях», естественно, нет.

⁴⁵ В статье «О нападениях»: «человека».

⁴⁶ Имеется, вероятно, в виду ликование Сенковского в «Библиотеке для чтения» 1836 года по поводу издания А. Пушкиным бездарного перевода «Вастолы» Виланда без обозначения имени переводчика, чем Сенковский воспользовался, чтобы поглумиться над «удивительными стихами» Пушкина, на самом деле принадлежавшими его лицейскому учителю Е. П. Люценко.

⁴⁷ «Окенов, Ньютонов» нет в печатном тексте статьи «О нападениях».

⁴⁸ В рукописи статьи «О нападениях» в 83-м переплете архивного фонда Одоевского к этому месту сделано следующее, не напечатанное в «Русском архиве» примечание: «Намек на журналы братства, и в особенности на тогдашнюю „Библиотеку для чтения“, где ныне уже невероятный и невообразимый шарлатанизм истощал свои силы, в особенности

Или там, где внушается недоверчивость ко всем живым [возвышающим душу человека] мыслям⁴⁹ и где на их место ставится вялый [бесмысленный] скептицизм, даже не поддерживаемый поэтическим юмором?⁵⁰ Или там, где нравы лучшего образованного общества осмеиваются людьми, которые не бывали в нем?⁵¹ [Или там, где, кажется, существует постоянное противодействие⁵² против всякой бескорыстной мысли, против каждого благодетельного открытия?] Или там, где [не знающие]⁵³ русского языка хотят ввести для него свои законы и объявляют себя *переправщиками* всей русской и иностранной литературы?⁵⁴ Или там, где пышные похвалы суть следствия [домашней сделки для продажи собственных произведений]?⁵⁵ Или там, где творец Выжигина ставится наряду с Вальтер-Скоттом?⁵⁶ Или там, где путешествие на Медвежий остров ставится наряду с «Фаустом» и выше «Манфреда»?..⁵⁷

Такое ли направление Пушкин должен был поддерживать своим сильным⁵⁸ именем? [Тщетные замыслы! Они не удались. Плачьте и рвитесь⁵⁹ — ни одна строка Пушкина не освящала страниц, на которых печаталось во всеуслышание то, что было противно его литературной и ученой совести.

против Шампольона и Гаммера, потому более, что дело было темное, доступное для весьма немногих, а между тем совершалась в очью басня Крылова о слоне и москве. Под влиянием общего страха, наводимого фалангою дружных журналов, никто не поднимал голоса против шарлатанства; лишь живший тогда в Петербурге французский ориенталист Шармуаи немного понимавший по-русски, осмелился, и то в особой брошюрке и на французском языке, вступить за Гаммера, говоря о так называемых критиках Библиотеки для чтения *que c'est gros Jean qui veut demontrer à son curé* (перевод: «что это грубый Жан, который хочет поучать своего священника», пословица, соответствующая русской: «Яйца курицу не учат»). Но эта брошюрка была прочтена немногими. Библиотека для чтения, кажется, и не упомянула о ее появлении. — Н. И. Греч, державший поодаль от всех этих дрязгов, также, наконец, не выдержал и неоднократно выводил на свежую воду полонизмы Г. Сенковского и его изумительную претензию свое безграмотство выдавать за новооткрытые им законы русского языка» (л. 7 об.—9 об.).

⁴⁹ В статье «О нападениях»: «там, где попираются ногами все живые, все возвышающие душу человека мысли».

⁵⁰ В статье «О нападениях» далее: «Или там, где в продолжение целого года не найдешь ни одной строчки, над которою бы можно было остановиться?».

⁵¹ В статье «О нападениях»: «которые не бывали и в передней?».

⁵² В статье «О нападениях»: «постоянный заговор».

⁵³ Заменено Краевским на: «считающие себя знатоками литературного».

⁵⁴ Намек на Сенковского, выдававшего, по определению Одоевского, «свое безграмотство... за новооткрытые им законы русского языка» и занимавшегося беззастенчивыми переделками русских и иностранных повестей для публикации их в «Библиотеке для чтения».

⁵⁵ Заменено Краевским на: «пристрастия».

⁵⁶ В статье «„Мазепа“. Сочинение Ф. Булгарина» Сенковский в «Библиотеке для чтения» (1834, т. II, отд. V), называя В. Скотта шарлатаном, представившим миру подложный род изящного, писал: «Никакой роман, быть может, не заслуживает двух листов серьезного разбора...; но всякий роман Булгарина без сомнения стоит этого пожертвования со стороны русской печати, которая обязана нынешнею своею жизнью сочинениям этого писателя. Без его „Ивана Выжигина“ бог весть где бы мы еще были с нашею прозою и с нашими романами» (стр. 21).

⁵⁷ Булгарин в «Северной пчеле» (1833, № 269, 23 ноября) в «Обозрении новых русских романов и других произведений словесности» выдавал барону Брамбеусу за «Фантастические путешествия» патент на бессмертие, называя их «явлением необыкновенным не только в русской, но и в современной европейской литературе». Об «Ученом путешествии на Медвежий остров», входящем в их состав, он писал, что оно «глубокомысленно, как „Фауст“ Гете, и производит такое впечатление, как Байронов „Манфред“, но что «чувство филантропии дает сей статье преимущество пред двумя упомянутыми поэмами» (стр. 1073, 1075).

⁵⁸ В статье «О нападениях» слова «сильным» нет.

⁵⁹ В статье «О нападениях» далее: «преследуйте поэта камнями: они обратятся на вас же».

Да что вам и нужды до этого? печатали бы вы, издавали бы что угодно: ⁶⁰ никто не мешал бы вам; вы имеете свой круг читателей: ⁶¹ довольствовались бы ими. Журнал ⁶² Пушкина не мог отбить у вас читателей; Пушкин не искусен был в книжной торговле; это было не его дело. Его долг ⁶³ был: показать хоть потомству изданием своего, даже хоть бы дурного журнала ⁶⁴ (а «Современник» между тем был лучшим из всех русских журналов), ⁶⁵ что он не участвовал в той [торговой спекуляции], ⁶⁶ в которой для многих заключается литература; этот долг на него налагался его званием поэта, его званием первого русского писателя.

[Но теперь Пушкина уже нет; «Современник» его издается в четырех книжках на нынешний год, и потом прекратится; успокойтесь же и продолжайте по-старому печатать и хвалить себя..] ⁶⁷

2

Приведенная статья Одоевского с надгробным словом поэту и характеристикой его литературной деятельности дала возможность установить принадлежность перу Одоевского и другого выступления, посвященного памяти поэта.

Мы имеем в виду знаменитый некролог, напечатанный в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» Краевского (1837, № 5, 30 января):

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужли в самом деле нет уже у нас Пушкина?.. К этой мысли нельзя привыкнуть!

«29 января, 2 ч. 45 м. пополудни».

П. Н. Сакулин в своей монографии об Одоевском выразил предположение, что автором этого сообщения о смерти Пушкина был Одоевский, усиленно хлопотавший в 1837 году о переводе его на французский язык.¹ Текст новонайденной статьи представляет веское доказательство для подтверждения этого предположения.

В прочувственном тоне некрологической ее части, в характеристиках поэта в этой и других статьях Одоевского о Пушкине обнаруживается явное сходство с некрологом.

Приведем примеры текстовых параллелей.

«Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!..», — читаем в некрологе, — «Пушкин, эта радость России, Пушкин, которого стихи знает наизусть и поет вся Россия!.., Пушкин — один человек, на которого даже и „Северная пчела“ с гордостью укажет на вопрос иностранца о нашей

⁶⁰ В статье «О нападениях» слов «что угодно» нет.

⁶¹ В статье «О нападениях» добавлено: «людей, которые вам удивляются, свои олтари».

⁶² В статье «О нападениях»: «книга».

⁶³ В статье «О нападениях»: «дело».

⁶⁴ В статье «О нападениях»: «даже дурного журнала».

⁶⁵ В статье «О нападениях» всей фразы о «Современнике», данной в скобках, нет.

⁶⁶ В статье «О нападениях»: «гнусной монополии». Заменено Краевским на: «мелочной умственной деятельности».

⁶⁷ Заменено Краевским на: «Вот причины, которые заставили Пушкина издавать особый журнал и которые мы сочли долгом изложить здесь».

¹ П. Н. Сакулин. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 2, М., 1913, стр. 328—329.

литературе», — читаем в публикуемой выше статье о «Современнике». В статье Одоевского «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», с которой статья о «Современнике» тесно связана, в этом месте имеется еще большее тождество: «Пушкин, эта радость России, наша народная слава, Пушкин, которого стихи знает наизусть» и т. д.

«Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина?.. К этой мысли нельзя привыкнуть!» — читаем в некрологе; «Читая теперь эти новые стихотворения Пушкина...», — говорится в статье о «Современнике», — как бы забываешь о том, что уже нет его между нами; кажется не прошло еще то время, когда вся образованная Россия ожидала от певца своего новых стихотворений как светлого праздника, — и получала их».

И там и здесь встречаем излюбленное Одоевским выражение, имеющееся и в статье его «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», и в статье 1837 года «Пушкин»: «всякое русское сердце».

«Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!» — писалось в некрологе; «Отчего же имя его нам родное, более народное, возбуждает больше сочувствия, нежели все делатели на других поприщах...», — говорилось в статье «Пушкин».

Отличия в этих выражениях, имеющих смысловую близость и текстовые совпадения, — лишь в большей лаконичности сообщения о смерти и в сознательном изъятии в статье о «Современнике» слов «народная слава» для уменьшения сходства с некрологом, вызвавшим недовольство правительственных кругов за возведение Пушкина в ранг великих людей, отечественных знаменитостей.

Некролог отразил безграничную народную любовь к Пушкину и боль утраты, с сознанием которой никак не хотело мириться народное чувство. Еще недавно, волнуясь и не теряя надежды, Одоевский писал в квартиру умирающего Пушкина:

«Карамзину,² или Плетневу, или Далю.

Напиши одно слово: лучше или хуже. Несколько часов назад Арндт надеялся. Одоевский».³

Записка эта еще не была опубликована. Поскольку одним из адресатов ее являлся Даль, она не могла быть написана ранее двух часов 28 января, времени первого появления Даля в квартире умирающего поэта. Другой адресат — Плетнев находился там еще с вечера 27 января. Карамзин, не упомянутый в описаниях последних дней Пушкина, составленных Жуковским, Далем и другими, вероятно, сопровождал свою мать, Екатерину Андреевну, вызванную по просьбе Пушкина утром 28 января. Вероятнее всего предположить, что записка была написана вечером 28-го, когда Даль «провозгласил надежду и обманул было себя и других».⁴

По записке Даля о ходе болезни Пушкина, после 6 часов вечера «жар уменьшился, опухоль живота опала, пульс сделался ровнее и гораздо мягче, кожа показывала небольшую испарину. Это была минута надежды. Если бы пуля не раздробила костей, то может быть надежда эта нас и не обманула».⁵ В И. Даль указывал, таким образом, что надежда мелькнула и у других. Записка Одоевского указывает, что такой момент надежды был и у Арндта. До сих пор из имеющейся литературы о дуэли и смерти Пушкина было лишь известно, что Арндт «с первого взгляда увидел, что не

² Карамзин Александр Николаевич (1816—1888), сын Н. М. Карамзина, поэт. Стихотворения его в 30-х гг. печатались в «Современнике» под псевдонимом «А. Лаголов».

³ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 117.

⁴ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е, ГИЗ, 1928, стр. 206.

⁵ Там же, стр. 209.

было никакой надежды», и подтвердил мнение первого доктора, Шольца, о «безнадежности положения его <Пушкина> и смертельности раны, им полученной», и что утром в 7 часов 29-го он «сказал... решительно, что всё кончено и что ему не пережить дня». ⁶ Мелькнула ли у Арндта и впрямь вечером 28-го числа надежда или, находясь в роли официального осведомителя правительственных кругов о состоянии Пушкина, он из тактических соображений смягчил обстоятельства?

Записка Одоевского написана через «несколько часов» после 6 часов вечера (по другим вариантам — «шестого часа»); учитывая показания А. С. Андреева, что «28 января в четверг — часу около девятого» слух о смертельном исходе был повсеместным, ⁷ полагаем, что записка была написана ближе к девяти часам вечера и, возможно, не была отправлена из-за встречного известия о безнадежности положения поэта.

В черновых заметках Жуковского о гибели Пушкина (запись пятая, опубликованная под заглавием «Действия друзей Пушкина») ⁸ в перечне фамилий ближайших друзей и очевидцев смерти поэта, от которых Жуковский, повидимому, ожидал воспоминаний о последних днях Пушкина для составления полного их свода, а также и других заметок о Пушкине для воздействия на общественное мнение, указан и Одоевский. Можно предполагать, что некролог и статьи Одоевского входили в программу действий этого кружка.

Записки и письма перечисленных в этой записи лиц — Данзаса, Вяземского, Карамзиной, Даля, Спасского и др. — предназначались для распространения и предварительно обсуждались кружком ближайших друзей поэта во главе с Жуковским. Также был, возможно, просмотрен в этом кружке некролог, помещенный в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» А. А. Краевского.

На том лишь основании, что некролог был помещен в издании Краевского, Н. О. Лернер и Н. Л. Бродский приписали Краевскому и его составление. ⁹ Но в настоящее время общеизвестно, что ведущим членом редакции «Литературных прибавлений» был не Краевский, а Одоевский. Нет никаких оснований считать Краевского автором некролога. Фамилия Краевского, заключающая перечень друзей поэта, призванных к обработке общественного мнения, была Жуковским вычеркнута. Приподнятая интонация и фразеология некролога, созвучные с интонацией и фразеологией других статей Одоевского о Пушкине, не соответствуют умеренному выражению чувств, которое мы встречаем, например, в письме Краевского к Белинскому по поводу смерти Пушкина:

«Да, мы потеряли Пушкина — единственное вдохновение России, редкое и почти — случайное! Он уже погребен в Псковской губ. в монастыре „Святые Горы“, возле той деревни, где он прозвучал лучшие свои песнопения». ¹⁰ Тон Краевского спокойно-элегический, в нем нет того высокого пафоса и взволнованности, которые характерны для высказываний Одоевского о покойном поэте и, в частности, для некролога, которым Уваров был недоволен как «пышною похвалою» Пушкину. ¹¹ Когда Краевскому для

⁶ Письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину (там же, стр. 180, 193); письмо П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову от 5 февраля 1837 года («Русская старина», 1875, т. XIV, стр. 92).

⁷ А. С. Поляков. О смерти Пушкина. ГИЗ, Пгр., 1922, стр. 30.

⁸ «Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», вып. 3, М.—Л., 1937, стр. 375—376.

⁹ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е, СПб., 1910, стр. 390;

Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. Гослитиздат, М., 1937, стр. 878.

¹⁰ В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 95.

¹¹ А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1893, стр. 381.

Нашим одно слово:
лучше или хуже, несколько
такова казавь Архива
наблюд.

Вулову

Каравану, или
Иметлибу, или Валу

«Литературных прибавлений» понадобилось объявление о похоронах и последних днях поэта, он также обратился к Одоевскому.¹² На принадлежность некролога перу Одоевского указывает еще одно обстоятельство. Когда в том же 1837 году скончался известный баснописец И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский обратился с просьбой о составлении некролога для «Литературных прибавлений» опять-таки к Одоевскому.

«Горестное известие сообщая Вам, — писал он Одоевскому в письме от 7 октября 1837 года, — Ив. Ив. Дмитриев скончался... Напишите краткое извещение о смерти его для следующего № „Литературных Прибавлений“ и покажите мне до напечатания».¹³

В появившемся 9 октября 1837 года в № 41 «Литературных прибавлений» некрологе видна прямая связь с некрологом, посвященным Пушкину. «Еще великая потеря! 3-го октября скончался наш незабвенный поэт Иван Иванович Дмитриев после кратковременной болезни, — писал Одоевский. — Мы не замедлим сообщить нашим читателям печальные подробности сего события, которое растревляет в русском сердце еще свежие, незажившие раны!» (стр. 405).

Связывая новую потерю с недавней великой утратой и подчеркивая национальное значение обоих поэтов, Одоевский снова употребляет выражение «русское сердце». Гордость Пушкиным как «русским поэтом» пронизывает все высказывания о нем Одоевского, в высшей степени проникнутого патриотическим чувством и гордившегося тем, что «русский человек все-таки первый в Европе».¹⁴ Обе эти заметки связывает одно общее чувство, о котором Одоевский писал: «Мы любим наше отечество — Россию — как только сын может любить мать свою; нам дороги ее радости, нам горьки ее печали...».¹⁵

Некролог, посвященный Пушкину, органически связан с предшествующей статьей Одоевского о Пушкине конца 1836 года и статьями о нем 1837 года. Он является звеном в этой неразрывной цепи статей, одушевленных любовью к поэту как народной славе России.¹⁶

Из всех этих статей лишь краткое известие о смерти по оплошности цензуры и проникло в печать. Статья «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» и статья о «Современнике» не могли быть напечатаны в то время, несмотря на все усилия, затраченные на это Одоевским и Краевским.

По объяснению, данному позднее самим Одоевским в рукописи статьи «О нападениях» в 83-м переплете его архива, причина этого запрещения коренилась в том, что дело происходило в «свинцовое десятилетие нашей журналистики». «Эта статья в ту эпоху, т. е. в 1836—1837 г., — писал он, — нигде не могла быть напечатана; не соглашались на то ни издатели, ни цензоры: кто по дружбе и расчетам, кто по страху; такова была сила

¹² См. письмо его к Одоевскому от 5 февраля 1837 года («Русская старина», 1904, т. 118, № 6, стр. 569).

¹³ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898, Приложения, стр. 82.

¹⁴ Из бумаг князя В. Ф. Одоевского. Сообщение А. И. Кошелева. «Русский архив», 1874, кн. I, № 2, стб. 287.

¹⁵ Литературные известия и замечания. «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», 1838, № 41, стр. 814.

¹⁶ Во время подготовки настоящего сборника было опубликовано письмо С. Н. Карамзиной к Андрею Ник. Карамзину от 10 февраля 1837 г., в котором она дает дополнительное подтверждение принадлежности некролога В. Ф. Одоевскому. С. Н. Карамзина пишет: «Одоевский умиляет своею любовью к Пушкину: он плакал, как ребенок, и нет ничего трогательнее тех нескольких строчек, в которых он объявил в своем журнале о смерти Пушкина» (И. Андроников. Тагильская находка. «Новый мир», 1956, № 1, стр. 195).

тогдашней Северной Пчелы и ужас, ею наведенный; она считалась каким-то привилегированным изданием, и даже говорили тогда, что эта привилегия посредством каких-то подземных ходов была действительно закреплена канцелярским порядком; по крайней мере ей позволялось то, что другим запрещалось [решительно] наотрез. Намекнуть о монополии Северной Пчелы на политические новости и ежедневный выход считалось делом самым предосудительным. В это время Библиотека для чтения, Сын Отечества и Северная Пчела, братски соединенные, держали в блокаде всё, что им не потворствовало, и всякое издание, осмеливавшееся не принадлежать к этой фаланге, хлестали в три [кнута] конца. Литературная газета и Московский Вестник, где по временам появлялись протесты против этого литературно-коммерческого заговора, читались мало, разве когда Косичкин налагал свою тяжелую руку на кого-либо из тогдашних диктаторов. Но вообще борьба была неравная, ибо тогда считалось делом обыкновенным наводить на противника подозрение в неблагонамеренности, вольнодумстве и прочих т. п. вещах...»¹⁷

Прежде всего отказался от печатания этой статьи андросовско-шевыревский «Московский наблюдатель», всё более скатывавшийся на охранительные позиции и становившийся в натянутые отношения с Пушкиным. «Если бы покойник (не тем будь помянут) нам не напроказил, дело шло бы лучше», — жаловался позднее С. П. Шевырев в письме от 8 сентября 1837 года Одоевскому.¹⁸

В правленной Одоевским писарской копии статьи «О нападениях» имеется надпись на полях: «Януарию Михайловичу Неверову для возвращения князю В. Ф. Одоевскому». Эта надпись принадлежит не самому Одоевскому, как утверждал П. Н. Сакулин, а, как это было отмечено И. А. Бычковым,¹⁹ С. П. Шевыреву, к которому адресовался вначале со статьей Одоевский.

Насколько можно определить по тщательно замаранным чернилами пометам под текстом статьи, она была написана в Симферополе в октябре 1836 года.

«Литературные прибавления» в это время еще не были в руках Краевского и Одоевского, другие петербургские журналы все были в руках противников Пушкина, и Одоевский, естественно, обратился во враждебный «журнальному триумvirату» «Московский наблюдатель»,²⁰ со многими сотрудниками которого он издавна был связан по кружку «любомудров».

17 ноября 1836 года Одоевский писал Шевыреву из Петербурга: «Я к тебе послал статью из Симферополя. Перемени в ней, что найдешь сообразным с положением вашего журнала. Неизвестный автор за это не должен сердиться. Если будут недоумения, пришли ко мне сюда с вашими переменами. А ее напечатать весьма не худо».²¹

¹⁷ Отрывск из предисловия, предпосланного к публикации статьи в 1864 году, но не напечатанного ни в «Русском архиве», ни при переизданиях статьи (в книгах: К биографии Пушкина, вып. II. М., 1885; Русские писатели XIX века о Пушкине. Л., 1938). Опубликовано полностью лишь в описании бумаг В. Ф. Одоевского с опущением вычеркнутых Одоевским слов (см.: И. А. Бычков о в. Бумаги князя В. Ф. Одоевского. Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887, Приложение 2-е, стр. 46—49).

¹⁸ Приписка к письму Н. А. Мельгунова В. Ф. Одоевскому от 5 сентября 1837 года. ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 758, л. 19.

¹⁹ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1896 год. СПб., 1900, стр. 198.

²⁰ «Надо непременно останавливать этого бессовестного поляка», — писал Одоевскому М. П. Подгунин 1 декабря 1836 года о Сенковском («Русская старина», 1904, № 3, стр. 710).

²¹ ГПБ, Отдел рукописей, фонд С. П. Шевырева, к. 2, письма В. Ф. Одоевского, л. 10 об., неопубликованное.

Неизвестным автором в шутку называл Одоевский самого себя, так как статью, подписанную сначала буквами «Θ. С. Θ», в конце концов оставил безымянной, вымарав и криптоним.

На это письмо Шевырев в начале января 1837 года отвечал: «... у нас ничего дурного не позволяется сказать ни о Сенковском, ни о Полевом, как будто бы эти люди заживо святые. Попробуй, скажи, тотчас бумага от Уварова».²²

В начале 1837 года, с переходом «Литературных прибавлений» в руки Краевского, у Одоевского появилась надежда напечатать в них свою статью. Он снова запрашивает Шевырева:

«Да отвечайте: печатаете ли вы статью о нападениях на Пушкина? — Нас с нею мучают по грехам» Иосифа Прекрасного и Фиглярина. Скажите да или нет, ибо в последнем случае ее напечатают в Литературных прибавлениях». . . Прощай, отвечай мне поскорее о статье о Пушкине».²³

Но Шевырев так и не отважился поместить статью, и она была возвращена Одоевскому через Я. М. Неверова.

Надежды на «Литературные прибавления», которые, по мысли Одоевского и Краевского, должны были быть органом противодействия вредному влиянию «Северной пчелы»,²⁴ также не оправдались.

Ответы на «пчелиные гадости» и рецензии на «подлеца Фаддейку», которые Краевский в письмах так часто просил Одоевского и «выправить и просолить», было не так легко продвинуть. Статья была Краевским возвращена Одоевскому с запиской: «Возвращаю статью о Пушкине».²⁵

На рукописи позднее рукой Одоевского было написано: «Писано незадолго до кончины Пушкина — ни один из журналистов не решился напечатать, боясь Булгарина и Сенковского».²⁶

После смерти Пушкина статья «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина», слегка переделанная, была, как указывалось выше, с новым окончанием и с надгробным словом Пушкину присоединена к обзору пятого тома «Современника». Но новое начало и конец, дававшие наполовину свежий текст, еще более усилили резкое звучание выпадов против «триумvirата» в старой статье и придали им большую боевую устремленность и принципиальность. Кроме того, в них заключались умеренные, с официальной точки зрения, восхваления поэта.

Статья, предназначенная для тех же «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“» и в корректуре представленная в цензуру, была запрещена.

Попытки Краевского поправить дело вымарками и переделками оказались тщетными.

Чрезвычайно интересно проследить за карандашными пометами Краевского, сделанными им на тексте приведенной выше статьи.

Краевский вычеркнул и переделал все резкие выражения по отношению к Булгарину и его сообщникам, все упоминания об их клеветнических выпа-

²² «Русская старина», 1904, № 5, стр. 368.

²³ ГПБ, Отдел рукописей, фонд С. П. Шевырева, к. 2, письма В. Ф. Одоевского, лл. 23 об., 24. — Часть этого письма процитирована П. Н. Сакулиным в книге «Князь Одоевский» (т. 1, ч. 2, М., 1913, стр. 326). Под Иосифом Прекрасным и Фигляриним подразумевались Осип Ив. Сенковский и Фаддей Булгарин.

²⁴ В письме от 10 января 1837 года к С. А. Соболевскому Одоевский писал, что в «Литературных прибавлениях» участвуют «Пушкин, Жуковский и Вяземский» («Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 752).

²⁵ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 641, л. 22.

²⁶ ГПБ, Собрание русских автографов, к. 18, В. Ф. Одоевский. «О нападениях...», л. 1 (приведено П. Н. Сакулиным в книге «Князь В. Ф. Одоевский», стр. 326).

дах против поэта, мелочных и злобных придирках к нему, о желании их очернить его; с другой стороны, Краевским исключены из текста характеристики их как невежд, негоциантов, лишенных литературной совести, сняты обвинения в коммерческом направлении, приданном ими литературе, в любимой ими «площадной драке» вместо серьезной, честной критики, в противодействии возвышающим душу человека мыслям, каждому благодетельному открытию и пр.

Вместо «литературные негоцианты» читаем: «эти господа», «г.г. журналисты»; «торговая спекуляция» заменена «мелочной умственной деятельностью»; отсутствие литературной совести заменено отсутствием «беспристрастия»; колкий намек: «Пушкин бросал свой драгоценный бисер на всяком перекрестке» заменен имеющей совсем другой смысл и к тому же неверной и бесцветной фразой: «Пушкин сам как бы не дорожил своими произведениями».

В фразе: «негодование, которое невольно возбуждается во всяком русском сердце при таком известии» Краевским вычеркнуты слова «во всяком русском сердце», так как это выражение намекало на национальную принадлежность и антипатриотизм Булгарина, для которого, по характеристике Пушкина, «где хорошо, там и родина», и его братию, под флагом патриотизма и благонамеренности преследовавшую всё передовое в русской литературе. По той же причине «не знающие русского языка» превращены в «читающих себя знатоками литературного языка».

Выброшен целиком абзац об идейной непримиримости Пушкина:

«Тщетные замыслы! Они не удались! Плачьте и рвитесь — ни одна строка Пушкина не освящала страниц, на которых печаталось во всеулышание то, что было противно его литературной и ученой совести. Да что вам и нужды до этого? печатали бы вы, издавали бы что угодно: никто не мешал бы вам; вы имеете свой круг читателей: довольствовались бы ими. Журнал Пушкина не мог отбить у вас читателей; Пушкин не искусен был в книжной торговле; это было не его дело».

Выразительная концовка: «Но теперь Пушкина уже нет; „Современник“ его издастся в четырех книжках на нынешний год, и потом прекратится; успокойтесь же, и продолжайте по-старому печатать и хвалить себя...» — заменена фразой, ничего не добавляющей к смыслу статьи: «Вот причины, которые заставили Пушкина издавать особый журнал и которые мы сочли долгом изложить здесь».

Помета Краевского под текстом: «Вторая книжка», повидимому, выражала намерение Краевского добавить к концовке несколько слов об ожидаемом читателями VI томе „Современника“» (второй книжке на 1837 год).

Из текста статьи Одоевского Краевским было также удалено всё то, что касалось «величия гения в Пушкине», гонений на поэта, «которого мы должны были бы хранить, как драгоценное свое сокровище», а в усиливающих этот намек на врагов Пушкина словах о «позднем, ложном сожалении» исключено слово «ложное».

Но труд Краевского пропал даром. 16 июля 1837 года он сообщил Одоевскому: «Статья о „Современнике“, мною исправленная и до глупости смягченная, опять запрещена г-м Корсаковым».²⁷

Несмотря на связи Одоевского с председателем цензурного комитета М. А. Дондуковым-Корсаковым, по словам Краевского, обещавшего Одоев-

²⁷ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 641, л. 23. — Корсаков Петр Александрович (1790—1844), цензор и писатель, цензуровал «Литературные прибавления».

скому «пропускать недозволяемое цензорами»,²⁸ статья осталась в редакционном портфеле Краевского и так и не увидела света.

Думаем, что в значительной степени этой неудачей вызваны жалобы Вяземского, редактора пятого тома «Современника», своим парижским друзьям на то, что «наши журналы и друзья Пушкина не смеют ничего про него печатать; с ним точно то, что с Пугачевым, которого память велено было предать забвению».²⁹

3

Текст статьи, дающей высокую оценку журнальной деятельности Пушкина и его «Современника», самый факт работы Одоевского над статьями в защиту пушкинского журнала, настойчивые, неоднократные попытки его провести эти статьи в печать при жизни поэта, в 1836 году, и по смерти его, в начале 1837 года, опубликование одной из них с вновь составленными примечаниями в 1864 году, пусть и с почти тридцатилетним опозданием, — все это заставляет критически отнестись к выводам новейших исследований о том, что Одоевский стоял во главе оппозиции к «Современнику», был враждебен стремлениям Пушкина к насаждению «положительных познаний» и «передовой его общественно-политической тенденции».¹

Текст обнаруженной статьи этому явно противоречит. Оплакивая великую национальную утрату, Одоевский отстаивал пушкинский журнал как «лучший из всех русских журналов», подчеркивал заслугу Пушкина в создании этого журнала. Опровергая повторявшиеся болгаринской кликой рассуждения об издательской деятельности Пушкина как недостойном его деле, Одоевский доказывал закономерность того факта, что Пушкин — первоклассный писатель и энциклопедически образованный человек, выразитель передовых идей, откликнувшийся на все «живые, возвышающие душу мысли» — должен был взять на себя роль вождя литературного движения.

При сопоставлении текста статьи о «Современнике» с текстом статьи «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» ясно, что, употребив слова: «даже дурного журнала» (на что ссылается Ю. Г. Оксман), Одоевский хотел сказать: «пусть даже дурного журнала», используя для полемики возражение противника, с тем чтобы его тут же опровергнуть. Он это и показал, вставив в эту фразу в новой статье слова «хоть бы» («даже хоть бы дурного журнала») и добавив в скобках: «а „Современник“ между тем был лучшим из всех русских журналов». И в той и другой статье подчеркнута высокая ученость и образованность Пушкина, не забывавшего «ни одного из таинств науки» и освещавшего эту «обширную массу познаний своим поэтическим ясновидением»; и там и здесь защищается право Пушкина на издание журнала, в котором бы с уважением встречались имена философов и ученых, «всякое благодетельное открытие». Неизменность своего мнения о «Современнике», как о лучшем из существующих русских журналов, Одоевский подтвердил своим деятельным участием в его издании как при жизни, так и после смерти Пушкина. К уже известным многочисленным свидетельствам об активной роли Одоевского в издании пушкинского журнала присоединяются недавно

²⁸ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 641, л. 14 об.

²⁹ «Русский архив», 1888, кн. II, № 7, стр. 303, 304.

¹ Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837). Вступительная статья Д. Благого. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 23; Ю. Г. Оксман. Комментарий к письму А. А. Краевского и В. Ф. Одоевского Пушкину. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 293—295.

опубликованные письма к Одоевскому Б. А. Враского и И. И. Граффа от мая и ноября 1836 года по делам издания «Современника».² Продлением после смерти Пушкина журнал был также в значительной степени обязан Одоевскому. Ф. Ф. Вигель прямо писал ему, что в «Современнике» 1837 года он видит «алтарь, сооруженный стараниями его сотрудника, собрата и приятеля».³

Статья Одоевского в защиту «Современника» является одним из проявлений тех «стараний» об упрочении положения журнала, которое стремилась подорвать болгаринская клика еще при жизни Пушкина и которое ухудшилось после смерти поэта, когда при враждебном отношении правительственных кругов журналу угрожало полное прекращение.

Проект издания энциклопедического журнала, который Одоевский и Краевский в 1836 году хотели осуществить или в виде самостоятельного журнала «Русский зритель», или в виде «Современника», превращенного из журнала литературного в журнал общественно-политической и литературной жизни (подобно тому, как это было ими позднее сделано с «Отечественными записками» Свиньина, имевшими, помимо литературных материалов, лишь небольшой «Листок» с политическими новостями), восходил к задуманному Пушкиным и Одоевским «Современному летописцу политики, наук и литературы». Узкие рамки, в которые был против воли Пушкина заключен «Современник», более похожий, по мнению Белинского, «на альманах в четырех частях, нежели на журнал»,⁴ невозможность выхода за пределы этих рамок, о которых Одоевский в примечаниях к статье «О нападениях» писал: «Враги Пушкина называли беспрестанно „Современник“ журналом — не спроста; здесь было указание цензуре на то, что Пушкин делает нечто недозволенное, ибо „Современник“ был разрешен ему как сборник, а не как журнал»,⁵ — побуждали Одоевского осуществить первоначальный проект повременного издания.

Большое значение придавал Одоевский, как это явствует из публикуемой ниже тетради под названием «Отечественные записки», общественно-политическому отделу «Современная хроника России», не разрешенному Пушкину.⁶ Что Одоевским владели не враждебные «Современнику» помышления, показывает то обстоятельство, что после сделанного им и Краевским в августе 1836 года предложения Пушкину совместно издавать реорганизованный «Современник», на которое Пушкин, повидимому, ответил отказом, Одоевский в октябре 1836 года выступил с горячей защитой «Современника» в статье «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина».

Можно думать, что в создании проекта реорганизации «Современника» ведущая роль принадлежала А. А. Краевскому, желавшему взять в свои руки общее направление издания и несколько приспособить его к требованиям Уварова и III Отделения. Одоевскому подобная «дипломатия» не была свойственна. Определить лицо журнала могла, в конечном счете, лишь литературная критика. А она в новом «Современнике» должна была осуществляться Пушкиным, а в «Отечественных записках» была отдана

² Пушкин в неизданной переписке современников. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 131—132; ср. с письмом Одоевского к Н. Н. Пушкиной от 10 мая 1836 года («Искусство», 1923, № 1, стр. 324—325).

³ «Русская старина», 1904, № 7, стр. 156.

⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, Изд. Академии Наук СССР, М., 1953, стр. 347.

⁵ «Русский архив», 1864, № 7 и 8, стб. 827.

⁶ I ПБ, Отдел рукописей, Собрание автографов, к. 18, В. Ф. Одоевский, «Отечественные записки».

Белинскому, приглашение которого можно рассматривать как осуществление Одоевским намерения Пушкина привлечь критика в свой журнал. Н. Ф. Павлов именно Одоевского упрекал в том, что Белинский дал «цвет и... направление „Отечественным Запискам“». ⁷ То, что резкость Белинского поощрялась не Краевским, подтверждается и письмом Краевского к Белинскому в начале 1837 года, в котором Краевский, приглашая критика к участию в «Литературных прибавлениях», ограничивал его действия указанием, что «негодование, резкая острота, если угодно брань Литературные прибавления позволяют себе печатать только, говоря о грязных закоулках нашей литературы и о гадинах, там гнездящихся: Булгаринных, Гречах, Сенковских и пр.» ⁸

Пушкин, осуждавший философский идеализм Одоевского, ценил в нем полемический дар журналиста, тот «пафос истины», который, по характеристике Белинского, сквозил в лучших его произведениях и делал из него «не только писателя с большим талантом, но и человека с глубоким, страстным стремлением к истине, с горячим и задушевым убеждением,—человека, которого волнуют вопросы времени...» ⁹ Пушкин дорожил его сотрудничеством в «Современнике», ¹⁰ «Княжну Зизи» называл «славной вещью», статью «О вражде к просвещению» — «дельной, умной и сильной». «Без Вас пропал „Современник“», — писал он Одоевскому, испрашивая у него повесть для своего журнала. ¹¹

«Я питал к нему глубокое уважение и душевную любовь, — писал Одоевский, — и смею сказать гласно, что эти чувства были между нами взаимными, что могут засвидетельствовать все наши тогдашние знакомые, равно мое участие в Современнике, письма ко мне от Пушкина и проч. т. п.; после горькой его кончины я вместе с кн. П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и П. А. Плетневым имел счастье быть редактором тех номеров Современника, которых издание было предпринято нами для того только, чтобы исполнить обязанности великого поэта, как издателя, — к подписчикам на его журнал». ¹²

Несомненно, в борьбу с журнальными врагами Пушкина Одоевский вступил с ведома и одобрения самого поэта.

Сильной стороной статей Одоевского о пушкинском «Современнике» была горячая защита Пушкина и его журнала, единственного уголка, по словам П. А. Плетнева, оставшегося «людям, уважающим и любящим прямое добро», ¹³ обличение литературных и нелитературных врагов журнала, стремившихся ослабить русскую литературу, воспрепятствовать консолидации ее передовых сил и непосредственному их общению с широкими читательскими кругами, помешать ее совершенствованию под влиянием принципиальной журнальной критики. Этими выступлениями Одоевский оказывал существенную поддержку Пушкину, с начала 30-х годов мечтавшему о том, чтобы «монополия Греча и Булгарина пала», ¹⁴ и продолжал традиции

⁷ «Русская старина», 1904, № 4, стр. 198.

⁸ В. Г. Белинский и его корреспонденты. М., 1948, стр. 91—92.

⁹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VIII, Изд. Академии Наук СССР, М., 1955, стр. 305, 323.

¹⁰ «Пушкин уважал меня и весьма дорожил моими сочинениями и печатал их с признательностью в „Современнике“», — писал Одоевский в своем дневнике 24 ноября 1860 года («Литературное наследство», т. 22—24, 1935, стр. 117).

¹¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XVI, Изд. Академии Наук СССР, 1949, стр. 91, 100, 210.

¹² П. Н. Сакулин. Князь В. Ф. Одоевский, т. I, ч. 2, стр. 322.

¹³ «Русская старина», 1896, № 4, стр. 202.

¹⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XV, 1948, стр. 27.

«Современника», с первого номера объявившего в статье Гоголя о противодействии журналистам, получившим «монополию» самовосхвалением и доносами в литературе. Критика Одоевского во многом была созвучна как предшествующему выступлению Гоголя, поддержанному Одоевским еще в статье «О вражде к просвещению», так и последующей критике Белинского, горевавшего после смерти Пушкина, что «один истинный поэт был на Руси, и тот не совершил вполне своего призвания. Худо понимали его при жизни, поймут ли теперь? . . .».¹⁵ В написанной через год рецензии Белинского на пушкинский «Современник» 1837 года, и в том числе на пятый том, дающей отсутствующий в статьях Одоевского глубокий анализ помещенных там произведений Пушкина, звучат сходные со статьей Одоевского мотивы. «Предмет отрадный и грустный в то же время!» — пишет Белинский, разбирая пушкинские произведения, — отрадный, как свидетельство о «новом, просветленном периоде художественной деятельности великого поэта России», грустный — при мысли о жалком воззрении на этот период как на «период падения таланта Пушкина».¹⁶ В этом же году Белинский в статье «Сочинения Николая Греча» зло осмеял Булгарина, при появлении седьмой главы «Евгения Онегина» провозгласившего на радостях на двух языках, русском и французском, «совершенное падение, chute complète» Пушкина.¹⁷

Той же «раздирающей душу грустию», что и Одоевского, поражает Белинского в пятом томе «Современника» письмо Жуковского о последних днях Пушкина.¹⁸

В статье Одоевского, проникнутой глубокой скорбью по поводу безвременной смерти поэта и негодованием по отношению к его врагам, слышны отзвуки знаменитого стихотворения Лермонтова на смерть поэта, которое (как свидетельствуют помета В. Ф. Одоевского на автографе стихотворения: «Стихотворение, которое не могло быть напечатано», и следы правки в тексте) было, повидимому, отдано для напечатания Одоевскому, как сотруднику редакции единственного в то время дружественного Пушкину петербургского литературного органа «Литературных прибавлений к „Русскому инвалиду“»,¹⁹ как соредактору «Современника», поместившего ряд стихотворений в память поэта.

В словах Одоевского: «Что же теперь? Эти господа, как слышно, уже горюют о Пушкине, даже чтят его память притворными похвалами. Позднее, ложное сожаление! . . .» — чувствуется влияние стихов Лермонтова.

Одновременно с Лермонтовым Одоевский выступил против болгаринского издания «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении».²⁰

Слабость статей Одоевского о Пушкине — в отсутствии в них верной политической оценки болгаринского направления, которая дана была Пушкиным, язвительно отмечавшим в своих памфлетах, что «сочинения шпиона Видока. . . не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства»,²¹ а также Лермонтовым, бичевавшим его политическую продажность, и

¹⁵ В. Г. Белинский, Избранные письма, т. I, Гослитиздат, М., 1955, стр. 53.

¹⁶ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, 1953, стр. 347.

¹⁷ Там же, стр. 530.

¹⁸ Там же, стр. 348.

¹⁹ В фонде А. А. Краевского числилась копия лермонтовского стихотворения, а также стихи на смерть Пушкина — А. С. Норова, С. Волконского, Э. И. Губера, Я. Арапетова, С. Сельского и др.

²⁰ Э. Найдич, Неизвестные эпиграммы Лермонтова. «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 364—366.

²¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XI, 1949, стр. 130.

Белинским, разоблачившим в своих статьях Булгарина и его пособников, как идеологов воинствующей реакции. Хотя Одоевский и намекает на официозность «Северной пчелы», говорит о ее противодействии всему передовому, о ее антипатриотическом скептицизме по отношению к расцветшей русской литературе, но в этом антипатриотизме Одоевский видел лишь «враждебное России польское направление», в то время как Булгарин и его окружение, преследуя всё передовое в русской литературе, были проводниками реакционной политики русского царизма и находились под опекой Бенкендорфа, хвалившего «перо Булгарина, всегда преданное власти».²²

В борьбе Пушкина с булгаринским направлением Одоевский видел не политическую борьбу, а борьбу «честного» и «коммерческого» направлений в литературе. Отвержение к «торговому направлению» литературы, характерное для эволюционировавшего к славянофильству «Московского наблюдателя», с которым был связан Одоевский, осуждалось Белинским, не видевшим, как и Пушкин, зла в сближении литераторов с книгопродавцами, несмотря на то, что «верная пожива от литературных трудов умножает число непризванных литераторов».²³ Двойственность позиций Одоевского-журналиста была тесно связана с противоречиями его мирозерцания, в котором прогрессивные элементы, выразившиеся в его просветительских устремлениях, гуманизме, критическом отношении к многим отрицательным сторонам окружающей действительности, сочетались с реакционной идеалистической метафизикой, уводящей от реальных общественных противоречий в мир утопических построений и патриархальных идеалов. Одобряя «социальный и гражданский» дидактизм, активное противодействие гонению, воздвигнутому «против просвещения и литературы» Булгариним и Сенковским, гуманистическую защиту «добра» и продиктованное критическим отношением к действительности «стремление к истине», отличающие публицистику Одоевского, Белинский осуждал его утопический мистицизм, его непонимание тенденций современного «индустриального» развития.²⁴

Передовая общественно-политическая позиция Пушкина, жаждавшего коренных преобразований, взгляд Пушкина на положительные знания и промышленный прогресс как на рычаги для улучшения жизни человечества, живой интерес его к насущным потребностям жизни русского народа определили расхождение его с Одоевским, у которого критическое отношение к современной общественной жизни никогда не переходило в резкий осознанный протест против общественного зла и порождало лишь осужденные Пушкиным утопические иллюзии и философский мистицизм. Из своей критики буржуазного приобретательства, утилитаризма и эгоизма Одоевский не делал социально-политических выводов, какие делал Пушкин.

4

Мистический идеализм Одоевского, проникая в его критические статьи, вытеснял общественно-политические критерии в оценке литературных явлений, снижал полемический характер его высказываний.

В написанных в годы сотрудничества с Пушкиным статьях Одоевского «О вражде к просвещению» и «О нападениях петербургских журналистов на русского поэта Пушкина», а также в статье о «Современнике» эта ослаб-

²² «Старина и новизна», кн. 6, 1903, стр. 8.

²³ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, 1953, стр. 129.

²⁴ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VIII, 1955, стр. 308, 311, 320.

ляющая публицистику Одоевского идеалистическая струя мало заметна. Зато с большой силой дает она о себе знать в написанной несколько позднее статье «Пушкин».¹

Эта статья, которую П. Н. Сакулин обещал напечатать в приложениях ко второму тому его труда об Одоевском, так и оставшемуся неопубликованным, до сих пор известна лишь по пересказу и цитатам, приведенным в первом томе работы Сакулина² и в статье «Пушкин и князь В. Ф. Одоевский» Н. В. Измайлова.³

Приводим этот текст полностью:

«Пушкин»

Пушкин! — произнесите это имя в кругу художников, постигающих всё величие искусства, в толпе простолюдинов, в толпе людей, которые никогда его сами не читали, но слышали его стихи от других — и это имя везде произведет какое-то электрическое потрясение. Отчего его кончина была семейною скорбью для целой России, отчего милость царская⁴ сиротам поэта⁵ была подарком для всякого русского сердца; ⁶ нетленным алмазом в нетленном венце русского государя? — Что сделал Пушкин? избрал ли он молотильню, новые берда для суконной фабрики, или другое новое средство для обогащения, доставил ли вам какие удобства в вещественной жизни? Нет, рука поэта оставляла другим делателям подвиги на сем поприще⁷ — отчего же имя его нам родное, более народное, возбуждает больше сочувствия, нежели все делатели на других поприщах, теснее соединенных с⁸ житейскими выгодами каждого из нас.

Я не буду отвечать на эти вопросы. В царских чертогах есть многоценная картина Рафаэля,⁹ она не велика, холста на нее употреблено мало, несколько гранов краски и только — но эта картина куплена огромной ценою, — но эта картина приковывает ваши взоры, она¹⁰ вносит в душу ряд высоких неизъяснимых ощущений, она¹¹ разверзает в самой глубине души мир, до того не достижимый простолюдину, при взгляде на нее утихают порочные страсти, невольное благоговение как бы неистощимым пла-

¹ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 1, переплет 83, лл. 11—19.

² П. Н. Сакулин Князь В. Ф. Одоевский, стр. 327—328 — Извлечение из этого отрывка перепечатано в книге: Русские писатели XIX века о Пушкине, Л., 1938, стр. 117.

³ Сб. «Пушкин в мировой литературе», Л., 1926, стр. 289—308.

⁴ Далее зачеркнуто: «его семейству».

⁵ Подразумевается снятие с наследников Пушкина долга его царю в 45 тысяч рублей, отравлявшего последние годы жизни поэта, и пожалование 50 тысяч рублей на напечатание его сочинений. Славословие этого рассчитанного жеста, которым Николай I хотел произвести определенное впечатление на русскую общественность и собласти приличие перед Европой, объясняется не только монархическими симпатиями Одоевского, но и заискиванием его и Жуковского перед правительством, от которого зависело издание журнала и сочинений Пушкина. Они составляли докладные записки царю, представляли ко двору первые экземпляры сочинений и т. д.

⁶ Далее зачеркнуто: «драгоценною жемчужиною».

⁷ Далее зачеркнуто: «он посвятил жизнь своему другому поприщу и поприщу литературному».

⁸ Далее зачеркнуто: «с нашею славою».

⁹ Одоевский, вероятно, имел в виду одну из Мадонн Рафаэля, приобретенных для Эрмитажа. Тот же пример находим в его черновиках статьи о творчестве Жуковского. Сравнительно высокое воздействие поэзии Жуковского с воздействием картины Рафаэля, он заключал: «душа притекает к ним (поэтическим наслаждением), как младенец к матерней груди, — зате жизнь его в ней и в ней его сила» (ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 1, переплет 13, л. 119).

¹⁰ Далее зачеркнуто: «пробуждает».

¹¹ Далее зачеркнуто: «пробуждает».

менем облакает все чувства души, вы невольно чувствуете в сердце стремление к добру, в уме рождается ряд высоких мыслей, которые отвлекают вас от ¹² жизненной грязи, от мелочей жизни, от душной земли, разверзают в душе новое, до того для вас непонятное небо. Как и отчего производят это магическое действие кусок полотна, пиитическое произведение, гармония музыкальной трубы — того не перескажет вам человеческое слово; это одна из тех тайн, на которой останавливается естествоиспытатель при виде жизни, зарождающейся в зерне растения, при виде силы, которая в человеческом организме соединяет все разнородные, противоположные друг другу стихии. Тщетны же ¹³ усилия тех, которые хотят на человеческий язык перевести жизнь поэта, остановить каждое мгновение его жизни, дать ему форму, найти её значение, как тщетны доньше все усилия естествоиспытателей заметить минуту, когда появляется первый отросток из прозябающего зерна.

Однажды, пред тою картиною, о которой мы говорили, остановилась ¹⁴ толпа любопытных. Из толпы раздавались восклицания: прекрасно, превосходно, божественно! Один между зрителями рассказывал о времени, когда написана картина, о манере Рафаэля в этом периоде его художественной жизни, о размере картины, о гравюрах, с нею ¹⁵ сделанных, о красках, которые употреблял живописец, о том, что было об ней писано, кому она принадлежала, за сколько куплена, даже, кажется, о том, сколько пошло на нее холста. Некоторые слушали его с вниманием, но ¹⁶ большая часть не внимала ему, иные даже досадовали на рассказчика, зачем он прозаическую речь ¹⁷ нарушает их безмятежное, сладкое созерцание. Другой стоял в отдалении от картины, устремив на нее свои взоры: спрашивали его мнения ¹⁸ — он ¹⁹ молчал и не сводил глаз с картины — в этом состоял весь ответ его.

Так бывает со всеми великими произведениями искусства, так бывает с величайшим произведением естественного художества — поэтом. Есть люди, которые любят разбирать по частям жизнь художника, отгадывать, зачем он избрал тот или другой предмет, зачем он не избрал ²⁰ такой именно, ²¹ — но ²² большее число мало обращают внимания на эти обстоятельства, сводящие поэта на степень обыкновенного человека, они безотчетно любят великим художником, ибо он говорит им тем языком, которого нельзя передать словами, он беседует с теми ²³ силами, которые углублены в безднах души, которые человек иногда сам в себе не ощущает, но которых ²⁴ поэт ему должен высказать, чтобы он их

¹² Далее зачеркнуто: «житейских забот».

¹³ «же» вписано позднее.

¹⁴ Далее были написаны фразы: «толпа любопытных слуш. и проч. смотр. в нач. книги. В царских палатах пред драгоценною картиною Рафаэля остановилась», со слов «смотр. в нач. книги» зачеркнутые. Это было связано с присоединением к этому месту текста старого начала статьи из записной книги. Слова: «толпа любопытных слуш. и проч.» Одоевский забыл зачеркнуть.

¹⁵ «с нее» написано вместо зачеркнутого: «карти<ны>».

¹⁶ Далее зачеркнуто: «другие».

¹⁷ Далее зачеркнуто: «мешает».

¹⁸ Далее зачеркнуто: «о карт<ине>».

¹⁹ Далее зачеркнуто: «не отвечал».

²⁰ Далее зачеркнуто: «другого».

²¹ Далее зачеркнуто: «зачем».

²² Далее зачеркнуто: «то<лапа>»

²³ Над этими словами зачеркнуты начатые слова: «запад», «отл», а далее зачеркнуто: «глубинами».

²⁴ Далее зачеркнуто: «пробуждение наполняет его неизъяснимым восторгом».

понял. Те, которые знакомы с сими глубинами, в этом случае поступают подобно толпе, они благоговеют и безмолвствуют.

Много писали о Пушкине, но еще больше читали его; много желчи слабости и легкомыслие и коварство примешивали в²⁵ сосуд его славы — но обратитесь к кому бы то ни было — одно имя²⁶ Пушкина и произведен ряд высоких ощущений, в которых не одно чувство народной гордости, но и чувство поэзии; спросите того же самого человека отдать вам отчет в действии, производимом на вас его произведениями, он²⁷ в ответ вам скажет лишь одно слово: «прекрасно!» — слово глубокое, когда вылетает из глубины сердца.

Это сочувствие, этот род безотчетного обожания, производимые в людях художником или поэтом, есть явление важное, и чем безотчетнее это чувство, тем предмет его должен быть возвышеннее;²⁸ это род религиозного акта, совершаемого душою в своем неприступном святилище.²⁹ Вы легко отдадите себе отчет в назначении, в употреблении ремесленного произведения, домашней утвари, над³⁰ растением вы уже задумаетесь, человека уже растолковать себе не умеете, что же найдете сказать о высшем произведении высшего на земле события³¹ — о художественном деле?

Исследовать, оценить художников сделалось привычкою в нашем веке; целые книги написаны о том, чтобы растолковать, почему изящное в таком-то произведении действительно изящно. Не вижу большой пользы в таких исследованиях. Кто не открыл в душе своей тех объятий, которые жаждут художественного поцелуя — для того эти исследования не понятны. Собрать ошибки, заблуждения поэта есть³² византийский педантизм; думать, что можно кому-либо писать по образцу поэта, — есть ребячество, в которое могли впасть лишь французы. Куда привело их изучение великих образцов? *l'étude des grands maîtres*? К тому, что всякая девственная сила уже невозможна на этом языке,³³ в его растленных буквах не вмещается никакая высокая мысль и сказанная на этом языке кажется пустою фразою.

Пред великим художником важно и полезно лишь одно чувство: благоговение.³⁴ Приступайте к нему с сердцем девственным, — не мудрствуя лукаво. Не держайте у него спрашивать, почему он так сделал, а не иначе. Спросите об этом у самого себя? и если можете отвечать на³⁵ сей вопрос, то благодарите бога, что он открыл вам важную тайну своего творения. — Такого рода чувство в особенности полезно для вас самих, ибо оно возводит³⁶ вашу душу на высшую степень; оно полезно и для ваших читателей, потому что силою сочувствия может также возвысить и их душу не по словам вашим, — но по собственному ее процессу, которому вы дали только закваску.

²⁵ Далее зачеркнуто: «его чашу».

²⁶ «одно имя» Одоевский начал было переделывать на «одним именем», но бросил.

²⁷ Далее зачеркнуто: «не будет в состоянии выразить вам своих мыслей», а сверху последних четырех слов зачеркнуто: «вам сказать ни одного».

²⁸ Далее зачеркнуто: «пользу», «в пользе».

²⁹ Далее зачеркнуто: «Пользу».

³⁰ Далее зачеркнуто: «былинкою».

³¹ Написано сверху зачеркнутого: «существа».

³² Далее зачеркнуто: «ребячество».

³³ Далее зачеркнуто: «и самая», а следующие затем слова (до слов: «высокая мысль») написаны над строкой.

³⁴ Далее зачеркнуто: «Не держайте у него спрашивать?».

³⁵ Далее зачеркнуто: «него».

³⁶ Написано над зачеркнутым: «возвышает».

В споре за Бахчисарайский фонтан,³⁷ с одной стороны,³⁸ <был> холодный скептицизм,³⁹ с другой, — горячее, неподдельное чувство; первый не мог⁴⁰ уронить пинтического произведения по той же причине, почему скептицизм не может заглушить веры, последнее не могло защитить творение по той же причине, почему скептицизм не опровергаем, ибо не имеет ничего существенного.

Знаю, как озлобят эти⁴¹ слова виновников в сем, так называемом ими падении Пушкина, но мы уже потомство, а потомство чинит суд правый и каждому воздает по делам его.

В работах П. Н. Сакулина и Н. В. Измайлова статья была использована преимущественно для характеристики эстетических воззрений Одоевского, его философского романтизма; однако нельзя согласиться, что статья, помимо характеристики благоговейного отношения Одоевского к Пушкину, главным образом «ценна для характеристики мистической эстетики Одоевского...».⁴²

Выходя за рамки характеристики творчества Пушкина, Одоевский ставит вопрос о критериях художественности, о методах критической оценки и протестует против рассудочного, догматического подхода к произведениям искусства. «Пушкин» Одоевского — остро полемическая и проблемная статья.

В отношении оценки значения поэта статья ценна силой восторженного преклонения перед творчеством Пушкина как мирового и национального гения, провозглашением Пушкина *народным* поэтом, имя которого производит «род электрического потрясения» в каждом «русском сердце» — как в среде просвещенных ценителей, так и в «толпе простолудинов».

В сборнике «Русские писатели XIX века о Пушкине» (1938) помещен небольшой отрывок из этой статьи под характерным заглавием ««Народный Пушкин»» (стр. 117).

Одоевский снова противопоставил свой голос гонителям Пушкина: и тем, которые преследовали его при жизни, и тем, которые, по его словам, «задумали мало по малу задушить мертвого Пушкина (ибо с живым им этого не удалось)».⁴³

Нужно было пресечь «наваливание кучи пошлостей» вокруг имени поэта, начатое Полевым, сблизившимся к этому времени с Гречем и Булгариным и утверждавшим, что Пушкин не «вековой гений», что он скоро будет забыт, что путь его полон падений.⁴⁴ Шевырев, все более утверждавшийся на реакционных позициях, продолжал ту же линию на страницах «Московского телеграфа» и писал об эскизности произведений поэта, ослаблении его деятельности в последнее время и т. д.⁴⁵

³⁷ Имеется в виду оживленная полемика, вызванная выходом «Бахчисарайского фонтана» с известным предисловием П. А. Вяземского, отразившая борьбу между представителями романтического направления и защитниками классицизма в начале 20-х годов.

³⁸ Далее зачеркнуто: «было горячее чувство, с другой».

³⁹ Было вначале: «холодная диалектика».

⁴⁰ В автографе: «первая не могла», так как эти слова, вначале относившиеся к слову «диалектика», Одоевский забыл изменить.

⁴¹ Далее зачеркнуто: «истины».

⁴² Н. В. Измайлов. Пушкин и князь В. Ф. Одоевский. Сб. «Пушкин в мировой литературе». ГИЗ, Л., 1926, стр. 232

⁴³ Письмо Одоевского к Б. Г. Глинке-Маврину от 14 мая 1837 года. «Русская старина», 1880, № 8, стр. 805.

⁴⁴ «Библиотека для чтения», 1837, т. XXI, отд. I, стр. 192.

⁴⁵ Статья «Пушкина не стало!». «Московский наблюдатель», 1837, ч. X, стр. 122.

Полемиические выпады против булгаринных и полевых находим на протяжении всей статьи и в осуждении людей, «которые любят разбирать по частям жизнь художника, отгадывать, зачем он избрал тот или другой предмет, зачем он не избрал такой именно», стараются «собирать ошибки, заблуждения поэта», и в отрицательных характеристиках гонителей Пушкина, примешавших «много желчи» «в сосуд его славы».

В концовке статьи это полемиическое задание выступает уже неприкрыто: «Знаю, как озлобят эти [истины] слова виновников в сем, так называемом ими падении Пушкина, но мы уже потомство, а потомство чинит суд правый и каждому воздаст по делам его».

В статье о Пушкине Одоевским был выражен протест против искажения образа великого поэта, который с еще большей резкостью проявился позднее в высказываниях Белинского, уподобившего «достойных» журналистов «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы» «моли, тле, мухам и подобным тому дрянным насекомым», которым довольно, «если им удастся хоть на минуту затемнить славу», «запачкать картину гения», но которым «истребление истинной славы никогда не удастся».⁴⁶

Мелким нападкам непризванных критиков Одоевский противопоставил высший суд, суд народа, его восторженное преклонение перед творчеством Пушкина. Но как нельзя было напечатать статью о «Современнике», характеризовавшую Пушкина как великого национального поэта и обличавшую опекаемых III Отделением врагов Пушкина, так же немислимо было напечатать и эту восторженную статью, посвященную памяти великого поэта, в которой были замаскированы те же обличения.

Она осталась в бумагах Одоевского в черновом виде, неперебеленной.

Мнение о том, что статья осталась незаконченной,⁴⁷ неверно. Оно объясняется тем обстоятельством, что последний лист («Пушкин 9»), начинавшийся с полемики вокруг «Бахчисарайского фонтана», был принят за лист с особым текстом. На самом деле пример с «Бахчисарайским фонтаном» был приведен Одоевским в тесной связи с утверждением на предшествующей странице, что толки о художественном произведении бесполезны.

Через много лет, когда борьба, сопровождавшая зарождение передовой русской журналистики, отошла в прошлое и явилась возможность извлечь из-под спуда статьи в защиту Пушкина уже в качестве архивных материалов, Одоевский вернулся к мысли об опубликовании статей о Пушкине и других материалов из своего архива, с ним связанных. Он пытался осуществить это снова через Краевского, имевшего возможность напечатать эти материалы на страницах «Отечественных записок».

«Некоторые из сих статей у вас залежались, между прочим, статья с автографами Пушкина, Гоголя, Грибоедова, к которой вы собирались что-то прибавить. . .», — писал Одоевский Краевскому 30 августа 1862 года.⁴⁸ Но Краевский, давно отошедший от своего прежнего направления, не нашел времени «для спокойного, — по его словам, — безмятежного самоуглубления в глубь прошедшего».⁴⁹ О статье он отозвался неведением, а насчет писем Пушкина, Гоголя и Грибоедова сообщал, что у него только копия переписки Одоевского с Пушкиным; к ней он обещал «приделать. . . кое-что из своих воспоминаний

⁴⁶ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, 1955, стр. 39.

⁴⁷ Н. В. Измайлов. Пушкин и князь В. Ф. Одоевский. В сб. «Пушкин в мировой литературе», стр. 292.

⁴⁸ «Русская старина», 1904, № 6, стр. 588.

⁴⁹ См. письмо его к В. Ф. Одоевскому от 9 сентября 1862 года («Русская старина», 1904, № 6, стр. 586).

о первоначальном „Современнике“, о котором упоминается в ней не раз», но без надежды на скорое исполнение обещания.⁵⁰

Так и не дождавшись ничего от Краевского, Одоевский с основанием «Русского архива» передал в 1864 году статью «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» и другие материалы из своего личного архива П. И. Бартеневу. По расписке Бартенева от 5 апреля 1864 года, сохранившейся в архиве Одоевского, он взял «в присутствии С. А. Соболевского сто двадцать шесть листов (в подлинниках и копиях) разных записок, писем и пр. Пушкина, Жуковского, Грибоедова, Глинки, Варнгагена и др., принадлежащих кн. В. Ф. Одоевскому».⁵¹

Одоевским была передана в «Русский архив» статья «О нападениях», а не статья о «Современнике», вероятно, потому, что первая носила более общий характер, чем вторая, являвшаяся в значительной своей части надгробным словом. Но возможно, что статья запрашиваемая Одоевским у Краевского, о которой тот отозвался неведением, и была статья о «Современнике», дошедшая до нас не в архиве Одоевского, а в архиве Краевского.

5

Продолжение «Современника» после смерти Пушкина потребовало больших хлопот друзей поэта, главным образом Жуковского и Одоевского. Понадобилась не одна докладная записка Жуковского царю о продолжении этого издания. О превращении «Современника», разрешенного Пушкину как сборник, альманах, в журнал энциклопедического характера нечего было и думать. Издав вместе с Жуковским, Вяземским, Плетневым и Краевским в 1837 году четыре тома журнала по принципу изданных при жизни Пушкина томов и включив в них оставшиеся после Пушкина неопубликованные и неоконченные его произведения, Одоевский с помощью Краевского приступил к осуществлению давнишнего проекта Пушкина и своего о создании журнала энциклопедического, включающего новости и литературной, и научной, и промышленной, и общественно-политической жизни России.

Отказавшись от когда-то предложенного Пушкину плана реорганизации «Современника», Одоевский и Краевский в 1838 году обратились к не возбуждавшему внимания цензуры и властей журналу Свинына «Отечественные записки» и превратили его в журнал нового типа.

То, что издание такого рода журнала было осуществлением давнишних планов Пушкина и Одоевского, убедительно доказывается в статье А. П. Могилянского «А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных „Отечественных записок“».¹ Тем большее значение имеет история становления этого журнала, наглядно представленная в неиспользованной А. П. Могилянским тетради Одоевского под названием «Отечественные записки».² Эта тетрадь конца 1838—начала 1839 года на 36 листах с водяным знаком 1836 года (из них 17 чистых и 1 вырезан) содержит список намечавшихся сотрудников, программу журнала, предуведомление редакции и ряд других важных сведений.

⁵⁰ См. письмо его к В. Ф. Одоевскому от 9 сентября 1862 года («Русская старина», 1904, № 6, стр. 586).

⁵¹ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 217, л. 2.

¹ «Известия Академии Наук СССР. Серия истории и философии», 1949, т. VI, № 3, стр. 209—226.

² ГПБ, Отдел рукописей, Собрание русских автографов, к. 18, В. Ф. Одоевский «Отечественные записки».

Приводим наиболее интересную часть этой тетради (листы 4—9):

«ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ».

«Программа журнала.»

Современная хроника России.

1-е. Перечень обнаруженных правительством постановлений.³

2. Происшествия в Отечестве:⁴

- 1) Открытия археологические.⁵
- 2) [Естес.] Открытия естественные.
- 3) Изобретения механические.
- 4) Открытия земледельческие.
- 5) Новые здания.
- 6) Ярмонки.
- 7) Новые пути сообщения.
- 8) Открытия новых заведений: учебных, промышленных.
- 9) Компании на акциях.
- 10) Выставки.
- 11) Заседания ученых обществ.
- 12) Температура Петербурга и другие метеорологические явления.
- 13) Скачки.
- 14) Конкурсы.

Смесь

Достопамятные происшествия и примечательные сказания в журналистике.

Например 10-е Сент. 1838 — Ст. Ф. Б.

«Сохрани меня бог от всякой лжи и неправды?»

Стединк. Он был ужасом хвастунов, тщеславных льстецов и громил их своими эпиграммами не хуже товарища моего Н. И. Греча.

Кажется 7-е Сент. Ф. Б. беседует с учеными Швеции.⁶

Современная хроника России — [Емичев]. Бутовский⁷ и Емичев.⁸ Башуцкий.⁹ Межевич¹⁰ в Москве.

Науки — Губер¹¹ — } Философия.

— Надеждин.¹² } Русская историческая литература.

³ Против этого пункта, справа, неустановленной рукой написано: «Алексей Иванович Емичев против Большого театра в доме полковника Никифорова».

⁴ Против этого пункта, справа, рукою В. Ф. Одоевского написано: «Протопопов» (имеется в виду Протопопов Дмитрий Степанович (1808—1871), член совета министерства государственных имуществ, писатель).

⁵ Отсюда и до «Смеси» писано рукою Краевского.

⁶ Имеются в виду очерки Ф. В. Булгарина «Летняя прогулка по Финляндии и Швеции Ф. Б. в 1838 году», печатавшиеся в №№ 202—204 «Северной пчелы» (9, 10, 12 сентября) 1838 года. Сентенция о шведском адмирале В. Стединге (1751—1823) приведена на стр. 811—812.

⁷ Бутовский Александр Иванович (1817—1890), экономист, сенатор.

⁸ Емичев Алексей Иванович, беллетрист 1830-х годов, секретарь 2-го департамента Сената.

⁹ Башуцкий Александр Павлович (1801—1876), беллетрист, журналист и издатель.

¹⁰ Межевич Василий Степанович (1814—1849), критик и публицист.

¹¹ Губер Эдуард Иванович (1814—1847), поэт, переводчик, поместил в первых томах «Отечественных записок» очерки по истории философии.

¹² Надеждин Николай Иванович (1804—1856), критик.

Математика	— Брашман, ¹³ Перевощиков. ¹⁴
	— Болдырев ¹⁵ — Ленин. ¹⁶
	Межевич — Грамматика.
Политическая эконо- мия	— Порошин, ¹⁷ Жеребцов. ¹⁸
История	— Погодин. ¹⁹
Химия	— Нелюбин. ²⁰
	— Горностаев. ²¹
	Ветеринарное искусство — Козлов. ²²
Художество	— Каменский, ²³ Толстой, ²⁴ Григорович. ²⁵
	Князь Одоевский
Домоводство	— Усов, ²⁶ Князь Одоевский, Башуцкий, —
	Смесь — Савельев. ²⁷

[Отдел]

Домоводство. Промышленность

Трюфели. Красильные фабрики.

Капуста.

Слуги.

Общее примечание на обертке [к статьям Критика и Хроника].

Желая дать пристанище всем мнениям без различия партий, Редакция будет принимать статьи, написанные не только против ее убеждения, но даже в опровержение ее собственных мыслей [или статей ею напечатанных], если только сии статьи по тону своему будут соответствовать принятым в обществе законам приличия. Редакция убедительнейше просит всех особ, доставляющих ей статьи, особенно критические, избегать всего того, что относится к лицу автора и даже [избегать] не называть его по имени, ограничиваясь разбором единственно его произведения. Собственные статьи Редакции будут отличаться следующей подписью: *Ред.*

Уваров боится, что в Библиотеке <для чтения> нас обкрадут — Смотрителей нет. Никакой просьбы не поступило.

[Киселеву²⁸ написать записку об Отечественных Записках]. Писать к Эрсту Петр овичу Перцову.²⁹

¹³ Брашман Николай Дмитриевич (1796—1866), профессор прикладной математики Московского университета.

¹⁴ Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880), астроном и математик.

¹⁵ Болдырев Николай Васильевич (1814—1881), профессор Николаевской инженерной академии.

¹⁶ Ленин Михаил Васильевич, сотрудник «Энциклопедического словаря» Плюшара.

¹⁷ Порошин Виктор Степанович (1809—1868), доктор философии, профессор политической экономии в С.-Петербургском университете.

¹⁸ Жеребцов Николай Арсеньевич (1807—1868), экономист.

¹⁹ Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк и писатель, профессор Московского университета, академик.

²⁰ Нелюбин Александр Петрович (1785—1858), химик и ботаник, профессор Медико-хирургической академии.

²¹ Горностаев Иван Максимович (1790—1840), сотрудник «Отечественных записок» П. П. Свиньина.

²² Козлов Андрей Протасьевич (1780—1856), хирург.

²³ Каменский Павел Павлович (1810—1875), писатель-искусствовед.

²⁴ Толстой Федор Петрович (1783—1873), вице-президент Академии художеств, скульптор, живописец, медальер.

²⁵ Григорович Василий Иванович (1786—1865), конференц-секретарь Академии художеств, историк искусства.

²⁶ Усов Степан Михайлович (1797—1859), профессор сельского хозяйства в С.-Петербургском университете, основатель «Земледельческой газеты».

²⁷ Савельев Павел Степанович (1814—1859), основатель Археологического общества, ориенталист.

²⁸ Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872), министр государственных имуществ, член Государственного совета.

²⁹ Перцов Эраст Петрович, автор комедии «Андрей Бичев, или мне смешны люди» (1833).

Писать к Як<ову> Толстому³⁰ — о корректуре новых повестей и к Неверову.³¹
 Съездить к Оле<йну>³² и переговорить об рисунках Солнцева,³³ преимущественно
 об изображениях вещей Моск<овской> Оруж<ейной> Палаты.³⁴

К проектировавшемуся Одоевским и Краевским новому журналу относится также сохранившийся в архивном фонде Одоевского двойной лист без даты (конца 1835—начала 1836 г.), написанный его рукою, под названием:

К р и т и к а.³⁵

Богословие	{ Павский. [Сидон] Баженов. ³⁶ Духо<вные> От<цы>.
Философия	{ Сидонский. Одоевский. Кра<евский?>.
Науки полит<ческие>.	— Порошин. Калмыков. Хлюстин.
Естество<нные> науки.	— Гесс. Одоев<ский>. Курторга. Фишер.
Технология.	— Филиппов. Шелехов. Энгельгардт. ³⁷
Медицина.	— Яким Чаруковский. [Савенко] Смельский. ³⁸ Сольский.
Математика	— Остроград<ский> Чижов. Буняковский. [Ленин].
Морс<кое дело>	— Бутенев. Крашенинников.
Военное	— Михайловский-Данилевский. Денис Давыдов. ³⁹
Всемирная история	— Лоренц — Краев<ский> Одоев<ский>.
Русская история	— Краевский. Бередников. Снегирев.
Восток	— Григорьев — Савельев.
Рус<кая> статистика и география	— Арсеньев — Заблудский. Кеппен. Небольсин. Любимов. Веневитинов. ⁴⁰
Всеобщая статистика	— Хитров, Павел Максимович. ⁴¹
Теория словесности	— Плетнев — Одоевский.
Повести и романы	— Одоев<ский>. Плетнев — Неверов.
Художества	— Григорович — Оленин. Брюлов. Мальцов.
Законоустройство	— Дегай.
А предметы по части путей сообщения	— Волков и брат его. Le Nerf.
Повести	— Вл. Соллогуб. Веневитинов.
Статистика	— Веневитинов.

³⁰ Толстой Яков Николаевич (1791—1867), литератор, агент министерства народного просвещения за границей.

³¹ Неверов Януарий Михайлович (1810—1893), критик и педагог.

³² Алексею Николаевичу.

³³ Солнцев Федор Григорьевич (1801—1892), художник, археолог.

³⁴ Эта запись со слов: «и К. Неверову» сделана рукой А. А. Краевского.

³⁵ ГПБ, Отдел рукописей, фонд В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 51.

³⁶ Фамилия Баженова приписана карандашом рукой А. А. Краевского.

³⁷ Фамилия Энгельгардта приписана карандашом рукой А. А. Краевского.

³⁸ Фамилия Смельского вместо Савенко вписана карандашом рукой А. А. Краевского.

³⁹ «Денис Давыдов» — приписано карандашом рукой А. А. Краевского.

⁴⁰ Любимов и Веневитинов приписаны Одоевским позднее сверху и снизу строки.

⁴¹ «Павел Максимович» — приписано карандашом рукой А. А. Краевского.

Путята⁴² — шведскую литературу. Отчасти английской» литературой» и книгами, выходящими в Англии по физике и химии.⁴³

Составленная Одоевским обширная программа журнала, охватившая все стороны русской жизни и рассчитанная на привлечение широкого круга литераторов и ученых к участию в журнале, генетически восходит к проектам Пушкина «о большом повременном издании, которое касалось бы по возможности всех главнейших сторон русской жизни».⁴⁴

⁴² С этого слова и до конца — писано рукой Н. В. Путяты.

⁴³ Таким образом, кроме сотрудников энциклопедического журнала, указанных выше, а также в статье А. П. Могилянского, в отделе «Критики» названы:

Баженов Иван Гаврилович (ум. в 1886 г.), магистр богословия, духовный писатель и историк; Брюллов Александр Павлович (1798—1877), профессор архитектуры Академии художеств (?); Буняковский Виктор Яковлевич (1804—1889), знаменитый математик, вице-президент Академии Наук; Бутенев Иван Петрович (1802—1836), капитан 2-го ранга, писатель; Волков Матвей Степанович (1802—1875), инженер путей сообщения, писатель-экономист; Волков Николай Степанович, портретист, директор школы изящных искусств в Варшаве; Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт-партизан; Дегай Павел Иванович (1792—1848), сенатор, писатель-юрист; Калмыков Петр Давыдович (1808—1860), профессор С.-Петербургского университета по кафедре энциклопедии законовещения; Кеппен Петр Иванович (1793—1864), историк, этнограф, библиограф и археолог; Куторга Степан Семенович (1805 (?)) — 1861), доктор медицины, профессор С.-Петербургского университета, естествовед и путешественник; Лоренц Фридрих (Федор Федорович) (1803—1861), профессор истории в Главном педагогическом институте, писатель; Мальцов Иван Сергеевич (1805—1880), переводчик, сотрудник «Московского вестника»; Михайловский-Данилевский Александр Иванович (1790—1848), генерал-лейтенант, военный историк, председатель военно-цензурного комитета; Оленин, Алексей Николаевич (1763—1843), археолог и библиограф, президент Академии художеств; Павский Герасим Петрович (1787—1863), протоирей, профессор богословия в С.-Петербургском университете, гебраист; Путята Николай Васильевич (1802—1877), государственный деятель, литератор и историк; Савенко Петр Назарович (1796—1843), доктор медицины; Смелянский Елеазар Никитич (1800—1881), доктор медицины, почетный лейб-медик; Сокологуб Владимир Александрович (1813—1888), писатель; Сольский Мартын Дмитриевич (1798—1881), доктор медицины; Фишер (фон Вальдгейм) Александр Григорьевич (1803—1884), знаменитый натуралист, профессор Московского университета, президент Московского общества испытателей природы; Хитрово «Алексей Захарович (1776—1854), государственный контролер, член Государственного совета, сенатор»; Шелехов Дмитрий Потапович (1792—1854), полковник, автор сочинений по сельскохозяйственным вопросам; Энгельгардт «Сергей Сергеевич (ум. в 1870 г.), член С.-Петербургского собрания сельских хозяев».

⁴⁴ П. Бартенев. Программа журнала, набросанная Пушкиным около 1832-го года. «День», 1861, № 2.

Е. М. ХМЕЛЕВСКАЯ

ИЗ ДНЕВНИКА ГРАФИНИ Д. Ф. ФИКЕЛЬМОН

(Новый документ о дуэли и смерти Пушкина)

Отрывок из дневника графини Д. Ф. Фикельмон публикуется по копии, присланной в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в 1946 году (ф. 244, оп. № 18, № 232) Н. А. Раевским, который получил ее из Чехословакии (замок Теплиц-Шенау) от правнука Д. Ф. Фикельмон, князя Альфонса Кляри-и-Альдринген (Alphonse Clary et Aldringen). В сопроводительном письме к Н. А. Раевскому от 14 мая 1943 года (на французском языке) Кляри пишет, что дневник Д. Ф. Фикельмон написан в простой тетради в картонном переплете. На первой странице надпись: «Petersbourg 1832—1833—1834—1835—1836—1837».¹ Автор дневника, Дарья Федоровна Фикельмон (1804—1863), была младшей дочерью Елизаветы Михайловны Хитрово (1783—1839), дочери М. И. Кутузова, от первого брака ее с флигель-адъютантом графом Федором Ивановичем Тизенгаузеном (1782—1805).

Вступив в 1821 году в брак с австрийским генералом Карлом-Людвигом Фикельмоном (1777—1857), Дарья Федоровна, когда муж ее в 1829 году получил пост австрийского посланника в России, поселилась вместе с своей матерью в Петербурге. В их доме (ныне Дворцовая набережная, дом № 4) был открыт один из самых интересных и блестящих салонов столицы. П. А. Вяземский писал о доме Фикельмон-Хитрово: «Утра ее <Е. М. Хитрово> (впрочем продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмон, неизгладимо врезаны в памяти тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепецующая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная, имела верные отголоски в этих двух родственных салонах. Не нужно было читать газеты... В двух этих салонах можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи».²

Современники оставили об авторе дневника самые восторженные отзывы. «... Нашу старушку <т. е. Москву> вскружила Фикельмон, — писал П. А. Вяземский А. И. Тургеневу. — Все бегают за ней; в саду дамы и мужчины толпаются вокруг нее...».³ Сестра Пушкина, О. С. Павлищева, ставила ее наряду с красивейшими женщинами столицы и считала, что Дарья Федоровна «не хуже» (*n'est pas plus mal*) самой Наталии Николаевны Пушкиной.⁴ Можно привести немало подобных отзывов.

¹ Письмо Кляри хранится в ИРЛИ, Р1, оп. 24, № 325.

² «Русский архив», 1877, кн. I, № 4, стр. 513.

³ Остафьевский архив князей Вяземских, т. II, СПб., 1899, стр. 354—355.

⁴ «Пушкин и его современники», вып. XV, 1911, стр. 84.

Одно из писем Фикельмон к Вяземскому отчасти характеризует ее внутренний облик: «Как я ненавижу это суетное, легкомысленное, несправедливое, равнодушное создание, которое называют обществом! . . . Оно так тяготеет над нами, его глухое влияние так могуче, что оно немедленно перерабатывает нас в общую форму. . . . Чтобы дать вам понятие о наших балах, я скажу лишь, что мы пляшем мазурку на все революционные арии последнего времени, и поверите ли вы мне, что я не нашла ни единой особы, которая бы остановилась на этой мысли? Ожидаю вас, чтобы сообщить мои размышления по этому поводу».⁵

Пушкин познакомился с графиней Фикельмон в 1829 году и стал частым посетителем ее гостиной. Салон Хитрово-Фикельмон был интересен поэту как своеобразный политический центр, в котором он мог узнавать не пропускавшиеся в русскую печать заграничные политические новости, в частности о французской революции 1830 года, польском восстании и т. д.⁶

Быть принятым в салоне Хитрово-Фикельмон значило хорошо начать светскую карьеру. Еще до женитьбы Пушкина Е. М. Хитрово обещала поэту покровительство своих дочерей при первых выездах в свет его будущей жены. «Долли и Катрин просят передать вам, что вы можете рассчитывать на них, чтобы ввести вашу Натали в свет»,⁷ — писала она поэту 9 мая 1830 года. На это Пушкин ответил в письме от 18 мая того же года: «. . . покровительницы, которых вы так любезно мне обещаете, слишком блестящи для моей скромной Натали».⁸

Позднее Пушкин оказал протекцию брату Наталии Николаевны, Ивану Николаевичу Гончарову, представив его Хитрово и Фикельмон. Об этом он писал Елизавете Михайловне в январе 1832 года, видимо, отвечая на ее письмо: «Конечно, я не забуду про бал у посланницы <Д. Ф. Фикельмон> и прошу вашего разрешения представить на нем моего шурина Гончарова».⁹

Имя Дарьи Федоровны Фикельмон довольно часто встречается в дневниках и письмах Пушкина. Существует мнение, идущее от П. В. Нащокина, что между Пушкиным и ею еще до женитьбы поэта существовали более близкие отношения, чем просто светское знакомство.¹⁰

В салоне графини Фикельмон в 1834 году начал свою светскую карьеру Дантес. Секундант Пушкина К. К. Данзас в своих воспоминаниях о последних днях поэта пишет: «Снабженный множеством рекомендательных писем, молодой Дантес приехал в Россию с намерением вступить в нашу военную службу. В числе этих писем было одно к графине Фикельмон, пользовавшейся особенным расположением покойной императрицы. Этой-то даме Дантес обязан началом своих успехов в России».¹¹ Впоследствии, при обострившихся отношениях между Пушкиным и Дантесом, графиня Фикельмон была целиком на стороне Пушкина. По свидетельству П. И. Бартенева, Д. Ф. Фикельмон, «по примеру матери своей, высоко ценила и горячо любила гениального поэта».¹²

⁵ «Русский архив», 1884, кн. II, вып. 4, стр. 419.

⁶ Об этом см.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Изд. Академии Наук СССР, Л., 1927, стр. 257—361.

⁷ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, Изд. Академии Наук СССР, 1941, стр. 91.

⁸ Там же, стр. 92.

⁹ Там же, т. XV, 1948, стр. 8.

¹⁰ М. Цявловский. Пушкин и графиня Д. Ф. Фикельмон. «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 108—123; Л. Гроссман. Этюды о Пушкине. М.—Пгр., 1923, стр. 77—113.

¹¹ Пушкин в воспоминаниях современников. Гослитиздат, Л., 1950, стр. 489.

¹² «Русский архив», 1911, кн. III, № 9, обложка.

Мы располагаем всего одним письмом Пушкина к Дарье Федоровне от 25 апреля 1830 года¹³ и одной запиской от нее к поэту.¹⁴

Публикуемые выдержки из дневника Фикельмон представляют интерес как еще одно воспоминание о поэте, хотя, быть может, не всё в этом дневнике правильно освещено.

Подобно большинству людей своего круга, Фикельмон объясняла смерть Пушкина исключительно как семейную драму. Ее записки рассказывают только о внешних событиях, которым она нередко была свидетельницей. По словам В. А. Соллогуба,¹⁵ именно на рауте у Фикельмон произошло столкновение Пушкина с Дантесом в ноябре 1836 года. Еще тогда это столкновение должно было окончиться дуэлью, которая не состоялась только благодаря женьтибе Дантеса на Екатерине Николаевне Гончаровой.

Первая, наиболее интересная часть публикуемого отрывка из дневника посвящена событиям, происходившим до дуэли. В этой части особого внимания заслуживают строки, в которых Фикельмон пишет о пренебрежительном отношении Пушкина к так называемому «большому свету». Фикельмон, сама представительница этого света, признает, что «десятки других петербургских обществ» были в его глазах гораздо значительнее и он дорожил мнением людей, принадлежавших только к «этим обществам», а не к «большому свету», и перед ними должен был защитить честь своей жены. Об этом «втором обществе» искренних почитателей поэта говорится и в письме Софии Николаевны Карамзиной к ее брату Андрею, написанном после смерти Пушкина: «... это второе общество проявляет столько энтузиазма, столько сожаления, сочувствия, что душа Пушкина должна радоваться, если хотя бы отголосок земной жизни доходит туда, где он сейчас. Более того: против убийцы Пушкина подымается волна возмущения и гнева, раздаются угрозы — но всё это в том же втором обществе, среди молодежи, тогда как в нашем у Дантеса находится немало защитников, а у Пушкина — это всего возмутительнее и просто непонято — немало ожесточенных обвинителей».¹⁶

Вторая часть дневника, где говорится о дуэли и смерти Пушкина, не представляет большого интереса. Не будучи сама свидетельницей кончины поэта, Дарья Федоровна только повторила услышанный от Жуковского рассказ, впоследствии изложенный им в письме к Сергею Львовичу Пушкину от 15 февраля 1837 года.

Легенда о «примирении» Пушкина с царем и о его якобы «верноподданнической» кончине исходила от Жуковского.¹⁷

Преувеличенно восторженный тон дневника в тех местах, где говорится о поведении Николая в последние дни жизни поэта, характерен для большинства мемуаристов, писавших о смерти Пушкина.

Ответственность Николая I за гибель поэта ощущалась всеми. Это превосходно понимал и сам царь. «Благонамеренные» мемуаристы, говоря о «великодушии» Николая к Пушкину, о заботах царя об умирающем поэте и участии к его семье, старались скрыть причастность царя к смерти поэта, оправдать Николая перед историей. Но для современников ответственность Николая I за гибель Пушкина была очевидна. Недаром стихи Лермонтова

¹³ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XVI, 1949, стр. 429—430 (по копии); «Вестник Московского университета. Серия общественных наук», 1950, № 1, стр. 167—169, факсимиле.

¹⁴ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XIV, 1941, стр. 65.

¹⁵ В. А. Соллогуб. Воспоминания. М.—Л., 1931, стр. 363.

¹⁶ «Новый мир», 1956, № 1, стр. 190.

¹⁷ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е, ГИЗ, М.—Л., 1928, стр. 168—173.

«Смерть поэта» нашли полное, горячее признание со стороны передовых слоев русского общества и возбудили страх и злобу против автора со стороны царя и придворной аристократии.

Дневник Д. Ф. Фикельмон не вносит каких-либо новых фактов в историю дуэли и смерти Пушкина, но дает ряд дополнений к уже ранее известным обстоятельствам. Дневник рисует гнетущую атмосферу сплетен, интриг и холодного любопытства, которая окружала поэта в последние месяцы его жизни.

Запись в дневнике помечена 29 января, т. е. датой смерти поэта. Известны следующие документы, датированные этим же числом: три письма А. И. Тургенева из квартиры Пушкина (А. И. Нефедьевой, неизвестному и А. Я. Булгакову),¹⁸ запись в дневнике А. И. Тургенева,¹⁹ «Записка В. А. Жуковского имп. Николаю Павловичу о милостях семье Пушкина» (черновик)²⁰ и донесение баварскому королю посланника Лерхенфельда.²¹

Дневник Фикельмон дополняет этот перечень.

le 29 janvier <1837>

...Aujourd'hui la Russie a perdu son poète chéri, bien-aimé Pouschkin, ce beau talent, plein de grâce et de force. Et quelle triste et douloureuse catastrophe est venue éteindre ce beau flambeau brillant qui semblait destiné à éclairer de plus en plus tout ce qui l'entourait et qui paraissait avoir de si longues années devant soi.

Alexandre Pouschkin, contre l'avis de tous ses amis, s'était marié il y a 5 ans et avait épousé Nathalie Gontcharoff toute jeune, sans fortune et d'une admirable beauté. Toute poétique de figure, mais simple d'esprit et de caractère, elle prit tout d'abord dans le monde la place qui est due à une aussi incontestable beauté — beaucoup d'hommages furent portés à ses pieds, mais elle semblait heureuse dans son intérieur et aimait son mari. Elle s'amusait de bonne foi et sans coquetterie, lorsqu'un Français, nommé baron Georges Heckeren-d'Anthès, officier aux chevaliers-garde et adopté comme fils par Heckeren, ministre de Hollande, se mit à lui faire la cour — il fut amoureux pendant un an, comme il est permis à tout jeune homme de l'être, l'admirant vivement, mais se conduisant avec mesure et sans aller dans la maison — mais la voyant sans cesse dans le monde et bientôt dans le cercle plus intime de ses amis, son amour se montra plus ouvertement. Une sœur de Madame Pouschkin eut le malheur de s'engouer de lui et, entraînée peut-être par son cœur, a oublié tout ce qui pouvait en résulter pour sa sœur; cette jeune personne multipliait les occasions de rencontrer d'Anthès. — Enfin nous avons tous vu croître et grandir ce funeste orage, soit que la vanité seule de Madame Pouschkin aît été flattée et excitée, soit qu'il aît véritablement ému et troublé son cœur, le fait est qu'elle ne savait point repousser ou arrêter les marques de cet amour désordonné. — Bientôt d'Anthès oubliant toutes les délicatesses d'un homme bien pensant, blessant toutes les convenances sociales, fit éclater aux yeux de toute la société des signes d'admiration qu'il n'est point permis d'adresser à une femme mariée — elle paraissait alors pâlir et trembler sous son regard, mais, évidemment elle avait perdu tout pouvoir de maîtriser cet homme et il avait décidé à la pousser à bout. Pouschkin alors commettait la grande

¹⁸ «Пушкин и его современники», вып. VI, 1908, стр. 51—56.

¹⁹ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, 1928, стр. 291.

²⁰ Там же, стр. 221—222 (документ не датирован; по всей вероятности, он написан 29 января 1837 года).

²¹ Там же, стр. 400—401.

faute de laisser aller dans le monde, sans lui, sa jeune et trop belle femme — sa confiance en elle était illimitée, d'autant plus qu'elle lui rendait compte de tout et lui rapportait les paroles de d'Anthès, grande et terrible imprudence. Déjà le bonheur domestique commençait à se troubler, lors qu'une main infâme adressa au mari des lettres anonymes, outrageantes et affreuses où tous les bruits fâcheux lui étaient rapportés, et les noms de sa femme et de d'Anthès mis avec l'ironie la plus amère, la plus cruelle. Pouschkin, blessé au cœur, comprit que, tout certain, tout persuadé qu'il était, lui, de l'innocence de sa femme, elle était coupable aux yeux du public, d'un public surtout auquel son nom à lui est cher et précieux — la grande société voyait et pouvait croire que la conduite de d'Anthès même était une preuve sûre de l'innocence de M-me Pouschkin — mais les dix autres sociétés de Pétersbourg, bien plus conséquentes à ses yeux parce que c'est là qu'étaient ses amis, ses collaborateurs, son public enfin, la croyaient coupable et lui jetaient la pierre. — Il écrivit à d'Anthès pour lui demander raison de son outrageante conduite, — la seule réponse qu'il obtint fut qu'il se trompait ainsi que les autres et que tous les vœux de d'Anthès ne s'étaient adressés qu'à M-lle Gontcharoff, sa belle-sœur. Heckeren lui-même vint la demander en mariage pour son fils adoptif. La jeune personne ayant de suite accepté cette proposition, Pouschkin n'eut plus rien à dire, mais il déclara positivement qu'il ne recevrait jamais dans sa maison le mari de sa belle-sœur. La société apprit avec surprise et incrédulité ce mariage inattendu — il y eut de suite des paris de fait, qu'il n'aurait pas lieu et que cela n'était qu'un faux-fuyant. Cependant Pouschkin paraissait fort content et satisfait — il menait sa femme partout, aux bals, aux spectacles à la cour, et de ce moment la pauvre femme se trouva dans la plus fausse des positions. — N'osant adresser la parole à son futur beau-frère, n'osant lever les yeux sur lui, observée de toute la société, tremblant toujours, ne voulant pas croire à la préférence de d'Anthès pour sa soeur et dans sa naïveté ou plutôt dans son étonnante simplicité, disputant avec son mari sur la possibilité du changement dans le cœur à l'amour duquel elle tenait peut-être par vanité seulement. Pouschkin ne voulut pas assister à la noce de sa belle-sœur, ni les voir après — mais des amis communs, trop imprudents, espéraient amener une réconciliation, ou du moins un rapprochement, les réunissaient presque tous les jours, — bientôt d'Anthès quoique marié recommença le même manège, les mêmes persécutions — enfin, à un bal, il compromit tellement M-me Pouschkin, par ses regards, ses propos, que tout le monde en fut effrayé et que dès lors le parti de Pouschkin fut pris, invariablement. La coupe avait débordé, il n'y avait plus aucun moyen d'arrêter le malheur. Dès le lendemain il écrivit à Heckeren père qu'il accusait de complicité, et le provoqua en termes fort injurieux — ce fut d'Anthès qui répondit, en acceptant le défi pour son père adoptif — c'était bien ce que Pouschkin voulait — dans peu d'heures tout fut arrangé entre eux. Mr. d'Archiac de l'ambassade de France fut le témoin de d'Anthès — un ancien camarade d'études de Pouschkin nommé d'Ansas fut le sien — tous les quatre se rendirent aux îles, et là, au milieu d'une neige profonde, à cinq heures de l'après-midi eut lieu ce terrible duel. D'Anthès tira le premier et Pouschkin blessé mortellement et tombé eut la force de viser quelques secondes et de tirer sur lui — il le blessa au bras, le vit chanceler et demanda: „Est-il mort?“ — non, lui dit-on. — „Eh bien, cela sera à recommencer“. On le transporta chez lui où il arriva se sentant encore assez fort — il pria sa femme qui vint à sa porte de le laisser un peu seul — on avait fait chercher les médecins — quand ils eurent

sondée la blessure — il voulait savoir si elle était mortelle — on lui dit qu'il n'y avait que très peu d'espoir de le conserver — alors il fit chercher ses amis intimes — Joukoffsky, Wiasemski, Tourguéniéff et quelques autres — il écrivit à l'Empereur pour lui recommander sa femme et ses enfants — puis il fit entrer cette trop malheureuse femme qui <ne> voulait ni croire ni comprendre son malheur — il lui répéta mille fois et toujours avec plus de tendresse qu'il la croyait pure et innocente — qu'il avait dû venger son honneur outragé, mais que jamais il n'avait douté ni de son amour ni de sa vertu, — le prêtre venu, il fit sa confession et remplit tous ses devoirs — l'Empereur toujours grand et noble dans les occasions qui demandaient du cœur, lui écrivit ces précieuses lignes: „Je te pardonne si nous ne devons plus nous revoir sur cette terre, consoles-moi en mourant comme un chrétien et en remplissant tous les derniers devoirs. Pour ce qui regarde ta femme et tes enfants, sois tranquille, ils seront le mieux“. Pouschkin que' on avait si souvent accusé de libéralisme, d'esprit révolutionnaire, baisa cette lettre de l'Empereur et lui fit dire qu'il mourait avec regret parce qu'il aurait aimé à vivre pour être son poète et son historien. L'agonie dura 36 heures — pendant ces terribles heures, il ne perdit pas une minute connaissance — son esprit fut toujours clair, lucide, calme — il ne parla de son duel que pour faire promettre à son témoin de ne pas le venger, et pour faire défendre de même à ses beaux-frères absents de se battre avec d'Anthès. Du reste, tout ce qu'il dit à sa femme fut doux, tendre, consolant. — Il ne voulut rien prendre que de sa main — il se tourna vers ses livres et leur dit: „Adieu, mes amis“. Il finit par s'endormir, pour ainsi dire en prononçant ces mots: „C'est fini“.²² Joukoffsky qui l'aimait comme un père et qui, pendant ces heures était assis auprès de lui, prétend que dans ce dernier instant la figure de Pouschkin fut comme éclairée d'une lumière nouvelle — et que dans l'expression sérieuse de son front il y avait comme de l'étonnement et comme s'il venait d'apercevoir quelque chose de grand, d'inattendu, de resplendissant. Cette idée toute poétique était digne de l'âme pure, innocente, profondément pieuse et sereine de Joukoffsky.

La pauvre femme fut à grand peine sauvée de la folie où son sombre et profond désespoir semblait l'entraîner infailliblement. L'Empereur fut magnifique dans tout ce qu'il fit pour cette infortunée famille.

Первод ²³

29 января

Сегодня Россия потеряла своего дорогого, горячо любимого поэта Пушкина, этот дивный талант, полный красоты и силы. И какая печальная и мучительная катастрофа заставила угаснуть этот прекрасный, блестящий светоч, которому как будто предназначено было всё больше и больше освещать всё окружающее и который, казалось, имел перед собой еще долгие годы.

Александр Пушкин, вопреки советам всех своих друзей, вступил в брак пять лет тому назад, женившись на Наталье Гончаровой, совсем юной, без состояния, но изумительной красоты. С поэтической внешностью, но с заурядным умом и характером, она с самого начала заняла в свете место, которое должно по праву принадлежать такой неоспоримой красоте. Много поклонников повергалось к ее ногам, но она любила только своего мужа и казалась счастливой в своей семейной жизни. Она веселилась от души и без всякого кокетства, пока один француз — барон Жорж Геккерен Дантес, кавалергардский офицер, приемный сын Геккерена, голландского министра, не начал за ней ухажи-

²² Пропуск (на месте неразобранного слова?) в копии Кляри.

²³ Перевод Е. П. Мясоедовой.

вать. Он был влюблен в течение года, как это бывает позволительно всякому молодому человеку, живо ею восхищаясь, но ведя себя сдержанно и не бывая у них в доме. Но постоянно видя ее в свете, а вскоре и в более тесном дружеском кругу, он стал более открыто проявлять свою любовь. Одна из сестер г-жи Пушкиной²⁴ имела несчастье влюбиться в него и, увлеченная своей любовью, не подумала о том, что может из-за этого произойти для ее сестры; эта молодая особа старалась учащать возможности встреч с Дантесом. Наконец все мы видели, как росла и увеличивалась эта гибельная гроза. То ли одно тоскливое г-жи Пушкиной было польщено и возбуждено, то ли Дантес действительно тронул и смутил ее сердце, как бы то ни было, она не могла больше оттаивать или останавливать проявления этой необузданной любви. Вскоре Дантес, забывая всякую деликатность благоразумного человека, нарушая все светские приличия, обнаружил на глазах всего общества проявления восхищения, совершенно недопустимые по отношению к замужней женщине, — она бледнела и трепетала под его взглядами, было очевидно, что она совершенно потеряла возможность обуздать этого человека, и он решил довести ее до крайности. Пушкин тогда совершал большую ошибку, разрешая своей молодой и слишком красивой жене выезжать в свет без него. Его доверие к ней было безгранично, тем более, что она давала ему во всем отчет и пересказывала слова Дантеса, — большая, ужасная неосторожность. Семейное счастье начало уже нарушаться, когда чья-то гнусная рука направила мужу анонимные письма, оскорбительные и ужасные, в которых доводились до его сведения все возмутительные слухи и имена его жены и Дантеса упоминались с самой ядовитой, самой жестокой иронией. Пушкин, пораженный в самое сердце, понял, что, как бы он лично ни был уверен и убежден в невинности своей жены, она была виновна в глазах общества, в особенности того общества, которому дорого и ценно его имя. Большой свет всё видел и мог считать, что поведение самого Дантеса было верным доказательством невинности г-жи Пушкиной, но десятки других петербургских обществ, гораздо более значительных в его глазах, потому что там были его друзья, его сотрудники и, наконец, его читатели, считали ее виновной и бросали в нее камень. Он написал Дантесу, требуя от него объяснений по поводу его оскорбительного поведения. Единственный ответ, который он получил, заключался в том, что он ошибается, так же как и другие, и что все стремления Дантеса направлены только к девице Гончаровой, свояченице Пушкина. Геккерен сам приехал просить ее руки для своего приемного сына. Так как молодая особа сразу приняла это предложение, Пушкину нечего было больше сказать, но он положительно заявил, что никогда не примет у себя в доме мужа своей свояченицы. Общество с удивлением и недоверием узнало об этом неожиданном браке; сразу стали заключаться пари о том, что вряд ли он состоится и что это не что иное, как увертка. Однако Пушкин казался очень довольным и удовлетворенным. Он всюду вывозил свою жену: на балы, в театр, ко двору, и теперь бедная женщина оказалась в самом фальшивом положении: не смея разговаривать с своим будущим зятем, не смея поднять на него глаза, под наблюдением всего общества, она постоянно трепетала; не желая верить, что Дантес предпочел ей сестру, она по наивности или, скорее, по своей удивительной простоте спорила с мужем о возможности такой перемены в сердце, любовью которого она дорожила, быть может, только из одного тщеславия. Пушкин не хотел ни присутствовать на свадьбе своей свояченицы, ни видеть их после нее, но общие друзья, весьма неблагоприятные, надеялись привести их к примирению или хотя бы к сближению и почти ежедневно сводили их вместе. Вскоре Дантес, хотя и женатый, возобновил прежние приемы, прежние преследования, и, наконец, на одном балу он так скомпрометировал г-жу Пушкину своими взглядами и намеками, что все ужаснулись, а решение Пушкина было с тех пор принято окончательно. Чаша переполнилась, не было никакого средства остановить несчастье. На следующий же день он написал Геккерену-отцу, обвиняя его в сообщничестве, и вызвал его в весьма оскорбительных выражениях. Ответил ему Дантес, приняв на себя вызов за своего приемного отца. Этого-то и хотел Пушкин. В несколько часов всё было устроено: г. д'Аршиак из французского посольства стал секундантом Дантеса, а старый школьный товарищ Пушкина по фамилии Данзас — его секундантом, все четверо поехали на острова, и там, среди глубокого снега, в пять часов пополудни состоялась эта ужасная дуэль. Дантес выстрелил первый, Пушкин, смертельно раненный, упал, но всё же имел силы целиться в течение нескольких секунд и выстрелить; он ранил Дантеса в руку, видел, как тот пошатнулся, и спросил: «Он убит?» — «Нет» — ответили ему. — «Ну, тогда придется начать всё снова». Его перевезли домой, куда он прибыл, чувствуя себя еще довольно крепким, попросил жену, которая подошла к двери, оставить его ненадолго одного. Послали за докторами; когда они зондировали рану, он захотел узнать, смертельная ли она; ему ответили, что на сохранение его жизни очень мало надежды. Тогда он послал за своими близкими друзьями: Жуковским, Вяземским, Тургеневым и некоторыми другими; написал императору письмо, в котором поручал ему свою жену и детей; после этого разрешил войти

²⁴ Екатерина Николаевна Гончарова, в замужестве Дантес (1809—1843).

своей глубоко несчастной жене, которая не хотела ни поверить своему горю, ни понять его. Он повторял ей тысячу раз, и всё с возрастающей нежностью, что считает ее чистой и невинной, что должен был отомстить за свою поруганную честь, но что он сам никогда не сомневался ни в ее любви, ни в ее добродетели. Когда пришел священник, он исповедовался и выполнил всё, что полагалось. Император, великодушный и благородный в делах, требующих сердечности, написал ему следующие драгоценные строки: «Я тебя прощаю; если нам не суждено больше увидеться на этой земле, утешь меня, умри христианином и выполни свой последний долг. Что касается твоей жены и детей, будь спокоен: они будут обеспечены». Пушкин, которого так часто обвиняли в либерализме и революционности, поцеловал это письмо императора и велел ему сказать, что он умирает с сожалением, так как хотел бы жить, чтоб быть его поэтом и историком. Агония продолжалась 36 часов. В течение этих ужасных часов он ни на минуту не терял сознания, его ум оставался светлым, ясным, спокойным. Он вспоминал о дуэли только для того, чтобы получить от своего секунданта обещание не мстить за него и чтобы передать своим отсутствующим шуринам²⁵ запрещение драться с Дантесом. Всё, что он говорил своей жене, было ласково, нежно и утешительно, он ни от кого ничего не принимал, кроме как из ее рук. Обратившись к своим книгам, он сказал: «Прощайте, друзья!». Наконец, он как бы заснул, произнеся слова: «Все кончено». Жуковский, который любил его, как отец, и все эти часы сидел около него, рассказывает, что в это последнее мгновение лицо Пушкина как бы озарилось новым светом, а в серьезном выражении его чела было словно удивление, точно он увидел нечто великое, неожиданное и прекрасное. Эта поэтичная мысль достойна чистой, невинной, глубоко верующей, ясной души Жуковского.

Несчастную жену с большим трудом спасли от безумия, в которое ее, казалось, неудержимо влекло мрачное и глубокое отчаяние. Император был великолепен во всем, что он сделал для этой несчастной семьи.

²⁵ Братья Наталии Николаевны: Дмитрий (1808—1859), Иван (1810—1881) и Сергей (1815—1865) Гончаровы. Один из них, Иван Николаевич, принимал участие в расстривании дуэли Пушкина с Дантесом в ноябре 1836 года и был свидетелем на свадьбе Дантеса с Екатериной Николаевной Гончаровой. В зиму 1836—1837 года Иван Николаевич Гончаров служил вместе с Лермонтовым в лейб-гвардии гусарском полку и единственный из всех братьев находился в Петербурге. Старший брат, Дмитрий Николаевич, был в это время в своем имении «Полотняный завод», младший, Сергей Николаевич, — в Москве (см.: В. А. Нащокина. Рассказы о Пушкине. В книге: Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Гослитиздат, Л., 1936, стр. 503). Ни в одном из воспоминаний и рассказов о последних днях жизни Пушкина об этих его словах не говорится. К. К. Данзас указывал только, что Пушкин не хотел, «чтоб кто-нибудь мстил за него» (Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников, Л., 1936, стр. 555), но имен Гончаровых при этом не упоминал.

Т. Г. ЦЯВЛОВСКАЯ

«ПОЭТ Ю.» В «ПУТЕШЕСТВИИ В АРЗРУМ»

В четвертой главе «Путешествия в Арзрум», рассказывая о действиях русских войск перед взятием Арзрума, Пушкин пишет:

«На другой день утром войско наше двинулось вперед. С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-Дага, находилась турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкою. Турки бежали, и Топ-Даг был занят. Я приехал туда с поэтом Ю. На оставленной батарее нашли мы графа Паскевича со всею его свитою. С высоты горы в долине открывался взору Арзрум со своею цитаделью, с минаретами, с зелеными кровлями, наклеенными одна на другую».¹

Долгое время оставалось неизвестным, кого Пушкин имел в виду под инициалом Ю. Фамилию Михаила Владимировича Юзефовича, о котором идет здесь речь, впервые раскрыл П. А. Ефремов в 1881 году,² вскоре после того, как в печати появились воспоминания о Пушкине М. В. Юзефовича, позволившие сделать это отождествление.

В 1829 году Юзефович был молодым офицером и принимал участие в военных действиях на Кавказе; о своих частых встречах с Пушкиным (когда оба они находились при армии Паскевича) Юзефович впоследствии вспоминал не раз и подробнее рассказал в своей статье «Памяти Пушкина», напечатанной в «Русском архиве» (1880, т. III, стр. 431—446).³ Однако статья не разъяснила, почему Пушкин назвал Юзефовича «поэтом», и это долгое время вызывало недоумение исследователей.⁴ В настоящее время представляется возможным дать на это правдоподобный ответ.

Отметим прежде всего, что, независимо от интересующего нас упоминания Юзефовича в «Путешествии в Арзрум», в печати несколько раз глухо сообщалось, что он «писал стихи, которые частью помещал в периодических изданиях, а частью издавал маленькими сборниками»;⁵ однако

¹ Путешествие в Арзрум. «Современник», 1836, т. I, стр. 71; Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII, кн. 1, Изд. Академии Наук СССР, 1938, стр. 474.

² А. С. Пушкин, Сочинения, под редакцией П. А. Ефремова, т. V, изд. 3-е, СПб., 1881, стр. 302.

³ Ср. в нашей статье «Автограф стихотворения „К морю“» в настоящем сборнике (стр. 187—207).

⁴ Архив Раевских, т. II, СПб., 1909, стр. 8 (примечание Б. А. Модзалевского).

⁵ Е. Ястребцев, Юзефович Михаил Владимирович. «Русский биографический словарь», том «Щапов—Юшневский», СПб., 1912, стр. 316. — В столь же неопределенных выражениях и без всяких точных справок о поэтической деятельности Юзефовича говорилось и в некрологе, помещенном в «Новом времени» (1889, № 4756, 27 мая, стр. 3), где лишь вскользь упоминается, что он «иногда уделял свои досуги и поэтическим произведениям». Многочисленные другие некрологи Юзефовича вовсе умолчали о его стихах, как и анонимная биографическая заметка о нем, предпосланная посмертному переизданию одной из его реакционных статей (М. Юзефович, Несколько слов об исторической задаче России. Второе издание, с биографическим очерком, Киев, 1895).

оставалось неизвестным, где именно и в какие годы Юзефович печатал плоды своих стихотворных досугов, публиковались ли они под его собственным именем или под псевдонимами.

Предпринятые нами разыскания позволили установить, что Юзефович, действительно, грешил занятиями поэзией и печатал стихи в течение более чем полувека, начав свою жизнь поэта при Пушкине, а окончив ее одновременно с Фетом.

Четыре стихотворения Юзефовича были напечатаны в 1831 году,⁶ одно в 1842 году.⁷ Последнее, в частности, обратило на себя внимание Белинского, горячо одобдившего неизвестного ему стихотворца, укрывшегося под никому не известными инициалами: Л. П. «Славные стихи в 7 № „Отечественных Записок“ „Петр Великий“... — писал Белинский В. П. Боткину в конце лета 1842 года, — читаю и перечитываю их с наслаждением, — есть в них что-то энергическое, восторженное и гражданское, есть много смелого, как например, 16-й куплет. . .

Таков был ум его глубокий.
Но что чудесней, ум в Петре,
Иль гражданина дух высокий
В самовластительном царе?»

И далее, в том же письме: «А ведь, несмотря на несколько простодушное унижение Наполеона перед Петром и возвышение нашей борьбы с первым, стихи-то „Петр Великий“, право, хороши. Спросите Краевского, где он их взял?».⁸

Ответа на этот вопрос Белинский, очевидно, не получил, потому что допустил произвольную догадку, удержавшуюся в памяти его друзей: инициалы «Л. П.» под текстом стихотворения раскрывались как Лев Пушкин. Впоследствии И. С. Тургенев вспоминал: «Белинский часто читал между друзьями стихотворения Льва Пушкина, брата поэта и с особенным чувством произносил стихи «Петр Великий», в которых преобразователь представлен был влачущим

Ряд изумленных поколений
Рукой могучей за собой».⁹

Хотя вскоре после появления в печати приведенных строк «Воспоминаний» Тургенева известный библиограф С. И. Пономарев разъяснил, что инициалы «Л. П.» под стихотворением «Петр Великий» в «Отечественных записках» 1842 года означают «Любитель Петра» и выбраны в качестве

⁶ «Прометей (Подражание Байрону)» («Титан! ты зрел, как страждет человек...»). «Одесский альманах» на 1831 год, стр. 106—107 (подпись: М. Юз...); «С. Г. В—ой» («О возраст ангелов! о младость!...»). Там же, стр. 193 (подпись: М. Юз...); «С. Г. В—ой» («Мне жаль ее! разврат окаменелый...»). Там же, стр. 260 (подпись та же); «Удовольствия воображения. А. И. Подолинскому» («Есть наслаждения, которым верю я...»). Там же, стр. 263—266 (под текстом помета: «Киев, 18-го ноября 1830 года» и подпись: М. Юз...). В том же «Одесском альманахе» на 1831 год (стр. 179) напечатано стихотворение А. И. Подолинского «Мелодия (М. В. Юзефовичу)» («Месяц! друг моих ночей!...»).

⁷ «Петр Великий» («Среди веков и поколений...»). «Отечественные записки», 1842, т. XXIII, № 7, стр. 152—154 (подпись: Л. П.).

⁸ Белинский, Письма, т. II, СПб., 1914, стр. 312.

⁹ И. С. Тургенев. Воспоминания о Белинском. «Вестник Европы», 1869, т. II, кн. 4, стр. 712, сноска.

псевдонима М. В. Юзефовичем, но это разъяснение¹⁰ проскользнуло мимо внимания исследователей русской литературы и забылось. Вслед за И. С. Тургеневым стихотворение «Петр Великий» было приписано Л. Н. Майковым,¹¹ а затем и Н. Л. «Н. О. Лернером»¹² перу Льва Сергеевича Пушкина. В настоящее время обнаружен автограф стихотворения «Петр Великий», написанный М. В. Юзефовичем с его сопроводительными словами.¹³

В конце жизни Юзефович напечатал небольшой сборник своих стихотворений,¹⁴ но все эти стихотворения поздние и представляют собой большей частью отклики на различные случаи общественной и политической жизни; несколько из них напечатано было в периодических изданиях.¹⁵ Кроме того, Юзефович является также автором пятиактной драмы в прозе «Мазепа», написанной в 60-х годах и не увидевшей света.¹⁶

¹⁰ С. Железняк. Материалы для словаря псевдонимов. В книге: Русский календарь на 1881 г. А. Суворина. СПб., 1881, стр. 287. — Вполне вероятно, что сам М. В. Юзефович раскрыл С. И. Пономареву, кто был действительным автором стихотворения. Они были давно знакомы по Киеву, где Пономарев окончил университет. В бумагах М. П. Погодина (Государственная Библиотека СССР имени В. И. Ленина, Отдел рукописей, Погод./П. 38, 38, л. 1) хранится письмо к нему М. В. Юзефовича с рекомендацией молодого С. И. Пономарева.

¹¹ Л. Майков в. Пушкин. СПб., 1899, стр. 31—35 (статья «Молодость А. С. Пушкина по рассказам его младшего брата»).

¹² Н. Л. Пушкин Лев Сергеевич. «Русский биографический словарь», том «Притвиц-Рейс», СПб., 1910, стр. 318.

¹³ См. «Вводные замечания» М. В. Нечкиной к «Запискам декабриста Н. И. Лорера» (М., 1931, стр. 39), а также ее же статью «Лев Пушкин в восстании 14 декабря 1825 года» («Историк-марксист», 1936, № 3, стр. 86, сноски 1). Не обратив внимания на разъяснение Пономарева, М. В. Нечкина высказывает предположение, что Юзефович мог поставить инициалы «Л. П.» по соглашению со своим другом Львом Пушкиным. Неопределенную позицию в отношении авторства «Петра Великого» занял Ю. Г. Оксман (Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор. «Литературное наследство», кн. 56, 1950, стр. 247, примечание 75). В недавно вышедшем в свет издании «Избранных писем В. Г. Белинского» (т. II, М., 1955, стр. 425) стихотворение «Петр Великий» снова приписано Л. С. Пушкину.

¹⁴ М. Юзефович. На прощанье. Стихотворения (1876—77 гг.). Киев, 1878.

¹⁵ Так, стихотворение «Князю П. А. Вяземскому» («В минуты грустные раздумья...») первоначально напечатано было в «Русском архиве» (1877, кн. I, № 2, стр. 233—239; издано в том же году и отдельно в Москве в количестве ста экземпляров); стихотворение «Альбион» («Как падают на Западе народы...») перепечатано в сборнике из «Русского вестника» (1878, т. 134, апрель, стр. 889—891). «На прощанье», вероятно, единственный отдельно изданный сборник стихотворений Юзефовича (вопреки утверждению автора статьи о нем в «Русском биографическом словаре»); во всяком случае, в библиотеках Москвы, Ленинграда и Киева других его стихотворных сборников не нашлось. Два стихотворения Юзефовича напечатаны были уже в 80-х годах: «Ко дню 10 мая 1883 года» в «Русском вестнике» (1883, т. 165, стр. 292—293) и «Третий мир. (Посвящено А. Н. Майкову, автору поэмы «Два мира»)» в альманахе «Киевлянка» (1884, стр. 42). По поводу последнего сохранилось и письмо Юзефовича к А. Н. Майкову (от 6 марта 1884 года); упоминая здесь о том, что его стихотворение родилось под впечатлением от поэмы Майкова «Два мира», Юзефович, однако, оправдывался: «... я не поэт, а только стихослагатель, научившийся просодии в ту эпоху, когда в нашей школе поэзия занимала одно из первых мест и когда, рядом с наукой, она высоко поднимала нашу душу, облагораживая сердца. — Чтобы быть поэтом, нужно обладать художественным живописующим творчеством, т. е. такой силой воображения, какой у меня нет. Выбрал же я себе, на старости, сжатую стихотворную форму лишь для того, чтобы не прибегать, для передачи некоторых своих заветных мыслей, к длинным прозаическим трактатам, требующим продолжительной работы, в мои лета (82 года) уже не посильной» (ИРЛИ, 16986. CVIII.6. 5).

¹⁶ Рукопись этой драмы (писарская копия с авторской правкой) хранится в ИРЛИ (Архив А. В. Никитенко, 19574. СXXXII.6. 2); текст сопровождается историческим комментарием автора. А. В. Никитенко нашел в этом произведении некоторые художественные достоинства: «Юзефович читал мне свою драму «Мазепа», — записал он в днев-

Таким образом, поэтическое наследие М. В. Юзефовича невелико и не представляет особого литературного интереса; несомненно, впрочем, что в скромности своего поэтического дарования он и сам отдавал себе полный отчет. Тем не менее жизнь столкнула его со многими выдающимися литературными деятелями его времени, поэтому он мог рассказать немало интересного о встречах и беседах с ними.

Помимо Пушкина, Юзефович был лично знаком с Вяземским, Грибоедовым, Денисом Давыдовым, Подолинским, Ф. Туманским, Шевыревым, Плетневым, Погодиным, Максимовичем, Самариным, Аксаковыми, Гоголем, Тютчевым, А. Н. Майковым, А. К. Толстым, П. В. Анненковым и многими другими;¹⁷ известно также, что он был знаком с Бальзаком во время пребывания последнего в Киевской губернии.¹⁸

Из всех известных нам стихотворений Юзефовича наиболее интересным нужно признать «Удовольствия воображения», посвященное А. И. Подолинскому. В этом романтическом произведении поэт говорит о наслаждениях «в пустыне бытия», особенно близких гонимым судьбой:

Но не с людьми, не в душном их кругу
Те наслаждения живут и к сердцу сходят:
Они на теме гор, иль моря на берегу,
Иль в звездных небесах беседу с ним заводят.

Поэт описывает сладость воображения «в звездных небесах»:

Что зрел тогда мой взор, на землю обращенный?
Все горести ее, все блага жизни сей
Как малы для души казались моей!
Не нужно было мне их счастья, их свободы:
Я не был сын земли; но сын другой природы...

Он переходит к поэзии гор:

О горы! и на вас, в моем воображеньи,
Внимать я восходил поэзию души.
Как вечной младостью снега их хороши!

нике 20 августа 1869 года. — Она не лишена драматического интереса» (А. В. Никитенко. Записки и дневники, т. II. СПб., 1905, стр. 390); сам же автор отнюдь не обольщался по этому поводу, деля в своем драматическом произведении, повидимому, прежде всего общественно-политическое его значение. В недатированном письме 1869—1871 годов к тому же А. В. Никитенко Юзефович писал: «Моего Мазепу прошу сообщить для прочтения Павлу Васильевичу Анненкову и гр. Алексею Толстому. А далее делайте с ним, что хотите. Я не связываю с ним никаких притязаний и сам советовал Толстому взяться за этот сюжет, так как он может сделать из него драму художественную» (ИРЛИ, 18759. СХХVб. 2, № 12, л. 16).

¹⁷ О встречах с Денисом Давыдовым и Ф. А. Туманским рассказывает сам Юзефович в своих воспоминаниях («Русский архив», 1874, № 9, стб. 728—734). О знакомстве с Грибоедовым говорится в названной выше анонимной биографии Юзефовича, вышедшей в 1895 году. О вечере, проведенном у Юзефовича Гоголем (в 1848 году), рассказывает Ф. В. Чижов (Записки о жизни Н. В. Гоголя, т. II, СПб., 1856, стр. 240—241). О близости с Подолинским, знакомстве с Тютчевым см. выше. Письма Юзефовича к И. С. Аксакову, П. А. Плетневу, А. Н. Майкову, А. В. Никитенко (так же как и письма к нему Никитенко) хранятся в ИРЛИ. Письма его к Погодину, хранящиеся в Государственной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве, напечатаны в издании Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (т. XIII, стр. 86, 109, 219). В этом же издании находим сведения о дружбе Юзефовича с М. А. Максимовичем (т. XV, стр. 167). Об отношениях с А. Н. Майковым, А. К. Толстым и П. В. Анненковым см. ниже.

¹⁸ Л. П. Гроссман в статье «Бальзак в России» («Литературное наследство», кн. 31—32, М., 1937, стр. 258—262) опубликовал три письма Бальзака к Юзефовичу (1847 и 1850 годов). Они свидетельствуют о взаимном расположении французского писателя и киевского старожилы, радушно принимавшего его у себя и посылавшего ему виды Киева и альбом Московской оружейной палаты.

На них не встретишься ни с чьими ты следами,
 Там смерти не было, ни чья не тлеет кость,
 И вихрь, единый вихрь, их буйный, звучный гость
 Музыкаю громов пиры их оглашает,
 И смертный с трепетом музыке той внимает.
 Но я, на тех пирах, я часто восседал;
 Венчанный тучами, на землю я взирал.

Есть основания предполагать, что строки многоточий — цензурные купюры, что за ними скрываются картины земной жизни, скованной, несвободной, невыносимой для человека с умом и сердцем.

В романтическом противопоставлении мрачной действительности идеальному надземному миру Юзефович был не оригинален. Сходные образы нередко встречаются в русской поэзии тех лет. Есть они и у Пушкина. Некоторые из стихотворений Пушкина, в которых мы находим аналогичное противопоставление, не только были известны Юзефовичу до их напечатания, но, вероятно, могли ему вспомниться при написании цитированного выше произведения.

В стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша...» (1823) мы читаем у Пушкина такие строки:

Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
 И улетел в страну свободы, наслаждений,
 В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
 Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

В черновых редакциях слова «где смерти нет» звучали более остро: «где нет оков», «где нет царей», что еще лучше оттеняло понятие «свободы» в предшествующей строке.

Очень может быть, что основная мысль стихотворения Юзефовича «Удовольствия воображения» была навеяна цитированными строками из стихотворения Пушкина, — Юзефович познакомился с этим произведением, вероятно, со слов самого поэта, незадолго до сочинения своего стихотворения.¹⁹

Известные нам произведения Юзефовича поздних лет не представляют для нас интереса. Многословные и лишённые поэтических достоинств, они являются, в сущности, декларациями воинствующего реакционера. В стихотворном предисловии к сборнику «На прощанье» обращает, однако, на себя внимание признание автора в былом своем свободомыслии, от которого он тут же патетически отрекается:

В былые дни, в младые годы
 Иные песни я певал:
 И мне знаком был бред свободы,
 И мой он разум волновал. —
 Путь отрицанья, путь сомненья
 Прощел и я с конца в конец...

¹⁹ Стихотворение «Надеждой сладостной младенчески дыша...» опубликовано с такой аннотацией: «Неизданные стихи А. С. Пушкина (Записаны и сообщены М. В. Юзефовичем)». «Русский архив», 1874, кн. II, № 7, стб. 221—222.

Свободолюбие молодого Юзефовича сказалось и в его стихотворении 1830 года «Удовольствия воображения», появившемся в печати (как указывалось выше) с купюрами, повидимому, цензурного происхождения.²⁰

Ранние стихи Юзефовича были живее, поэтичнее, но не были оригинальны. Не превышая среднего уровня поэзии своего времени, они тем не менее были гладкими и звучными, как все стихи золотого века русской поэзии. Они принадлежали к тем стихам, о которых Пушкину пришлось однажды обронить такие слова: «...под известный каданс можно их надевать тысячи, и все они будут хороши. Я ударил об наковальню русского языка, и вышел стих — и все начали писать хорошо».²¹

Возвращаясь к вопросу о том, почему Пушкин, упомянув Юзефовича в «Путешествии в Арзрум» (в «Современнике»), назвал его «поэтом». Ни одно из стихотворений Юзефовича, как мы видели, не было напечатано ранее 1831 года. Возможно, что, увидев в «Одесском альманахе» на 1831 год четыре стихотворения с подписью М. Юз..., Пушкин узнал в авторе адъютанта Раевского, с которым он познакомился за полтора года до этого на Кавказе (может быть, обратил внимание поэта на эти стихи брат его Лев, который до конца дней своих сохранил дружбу с Юзефовичем). И Пушкину захотелось дать знать страстно влюбленному в поэзию молодому человеку, что он его помнит, читал его стихи в альманахе и считает автора достойным звания поэта. Не стал бы Пушкин для себя называть Юзефовича поэтом, даже если последний и показывал Пушкину свои стихи;²² ежедневное тесное общение с молодым офицером в лагере и на полях войны в течение полутора месяцев удержали в памяти Пушкина, конечно, не столько стихи среднего поэта, сколько образ пылкого, живого молодого человека,²³ горячего поклонника пушкинского гения.

С другой стороны, если бы поэт адресовался к публике, он не назвал бы Юзефовича одной буквой Ю., а назвал бы его так, как тот подписывал свои стихи в печати: М. Юз... или же полной фамилией. Все это и приводит нас к заключению, что слова «поэт Ю.» в «Современнике» предназначались, повидимому, для самого Юзефовича.

Это служит еще одним свидетельством той удивительной благожелательности Пушкина к людям, того постоянного участия по отношению к начинающим писателям, которые столь характерны для великого поэта.

²⁰ Рукописи стихотворений Юзефовича, которые могли бы подтвердить это предположение, не известны. В Киевском областном архиве, где хранятся некоторые документы М. В. Юзефовича, прожившего в Киеве последние пятьдесят лет своей долгой жизни, его рукописей литературного характера не оказалось. Выражаю благодарность Д. М. Косарику за эту и другие справки об М. В. Юзефовиче, наведенные им в Киеве.

²¹ Н. Ашук и. Пушкин перед картиной Брюллова. «Звенья», кн. 2, 1933, стр. 238 (запись А. С. Андреева, 1827 года).

²² О том, что Юзефович и в юные годы писал стихи (по крайней мере, переводы французских поэтов), видно из его писем к А. В. Никитенко за 1820—1822 годы (хранятся в ИРЛИ).

²³ Любопытную характеристику М. В. Юзефовича-юноши оставил А. В. Никитенко, рассказывающий, что друг его был «одержим недугом идеализма», «горел и рвался на подвиг» (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. СПб., 1904, стр. 99).

Л. Ю. БРАУДЕ

АВТОГРАФ ПУШКИНА В АРХИВЕ Г. К. АНДЕРСЕНА

В марте 1825 года, подготавливая к изданию первый сборник своих стихотворений, Пушкин переписал в особую тетрадь ряд отобранных им произведений, снабдив указаниями относительно порядка их расположения в задуманном сборнике, и переслал эту тетрадь своему брату Льву Сергеевичу, с тем, чтобы последний вместе с П. А. Плетневым подготовил рукопись будущей книги для представления ее в цензуру. Эта тетрадь (в четвертку, без переплета, состоявшая из 19 листов), получившая впоследствии название «Капнистовской тетради», — по имени последнего известного нам владельца ее, — уже давно исчезла из поля зрения исследователей. Местонахождение ее не известно. Утрата Капнистовской тетради тем более ощущима, что ее давно уже принято считать «одним из наиболее крупных и важных автографов Пушкина, недоступных в настоящее время исследованию».¹ Следы этой тетради теряются уже в начале XX века; между тем в предшествующие десятилетия она побывала в руках ряда лиц, изучавших творчество Пушкина, и издателей его сочинений, не сумевших, однако, описать ее с надлежащей тщательностью и полнотой. Так, известно, например, что Капнистовскую тетрадь пользовался П. А. Ефремов и что затем она долгое время находилась у Л. Н. Майкова.

Когда в начале 90-х годов второе отделение Академии Наук, по почину Л. Н. Майкова, решило подготовить критическое издание сочинений Пушкина, оно обратилось к лицам, у которых хранились автографы поэта, с просьбой предоставить их Академии Наук во временное пользование. «Одним из первых, — сообщал по этому поводу Л. Н. Майков, — откликнулся на этот призыв граф Петр Иванович Капнист, любезно доставивший принадлежащую ему тетрадь лирических стихотворений Пушкина, собственноручно им переписанных около 1825 года».² В архиве академика Л. Н. Майкова сохранилось письмо П. И. Капниста от 4 июня 1891 года, сопровождавшее присылку этой тетради Академии Наук. П. И. Капнист сообщал в этом письме, что вследствие предложения президента Академии от 29 апреля этого года он препровождает Отделению «тетрадь стихотворений Пушкина, собственноручно им написанных, с его заметками по изготовлению их

¹ Б. В. Томашевский. Капнистовская тетрадь. «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 843—868; ср.: Б. В. Томашевский. Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения, Л., 1925, стр. 7, 108—109; Рукою Пушкина. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 228—232.

² Л. Н. Майков. Автографы Пушкина, принадлежащие графу П. И. Капнисту. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1896, т. I, кн. 3, стр. 574—581; то же в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Академии Наук», т. LXIV, № 5, 1896, стр. 1—8.

к печати», и просил о возвращении ему этой тетради «по миновании надобности».³ Не лишено интереса то обстоятельство, что письмо это написано П. И. Капнистом в его имении (Александровка, Харьковско-Николаевской железной дороги, станция Галещина); повидимому, здесь именно и хранился этот автограф Пушкина до отправки его в Петербург. Как свидетельствует расписка Л. Н. Майкова (на цитированном письме П. И. Капниста), указанную рукопись Пушкина он получил в пользование 1 октября 1891 года. Не ясно, когда он возвратил ее владельцу; следует предположить, что это произошло не ранее 1896 года, когда Л. Н. Майков дважды опубликовал ее описание; следовательно, рукопись находилась у него около пяти лет. Два года спустя П. И. Капнист скоростижно скончался в Риме (26 марта 1898 года),⁴ и все его бумаги, в том числе, вероятно, и автограф Пушкина, перешли во владение к его дочерям,⁵ а в апреле 1900 года умер и Л. Н. Майков. С этих пор следы рукописи теряются.⁶ Дальнейшие сведения о ее местонахождении, насколько известно, в печати не появлялись.

До недавнего времени основным источником данных о Капнистовской тетради являлось описание Л. Н. Майкова, а также изготовленные для него фотоснимки с шести ее страниц, донныне хранящиеся в Рукописном отделе Института русской литературы. Еще Л. Н. Майков отметил, что эта тетрадь, в тот момент, когда она находилась в его пользовании, сохранялась не в своем полном виде. Он писал: «Сперва тетрадь состояла из большего количества листов, но некоторые из них были вырезаны, а остальные сшиты вновь, притом не в надлежащем порядке; вследствие утраты листов одно из включенных в тетрадь стихотворений оказалось без окончания, а другое — без начала».⁷ Однако Л. Н. Майков не сделал попытки установить правильную последовательность листов тетради, а потому он не мог выяснить, какие именно листы утрачены. Только когда был предположительно установлен Б. В. Томашевским первоначальный состав тетради, то оказалось, что утраченный первый лист содержал текст элегии «Пробуждение» и начало элегии «Друзьям», конец которой был переписан Пушкиным, на втором листе тетради.⁸

Соображения Б. В. Томашевского вполне подтвердились, когда был обнаружен считавшийся утраченным первый лист «Капнистовской тетради».

³ Архив Академии Наук СССР, ф. 9, оп. 1, № 646.

⁴ «Русские ведомости», 1899, № 333, 2 декабря. — П. И. Капнист был похоронен на острове Крите, откуда он вел свой род, но, насколько известно, никаким имуществом там не обладал. Б. В. Томашевский передает о нем неточные сведения; он пишет о тетради Пушкина: «Владелец ее, ныне умерший Капнист, до войны (?) жил больше за границей, в своем имении где-то в Архипелаге. После революции его наследники больше в Россию не возвращались, и следы их потеряны» («Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 843).

⁵ Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского, т. I, ГИЗ, М.—Л., 1926, стр. 413.

⁶ В 1911 году П. Е. Щеголев в статье «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» («Пушкин и его современники», вып. XIV, 1911, стр. 89) писал: «К сожалению, описание Майкова крайне бегло и не дает ответа на многие любопытные вопросы. Об этом приходится пожалеть сугубо, так как рукопись в свое время была возвращена из Академии Наук по принадлежности, а где она находится теперь, не удалось выяснить, несмотря на все розыски». О неточностях, допущенных исследователями, имевшими в руках Капнистовскую тетрадь, см. также замечания М. А. Цявловского («Пушкин и его современники», вып. XVII—XVIII, 1913, стр. 65).

⁷ «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1896, т. I, кн. 3, стр. 574—575.

⁸ «Литературное наследство», кн. 16—18, стр. 847—848.

В настоящее время он находится в Копенгагенской королевской библиотеке в собрании рукописей известного датского писателя-сказочника Г. К. Андерсена (1805—1875). На первой странице и на обороте указанного листа рукой Пушкина вписаны стихотворения «Пробуждение», 1816 («Мечты, мечты, Где ваша сладость?..») и четыре первых стиха «Элегии II» — «Друзьям», 1816 («К чему, веселые друзья, Мое тревожить вам молчанье?..»).

В 1939 году Государственный Литературный музей в Москве командировал профессора П. Г. Богатырева в Копенгаген для работы в копенгагенских архивах и музеях. В архиве Г. К. Андерсена, хранящемся в отделе рукописей копенгагенской Королевской библиотеки, П. Г. Богатырев обнаружил указанный автограф Пушкина. Первое известие об этой находке, впрочем, краткое и неточное, опубликовано было в заметке «Вырванная страница», напечатанной в «Литературной газете» от 30 марта 1941 года (№ 13). При посредстве П. Г. Богатырева фотокопии с вновь найденного автографа Пушкина доставлены были из Копенгагена в Москву, в Государственный Литературный музей, и приняты были во внимание редакторами академического издания полного собрания сочинений Пушкина при публикации стихотворений «Друзьям» и «Пробуждение».⁹

В феврале 1952 года с упомянутой рукописью Пушкина познакомился побывавший в Копенгагене профессор И. Е. Глушенко,¹⁰ предоставивший Институту русской литературы вновь сделанные фотоснимки с автографа,¹¹ воспроизводимые в настоящей статье. Об этом автографе существует специальная статья датского исследователя Фан дер Флита, проливающая свет на то, при каких обстоятельствах лист, вырванный из «Капнистовской тетради», попал в архив Г. К. Андерсена, и объясняющая происхождение сделанных на ней надписей.¹²

Из статьи Фан дер Флита мы узнаем, что Андерсен, путешествуя по Швейцарии, в августе 1862 года встретил здесь в пансионате города Монтрё трех дочерей русского генерала Карла (Фридриха) Егоровича Мандерштерна¹³ — Елизавету, Александру и Вильгельмину и завязал с ними тесное знакомство. Из дневников Андерсена этого времени видно, что, находясь в Монтрё, он часто виделся с дочерьми генерала Мандерштерна, незадолго перед тем умершего (2 мая 1862 года), и нередко беседовал с ними о литературе и искусстве; Вильгельмина пела ему русские народные песни, а ее сестры много рассказывали ему о русских писателях. Данные, относящиеся к несколько более позднему времени, к концу 60-х годов, свидетельствуют, что Андерсен интересовался русской литературой и высоко ее ценил. Об этом, в частности, мы узнаем из не опубликованного полностью письма Андерсена к М. Н. Трубниковой (от 28 августа 1868 года), в котором он подтверждает свое знакомство с произведениями Пушкина и других русских писателей: «Я рад знать, — писал Андерсен, — что мои произведения читаются в великой, могучей России,

⁹ Пушкин, Полное собрание сочинений, т. II, кн. 1, Изд. Академии Наук СССР, 1947, стр. 513 и 516; т. II, кн. 2, 1949, стр. 1018 и 1020.

¹⁰ И. Е. Глушенко. В Дании. «Известия», 1952, № 108, 8 мая.

¹¹ Снимки хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1730.

¹² W. Van der Vliet. H. C. Andersens Puschkinautograf. Søstre Manderstjerna. В книге: Anderseniana. Udgivet af H. C. Andersen samfundet. Under redaktion af M. K. Petersen, vol. VIII, København, 1940, стр. 75—78.

¹³ Род Мандерштернов (Manderstjerna) происходит от старой шведской знати и был вписан в книгу дворянства Полтавской губернии.

чью цветущую литературу я частично знаю, начиная от Карамзина до Пушкина и вплоть до новейшего времени».¹⁴

Старшая из сестер, Елизавета Карловна Мандерштерн (1821—1904), как выясняется из письма ее к Андерсену, обнаруженного и опубликованного Фан дер Флитом в упомянутой его статье, еще в 1862 году в Монтрё обещала датскому писателю раздобыть для его коллекции рукописей автограф Пушкина, но смогла выполнить это обещание лишь три года спустя.

Фан дер Флит опубликовал письмо Е. К. Мандерштерн к Андерсену (на немецком языке), отправленное ему из Риги 13 (25) мая 1865 года. Так как это письмо объясняет, каким образом лист из «Капнистовской тетради» попал к датскому писателю, мы считаем целесообразным привести его полностью в русском переводе:

«Глубокоуважаемый г. Андерсен,

Более чем вероятно, что Вы уже забыли нашу встречу в пансионате в Монтрё. Если Вы забыли обо мне, то мое воспоминание о Вас тем вернее, что я, помня о Вас, должна была сдержать, кроме того, данное Вам обещание, которое преследовало меня в прошлые годы, как кошмар. В конце концов, может быть, Вы сами забыли, что в Монтрё я обещала Вам автограф нашего почитаемого, талантливого поэта Пушкина.

Этот автограф уже в течение нескольких месяцев является моей собственностью; теперь я посылаю его и дарю его Вам, как свидетельство моей преданности и глубокого к Вам уважения. С большим трудом достала я для Вас это сокровище. Эгоизм, глубоко укоренившийся в моем сердце, был близок к тому, чтобы унизить меня и заставить сохранить эту драгоценность для моего собрания автографов. Но мысль о вас, дорогой Андерсен, победила, и я с особенной радостью посылаю Вам приложенный к этому письму пожелтевший листок, который передает мысли великого гения. Однако та рука, которая отдала мне эту драгоценность, надеется на любезность с Вашей стороны, уважаемый г. Андерсен. Это прелестная молодая дама, моя кузина, г-жа Капнист, урожденная Мандерштерн. Являясь одной из Ваших восторженных почитательниц, она просит Вашу фотографию с подписью Вашего имени. Согласны ли Вы на это?

Если бы я знала, что у Вас сохранилось хотя бы слабое представление о тех трех сестрах, из которых старшая сейчас пишет Вам, я написала бы Вам еще многое, но так как я сомневаюсь в этом, то прошу Вас принять мои уверения в искреннем к Вам уважении и благодарном воспоминании.

С уважением

Элиза фон Мандерштерн.

P.S. Прошу Вас известить меня о получении этого письма».¹⁵

Таким образом, из настоящего письма выясняется, что первый лист принадлежавшей П. И. Капнисту тетради Пушкина, на котором рукой поэта написаны были стихотворение «Пробуждение» и начало элегии «Друзьям»,

¹⁴ Письмо Андерсена находится в собрании автографов Сухтелена, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Цитируем его по отрывку, опубликованному В. Г. Адмони в статье об Андерсене (Большая Советская энциклопедия, т. II, изд. 2-е, 1950, стр. 421); ср.: В. П. Неустроев. Русская классическая и советская литература в скандинавских странах. «Ученые записки Военного института иностранных языков», 1948, № 5, стр. 85.

¹⁵ W. Van der Vliet, цитированная статья, стр. 76—77.

Дюция

Дюция 1. (1816)

пробуждение

Миром, миром!
Где выше надеются?
Где вы, где вы,
Никогда радуют?
Мудрость вы,
Великий вы,
И одинокой,
Во тьме глубокой
И пробужденью.
Кружить по тьме
И малюток,
Видеть ослепки!
Видеть умишки
Темнон протв
Любви и тьмы;

Das Original
des Russischen
Handschrifts

Лист из «Капнистовской тетради» Пушкина, принадлежавший Г. К. Андерсену.

Копенгагенская Королевская библиотека.

Есть поэма
Душа поэта,
И любовь на
Вспоминаньях
Любовь, любовь!
Внешки милое: ^{тоже} ~~нужно~~ и ~~жизни~~
Поэзия ~~и~~ ~~жизни~~ ~~и~~ ~~жизни~~
Свои ~~вещи~~ ~~и~~ ~~жизни~~, ~~и~~ ~~жизни~~,
И поэт
Вновь ~~и~~ ~~жизни~~
Нужной ~~и~~ ~~жизни~~
Непробужденный. 4

~~Вспоминаньях~~ ~~и~~ ~~жизни~~ ~~и~~ ~~жизни~~ ~~и~~ ~~жизни~~
Друзьям.

Но кому, все же друзья,
Мои переживают вандам и мрамору
Против поэта ~~и~~ ~~жизни~~ ~~и~~ ~~жизни~~
Уже ~~и~~ ~~жизни~~ ~~и~~ ~~жизни~~ ~~и~~ ~~жизни~~

Al. My k. P. R. 1299, IV.

Лист из «Капнистовской тетради» Пушкина, принадлежавший Г. К. Андерсену.
Оборот листа.

Копенгагенская Королевская библиотека.

вырван был из этой тетради в начале 1865 года молодой женой Капниста Екатериной Евгеньевной, урожденной Мандерштерн (дочерью генерала Евгения Егоровича Мандерштерна),¹⁶ и передан ею двоюродной сестре её Елизавете Карловне Мандерштерн, которая и препроводила его Андерсену в мае того же 1865 года. На обложке отосланного в письме автографа Ел. К. Мандерштерн сделала следующую надпись (подлинник на немецком языке): «Автограф поэта Пушкина. Листок из собрания рукописей, принадлежащих г-же Капнист. С.-Петербург, 1865», а на обороте: «Если вы пожелаете иметь перевод этого стихотворения, то я пошлю его вам, как только буду знать, что оригинал находится у вас».

Из дневников Андерсена, цитируемых Фан дер Флитом, мы узнаем, что датский писатель получил автограф Пушкина и вскоре ответил Ел. К. Мандерштерн. Под датой 26 июня 1865 года в дневнике Андерсена имеется следующая запись: «Закончил письмо фрёкен Мандерштерн по-немецки, но не отослал его». Не знаем, в чем состояла причина задержки; известно, однако, что оно отправлено было по назначению 9 сентября 1865 года и что в нем были следующие слова относительно полученного им подарка: «Всемирно-знаменитая рукопись Пушкина — для меня сокровище. Примите мою сердечную благодарность. Вы хотите получить мой автограф для г-жи Капнист: посылаю ей маленькое стихотворение на моем родном языке».¹⁷ Дальнейшие строки письма Андерсена не имеют прямого отношения к интересующей нас теме, поэтому опускаем их; укажем лишь на то, что Андерсен вспоминает здесь о днях, проведенных в обществе сестер Мандерштерн в Швейцарии за три года перед тем, рассказывает о своих дальнейших путешествиях по южной Европе, о событиях в Дании, наконец, упоминает о своих литературных трудах за истекшее время.

Все приведенные данные вполне объясняют нам историю того, как рукопись Пушкина попала в архив Г. К. Андерсена; мы узнаем также, при каких обстоятельствах Капнистовская тетрадь утратила свой первый лист, и его дальнейшую судьбу. К сожалению, всё это проливает весьма слабый свет на историю всей тетради в целом даже в пределах тех первых десятилетий, в течение которых она являлась собственностью П. И. Капниста и его семьи. Если мы знаем теперь, что в руках П. И. Капниста пушкинская тетрадь была уже в 60-е годы, т. е. за три десятилетия до того, как она была передана им Л. Н. Майкову для изучения, то попрежнему остается неясным, когда и при каких обстоятельствах она попала в руки П. И. Капниста. Представляется странным, почему ничего не сообщил об этом описавший эту тетрадь Л. Н. Майков, тем более, что из биографии П. И. Капниста, написанной его дочерью, видно, что в 90-е годы Л. Н. Майков встречался с ним и беседовал «неоднократно о поглощавшем его тогда новом издании Пушкина». «Капнист сообщил ему некоторые подробности о великом поэте, которые были им собраны еще в юности, во время службы

¹⁶ И. Капнист. Воспоминания о графе П. И. Капнисте. В книге: П. И. Капнист. Сочинения, т. 1, М., 1901, стр. CV—CVI. — П. И. Капнист женился на Екатерине Евгеньевне Мандерштерн в 1862 году; ему было в то время 32 года. И. Капнист упоминает о литературных интересах ее матери, о знакомстве ее с русскими писателями этого времени (она была, в частности, в переписке с И. А. Гончаровым). К сожалению, нам не известен в настоящее время дневник Екатерины Евгеньевны Капнист, который был в руках ее дочери; в этом дневнике, несомненно, имелись сведения о пушкинской тетради и о передаче первого ее листа Г. К. Андерсену через посредство Ел. К. Мандерштерн.

¹⁷ Это письмо Андерсена находится в настоящее время в собрании Х. Л. Петерсена (W. Van der Vliet, цитированная статья, стр. 78).

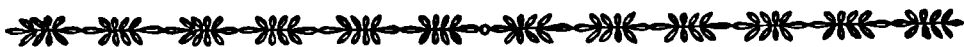
в Одессе», — сообщает И. П. Капнист.¹⁸ Значит ли это, как обычно полагают, что пушкинская тетрадь была получена П. И. Капнистом в Одессе от брата поэта, Льва Сергеевича Пушкина?¹⁹ На это нет решительно никаких указаний. С другой стороны, известно, что в 1895 году по просьбе Л. Н. Майкова П. И. Капнист написал статью «К эпизоду о высылке Пушкина из Одессы в его имение Псковской губ.», которую Л. Н. Майков напечатал в «Русской старине» уже после смерти автора.²⁰ Сообщаемые здесь сведения получены были П. И. Капнистом от дяди его, Алексея Васильевича Капниста,²¹ служившего в юности адъютантом у героя 1812 года генерала Н. Н. Раевского и находившегося в дружеских отношениях с сыном генерала и приятелем Пушкина Александром Николаевичем Раевским. В этой статье П. И. Капнист также не обмолвился ни единым словом о том, от кого досталась ему тетрадь со стихами Пушкина. Этот вопрос требует еще дополнительных разысканий. Поиски исчезнувшей тетради Пушкина у потомков П. И. Капниста могут и должны быть приняты; она не должна была затеряться бесследно.

¹⁸ П. И. Капнист, Сочинения, т. I, М., 1901, стр. ССХVI.

¹⁹ Рукою Пушкина, стр. 231.

²⁰ «Русская старина», 1899, т. 98, май, стр. 241—245; перепечатано в книге: П. И. Капнист, Сочинения, т. II, стр. 527—541.

²¹ Об А. В. Капнисте см.: Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. X. Изд. Академии Наук СССР, 1940, стр. 231; т. XII, 1952, стр. 291.

М. Д. МОРИЧЕВА

ПУШКИН В СТИХОТВОРЕНИИ НУРДАЛЯ ГРИГА

Имя А. С. Пушкина было известно в Норвегии еще в прошлом столетии. Вряд ли можно сомневаться в том, что с произведениями Пушкина был знаком Генрик Ибсен, восторженно отзывавшийся о русской литературе в своем письме к редактору газеты «Моргенбладет» 1873 года.¹ Имя Пушкина, по всей вероятности, было известно и Бьернстьерне Бьернсону, который также высоко ценил творчество русских писателей. Однако широким кругам норвежского народа произведения Пушкина стали доступны лишь со второго десятилетия XX века, когда начали появляться переводы Пушкина на норвежский язык.

В 1915 году в переводе Ибена Кристенсена был издан «Дубровский», а в 1917 году вышли «Капитанская дочка» в переводе Нильса Кьера и «Пиковая дама» в переводе драматурга Хельге Крога.² Следует отметить, что с 1921 по 1930 год произведения Пушкина в Норвегии не издавались, однако интерес к его творчеству снова возрастает в 30-е годы.

В 1937 году вся прогрессивная мировая общественность широко отмечала столетие со дня смерти величайшего русского поэта. Знаменательная юбилейная дата привлекла к себе внимание и в Норвегии. Как сообщала наша печать, в Норвегии по радио транслировалась специальная передача, посвященная памяти Пушкина; с докладом о Пушкине выступил известный норвежский славист Улаф Рюттер.³ В университете в Осло состоялся вечер памяти Пушкина, на котором доклад о жизни и творчестве великого поэта сделал Эрик Краг. Вскоре доклад Эрика Крага был опубликован под заглавием «Александр Пушкин» в третьем номере историко-литературного журнала «Edda», издающегося в Осло.⁴

Норвежский критик утверждает в своей статье, что Пушкин выступил в России как «гениальный поэт и певец, в творчестве которого народ впервые обрел свой голос».⁵ Э. Краг обращает внимание на то, что современниками Пушкина были такие выдающиеся писатели, как Мицкевич в Польше, Петёфи в Венгрии, Вергеланн в Норвегии, а деятельность каждого из этих поэтов означала, по мнению автора, новую эпоху в жизни

¹ Г. Ибсен, Полное собрание сочинений, т. IV, СПб., 1909, стр. 412.

² A. Puschkin. Dubrowsky. Oversat av Iben Christensen, изд. H. Erichsen, Kristiania, 1915, 103 s.; A. Puschkin. Kommandantens datter. Oversat av Nils Kjaer, изд. H. Erichsen, Kristiania, 1917, 130 s. (Uke serie № 116); A. Puschkin. Spardame. Oversat av Helge Krog, изд. H. Erichsen, Kristiania, 1917, 114 s. (Uke serie № 112).

³ Пушкинские дни за рубежом. «Интернациональная литература», 1937, № 3, стр. 222.

⁴ Erik Krag. Aleksander Pusjkin (Foredrag på hundreårsdagen efter hans død, 10 februar 1837). «Edda», Oslo, 1937, Hefte 3, стр. 289—303.

⁵ Там же, стр. 289.

их народов. Подробно характеризуя жизненный и творческий путь Пушкина, Краг говорит о преследованиях, которым подвергался великий русский поэт в царской России, о его ссылке на юг, о заточении в Михайловском, где за ним был установлен негласный полицейский надзор, о тяжелой опеке отца, который был вынужден распечатывать письма сына. Говоря о связях поэта с декабристами, Эрик Краг утверждает, что если бы Пушкин был в Петербурге в декабре 1825 года, он оказался бы на стороне восставших и «несомненно разделил бы участь молодого поэта Рылеева, который был приговорен к смертной казни».⁶ Определив пребывание поэта при дворе как «сплошной кошмар» («придворные интриги, сплетни и клевета отравляли поэту жизнь», — пишет Краг), норвежский критик, однако, не сумел достаточно глубоко разобратся в причинах гибели поэта. Травлю, которой Пушкин подвергся при дворе, Краг связывает исключительно с его личной драмой, игнорируя при этом общественно-политическое лицо поэта и забывая о том, что его взгляды и направление мыслей были опасны для царского самодержавия и вызывали к нему жгучую ненависть придворной «черни».

Характеризуя поэтическое творчество Пушкина, Краг признает, что его лирика «принадлежит к самым совершенным образцам мировой литературы».⁷ Норвежский критик совершенно справедливо отмечает, что произведения Пушкина были качественно новым этапом в развитии русской литературы. Предшественники великого поэта — Ломоносов, Державин, Карамзин, а из более поздних — Жуковский — много сделали для развития русского литературного языка, однако произведения Пушкина, по мнению автора, имели глубоко новаторское значение.

Подчеркивая глубоко национальный, самобытный характер таких произведений, как «Борис Годунов», «Евгений Онегин» (который он определяет, пользуясь словами Белинского, как «энциклопедию русской жизни»), повесть «Капитанская дочка» и ряд других, Эрик Краг указывает на огромное значение творчества Пушкина для всего дальнейшего развития русской литературы. Как положительный факт следует отметить, что норвежский критик сумел оценить достоинства пушкинских творений. На протяжении всего своего доклада он указывает на самобытность и оригинальность творчества великого русского поэта, отрицая ходячее мнение зарубежных литературоведов о влиянии западноевропейских поэтов, и прежде всего Байрона, на творчество Пушкина. Краг отмечает, что уже в «Дыганах» Пушкин выносит суровый приговор байроническому герою; в конце доклада Краг вновь утверждает: «Титанический байронизм никогда не имел большой силы у Пушкина».⁸

Говоря об огромном значении творчества Пушкина для таких писателей, как Тургенев, Гончаров, Толстой и др., Эрик Краг утверждает, что через посредство этих писателей Пушкин оказал сильное влияние и на интеллектуальную жизнь Западной Европы. Заканчивая свой доклад цитатой из стихотворения Пушкина «Памятник» («Слух обо мне пройдет по всей Руси великой» и т. д.), норвежский критик говорит: «Нам бы также хотелось выразить наше преклонение перед величайшим поэтом России, чьи бессмертные творения являются достоянием всего человечества».⁹ Таким образом, хотя доклад Э. Крага и не содержит в себе каких-либо новых соображений и мыслей о русском поэте, но он свидетельствует, что критик

⁶ Там же, стр. 292.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 301.

⁹ Там же, стр. 303.

знаком и с творчеством Пушкина, и с литературой о нем. Доклад этот имел несомненное значение для норвежских слушателей, не имевших возможности читать все произведения Пушкина на своем родном языке.

О глубоком интересе передовой норвежской общественности к великому русскому поэту свидетельствует также стихотворение крупнейшего норвежского поэта Нурдаля Грига «Последняя воля Пушкина» («Pusjkins siste vilje»), написанное автором специально к юбилейным пушкинским торжествам 1937 года.

Нурдаль Григ (1902—1943), выдающийся норвежский поэт, талантливый драматург, замечательный публицист и видный общественный деятель, занимал центральное место в литературно-общественной жизни Норвегии 30—40-х годов.

Из ранних произведений Грига обращает на себя внимание его поэтический сборник 1929 года «Норвегия в наших сердцах», воспевающий любовь поэта к родине и трудовому народу. Однако в полную силу его могучий талант расцвел лишь во второй половине 30-х годов, в период упорной борьбы передовых сил человечества против фашизма и войны. Двухлетнее пребывание Грига в Советском Союзе (1933—1935) окончательно определило его идейно-художественные воззрения как писателя-реалиста, ставшего на сторону революционного пролетариата, и послужило мощным толчком для его творческой активности.¹⁰ Ко второй половине 30-х годов относятся лучшие произведения Грига: боевая политическая лирика; драма «Наша честь, наше могущество», гневно разоблачающая спекулятивные махинации норвежской буржуазии в период первой мировой войны; историческая драма о Парижской Коммуне «Поражение», проникнутая высоким жизнеутверждающим пафосом и исполненная глубокой веры в торжество дела, за которое сражались коммунары; пламенные публицистические статьи. В годы борьбы Испанской республики против фашизма Григ отправился в Испанию и принял участие в героической борьбе испанского народа.

В 1936—1937 годах Нурдаль Григ издавал журнал «Veien frem» («Путь вперед»), стоявший в эти годы в центре антифашистской борьбы Норвегии. На страницах журнала печатались статьи А. М. Горького, к участию в журнале были привлечены Мартин Андерсен Нексе, Генрих Манн, Луи Арагон, Илья Эренбург, Анна Зегерс. Журнал явился трибуной, с которой Григ выступал против фашизма и войны, а также беспощадно клеймил тех писателей, которые проповедовали пессимизм и уход от действительности.

Когда немецкие фашисты в апреле 1940 года напали на Норвегию, Григ с оружием в руках защищал свободу и независимость своей родины. Его пламенные стихи, призывавшие к беспощадной борьбе с немецким фашизмом, подпольно распространялись по всей Норвегии и вдохновляли патриотов на борьбу с врагом.

Нурдаль Григ погиб 3 декабря 1943 года, принимая участие в бомбардировке Берлина.

Стихотворение Грига «Последняя воля Пушкина», написанное в 1937 году, вошло в поэтический сборник «Надежда», изданный в Норвегии в 1946 году. Впервые же оно было опубликовано в пятом номере издававшегося им журнала «Veien frem» за 1937 год. Еще ранее, в третьем номере того же журнала, в связи с широко отмечавшейся повсюду датой

¹⁰ Вл. Лидин. Нурдаль Григ (1945). В книге: Вл. Лидин. Рассказы, повести, воспоминания. Гослитиздат, М., 1954, стр. 586—588.

столетия со дня смерти Пушкина, Григ напечатал в переводе на норвежский язык статью В. Вересаева о Пушкине. По всей вероятности, это была статья Вересаева «За то, что живой», опубликованная в газете «Известия ЦИК и ВЦИК СССР» от 6 июня 1936 года, в которой Вересаев пытается ответить на вопрос, почему произведения Пушкина до сих пор пользуются среди народа такой огромной популярностью. В примечании к статье редакция газеты «Известия» предложила читателям откликнуться на статью В. Вересаева и ответить на вопрос: «Чем Вам дорог Пушкин?». Повидимому, эта статья Вересаева и послужила внешним поводом для создания Григом стихотворения о Пушкине. Но основные причины, побудившие Грига написать это стихотворение, лежали гораздо глубже. По своей натуре страстного публициста Нурдааль Григ не мог не откликнуться на такое значительное событие в области борьбы за новую культуру, как празднование столетия со дня смерти Пушкина. Большинство зарубежных юбилейных статей 1937 года поднимали вопрос о политическом лице поэта, о его связях с декабристами, однако часть авторов выступала с ошибочными утверждениями, искажавшими облик Пушкина — певца свободы. Так, например, глубоко неверное представление о творчестве Пушкина зрелой поры и его общественно-политическом содержании находим мы в шведской газете «Svenska Pressen» (1937).

Стихотворение Грига «Последняя воля Пушкина», несомненно, вдохновлено стремлением правильно осветить общественно-политический облик великого русского поэта. Интересна творческая история этого стихотворения, о которой рассказывает уже упомянутый выше норвежский славист Улаф Рюттер в статье «Нурдааль Григ во время войны. Некоторые личные воспоминания», опубликованной в специальном номере журнала «Kvinnen og tiden» («Женщина и время») от 1 ноября 1952 года, посвященном пятидесятилетию со дня рождения Нурдаля Грига. Улаф Рюттер вспоминает, что перед тем, как написать стихотворение о Пушкине, Григ попросил его зайти и рассказать все, что он знает о великом русском поэте. «Я принял это не очень буквально, — пишет Рюттер. — Мне было известно, что Григ знает о Пушкине больше, чем, может быть, любой другой норвежский писатель. С той минуты, как я вошел, и до моего ухода мы не говорили ни о чем другом, кроме Пушкина. Я рассказал всё, что я помнил о его творчестве, о его жизни, о его времени и среде. Я прочитал несколько отрывков из его лирики и обратил внимание, что Григ прежде всего отметил дух социального возмущения в его юношеской лирике „Деревня“ и „К свободе“ („Вольность“). После четырех часов интенсивной беседы Григ сказал: „Для меня Пушкин прежде всего бунтарь против той социальной среды, жертвой которой он пал. Так я и буду писать“». ¹¹

Стихотворение «Последняя воля Пушкина» вошло в однотомное «Собрание стихотворений» Н. Грига, вышедшее в Норвегии в 1948 году. ¹²

Впервые на русском языке в переводе Н. Асеева стихотворение Грига было опубликовано в 1947 году в журнале «Огонек» (№ 31) в связи со столетием со дня смерти Пушкина. Ниже мы цитируем Грига в переводе Н. Асеева, в целом весьма удачном, но обращаемся также и к оригиналу, так как в отдельных местах перевод не совсем точен.

¹¹ Olav Rytter. Nordahl Grieg under Krigen. Nokre personlige minne. Sæ nummer av «Kvinnen og tiden». «Nordahl Grieg. 1902 — 1 november 1952». Перевод Н. И. Крымовой. — Редакция приносит благодарность Н. И. Крымовой за присылку библиографических справок и цитат из редких норвежских изданий для настоящей статьи.

¹² Nordahl Grieg. Samlede dikt. Gyldendal norsk forlag, Oslo, 1948.

В стихотворении Грига Пушкин — это прежде всего певец свободы, призывающий к борьбе с самодержавием, тесно связанный с декабристами:

Он говорил в поэмах о свободе
Он призывал к народному восстанью,
И пять его друзей в петле погибли,
А остальные сгнули в Сибири.¹³

В противовес некоторым скандинавским критикам, объявлявшим «камер-юнкерство» Пушкина его стремлением приблизиться ко двору, Григ показывает, что пребывание Пушкина при дворе глубоко его тяготило и было вынужденным:

«Tsaren forlangte hans nærvægt», — утверждает Григ («Царь требовал его присутствия»). Оно было связано с намерением царя обратить великого певца свободы в придворного поэта. Григ так говорит об этом:

Den oprørske kaldes til hoffet.
Herskaren ønsket å opdra ham
hver kveld på et nytt ball.¹⁴
Бунтарь был призван ко двору.
Властитель пожелал воспитывать его
На ежевечерних придворных балах.

(Перевод наш. — М. М.)

Выразительно охарактеризовав тот «великосветский плен», в котором находился Пушкин, Григ тем самым определил истинных виновников гибели поэта, окружавших его атмосферой интриг и враждебности. Отвергая клеветнические измышления о Пушкине, будто бы отказавшемся в зрелые годы от своих вольнолюбивых стремлений и смирившимся с режимом царского самодержавия, Н. Григ показывает, что великий поэт до конца своей жизни оставался непримиримым врагом всякого рода угнетения и несправедливости:

Все, чем он был, —
Его упорство воли,
И песнь, и жизнь, и смерть, —
Направлено против позора рабства.¹⁵

В изображении Н. Грига последней мечтой Пушкина, его предсмертным желанием было сокрушение ненавистного, враждебного народу царского режима, который в глазах поэта был воплощением «несправедливости, бесправья, угнетенья».

В заключительных строфах стихотворения Нурдаль Григ говорит о том, что русский народ, восстав против «позора рабства», воплотил в жизнь мечту великого поэта: над его родиной взошла прекрасная заря свободы.

Он стал душой народа.
За сто прошедших лет,
Под плетями казаков,
Измученный нуждой,
Бесправьем и войной,
Его народ вставал, как он, изранен,
На окровавленном снегу.
Дай время!
И приспело.

¹³ Н. Григ, Избранное, Гослитиздат, М., 1953, стр. 40.

¹⁴ Nordahl Grieg. Samlede dikt. Gyldendal norsk forlag, Oslo, 1948, стр. 189.

¹⁵ Н. Григ, Избранное, М., 1953, стр. 42.

И из свободы песен
 Встало дело
 Сегодняшнего дня его народа,
 Свободу отстоявшего,
 К которой так стремился Пушкин.¹⁵

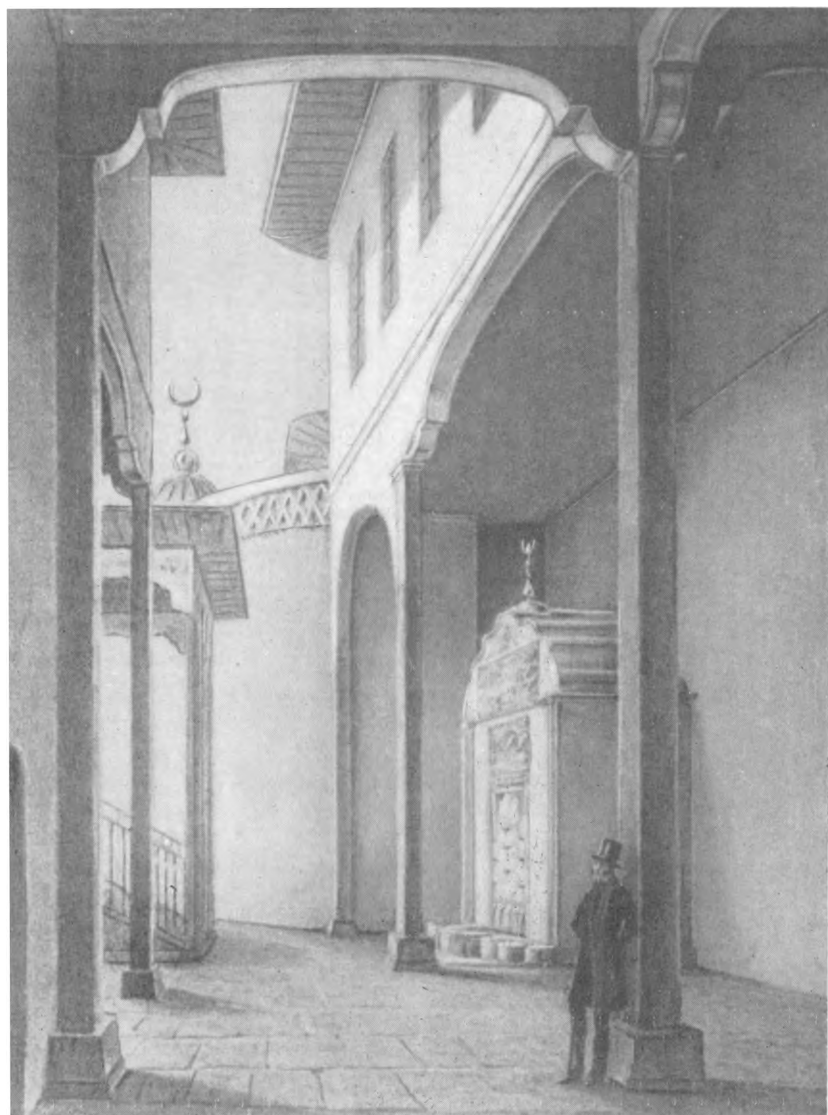
Григ, в противоположность некоторым скандинавским критикам, искажавшим облик Пушкина, стремится показать поэта таким, каким в действительности был этот великий русский «бард», как назвал Пушкина Мартин Андерсен Нексе.¹⁶

Стихотворение Н. Грига, в котором русский поэт представлен выразителем народных чаяний и стремлений, приобретает особое значение в связи с тем, что интерес к Пушкину в скандинавских странах продолжает расти и в наши дни. В Норвегии в 1946 году была переиздана «Капитанская дочка», в 1948 году в переводе А. Урбю вышли «Повести Белкина» и «Пиковая дама», в 1950 году появился новый перевод «Капитанской дочки»,¹⁷ а в 1949 году во всех скандинавских странах прогрессивная общественность широко отметила столетие со дня рождения величайшего русского поэта Пушкина.

¹⁵ Н. Григ, Избранное, стр. 42—43.

¹⁶ Мартин Андерсен Нексе. Выступление в Большом театре в связи с празднованием юбилея Пушкина 6 июня 1949 года. В его книге: Избранное, Гослитиздат, М., 1949, стр. 434.

¹⁷ A. Puschkin. Kommandantens datter. Oversat av Nils Kjaer. H. Erichsen, Oslo, 1946, 118 s.; A. S. Pusjkin. Bjelkins fortellinger og Spardame. Oversat fra russisk av Annalise Urbye, Ascheboug, Oslo, 1948, 224 s.; A. Puschkin. Kapteines datter. Bladkompaniet, Oslo, 1950.

Вариант картины «Пушкин в Бахчисарайском дворце». Акварель
Н. Чернецова. 1837.
Из частного собрания. (№ 3).

С. В. ОБРУЧЕВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВАРИАНТ КАРТИНЫ БРАТЬЕВ ЧЕРНЕЦОВЫХ «ПУШКИН В БАХЧИСАРАЙСКОМ ДВОРЦЕ»

В 1909 году в описании материалов парижского музея А. Ф. Онегина Б. Л. Модзалевский среди портретов Пушкина отметил под № 9 следующую картину: «Картина масляными красками, на картоне, с подписью братьев Чернецовых, 1837 г., изображающая Пушкина в Бахчисарайском дворце около фонтана. Нигде не воспроизводилась».¹

Позже, вместе со всем Онегинским собранием, картина была привезена в СССР и передана в Пушкинский Дом Академии Наук СССР. В настоящее время картина принадлежит Всесоюзному Музею А. С. Пушкина (Ленинград). Она описана М. Беляевым в 1928 году в журнале «Прожектор».

Воспроизводимая здесь акварель находится в частном владении и куплена в 1923 году на аукционе в Ленинграде. Акварель написана на плотной бумаге, имеет размеры 92×120 мм и представляет вариант картины Онегинского собрания. На ней хорошо видна подпись: «Н. Чернецов 1837».

Акварель совпадает в рисовке здания, но фигура человека тоньше, стройнее, больше подходит к рисунку колонн, более романтична, чем на картине, где она вносит впечатление большей реальности и простоты. На акварели фигура человека отличается еще тем, что лицо повернуто больше от зрителя, левая рука заложена за спину и обе ноги поставлены совершенно прямо. Лицо на акварели настолько мало, что только бакенбарды придают портретное сходство с Пушкиным. Акварель несколько отличается еще и нежностью красок — на картине они значительно темнее, вероятно, от времени.

Эта акварель не может быть позднейшей копией картины — последняя находилась, вероятно, всё время за границей, так как ее подарил Онегину П. В. Жуковский;² акварель же куплена в Ленинграде еще до того, как картина вернулась в Россию. Наконец, техника работы заставляет отнести акварель к первой половине прошлого века. И даже независимо от этих соображений существенные различия в рисовке фигуры Пушкина указывают, что это не копия, а вариант картины.

¹ «Пушкин и его современники», вып. XII, СПб., 1909, стр. 44. — Впервые воспроизведена в журнале «Прожектор» (1928, № 16, стр. 29—30), позднее в сборниках: «А. С. Пушкин в изобразительном искусстве» (литературная редакция А. Л. Слонимского, художественная редакция Э. Ф. Голлербаха, Л., 1937, стр. 15) и «А. С. Пушкин в портретах и иллюстрациях» (составители Э. Ф. Голлербах и В. Е. Евгеньев-Максимов, М.—Л., 1937, стр. 30) и др.

² Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. Пгр., изд. «Атеней», 1922, стр. X—XI.

Какое же место эта акварель занимает по отношению к картине? М. Беляев в дополнениях к книге С. Либровича «Пушкин в портретах» (1890) указал источники бахчисарайского портрета Пушкина.³ По его мнению, это рисунок Г. Г. Чернецова, хранящийся в Русском музее, затем его же известный этюд маслом, изображающий Пушкина, Жуковского, Крылова и Гнедича (для картины «Парад на Марсовом поле в 1832 году»), и, наконец, акварель, входящая в альбом акварельных видов Крыма Г. Г. Чернецова 1839 года, изображающая Фонтан слез и вполне совпадающая с картиной, но без фигуры Пушкина.

Датировка этих работ и их авторство вызывают некоторое недоумение: картина и описываемая нами акварель помечены 1837 годом, а акварель, которая как будто должна являться первоначальным наброском для картины, написана, как указывает М. Беляев, в 1839 году. Кроме того, последняя отнесена М. Беляевым к альбому Г. Чернецова, в то время как картина принадлежит кисти обоих братьев, а описываемая акварель — Н. Чернецову. Эти противоречия заставляют нас внимательнее изучить время поездок Чернецовых в Крым и их бахчисарайские этюды.

Столпянский, который посвятил братьям Чернецовым небольшое исследование,⁴ сообщает, что в 1827 году братья, жившие и работавшие до этих пор вместе, расстались на несколько лет. В 1834 году Никанор Чернецов после продолжительной работы в Крыму, куда он ездил по приглашению М. С. Воронцова, вернулся в Петербург с громадным запасом рисунков, сепий, акварелей и поселился вместе с братом. О поездках Григория Чернецова с 1827 по 1838 год Столпянский ничего не говорит; повидимому, в эти годы Григорий, занятый заказами Николая I и работой в Академии художеств, бывал только в Костромской губернии, на родине, в то время как Никанор ездил в Крым и на Кавказ. В 1838 году оба брата совершили поездку по Волге и вернулись из Астрахани поздней осенью. В 1840 году они поехали на несколько лет в Италию и Палестину. Трудно предполагать, чтобы при стесненных материальных обстоятельствах братьев кто-нибудь из них между этими двумя большими путешествиями совершил еще поездку в Крым в 1839 году, Григорий же, повидимому, не бывал в Крыму никогда. Рассмотрение крымского альбома, находящегося в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, показывает, что все акварели в нем подписаны Никанором Чернецовым и датированы 1834, 1835 и 1836 годами (когда М. Беляев писал свою статью, некоторые окантованные акварели из этой серии имели наклейки: «Акварель Г. Чернецова»). Акварель бахчисарайского фонтана, о которой упоминает М. Беляев, имеет подпись: «Н. Чернецов, 1835 г.».

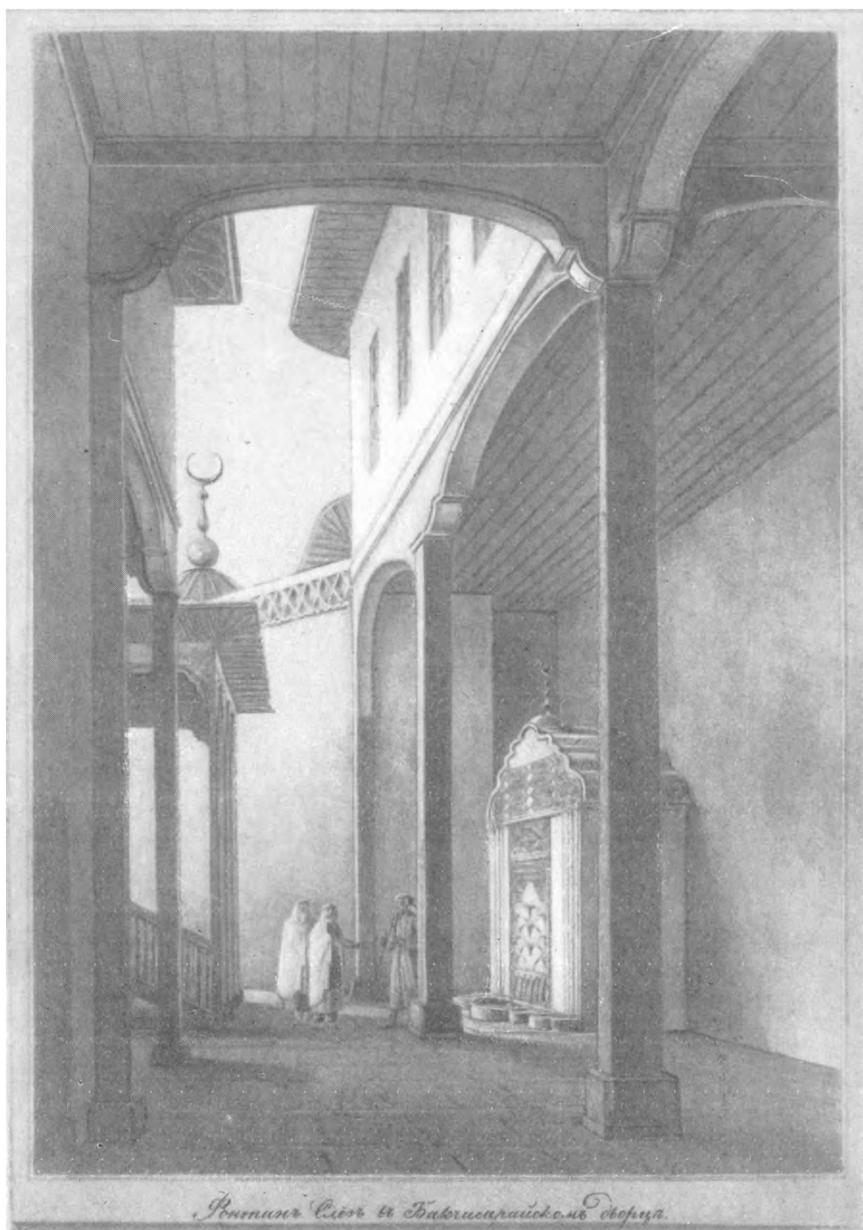
Кроме того, в Русском музее (Ленинград) хранится еще одна акварель того же бахчисарайского фонтана, которая была выставлена на Пушкинской выставке в Эрмитаже в 1937 году.

Таким образом, мы имеем четыре повторения этого сюжета, в которых фон остается одним и тем же и меняются только человеческие фигуры. Акварели и картины можно расположить в такой последовательности по времени их создания:

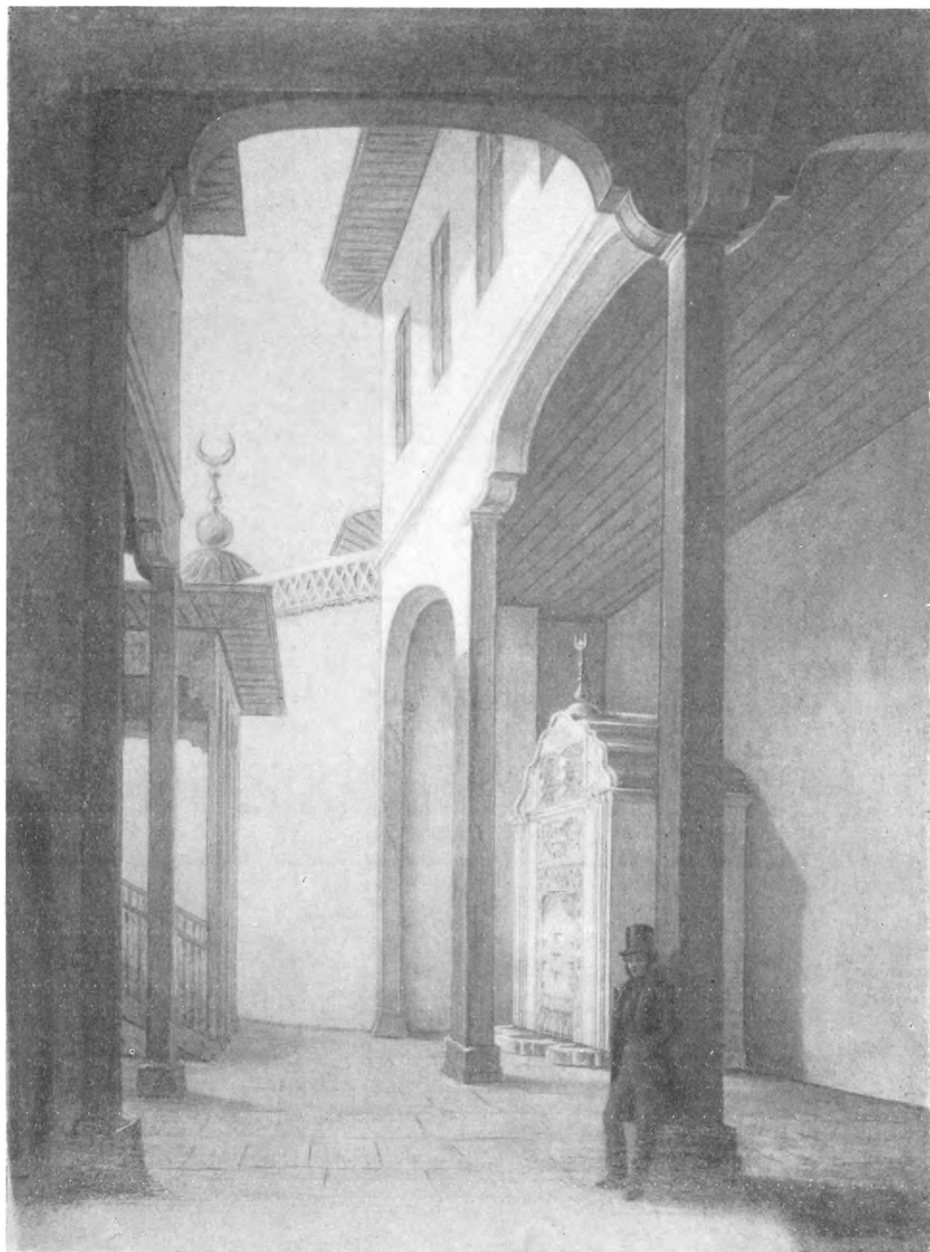
1. Акварель Русского музея (Ленинград). Совпадает с описываемой во всем, кроме человеческой фигуры: в глубине между колоннами у фонтана стоят два мусульманина; на первом плане фигуры нет. По своим

³ «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 974.

⁴ П. Столпянский. Первые патриоты русского искусства (Памяти братьев Чернецовых). «Русский библиофил», 1915, ноябрь, стр. 94 и сл.

Фонтан слез в Бахчисарайском дворце. Акварель Н. Чернецова. 1835
Всесоюзный музей А. С. Пушкина. (№ 2).

«Пушкин в Бахчисарайском дворце». Картина маслом братьев Н. и Г. Чернецовых. 1837.
Всесоюзный музей А. С. Пушкина. (№ 4).

размерам акварель в несколько раз больше, чем № 3. Подписи и даты на лицевой стороне нет; на обороте этой акварели три надписи: внизу — «Вид фонтана в Бахчисарайском дворце 10 августа 1834 года», еще ниже справа — «Писана картина Жуковскому», вверху слева — «в памятной книжке сына». Это, несомненно, первый набросок: под красками видны карандашные перспективные линии, карандашные надписи: «белая стена», «сурик» и т. д. Акварель менее тщательно выписана, чем позднейшие.

Как видно из приведенных надписей, на основании этой акварели написана картина из собрания Онегина. Нижняя из надписей очень интересна — она указывает, что картина писалась по заказу Жуковского и, следовательно, до поступления в музей Онегина сохранялась всё время в семье Жуковского. Верхняя надпись пока непонятна; сын Жуковского родился в 1845 году, а у самого Н. Чернецова (родившегося в 1804 году) вряд ли в 1834 или 1837 году мог быть сын, записная книжка которого представляла художественный интерес. Надо думать, что надпись сделана позже.

2. Акварель Всесоюзного Музея А. С. Пушкина, ранее принадлежавшая Пушкинскому Дому, с подписью на цоколе колонны: «Н. Чернецов, 1835 г.». По размерам (31 × 23 см) подобна акварели № 1, но отличается от нее фигурами людей: здесь уже три, две женщины и один мужчина, в татарских одеждах, и помещены еще левее, в глубине. Акварель выписана очень тщательно, так же как и № 3.

3. Описываемая маленькая акварель Н. Чернецова 1837 г., с фигурой европейца на первом плане. Возможно, что эта акварель является своего рода макетом для проектируемой картины и поэтому Н. Чернецов нарисовал здесь условную, стилизованную фигуру Пушкина. Но так как акварель выписана не менее тщательно, чем № 2, то очевидно, что она писалась не как набросок для себя, но по чьему-то заказу. Как мы указывали выше, акварель не может быть копией картины, так как в этом случае фигура Пушкина была бы нарисована такой же, как на картине.

4. Картина масляными красками из собрания Онегина, с Пушкиным на первом плане. Кроме фигуры, картина отличается от акварели № 3 своими пропорциями — колонны несколько толще. Возможно, что это изменение диктовалось фигурой Пушкина, которая при его небольшом росте не гармонировала бы с тонкой колонной. Фигура Пушкина взята с рисунка Г. Чернецова 1832 года (подготовительного к известной картине парада), но картина подписана: «Чернецовы, 1837 г.», без инициалов, и она представляет плод творчества обоих художников (как это отметил в своем перечне Б. Л. Модзалевский).

Надо думать, что описываемые здесь акварель Н. Чернецова и картина братьев Чернецовых написаны в 1837 году уже после смерти Пушкина, когда художники, воспользовавшись своими набросками, хотели дать портрет поэта в обстановке, связанной с одним из наиболее популярных его произведений. Для этого был использован портрет одного брата и акварель другого. Но художники допустили ошибку, нарисовав Пушкина с бакенбардами. Как уже указывал Б. Борский, Пушкин только в 1826 году стал носить бакенбарды,⁵ и, значит, у Фонтана слез он должен быть изображен бритым. Тем не менее можно присоединиться к мнению М. Беляева и считать бахчисарайский портрет Пушкина до известной степени прижизненным, потому что он писан с более ранних этюдов и повторяет ту же рисовку фигуры и лица поэта.

⁵ «Литературное наследство», кн. 16—18, 1934, стр. 967.

КРИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. В. ДАНИЛОВ

НОВЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОГРАФОВ ПУШКИНА (1949—1954)

Публикацию текстов Пушкина по сохранившимся автографам поэта следует в основном считать законченной. Дошедшие до нас рукописи Пушкина — тексты его произведений как поэтических, так и прозаических, черновые и беловые (со сводом вариантов), письма, наконец, записи и документы разного рода, написанные его рукой или снабженные его подписью, — уже опубликованы почти полностью.¹ Все подлинные рукописи Пушкина, сохранившиеся в пределах СССР, сосредоточены в настоящее время в специальном фонде, находящемся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, и должны быть описаны заново в дополнение к изданию, вышедшему в свет еще в 1937 году.² Тем не менее за последние годы найдено было несколько новых автографов Пушкина, дополняющих ранее изданные и вносящих кое-какие, иногда довольно существенные поправки в лучшие издания его текстов. Попрежнему еще не выполненной задачей является полное и подробное описание рукописей Пушкина, хранящихся за рубежом. Хотя большинство этих рукописей уже издано (например, находившиеся до последнего времени в частных руках «Путешествие в Арзрум», письма Пушкина к невесте и т. д.), но точность их публикации не всегда находится на должном уровне, а приемы их описаний также порой отзываются дилетантизмом или отличаются от выработанных советским литературоведением. Как показывают помещаемые в настоящем сборнике две статьи, посвященные хранящимся за рубежом автографам Пушкина — первому листу «Капнистовской тетради» и стихотворению «К морю», дальнейшие публикации такого рода желательны и необходимы.

В настоящей заметке мы приводим данные о всех тех автографах Пушкина, которые обнаружены были в библиотеках и архивах СССР после 1949 года и опубликованы в различных изданиях после выхода в свет последнего тома полного академического 16-томного собрания сочинений Пушкина.

Неизвестный ранее автограф стихотворения «19 октября 1827» («Бог помочь вам, друзья мои...») был обнаружен Э. Э. Найдичем в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салты-

¹ Пушкин, Полное собрание сочинений, Изд. Академии Наук СССР, тт. I—XVI, 1937—1949; дополнением к этому изданию служит книга «Рукою Пушкина» (Изд. «Academia», М., 1935), которую предполагается переиздать в дополнительных томах к академическому изданию вместе с рисунками Пушкина и другими автографическими материалами.

² Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. Научное описание. Составили Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1937.

кова-Щедрина. В настоящее время этот автограф передан в фонд рукописей Пушкина Института русской литературы.³ Данная рукопись уже давно была известна исследователям; однако она считалась одним из списков стихотворения, которое и печаталось лишь по спискам. Вопрос о том, действительно ли указанная рукопись написана Пушкиным, в настоящее время может быть решен бесспорно.⁴ По сравнению с текстом этого стихотворения, напечатанным в 16-томном академическом полном собрании сочинений Пушкина (т. III, кн. 1, стр. 80), данный автограф включает в себе разночтения: стих 1—«Бог помощь вам, друзья мои» вместо «Бог помочь вам, друзья мои» и стих 7—«В стране чужой, в пустынном море» вместо «В краю чужом, в пустынном море».

Давно известно было по спискам начало не оконченного Пушкиным стихотворения о дожде и догарессе:

Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

Автограф стихотворения считался утраченным, что отмечено в академическом издании (т. III, кн. 2, стр. 1293). В 1951 году черновой автограф этого стихотворения был найден О. Э. Богдановой в альбоме автографов из собрания М. П. Полуденского в Государственном Историческом музее в Москве. Т. Г. Цявловская в статье «Вновь найденный автограф Пушкина „В голубом небесном поле“» дает транскрипцию текста этого автографа.⁵

Неизвестный автограф стихотворения Пушкина «Я видел вас, я их читал...», датированного 20 октября 1826 года и посвященного Е. А. Тимашевой, найден был Ф. Я. Прийма в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, в архиве С. Д. Полторацкого, и передан в фонд рукописей Пушкина, хранящихся в Институте русской литературы.⁶ Автограф дает возможность несколько полнее осветить историю знакомства и переписки Пушкина с Е. А. Тимашевой.⁷

В последнее время за рубежом обнаружено несколько неизвестных или считавшихся утраченными автографов стихотворений Пушкина.

В настоящем томе Т. Г. Цявловская публикует по фотоснимку, полученному из Парижа, беловой с поправками автограф стихотворения «К морю» (1824), значение которого заключается в том, что он устанавливает окончательный текст важнейшей, тринадцатой, строфы стихотворения («Мир опустел... Теперь куда же...» и т. д.); Л. Ю. Брауде сообщает о первом листе из так называемой «Капнистовской тетради» стихотворений Пушкина, попавшем в собрание рукописей знаменитого датского писателя Г. К. Андерсена. (Как известно, остальные листы тетради до сих пор не обнаружены и находятся также, повидимому, за рубежом; однако местонахождение их остается неизвестным). Лист содержит текст стихотворения «Пробуждение» и начало стихотворения «Друзьям».

³ ИРЛИ, Ф. 244, оп. 1, № 1676.

⁴ Э. Э. Найдич. Стихотворение «19 октября 1827». «Литературный архив», вып. 3, Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 13—23; о том же см.: «Ленинградская правда», 1949, № 119, 22 мая; «Литературная газета», 1950, № 25, 25 марта; «Вечерний Ленинград», 1951, № 38, 10 февраля.

⁵ «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 279—286.

⁶ ИРЛИ, Ф. 244, оп. 1, № 1728. Об автографе см.: «Литературная газета», 1951, № 84, 17 июля.

⁷ «Литературный архив», вып. 4, М.—Л., 1953, стр. 11—12.

По фотокопии, полученной Академией Наук СССР из Парижа, Н. В. Измайловым опубликован автограф стихотворения 1836 года «Мирская власть».⁸ Автограф этот был неизвестен и считался утраченным. Рукописные копии и публикации стихотворения восходили к копии, снятой с автографа по распоряжению Жуковского для посмертного издания; в этой копии, а отсюда и в публикации, были неверно прочитанные места; весь текст и его датировка вызывали сомнения. Новая публикация эти ошибки и сомнения устраняет. Она разъясняет происхождение неполного 5-го стиха стихотворения и дает его не окончательное, но полное чтение:

Стояли, [бледные,] две [слабые] жены;
исправляет чтение стихов 9—10:
Мы зрим поставленных на место жен святых
В ружье и кивере двух грозных часовых;

устанавливает с несомненностью датировку: 5 июля <1836 года> и, наконец, определяет место стихотворения, обозначенного в автографе, помимо заглавия «Мирская власть», цифрой «IV», в задуманном Пушкиным цикле лирических стихов этого времени, из которого теперь известны четыре стихотворения:

II. «Отцы-пустынники и жены непорочны...»;

III. (Подражание италиянскому) («Как с древа сорвался предатель ученик...»);

IV. Мирская власть;

VI. (Из Пиндемонти).

Стихотворения, занимавшие I и V места, остаются невыясненными, и о них можно только строить предположения.

Приращение к черновикам «Медного всадника» составляет автограф Пушкина с тринадцатью стихами, из поэмы, которыми он предполагал заменить семнадцать стихов, зачеркнутых им в основном тексте. Новонайденный автограф начинается стихами:

Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался, как поэт...

На автографе старший сын поэта А. А. Пушкин сделал надпись: «Свидетельствую, что это действительно писано рукою покойного родителя моего Александра Сергеевича Пушкина. А. Пушкин». Данному автографу посвящена статья С. М. Бонди «Новый автограф Пушкина».⁹

«В этих стихах, — пишет С. М. Бонди, — мы читаем новую, сокращенную редакцию хорошо известного отрывка из „Медного всадника“, зачеркнутого Пушкиным в последней рукописи его поэмы и приводящегося обычно в изданиях Пушкина, как первоначальный вариант рукописи... Новый автограф дает возможность внести новое и существенное дополнение в окончательный текст „Медного всадника“» (стр. 136, 146).

Прозаическое наследие Пушкина также имеет дополнения к текстам академического издания. И. Л. Фейнберг восстановил по «Делу о рукописи А. С. Пушкина „Материалы для Истории Петра Великого“», хра-

⁸ «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1954, т. XIII, № 6, стр. 548—556.

⁹ Записки отдела рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, вып. XI, М., 1950, стр. 134—146; о том же см.: «Смена», 1949, № 10, стр. 14; «Литературная газета», 1949, № 95, 26 ноября. Текст вошел и в академическое издание (т. V, 1949, стр. 139 и 521).

нящейся среди бумаг цензора Сербиновича, не пропущенные последним в печать некоторые строки Пушкина, относящиеся к пониманию им деятельности Петра I.¹⁰ Известны слова Пушкина об указах Петра I, которые «нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом» (X, 256).¹¹ В вычеркнутых цензором строках Пушкин, характеризуя один из петровских указов, изданных в период 1719—1721 годов (какой именно — неизвестно), оценивает его как «указ весьма благоразумный с малой примесью самовластия и с тою вольною системою, коею ознаменовано последнее время царствования Петра». «... „Вольная система“, — комментирует эти слова И. Л. Фейнберг, — ознаменовавшая последнее время царствования Петра, соответствовала, видимо, в глазах Пушкина периоду закрепления основных результатов переворота, совершенного ранее Петром при помощи крутых „революционных“ мер». Другое вычеркнутое цензором и относящееся к Петру I место гласит: «в Синоде и Сенате объявил себя президентом».¹²

В лицейском дневнике Пушкин отметил 10 декабря 1815 года:

«Вчера написал я третью главу *Фатама или разума человеческого*: Право естественное. Читал ее С. С. <Фролову, инспектору> и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа!» (XII, 298).

Речь идет здесь о не дошедшем до нас юношеском произведении Пушкина «Фатам», которое было написано прозой, но в манере философских романов XVIII века, в него были включены стихи. Одно четверостишие из «Фатама», переписанное рукой кого-то из лицейцев, случайно сохранилось в рукописи, не имеющей к нему отношения, и было обнаружено Б. В. Томашевским:

Известно буди всем, кто только ходит к нам:
Ногами не топтать парчевого дивана,
Который получил мой праотец Фатам
В дар от персидского султана.¹³

Д. Д. Благой под заглавием «Новое письмо А. С. Пушкина» опубликовал фотокопию автографа с переводом на русский язык французского письма Пушкина к жене австрийского посланника в России Д. Ф. Фикельмон, внучке М. И. Кутузова.¹⁴ Собственно, это не новое письмо. Оно было уже напечатано в академическом издании (т. XVI, стр. 429—430), но не по оригиналу, который был тогда неизвестен, а по списку, вследствие чего в печатный текст вкрались незначительные неточности, из которых две исправлены Д. Д. Благим в примечании к публикации, а одна осталась неисправленной (вместо ошибочно напечатанного: «qu'il me fallu le bonheur» следует: «qu'il

¹⁰ И. Л. Фейнберг. Неизвестные строки Пушкина. «Вестник Академии Наук СССР», 1950, № 8, стр. 49—55.

¹¹ Здесь и далее цитируется по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. Академии Наук СССР, 1937—1949.

¹² «Вестник Академии Наук СССР», 1950, № 8, стр. 50, 52, 53. — К историческим материалам, собиравшимся Пушкиным, принадлежат «Секретные записки Екатерины II», частью переписанные женой поэта Наталией Николаевной, с его поправками. После смерти Пушкина, по донесению Бенкендорфа, Николай I потребовал эту рукопись к себе, и она долгое время оставалась неизвестной. Рукопись эта была найдена В. Н. Шумиловым при разборе фонда рукописей «Собрания библиотеки Зимнего дворца» в Центральном Гос. архиве древних актов. До настоящего времени рукопись этих «Секретных записок» еще подробно описана не была (о ней см.: «Вечерняя Москва», 1949, № 138, 11 июня).

¹³ ИРЛИ, ф. 244, оп. 25, № 285; «Литературный архив», вып. 3, 1951, стр. 11—12.

¹⁴ «Вестник Московского университета. Серия общественных наук», 1950, № 1, стр. <167—170>.

m'ait fallu le bonheur»). Автограф письма находится в Центральном архиве в Праге. В 1952 году Институтом русской литературы была получена фотокопия этого письма.

По сообщению ТАСС из Казани, в этом городе во владении частного лица оказался экземпляр «Евгения Онегина» 1837 года с дарственной надписью Пушкина: «Милостивой государыне Людмиле Алексеевне Шишкиной¹⁵ от автора. 1837 1 января».¹⁶ Эта надпись имеет значение потому, что она уточняет и отодвигает на конец 1836 года время выхода в свет книги, что до сих пор не было ясным.

Интерес представляет расписка Пушкина на листе с подписями будущих сотрудников «Энциклопедического лексикона», приглашенных к участию в нем издателем А. А. Плюшаром и собравшихся по этому поводу у Н. И. Греча 16 марта 1834 года. Пушкин написал здесь: «Согласен участвовать, если имени моего не будет упомянуто и если все условия редакции будут мне известны и сообразны с моими предположениями».¹⁷ Расписка эта, датируемая 16 марта 1834 года, днем собрания у Греча, документально подтверждает то, что уже было известно и ранее, о несостоявшемся участии Пушкина в «Энциклопедическом лексиконе» (см. дневник Пушкина и его письма к В. Ф. Одоевскому). Оригинал расписки, отрезанный от листа с остальными подписями, был приобретен Институтом русской литературы в 1949 году от частного лица. Факсимиле документа с комментарием Е. М. Хмелевской помещено в «Литературном архиве».¹⁸

В том же издании напечатаны автографы прокомментированных Э. Э. Найдичем двух расписок Пушкина в судебном деле 1835—1836 годов по иску к нему купца Жадимировского об уплате по контракту за квартиру (иск был вызван тем, что Пушкин до окончания срока контракта выехал из квартиры, находившейся в доме, принадлежавшем Жадимировскому).¹⁹ Расписка «I» датируется 26 августа 1835 года, расписка «II» — 6 марта 1836 года. В публикации второй расписки допущены две неточности. Вместо напечатанного: «читал и рукоприкладство чинить не желаю», следует (как это видно из факсимиле подлинника): «читать и рукоприкладство чинить не желаю»,²⁰ что существенно меняет смысл. «Чинить рукоприкладство» не значит «внести какие-либо дополнения», как полагает Э. Э. Найдич, а расписаться в прочтении записки (и уж попутно внести дополнения). Пушкин отказался читать записку (а не «ознакомился» с ней) и не пожелал дать под ней свою подпись, так как считал записку (как и всё дело) пристрастной и несправедливой. Кроме того, публикатор ошибочно отождествил (на стр. 30) С.-Пе-

¹⁵ Людмила Алексеевна Шишкина — вероятно, дочь отставного подполковника Алексея Петровича Шишкина (ростовщика, у которого Пушкин брал деньги под заклад вещей — серебра, жемчугов, шалей и пр.) и его жены Екатерины Васильевны, урожденной Снобидовой (см.: Летописи Гос. литературного музея, кн. V, Архив опеки Пушкина, М., 1939, стр. 131—146 и по указателю; стр. 140—141 — отношение Е. В. Шишкиной от 20 февраля 1838 года в Опеку, где говорится: «Оставшись вдовой после своего мужа, скончавшегося 5 числа минувшего января <1838 года> и имея шесть человек детей, из коих трое малолетних, а два офицерами на флоте в Черном море...» и т. д.). О Шишкиных см. стр. 132, 134. Людмила и вообще дочери Шишкины нигде не названы.

¹⁶ «Учительская газета», 1949, № 7, 29 января. В ИРЛИ — фотокопия автографа (ф. 244, оп. 1, № 1725).

¹⁷ ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 1642.

¹⁸ «Литературный архив», вып. 3, М.—Л., 1951, стр. 24—27; см. также: «Вечерний Ленинград», 1949, № 74, 30 марта; «Смена», 1949, № 10, стр. 14; «Литературная газета», 1950, № 25, 25 марта.

¹⁹ «Литературный архив», вып. 3, 1951, стр. 28—32.

²⁰ Там же, стр. 28 и 31.

тербургскую (губернскую) палату гражданского суда, где разбиралось дело, с сенатом, куда оно и не поступало.

Отметим, наконец, как дополнение к графике Пушкина в его рукописях, контурные зарисовки поэта, изображающие Мазепу, Кочубея и княгиню Н. П. Голицыну; последняя, как известно, являлась одним из прототипов старой графини в повести «Пиковая дама». Об этих зарисовках сообщила Т. Г. Цявловская в статье «Неизвестные рисунки Пушкина».²¹ Ею же опубликованы три портрета — А. А. Дельвига, А. И. Якубовича и А. С. Грибоедова, нарисованные Пушкиным в альбоме Ушаковых в 1829 году по возвращении из путешествия в Арзрум.²² Рисунок, изображающий Дельвига, — один из редких у Пушкина, представляющий собой законченное графическое произведение. Поэт создал реалистический портрет своего лицейского товарища и пополнил, таким образом, иконографию Дельвига. А. И. Якубовича Пушкин не видел в течение двенадцати лет и потому не знал, что тот ходил в повязке и был коротко острижен (на портрете Якубович изображен с стоящими дыбом волосами). Пушкин, видимо, стремился подчеркнуть необычайность и неукротимость природы этого человека. Представляет несомненный интерес и третий из опубликованных портретов, на котором Пушкин воспроизвел образ автора «Горя от ума». «Живо и выразительно, — пишет Т. Г. Цявловская, — передана на портрете его усмешка. Намеченный на рисунке головной убор, какой носили персидские сановники, говорит о горестных раздумьях Пушкина по поводу дипломатической карьеры Грибоедова, так рано оборвавшей „бурную его жизнь“».

Отметим еще один рисунок Пушкина, обнаруженный в бумагах египтолога И. А. Гульянова, с которым Пушкин был знаком и неоднократно встречался. Этот рисунок, изображающий пирамиду, опубликован Ю. Деницким вместе с надписью (по-французски) И. А. Гульянова: «Начертанная поэтом Александром Пушкиным в разговоре, который я имел с ним сегодня утром о моих трудах вообще и об иероглифических знаках в частности. Москва. 13(25) декабря 1831 года».²³ Ю. Деницкий, однако, ошибается, указывая, что «когда женился Пушкин, Гульянов опубликовал анонимное стихотворение, адресованное поэту». В действительности это стихотворение было написано 15 июня 1830 года, т. е. еще до женитьбы поэта (в связи со слухами о ней), а опубликовано значительно позднее.²⁴ Неверным является и другое утверждение Ю. Деницкого о том, что «один экземпляр стихотворения Гульянов послал поэту, подписавшись своим подлинным именем». Если бы это было так, Пушкин не дал бы своему ответному посланию название — «Ответ анониму» (1830). Стихотворение Гульянова Пушкин безусловно получил неподписанным.²⁵

В заключение остановимся еще на одном рисунке Пушкина, опубликованном также Т. Г. Цявловской.²⁶ Это зарисовка из альбома приятельницы поэта Елизаветы Николаевны Ушаковой. Пушкин изобразил здесь известного русского ученого Павла Львовича Шиллинга (1786—1837), изобретателя электромагнитного телеграфа. Шиллинг был приятелем Батюшкова, Вяземского, А. И. Тургенева и других друзей Пушкина. Поэт, очевидно,

²¹ «Советское искусство», 1949, № 23, 4 июня.

²² «Огонек», 1949, № 22, стр. 13.

²³ «Огонек», 1951, № 23, стр. 19.

²⁴ «Москвитянин», 1842, ч. II, № 3, стр. 151—152; см. также: Русские поэты о Пушкине. Сборник стихотворений. Составил В. Каллаш, М., 1899, стр. 43—44.

²⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. III, изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 506.

²⁶ «Огонек», 1952, № 7, стр. 16.

рассказывал сестрам Ушаковым об этом интересном человеке, который был одновременно крупным физиком, поэтом и востоковедом. В альбоме сестер Ушаковых Пушкин нарисовал портрет этого тучного человека с умным и энергичным лицом.

Одной из очередных задач текстологического изучения творческого наследия Пушкина является систематический и планомерный просмотр рассеянных по всей нашей стране ранних рукописных списков произведений Пушкина. М. А. Цявловский в течение ряда лет занимался выявлением и описанием подобных списков, сохранившихся в рукописных сборниках 20—30-х годов, но результаты его наблюдений обнародованы не были. Недавно Т. Г. Цявловская вновь поставила перед исследователями этот вопрос, указав, в частности, на то, что полный учет подобных списков может привести к обнаружению нескольких произведений Пушкина, о существовании которых имеются документальные свидетельства, но до нас не дошедших. Существование рукописных копий таких стихотворений Пушкина, которые считаются в настоящее время утраченными, как, например, первого послания его к Жуковскому (1815), «ноэлей» и других политических стихов, эпиграмм 1817—1820 годов, «маленькой пьески» «Прощание с жизнью» (прочитанной 22 мая 1823 года на заседании Вольного общества любителей российской словесности) и ряда других вплоть до восьмой главы «Евгения Онегина»,²⁷ можно считать вполне правдоподобным; поэтому систематические поиски всех этих произведений очень желательны. Изучение рукописных списков произведений Пушкина представляет интерес и независимо от того, приведут ли они к открытиям подобного рода; полный учет их может оказаться полезным и для истории распространения и бытования тех или иных произведений в читательских кругах, для изучения психологии восприятия их в этих кругах, типических случаев их применений, переделок или искажений и во многих других отношениях. В печати уже появились описания подобного рода в отдельных городах, архивах и книгохранилищах,²⁸ но они еще очень немногочисленны; следует ожидать дальнейших научных описаний сборников и коллекций, содержащих копии пушкинских текстов.

²⁷ Т. Г. Цявловская. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина». В книге: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции, М.—Л., 1953, стр. 372—386.

²⁸ А. А. Назаревский в статье «Пушкинські матеріали у київських рукописних збірках» (О. С. Пушкін. Статті та матеріали. Київ, 1938, стр. 212—236) дал описание ряда материалов, находящихся в фондах киевских библиотек; в другой статье — «Пушкин и массовый читатель его времени» — «Филологический сборник Киевского Гос. университета им. Т. Г. Шевченко», № 5, Киев, 1953 («Наукові записки», т. XII, вип. V), стр. 98—100 А. А. Назаревский описал один из сборников, составленный М. И. Воцининым в 20—30-х годах XIX века, со стихами Пушкина.

Л. Н. НА ЗАРОВА

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ АВТОРЕФЕРАТОВ
ДИССЕРТАЦИЙ О ПУШКИНЕ
(1949—1954)**

С каждым годом растет в нашей стране интерес к изучению биографии А. С. Пушкина, его идейно-художественной эволюции, его отдельных произведений, роли творчества великого русского поэта в развитии национальных литератур Советского Союза.

Стопятидесятилетие со дня рождения А. С. Пушкина, отмеченное в 1949 году, явилось подлинным всенародным праздником социалистической культуры и способствовало развитию дальнейшего исследования творчества гениального поэта.

Большое внимание уделяют изучению наследия Пушкина различные научно-исследовательские институты и вузы СССР в процессе подготовки специалистов-филологов, о чем свидетельствует приводимый ниже библиографический перечень авторефератов диссертаций.

В данный библиографический перечень включены авторефераты диссертаций, представленных на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук с 1949 по 1954 год включительно, изданные научно-исследовательскими институтами и вузами СССР на русском языке. Собранный библиографический материал расположен в хронологическом порядке, погодно, а в пределах года — по алфавиту имен авторов. Тексты большинства диссертационных работ, печатные авторефераты которых перечислены ниже, хранятся в Государственной Библиотеке СССР имени В. И. Ленина в Москве.¹

1949

1. Крутова А. В. Говор села Большого Болдина Горьковской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1949, 12 стр. (Ленинградский Гос. педагогический институт им. А. И. Герцена).

В главе диссертации «Болдинское просторечие в языке сказок А. С. Пушкина» привлечен материал переписки Пушкина с болдинскими и кистеневскими крестьянами, а также управляющими болдинским имением.

2. Сергиевский И. В. Пушкин и Белинский. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1949, 14 стр. (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии Наук СССР).

¹ В данном перечне учтены авторефераты только тех диссертационных работ, которые полностью или в значительной своей части посвящены Пушкину; в перечень не включены авторефераты, в которых освещены вопросы жизни и творчества Пушкина не являясь самостоятельной темой, например: И. С. Зайцева. Мицкевич и декабристы. М., 1952; Д. Б. Кацнельсон. Адам Мицкевич и народное творчество. Л., 1952; И. Горский. Черты реализма в творчестве Юлия Словацкого (до 1939 года). М., 1953; Т. Н. Шадурь. Грузинская лексика в русской литературе первой половины XIX века. Тбилиси, 1953, и мн. др.

Близость Пушкина и Белинского в понимании и раскрытии национальной самобытности, народности, а также русского литературного прошлого. Солидаризация Пушкина и Белинского в разрешении центральной проблемы литературного движения 30-х годов — творчества Гоголя. Отклики Белинского на «Современник» Пушкина. Исторический смысл обращения Пушкина к Белинскому в конце 1836 года.

1950

3. Горещкий А. Н. А. С. Пушкин и библиография. Автореферат диссертационной работы. Диссертация представлена в Московский Государственный библиотечный институт на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Ульяновск, 1950, 22 стр. (Ульяновский Гос. педагогический институт).

Состояние журнальной библиографии в 10—30-е годы XIX века. Интерес Пушкина к библиографии и основные виды его библиографических работ.

4. Еремин М. П. Журнал А. С. Пушкина «Современник» (1836 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1950, 22 стр. (Московский Гос. педагогический институт им. В. И. Ленина).

Предпосылки программы «Современника». Общественно-политическая позиция «Современника». Литературно-критическая и эстетическая позиции пушкинского журнала «Современник» в журнальной борьбе. Конфликт в редакции журнала.

5. Чхидзе А. И. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Автореферат диссертационной работы, представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тбилиси, 1950, 42 стр. (Тбилисский Гос. университет им. И. В. Сталина).

Пушкин-историк. Работа Пушкина над источниками. Исследование текста «Истории Пугачева». «История Пугачева» и историческая действительность. «История Пугачева» как историческое исследование. Язык и стиль «Истории Пугачева».

6. Яворский Г. И. Исторические взгляды А. С. Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1950, 11 стр. (Киевский Гос. педагогический институт имени А. М. Горького).²

Пушкин как самый передовой и прогрессивный историк 20—30-х годов XIX века. Исторические произведения Пушкина — вклад в развитие передовой русской исторической мысли. Творческое развитие Пушкиным антиреволюционной концепции Радищева в понимании русской истории. Исторические взгляды Пушкина как важный этап на пути от Радищева к Белинскому и революционерам-демократам 60-х годов в создании демократической концепции русского исторического процесса.

1951

7. Везирова Л. А. Издание для детей произведений А. С. Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 1951, 16 стр. (Московский Гос. библиотечный институт им. В. М. Молотова).

Характеристика дореволюционных изданий (система купюр и замен пушкинского текста кратким пересказом). Принципы отбора текстов в советских изданиях. Пояснительный аппарат — предисловие, послесловие, примечания, развернутые комментарии, словари — как существенная часть этих изданий. Сочетание научной достоверности пушкинских текстов с партийной оценкой их в пояснительном аппарате советских изданий для детей произведений Пушкина.

8. Городецки Б. П. Драматургия Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1951, 33 стр. (Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии Наук СССР).

Анализ драматических произведений Пушкина («Борис Годунов», «Русалка», «Маленькие трагедии», «Сцены из рыцарских времен»). Новаторство Пушкина, создавшего социально-историческую и социально-философскую реалистическую трагедию.

9. Дранков В. Л. Взаимодействие изобразительной и литературной деятельности в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по психологии. Л., 1951, 16 стр. (Ленинградский Гос. университет им. А. А. Жданова).

Взаимодействие повитической и изобразительной деятельности Пушкина в непосредственном единстве творческого процесса, в котором изобразительная деятель-

² Диссертация защищалась, по имеющимся у нас сведениям, в Институте истории Академии наук УССР.

ность занимала дополняющее, вспомогательное, служебное положение. Рисунки Пушкина, «объективируя и выверяя, акцентируя и закрепляя образы творческого видения, служили опорными образами для последующего поэтического творчества».

10. Ждановский Н. П. Борьба Пушкина за реалистическую прозу. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1951, 16 стр. (Московский Гос. университет им. М. В. Ломоносова).

Русская прозаическая художественная литература второй половины 20-х — первой половины 30-х годов XIX века. Становление и утверждение реализма в прозе Пушкина («Арап Петра Великого», «Повести Белкина», «История села Горюкина», «Пиковая дама», «Египетские ночи», «Рославлев»). Крестьянская проблема в прозаических произведениях Пушкина («Роман в письмах», «Дубровский», «Капитанская дочка». «Путешествие из Москвы в Петербург»). Язык прозы Пушкина.

11. Зубов Ю. С. Крестьянская война под руководством Пугачева в изображении русской литературы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1951, 19 стр. (Московский городской педагогический институт имени В. П. Потемкина).

Стр. 9—10: внесение Пушкиным подлинного реализма и историзма в «пугачевскую» тему («История Пугачева», «Капитанская дочка»).

12. Черный К. Г. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1951, 16 стр. (Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина).

Вторая поездка Пушкина на Кавказ. «Путешествие в Арзрум» и официальная охранительная журналистика. «Путешествие в Арзрум» и война 1828—1829 годов. Художественные особенности «Путешествия в Арзрум».

13. Шольп А. Е. Чайковский в борьбе за реалистический стиль в русской опере. (На материале «Евгения Онегина»). Автореферат. Л., 1951, 15 стр. (Ленинградская Гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).

«Евгений Онегин» П. И. Чайковского и «Евгений Онегин» Пушкина как произведения подлинно реалистические. Лирические отступления в опере Чайковского и в романе в стихах Пушкина. Народность образа Татьяны, определившая демократизм и глубоко национальную основу обоих произведений. Сознательное «транспонирование» (смещение) Чайковским психологии пушкинских героев в среду общественной психологии своей современности (путь Чайковского к образам «Евгения Онегина» от своего времени, конца 70-х годов XIX века). Возникновение оперы «Евгений Онегин» «на стыке драматургии Островского, Тургенева и Чехова».

1952

14. Веденский Д. Н. Язык и стиль научно-исторической прозы А. С. Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1952, 26 стр. (Московский Гос. педагогический институт им. В. И. Ленина).

Язык и стиль исторических работ Пушкина («История Пугачева», конспекты, наброски, варианты к «Истории Петра» и «Истории Пугачева»).

15. Гомонов И. Т. Предлоги и предложные сочетания в прозе А. С. Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1952, 17 стр. (Ленинградский Гос. педагогический институт им. А. И. Герцена).

Морфологический состав предлогов, употребляемых Пушкиным в его прозе (художественные произведения и письма).

16. Ерофеев В. В. «Современник» Пушкина в журнально-литературном движении 30-х годов XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1952, 21 стр. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР).

Причины, побудившие Пушкина создать «Современник». Характеристика приятеля Пушкина, П. Б. Козловского, как сотрудника «Современника». Проект реорганизации журнала (договор, написанный В. Ф. Одоевским и А. А. Краевским). Социально-политическая направленность «Современника». Литературно-критическая деятельность Пушкина в «Современнике».

17. Лапкина Г. А. Роман А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1952, 21 стр. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР).

Историческая художественная проза первой четверти XIX века. Тема Петра I в русской литературе этого периода. Идеино-художественный анализ романа «Арап Петра Великого». История его создания.

18. Неборячок Ф. М. Пушкин в украинских переводах. (Стихотворные переводы 1830—1937 годов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Львов, 1952, 16 стр. (Львовский Гос. университет им. Ивана Франко).

Пушкин в переводах на украинский язык в дореволюционное время и после Октября (до 1937 года). Отмечено, что украинский язык был в числе первых, на которые переводились произведения Пушкина еще при жизни поэта, чему способствовали личные связи Пушкина с Украиной в период южной ссылки. Влияние Пушкина на оригинальное творчество Шевченко.

19. Салтыкова М. Н. Изучение прозаических произведений Пушкина в VI—VII классах средней школы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Л., 1952, 20 стр. (Ленинградский Гос. педагогический институт им. А. И. Герцена).

Вопросы методики изучения в VI—VII классах средней школы повестей «Дубровский» и «Капитанская дочка». Внеклассное чтение прозаических произведений Пушкина («Повести Белкина»).

1953

20. Астафьева О. В. Тема крестьянского восстания в творчестве Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953, 17 стр. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР).

Возникновение и развитие крестьянской темы в творчестве Пушкина («Деревня», «Братья разбойники», «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Русалка» и др.). Эволюция социально-политических взглядов Пушкина в 30-е годы и пути к художественному воплощению темы крестьянского восстания («Путешествие из Москвы в Петербург», «История села Горюхина», «Дубровский», «История Пугачева»). Идеино-художественный анализ «Капитанской дочки».

21. Волков А. Р. Сказки А. С. Пушкина в польских переработках А. Ю. Глинского (Из истории русско-польских литературных взаимоотношений). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Черновцы, 1953, 19 стр. (Киевский Гос. университет имени Т. Г. Шевченко).³

Значение Пушкина для новой польской литературы. Использование сказок Пушкина («Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о царе Салтане...», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях») в сборнике «Польский сказочник» А. Ю. Гленского. Народность художественно-изобразительных средств сказок Пушкина и Глинского.

22. Долинина А. А. Русская литература XIX века в арабских странах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953, 18 стр. (Ленинградский Гос. университет имени А. А. Жданова).

Стр. 6—8: анализ переводов произведений Пушкина и критико-биографических сочинений о нем на языках народов арабских стран (Египет, Ливан и Сирия).

23. Костин В. Г. Роман Пушкина «Евгений Онегин» и литературная борьба 20—30-х годов XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1953, 17 стр. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР).

Реалистические тенденции в творчестве Пушкина до создания «Евгения Онегина» («Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан»). Основные черты реализма «Евгения Онегина» и особенности литературной борьбы, связанной с созданием романа и оценкой его в критике.

24. Куприянов А. С. Основные проблемы творчества Пушкина в литературной критике русских революционных демократов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1953, 15 стр. (Академия общественных наук при ЦК КПСС).

Революционные демократы о реализме, народности и значении Пушкина.

25. Левкович Я. Л. Литературные альманахи пушкинской поры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по специальности библиография). Л., 1953, 18 стр. (Ленинградский Гос. библиотечный институт им. Н. К. Крупской).

Характеристика альманахов со стороны содержания и формы. Хронологические рамки «альманахного периода» в русской литературе. История создания и

³ Диссертация выполнена в Черновицком Гос. университете.

анализ идейно-политического содержания альманахов «Полярная звезда», «Мнемозина», «Северные цветы» и альманахов «любомудров» («Уrania», «Северная лира» и «Денница»).

26. Лобикова Н. М. Романтические поэмы Пушкина. «Бахчисарайский фонтан». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1953, 15 стр. (Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина).

Романтизм 20-х годов XIX века и место Пушкина среди русских романтиков. Суждения Пушкина и его современников о романтизме. Свообразие романтического поэм Пушкина. «Бахчисарайский фонтан» как наиболее романтическая поэма Пушкина.

27. Пронь Н. А. Синтаксис повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Саратов, 1953, 22 стр. (Саратовский Гос. университет им. Н. Г. Чернышевского).

Краткость и ясность конструкции сложных предложений у Пушкина. Небольшое количество сложных предложений в «Капитанской дочке». Простое самостоятельное предложение, преобладающее у Пушкина. Особая роль сказуемого в языке Пушкина. Причастные и деепричастные обороты, вводные слова и словосочетания, порядок слов в «Капитанской дочке».

28. Рысалиев К. Произведения А. С. Пушкина в киргизских переводах. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1953, 15 стр. (Институт востоковедения Академии Наук СССР).

Отсутствие переводов произведений Пушкина на киргизский язык в дореволюционное время. Стремление советских писателей Киргизии — переводчиков Пушкина точно передать не только идейное содержание, но и художественные особенности произведений Пушкина. Влияние Пушкина на киргизских писателей А. Токомбаева, А. Осмонова, У. Уметалиева.

29. Такоева Т. А. Изучение жизни и творчества А. С. Пушкина в V—VII классах осетинской школы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 1953, 14 стр. (Научно-исследовательский институт методов обучения Академии педагогических наук РСФСР).

Пушкин — один из первых русских поэтов, заинтересовавшихся бытом осетин («Путешествие в Арзрум»). Отмечено, что почти вся проза Пушкина, его поэмы, сказки, драмы и лирика переведены на осетинский язык. О методике изучения биографии Пушкина и его отдельных произведений в V—VII классах осетинской школы.

1954

30. Буачидзе Т. П. Пушкин в грузинской литературной критике. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1954, 14 стр. (Тбилисский Гос. университет им. И. В. Сталина).

Изучение и анализ высказываний о Пушкине дореволюционной критики (И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе и др.). Характеристика наиболее значительных работ о великом русском поэте, созданных в Грузии в советское время (Ф. Махарадзе, К. Дондуа, С. Дanelia, А. Чхеидзе, В. Шадури, С. Чиковани, Л. Асатиани, И. Ениколопов и др.).

31. Глухов В. И. Реализм романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». (К вопросу об эволюции творческого замысла Пушкина в романе). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 16 стр. (Московский областной педагогический институт).

Освещение ряда вопросов творческой истории «Евгения Онегина» и в связи с этим осмысление образов главных героев романа. Анализ некоторых особенностей художественной формы романа.

32. Ильинская Т. Г. Лексика «Истории Петра» Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тбилиси, 1954, 17 стр. (Тбилисский Гос. университет имени И. В. Сталина).

Общий очерк развития стилей научно-исторической прозы до Пушкина. Форма прозаического стиля, произведенная Пушкиным, ее значение и влияние на современную Пушкину и последующую литературу. Творческая история монографии Пушкина о Петре. Общий характер работы Пушкина над текстом «Деяний Голикова. Лексический состав «Истории Петра».

33. Куканов А. М. Пушкин и Радищев. (Постановка общей проблемы и радищевские традиции в раннем творчестве Пушкина. 1813—1820 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 16 стр. (Московский Гос. университет имени М. В. Ломоносова).

I глава — история темы, постановка проблемы и принципы ее решения; II глава — радищевские традиции в лицейском творчестве Пушкина (анализ поэм о Бове Пушкина и Радищева; стихотворения «Лицинию», «Безверие» и др. в свете радищевских традиций); III глава — петербургский период творчества Пушкина и радищевские традиции («Вольность», «К Чаадаеву», «Сказки», «Деревня», «К Н. Я. Плюсковой»). Общие принципы художественного метода обоих писателей, отдельные черты своеобразия их поэтического мастерства.

34. Ляпунова О. В. Личные формы глаголов в художественной прозе А. С. Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Горький, 1954, 20 стр. (Горьковский Гос. университет).

Изучение личных глаголов, встречающихся в художественной прозе Пушкина и в его письмах (в плане сопоставления привлекается также материал из «Истории Пугачева» и некоторых стихотворений).

35. Малинин В. А. Философские взгляды А. С. Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1954, 15 стр. (Московский Гос. университет имени М. В. Ломоносова).

Выяснение философских основ мировоззрения Пушкина, его материализма, его социологических и эстетических взглядов, особой роли его в развитии передовой русской общественной мысли 20—30-х годов XIX века.

36. Молчанова С. Ф. Нормы ударения в стихотворном языке Пушкина и их отношение к современным. (Ударение в системе глагола). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ярославль, 1954, 18 стр. (Горьковский Гос. университет).

Система и единые нормы ударения глаголов в стихотворном языке Пушкина (формы инфинитива, прошедшего времени и личные). Двойное ударение некоторых глаголов в стихотворном языке Пушкина. Ударение форм односложного прошедшего времени.

37. Мухина С. Л. Народы России в русской литературе 20-х—30-х годов XIX в. (Сибирь). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1954, 16 стр. (Ленинградский Гос. университет имени А. А. Жданова).

Стр. 10—14: народы России в творчестве Пушкина; Пушкин и его значение для развития национальных литератур.

38. Тагиев М. Т. Беспредложные именные словосочетания в поэтическом языке А. С. Пушкина. (Словосочетания с именем существительным в родительном падеже). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 16 стр. (Институт языкознания Академии Наук СССР).

Большое количество устойчивых, т. е. лексически замкнутых, словосочетаний в поэзии Пушкина. Изменение традиционно устойчивых словосочетаний, условных перифраз в пушкинском употреблении. Словосочетания, выражающие конкретно-предметные отношения, а также словосочетания-метафоры как наиболее употребительные в поэзии Пушкина 20—30-х годов.

39. Филиппова Н. Ф. Метод Пушкина-критика. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1954, 17 стр. (Институт мировой литературы имени А. М. Горького Академии Наук СССР).

Основные исторические и литературные предпосылки пушкинской критики. Элементы социального анализа и критерий народности в критике Пушкина. Метод эстетического анализа произведений литературы в критике Пушкина. Характеристика формы критических статей Пушкина.

40. Черницкий Е. М. Пушкин на пути к реализму. (Южные поэмы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1954, 15 стр. (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР).

Своеобразие пушкинского романтизма как важнейшего исторически необходимого этапа творческого развития Пушкина («Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», незавершенные замыслы историко-романтических поэм, «Цыганы»).

А. П. МОГИЛЯНСКИЙ

К УТОЧНЕНИЮ НЕКОТОРЫХ ДАННЫХ ПЕРВОГО ТОМА «ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА»

Одним из важных источников персональных летописей жизни и творчества наших писателей являются данные библиографии. Таким образом, точность персональных летописей в значительной мере зависит от состояния нашей библиографии и вообще книговедения, в частности от книговедческого источниковедения. Как же относится наше книговедение к вопросу о точности?

Посмотрим, как освещает этот вопрос вышедший недавно вторым изданием единственный в своем роде труд покойного Н. В. Здобнова «История русской библиографии до начала XX века». Недостоверности и неточности работ таких библиографов, как В. И. Межов, Н. В. Здобнов противопоставляет труды академика П. П. Пекарского, Н. М. Лисовского и некоторых других. Приведем подлинные выражения автора: «„Русская историческая библиография“ <Межова> по своему качеству стоит несравненно ниже аналогичного труда Ламбиных. Она страдает обычными для трудов Межова пропусками и ошибками как в описании, так и в классификации, причиной чего было то, что Межов часто черпал материал из вторых и третьих рук (из разного рода библиографических указателей и даже книгопродавческих объявлений), не проверяя его *de visu*».¹ О знаменитом труде Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» (1862) мы читаем: «Тут мы видим не обычный аннотированный указатель книг, а библиографическое исследование. Материал расположен в хронологическом порядке по времени его издания (чем подчеркивается исторический подход к книге и библиографии), а в конце даны именной и предметный вспомогательные указатели. Каталогизационное описание дано с исчерпывающей полнотой... К этому надо прибавить предельную точность описания».² Наконец, о Лисовском автор отзывается следующим образом: «Благодаря почти исчерпывающей полноте, простоте и четкости структуры, тщательности обработки материала „Русская периодическая печать“ Лисовского является одним из лучших библиографических изданий на русском языке».³

Однако приведенные оценки Н. В. Здобнова являются не чем иным, как библиографическим самозабвением. Горькая истина состоит в том, что проблема времени выхода того или иного издания (т. е. одна из важнейших проблем исторического книговедения) академиком П. П. Пекарским всерьез не ставилась. В классическом и ничем не замененном труде Н. М. Лисов-

¹ Н. В. Здобнов. История русской библиографии до начала XX века. Изд. Академии Наук СССР, М., 1951, стр. 369.

² Там же, стр. 472.

³ Там же, стр. 354.

ского «Библиография русской периодической печати 1703—1900 гг.» наряду с изданиями общеизвестными описаны издания, никогда не существовавшие.⁴ Оговорок при этом никаких сделано не было.

Между тем в XX веке для передовой русской библиографии стала совершенно ясно необходимость точного определения даты опубликования, т. е. выхода в свет, выпуска данного издания из типографии. В этом отношении ведущим участком русской библиографии оказалась библиография персональная, в первую очередь пушкинская.

В работе Н. Сиявского и М. Цявловского «Пушкин в печати. 1814—1837», первым изданием вышедшей в 1914 году, впервые в русской библиографии была по-серьезному поставлена задача максимально точного определения времени выхода в свет произведений Пушкина. В предисловии к этому труду М. А. Цявловский писал:

«Для определения времени выхода в свет произведений Пушкина нам служили: 1) уведомления в газетах и журналах о выходе в свет отдельных изданий сочинений Пушкина или книжек журналов и альманахов, в которых были напечатаны сочинения поэта; 2) самые книжки журналов, иногда имеющие даты своего выхода в свет, иногда лишь цензурные даты, иногда обследованием своего содержания дающие то или иное указание о времени своего появления в свет; 3) переписка Пушкина, а в иных случаях и переписка современников его; 4) рецензии в журналах на произведения Пушкина и 5) книга „Дела III отделения об А. С. Пушкине. С.-Петербург. Изд. И. Балашова 1906 г.“. Данные, на основании которых мы выводили наши даты, всякий раз приводятся тут же мелким шрифтом».⁵

Каковы были результаты названного труда?

В качестве сорок пятого произведения великого поэта составителями названа поэма «Руслан и Людмила» (СПб., 1820). Время выхода этого издания определено так: «После 23 июля — первые числа августа, до 10». Эта очень неточная дата мотивирована следующим образом: «Дата выхода в свет поэмы определяется письмом А. И. Тургенева к И. И. Дмитриеву от 23 июля 1820 г., в котором он говорит, что „на сих днях явится в свет поэма молодого Пушкина“. [См. Русс. Арх. 1867 г., стр. 656]. Из письма Дмитриева от 2 августа, служащего ответом на письмо Тургенева, нельзя заключить, вышла ли к этому времени поэма. [См. Русс. Арх. 1867 г., стб. 1125; Остаф. Арх., т. II, Прим., стр. 427]. Поэтому приходится основываться на нижеследующей библиографической заметке, помещенной в Сыне Отеч. 1820 г., части шестьдесят третьей, № XXXIII, стр. 326—327: „Мы ограничиваемся в нынешней книжке известием о выходе в свет сего прекрасного произведения, в будущей напечатанном подробный разбор ее. Поэму сию можно получить в типографии издателя Сына Отечества и в книжных лавках Г.г. Плавильщикова и Слёнина. Цена ей на белой бумаге, в цветной обертке 10 р. Принадлежащая к ней виньетка, на которой изображены все лица и главнейшие явления поэмы, еще не кончена. Она нарисована весьма удачно, гравирована искусным художником и купившим

⁴ Так, например, под № 180 Н. М. Лисовский описывает в своем труде ежемесячный журнал «Северный зритель», якобы выходивший в 1808 году в Петербурге. В настоящее время можно утверждать, что этот журнал в действительности не существовал. Его предполагал издавать А. Ф. Кропотков, в 1815 году издававший журнал «Демокрит».

⁵ Пушкин в печати. 1814—1837. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. Составили Н. Сиявский и М. Цявловский. (Всесоюзная Библиотека им. В. И. Ленина, 1837—1937. Русская пушкиниана, вып. 1). Изд. 2-е, исправленное, Соцэкгиз, М., 1938, стр. 5 (предисловие к первому изданию).

поэму слово раздаваться будет безденежно». Ценз. разр. № XXXIII С. О. — 10 августа».⁶

В недавно вышедшем первом томе капитального посмертного труда М. А. Цявловского «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» изучение этого вопроса существенно не продвинулось вперед. Дата выхода в свет «Руслана и Людмилы» определяется здесь следующим образом: «Июль. 24... Август 10».⁷ Существенный прогресс здесь может быть констатирован только в отношении известного труда Н. О. Лернера «Труды и дни А. С. Пушкина». Во втором издании его, вышедшем в 1910 году, время появления интересующей нас поэмы определено так: «Мая конец или июня начало».⁸ В первом издании этой работы, в 1903 году, выход поэмы определялся «последними числами мая».⁹

Чем можно объяснить подобное явление?

В данном случае совершенно очевидно, что причиной неточностей при определении даты выхода в свет «Руслана и Людмилы» является недостаточно высокий уровень нашего книговедческого источниковедения.

Характерно, что при перечислении источников для датировки выхода в свет книг и журналов с произведениями Пушкина М. А. Цявловский упустил самый главный источник, и на это никто не обратил его внимание не только за время с 1914 по 1938 год, но и после того.

Едва ли может быть подвергнуто сомнению то положение, что для рассматриваемой нами эпохи самым авторитетным документом должен считаться нумерованный и датированный билет на выпуск книги или книжки журнала (газеты) из типографии. Этот билет выдавался цензурным комитетом по получении из типографии свидетельства о том, что отпечатанная книга (журнал) соответствует одобренному этим комитетом печатному или рукописному экземпляру. Названный билет выдавался, как правило, в день получения свидетельства и отпечатанных экземпляров и не позднее следующего дня.

О чем же свидетельствуют эти билеты?

В приведенном нами случае из билета или, вернее, из данных о билете видно, что первое издание поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» было выпущено из типографии Н. И. Греча 10 августа 1820 года.

В данном случае установление этого бесспорного факта не вносит каких-либо изменений в наши представления о творческом пути Пушкина. Но не трудно показать, что уточнение даты выхода произведения в свет, разрешения его цензурой и т. п. может иметь и несравненно большее значение. В частности, известны затруднения нашей науки с попыткой определения времени написания И. А. Крыловым его басен. Наша Академия Наук неоднократно уделяла этой проблеме свое внимание на протяжении ряда десятилетий (с 1869 года).¹⁰

⁶ Пушкин в печати, стр. 16. — В первом издании датировка была несколько иная: «После 23 июля — первые числа августа, до 14» (стр. 8).

⁷ М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. Изд. Академии Наук СССР, М., 1951, стр. 232.

⁸ Н. О. Лернер. Труды и дни А. С. Пушкина. 2-е исправленное и дополненное издание имп. Академии Наук, СПб., 1910, стр. 56.

⁹ А. С. Пушкин. Труды и дни. Хронологические данные, собранные Николаем Лернером. М., 1903, стр. 18.

¹⁰ В. Ф. Кеневич. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии Наук, т. VI, 1869; В. В. Калаш. О хронологии басен Крылова. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук», 1907, т. XII, кн. 1, стр. 205—218.

В итоге этих изучений в юбилейном издании «Полного собрания сочинений» Крылова 1945—1946 годов к 1809 году отнесено, между прочим, написание басен «Роща и Огонь», «Два Голубя», «Лягушки, просящие Царя», «Мор Зверей», «Петух и Жемчужное зерно», «Лев и Комар» и «Лев и человек».¹¹ Между тем из ряда документов с очевидностью вытекает, что 23 басни Крылова, составившие его первый сборник, поступили (от Д. И. Языкова) в Петербургский цензурный комитет 27 октября 1808 года, были одобрены цензором этого комитета Иваном Тимковским 20 ноября того же года и были выпущены из типографии 24 февраля 1809 года. Таким образом, нет никаких оснований для отнесения выше-названных басен к 1809 году: все они написаны до 27 октября 1808 года, а исправления в них могли вноситься лишь до 24 февраля 1809 года.

Возвращаясь к Пушкину, неизмеримо более тщательно изученному, чем Крылов, следует обратить внимание на одно обстоятельство: ни блестящая для своего времени библиография Пушкина, составленная Синявским и Цявловским, ни летопись жизни и творчества Пушкина, составленная тем же Цявловским, методично приводя даты цензурных разрешений, никак не отмечают целую категорию фактов, касающуюся вообще всех произведений Пушкина, — времени поступления этих произведений в цензурный комитет.

Срок пребывания рукописи или печатной книги в цензурных учреждениях представляет собой исключительный интерес не только потому, что определяет время окончательного изготовления автором рукописи для печати, но и потому, что позволяет вскрыть факт переработки рукописи (книги) по требованию цензора.

Как скоро протекал процесс цензурования?

В одних случаях рукопись поступала в цензуру и возвращалась под расписку автору (издателю) или доверенному лицу последнего в течение одного дня. Как правило, так всегда проходили цензуру материалы для журнала «Драматический вестник»,¹² доставлявшиеся его издателем Д. И. Языковым.¹³ Так проходили цензуру рукописи покровительствуемых свыше авторов. Например, рукопись лирического песнопения князя С. А. Ширинского-Шихматова «Петр Великий» была доставлена в Петербургский цензурный комитет «от статского советника Мартынова¹⁴ по приказанию его сиятельства графа Петра Васильевича Завадовского», в то время бывшего министром народного просвещения, 29 октября 1809 года и уже на следующий день, несмотря на свой объем (216 стр.), была возвращена И. И. Мартынову. Довольно скоро прошли цензуру: поэма Пушкина «Цыганы» (поступила 7 декабря 1826 года, доволена к печати 10 декабря), его же поэма «Кавказский пленник» (поступила 1 июня 1822 года, одобрена

¹¹ И. А. Крылов, Полное собрание сочинений, под редакцией Д. Д. Благого, т. III, Гослитиздат, М., 1946, стр. 595.

¹² В отличие от других периодических изданий, журнал «Драматический вестник» цензуровался не по отдельным номерам, что затрудняет их датировку. Так, например, басни Крылова: «Ларчик», «Старик и трое молодых», «Обезьяны» и «Лев, собака, лиса и волк» («Лев на ловле») в цензурный комитет поступили одновременно (21 февраля 1808 года), между тем опубликованы были в разных номерах журнала (№№ 6, 10, 12).

¹³ Н. М. Лисовским не был точно установлен издатель «Драматического вестника». По этому вопросу он высказался так: «Издание предпринято по мысли князя А. А. Шаховского. Издателями и главными сотрудниками были: И. А. Крылов, А. И. Писарев, Д. И. Языков и С. Н. Марин» (№ 174). Вместо А. И. Писарева здесь следует читать: А. А. Писарев.

¹⁴ Речь идет об известном переводчике-классике и журналисте И. И. Мартынове.

12 июня). Поэма «Руслан и Людмила» была доставлена в Петербургский цензурный комитет В. А. Жуковским 14 мая 1820 года и была одобрена на следующий день.¹⁵

В других случаях рукописи и печатные книги порой проходили цензуру чрезвычайно долго. Поэма К. Ф. Рылеева «Войнаровский» была представлена в Петербургский цензурный комитет 8 мая 1824 года, а дозволена к печати Московским цензурным комитетом лишь 8 января 1825 года. Такова же была судьба и романа В. Т. Нарезного «Бурсак»: все четыре его части были представлены автором в Петербургский цензурный комитет 8 августа и 21 сентября 1822 года, 4 и 8 января 1823 года. Разрешение же последовало лишь в Москве 25 октября (части I—II) и 3 декабря (части III—IV) 1823 года, так как в Петербурге рукопись была возвращена автору спустя несколько месяцев «для исправления». Сборник басен И. А. Крылова в семи книгах был представлен в цензуру 2 апреля 1824 года, разрешен был 30 августа того же года, но выпущен из типографии лишь 20 марта 1826 года. Все это не может не свидетельствовать о фактах принудительной переработки рукописей и книг по требованию цензуры. Порой эта переработка, никак официально не оформлявшаяся, всё же находила некоторое отражение в делопроизводстве цензурных комитетов. Так, например, известно, что сборник сочинений радищевца В. В. Дмитриева «Ореады» в декабре 1808 года подвергся принудительной переработке без обсуждения на цензурном комитете.¹⁶

Приводимый далее перечень исправлений и уточнений к первому тому «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского основан на двух «Книгах для записи билетов, выдаваемых из цензурного комитета», хранящихся в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде (ф. 777, оп. 1, ед. хр. 206 408 (226) и 206 677 (370)). Первая из этих книг была начата в январе 1816 года, закончена в июне 1821 года. Вторая книга начата в июле 1821 года и закончена 30 сентября 1826 года. В дальнейшем данные этих книг желательно сопоставить с датами самих билетов, по мере их обнаружения.

- Стр. 158. Выход № 7 «Благонамеренного» за 1818 год отнесен к 30 июля 1818 года. Следует — 20 августа 1818 года.
- Стр. 160. Выход № 8 «Благонамеренного» за 1818 год отнесен к 31 августа 1818 года. Следует — 6 сентября 1818 года.
- Стр. 195. Выход № 10 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1819 год отнесен к 15 ноября—10 декабря 1819 года. Следует — 2 декабря 1819 года.
- Стр. 197. Выход № 12 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1819 год отнесен к 15—31 декабря 1819 года. Следует — 23 января 1820 года.
- Стр. 206. Выход № 2 «Невского зрителя» за 1820 год отнесен к 1—17 марта 1820 года. Следует — 16 марта 1820 года.
- Стр. 209. Выход № 3 «Невского зрителя» за 1820 год отнесен к 1—16 апреля 1820 года. Следует — 13 апреля 1820 года.
- Стр. 213. Выход № 7 «Благонамеренного» за 1820 год отнесен к 18 апреля 1820 года. Следует — 20 апреля 1820 года.
- Стр. 219. Выход № 4 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1820 год отнесен к 11 мая — 3 июня 1820 года. Следует — 21 мая 1820 года.

¹⁵ Центральный Гос. исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 777, оп. 1 (27), ед. хр. 206 576 (187), «Журнал входящим рукописям на 1820 г.», лл. 26 об—27; о «Цыганах» см. ед. хр. 206 809 (193), лл. 14 об.—15; о «Кавказском пленнике» см. ед. хр. 207 166 (382), лл. 59 об—60.

¹⁶ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 1 (27), ед. хр. 206 177 (180), лл. 142 об.—144. — «Ореады» поступили в Петербургский цензурный комитет 27 ноября 1808 года. Затем рукой В. В. Дмитриева написано: «Получил для переправки декабря 11-го». В исправленном виде рукопись была одобрена 31 декабря 1808 года. 16 марта 1809 года книга была выпущена из типографии.

- Стр. 225. Выход № 4 «Невского зрителя» за 1820 год отнесен к маю 1820 года. Следует — 18 мая 1820 года.
- Стр. 256. Выход № 18 «Благонамеренного» за 1820 год отнесен к 30 сентября 1820 года. Следует — 5 октября 1820 года.
- Стр. 256. Выход № 7 «Невского зрителя» за 1820 год отнесен к сентябрю (?) 1820 года. Следует — 21 сентября 1820 года.
- Стр. 273. Выход № 23 и 24 «Благонамеренного» за 1820 год отнесен к 7 января 1821 года. Следует — 11 января 1821 года.
- Стр. 277. Выход первой части «Словаря древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова отнесен к 5 февраля 1821 года. Следует — 4 января 1821 года.
- Стр. 299. Выход № 5 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1821 год отнесен к маю 1821 года. Следует — 27 мая 1821 года.
- Стр. 299. Выход книги Якова Толстого «Мое праздное время» отнесен к маю (?) 1821 года. Следует — 20 сентября 1821 года.
- Стр. 299. Выход № 6 «Невского зрителя» за 1821 год отнесен к маю (?) 1821 года. Следует — 15 июля 1821 года.
- Стр. 307. Выход книги А. А. Бестужева «Поездка в Ревель» отнесена к 10 июля — декабрю 1821 года. Следует — 23 сентября 1821 года.
- Стр. 315. Выход третьей части «Словаря древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова отнесен к 5 ноября 1821 года. Следует — 16 сентября 1821 года.
- Стр. 318. Выход № 12 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1821 год отнесен к 5 (?) декабря 1821 года. Следует — 19 декабря 1821 года.
- Стр. 324. Выход № 1 «Благонамеренного» за 1822 год отнесен к 1 января 1822 года. Следует — 16 января 1822 года.
- Стр. 330. Выход книги Н. И. Греча «Опыт краткой истории русской литературы» отнесен к 26 февраля — 3 марта 1822 года. Следует — 2 марта 1822 года.
- Стр. 347. Выход № 7 «Соревнователя просвещения и благотворения» отнесен к 7 июля 1822 года. Следует — 3 июля 1822 года.
- Стр. 352. Выход поэмы Пушкина «Кавказский пленник» отнесен к 25 августа — 2 сентября 1822 года. Следует — 14 августа 1822 года.
- Стр. 354. Выход № 9 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1822 год отнесен к 1—5 (?) сентября 1822 года. Следует — 4 сентября 1822 года.
- Стр. 355. Выход № 35 «Благонамеренного» за 1822 год отнесен к 5 сентября 1822 года. Следует — 7 сентября 1822 года.
- Стр. 356. Выход № 36 «Благонамеренного» за 1822 год отнесен к 11 сентября 1822 года. Следует — 18 сентября 1822 года.
- Стр. 360. Выход № 10 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1822 год отнесен к 1—5 (?) октября 1822 года. Следует — 5 октября 1822 года.
- Стр. 363. Выход № 30 «Отечественных записок» за 1822 год отнесен к октябрю (?) 1822 года. Следует — 12 октября 1822 года.
- Стр. 369. Выход «Полярной звезды» на 1823 год отнесен к 24—28 декабря 1822 года. Следует — 22 декабря 1822 года.
- Стр. 371. Выход № 1 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1823 год отнесен к 1—5 января 1823 года. Следует — 22 января 1823 года.
- Стр. 380. Выход № 4 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1823 год отнесен к 1—5 апреля 1823 года. Следует — 9 апреля 1823 года.
- Стр. 386. Выход № 6 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1823 год отнесен к 1—10 июня 1823 года. Следует — 9 июля 1823 года.
- Стр. 398. Выход книги «Der Berggefangene von Al. Puschkin», СПб., 1823, отнесен к июлю 1823 года. Следует — 28 августа 1823 года.
- Стр. 402. Выход № 15 «Благонамеренного» за 1823 год отнесен к 17 августа 1823 года. Следует — 23 августа 1823 года.
- Стр. 403. Выход № 3 «Журнала изящных искусств» за 1823 год отнесен к августу — 15 сентября 1823 года. Следует — 31 августа 1823 года.
- Стр. 404. Выход № 9 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1823 год отнесен к 1—10 сентября 1823 года. Следует — 15 ноября 1823 года.
- Стр. 406. Выход № 41 «Отечественных записок» за 1823 год отнесен к 20—30 сентября 1823 года. Следует — 18 сентября 1823 года.
- Стр. 414. Выход № 11 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1823 год отнесен к 1—10 ноября 1823 года. Следует — 10 декабря 1823 года.
- Стр. 423. Выход «Полярной звезды» на 1824 год отнесен к 21—22 декабря 1823 года. Следует — 20 декабря 1823 года.
- Стр. 428. Выход № 1 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 1—10 января 1824 года. Следует — 3 января 1824 года.
- Стр. 435. Выход № 23 и 24 «Благонамеренного» за 1823 год отнесен к январю 1824 года. Следует — 17 января 1824 года.

- Стр. 436. Выход № 1 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1824 год отнесен к январю 1824 года. Следует — 21 января 1824 года.
- Стр. 443. Выход № 4 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 1—10 марта 1824 года. Следует — 3 марта 1824 года.
- Стр. 444. Выход № 4 «Благонамеренного» за 1824 год отнесен к 5 марта 1824 года. Следует — 13 марта 1824 года.
- Стр. 447. Выход № 5 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 16—20 марта 1824 года. Следует — 27 марта 1824 года.
- Стр. 452. Выход № 6 «Журнала изящных искусств» за 1824 год отнесен к 30 марта 1824 года. Следует — 14 апреля 1824 года.
- Стр. 453. Выход № 6 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 30 марта—5 апреля 1824 года. Следует — 10 апреля 1824 года.
- Стр. 459. Выход № 7 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 16—18 апреля 1824 года. Следует — 24 апреля 1824 года.
- Стр. 462. Выход № 7 «Благонамеренного» за 1824 год отнесен к 29 апреля 1824 года. Следует — 1 мая 1824 года.
- Стр. 465. Выход № 5 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1824 год отнесен к 2—31 мая 1824 года. Следует — 28 апреля 1824 года.
- Стр. 466. Выход № 8 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 9—28 мая 1824 года. Следует — 12 мая 1824 года.
- Стр. 468. Выход № 8 «Благонамеренного» за 1824 год отнесен к 17 мая 1824 года. Следует — 22 мая 1824 года.
- Стр. 474. Выход № 9 «Благонамеренного» за 1824 год отнесен к 1 июня 1824 года. Следует — 5 июня 1824 года.
- Стр. 483. Выход № 11—12 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 25—30 июня 1824 года. Следует — 26 июня 1824 года.
- Стр. 483. Выход «Кавказского пленника» с немецким переводом отнесен к 25 (?) июня—5 июля 1824 года. Следует — 5 июня 1824 года.
- Стр. 500. Выход № 12 «Благонамеренного» за 1824 год отнесен к 31 июля 1824 года. Следует — 4 августа 1824 года.
- Стр. 504. Выход № 15 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 8—26 августа 1824 года. Следует — 16 августа 1824 года.
- Стр. 509. Выход кн. IX «Новостей литературы» за 1824 год отнесен к 21—26 августа 1824 года. Следует — 3 ноября 1824 года.
- Стр. 511. Выход № 16 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 28 августа—16 сентября 1824 года. Следует — 8 сентября 1824 года.
- Стр. 524. Выход № 19 и 20 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к 18—31 октября 1824 года. Следует — 6 ноября 1824 года.
- Стр. 543. Выход альманаха «Русская Талия» отнесен к 15—16 декабря 1824 года. Следует — 11 декабря 1824 года.
- Стр. 547. Выход декабрьского номера «Новостей литературы» за 1824 год отнесен к 29 декабря 1824 года. Следует — 22 декабря 1824 года.
- Стр. 548. Выход № 23 и 24 «Литературных листков» за 1824 год отнесен к декабрю 1824 года. Следует — 22 декабря 1824 года.
- Стр. 550. Выход № 1 «Благонамеренного» за 1825 год отнесен к 1 января 1825 года. Следует — 8 января 1825 года.
- Стр. 551. Выход № 1 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1825 год отнесен к 2—31 января 1825 года. Следует — 15 января 1825 года.
- Стр. 565. Выход № 6 «Благонамеренного» за 1825 год отнесен к 11 февраля 1825 года. Следует — 12 февраля 1825 года.
- Стр. 567. Выход первой главы «Евгения Онегина» отнесен к 14—16 февраля 1825 года. Следует — 16 февраля 1825 года.
- Стр. 569. Выход № 2 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1825 год отнесен к 18—23 февраля 1825 года. Следует — 23 февраля 1825 года.
- Стр. 577. Выход № 3 «Новостей литературы» за 1825 год отнесен к 9 марта 1825 года. Следует — 7 марта 1825 года.
- Стр. 577. Выход № 9 «Благонамеренного» за 1825 год отнесен к 9 марта 1825 года. Следует — 5 марта 1825 года.
- Стр. 582. Выход «Полярной звезды» на 1825 год отнесен к 21 марта 1825 года. Следует — 20 марта 1825 года.
- Стр. 585. Выход № 3 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1825 год отнесен к марту 1825 года. Следует — 16 марта 1825 года.
- Стр. 587. Выход № 4 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1825 год отнесен к 2—30 апреля 1825 года. Следует — 4 мая 1825 года.
- Стр. 590. Выход № 14 «Благонамеренного» за 1825 год отнесен к 14 апреля 1825 года. Следует — 16 апреля 1825 года.

- Стр. 591. Выход № 60 «Отечественных записок» за 1825 год отнесен к 15—30 апреля 1825 года. Следует — 20 апреля 1824 года.
- Стр. 596. Выход № 4 «Новостей литературы» за 1825 год отнесен к 30 апреля 1825 года. Следует — 27 апреля 1825 года.
- Стр. 605. Выход № 19 «Благонамеренного» за 1825 год отнесен к 25 мая 1825 года. Следует — 28 мая 1825 года.
- Стр. 609. Выход № 6 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1825 год отнесен к 2—30 июня 1825 года. Следует — 13 августа 1825 года.
- Стр. 612. Выход № 22 «Благонамеренного» за 1825 год отнесен к 16 июня 1825 года. Следует — 18 июня 1825 года.
- Стр. 615. Выход № 63 «Отечественных записок» за 1825 год отнесен к 26 июня—июлю 1825 года. Следует — 30 июля 1825 года.
- Стр. 631. Выход № 64 «Отечественных записок» за 1825 год отнесен к 17—31 августа 1825 года. Следует — 3 сентября 1825 года.
- Стр. 642. Выход № 10 «Соревнователя просвещения и благотворения» за 1825 год отнесен к 2—31 октября 1825 года. Следует — 17 декабря 1825 года.
- Стр. 654. Выход № 68 «Отечественных записок» за 1825 год отнесен к 1—15 декабря 1825 года. Следует — 21 декабря 1825 года.
- Стр. 659. Выход № 12 (№ 37 и 38?) «Благонамеренного» за 1825 год отнесен к 16—31 декабря 1825 года. Следует — 14 декабря 1825 года.
- Стр. 662. Выход «Невского альманаха» на 1826 год отнесен к 26 декабря 1825 года — 4 января 1826 года. Следует — 28 декабря 1825 года.
- Стр. 663. Выход «Стихотворений» Пушкина отнесен к 30 декабря 1825 года. Следует — 28 декабря 1825 года.
- Стр. 673. Выход № 1 «Благонамеренного» за 1826 год отнесен к 12—20 января 1826 года. Следует — 7 января 1826 года.
- Стр. 677. Выход № 1 «Новостей литературы» за 1826 год отнесен к 26 января 1826 года. Следует — 21 января 1826 года.
- Стр. 679. Выход № 2 «Благонамеренного» за 1826 год отнесен к 1—10 февраля 1826 года. Следует — 8 февраля 1826 года.
- Стр. 683. Выход «Эды» и «Пиров» Е. А. Баратынского отнесен к 16 февраля 1826 года. Следует — 1 февраля 1826 года.

Я. Л. ЛЕВКОВИЧ

ПЕЧАТЬ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЕНГРИИ О ПУШКИНЕ (1949—1952)

Глубокий интерес к передовой русской культуре возник в Венгрии в первой половине XIX века. Известный венгерский библиограф Шандор Козоча писал по этому поводу: «С тех пор, как венгерская история литературы считает свою деятельность наукой, т. е. со времени Ференца Тольди, писатели и читатели Венгрии постоянно интересуются русской беллетристикой».¹

Ференц Тольди, видный деятель венгерской культуры и критик, опубликовал в 1828 году в журнале «Тудоманьош дьютемень» («Научный сборник») статью, посвященную русской поэзии.² Эта статья впервые познакомила венгерских читателей с именем Пушкина. В 30—40-х годах в венгерской прессе имя Пушкина упоминалось уже неоднократно. Еще до того, как на венгерский язык впервые переведены были произведения Пушкина, в Венгрии появилось 16 статей, посвященных его творчеству. Однако как непревзойденный мастер слова и художник Пушкин стал известен венгерской общественности только в 1844 году, когда на венгерский язык была переведена повесть «Выстрел» (переводчик Габор Казинцы). «Выстрел» был одним из первых произведений русской литературы, вышедших в свет в переводе на венгерский язык.

Большинство венгерских переводов из Пушкина в старой Венгрии появилось между 1855 и 1866 годами. В период международной и внутренней реакции, наступившей после подавления революции 1848 года, когда австрийское правительство беспощадно подавляло всякое проявление национального движения, а писатели и поэты Венгрии вынуждены были молчать, стихи Пушкина на венгерской земле звучали как протест и призыв к борьбе против угнетения. Распространение произведений Пушкина в это время играло свою роль в том пассивном сопротивлении, которое венгерская общественность оказывала национальному гнету австрийской монархии.

Выдающимися популяризаторами творчества Пушкина в Венгрии в эти годы были братья Карой и Имре Зилахи-Киш, вокруг которых группировалась венгерская оппозиция после подавления революции 1848 года. Братья Зилахи, особенно младший Имре, были и наиболее плодовитыми переводчиками Пушкина. В 1864 году Имре Зилахи под псевдонимом Имре

¹ Kozocsa Sándor. Az orosz irodalom magyar bibliográfiája. Budapest, 1947, стр. VII.

² Toldy Ferenc. Orosz poézis. „Tudományos Gyűjtemény“, 1828, т. X, стр. 105—114.

Черени опубликовал сборник стихотворений Пушкина.³ В этом же году Карой Зилахи перевел «Капитанскую дочку», которая имела огромный успех и выдержала десять изданий. В 1866 году Имре Зилахи издал антологию под названием «Северное сияние», составленную из произведений Пушкина и Лермонтова.⁴ Из произведений Пушкина в антологию вошли: «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Граф Нулин», «Цыганы», «Борис Годунов» и 23 стихотворения. В предисловии к антологии Имре Зилахи сравнивает Пушкина с величайшими классиками венгерской литературы Шандором Петефи и Яношем Арань.

В одно время с братьями Зилахи творчество Пушкина пропагандирует и известный венгерский критик Пал Дьюлай (1826—1909). В своих статьях он ставит в пример венгерским писателям свободолюбие и патриотизм русской литературы, наиболее ярким выразителем которых был, по его мнению, Пушкин. В журнале «Будапешти семлелью» («Будапештское обозрение»), издателем которого был Дьюлай, постоянно публикуются переводы из Пушкина.

К 60-м годам относится знакомство венгров и с «Евгением Онегиным», этой «энциклопедией русской жизни», по выражению Белинского. Перевод пушкинского романа был выполнен писателем Каролом Берци, который приобрел у себя на родине широкую известность именно как переводчик Пушкина. Берци был первым венгерским писателем, специально изучившим русский язык для того, чтобы иметь возможность переводить произведения русской литературы непосредственно с оригинала. «Евгений Онегин» в переводе Кароля Берци имел в Венгрии большой успех и до наших дней выдержал 23 издания. Имре Зилахи в предисловии к своему сборнику «Северное сияние» назвал роман Пушкина «одним из замечательных произведений русской литературы». Впоследствии Аладар Комлош писал: «Переведенному с иностранного языка произведению редко выпадает счастье стать общезвестным. Но это произошло у нас с „Онегиным“. Каждый венгерец знает это гениальное творение».⁵

«Евгений Онегин» оказал большое влияние на венгерскую литературу. Именно под влиянием Пушкина берет начало и развивается венгерский роман в стихах, лучшие образцы которого принадлежат известному венгерскому поэту, переводчику Пушкина, Ласло Араню (1844—1898).

Влиянием Пушкина, в частности «Евгения Онегина», отмечено также творчество Эндре Ади (1877—1919), поэта-революционера, продолжателя дела Петефи. Образами «Евгения Онегина» навеяно его «Письмо Татьяны». В дни пушкинского юбилея 1899 года Ади напечатал в газете «Дебрецен» («Debrecen», № 137) стихотворение, посвященное великому русскому поэту, горячим ценителем которого он был.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в годы господства в Венгрии фашистского режима Хорти, тяготение венгерского народа к русской культуре и к творчеству Пушкина возросло еще больше, соединяясь с интересом и любовью к первому в мире социалистическому государству.⁶

³ Puskin költői beszélei. Fordította Cserényi Imre, kiadja Zilahy Károly. Pest, 1864.

⁴ Zilahy Imre. Északi Fény. Köttemények Puskin Sándor és Lermontoff Mihály után. Pest, 1866.

⁵ „Irodalom-Tudomány“, 1946, № 6.

⁶ Более подробно историю знакомства и изучения творчества Пушкина в Венгрии до 1945 года см.: Г. Хаупт. Пушкин и венгерская литература XIX века. „Вестник Ленинградского университета“, 1949, № 6, стр. 102—120; А. Лидин. Пушкин в Венгрии. „Новый мир“, 1949, № 6, стр. 234—240.

В 1945 году Советская Армия освободила Венгрию от фашистской тирании. Венгерский народ начал строить новое демократическое государство, новую культуру, следуя лучшим национальным традициям венгерской культуры и приобщаясь к опыту русского народа. Стремление следовать примеру СССР в строительстве социализма усиливало любовь к искусству советского народа.

В первые же годы существования народной демократии в венгерской печати появляется особенно много переводов крупнейших писателей русской классической и советской литературы. Первое место по числу переводов принадлежит Пушкину.

В старой Венгрии, входившей в состав Австро-Венгерской империи, господствовал немецкий язык. Подавляющее большинство переводов из русских писателей, в частности из Пушкина, делалось не с подлинника, а с немецкого языка. Естественно, что подлинное художественное мастерство пушкинского стиха при такой двойной передаче не могло дойти до венгерского читателя. Только теперь, в свободной демократической Венгрии, поэзия Пушкина предстала перед венгерскими читателями в переводах, сделанных непосредственно с русских подлинников. Отвечая всё более возрастающей любви венгерского народа к творчеству Пушкина, венгерские поэты и прозаики осуществляют новые переводы его произведений. Из писателей современной Венгрии активными переводчиками и популяризаторами творчества Пушкина являются Ласло Кардош, Шаролта Лани и Анатолий Гидаш, ведущие большую работу по углублению культурных связей между народно-демократической Венгрией и Советским Союзом. Можно с уверенностью сказать, что в новой Венгрии творения гениального русского поэта стали достоянием венгерского народа. Об этом красноречиво говорят цифры. Общее число произведений Пушкина, изданных в Венгрии за период 1945—1952 годов, достигает 1169 (368 названий). Следовательно, за последние семь лет на венгерском языке было издано в несколько раз больше произведений Пушкина, чем за сто предшествующих лет. К этому следует добавить, что тиражи пушкинских изданий, вышедших в демократической Венгрии, значительно больше, чем тиражи изданий прошлых лет.

За семь лет отдельными изданиями были опубликованы тринадцать произведений Пушкина. При этом «Евгений Онегин» был издан четыре раза (в старом переводе Кароля Берци и в новом Гедона Месей), «Капитанская дочка» три раза, «Дубровский» два раза, «Сказка о рыбаке и рыбке» также два раза. 190 произведений Пушкина вошло в различные тематические сборники, 143 было опубликовано в периодических изданиях и 807 вошло в собрания сочинений и сборники стихотворений.⁷

В 1945 году, сразу же после освобождения Венгрии, в Будапеште была издана «Антология русских поэтов» («Orosz költők antológiája»), где Пушкину отводится одно из первых мест. В переводе современного венгерского поэта Ене Дьёрди-Югаса здесь было опубликовано 63 стихотворения Пуш-

⁷ Все библиографические сведения об издании произведений Пушкина и литературы о нем в Венгрии за годы 1945—1950 взяты нами из книг: K o z o c s a S á n d o r é s R a d ó György. A szovjet népek irodalmának magyar bibliográfiája. 1945—1949. Budapest, 1950; K o z o c s a S á n d o r é s R a d ó György. A szovjet népek irodalmának magyar bibliográfiája. 1950. Budapest, 1952. Сведения за 1951—1952 годы заимствованы из рукописной пушкинской библиографии, составленной по просьбе Института русской литературы Академии Наук СССР сотрудниками Документационного центра по истории литературы при Академии наук Венгрии (Irodalomtörténeti Dokumentációs Központ). Институт русской литературы выражает свою глубокую благодарность Документационному центру и его директору, члену-корреспонденту Академии наук Венгрии д-ру Тибору Кардошу.

кина. В 1947 году в антологии «Сокровищница русской литературы» («Az orosz irodalom kincsesháza») публикуется 28 произведений Пушкина, а в сборнике «Русские поэты» («Orosz költők») еще 18 стихотворений в переводе Шаролты Лани и Анатоля Гидаш.

В 1947—1948 годах в двух томах сборника «Наши вечные друзья» («Ögök barátaink») в переводе Леринца Сабо было напечатано 33 стихотворения Пушкина.

В 1952 году в книге «Избранные переводы Гейза Кепеш» («Képes Géza válogatott műfordításai», Будапешт), было помещено 13 переводов стихотворений Пушкина.

Значительное место отводится произведениям Пушкина в венгерской периодической печати. Публикация стихов, поэм, сказок и повестей Пушкина на страницах газет и журналов лучше всего свидетельствует о популярности произведений Пушкина не только в кругу венгерской интеллигенции, но и среди широких масс венгерских трудящихся.

В 1945 году в периодических изданиях были опубликованы: «Зима. Что делать нам в деревне?», «На холмах Грузии лежит ночная мгла», «Поэту», «Румяный критик мой», «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

В 1946 году: «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Вакхическая песня», «Во глубине сибирских руд», «Деревня», «Евгений Онегин» (отрывок), «Если жизнь тебя обманет», «Зимняя дорога», «Пиковая дама», «Поэту» (2 раза), «Туча», «Узник», «Умолкну скоро я!.. но если в день печали», «Цыганы», «Эхо».

В 1947 году: «Виноград» (2 раза), «Во глубине сибирских руд» (3 раза), «Гробовщик», «Деревня», «Дубровский» (отрывок), «Евгений Онегин» (отрывки, 2 раза), «Зимнее утро», «Метель», «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением», «Няне», «Он между нами жил», «Отцы пустынноики и жены непорочны», «Поэту», «Птичка», «Румяный критик мой, насмешник толстопузый», «Руслан и Людмила» (отрывок), «Сказка о золотом петушке», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «Цветок», «Цыганы» (отрывок), «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (3 раза).

В 1948 году: «Виноград», «Выстрел», «Деревня», «Капитанская дочка» (отрывок), «Няне», «Птичка», «Узник», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (2 раза).

В 1949 году: «Анчар», «Бахчисарайский фонтан», «Бесы», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Виноград», «Вновь я посетил» (2 раза), «Во глубине сибирских руд» (4 раза), «Гробовщик», «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем» (5 раз), «Деревня» (5 раз), «Евгений Онегин» (отрывок), «Если жизнь тебя обманет», «Ех ungue leonem» (2 раза). «Заклинание», «Зимнее утро», «Зимняя дорога», «История стихотворца», «Кавказ», «Капитанская дочка» (отрывки), «Кирджали», «К морю», «К ней», «К Чаадаеву», «Леда», «Mon portrait», «Моя родословная», «На Александра I», «Няне» («Подруга дней моих суровых...»; 2 раза), «Полтава» (отрывок), «Пора, мой друг, пора, покоя сердце просит», «Предчувствие», «Пророк», «Свободы сеятель пустынный» (2 раза), «Узник», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» (5 раз).

В 1950 году: «Во глубине сибирских руд» (2 раза), «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем» (2 раза), «Деревня» (2 раза), «Евгений Онегин» (отрывок), «Капитанская дочка» (отрывки), «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»), «Метель», «Он между нами жил», «Путешествие в Арзрум», «Свободы сеятель пустынный», «Цветок», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

В 1951 году: «В Академии наук», «Всё в жертву памяти твоей», «Во глубине сибирских руд», «Гробовщик», «Деревня», «Евгений Онегин» (отрывок «Москва»), «Ех ungue leonet», «К Чаадаеву», «Отцы пустынноики и жены непорочны», «Птичка», «Сказка о золотом петушке», «Туча», «Я думал, сердце позабыло», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

В 1952 году: «Зимнее утро», «Mon portrait», «Сказка о золотом петушке».

Венгерская общественность широко отмечала 150-летие со дня рождения Пушкина. Прибывший в СССР на празднование пушкинского юбилея председатель Союза писателей Венгерской Народной Республики Шандор Гергель в своей речи, произнесенной в городе Пскове в июне 1949 года во время юбилейных торжеств, говорил, между прочим:

«Для нас, венгров, творчество Пушкина особенно дорого. . . Вместе с победоносной Советской Армией к нам пришел и Пушкин. Венгерские рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция за эти годы узнали Пушкина больше, чем за все предшествующие десятилетия, и полюбили его».⁸

Проведение пушкинского юбилея в Венгрии явилось подлинным апофеозом славы великого русского поэта. Перед пушкинскими днями была создана общегосударственная комиссия по организации юбилейных пушкинских торжеств в Венгрии. Празднества открылись большим концертом в городском театре. В Национальном музее в Будапеште была организована пушкинская выставка. Выставка на тему «Пушкин в Венгрии» была открыта также в будапештской городской библиотеке.

Проведение пушкинского юбилея приняло в Венгрии массовый характер. В юбилейные дни вечера, посвященные памяти великого русского поэта, были организованы на заводах, в клубах, школах и многочисленных учреждениях. Оперный театр в Будапеште устроил торжественные представления опер «Борис Годунов» и «Пиковая дама», будапештская радиостанция подготовила специальную праздничную программу.

Юбилей Пушкина был отмечен также присвоением одной из центральных улиц столицы имени Пушкина.

Многочисленные отклики на пушкинский юбилей появились в венгерской печати.

Произведения Пушкина и статьи о нем были помещены в 35 периодических изданиях. Некоторые журналы и газеты посвятили Пушкину специальные выпуски. В ходе подготовки к юбилею появились новые талантливые переводы Пушкина.

В предъюбилейные дни в Будапеште был издан «Эстрадный сборник. Материал для программ» («Puskin. Műsoranyag»), целиком составленный из произведений Пушкина.⁹

2 июня 1949 года в Будапеште вышли в свет «Избранные сочинения» Пушкина под редакцией Андора Габора и Эндре Гашпара с предисловием Д. Д. Благого и вступительной статьей («Жизнь и творчество Пушкина») Эндре Гашпара. Это издание является важнейшим в истории венгерских пушкинских изданий. В двух томах «Избранных сочинений» было опубликовано 363 произведения Пушкина, причем 140 из них было впервые переведено в демократической Венгрии. Большинство известных венграм произведений

⁸ А. С. Пушкин. 1799—1949. Материалы юбилейных торжеств. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1951, стр. 351, 352.

⁹ Содержание сборника: «Борис Годунов» (отрывок), «Во глубине сибирских руд», «Ворон к ворону летит», «Гречанка верная! не плачь, — он пал героем», «Евгений Онегин» (отрывок), «Кавказ», «К Чаадаеву», «Телега жизни», «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Пушкина было заново переведено для этого издания. Вместе с тем здесь печатаются лучшие из старых венгерских переводов Пушкина. Так, например, «Евгений Онегин» в этом издании печатается в переводе Кароля Берци. Перевод Берци в свое время был сделан так тщательно и с таким мастерством, что до настоящего времени остается лучшим пушкинским переводом на венгерский язык.¹⁰

Издание сопровождается пространными примечаниями, в которых даются не только сведения, необходимые для понимания возникновения и смысла произведений Пушкина, но также приводятся часто и более ранние переводы этих произведений на венгерский язык.

Помимо произведений Пушкина, в издание включены материалы, относящиеся к его биографии (заметки врача Пушкина доктора Спасского, письмо Д'Аршиака к Вяземскому от 1/13 февраля 1837 года, письмо Данзаса к Вяземскому от 6 февраля 1837 года). Появление «Избранных сочинений» явилось значительным событием в культурной жизни Венгрии. В венгерских газетах и журналах было опубликовано одиннадцать отзывов на это издание, и меньше чем через полгода оно было переиздано.

Помимо юбилейного издания сочинений Пушкина, в 1949 году в Бухаресте был издан сборник стихотворений Пушкина на венгерском языке.¹¹ Все стихотворения, помещенные в этом сборнике, переведены поэтом Геза Лайта.

В 1951 году сборник избранных стихотворений Пушкина вышел в Будапеште (A. Sz. P u s k i n. Válogatott versei. Изд. «Uj Magyar Könyvkiadó», Budapest, 1951, 86 стр.). В сборник вошло пятьдесят стихотворений и отрывков из поэм. Большинство из них было перепечатано из юбилейного издания сочинений, и только некоторые были опубликованы в других переводах.

Интерес к творчеству Пушкина в Венгрии не ограничивается лишь переводами его произведений. О жизни и творчестве Пушкина только за последние восемь лет было напечатано 209 статей в различных сборниках, журналах и газетах. Это почти в два с половиной раза больше, чем за предыдущие 117 лет. Большая часть работ о Пушкине, изданных в Венгрии с 1945 по 1952 год, приходится на юбилейный 1949 год. Изучение творчества Пушкина венгерскими литературоведами и критиками в последнее время ведется весьма интенсивно.

За последние годы тематика литературоведческих работ о Пушкине в Венгрии значительно изменилась. В старой Венгрии знали биографию поэта, высоко ценили художественное мастерство пушкинских стихов и прозы. Творчество Пушкина для венгров было примером в борьбе за национальную, народную литературу. Знаатоки народного творчества, венгерские критики ценили народность искусства Пушкина. Но далеко не всегда в работах буржуазных венгерских ученых освещалось истинное значение Пушкина, поэта-борца, боровшегося с самодержавием и ставшего его жертвой. Шандор Гергель во время своего пребывания в Советском Союзе в дни пушкинского юбилея 1949 года писал, что в течение многих десятилетий Пушкин был известен венгерским читателям прежде всего как «певец любви и иронический наблюдатель великосветской жизни».¹²

Свободная печать народной демократической Венгрии получила возможность раскрыть перед венгерскими читателями подлинное значение русской литературы — носительницы передовых освободительных идей, показать ее революционные традиции.

¹⁰ В 1953 году в Венгрии проводился конкурс на лучший перевод „Евгения Онегина“. Результаты конкурса нам неизвестны.

¹¹ P u s k i n. Versek. Bukarest, 1949, 23 стр.

¹² „Правда“, 1949, № 157, 6 июня.

В 1949 году Геца Кепеш составил сборник стихов русских поэтов от Пушкина до К. Симонова с характерным заглавием, заимствованным из стихотворения Пушкина: «Свободы сеятели». ¹³ В сборник вошли стихи русских и советских поэтов, посвятивших свое творчество борьбе за свободу и мир. Первым в ряду поэтов-борцов стоит имя Пушкина. ¹⁴

Литературоведы современной Венгрии, раскрывая в своих работах высокое художественное мастерство Пушкина, его реализм и глубокую народность, в то же время знакомят широкие круги венгерских читателей с политическими воззрениями великого поэта — противника самодержавия и глашатая освободительных идей.

Свободолюбие Пушкина, его подлинный гуманизм, вера в человека и народность роднят творчество великого русского поэта с творчеством величайшего поэта Венгрии и героя освободительной борьбы — Шандора Петефи. Поэтому так часто в венгерской печати мы встречаем сопоставление имен Пушкина и Петефи. Венгры называют Пушкина «русский Петефи», «революционер» и в сопоставлении этих имен видят символ неразрывной связи между культурами русского и венгерского народов. «Пусть способствуют нашему развитию Пушкин на венгерском и Петефи на русском языках», — пишет Мартон Хорват. ¹⁵

С каждым днем расширяются и углубляются работы венгерских литературоведов в области изучения связей и влияния русской литературы на венгерскую. В венгерской печати появляются работы, посвященные изучению Пушкина в Венгрии, анализу переводов произведений Пушкина, обзорам венгерских пушкинских изданий, влиянию Пушкина на отдельных представителей венгерской литературы. Так, например, за последние годы в Венгрии были опубликованы две работы о влиянии Пушкина на популярного венгерского писателя Мора Йокая (1825—1904), переводчика Пушкина и автора романа «Свобода под снегом или Зеленая лампа», одним из героев которого является Пушкин. Несмотря на фактические ошибки в биографии Пушкина, роман Йокая в 1949 году был переиздан, а отрывки из него печатались в периодических изданиях. Это еще раз свидетельствует о большом интересе широких кругов венгерских читателей к жизни и творчеству Пушкина.

Изучая творчество великого русского поэта, венгерские литературоведы основываются на лучших достижениях досоветского пушкиноведения и творческом опыте советских исследователей Пушкина.

В 1949 году в венгерских газетах были опубликованы высказывания русских писателей о Пушкине. ¹⁶ Специальная статья знакомила венгерских читателей с критическими взглядами В. Г. Белинского на творчество Пушкина. ¹⁷ В 1951 году в Будапеште отдельным изданием вышли статьи Белинского о Пушкине в переводе Д. Лукач.

¹³ Képes Géza. A szabadság magvetői. Puskintól Szimonovig. Versfordítások „Révai“, Budapest, 1949, 120 стр.

¹⁴ В сборник вошли следующие стихотворения Пушкина: „Во глубине сибирских руд“, „Деревня“, „Делибаш“, „Зимнее утро“, „Обвал“, „Бесы“, „Поэту“, „Предчувствие“, „На холмах Грузии“, „Свободы сеятель пустынный“, „Он между нами жил“, отрывок из поэмы „Цыганы“, „Я памятник себе воздвиг нерукотворный“.

¹⁵ Приведенные слова являются названием одной из статей Хорвата (Horváth Márton. A magyar nyelvű Puskin és az orosz nyelvű Petőfi egyengesse utunkat. В газете: „Szabad nép“, 1949, № 128).

¹⁶ Az orosz irodalom klasszikusai Puskinról [Классики русской литературы о Пушкине]. „Népszava“, 1949, № 130; другая статья с тем же названием была напечатана в газете „Új Szó“, 1949, № 57; „Az orosz irodalom nagyjai Puskinról“ [Великие представители русской литературы о Пушкине]. „Politika“, 1949, № 22; „Nagy orosz írók Puskinról“, [Великие русские писатели о Пушкине]. „Debrecen“, 1949, № 132.

¹⁷ „Bjelinszkij Puskinról“ [Белинский о Пушкине]. „Politika“, 1949, № 29.

На венгерский язык были переведены также исследования и статьи о Пушкине советских ученых и писателей: В. Вересаева, Д. Д. Благого, А. М. Еголина, К. М. Симонова, А. А. Фадеева.¹⁸

Значительный интерес у венгерских читателей вызывают переводы посвященных Пушкину художественных произведений. Стихотворения Лермонтова («На смерть поэта»), Некрасова (отрывок о Пушкине из поэмы «Русские женщины»), Тютчева («На кончину Пушкина»), В. Инбер (отрывок о Пушкине из поэмы «Пулковский меридиан»), роман Тынянова «Кюхля» — были изданы в Венгрии в последние годы.

В результате большой работы венгерских литературоведов, писателей и поэтов творческое наследие Пушкина стало достоянием венгерских трудящихся.

Поэтические слова Пушкина помогает венгерским писателям полнее раскрыть образы людей своего народа, совершенствовать мастерство, обогащать лучшие традиции своей культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ КНИГ И СТАТЕЙ О ПУШКИНЕ, ВЫШЕДШИХ НА ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ В 1945—1952 ГОДАХ¹⁹

- Angyal Endre. Puskin költészete [Поэзия Пушкина]. — Dunántúl, 1949, стр. 169—179.
 Antal Gábor. Puskin, az orosz Petőfi [Пушкин — русский Петефи]. — В журнале: Színház és mozi, 1949, № 22.
 A Puskin Múzeumban [В Пушкинском музее]. — В газете: Magyar nemzet, 1950, № 1.
 A Puskinói országúton [По дороге в г. Пушкин]. — В журнале: Független Magyarország, 1949, № 23.
 A szabadság és emberiség költője [Поэт свободы и гуманности]. — В журнале: Új világ, 1949, № 22.
 Az Anyégin költője [Автор «Онегина»]. — В газете: Szabadság, 1946, № 122.
 Balczky Emil. A szabadság dalnoka [Певец свободы]. — В газете: Magyar radio, 1951, № 16.
 (b [a r á t] e [ndre]). Puskin [Пушкин]. — В журнале: Irodalmi szemle, 1947, № 3.
 Bécsi Tamás. A két Tatjana [Две Татьяны]. — В журнале: Tiszatáj, 1949, стр. 137—148.
 Benedek Marcell. Puskin születésének 150 éves fordulójára [В дни 150-й годовщины рождения Пушкина]. — Új idők, т. I, 1949, стр. 225—227.
 Bérczy Károly. Előszó [Предисловие к «Евгению Онегину»]. — В книге: Puskin A. Anyégin Eugén [Пушкин А. Евгений Онегин]. Budapest, „Franklin“, 1949, стр. 5—9.

¹⁸ Vereszájev V. Puskin élete [В. Вересаев. Пушкин в жизни], изд. „Athenaeum“, Budapest, 1949, 156 стр.; Weressajew W. Puskin halála [В. Вересаев. Смерть Пушкина]. „Új Idők“, т. I, 1949, стр. 159—160; Blagoi D. Nagy nemzet nagy költője [Д. Д. Благой. Великий поэт великой нации]. „Utunk“, 1949, № 12; Д. Д. Благой. Предисловие к венгерскому изданию сочинений Пушкина — Puskin. Válogatott művei, т. I. Budapest, 1949, стр. V—VIII; Blagoi D. A. Sz. Puskin. [Д. Д. Благой, А. С. Пушкин]. Budapest, 1952, 89 стр.; К. М. Симонов. Предисловие к румынскому изданию стихотворений Пушкина на венгерском языке — Puskin. Versek. Bukarest, 1949, стр. 5—37; Jegolin. Puskin [А. М. Еголин. Пушкин]. Budapest, 1950, 60 стр.; К. М. Симонов. Beszéde [К. М. Симонов. Александр Сергеевич Пушкин. Доклад на торжественном заседании в Большом театре СССР 6 июня 1949 года]. В книге: A 150 éves Puskin. Изд. „Szikra“, Budapest, 1949, стр. 10—51; А. А. Фадеев. Beszéde [А. А. Фадеев. Светлый и всеобъемлющий гений. Речь на торжественном заседании в Большом театре СССР 6 июня 1949 года]. В книге: A 150 éves Puskin, Изд. „Szikra“, Budapest, 1949, стр. 5—9; А. А. Zsdanov. Egész oroszország él egy költőben [А. А. Жданов. Вся Россия в одном поэте]. Изд. „Forum“, 1949, стр. 547—552.

¹⁹ Составлена по материалам, предоставленным Институтом русской литературы (Пушкинскому Дому) Академии Наук СССР Документационным центром по истории литературы (Irodalomtörténeti Dokumentációs Központ) при Академии наук Венгерской Народной Республики.

- [Bérczy Károly]. Puskin Sándor. Irodalomtörténeti és életrajzi vázlat [Александр Пушкин. Литературно-биографический очерк]. — В книге: Puskin A. Anyégin Eugén. [Пушкин А. Евгений Онегин]. Budapest, „Franklin“, 1949, стр. 10—20.
- Bóka László. Puskin — év [Пушкинский год]. — В журнале: Képes figyelő, 1949, № 8.
- Csanádi Imre. „Nevemet ismeri Oroszhoz messzi tája. . .“ [„Слух обо мне пройдет по всей Руси великой. . .“]. — В газете: Magvető, 1949, № 24.
- Ék Sándor. Puskin halhatatlan [Пушкин бессмертен]. — Új idők, 1946, стр. 54.
- Eldördült az első lövés [Раздался первый выстрел]. — В газете: Hírlap, 1949, № 134.
- Endre Károly. Puskin délen [Пушкин на юге. Стихи]. В газете: Utunk, Kolozsvár, 1949, № 12.
- Erdődi József. Puskin [Пушкин]. — В газете: Délmagyarország, Szeged, 1948, № 276.
- Erdődi József. Puskin — a politikus költő [Пушкин — поэт-политик]. — В журнале: Tiszatáj, 1949, стр. 91—100.
- Faludy György. Puskin [Пушкин]. — Új idők, 1946, стр. 4—5.
- Felkai Ferenc. Puskin [Пушкин]. — В журнале: Képes figyelő, 1949, № 23.
- Féltékenység [Ревность]. — В газете: Magyar rádió, 1946, № 24.
- Folyó ének Puskin leszármazottai a Szovjet-únióban [Как потомки Пушкина живут в Советском Союзе]. — В газете: Szabad szó, 1949, № 186.
- Földényi József. Puskin [Пушкин]. — Új idők, т. I, 1949, стр. 353.
- (Földényi) [Ervin]. Puskin [Пушкин]. — В журнале: Színház és mozi, 1950, № 5.
- G. V. Puskin és Gorkij orosz és magyar nyelven [Пушкин и Горький на русском и венгерском языках]. — В газете: Új szó, 1946, № 153.
- Gál Gábor. Puskin és a realizmus [Пушкин и реализм]. — В газете: Utunk, Kolozsvár, 1949, № 13.
- Gábor Andor. Puskin [Пушкин]. — В журнале: Forum, 1949, стр. 553—555.
- Gábor Andor. . . Puskin halálának száztiz éves fordulójára [К 110-й годовщине смерти Пушкина]. — В газете: Nagyvilág, 1947, № 4.
- [Gáldi László]. A szabadság költője [Поэт свободы]. — В журнале: Dolgozók világglarja, 1947, № 3.
- Gáspár Endre. Puskin élete és művei [Жизнь и творчество Пушкина]. — В книге Puskin. Válogatott művei [Пушкин. Избранные произведения], т. I, Budapest, „Szikra“ és „Új magyar könyvkiadó“, 1949, стр. IX—XL.
- Godolák Lajos. Puskin [Пушкин]. — В газете: Magyar nemzet, 1949, № 130.
- Görög Imre. Puskin [Пушкин]. — В журнале: Huszadik század, 1949, стр. 115—116.
- Grandkovskaja I. Látogatás Puskin 82 éves unokájánál. [В гостях у 82-летнего внука Пушкина]. — В газете: Világosság, 1949, № 158.
- Gyárfás Miklós. Puskin [Пушкин]. — В газете: Haladás, 1949, № 8.
- 1837-es magyar lapjelentés „egy Puskin nevű orosz író tragikus haláláról“ [Венгерское газетное сообщение 1837 года „о трагической смерти русского писателя Пушкина“]. — В газете: Világosság, 1949, № 119.
- Hámory Zoltán. . . halálának száztiz éves fordulójára [К 110-й годовщине смерти Пушкина]. — В газете: Nagyvilág, 1947, № 4.
- Három milliónál több Puskin-könyv jelenik meg a Szovjetunióban [В СССР выпущено больше чем 3 миллиона экземпляров произведений Пушкина]. — В газете: Hírlap, 1949, № 125.
- Hatvan Lajos. Anyegin olvasásakor. H. barátomhoz [Читая Онегина. К моему другу Х. Стихи]. — В газете: Politika, 1949, № 23.
- Hegeős Géza. Puskin [Пушкин]. — В журнале: Új világ, 1949, № 22.
- Horváth Márton. A maganyelvű Puskin és az orosznyelvű Petőfi egyengesse utunkat [Пусть способствуют нашему развитию Пушкин на венгерском и Петефи на русском языках]. — В газете: Szabad nép, 1949, № 128.
- Horváth Márton. Puskin [Пушкин]. — В журнале: Csillag, 1949, № 19.
- Horváth Márton. Puskin [Пушкин]. — В сборнике: Petőfi. Cikkék és tanulmányok gyűjteménye. Budapest, „Szikra“, 1950, стр. 101—117.
- Illés Béla. Puskin-gyalázás [Оскорбление Пушкина]. — В газете: Új szó, 1946, № 8.
- Illés Béla. Puskin — harcok társunk [Пушкин — наш боевой товарищ]. — В газете: Szabad nép, 1949, № 130.
- Jókai Mór. Az, aki szellemeket eszik Regényrészlet [Пожиратель духов (отрывок из романа „Свобода под снегом“)]. — В сборнике: Puskin. Műsoranyag [Пушкин. Эстрадный сборник]. Budapest, 1949, стр. 13—15.
- Jókai Mór. Puskin harca a cári cenzurával [Борьба Пушкина с царской цензурой (отрывок из романа Йокай Мора „Свобода под снегом“)]. — В газете: Új szó, Pozsony, 1949, № 47.
- Jókai Mór. Szabadság a hó alatt. Regény. Új kiadás [Свобода под снегом. Роман. Новое издание]. Budapest, „Révai“, 1949, 386 стр.

Отзыв: Világ, 1949, № 1200.

- Kardos László. Puskin. [Пушкин]. — В книге: P u s k i n, Válogatott versei [Пушкин, Избранные стихотворения]. Budapest, „Új Magyar könyvkiadó“, 1951.
- Kardoss Tilda. Amikor a költő rajzol [Когда поэт рисует]. — В газете: Jövendő, 1947, № 25.
- Kardoss Tilda. Puskin, a rajzoló [Пушкин рисует]. — Új idők, т. I, 1949, стр. 343.
- K[ardoss] T[ilda?]. Puskin dajkája [Няня Пушкина]. — Új idők, т. I, 1949, стр. 398.
- K[árpát]i A[urél]. Puskin [Пушкин]. — В газете: Jövendő, 1946, № 1.
- Katona Jenő. Anyegin Eugen [Евгений Онегин]. — В газете: Kis újság, 1952, № 13.
- Katona Jenő. Puskin. [Пушкин]. — В газете: Hírlap, 1949, № 124.
- Katona Jenő. Puskin születésének százötvenedik évfordulójára [К 150-й годовщине рождения Пушкина]. — В журнале: Független Magyarország, 1949, № 8.
- k[elemen] i[ános]. Kelet-Európa költői [Поэты Восточной Европы]. — В газете: Szabad szó, 1949, № 7.
- Kéres Géza. Irodalmi babonák [Литературные суеверия]. — Magyarok, 1949, стр. 88—89.
- Kéres Géza. A. Sz. Puskin [A. C. Пушкин]. — В книге: Kéres Géza. Válogatott műfordításai. Budapest, „Szépirodalmi könyvkiadó“, 1952, стр. 368—369.
- Kéres Géza. Puskin. Megemlékezés születésének 150 évfordulóján [Пушкин. Воспоминания в связи с 150-й годовщиной со дня его рождения]. — В журнале: Köznevelés, 1949, стр. 285—286.
- Kéres Géza. Puskin és a színpad [Пушкин и театр]. — В журнале: Pesti műsor, 1949, № 23.
- Keresztury Dezső. Puskin és a magyar olvasó [Пушкин и венгерский читатель]. — В журнале: Irodalom — Tudomány, 1946, № V, стр. 5—10.
- То же. — В журнале: Új Magyarország, 1946, № 24.
- Keszi Imre. Puskin [Пушкин]. — В газете: Magyar rádió, 1949, № 23.
- Kínai író cikke Puskinról [Статья китайского писателя о Пушкине]. — В газете: Világosság, 1949, № 161.
- Komlós Aladár. Puskin és a magyar irodalom [Пушкин и венгерская литература] — В газете: Népszava, 1949, № 124.
- Koncsalovszki Péter. Puskin [Rajz] [Пушкин. Очерк]. — Szivárvány, 1946, № 1.
- Kósa János. Puskin [Пушкин]. — В газете: Demokrácia, 1946, № 7.
- Kosztolányi Dezső. Puskin [Пушкин]. — В журнале: Irodalom — Tudomány, 1945, № 1, стр. 95.
- Kristóf Károly. Északi fény. A magyar Puskin-könyvek nyomában [Северное сияние. Среди венгерских изданий Пушкина]. — В газете: Világ, 1949, № 1195.
- Külföldi írók Beszédeiből a Szovjetunió Tudományos Akadémiájának ülésén [Из речей иностранных писателей на заседании Академии Наук СССР]. Переводчик Losonczy János. — В книге: A 150 éves Puskin. Budapest, „Szikra“, 1949, стр. 57—61.
- Losonczy Géza. Lenin és Puskin [Ленин и Пушкин]. — В газете: Hírlap, 1949, № 125.
- Lukács György. Borisz Godunov [Борис Годунов]. — В сборнике: Nagy orosz realisták. Kritikai realizmus [Великие русские реалисты. Критический реализм]. Budapest, „Szikra“, 1951, стр. 59—74.
- Lukács György. Puskin [Пушкин]. — В газете: Új szó, 1946, № 168.
- Lukács György. Puskin. Borisz Godunov [Пушкин. Борис Годунов]. — В сборнике: Nagy orosz realisták [Великие русские реалисты] 2, javított és bővített kiadás, Budapest, „Szikra“, 1949, стр. 19—32.
- Lukács György. Puskin helye a világirodalomban [Место Пушкина в мировой литературе]. — В журнале: Forum, 1949, стр. 792—810.
- Lukács György. Puskin helye a világirodalomban [Место Пушкина в мировой литературе]. — В сборнике: Nagy orosz realisták. Kritikai realizmus [Великие русские реалисты. Критический реализм]. Budapest, „Szikra“, 1951, стр. 25—58.
- Madarász Emil. Puskin Alexander Szergejevics [Александр Сергеевич Пушкин]. — В газете: Új szó, 1947, № 33.
- Máthé-Haupt György. Puskin hatása a magyar társadalmi gondolkodás és irodalom fejlődésére a XIX század második felében [Влияние Пушкина на развитие общественной мысли и литературы во второй половине XIX века]. — В книге: Irodalomtörténet, 1949, стр. 59—76.
- Mátrai-Betegh Béla. Anyegin [Онегин]. — В газете: Hírlap, 1949, № 121.
- Murányi-Kovács Endre. A tökéletes orosz [Совершенный русский человек]. — В газете: Jövendő, 1946, № 40.
- Nógrádi László. Puskin ünneplése [Пушкинский юбилей]. — В журнале: Huszadik század, 1949, стр. 294—296.
- ó-i. Puskinról [О Пушкине]. — В газете: Kis újság, 1950, № 264.
- Ország László. Puskin megtalálta az utat a néphez. . . [Пушкин нашел путь к народу]. — В газете: Debrecen, 1949, № 144.

- Pánczél Lajos. A költő halála [Смерть поэта. Рассказ]. — В газете: Kis újság, 1949, № 131.
- Pánczél Lajos. Alexander Szergejevics [Александр Сергеевич. Рассказ]. — В газете: Jövendő, 1946, № 12.
- Passuth László. Puskin varázsa [Чары Пушкина]. — В газете: Magyar nemzet, 1949, № 78.
- Polgár István. Puskinhoz. Vers [К Пушкину. Стихи]. — В журнале: Új világ, 1949, № 24.
- Alexandr Puskin [Александр Пушкин]. — Jószoomszédság nagy partára, 1948, стр. 44.
- Puskin [Пушкин]. — В журнале: Dolgozók világlapja, 1949, № 23.
- Puskin [Пушкин]. — В журнале: Irodalom — Tudomány, 1945, № 1, стр. 95.
- Puskin [Пушкин]. — В журнале: Köznevelés, 1949, стр. 306.
- Puskin [Пушкин]. — В газете: Magyar nemzet, 1946, № 124.
- Puskin [Пушкин]. — В газете: Politika, 1949, № 31.
- Puskin [Пушкин]. — В газете: Szabad szó, 1949, № 130.
- Puskin [Пушкин]. — В газете: Szabad szó, 1948, № 298.
- Puskin [Пушкин]. — Színház és mozi, 1949, № 22.
- Puskin [Пушкин]. — Új idők, 1946, стр. 560.
- Puskin [Пушкин]. — В газете: Új szó, 1948, № 32.
- Puskin [Пушкин]. — В газете: Utunk, Kolozsvár, 1949, № 12.
- Puskin [Пушкин]. — В газете: Világ, 1949, № 1194.
- Puskin [Пушкин]. — В газете: Világosság, 1949, № 123.
- Puskin a Bábszínházban [Пушкин в кукольном театре]. — В газете: Szabad nép, 1948, № 292.
- Puskin a forradalom költője [Пушкин — поэт революции]. — В газете: Szabad szó, 1949, № 30.
- Puskin — a nép költője [Пушкин — поэт народа]. — В газете: Művelődési útmutató, Budapest, 1949, № 6.
- Puskin, a szabadság költője [Пушкин — поэт свободы]. — В газете: Magyar rádió, 1947, № 6.
- Puskin, az emberiség költője [Пушкин — поэт человечества]. — В сборнике: Puskin. Musoranyag [Пушкин. Эстрадный сборник]. Budapest, 1949, стр. 2—6.
- Puskin élete [Жизнь Пушкина]. — В газете: Kis újság, 1949, № 128.
- Puskin és a dekabristák. Költői üzenetváltása [Пушкин и декабристы. Обмен поэтическими посланиями поэтов]. — В газете: Jövendő, 1947, № 17.
- Puskin és a népköltészet [Пушкин и народная поэзия]. — В газете: Szabad szó, 1949, № 130.
- Puskin és Jókai [Пушкин и Йокай]. — В газете: Debrecen, 1949, № 130.
- Puskin és Jókai [Пушкин и Йокай]. — В газете: Világosság, 1949, № 124.
- Puskin és Mickiewicz [Пушкин и Мицкевич]. — В газете: Politika, 1949, № 14.
- Puskin-est [Вечер памяти Пушкина]. — В газете: Új szó, 1946, № 127.
- Puskin halála [Смерть Пушкина]. — В газете: Hírlap, 1947, № 24.
- Puskin halálának évfordulója [Годовщина смерти Пушкина]. — В газете: Népszava, 1951, № 34.
- Puskin — Magyarországon [Пушкин в Венгрии]. — В газете: Szabad szó, 1949, № 130.
- Puskin magyarul [Пушкин на венгерском языке]. — В газете: Esti Szabad szó, 1949, № 122.
- Puskin nőalakjai [Женские образы в произведениях Пушкина]. — В газете: Politika, 1949, № 25.
- Puskin rokonai Magyarországon [Родственники Пушкина в Венгрии]. — В газете: Politika, 1949, № 12.
- Puskin sírjánál [У могилы Пушкина]. — В журнале: Új világ, 1949, № 6.
- Puskin születésének évfordulójára [Годовщина рождения Пушкина]. — В газете: Szabad nép, 1945, № 227.
- Puskin születésének 150 éves évfordulója [150-я годовщина рождения Пушкина]. — В журнале: Corvina, 1949, № 20.
- Puskin születésének 150 évfordulójára [150-я годовщина рождения Пушкина]. — В газете: Népszava, 1949, № 45.
- Puskin ünnepi a Szovjetunió [Пушкинский юбилей в СССР]. — В журнале: Köznevelés, 1949, стр. 339.
- Puskin-ünnepségek [Пушкинские празднества]. — В газете: Kis újság, 1950, № 27.
- Puskin ünnepségek a Szovjetunióban [Пушкинские празднества в Советском Союзе]. — В газете: Új szó, Pozsony, 1949, № 56.
- Puskin-utca Budapest [Улица Пушкина в Будапеште]. — В газете: Hírlap, 1949, № 119.
- R. Gy. I. Az orosz Petőfi 110 év távlatából [Русский Петефи — с точки зрения сегодняшнего дня]. — В журнале: Színház, 1947, № 7.
- Radó György. Puskin és az orosz mese [Пушкин и русская сказка]. — В газете: Hírlap, 1947, № 214.
- Rexa Dezső. Ajánló strófa Puskin „Anyégin“-jéhez [Vers]. [„Онегин“. Стихи]. — В газете: Hírlap, 1949, № 138.

- Rozványi Vilmos. Lírai sétá a Puskinemlékkiállításon [Лирическая прогулка по Пушкинской выставке]. — В газете: Kis újság, 1949, № 134.
- Ruffy Péter. Puskin [Пушкин]. — В газете: Hírlap, 1949, № 43.
- s. Puskin ünnepekről [Пушкинские празднества]. — В газете: Magyar nemzet, 1950, № 24.
- s. k. Puskin magyarul [Пушкин на венгерском языке]. — Jövendő, 1946, № 22.
- Sas Ákos. Az élő Puskin [Живой Пушкин]. — В журнале: Haladás, 1949, № 22.
- Sas Andor. Puskin [Пушкин]. — В газете: Új szó, Pozsony, 1949, № 47.
- Sas Andor. Puskin hatása a magyar irodalmi műveltségre [Влияние Пушкина на венгерскую литературную образованность]. — В газете: Új szó, Pozsony, 1949, № 50.
- Sebestyén György. Költékről beszéltek. Könyvnapj i jegyzetek [Говорю о поэтах. Заметки в связи с Днем книги]. — В газете: Politika, 1949, № 23.
- Sós Endre. A forradalmár Petőfi és a forradalmár Puskin [Революционер Петефи и революционер Пушкин]. — В газете: Magyar nemzet, 1949, № 179.
- Sós Endre. Az igazi Puskin [Настоящий Пушкин]. — В журнале: Új élet, 1949, № 23. То же, отдельным изданием. Budapest, 1949, 27 стр.
- Sós Lajos. Alexandr Szergejevicsről emlékezünk [Об Александре Сергеевиче]. — В газете: Útunk, Kolozsvár, 1949, № 12.
- [Szabó Lőrinc]. Puskin [Пушкин]. — В книге: Örök barátaink, t. II, Budapest, „Egyetemi nyomda“, 1948, стр. 273.
- [Szabó Lőrinc]. Puskin [Пушкин]. — В книге: Szabó Lőrinc. Válogatott műfordításai. Budapest, „Franklin“, 1950, стр. 416—417.
- Szentimrei Jenő. Puskin, a szabadság magvetője [Свободы сеятель — Пушкин]. — В газете: Útunk, Kolozsvár, 1949, № 12.
- Sz Nagy Miklós. Puskin Magyarországon [Пушкин в Венгрии]. — В книге: Irodalomtörténet, 1949, стр. 238—241.
- Sznitko B. M. Puskin műveinek ismertetése a szovjet iskolákban [Изучение сочинений Пушкина в советских школах]. — Embernevelés, 1947, стр. 516—517.
- Szolnoki András. Puskin és Petőfi [Пушкин и Петефи]. — В газете: Népszava, 1948, № 95.
- Tamás Ernő. Puskin [Пушкин]. — В газете: Hírlap, 1949, № 78.
- (t[amás] e[rnő]). Puskin emlékkiállítás [a Nemzeti Múzeumban] [Выставка памяти Пушкина в Национальном музее]. — В газете: Kis újság, 1949, № 245.
- Thurzó Gábor. A Puskin-arckép [Пушкинский портрет]. — В журнале: Vigilia, 1949, стр. 431—437.
- „Tiszta hangom az orosz nép echo-ja volt“. Puskin élete [„Что чувства добрые я лирой пробуждал...“]. Жизнь Пушкина]. — В газете: Szabad nép, 1949, № 130.
- Tizenötezer oldalon tizenhat kötetben megjelent Puskin műveinek akadémiai kiadása [Вышло из печати академическое издание сочинений Пушкина в шестнадцати томах объемом в пятнадцать тысяч страниц]. — В газете: Világosság, 1950, № 31.
- 17 kiadást ért meg magyar nyelven az Anyegin [17 венгерских изданий Онегина]. — В газете: Világosság, 1949, № 129.
- Több mint 11 millió Puskin-kötetet ad ki a Szovjetunió a másfélszázados évfordulóra [В Советском Союзе издается больше чем 11 миллионов томов сочинений Пушкина к 150-й годовщине его рождения]. — В газете: Hírlap, 1949, № 118.
- Trencsényi-Waldapfel Imre. Puskin [Пушкин]. — В газете: Új szó, 1946, № 174.
- Trócsányi Zoltán. Puskin [Пушкин]. — В газете: Kis újság, 1949, № 130.
- Trócsányi Zoltán. Puskin és az orosz irodalmi nyelv [Пушкин и русский литературный язык]. — В журнале: Magyar nyelvőr, 1949, стр. 201—205.
- Trócsányi Zoltán. Puskin szerelmei [Любовные увлечения Пушкина]. — Szivárvány, 1946, № 3.
- Vajda György Mihály. Puskin [Пушкин]. — В книге: Utmutató városi előadók részére [Справочник для городских докладчиков], № 16, „Művelt nép“, 1952, стр. 36.
- van. Puskin-est [Вечер памяти Пушкина]. — Jövendő, 1946, № 23.
- Vas István. Az „Anyegin“ első két versszaka [Две первые строфы „Онегина“]. — В газете: Irodalmi újság, 1951, № 25.
- Veres Péter. Puskin — magyarul [Пушкин на венгерском языке]. — В журнале: Csillag, 1949, № 19.
- Vozári Dezső. Puskin, az orosz irodalom szellemi őre [Пушкин — духовный страж русской литературы]. — В газете: Jövendő, 1947, № 7.
- Zolnay Vilmos. [Puskin] [Пушкин]. — В газете: Magyar rádió, 1949, № 9.

С. С. ЛАНДА

А. С. ПУШКИН В ПЕЧАТИ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В 1949—1954 годах

Значение Пушкина в истории русско-польских культурных отношений исключительно велико. Друг декабристов и А. Мицкевича, Пушкин еще при жизни вошел в польскую культуру как гениальный русский поэт, отразивший в своем творчестве целый период исторического бытия своего народа. Имя Пушкина всегда было дорого передовым представителям польского общества, нередко становилось знаменем в их борьбе за революционные идеалы, являлось символом общности славянских культур. Деятельность польских переводчиков произведений Пушкина, не ослабевавшая даже в самых неблагоприятных условиях политического развития Польши, также свидетельствует о постоянной силе и жизненности интереса к его творчеству, всегда существовавшего в Польше.¹

Однако только в Польской Народной Республике были созданы условия для всестороннего изучения пушкинского наследия и наиболее полное его художественного усвоения. В наши дни уже можно говорить о подлинно всенародном признании в Польше творчества великого русского поэта. Интерес к Пушкину в Польской Народной Республике проявляется в самых разнообразных формах: переводы его произведений выходят в свет массовыми тиражами, драматургия поэта прочно вошла в репертуар польских театров, широко отмечаются по всей стране пушкинские юбилейные даты. В Польше выросла новая школа литературоведов-пушкинистов, плодотворно работающих над изучением его жизни и творческого наследия. Но особенно значительна неутомимая деятельность переводчиков русского поэта, благодаря которой польский читатель получил в настоящее время возможность читать почти все произведения Пушкина в полных, точных и художественных переводах на своем родном языке. С общей характеристики этих переводов мы и начнем наш обзор.²

1

Возрождение интереса польских поэтов и переводчиков к творчеству Пушкина в немалой степени связано с именем выдающегося деятеля польской литературы Юлиана Тувима. Последние десятилетия своей жизни (ум.

¹ См., например, брошюру, изданную к столетию со дня рождения Пушкина, «Русско-польские отношения и чествование поляками Пушкина» (СПб., 1899).

² Библиографические сведения о переводах произведений А. С. Пушкина и литературы о нем на польском языке до 1950 года взяты из книги: Marian Torgowski. Puszkina w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki, Państwowy instytut wydawniczy, Warszawa—Kraków, 1950. Сведения за 1950—1954 годы составлены на основе текущих библиографических обзоров, справочников и других изданий, но, по возможности, просмотрены de visu. Все библиографические данные сообщены в приложении к настоящему обзору; поэтому в тексте соответственные работы перечисляются лишь в необходимых случаях.

в 1953 году) он не только сам много трудился над переводами произведений Пушкина, но сумел увлечь своим примером и многих других поэтов и переводчиков. Первые переводы Ю. Тувима из Пушкина относятся еще к концу 20-х годов; в 1932 году он опубликовал полный перевод «Медного всадника», а в 1937 году «Лиру Пушкина» («Lutnia Puszkina»; в эти книгу включены многие лучшие образцы пушкинской лирики, мастерски воссозданные польской стихотворной речью. Незадолго до окончания второй мировой войны, в 1945 году, в Варшаве вышло в свет второе издание этой книги, ставшей для многих образцом переводческого искусства, проникновения в шедевры пушкинской поэзии. «Юлиан Тувим знал иностранные языки, любил поэзию Франции, Англии. Но его подлинной любовью была русская поэзия, — писал И. Эренбург в некрологе польского поэта. — Много лет своей жизни он посвятил трудной и высокой цели: перевести стихи Пушкина на язык Мицкевича. Близость языков не уменьшает, а увеличивает трудности. Но Тувим победил. Когда он читал свои переводы, слышен был ритм „Медного всадника“».³

Действительно, в переводах Тувима пушкинская поэзия в польской литературе впервые после Мицкевича была воссоздана с таким мастерством. Хотя сам Тувим очень строго оценивал свои переводы, многие из них являются настоящими шедеврами художественного воплощения русской поэзии на польском языке. В «Медном всаднике», например, несмотря на специфические особенности польского силлабического стиха, располагающего ограниченным числом мужских рифм, Тувим сумел все же передать энергический характер пушкинского ямба, сохранив при этом почти все мужские рифмы и, что особенно трудно, стараясь при этом воспроизвести даже интонации пушкинского стиха и его звуковые сочетания:

Na brzegu, nad pustkowieм fal,
Stał ON — i z wielką patrzył w dal
Zadumą. Przed nim — toń rozległa
Spienionej rzeki. Nędzna łódź
Samotnie z prądem nurtu biegła,
A na wybrzeża grząskim mchu
Czerniły się i tam, i tu
Chaty — ubogi schron Czuchońca,
I w krąg posepnie szumiął mu
Las, który nie znał blasków słońca,
Skrzytego w mgle.⁴

В предвоенной Польше переводы Тувима из Пушкина были явлением не только литературного, но и общественного значения. Польское буржуазно-шляхетское литературоведение либо вообще отказывалось от изучения Пушкина, либо старалось его представить поэтом «чистого искусства», далеким от общественно-политической борьбы. Между тем уже в первом издании «Лир Пушкина» были опубликованы в переводах такие стихотворения и фрагменты его произведений, по которым можно составить себе достаточно полное представление о развитии общественно-политических взглядов великого русского поэта.⁵ Большинство переводов Тувима верно передает пушкин-

³ И. Эренбург. Памяти Юлиана Тувима. «Литературная газета», 1954, № 3, 7 января.

⁴ J. Tuwim. Lutnia Puszkina. Изд. 5-е, изд. «Czytelnik», Warszawa, 1954, стр. 136.

⁵ Всего Ю. Тувим поместил в своем сборнике восемьдесят три стихотворения и четыре отрывка из поэм «Полтава», «Цыганы» и «Медный всадник». Из предисловия переводчика видно, что сборник был задуман гораздо шире, но многие стихотворения Пушкина, перевод которых, по мнению Тувима, ему не удался, были исключены из издания. Среди них он называет: «Я помню чудное мгновенье...», «Жил на свете

скую мысль и слово; лишь иногда, в полемических целях, переводчик несколько усиливает отдельные политические акценты текста сравнительно с русским подлинником (так, в «Памятнике» слова «главою непокорной» переведены как «мятежным челом» — *łeb buntowniczy*).

Переводы Тувима пользовались большою популярностью у польского читателя, и многие из них, преимущественно переводы политических стихотворений Пушкина — «Вольность», «Послание в Сибирь», «Памятник» и др., неоднократно перепечатывались в различных польских изданиях. «Впервые я познакомился с произведениями Пушкина в переводах Тувима», — вспоминает видный польский литературовед Ян Котт в статье «Поэт нашей молодости».⁶ Не менее интересно свидетельство белорусского поэта М. Танка, жившего в 30-е годы в Польше.

«Примечательно, — пишет М. Танк, — что в тогдашней Польше, в период увлечения разными формалистическими и декадентскими школками, всё наиболее здоровое, народное обращалось к живительному источнику — к пушкинскому творчеству. Словно свежим ветром повеяло, когда появился целый том лирики Пушкина, переведенный на польский язык одним из выдающихся современных поэтов Юлианом Тувимом».⁷

Характерно для буржуазной Польши также то, что книга Тувима вызвала здесь ожесточенные нападки реакционной прессы, усмотревшей в переводческой деятельности поэта одно из ярких проявлений глубокого интереса и уважения, которые испытывал польский народ к культурной и политической жизни Советского Союза.⁸

В послевоенные годы Ю. Тувим продолжал работать над переводами на польский язык произведений русских поэтов. В центре его интересов попрежнему находилась поэзия Пушкина, а также Лермонтова и Маяковского. В конце 40-х годов, в связи с приближавшимся 150-летним юбилеем со дня рождения Пушкина, он перевел несколько малоизвестных в то время в Польше политических стихотворений Пушкина, ряд эпиграмм и другие произведения. Особенно удачными были его переводы «Сказки о рыбаке и рыбке» и «Сказки о попе и работнике его Балде», опубликованные в 1949 году. Перевод «Сказки о попе и работнике его Балде» появился в польской литературе

рыцарь бедный . . .», «Певец», «Редеет облаков летучая гряда . . .», «Кинжал», «Арион», «Для берегов отчизны дальней . . .» и некоторые другие. О трудностях перевода произведений Пушкина на польский язык см. в статье Ю. Тувима «Четверостишие на станке» (*Czterowersz na warsztacie*) в журнале «Wiadomości literackie» (1934, № 47), где идет речь о переводе четверостишия «У лукоморья дуб зеленый», а также в его книге «Pegas deba», (изд. «Czytelnik», Kraków, 1950, стр. 191—209), где этому вопросу посвящено несколько страниц. О теоретическом интересе этой статьи см. также замечания П. Г. Богатырева «А. Пушкин у славян» (Труды Воронежского Гос. университета, 1955, т. XLII, вып. 3, стр. 74—76).

⁶ Jan Kott. Poeta naszej młodości. «Nowa kultura», 1954, № 2, стр. 4.

⁷ М. Танк. Могучее оружие. «Дружба народов», 1949, № 3, стр. 143; ср. также: Л. Никулин. Путевые заметки. «Октябрь», 1936, № 7, стр. 184. — Переводы Ю. Тувима вызвали положительные отклики в советской печати; см., например: Вл. Нейштадт. «Лири Пушкина». «За рубежом», 1937, № 9, стр. 194; Л. В. Матвеева-Исаева. «Бесы» Пушкина в переводе на польский язык Юлиана Тувима. «Ученые записки Ленинградского Гос. педагогического института имени А. И. Герцена», т. 76, 1949, стр. 235—248.

⁸ J. Tuwim. Nic się nie zmieniło. «Wiadomości literackie», 1937, № 8 (ответ рецензенту журнала «Warszawski dziennik narodowy» Белятовичу, обвинявшему Тувима в проявлении «большевистской тенденциозности» в переводах произведений Пушкина); J. Tuwim. Puszkina a nasz «nielitościwy wiek». «Nasz przegląd», 1937, № 39. — Подробнее о полемике Ю. Тувима с националистической польской прессой см. в статье М. Якубца «Jubileusz Puszkina w Polsce» (в сборнике «Puszkina» 1837—1937, т. II, Kraków, 1939, стр. 201, 204—207).

впервые, так как в старой Польше антиклерикальная сказка Пушкина никогда не переводилась. С 1946 года Тувим начал печатать в еженедельнике «Odrodzenie» («Возрождение») отрывки из «Евгения Онегина», но задуманный им полный перевод стихотворного романа Пушкина он так и не успел завершить. Его сборник «Лира Пушкина» вышел в пяти изданиях (1937—1954). Пятое издание было подготовлено к печати еще при жизни Ю. Тувима. Преждевременная смерть оборвала замечательную деятельность выдающегося польского поэта.

На переводах Ю. Тувима, которого польский поэт Ян Бжехва метко назвал «наместником Пушкина в польской речи»,⁹ воспитывались и воспитываются поколения польских читателей; в то же время они побудили видных мастеров польского художественного слова к борьбе за всё более совершенный и современный перевод. Польские поэты Адам Важик, Мечислав Яструн, Северин Поляк, Владзимир Слободник и другие трудятся над переводами произведений Пушкина на польский язык.

Высокую оценку в польской критике и признание в читательских массах получили талантливые переводы М. Яструна. В 1946 году он перевел стихотворение «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», а в 1949 году выступил в польской печати с переводами стихотворений Пушкина, среди которых высокими поэтическими достоинствами отмечены: «Песнь о вещем Олеге», «Кинжал», «Из письма к Гнедичу», «Для берегов отчизны дальней...», «Под небом голубым страны своей родной...» и др. Собрание переводов М. Яструна из Пушкина вышло в 1951 году отдельной книгой под названием: «А. С. Пушкин. Избранная лирика» и было положительно встречено польской критикой, которая признала книгу переводов Яструна существенным дополнением к «Лире Пушкина» Ю. Тувима.¹⁰

В 1947 году впервые на польском языке были опубликованы полностью «Борис Годунов» и все «маленькие трагедии» в переводах С. Поляка; они были сделаны значительно раньше, в годы фашистской оккупации Польши, и чудом уцелели во время восстания в Варшаве. «Трудно передать, — пишет С. Поляк, — как помогла мне выдержать мрачную гитлеровскую ночь та работа, которую я начал тогда над Пушкиным. Это были единственные минуты покоя и... перенесения в мир, где царит высшая человеческая справедливость».¹¹ В своих переводах С. Поляк стремился с максимальной точностью передать все особенности оригинала, но спустя десять лет пересмотрел свое отношение к переводам из русской поэзии и вновь перевел драмы Пушкина, на этот раз применив не пушкинский пятистопный ямб, а польский одиннадцатисложный силлабический стих, традиционный в польской драматургии. Кроме того, Поляк перевел почти всю пушкинскую прозу с не переведенными до тех пор «Барышней-крестьянкой» и «Историей села Горюхина». В области лирики Пушкина перевод Поляка стихотворения «Я помню чудное мгновенье...», по мнению М. Топоровского, является одним из лучших в польской поэзии.¹²

Заслуживают внимания также переводы из Пушкина, принадлежащие перу Тадеуша Стемпневского. Писатель старшего поколения (род.

⁹ Jan Brzechwa. Żal bezbrzeżny. «Nowa kultura», 1954, № 2, стр. 5.

¹⁰ Переводы Ю. Тувима и М. Яструна легли в основу изданного в 1953 году первого тома «Избранных произведений» Пушкина на польском языке (A. S. Puszkina. Dzieła wybrane, t. I, Wiersze. Изд. «Państwowy instytut wydawniczy», Warszawa, 1953, 415 стр.).

¹¹ Цитируется по рукописи статьи С. Поляка «Puszkina w Polsce», находящейся в библиотеке Всесоюзного Музея А. С. Пушкина в Ленинграде.

¹² M. Toporowski. Puszkina w Polsce, стр. 119.

в 1873 году), он начал переводить Пушкина в юности, но на опубликование своих переводов решился лишь в народно-демократической Польше. В 1946 году в познанском еженедельнике «*Życie literackie*» он поместил переводы стихотворений: «Анчар», «Обвал», «Птичка», «Редеет облаков летучая гряда...», «Я помню чудное мгновенье...», «Напрасно я бегу к сионским высотам», «Кто при звездах и при луне...» (из «Полтавы»), пролог к «Руслану и Людмиле», а в 1947 году в книге переводов из Пушкина и Тютчева он, помимо указанных переводов, напечатал: отрывки из «Полтавы», «Нереида», «Пред испанкой благородной...», «Я здесь, Инезилья...», «Конь» (из «Песен западных славян»), «Туча», «Клеопатра». Ему же принадлежит перевод «Капитанской дочки» (1948). Полный перевод «Деревни» был сделан Станиславом Струмп-Войткевичем в 1949 году; существовавший до этого перевод был сделан по сильно искаженному цензурой тексту.¹³ В 1949 году польский поэт В. Слободник перевел ряд пушкинских лирических стихотворений: «Калмычке», «Вертоград моей сестры...», «С Гомером долго ты беседовал один...», «Зима. Что делать нам в деревне?...», «Нереида», «Царское Село», «Виноград», «Простите, верные дубравы!...», «Для берегов отчизны дальней...» и др. На страницах польского сатирического журнала «*Szpilki*» за 1949 год были напечатаны многочисленные пушкинские эпиграммы и сатиры в переводах Я. Бжехвы, Б. Алапина, А. Стерна, Я. Минкевича. Вслед за Тувимом к пушкинским сказкам обратились и другие польские поэты. В. Гродзеньска перевела «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях» (1949; отдельное издание — 1952), В. Себыла — «Сказку о царе Салтане» (1949). Над этой же сказкой работал Ян Бжехва в 1952 году. Последний перевод вызвал положительный отклик Ю. Тувима.¹⁴ Отрывки из пушкинских записок и набросков перевел А. Земный и опубликовал их в 1949 году в еженедельном литературном приложении к газете «*Stowo polskie*» под названием «Пушкин о себе». Кроме того, в эти же годы появились переводы из Пушкина Л. Подгорского-Окулова, М. Пехаля, А. Хоецкого, В. Е. Касинского, А. Кашубского, Е. Морского, Е. Быковской, М. Бехчиц-Рудницкой, А. Цезажа, С. Цесельчика, Е. Помяновского, В. Радецкого, Я. Круша, Р. Квятковского, Я. Тшинадловского, Г. Андерса, Л. Флашена и др.

Из беглого перечня имен переводчиков и заглавий переведенных произведений видно, как широко и многогранно представлено пушкинское творчество в новых польских переводах. «Никогда раньше столько талантливых переводчиков одновременно не переводили Пушкина, — пишет М. Топоровский. — Теперь можно даже говорить о поэтической группе переводчиков-пушкинистов».¹⁵ Прекрасным итогом более чем вековой деятельности польских переводчиков произведений Пушкина является вышедшее в 1953—1954 годах шеститомное издание «Избранных произведений» поэта на польском языке, в котором собраны лучшие переводы из Пушкина не только современных польских поэтов, но и поэтов XIX века.¹⁶

Переводческая деятельность послевоенных лет вызвала серьезный пересмотр методов перевода Пушкина на польский язык на основе научного анализа специфики польской поэтической речи. Еще до появления книги

¹³ Ср.: М. Н. Truszkowski. *Samotność. Z Puszkina*. «*Tvgnodnik mój i powieści*», 1888, № 27, стр. 210; см. также: М. Топоровский. *Puszkini w Polsce*, стр. 70.

¹⁴ См.: Jan. Brzechwa. *Żal bezbrzeżny*. «*Nowa kultura*», 1954, № 2, стр. 5.

¹⁵ М. Топоровский. *Puszkini w Polsce*, стр. 31.

¹⁶ Aleksander Puszkini, *Dzieła wybrane*, tt. I—VI, Изд. «Państwowy instytut wydawniczy», Warszawa, 1953—1954.

А. Важика «Мицкевич и народное стихосложение»,¹⁷ — с тезисами о характерном для польской поэтической речи амфибрахийно-трохейском размере, в отличие от русской поэзии, в которой чаще применяется ямбический, — многие переводчики, в том числе М. Яструн и С. Поляк, стали отказываться от точной передачи русского стихотворного размера с частым употреблением мужских рифм. В польском языке, с постоянным ударением на предпоследнем слоге и незначительным количеством односложных слов, попытки сохранить все мелодические особенности русского стиха, если не считать замечательных опытов Ю. Тувима, как правило, оказывались безуспешными и влекли за собой разрушение естественного движения польского стихотворного размера, а также почти неизбежные смысловые искажения.

В 1945 году появились переводы А. Важика, в которых, восстанавливая классические традиции А. Мицкевича и лучших польских переводчиков XIX века, он передал русский силлабо-тонический стих польским силлабическим с заменой мужских рифм женскими.¹⁸ Но особенно полно новаторство Важика было раскрыто в его переводе «Евгения Онегина». Отрывки из этого перевода начали появляться в журнале «Twórczość» с 1949 года, а полный текст был издан в конце 1952 года. Высказывая пожелание, чтобы стиль поэтического перевода проявлялся в языковой системе, которая требует не формального, а функционального соответствия, Важик обосновал необходимость создания польской строфы, наиболее приближенной к онегинской. При этом Важик исходил из того, что Пушкин создал онегинскую строфу из наиболее типичных сочетаний русского четырехстопного ямба, и в своем переводе применил аналогичную четырнадцатистрочную строфу из типичных сочетаний польского девятисложника, сохранив из восьми мужских рифм лишь две. Размер онегинской строфы, как он передан в переводе Важика, признан в польской критике лучшим из существующих опытов в этом роде и наиболее полно передающим мелодику пушкинской речи. Перевод Важика вызвал большую дискуссию об основных принципах переводов русской поэзии, которая еще продолжается и, несомненно, будет способствовать общему росту переводческого мастерства.¹⁹

2

Выдающимся событием в польской культурной жизни были пушкинские юбилейные торжества 1949 года, которые вылились в могучую демонстрацию уважения и любви к памяти гениального русского поэта, утверждавшего

¹⁷ A. Ważyk. Mickiewicz i wersyfikacja narodowa. Изд. «Czytelnik», Warszawa, 1954, 200 стр.

¹⁸ В предисловии к первому изданию «Лиры Пушкина» (1937, стр. XIV) Ю. Тувим писал, что стихотворения «Редеет облаков летучая гряда...» и «Буря» недоступны для перевода. Приводим начало «Бури» в переводе А. Важика:

Czyś widział dziewczę, gdy na skale
Stańto w bieli nad falami,
I gdy w burzowej nagle mgle
Morze droczyło się z brzegami.

¹⁹ Adam Ważyk. O tłumaczeniu wierszy rosyjskich. «Kuźnica», 1945, № 13; Adam Ważyk. Polska strofa «Oniegina». «Kuźnica», 1949, № 15; Seweryn Pollak. Nad nowym przekładem «Eugeniusza Oniegina». «Nowa kultura», 1952, № 50; Zb. «Oniegin» na sekcji Poezji. «Nowa kultura», 1953, № 26; J. Tuwim. «Cukrowana» relacja. «Nowa kultura», 1953, № 28; Adam Ważyk. Arytmetyka i styl poetycki. «Nowa kultura», 1953, № 30. — Отметим, что еще в 20-х годах в Польше состоялась дискуссия о русском влиянии на польское стихосложение, о которой см. в журнале «Slavia» (Praha, 1935, ročník XIII, sešit 2—3, стр. 427—428, 431).

в своем творчестве свободлюбивые народные и общечеловеческие идеалы. В подготовке и проведении пушкинского юбилея приняли участие польские государственные деятели, передовые представители польской культуры и науки, студенты, школьники, представители всех слоев польского общества. По всей стране, не только в крупных городах, но и в заводских и рыбацких поселках, в отдаленных деревнях организованы были юбилейные вечера, пушкинские чтения, выставки и т. п. Крупнейшие польские театры выезжали на гастроли в небольшие города и районные центры, где показывали пушкинские драмы и инсценировки пушкинских произведений.

Значительную роль в популяризации творчества Пушкина сыграла печать народно-демократической Польши. Главные литературные журналы — «*Twórczość*», «*Kuźnica*», «*Odrodzenie*», сатирический журнал «*Szpilki*», еженедельник «*Wieś*» («Деревня»), органы Общества польско-советской дружбы «*Przyjaźń*» («Дружба») и «*Wiadomości świąteczne*» («Вестник народных чтален») — посвятили Пушкину специальные номера. Двадцать пять выходящих в Польше ежедневных газет и еженедельников опубликовали статьи, посвященные Пушкину. Был создан Польский пушкинский комитет, с его помощью были переведены и распространены через прессу около двухсот статей о Пушкине, заимствованных из советской печати.

Кроме того, в 1949 году в польской печати появилось свыше двухсот статей критического и исследовательского характера, специально посвященных Пушкину. Общее число сообщений и разного рода корреспонденций и заметок о пушкинских торжествах превысило 1500.¹ Трудно назвать другого поэта, за исключением Мицкевича и Словацкого, чье творчество получило бы в Польше такое действительно всенародное признание, какое получило здесь творчество Пушкина. Чувства польского народа нашли прекрасное выражение в речи Леона Кручковского на юбилейных пушкинских торжествах в Москве.

«Для нас, для польского народа, идущего сегодня совместно с народами Советского Союза к общей цели, — говорил Л. Кручковский, — Пушкин особенно близок и любим. Не только потому, что его гений преодолевал границы эпохи, но и потому, что он был одним из тех, кто переходил границы между народами. Бывает дружба более слабая, более умеренная — такова дружба счастливых людей и довольных собой народов. Но бывает и дружба, полная глубокого драматизма, разделяющая общую долю и недолю, дружба со взлетами и падениями, любовью и болью, — такова была дружба двух гениев, двух славянских поэтов-ровесников, Пушкина и Мицкевича, двух сыновей народов, угнетенных одними и теми же враждебными силами... Это была такая дружба, которая оставляет отпечаток в истории народов и воспламеняет дух будущих поколений. Это была дружба гениев, обращенная к силам завтрашнего дня — к созревающим силам, которые в грядущей борьбе были призваны отстаивать общую свободу, общее счастье...»

«Вот почему Пушкин сегодня нам, полякам, особенно дорог».²

¹ Jadwiga Kwiatkowska. Jubileusz Puszkina w Polsce. «Aleksander Puszkina. 1799—1837. Dodatek do numeru 7—8 „Życia słowiańskiego“», 1949, стр. 501—506; M. Toporowski. Puszkina w Polsce. 1950, стр. 251—287; Aleksander Puszkina. Materiały do obchodów szkolnych dla uczczenia sto pięćdziesiątej rocznicy urodzin. Warszawa, 1949, 220 стр.; Aleksander Puszkina. Przewodnik po wystawie jubileuszowej. Warszawa, 1949, 46 стр.; «Materiały świąteczne. Miesięcznik», 1949, maj, № 5 (Numer poświęcony Aleksandrowi Puszkiniowi); Katalog Wystawy jubileuszowej. 1799—1949. Warszawa, 1949, 53 стр.

² Leon Kruczkowski. Puszkina z nami. «Trybuna ludu», 1949, № 156, 9 июня (краткое содержание речи Л. Кручковского см.: «Литературная газета», 1949, № 46, 8 июня).

Юбилейный «пушкинский» 1949 год в Польше был отмечен значительными успехами в изучении великого русского поэта, его жизни и творческого наследия. Марксистско-ленинская методология в оценке литературных явлений и широкое использование достижений советского пушкиноведения позволили польским исследователям правильно осветить основные вопросы творчества Пушкина, которые в польской литературе раньше не рассматривались или подвергались фальсификации. Творческому пути гениального русского поэта, его реализму и народности, влиянию на русскую и мировую литературы были посвящены статьи Л. Гомолицкого, И. Михальского, Г. Маркевича, Ю. Спинка, К. Заводзинского³ и др.

Современные польские литературоведы справедливо отказались от старых определенных народности, которые прежде сводились преимущественно к выявлению тех или иных фольклорных мотивов и образов в отдельных произведениях писателей. Народность Пушкина определяется историческим значением его творчества, отразившего в себе революционные и прогрессивные движения его времени, — таков главный тезис в статье литературоведа-марксиста С. Жулкевского «Пушкин и мы». Приведя слова Герцена о могучей воспитательной роли, которую поэзия Пушкина играла в русском обществе в тяжелые годы, наступившие после поражения декабрьского восстания, Жулкевский отмечает, что никто лучше не доказывает подлинной народности произведений Пушкина, как их великая историческая роль, их влияние на прогрессивных деятелей той поры. В поэзии Пушкина, по его словам, «народной была радость жизни и глубокий, мудрый, негибимый оптимизм. Народным было содержание, полное жизненной правды о роли и значении народных масс, крестьянских движений. Народной была его борьба с оковами феодализма и гневное осуждение им капитализма и мещанской демократии на Западе со всеми появляющимися в них противоречиями. Народной была солидарность с международной борьбой за свободу — при всей неизбежной ограниченности, свойственной эпохе и общественному положению поэта. Народным было познание человека, его возможностей, величия, красоты, народными были замечательные этические нормы поэта — защитника „благородных чувств“. Народным, наконец, было свойственное поэзии Пушкина единство пламенного патриотизма и революционности».⁴

На таких же позициях стоит А. Совинский, который видит народность Пушкина не только в выражении самых прекрасных, но и «наиболее конкретных прогрессивных стремлений своего времени». В статье Совинского сделана интересная попытка раскрыть идейный смысл стиля пушкинской прозы, которая реалистически изобразила все жестокости и несправедливости феодально-крепостнической России и тем самым вынесла им свой беспощадный приговор. «Если в лирике, — пишет Совинский, — Пушкин дал новый образ повторяющегося на протяжении всей истории человечества протеста поэтов против рабства и угнетения человека человеком, то в его прозе свободолюбие становится уже чем-то рациональным, становится рациональной критикой существующего порядка вещей и ясным голосом новых общественных сил, называвшихся в то время народом».⁵

³ Leon G o m o l i c k i. Aleksander Puszkín. Warszawa, 1949, 31 стр.; Leon G o m o l i c k i. Nie napisany rozdział «Oniegina». «Kuźnica», 1949, № 33; H. E. Michalski. Od Puszkina do Fadiejewa. «Głos ludu», 1948, № 306; Henryk Markiewicz. Puszkín i Mickiewicz. «Dziennik literacki», 1949, № 23; Henryk Markiewicz i Michał Kasprzyski. Dzieje poety. «Przekrój», 1949, № 217, 5 июня, стр. 1—6; Józef Spínk. Wpływ Puszkina na literaturę rosyjską i światową. «Dziennik zachodni», 1949, № 163, 16 июня; K. W. Zawodziński. Po jubileuszu Puszkina. «Dziś i jutro», 1949, № 46.

⁴ S. Żółkiewski. Puszkín a my. «Kuźnica», 1949, № 24.

⁵ A. Sowiński. Spójrzénie na prozę Puszkina. «Kuźnica». 1949, № 22.

О реализме пушкинской прозы и ее идейных корнях писали в юбилейные дни 1949 года в Польше также В. Бацевичувна, Л. Гомолицкий, В. Якубовский.⁶

Проблема народности в творчестве Пушкина была центральной и в ряде статей, посвященных драматургии Пушкина: Р. Шидловского, В. Фишера, М. Пехалья, Г. Тимофеева, К. Заводзинского и др.⁷ В предисловии к изданию драм Пушкина в переводах С. Поляка Л. Гомолицкий особо останавливается на вопросе о новаторстве Пушкина в области драматургии и рассматривает его в том, что в его драмах народ выступает как главная и решающая сила истории. С. Подгорская-Околув опубликовала в журнале «Teatr» (1949, № 6) статью «Воля народа в „Борис Годунове“ Пушкина», в которой она дает оценку литературно-общественного значения драмы Пушкина. В интересной статье Ю. Кшижановского «Драматургия Пушкина», опубликованной в том же номере журнала «Teatr», исследователь указывает на художественное своеобразие «Маленьких трагедий» Пушкина, которые он сопоставляет с «Повестями Белкина». Пушкин, утверждает Кшижановский, развил в себе удивительные способности мастера неожиданной и меткой эпиграммы, стихотворной шутки, острой ситуационной концовки (pointe). В области прозы это дает новеллу, то, что Пушкин называл «повестью» («Повести Белкина»), а в области драмы «драматические опыты»: «Скупого рыцаря» или «Моцарта и Сальери». И эта особая сжатость, лаконизм «опытов», — черта, характерная и присущая, может быть, исключительно Пушкину, — в немалой степени определяет их художественную ценность: «...здесь всё подчинено строгому требованию простоты, всё отличается классической ясностью, всё с математической точностью стремится к неожиданному и ослепительному окончанию».⁸ К сожалению, статья польского ученого не лишена существенных недостатков. Ю. Кшижановский не рассматривает сложного и во многом противоречивого развития взглядов Мицкевича на драму и, в частности, на драматургию Пушкина и несколько прямолинейно связывает формулу Мицкевича о славянской драме, высказанную им в лекциях о славянских литературах, с идейно-художественным своеобразием «Бориса Годунова». Между тем известно, что сам Мицкевич специально не обращался в своих лекциях к этой драме и указывал, что ее анализ он уже сделал в другом месте.⁹

Польское буржуазное литературоведение в свое время немало потрудились над тем, чтобы отделить Пушкина от революционных и прогрессивных движений эпохи, представить его чуть ли не выразителем идей монархической государственности. Особенно много легенд было создано

⁶ Wanda Bacewiczówna. Proza puszkiniowska. «Odra». Wrocław, 1949, № 21, 12 июня; Leon Gomołicki. Proza Puszkina. «Kuźnica», 1948, №№ 17, 18; W. Jakubowski. Droga Puszkina do realizmu. «Dziennik polski», 1949, № 329, 30 ноября.

⁷ R. Szydłowski. Dramaturgia Puszkina. «Trybuna wolności», 1949, № 24, 15—21 июня; W. Fischer. Dramaty Puszkina. «Nowiny literackie», 1947, № 34; M. Piechał. Dramaty Puszkina. «Dziennik literacki», 1947, № 2; G. Timofiejew. O sztuce dramatycznej Puszkina. «Polska zachodnia», 1947, № 39; K. W. Zawodziński. Dramaturgia Puszkina w nowej szacie. «Kuźnica», 1947, № 44.

⁸ J. Krzyżanowski. Dramaturgia Puszkina. «Teatr», 1949, № 6, стр. 6. Ср. со статьей Л. Гроссмана «Искусство анекдота у Пушкина» в книге: Л. Гроссман. Этюды о Пушкине. М.—Пг., 1923, стр. 37—75.

⁹ Adam Mickiewicz. Literatura słowiańska. Rok trzeci. 1842—1843. Poznań 1863, стр. 185. — Мицкевич имел в виду написанный им некролог Пушкина. Некоторые положения Кшижановского, в частности, о применимости характеристики «славянской драмы», данной Мицкевичем в парижских лекциях, к «Борису Годунову», с полным основанием оспаривает Б. Ростокский в обзорной статье «В борьбе за новый народный театр. По страницам польского журнала «Teatr» («Teatr», 1950, № 4, стр. 91—100).

вокруг отношений Пушкина к декабристам. В сжатой и насыщенной большим фактическим материалом статье видного польского историка Г. Мосцицкого «Пушкин и декабристы» полностью отмечается легенда о мнимом отходе Пушкина от революционных и прогрессивных убеждений после разгрома восстания декабристов. Опираясь на работы советских исследователей, Г. Мосцицкий раскрывает огромное значение первых русских дворянских революционеров для формирования мировоззрения поэта. Для советского пушкиноведения интерес представляет та часть статьи Г. Мосцицкого, в которой идет речь о проникновении произведений Пушкина в Польшу еще при жизни поэта. «Эхо революционной поэзии Пушкина доходило и до Польши», — пишет Г. Мосцицкий. Обращая внимание на дружеские связи Мицкевича с Бестужевым-Марлинским, Бестужевым-Рюминым и Рылеевым, на польские симпатии Кюхельбекера, Мосцицкий продолжает: они «находились в близких отношениях с лучшими представителями польского общества и часто в секретных переговорах с ними приводили произведения автора оды „Вольность“ или его резкие политические эпиграммы. . . Пламенная поэзия Пушкина, тесно связанная с освободительными движениями и с дальнейшим развитием благороднейших начал прогрессивной русской мысли, крепила веру в триумф справедливости, была мостом соединения всех людей и всех народов».¹⁰

В новой польской литературе о Пушкине 1949 года нашли свое отражение и такие важные проблемы пушкиноведения, как значение Пушкина в истории русского литературного языка, отношение великих революционных демократов к творчеству поэта, Пушкин в музыке, кино и др.¹¹

3

Как и следовало ожидать, главное внимание польских исследователей обратилось на традиционные для польской литературы вопросы об отношениях между Пушкиным и Мицкевичем. За последние годы в общей и специальной польской печати вопросам личного и творческого общения русского и польского национальных поэтов посвящено едва ли не наибольшее количество работ; некоторые из них представляют несомненный интерес для советского пушкиноведения. Остановимся прежде всего на тех работах, которые подвергают общей переоценке взаимоотношения Пушкина и Мицкевича.

Уже в предвоенные годы в польской науке появились ценные в фактическом отношении исследования польских пушкинистов. Некоторые из

¹⁰ H. Mościcki. Puszkini i dekabryści. «Aleksander Puszkini. 1799—1837. Dodatek do numeru 7—8 „Zycia słowiańskiego“», 1949, стр. 443, 444.

¹¹ T. Lehr-Spławiński. Puszkini w dziejach rosyjskiego języka literackiego. «Język rosyjski», Warszawa, 1949, zeszyt II, № 3, стр. 23—30; Z. Dąbkowska. Bieliński o Puszkini. «Odrodzenie», 1949, №№ 23, 24; Z. Lissa. Puszkiniiana muzyczna. «Kuźnica», 1949, № 22. — Статья С. Лиссы является первой в польской литературе статьей о значении Пушкина в музыке. В конце статьи автор подчеркивает, что «ни один из поэтов мировой литературы, ни Гете, ни Шиллер, ни Гейне, хотя их произведения постоянно „претворяли“ в музыке, — за исключением разве Мицкевича, — не имел такого значения для музыки своего народа, как Пушкин. Его поэзия стояла у колыбели новой народной русской музыки». Интересные факты о росте интереса в Польше к культуре Советского Союза сообщила С. Лисса в статье «Музыка новой Польши на подъеме (Письма из Варшавы)», опубликованной в журнале «Советская музыка» (1950, № 3, стр. 94—96). В начале 1950 года в Польше закончился конкурс песен на тексты стихотворений Пушкина в польском переводе. Высокую оценку музыкальной общественности получили песни: А. Гродштейна «Зимний вечер», В. Любославского «Обвал» и Т. Желиговского «Арion» (см. об этом в журнале «Славяне», 1950, № 2, стр. 64).

них не были лишены серьезных методологических ошибок и неверных оценок, устранение которых сделалось одной из очередных задач польского литературоведения.¹ Такую именно задачу поставил себе Л. Гомолицкий в серии статей о Мицкевиче и Пушкине.²

Написанные в острой публицистической манере, статьи Л. Гомолицкого рассматривают вопрос о взаимоотношениях обоих поэтов в свете истории польской общественной мысли. Критически относясь к старым польским работам на эту тему, удачно вскрывая их реакционные тенденции, а порой даже принципиальный антиисторизм, Л. Гомолицкий пытается разрешить эту проблему с более правильных методологических позиций и на основании довольно широкого знакомства с русской литературой вопроса.

Центральным эпизодом в истории взаимоотношений Пушкина и Мицкевича для польских исследователей всегда являлся поэтический рассказ об «общем плаще», под которым стояли когда-то оба поэта перед памятником Петру I. Этот эпизод в дореволюционной русской и особенно польской литературе нередко получал искаженное и тенденциозное истолкование. Достаточно напомнить здесь об интерпретации В. Д. Спасовича, пытавшегося представить Пушкина выразителем идей русского монархизма и «былым противником» польского народа.

Реакционная концепция Спасовича, подхваченная официальной прессой, вызвала резкие протесты. В 1899 году в изданной анонимно в Кракове брошюре «Мицкевич и Пушкин, польское и русское общество»³ В. М. Козловский писал, что примирение с царской Россией было бы «национальным самоубийством», что нужно бороться с Россией кнута и самодержавия, как к этому призывали Мицкевич и Пушкин. «Под одним плащом» только свободная Россия может протянуть руку Мицкевичу, и каждый поляк пожмет ее без стыда.

Другой оппонент В. Спасовича, Т. Еж (З. Милковский), в статье «Мицкевич и соглашательство» в пылу полемики с официальным культом Пушкина выступил против толкования третьей части «Дзядов», в которой Мицкевич изобразил двух поэтов под «одним плащом». По мнению Т. Ежа, «русским поэтом», названным в «Памятнике», был не Пушкин, а Рылеев.⁴ Это предположение вызвало оживленную дискуссию в польской критике довоенных лет.⁵ Л. Гомолицкий считает, что этот старый спор до сих пор

¹ См. юбилейное издание, вышедшее под редакцией В. Ледницкого в Кракове в 1939 году: Puszkin. 1837—1937, Kraków, 1939, t. I—II.

² L. G o m o l i c k i. Pod jednym płaszczem. «Kuźnica», 1948, № 37; L. G o m o l i c k i. Mickiewicz wśród rosjan. Изд. «Książka i wiedza», Warszawa, 1950, стр. 7—22.

³ «Władysław Mieczysław Kozłowski». Mickiewicz i Puszkin oraz społeczeństwo polskie i rosyjskie. Przez***, Kraków, 1899, 39 стр. — Л. Гомолицкий ошибочно относит время издания брошюры к 1889 году (L. G o m o l i c k i. Mickiewicz wśród rosjan, Warszawa, 1950, стр. 12). См. также: Wł. S p a s o w i c z. Mickiewicz i Puszkin przed pomnikiem Piotra Wielkiego, «Pamiętnik Towarzystwa naukowego im. Adama Mickiewicza» t. I, Lwów, 1887, стр. 27—28; Wł. S p a s o w i c z. Mickiewicz i społeczeństwo rosyjskie, «Kraj», 1899, № 9.

⁴ T. T. J e z. «Z. M i ł k o w s k i». Mickiewicz wobec ugody. «Tydzień. Dodatek do „Kurjera lwowskiego“», Lwów, 1898, №№ 20—21. — Статья З. Милковского не отмечена в библиографии М. Топоровского «Puszkin w Polsce» (1950). Сведения о ней приведены в книге: St. K a w y n. Ideologia stronnictw politycznych w Polsce wobec Mickiewicza. 1890—1898. Lwów, 1937 (Badania literackie, t. X). О Пушкине и Мицкевиче см. здесь на стр. 141—145. Эта книга также не отмечена в библиографии М. Топоровского.

⁵ О «русском поэте» писали: J. K l e i n e r. Mickiewicz a Falkonet. «Tygodnik ilustrowany», 1926, № 1; Rafał B l ü t h. Mickiewicz i Rylejew pod pomnikiem Piotra Wielkiego. «Rocznik koła polonistów słuchaczy Uniwersytetu warszawskiego», 1927, стр. 43—59; A. B r ü k n e r. Puszkin, Mickiewicz, Falkonet. В книге: Puszkin. 1837—

нельзя считать окончательно решенным, и аргументирует свою точку зрения следующими соображениями. Если принять хронологию «Дороги в Россию», то сам Мицкевич связывал встречу у памятника с первым своим петербургским периодом, о чем говорит действие «Отрывка», развивающееся во время большого наводнения в конце 1824 года. Но в это время, осенью 1824 года, когда «на дожде стояли» два поэта, в Петербурге из известных поэтов той поры находился один Грибоедов, Пушкин был в ссылке в Михайловском, а Рылеев, к которому можно было бы отнести определение «поэта, славного песнями по всему Северу», вернулся в столицу в середине декабря, уже после наводнения. Во втором петербургском периоде (1828), когда Мицкевич встречался с Пушкиным в Петербурге, последний создавал «Полтаву», апофеоз Петра I, что находится в противоречии с критическим отношением «русского поэта» к этому царю, как это изображает Мицкевич в «Памятнике».

С этими соображениями польского исследователя трудно согласиться хотя бы потому, что Мицкевич вовсе не был обязан точно воспроизвести в своей поэме конкретную встречу с Пушкиным и беседу с ним. В поэтическом образе двух поэтов, закрывшихся «одним плащом», Мицкевич высказал свое дружественное отношение к Пушкину, сочувствие его свободолобивой и гуманистической поэзии. Впрочем, сам Л. Гомолицкий признает недостаточность своих замечаний и делает вывод, что, независимо от того, произошла ли или нет беседа Пушкина и Мицкевича на Сенатской площади, главным является тот факт, что «в творческой памяти Мицкевича образ Пушкина соединился с этим историческим местом, залитым кровью первых русских революционеров-декабристов, и что в его уста он вложил свои сокровенные мечты».⁶

Интересные данные и заслуживающие внимания соображения более частного характера мы находим также в ряде работ, появившихся в Польше в том же 1949 году. В заметке «Загадочные произведения Пушкина», напечатанной в журнале «Kuźnica», М. Топоровский на основании записи в дневнике друга Мицкевича, Франтишка Малевского, определил, что стихотворный отрывок Пушкина, опубликованный еще в 1857 году П. В. Анненковым под заглавием «Начало повести» («В еврейской хижине лампада...»), представляет собой фрагмент неосуществленного замысла об Агасфере, относящийся к 1828 году.⁷

1937, t. II. Kraków, 1939, стр. 1—2; В. Łerki. Pod romnikiem Piotra I. Там же стр. 3—14, и др. — Из русских исследований наиболее интересна статья М. А. Цявловского «Он между нами жил...», в которой советский исследователь решительно возражает против попыток некоторых польских авторов соотносить образ «русского поэта славного песнями по всему Северу», с Рылеевым. По мнению Цявловского, таким русским поэтом в 1824 году мог быть лишь один Пушкин (см.: Пушкин. 1834 год. Изд. Пушкинского общества, Л., 1934, стр. 83—85).

⁶ L. Gomołicki. Mickiewicz wśród rosjan. Warszawa, 1950, стр. 12—13.

⁷ M. Toporowski. Zagadkowy utwór Puszkina. «Kuźnica», 1949, № 33; М. Топоровский. Puszkín w Polsce. 1950, стр. 149—151 и 277. — К такому же бесспорному выводу пришла и Т. Г. Цявловская в своей статье «Пушкин в дневнике Франтишка Малевского» («Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 263—268); однако она ошиблась, утверждая, что «польские литературоведы... не сопоставили рассказа Пушкина в записи Малевского со стихами Пушкина» (там же, стр. 267, примечание 12). Упомянутая статья М. Топоровского вышла в свет еще в 1949 году, а выводы, к которым пришел автор, также сформулированы им в его библиографии «Puszkín w Polsce» (1950); в его первой публикации пушкинской библиографии в книге «Puszkín. 1837—1937» (t. II, 1939), на которую ссылается Т. Г. Цявловская (стр. 267, примечание 15), они еще отсутствуют. См. об этом также: W. Weintraub Norwid — Puškin, Norwid's «Spartacus» and the *Onegin Stanza*. В книге: Harvard Slavic Studies, vol. II, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1954, стр. 284; D. Cyže vskyj в «Zeitschrift für slavische Philologie», 1955, Bd. XXIII, Heft 2, стр. 389—391. — Следует

Интересную гипотезу о генетической связи стихотворения Пушкина «Он между нами жил...» с драмой Ю. Словацкого «Кордиан» обосновывает М. Якубец в статье «Словацкий в кругу поэтических интересов Пушкина».⁸ Автор оспаривает установившееся в литературе о Пушкине и Мицкевиче мнение, что последние строки указанного стихотворения Пушкина представляют собой ответ на стихотворение Мицкевича «К русским друзьям», опубликованное в 1833 году в четвертом томе произведений Мицкевича (этот том был прислан Пушкину С. А. Соболевским из Парижа в том же году). По мнению М. Якубца, энергичный и резкий тон заключительной части стихотворения Пушкина, написанного в 1834 году, не мог быть откликом на стихотворение Мицкевича, ставшее ему известным за год до написания его отклика. Пушкин, действительно, говорит о настоящем времени:

... теперь

Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
 Стихи свои, в угоду черни буйной,
 Он напояет. Издали до нас
 Доходит голос злобного поэта,
 Знакомый голос!..

Мнение М. Якубца кажется нам тем более правдоподобным, что Пушкин, как известно, уже в «Медном всаднике» ответил своему польскому другу и вряд ли имел необходимость возвращаться к вопросам, затронутым Мицкевичем в третьей части «Дзядов». Слова Пушкина должны были быть вызваны каким-либо другим поводом, более близким по времени к дате создания стихотворения «Он между нами жил...». Польский исследователь высказывает догадку, что таким поводом явилось для Пушкина впечатление его от драмы Юлиуша Словацкого «Кордиан», изданной анонимно в Париже в 1834 году; в польских кругах многие считали автором ее Мицкевича. Пушкину была известна эта драма Ю. Словацкого, так как экземпляр ее находился в его библиотеке и был им разрезан.⁹ Но и он мог не знать действительного автора драмы или догадываться о принадлежности ее перу Мицкевича, а не Словацкого. Гипотезу М. Якубца следует признать интересной, но, как признает и сам автор, она безусловно нуждается еще в дополнительной, более обоснованной аргументации.

Несколько ранее тот же исследователь опубликовал статью «Над автографом воспоминания Мицкевича о Пушкине»,¹⁰ представляющую несомненный интерес и сообщающую новые данные, заслуживающие внимания. Речь идет здесь о некрологе Пушкина, помещенном Мицкевичем спустя несколько месяцев после смерти поэта в парижском журнале «Le Globe.

отметить, что никто из указанных авторов не учел, что еще в 1900 году польский исследователь Ю. Кааленбах высказал ряд заслуживающих внимания соображений о значении воспоминаний Малевского для биографии Пушкина и Мицкевича в статье «Książeczka Franciszka Malewskiego» (Sami sobie. Książka zbiorowa na rzecz Warszawskiej kasy literackiej, Warszawa, 1900, стр. 111—117).

⁸ Marian Jakóbiec. Słowacki w kręgu poetyckim Puszkina. «Zeszyty wrocławskie», 1949, № 1—2, стр. 3—12 (перепечатано под заглавием «The Origin of Pushkin's Poem about Mickiewicz. A New Hypothesis» в сборнике: Adam Mickiewicz. Poet of Poland. Ed. by M. Kridl, «Columbia University Press», N. Y., 1951, стр. 159—169).

⁹ Kordjan. Cześć pierwsza trilogii. Spisek koronacyjny. Nakładem autora, w księgarnie polskiej, Paryż, 1834; Б. А. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. «Пушкин и его современники», вып. IX—X, СПб., 1910, стр. 263, № 1049.

¹⁰ Marian Jakóbiec. Nad autografem mickiewiczowskiego wspomnienia o Puszkynie. Zakład narodowy imienia Ossolińskich. Wrocław, 1948, 27 стр. (здесь же полностью воспроизведен и весь автограф статьи Мицкевича о Пушкине).

Revue des arts, des sciences et des lettres» (№ 1 от 25 мая 1837 года). Эта статья Мицкевича, написанная по-французски, подписана: «Один из друзей Пушкина».

В русской литературе о Пушкине эта знаменитая некрологическая статья Мицкевича изучена мало, хотя она давно известна в различных русских переводах.¹¹ В польской литературе о Пушкине и Мицкевиче эта статья польского поэта также хорошо известна,¹² но ее изучение было ограничено тем, что большинство исследователей до недавнего времени пользовалось неточным текстом этой некрологической статьи, опубликованным сыном поэта, Владиславом Мицкевичем, еще в 1872 году.

Новый перевод некрологической статьи Мицкевича о Пушкине с французского оригинала на польский язык сделан был Артуром Гурским для так называемого «сеймового» издания сочинений Мицкевича на основе текста статьи, проверенного и установленного профессором Пигонем. Но и этот перевод, значительно более точный в сравнении с предшествующими, не дает всё же полного представления об интересных вариантах подлинной автографической рукописи данной статьи Мицкевича, тем более ценных, что эта рукопись (она сохранилась в фондах Института Оссолинских) является черновиком; изучение ее бросает свет на процесс работы над нею автора, в частности, показывает, как добивался Мицкевич лучшего выражения своих мыслей о Пушкине, преодолевая в то же время языковые и стилистические трудности. Описанная М. Якубцом рукопись (Архив Института Оссолинских, 3770/II, 81—84) состоит из четырех листов (формат 262×200 мм), исписанных с обеих сторон. Заглавие в рукописи отсутствует, как и подпись; и то и другое было дописано уже в белой редакции.

Из особенностей данной рукописи, отмеченных М. Якубцом, для нас представляют интерес некоторые сокращения, сделанные Мицкевичем в тексте. Таковы прежде всего сокращения, относящиеся к тому разделу статьи, в котором речь шла о декабристах. Мицкевич, в частности, вычеркнул в тексте две фразы: «Между тем, в эпоху, о которой идет речь, несколько молодых людей — дворян и военных — рассуждали, как этот иностранец. Они плохо знали свою страну, <так как> они вышли из школы и гарни-

¹¹ Вероятно, первым сообщил на русском языке свой перевод этого некролога П. А. Вяземский в напечатанной им анонимной статье «Мицкевич о Пушкине» («Русский архив» за 1873 год, № 6, стб. 1062—1070); перевод этот сделан по тексту, опубликованному в книге «Mélanges posthumes d'Adam Mickiewicz» (Paris, 1872, стр. 295—305). Далее, текст этого некролога появился в журнале «Мир божий» (1899, № 5, стр. 113—120) в переводе А. К., сделанном с польского языка (а не с французского, на котором был написан оригинал) по тексту «народного издания» «Полного собрания сочинений» Мицкевича (Варшава, 1887), и с примечанием от редакции, что будто бы эта статья польского поэта «на русском языке появляется впервые». М. В. Дедов (А. С. Пушкин в польской литературе. Варшава, 1899, стр. 18—24) был знаком с переводом П. А. Вяземского в «Русском архиве», перепечатанным в «Полном собрании сочинений» Вяземского (т. VII, СПб., 1882, стр. 310—317), но привел выдержки из статьи Мицкевича в новом, собственном переводе. В том же году М. Славинский вновь опубликовал свой перевод того же некролога (в юбилейном сборнике «Памяти А. С. Пушкина», изд. журнала «Жизнь», СПб., 1899, стр. 166—173). Наконец, в еженедельном журнале «Полибиблион» (1903, № 1, стр. 1—6) появился еще один перевод той же статьи Мицкевича (в полном виде), но вновь с указанием: «На русском языке статья эта появляется впервые». Таким образом, эта статья Мицкевича давно и хорошо известна в русской литературе; ее касались и многие исследователи Пушкина и Мицкевича.

¹² A. Brückner. Historia literatury rosyjskiej. Tom I. Lwów—Warszawa—Kraków, 1922, стр. 534; W Lednicki. Puszkini—Mickiewicz (Mickiewiczowy nekrolog Puszkina.) Pwzegląd. Współczesny, 1934, №№ 151, 152.

зона...».¹³ То, что эти фразы были вычеркнуты из окончательного текста, заставляет предположить, что первоначально Мицкевич собирался уделить в своей статье большее внимание революционному движению в России, но затем отказался от этого намерения. Те места статьи, в которых идет речь о «Евгении Онегине» и «Борисе Годунове», изложены Мицкевичем свободно и почти без всяких поправок. Стоит особо подчеркнуть, что драме «Борис Годунов» Мицкевич отводит здесь наибольшее место сравнительно со всеми другими произведениями Пушкина; это наводит на мысль, что впечатление от этого произведения у Мицкевича было особенно сильным и удержалось во всей своей первоначальной свежести. Напомним, что Мицкевич был одним из тех, кто, по некоторым сведениям, присутствовал при первых чтениях Пушкиным «Бориса Годунова» в Москве,¹⁴ а затем и в Петербурге.¹⁵ Так, В. П. Гаевский пишет о чтении «Бориса Годунова» у А. А. Дельвига:

«В один из таких вечеров Пушкин читал... «Комедию о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»... При чтении присутствовал и Мицкевич»...

По совету Дельвига и Мицкевича Пушкин исключил из своей трагедии сцену между Григорием и злым чернецом... Исключенная сцена, по мнению обоих поэтов, ослабляла впечатление, производимое рассказом Пимена...».¹⁶

Советский исследователь Б. П. Городецкий предполагает, что Мицкевич мог слушать «Бориса Годунова» и на чтении у Перовского.¹⁷ Всё это позволяет утверждать, что сказанное Мицкевичем о драме Пушкина и в особенности о сцене в келье Чудова монастыря может иметь в данном случае значение своего рода документального свидетельства.

Драма «Борис Годунов», — пишет Мицкевич, — имеет подробности и даже сцены великолепные. Особенно пролог мне кажется таким оригинальным и таким возвышенным, что я не колеблюсь признать его единственным в своем роде и не могу удержаться, чтобы не посвятить ему несколько слов.

«После смерти царя «Ивана» Жестокого или Грозного Борис Годунов захватил московский трон, убрав сына своего предшественника. Вскоре после этого претендент, выдававший себя за законного наследника престола, приблизился с польской армией к Москве, занял ее и правил в ней некоторое время под именем Димитрия. Это составляет основу драмы. Действие развивается во времена царствования Годунова. Пролог начинается в келье монастыря. Старый монах заканчивает летопись предшествующего царствования. О важности своей работы он отдает себе отчет с энтузиазмом писателя и серьезностью монаха. В эту минуту молодой послушник, погруженный в сон у ног летописца, начинает метаться под тяжестью страшного кошмара. Он называет сквозь сон странные имена,

¹³ «Or à l'époque dont nous parlons, quelques jeunes garçons de la noblesse et de l'armée raisonnaient comme cet étranger. Ils connaissaient peu leur pays, ils en étaient d'école et de garnison...» (М. Jakóbiec. Nad autografem mickiewiczowskiego wspomnienia o Puzsckinie, стр. 10).

¹⁴ М. А. Веневитинов. О чтениях Пушкиным «Бориса Годунова» в 1826 г. в Москве. М., 1899, стр. 17, 23—24. — Точные даты чтений с участием А. Мицкевича, приводимые автором, — 10 сентября и 12 октября 1826 года, — пока документальными данными подтверждены не были, как и самый факт присутствия на них Мицкевича.

¹⁵ Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е, СПб., 1910, стр. 172; «Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 79 (о чтении у Лаваль 16 мая 1828 года).

¹⁶ «Современник», 1854, т. 47, № 9, отд. III, стр. 12—13.

¹⁷ Б. П. Городецкий. Драматургия Пушкина. Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1953, стр. 200.

упоминает о событиях, которых не мог знать. Пробудившись наконец, он рассказывает о видениях битв, революций, переворотов. Повесть его, значение которой он сам не понимает, дополняет летопись монаха; она позволяет предвидеть будущее и становится пророческим символом всей драмы. Мы догадываемся, что этот послушник — будущий претендент на престол, Дмитрий Самозванец.¹⁸

Мицкевич ошибочно называет сцену в монастыре «прологом» к драме Пушкина; в его статье встречаются и некоторые другие неточности, что было вызвано, повидимому, отсутствием у Мицкевича впервые опубликованного в 1831 году полного текста «Бориса Годунова»: польскому поэту приходилось, очевидно, восстанавливать свои воспоминания десятилетней давности. Но именно в этом и заключается их ценность. И, разумеется, нельзя сводить содержание этой сцены в интерпретации Мицкевича лишь к «ошибкам памяти», как это делает Г. Батовский в своей во многих отношениях ценной монографии «Мицкевич и славяне до 1840 года».¹⁹

Все поправки, сделанные Мицкевичем в тексте его статьи, крайне незначительны и носят почти исключительно стилистический характер. Исходя из этого, М. Якубец делает вполне обоснованный вывод, что к моменту написания некролога Мицкевич уже имел сложившееся мнение «о поэте далекого Севера», которое изложил в статье почти без черновой работы над своей рукописью.

Ряд замечаний вызывают некоторые утверждения польского исследователя о причинах, которые вызвали появление статьи Мицкевича во французском журнале «Le Globe». М. Якубец предполагает, что Мицкевича привлекла в данном случае политическая «нейтральность» данного журнала, так как он вынужден был считаться с настроениями польского общества, якобы «бойкотировавшего» Пушкина после восстания 1830—1831 годов.²⁰ Действительно ли с начала 30-х годов XIX века Пушкина старались не замечать и не говорить о нем польские литературные и общественные деятели? Справедливо ли, что в польских кругах той поры организован был своего рода «заговор молчания», вызванный якобы так называемыми «антипольскими» стихами Пушкина? Нам этот вопрос представляется настолько существенным для правильной оценки статьи Мицкевича о Пушкине 1837 года, что мы остановимся на нем несколько подробнее, чем это позволяли бы тесные рамки настоящего критико-библиографического обзора. Немало относящихся сюда данных собрано уже в упоминавшейся выше книге М. Топоровского («Пушкин в Польше»), но и он учел далеко не все факты, которые можно было привести по данному поводу.

В тяжелые годы, наступившие после поражения польского восстания 1830—1831 годов, творчество Пушкина продолжало вызывать отклики не только в русской Польше, но и на остальных польских землях, и в среде польской эмиграции в Париже. В 1832—1837 годах произведения Пушкина продолжали появляться в польских переводах, и притом не в малом числе. Так, в Познани и Кракове напечатаны были переводы А. Одынца («Черная шаль») и А. Ходзьки («Черкесская песня» под заглавием «Чеченец»;²¹

¹⁸ Adam Mickiewicz. Dzieła. Wydanie narodowe, t. V, Pisma, proza, część I. Изд. «Czytelnik», Warszawa—Kraków, 1950, стр. 292—293.

¹⁹ H. Batowski. Mickiewicz a słowianie do roku 1840. Lwów, 1936, стр. 76—77.

²⁰ M. Jakóbiec. Nad autografem mickiewiczowskiego wspomnienia o Puszkynie. 1948, стр. 5; M. Jakóbiec. Puszkini w Polsce. Puszkini, 1837—1937, t. II. Kraków 1939, стр. 121.

²¹ Из «Кавказского пленника».

«Татарская песня»²²); в Познани и Варшаве появились новый перевод «Бахчисарайского фонтана», сделанный Витковским, переводы «Кирджали», элегии «Желание славы», переводы И. Зеновича стихотворений «Воспоминание», «Когда твои младые лета...»; в Вильне Л. Юцевич впервые перевел прозой «Полтаву» (1834); в эти же годы были также опубликованы польские переводы таких стихотворений Пушкина, как «Дар напрасный, дар случайный...», элегия «Безумных лет угасшее веселье...» и др. Несколько раз было перепечатано (в Вильне и Кракове) «Воспоминание» в переводе Мицкевича.²³

Польские журналы и газеты живо интересовались творчеством Пушкина. В 1833 году «Tygodnik petersburski» в статье о современных польских поэтах писал, что многие русские «для понимания Мицкевича изучили польский язык, так же как многие поляки из любви к Крылову, Пушкину, Карамзину научились читать по-русски».²⁴ «Gazeta lwowska» в приложении «Kozmaitości» («Всякая всячина», 1834), рассказывая о предпринятой издательством Смирдина «Библиотеке русских классиков», с удивлением писала об отсутствии в планах этого издания произведений Пушкина. Несколько позже в той же газете появилось упоминание, что «знаменитый русский поэт» в настоящее время работает над «Историей Петра Великого». Львовские любители литературы уже давно внимательно следили за творческим развитием русского поэта. Еще в 1824 году в литературном приложении к «Gazecie lwowskiej» появился первый в польской литературе подробный критический отзыв о произведениях Пушкина, принадлежащий, вероятно, С. Яшовскому. Автор статьи восторженно писал о «молодом, гениальном русском поэте», творце «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана» и других произведений, которые являются «сокровищницей русского Парнаса» и «отмечены чертами подлинной самобытности», что, по мнению критика, особенно ценно «в наше время», полное подражательной поэзии. В конце статьи выражалась пожелание, чтобы «Пушкин, одаренный таким исключительным талантом, пожелал создать что-то большее... по-настоящему эпическое».²⁵

Незадолго до смерти Пушкина во Львове вышли сонеты С. Яшовского, посвященные знаменитым славянам. Среди них есть сонет в честь Пушкина. Приводим его полностью, так как он мало известен в русской литературе:

Puszkın

W krainie lodu, z sercem walkami wrzącym,
Martwych słuchaczy budzisz ognistymi słowy,
I w dzikich puszczech prorok pojawiony nowy,
Stepy śnieżyste duszy roztopiasz gorącym.

Rozpływasz po kurhanach czuciem bolejącym,
Echa puszczy z uniesieniem słuchają twej mowy,
A pieśń twoja raz słodkiej czarownicy osnowy,
To znowu zgrozą nieszczęść igrą z sercem drzącym.

Czyta cię Piotrogradu salonowy panek,
Czyta kupiec wiodący do Chin karawany,
I Baszkir zbrojny łukiem, i Tatar nabrzmiał;

²² Из «Бахчисарайского фонтана».

²³ М. Горорowski. Puszkın w Polsce. 1950. стр. 41—42.

²⁴ J. S. O nowożytnych polskich poetach. «Tygodnik petersburski», 1833, ч. VII, № 50, стр. 306.

²⁵ Ценные наблюдения об отношении поляков, живших в Галиции, к русской культуре и Пушкину, приведены в статье М. Якубца «Пушкин в Польше» (Puszkın. 1837—1937. Kraków, 1939, стр. 113—114, 122—113).

Czyta cię w smętnej chacie u podnóża skały
 Kamczadalin, futrami soboli odziany,
 Tranem ryby samotny nalawszy kaganek.²⁶

Приведенный сонет С. Яшовского, как легко заметить, заключает в себе явные и прямые отклики на ряд пушкинских стихотворений. В частности, едва ли может вызвать сомнение связь данного сонета с «Пророком» Пушкина; кроме того, оба трехстишия второй половины сонета кажутся парфразой соответствующих стихов из «Памятника». Заметим, однако, что напрашивающееся само собой предположение, не был ли известен Яшовскому пушкинский «Памятник», дошедший до него в том или ином списке или пересказе, наталкивается на серьезные затруднения, так как это стихотворение Пушкина при жизни поэта не распространялось, было известно лишь узкому кругу близких к поэту людей и впервые опубликовано было Жуковским только в 1841 году. Тем интереснее для нас данная в сонете Яшовского высокая оценка Пушкина как поэта, значение которого далеко выходит за пределы одной лишь русской национальной литературы.

Примерно в это же время во Вроцлаве посвятил Пушкину стихотворение другой польский поэт, Петр Дальман.²⁷ Участник варшавского восстания 1830—1831 годов и сотрудник познанского радикального издания «Tygodnik literacki», П. Дальман видел в Пушкине поэта, чей гений «огненными стихами от Немана до Камчатки пробуждал от сна народы», «стоющие под ярмом неволи». Дальман называет Пушкина «быстролетным гением» и предвидит его бессмертие рядом «с пламенным Байроном» и «великим польским поэтом» Мицкевичем. В данном стихотворении есть прямые намеки на третью часть «Дядюв» Мицкевича, изданную в начале 1833 года в Париже. Драматическая поэма Мицкевича получила в 30-е годы самую широкую известность. Этот факт для нас особенно важен, так как в напечатанном вместе с нею «Отрывке» (в «Памятнике Петру Великому») Мицкевич с дружественным сочувствием нарисовал образ свободолюбивого «поэта русского народа, славного песнями по всему Северу».

Все вышеизложенное, думается нам, полностью снимает утверждение, что о Пушкине в Польше и в польских эмигрантских кругах в 30-е годы «почти совершенно не писали» и что известная речь Лелевеля (1834).

²⁶ В стране льдов, с сердцем, кипящим битвами,
 Ты будишь огненными словами мертвых слушателей
 И, в диких чашах вновь появившийся пророк,
 Ты пламенем расплавляешь заснеженные пустыни душ.

Ты плывешь над курганами скорбными чувствами,
 Эхо лесов с восторгом внимает твоей речи,
 И песнь твоя то сладкой, чарующей силой,
 То снова страхом несчастий играет сердцем дрожащим.

Читает тебя салонный дворянчик Петрограда,
 Читает купец, в Китай караваны ведущий,
 И башкир, вооруженный луком, и толстый татарин.

Читает тебя в унылой хижине у подножья гор
 Камчадал, одетый в собольи меха,
 Рыбьим жиром наливший одинокую лампу.

(Sonety ku czci uczonych slawian. IV. Puszkina. Slawianin. Zebrány i wydany przez Stanisława Jaszowskiego, t. I, Lwów, 1831, стр. 9; см. также: М. Тороховский, Пушкин в Польше, 1950, стр. 156—157).

²⁷ P. Dahlman. Maryna Mnischówna. Tragedya. В книге: Poezye pomniejsze Piotra Dahlmana. Wrocław, 1841, стр. 130—131. — Мы пользовались экземпляром этого редкого издания, находящимся в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

является лишь «исключением» в общем «заговоре молчания» вокруг имени русского поэта. Если статья Мицкевича являлась самым значительным из всего, что было написано польскими писателями под непосредственным впечатлением гибели Пушкина, то она всё же не была единственным откликом по этому поводу. Эту статью Мицкевича иногда рассматривали прежде всего как дань дружеской памяти перед свежей могилой поэта; недаром она и подписана Мицкевичем: «Один из друзей Пушкина». Однако высокая оценка гения русской поэзии разделялась, как мы видели, и другими польскими современниками Мицкевича, не связанными с ним узами личной дружбы: такая оценка уже в конце 30-х годов прошлого века была среди польских литературных деятелей и сложившейся, и бесспорной.

Трудно также согласиться и с другим утверждением М. Якубца, высказанным им в той же работе, что будто бы некролог Пушкина был направлен Мицкевичем в «Le Globe» по той причине, что журнал этот отличался «политической нейтральностью». Известно, что до своего прекращения в 1832 году «Le Globe» являлся органом сенсимонистов и фурьеристов. Через пять лет издание «Le Globe» возобновилось, и в первом же номере возрожденного журнала напечатана была статья Мицкевича о Пушкине. Вопрос о личных связях Мицкевича с редакцией возобновленного французского журнала требует особых разысканий, но трудно предположить, что Мицкевич ничего не знал о прежней идейной направленности «Le Globe» или, напротив, что он заранее был предупрежден о более умеренных позициях его новой редакции. Этому противоречит прежде всего идейная направленность самой статьи Мицкевича. Трудно отделаться от впечатления, что Мицкевич не только знал о том, что «Le Globe» был в свое время рупором сенсимонистских и фурьеристских идей, но что, имея это в виду, он поместил в своей статье интересные и всё еще не до конца истолкованные строки о Пушкине: «Что пробуждалось в его душе?.. Может быть, его воображение работало над тем, чтобы воплотить в себе мысли в духе Сен-Симона или Фурье?».

Тем не менее статья М. Якубца об автографическом тексте некролога Пушкина, написанного Мицкевичем, несомненно, вызовет интерес пушкинистов к этому еще далеко не оцененному в полной мере замечательному во всех отношениях историко-литературному документу.

Из новых документальных материалов о Мицкевиче и Пушкине, опубликованных в Польше за последние годы, внимание пушкинистов привлекут к себе прежде всего работы С. Фишмана, сообщающие новые и очень существенные данные о личных и литературных взаимоотношениях двух великих славянских поэтов.²⁸ С. Фишман заново обследовал письма Мицкевича к П. А. Вяземскому, поставил вопрос, с польского ли языка непосредственно переводил Мицкевича Пушкин, и в том же 1949 году отдельной книгой опубликовал исследование о Мицкевиче в России, заключающее в себе немало новых и важных для пушкиноведения соображений и архивных разысканий. В одном из московских архивов С. Фишману удалось обнаружить рукопись статьи Мицкевича о польских переводах произведений И. И. Дмитриева и Пушкина, которая была опубликована в 1827 году без подписи в журнале Н. Полевого «Московский телеграф». Сообщая о появлении переводов на польский язык «Бахчисарайского фонтана» Пушкина и «Апологов» Дмитриева, редактор журнала предварил напечатанную им рецензию

²⁸ S. Fiszman. Listy Adama Mickiewicza do Piotra Wiazemskiego. «Kuźnica», 1949, № 22; S. Fiszman. Czy Puszkina tłumaczył Mickiewicz z oryginału? «Odrodzenie», 1949, № 13; S. Fiszman. Mickiewicz w Rosji. Изд. «Państwowy instytut wydawniczy», Warszawa, 1949, 115 стр.

следующим замечанием: «Не доверяя себе, мы просили людей, более нас сведущих в польском языке, сказать нам: успешно ли исполнено это предприятие? Мнение их как о переводе поэмы Пушкина, так и о переводе «Апологов» Дмитриева читатели и увидят помещенными ниже».²⁹ За этим (на стр. 317—321) следовала самая рецензия. Дружественные отношения между Мицкевичем и Н. Полевым, о которых рассказывает К. Полевой в своих воспоминаниях, ссылаясь на то, что редакция журнала желала знать мнение людей, хорошо знающих польский язык, и, наконец, найденная черновая рукопись этой статьи неопровержимо свидетельствует о том, что автором ее был Мицкевич.³⁰ Эту статью следует назвать первым компетентным критическим отзывом о переводах из Пушкина на польский язык, тем более интересным, что здесь, в частности, были четко сформулированы основные принципы, которыми должны руководствоваться польские переводчики произведений Пушкина. Несколько позже, в 1829 году, сам Мицкевич блестяще подтвердил на практике свои теоретические рассуждения, переводя отрывок из стихотворения Пушкина «Воспоминание». Новонайденная рукопись Мицкевича дает текст, несколько отличный от того, который был опубликован Н. Полевым в «Московском телеграфе». Она написана в более доброжелательных к переводчику тонах. Приводим, в переводе, отрывок из указанной рукописи Мицкевича, именно то ее место, которое относится к Пушкину:

«Всё, что мы говорили о переводе „Апологов“ <Дмитриева>, можно было бы применить и к переводу „Бахчисарайского фонтана“ Пушкина. Хотя переводчик <А. Рогальский> скрыл свое имя, видно, однако, что это произведение также начинающего, но смелого писателя. Творение Пушкина — одно из прекраснейших в новой русской литературе — представляет трудности иного рода, чем „Апологи“ Дмитриева. Поэма Пушкина требует в переводчике еще более таланта и вдохновения. Сила слога, богатство выражений, гармония стиха подлинника исчезли в переводе, достаточно плавном, но слабом и часто неверном. Не будем приводить многочисленных примеров, возьмем лишь две строки, описывающие прелести Заремы:

Ujmujące twoje oczy
W lubym spojzeniu figlarne.

«Выражение „фиглярный“, добавленное переводчиком, употребляется только в бурлескном стиле или в низкосортной (niższej) комедии, и уже оно одно может испортить весь образ.

«Помимо недостаточной ясности и четкости выражений, всё построение стихов весьма небрежно, рифмы слишком свободны и очень часто падают на прилагательные, чего хорошие стихотворцы должны избегать.

«Всё же, несмотря на многочисленные упущения, нельзя отказать переводчику в таланте; некоторые стихи, даже целые строфы прекрасно переданы. Например:

Aż dotąd miękkością dyszą
Puste gmachy i ogrody,
Róże płoną, szumią wody,
Bujne winogrona wiszą,
I złotem ściany jaśnieją.
Widziałem okna kratowe,
Te schronienia niedostępne,
Gdzie rozstawszy się z nadzieją,
Niżąc ziarna bursztynowe
Wzdychały żony posępne.

²⁹ «Московский телеграф», 1827, ч. XIV, № 8, стр. 311.

³⁰ Некоторые дополнительные данные в пользу авторства Мицкевича сообщает Ю. Кляйнер в своей монографии «Mickiewicz» (t. II, Dzieje Konrada, część 1, Lublin, 1948, стр. 10—11).

«Мы видим, что при трудолюбии и больших навыках в сочинительстве переводчик может обогатить польскую литературу хорошими переводами».³¹

Оценка перевода А. Рогальского в журнале Н. Полевого оказалась более строгой, чем в рукописи Мицкевича. Укажем на расхождения в текстах между рукописью статьи и ее печатным текстом в «Московском телеграфе». Редактор журнала опустил сочувственные замечания рецензента относительно «плавного» стиха и талантливости переводчика, примеры удачного перевода им отдельных стихов и целых строф. В то же время в печатном тексте значительно увеличилось число приводимых здесь отрицательных примеров, сопровождаемых к тому же характерными восклицаниями: «страшимся переписывать стихи, изображающие сию сцену», и т. п. В конце рецензии сделан вывод, совершенно противоположный тому, который был в рукописи:

«Встречаются однако ж в сем переводе стихи иногда хорошие, по пяти и по шести в одном месте, но ими не спасется переводчик от негодования читателя, даже не знакомого с красотами подлинника».³²

Трудно судить, были ли вызваны эти расхождения между печатной и рукописной редакцией статьи изменением взглядов Мицкевича на перевод Рогальского или они явились следствием критического отношения Н. Полевого к переводу «Бахчисарайского фонтана» на польский язык. Последнее предположение нам кажется более вероятным. Возможно, что и редактор «Московского телеграфа» приложил свою руку к статье Мицкевича, внося в нее собственные добавления и изменения, не ограничившись ее переводом на русский язык. Статья-рецензия Мицкевича была для него прежде всего мнением людей, хорошо знающих польскую литературу, выраженным к тому же, может быть, не только в письменной форме, но и в устном разговоре. Всё это Н. Полевой изложил на страницах своего журнала в обработанном для печати виде, не устранившись от внесения в статью элементов личной оценки.

Укажем далее еще на одну любопытную находку, значение которой впервые раскрыто было С. Фишманом: речь идет о первом печатном отзыве Мицкевича о Пушкине, относящемся еще к 1827 году. В 1947 году анонимный корреспондент журнала «Kuźnica» перепечатал в этом журнале забытый «отрывок из частного письма», напечатанный в газете «Kurjer warszawski» в 1827 году³³ без обозначения автора этого письма, а также лица, к которому оно было адресовано. Сравнение текста этого «отрывка из письма», напечатанного в варшавской газете, с известным письмом Мицкевича к Одынцу, датированным мартом 1827 года, произведенное С. Фишманом в особой статье,³⁴ не оставляет сомнения, что автором его был А. Мицкевич. Несмотря на значительное сходство указанного отрывка с подлинным письмом к Одынцу,³⁵ в газетной его редакции имеются и существенные отличительные особенности, которые делают особенно интересным этот первый опубликованный в печати отзыв Мицкевича о Пушкине.

Приводим напечатанный в газете «Kurjer warszawski» отрывок из письма Мицкевича (перевод):

«В начале этого года начал выходить „Московский вестник“. Почти все местные молодые поэты и писатели входят в редакцию. Главный труженик „Вестника“ — Погодин, но сильнейшей опорой „Вестника“ является молодой

³¹ S. Fiszman. Mickiewicz w Rosji, стр. 40—41.

³² «Московский телеграф», 1827, ч. XIV, № 8, стр. 321.

³³ List z Moskwy z r. 1827. «Kuźnica», 1947, № 42.

³⁴ S. Fiszman. Nie ktoś nieznan, lecz Mickiewicz. «Kuźnica», 1947, № 47; см. также: М. Тороговски. Puszkina w Polsce. 1950, стр. 147—148.

³⁵ Adam Mickiewicz. Dzieła wszystkie. Wydanie sejmowe, t. XIII, Warszawa 1936, стр. 298—302.

поэт Пушкин. Не знаю точно числа подписчиков этого журнала, но об этом можно судить по тому, что только Пушкин за доставление в каждый номер поэзии получает в год 10 000 рубл. асс. Пушкину 28 лет, в беседе он очень остроумен и порывист; в совершенстве знает современную литературу, о поэзии имеет чистые и возвышенные понятия. Сейчас он написал историческую трагедию „Борис Годунов“. Я читал из нее отрывки; общая идея сильно задумана, отрывки прекрасны».³⁶

Ю. Кляйнер вслед за Ю. Уейским придерживается мнения, что отрывок из письма Мицкевича был опубликован в несколько измененном виде в «Kurjerze warszawskiem» по инициативе Одынца.³⁷ Однако между письмом к Одынцу и газетным сообщением, несмотря на значительное сходство, имеются и существенные различия, которые говорят скорее о двух близких по содержанию, но вполне самостоятельных письмах, чем о редакционных изменениях. К таким различиям относится, например, сообщение Мицкевича о сумме гонорара, получаемого Пушкиным, отсутствующее в письме к Одынцу. Наконец, сам Мицкевич в письме к последнему указывает еще на одно свое письмо, содержащее аналогичные сведения о литературной жизни в Москве: «Но погоди, мне кажется, что я уже писал об этом тебе или кому-то другому». Этот «кто-то другой» и был адресатом не дошедшего до нас письма Мицкевича, которое было опубликовано на страницах «Kurjera warszawskiego».³⁸

Приведенный выше отрывок из письма Мицкевича имеет первостепенное значение, так как число дошедших до нас отзывов современников об отношениях между Пушкиным и Мицкевичем крайне незначительно; к тому же они не всегда достоверны. К последним относятся полный вымысел и шляхетски ограниченный «калейдоскоп воспоминаний» Ю. Пшецлавского³⁹ и проникнутые недружелюбным отношением к Пушкину «Записки» К. Полевого, в которых ясно видна тенденция возвеличить Мицкевича за счет принижения Пушкина. Пшецлавский, например, пытался представить Пушкина в пору его полного творческого расцвета, когда он стоял в просвещении «с веком наравне», робким учеником, скромно выслушивающим от Мицкевича рассуждения о пользе. . . английского языка и необходимости его изучения. Мицкевич, по утверждению того же мемуариста, чуть ли не «первым» познакомил Пушкина с Байроном и т. д. Эти явно тенденциозные и полные фактических ошибок воспоминания имели в свое время самое широкое хождение в польском буржуазном литературоведении.⁴⁰ В действительности в дружбе двух величайших славянских поэтов не было ничего похожего на менторство с чьей-либо стороны. Именно об этом говорит краткая, но очень выразительная характеристика Пушкина, которую Мицкевич дважды и в очень сходной форме сообщил в письмах к своим друзьям.

Наряду с изучением литературных и личных отношений Пушкина и Мицкевича (а эта тема всё еще остается наиболее важной в польском пушкиноведении) внимание польских исследователей привлекают к себе более частные вопросы о значении творчества Пушкина и для других польских писателей.

³⁶ «Kurjer warszawski», 1827, № 108, стр. 442.

³⁷ J. Ujejski. Utwory Mickiewicza w czasopismach warszawskich. 1825—1828, «Ruch literacki», 1929, № 4, стр. 273; J. Kleiner. Mickiewicz, t. II, część 1. 1948. стр. 8.

³⁸ M. Torogowski. Puszkini w Polsce, стр. 147—148.

³⁹ Ципринус «Ю. Пшецлавский». Калейдоскоп воспоминаний. II. Адам Мицкевич. «Русский архив», 1872, № 10, стб. 1906—1911.

⁴⁰ Adam Mickiewicz. Dzieła wszystkie. Wydanie sejmowe, t. XVI. Rozmowy z Adamem Mickiewiczem. Warszawa, 1933, стр. 36, 42—43 и др.

В польской литературе уже давно отмечалась близость некоторых ситуаций и мотивов романа Г. Сенкевича «Огнем и мечом» к «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» Пушкина.⁴¹ Этот же вопрос затронут в статье Ю. Кшижановского «Сенкевич и русская литература».⁴² Автор статьи указывает на общие для Сенкевича и Пушкина темы в художественном изображении казацко-крестьянских бунтов. Хотя в статье нет достаточно четкого определения исторически прогрессивных взглядов Пушкина на природу крестьянских восстаний, в отличие от в общем консервативной и националистической программы Сенкевича, сам факт обращения последнего к творчеству Пушкина не вызывает сомнений. Вполне убедителен также и общий вывод Кшижановского, к которому он приходит на основе сделанных им наблюдений. «Сенкевич, — пишет он, — был, несомненно, представителем литературной и духовной культуры, связанной не только с Западом, о чем мы знаем издавна, но и с Восточной Европой, о чем нам известно очень мало».

Мимо Пушкина не прошли и некоторые другие польские писатели более поздних лет. Отмечено, например, влияние «Гавриилиады» Пушкина на «Легенды» А. Немоевского (1902), сказавшееся еще в те годы, когда поэма Пушкина была в России под запретом, но распространялась в различных нелегальных зарубежных изданиях.⁴³

Ряд статей посвящен был различным вопросам и забытым книжным данным, имеющим то или иное отношение к Пушкину. Ю. Гомулицкий напомнил о «неизвестном польском комментарии» к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина, имея в виду книгу Э. Хоецкого «Воспоминания о путешествии по Крыму» (1845),⁴⁴ М. Топоровский — об одном из полузабытых первых переводчиков Пушкина на польский язык, Игнатиц Деспоте Зеновиче,⁴⁵ Б. Закшевский — о стихотворении «Пушкину», которое было опубликовано в 1841 году в Кракове в сборнике произведений П. Дальмана,⁴⁶ о чем уже шла речь в настоящем обзоре. Любопытные факты о путях проникновения сказок Пушкина в польский фольклор сообщил Ю. Кшижановский в статье «Пушкин в облике народного сказочника».⁴⁷ Оказывается, что в известное собрание польских сказок «Польский сказочник», изданное А. Глинским в 1853 году,⁴⁸ были включены три сказки Пушкина, из которых почти дословно переведены: «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» и «Сказка о рыбаке и рыбке»; «Сказка о царе Салтане» дана здесь с незначительными дополнениями, взятыми, вероятно, из белорусского фольклора. В «Сказке о спящей царевне, длиннородом карлике и голове великана» того же сборника нетрудно узнать слегка измененный в частности сюжет

⁴¹ J. Birkenmajer. Sienkiewicz a Puszkin. «Ogniem i mieczem» a «Kapitanskaja doczka». «Ruch literacki», 1929, № 4, стр. 108—110; J. Harhala. Sienkiewicz i Puszkin. «Pamiętnik literacki», 1 30, rocznik XXVII, стр. 121—126. Об отношении Сенкевича к русской литературе см. также: М. J a k ó b i e c. Literatura rosyjska wśród polaków w okresie pozytywizmu. «Studia historyczno-literackie», t. II, Pozytywizm, część I, Wrocław, 1950, стр. 322—325.

⁴² J. Krzyżanowski. Sienkiewicz a literatura rosyjska. «Nauka i sztuka», 1946, № 5—6; отдельный оттиск: Jelenia Góra, 1946, 16 стр.

⁴³ K. Krejčí. Polská literatura ve věrech revoluce. Praha, 1949, стр. 247.

⁴⁴ J. Gomulicki. Nieznany polski komentarz do Fontanny Bakczysarajskiej. «Kurier codzienny», 1949, № 153.

⁴⁵ M. Toporowski. O nieznanym tłumaczu Puszkina, Zakład narodowy im. Ossolińskich, Wrocław, 1949, 32 стр.

⁴⁶ B. Zakrewski. Nieznany wiersz polski «Do Puszkina». «Kuznica», 1949, № 34.

⁴⁷ J. Krzyżanowski. Puszkina w switce bazarza ludowego. «Odrodzenie», 1949, № 23.

⁴⁸ Bazarz polski. Zbiór baśni, powieści i gawęd ludowych. Opowiedział A. J. Gliński, tt. I—IV, Wilno, 1853.

«Руслана и Людмилы». «Польский сказочник» Глинского пользовался неизменным успехом в Польше в самых широких читательских кругах, выдержав десять массовых изданий, что говорит о распространенности сказок Пушкина в Польше, хотя и приведенных здесь в переработках и без всякого упоминания Пушкина.⁴⁹

4

До сих пор в нашем обзоре шла речь о различных статьях и исследованиях польских ученых, посвященных преимущественно отдельным вопросам изучения жизни и творчества Пушкина, а также личных и литературных связей русского поэта с представителями польской литературы. Однако в польском пушкиноведении существует и сводный, обобщающий труд о Пушкине в Польше, в котором сделана попытка дать общую картину его популярности на протяжении свыше ста лет. Нам уже приходилось выше сослаться на некоторые страницы этого основательного и полезного труда. Мы говорим о книге М. Топоровского «Пушкин в Польше»,¹ вышедшей в 1950 году в Варшаве вторым изданием. Первый раз труд М. Топоровского увидел свет еще в 1939 году во втором томе юбилейного пушкинского сборника, изданного в Кракове.² Однако это издание почти полностью погибло в годы войны и является в настоящее время библиографической редкостью. Новое издание книги М. Топоровского значительно дополнено: в нем приведено около пяти-сот новых названий. И это не только материалы последнего десятилетия, но и данные, относящиеся к XIX веку, среди которых находятся забытые переводы пушкинских произведений, воспоминания, различные отзывы и даже архивные материалы. Автор стремился собрать в своей библиографии всё относящееся к Пушкину в Польше. В книге приведены отдельные переводы и отрывки из польских статей о поэте, библиограф сообщает также сведения о рукописях, письмах, газетных упоминаниях, конкурсах, юбилейных торжествах, выставках, о пушкинской тематике в польской графике, литературе, музыке, на сцене и экране, — словом, о всех областях, в которых проявился интерес польского общества к личности русского поэта.

Большое число вновь собранных фактов давало возможность изменить композицию книги, классифицировать собранный материал, но автор предпочел сохранить старый хронологический порядок изложения для того, чтобы полнее раскрыть значение Пушкина в польской культуре в исторической перспективе. К библиографии приложены подробный предметный указатель, указатели переводчиков, авторов и всех переводов Пушкина на польский язык. В книге даются пояснения, являются ли переводы произведений Пушкина полными или фрагментарными, впервые ли они публикуются и т. д. Выросла и описательная часть книги. Помимо обобщающего вступления, в котором

⁴⁹ Отметим, что и в советской литературе исследователи указывали на факты заимствования сказок у Пушкина в «Польском сказочнике» Глинского. Об этом писал Н. П. Андреев в статье «Пушкин и народное творчество» («Ученые записки Ленинградского Гос. педагогического института имени А. И. Герцена», т. XIV, 1938, стр. 61—62). Специально этот вопрос был освещен в кандидатской диссертации А. Р. Волкова «Сказки А. С. Пушкина в польских переработках А. Ю. Глинского», защищенной в Черновицком Гос. университете в 1951 году (см.: А. Р. Волков, А. Ю. Глинский и его сборник «Польский сказочник» (К столетию выхода в свет). «Ученые записки Черновицкого Гос. университета, Серия филологических наук», т. XIV, вып. 2, 1955, стр. 167—194).

¹ М. Т о п о р о в s k i. Puszkín w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki. Изд. «Państwowy instytut wydawniczy», 1950, 320 стр.

² М. Т о п о р о в s k i. Puszkín w polskiej krytyce i przekładach. «Puszkín. 1837—1937», т. II. Kraków, 1939 (766 названий).

М. Топоровский очень сжато освещает историю отношения к Пушкину в Польше, многие названия сопровождаются подробным библиографическим описанием и нередко критической оценкой того нового, что вносит в польскую литературу данный материал. В то же время в книге широко приводятся выдержки из наиболее интересных переводов, политических характеристик, резюме исследовательских работ, критических статей, что значительно расширяет рамки библиографического труда обычного типа. То, что автор выступил в своей книге не только в роли библиографа, но и в качестве сведущего историка литературы, повышает ее ценность. Значение приводимых Топоровским отрывков из польских переводов произведений Пушкина станет для нас ясным, если мы учтем, что многие из них являются библиографической редкостью, что иные подверглись уничтожению в годы войны и сохранились лишь в копиях и записях исследователя. Автор делится с читателем итогами своих многолетних разысканий, раскрывает содержание фактов, представляющих принципиальное значение для изучения развития польской критики и науки о Пушкине, истории роста мастерства переводов его произведений, значения и роли Пушкина в польской культуре.³ Таким образом, сохраняя серьезные научные достоинства библиографии, книга Топоровского становится чем-то вроде «малой энциклопедии» польской пушкинианы, что особенно важно не только для польского читателя, но и для советского пушкиниста, которому в силу ряда причин доступны далеко не все польские источники.

Отметим прежде всего пушкинские рукописи, которые находились или находятся в польских музеях. В основном они хранятся в Музее Адама Мицкевича в Париже (Muzeum Adama Mickiewicza w Paryżu). В каталоге рукописей музея, изданном Адамом Леваком в 1931 году,⁴ перечислены пять пушкинских текстов, из них три автографа Пушкина и два списка. Приводим их перечень:

1) Запись Пушкина в альбоме Марии Шимановской от 1 марта 1828 года — «Из наслаждений жизни...» (стихи из II сцены «Каменного гостя»). Автограф. Шифр музея А. Мицкевича № 971 (Мария Шимановская. Альбом стихотворений, сентенций, рисунков и литографий... 1822—1831, стр. 323).

2) Письмо Пушкина к Марии Шимановской 1828 или 1829 года (Изд. Академии Наук СССР, т. XIV, № 403). Автограф. Шифр: 969 (Мария Шимановская. Альбом автографов. 1733—1833, автограф № 67).

3) Письмо Пушкина к С. С. Хлюстину от 25 мая 1835 (?) года (Изд. Академии Наук СССР, т. XVI, № 1062). Автограф. Шифр: 1012 (Письма разных лиц. 1829—1856).

4) Стихотворения Пушкина «Он между нами жил...» (1834). Список. Шифр: № 796 (из бумаг А. Мицкевича).

5) Неизвестный текст Пушкина. Шифр: № 780 (стихи в честь Адама Мицкевича, а также подаренные ему; 1824—1898; из бумаг А. Мицкевича).

Почти все указанные рукописи Пушкина известны в русской литературе. Записка Пушкина к С. С. Хлюстину от 25 мая 1835 (?) года по фотокопии, полученной из Музея Адама Мицкевича в Париже, опубликована Л. Б. Модзалевским в «Летописях Государственного литературного музея» (кн. I, «Пушкин», М., 1936, стр. 336—337); она была известна и ранее, хотя и не вполне в исправном виде. Письмо Пушкина к М. Шимановской (июль—

³ См. рецензию Янины Прегер в журнале «Twórczość» (1951, № 7, стр. 161—166). Некоторые добавления и поправки к библиографии Топоровского сообщены в рецензии Петра Гжгорчика («Pamiętnik literacki», 1950, t. XXXIX, стр. 422—429).

⁴ A. L e w a k. Katalog rękopisów Muzeum Adama Mickiewicza w Paryżu. Kraków 1931, XV + 244 стр.

август 1828 года или январь—февраль 1829 года) по фотокопии, полученной из того же музея, напечатано полностью Н. В. Измайловым (там же, стр. 327), а впервые было приведено П. Д. Эттингером в журнале «Красная нива» (1929, № 24, стр. 12). Три стиха, вошедшие позже во вторую сцену «Каменного гостя» («Из наслаждений жизни. . .»), напечатал еще Н. О. Лернер по копии, сообщенной ему из Парижа А. Ф. Онегиным, в журнале «Исторический вестник» (1905, № 7, стр. 319). История того, как попали пушкинские рукописи и списки в Музей Мицкевича в Париже, еще недостаточно ясна. Записка поэта С. С. Хлюстину могла попасть к Мицкевичу от самого Хлюстина или от его сестры Анастасии Семеновны, в замужестве Сиркур. С ними Мицкевич был близок в 30-е и 40-е годы.⁵ Не вызывают сомнения автографы Пушкина в альбомах М. Шимановской, на младшей дочери которой был женат польский поэт.⁶ Сложнее обстоит дело со стихотворениями Пушкина, рукописи которых якобы находятся в бумагах Адама Мицкевича. М. А. Цявловский определил по фотокопии, полученной из Парижа, что рукопись стихотворения Пушкина «Он между нами жил. . .» (№ 796 по каталогу А. Левака) не является автографом поэта, и высказал предположение, что она была сделана рукой И. С. (sic!) Тургенева.⁷ Теперь представляется возможность выяснить судьбу этого списка и в то же время раскрыть один из интересных фактов в истории русско-польских литературных и общественных отношений. Известно, что лекции Мицкевича о славянских литературах, читанные им в Париже в 1841—1844 годах, вызвали огромный интерес среди славянской общественности. Нередко их посещали русские, приезжавшие в Париж или там жившие, о чем известно из разных источников.⁸ Постоянным слушателем лекций Мицкевича был и А. И. Тургенев, который в своих письмах из Парижа к П. А. Вяземскому в 1842 и 1843 годах регулярно сообщал сведения о содержании курса Мицкевича и даже присылал рукописи отдельных лекций.⁹ Именно ему принадлежал список стихотворения Пушкина, обнаруженный в бумагах Мицкевича. О том, как этот список попал к Мицкевичу, рассказывает сам А. И. Тургенев в письме к Вяземскому от 25/13 февраля 1842 года: «Сообщаю Вам три [а может быть и четыре] лекции Мицкевича, мною слышанные. В последнюю — положил я на его кафедру стихи к нему («Голос с того света») Пушкина к Мицкевичу», о коих он не знал, ибо не читал недавно изданных трех частей нашего друга — Поэта. Вы заметите теперь совсем иное направление в духе лекций его: он как бы услышал молитву Поэта:

«И мир опять в его душе».¹⁰

Речь идет о копии стихотворения Пушкина «Он между нами жил. . .», которое впервые было напечатано под заглавием «М*» в 1841 году В. А. Жуковским в дополнительном, девятом томе посмертного издания сочинений Пушкина (стр. 171). Под «новым направлением» в лекциях Мицкевича А. И. Тургенев, вероятно, подразумевает высокую оценку, которую дал Мицкевич творчеству Державина и русской литературе XVIII века в лекции, чи-

⁵ S. Fiszman. Mickiewicz w Rosji. Warszawa, 1949, стр. 69—70.

⁶ П. А. Вяземский посвятил специальную статью альбому автографов М. Шимановской — «Об альбоме г-жи Шимановской» (1827) (Полное собрание сочинений, т. II, СПб., 1879, стр. 59—66); см. также: Рукою Пушкина. Изд. «Akademia», 1935, стр. 647—648.

⁷ Пушкин. 1834 год., Л., 1934, стр. 92.

⁸ См. например: A. Mickiewicz. Rzecz o literaturze słowiańskiej. Rok drugi (1841—1842). Poznań, 1851, стр. 1, 205—206.

⁹ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 1454.

¹⁰ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 309, № 127, л. 86.

танной 12 февраля 1842 года,¹¹ т. е. непосредственно перед написанием письма. В поэтической характеристике Мицкевича в письме А. И. Тургенева: «И мир опять в его душе» мы видим как бы ответ на известные строки Пушкина из стихотворения, посвященного польскому поэту, которое мы цитируем по изданию 1841 года:

... Издалека
Знакомый голос злобного поэта
Доходит к нам!.. О боже! возврати
Твой мир в его озлобленную душу.

Ничего неизвестно нам о рукописи стихотворения Пушкина, отмеченной в каталоге А. Левака под № 780. Следует также отметить, что в библиографии М. Топоровского не указан подлинник письма Пушкина к отцу (конец декабря 1836 года), который хранился в библиотеке Института Оссолинских во Львове под № 1379, куда поступил в 1845 году от графа Г. Любомирского. В 1940 году письмо было вновь сверено по подлиннику для академического издания Д. Д. Благим. Любопытно, где оно сейчас находится?

Достоинством работы М. Топоровского является то, что он на большом фактическом материале раскрывает борьбу за Пушкина в Польше между силами прогресса и реакции.

Книга М. Топоровского всем своим содержанием уничтожает буржуазно-шляхетскую легенду о незначительной распространенности произведений Пушкина в Польше. Когда читатель знакомится с разделом переводов, его прежде всего поражает их огромное количество, широкий охват пушкинского творчества, постоянное совершенствование мастерства его переводчиков. Только в XIX веке в Польше перевели сто произведений Пушкина, но и это число не дает представления о распространенности и популярности здесь творчества Пушкина, так как многие произведения переводились дважды и более; всего в XIX веке Пушкина переводили в Польше около двухсот раз. К 1950 году это число выросло до шестисот, полностью переведено двести пятьдесят больших и малых творений гениального русского поэта, в том числе такие произведения, как «Братья разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Цыганы» и «Евгений Онегин», переводившиеся пять, шесть и семь раз. В 1938 году союз польских писателей объявил конкурс на перевод одного указанного в условиях конкурса произведения французской, немецкой, английской и русской литератур. Наибольший отклик соревнующихся вызвало очень трудное для перевода стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье...». В жюри комиссии поступило двести двадцать переводов! Свыше ста шестидесяти поэтов и переводчиков обращались к пушкинскому творчеству. Ни одна зарубежная литература не может похвалиться таким размахом переводческой работы. такой полной воссоздания пушкинского гения в иноязычной речи.¹²

Пушкин вошел в польскую культуру как гениальный поэт, с наибольшей силой и полнотой отразивший революционные, прогрессивные, гуманистические настроения русского народа. Дружба Пушкина с А. Мицкевичем стала

¹¹ A. Mickiewicz. Rzecz o literaturze słowiańskiej. Rok drugi (1841—1842) Poznań, 1851, стр. 75—82.

¹² Вл. Нейштадт в статье «Пушкин в мировой литературе» (в сборнике «Сто лет со дня смерти А. С. Пушкина», Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 240—241) приводит цифровые данные о переводах произведений Пушкина на иностранные языки: на чешский — 175, французский и немецкий — 170, сербский — 150, болгарский — 90, польский — 70, английский — 60, итальянский — 50, словенский — 40, латышский — 30, востонский — 25. В действительности число польских переводов уже в то время было значительно большим; их было не 70, а свыше 420.

символом нерушимой дружбы и братства русского и польского народов. Именно эти черты революционного патриотизма и народности вызывали постоянный и глубокий интерес к творчеству Пушкина. Еще при жизни поэта были переведены «Кавказский пленник», «Цыганы», «Полтава», «Кирджали» и другие произведения, три раза переводился «Бахчисарайский фонтан». Но числом переводов не измерить значения пушкинского слова в Польше по той простой причине, что многие поляки, жившие в пределах Российской империи, втянутые в орбиту экономической и культурной жизни России, хорошо владели русским языком и могли непосредственно обращаться к произведениям поэта в оригиналах. Революционная поэзия Пушкина проникала в Польшу также через декабристов, связанных с лучшими представителями польских революционных кругов. В среде революционно настроенной молодежи мы встречаем первое известное упоминание о Пушкине. С 1819 года в Петербурге жил знакомый Мицкевича Пелчиньский,¹³ принятый заочно (в 1820 году) в Общество филаретов, который информировал своих виленских друзей о наиболее значительных политических событиях. В письмах к филомату Ю. Ежовскому среди сообщений об убийстве герцога Беррийского (вследствие чего «страх охватил правителей, особенно тех, у кого совесть нечиста»), о революции в Испании и т. п. он говорит также о Пушкине, впрочем, не называя его по имени. Несмотря на отдельные фактические неточности, Пелчиньский очень ясно представляет себе политическую позицию молодого русского поэта: «Здесь появился немалый талант к поэзии в одном девятнадцатилетнем юноше, несколько отрывков которого и одна небольшая поэма «Руслан и Людмила» очень удались, прекрасно и сильно написаны; но так как его Муза не знала хорошо указов, его выслали за это на границу Персии...». Любопытно, что в этом же письме Пелчиньский дает высокую оценку Мицкевичу: «...на него возложены великие обязанности и надежды родины, и он не может их не оправдать».¹⁴ Так впервые встретились в переписке филоматов Пушкин и Мицкевич.

Несколько позже, в конце 1821—начале 1822 года, в другом конце России, на юге, обратился с восторженным посланием к Пушкину Густав Олизар.¹⁵ Его романтическая любовь к М. Н. Раевской-Волконской была подробно описана несколько раз, в частности Л. Гроссманом.¹⁶ Менее известна общественная деятельность Олизара. Мастер киевской ложи «Соединенных славян», Олизар принадлежал к тем кругам польских революционеров, которые мечтали о создании федерации свободных славянских народов и стремились к совместной борьбе с русскими революционерами против царского самодержавия. Вероятно, под влиянием тесного общения с южными декабристами, особенно с С. И. Муравьевым-Апостолом и М. П. Бестужевым-Рюми-

¹³ Л. Подгорский-Окулов в статье «*Łudziem despotę... Mickiewicz a dekabryści*» («*Odrodzenie*», 1946, № 8) утверждает, что филоматы через Пелчиньского поддерживали связи с декабристами.

¹⁴ *Archiwum filomatów. Część I, Korespondencya 1815—1823. Wydał Jan Czubek, t. III, Kraków, 1913, стр. 16—21* (письмо Пелчиньского к Ежовскому от 17/29 ноября 1820 года).

¹⁵ Предположение, что автором послания к Пушкину на польском языке был Г. Ф. Олизар, было высказано еще В. Чернобаевым, но не было достаточно аргументировано («*Литературный архив*»). Материалы по истории литературы и общественного движения, т. I. Изд. Академия Наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 146—147). Сличение почерка послания к Пушкину с рукописями других поэтических произведений Г. Ф. Олизара, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ, позволяет сделать положительный вывод об авторстве Олизара.

¹⁶ Л. Гроссман. Бальзак в России. «*Литературное наследство*», кн. 31—32, 1937, стр. 262—264; см. также мемуары Г. Олизара «*Pamiętniki (1798—1865)*», Lwów, 1892. Ср. W. Lednicki. *Alexander Puszkina. Studia. Kraków, 1926, стр. 190—192. 232.*

ным, формировались политические и социальные взгляды Олизара, который был убежденным противником крепостного права. В июле 1821 года Олизар вместе с И. С. Швейковским и Раевскими несколько дней гостил у генерала М. Ф. Орлова в Кишиневе, где в это время находился и Пушкин. Одновременно с Раевским к Орлову приехали из Вильны члены тайного польского Патриотического общества Валевский и М. Ромер.¹⁷ Политические настроения «кишиневских декабристов» хорошо известны. Стихотворение Олизара является еще одним ценным документом о кишиневском периоде жизни Пушкина. Написанное вскоре после отъезда из Кишинева, где Олизар сблизился с Пушкиным, послание заключает в себе явные отклики дружеских споров о политике, истории, литературе, типичных для круга друзей М. Ф. Орлова.¹⁸

Олизар называет Пушкина «поэтом могучего Севера», он полон восхищения перед силой гуманизма пушкинской поэзии, которая «властвует над человеческими чувствами», открывает подлинную красоту человеческой жизни.

Быть может ты вспомнил о тех двух братьях,
Которые так умели любить друг друга! . .
Люди сохранят их в своей памяти — ведь
Они хотели вместе погибнуть!

«Разбойника» — так их называли; но гений
В своем новом произведении добивается того,
Что преступление, уже преследуемое топором
Палача, преобразается в добродетель!

Олизар предвидит славное будущее пушкинской поэзии:

Пушкин! Ты еще так молод! А родина твоя так
Велика! . . Еще тебя ожидают слава, награды и
Всевозможные надежды!

Подобно Рылееву и В. Ф. Раевскому, Олизар призывает Пушкина обратиться к народным, общественно-политическим темам. Уже в первых строфах послания звучит пламенный призыв к поэзии больших гражданских чувств, революционного действия:

Но искра твоего гения может состязаться
С солнечным блеском; воспользуйся ее
Творческой силой; она будет также сиять
Без конца!
И если солнце растопляет льды и освобождает
От оков шумные реки, то искра гения
Возрождает народы и переделывает
Минувшие столетия!

Этот призыв еще более энергично повторяется в конце стихотворения:

Возьми лиру и пой мужественным голосом.¹⁹

¹⁷ Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди. «Русский архив», 1866, № 8 и 9, стб. 1258; М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. Изд. Академии Наук СССР, М., 1951, стр. 304, 762. — Воспоминания Липранди помогают установить время встречи Олизара с Пушкиным, откликом на которую явилось стихотворное послание польского поэта. Наиболее полную польскую библиографию об Олизаре см.: J. Kleiner, Mickiewicz, t. I. Lublin, 1948, стр. 551—552.

¹⁸ В. Г. Базанов. Владимир Федосеевич Раевский. Изд. Академии Наук СССР, Л.—М., 1949, стр. 57—87.

¹⁹ «Литературный архив», т. I, 1938, стр. 145, 146 (с исправлениями по автографу, хранящемуся в ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, № 11).

Декабристский смысл обращения Олизара к Пушкину не вызывает сомнения.

По понятным причинам сохранились далеко не все факты, свидетельствующие о широкой популярности поэзии Пушкина в польском обществе в 1820—1830-х годах.²⁰ Мы пользуемся случаем сообщить еще один факт, представляющий интерес не только для польской пушкинианы. В 1857 году в журнале «Biblioteka warszawska» были напечатаны воспоминания о 1825 годе Фр. Ковальского,²¹ получившие анекдотическую известность. Автор воспоминаний в разделе «Одесса. Адам Мицкевич и Пушкин» рассказал о своей встрече с двумя великими поэтами, сидевшими за одним столом в одесском ресторане. Сенсационное сообщение Ковальского было быстро опровергнуто. К. Зеленецкий в «Одесском вестнике»²² убедительно доказал, что Пушкин и Мицкевич никогда не жили вместе в Одессе. Заметка Зеленецкого вынудила Ковальского снова выступить на страницах журнала «Biblioteka warszawska» с объяснением своей ошибки. Ссылаясь на преклонные годы и плохую память, Ковальский далее пишет: «... в Одессе я всегда слышал имя Мицкевича вместе с именем Пушкина, и эти имена звучали во всех домах так, что до сих пор мне кажется, будто они сами были тогда вместе».²³ На этот раз память не изменила Ковальскому. Произведения Пушкина, как и Мицкевича, действительно были хорошо известны во многих польских семьях, живших в Одессе. Характерно, что аналогичная «ошибка памяти» обнаружилась и в воспоминаниях К. Качковского, который также пишет о встрече двух «орлов славянской поэзии» на берегу Черного моря.²⁴ И Ковальский и Качковский встречались в Одессе с Мицкевичем летом 1825 года. Конечно, источники «легенды» одни и те же и подсказаны огромной популярностью поэзии Пушкина, его недавним пребыванием в Одессе, где русского поэта как бы сменил в ссылке А. Мицкевич.

Но есть и прямые факты, свидетельствующие об интересе к творчеству Пушкина в польской прогрессивной среде 1820-х годов. Среди наиболее близких друзей Мицкевича в Одессе, по воспоминаниям К. Мархоцкого, А. А. Скальковского и других современников, были Шемиоты. Именно

²⁰ Характерно, что живший с 1815 года во Флоренции известный польский композитор и участник национально-освободительного движения М. Огиньский был хорошо знаком с русской культурой и творчеством Пушкина. В письме к Л. Ходзько от 26 августа 1828 года он писал: «Роман Пушкина и большая часть других его произведений приводятся в иностранных журналах как заслуживающие подражания образцы литературы, а многие другие русские известны в остальной части Европы как выдающиеся математики, как минералоги, как историки, труды которых переводятся; как географы и путешественники, которые делают полезные открытия во время своих кругосветных путешествий, — одним словом, как писатели и ученые во всех областях» (ЦГАДА, Госархив, разряд XII, № 266, ч. II, л. 18; цитируется по книге: И. Бяла. Из истории русско-польских музыкальных связей. Музгиз, М., 1955, стр. 13—14).

²¹ F. Kowalski. Pamiętniki (1825). Odessa. Adam Mickiewicz i Puszkcin. Podróż z Umania do Odessy. «Biblioteka warszawska», Nowa seria, 1857, t. IV, стр. 347—381 (отрывок перепечатан в «Русском инвалиде», 1857, № 277, 22 декабря, стр. 1149—1150).

²² К. Зеленецкий. Заметка о Пушкине и Мицкевиче. «Одесский вестник», 1858, № 17, 13 февраля, стр. 71 (перепечатано в «Русском инвалиде», 1858, № 44, 26 февраля, 1888); см. также: K. Zieleniecki i Adam Mickiewicz i Puszkcin w Odessie. «Biblioteka warszawska», Nowa seria, 1858; t. III, стр. 166—169.

²³ «Biblioteka warszawska», Nowa seria, 1858, t. IV, стр. 254—255.

²⁴ Wspomnienia z papierów, pozostałych po śp. Karolu Kaczkowskim, generał sztab lekarzu wojsk polskich. Ułożył Tadeusz Oksza Orzechowski, t. I, Lwów, 1876, стр. 118—119.

в их доме (Греческий форштат, квартал 40, № 735 и 736, дом не сохранился) читал Мицкевич первые наброски к «Конраду Валленроду». Этим и ограничиваются все сведения о Шемиотах в польской литературе.²⁵ Частично сохранившиеся в Одесском областном архиве бумаги Шемиота позволяют по-новому осветить одно из «темных» мест в одесской биографии А. Мицкевича и сообщить новые данные о распространенности произведений Пушкина на юге России.

Викентий Леонтьевич Шемиот, выходец из Литвы, поселился в Одессе в самом начале 1800-х годов. Некоторое время он занимался торговыми операциями, но вскоре вступил в армию в чине есаула и находился при бессарабской армии до окончания Отечественной войны (1807—1812). В течение ряда лет Шемиот был начальником Аккерманской заставы, а с 1817 по 1825 год — екатеринославским вице-губернатором и гражданским губернатором. После 1825 года он был отстранен от должности гражданского губернатора и числился в отпуску до 1828 года, когда его старшему сыну Станиславу, близкому к министру финансов Канкрину, удалось выхлопотать для отца отставку и ежегодную пенсию в размере трех тысяч рублей. Умер Шемиот в Одессе в 1840 году. Материальное положение Шемиотов было не блестящим. Имение Шемиотовка в Херсонской губернии приносило больше убытков, чем доходов, о чем говорят многочисленные деловые письма, долговые расписки, настойчивые упоминания о сроках платежей, постоянно растущий долг в Государственном банке, — словом, всё то, что было типичным для разоряющегося мелкопоместного дворянина.²⁶

Интересен круг знакомых и общественных связей Шемиота. Здесь нет и намек на какую-то выдуманную впоследствии «польскую обособленность». В доме Шемиотов часто бывали наряду с поляками В. И. Туманский, А. Г. Родзянко, М. М. Кирьяков и др.²⁷ В воспоминаниях А. М. Фадеева указано, что с Шемиотами был знаком А. С. Пушкин.²⁸ Сохранились письма Н. И. Гнедича к В. Л. Шемиоту, из которых видно, что они находились в дружеских отношениях. Во время приезда Гнедича в Одессу он жил в доме Шемиота; среди его книг есть «Илиада» с дарственной надписью Гнедича.²⁹ Из друзей Шемиота особого упоминания заслуживает декабрист Д. Л. Алексеев. В одном из своих писем к Шемиоту Алексеев предлагает целый ряд мер по облегчению участи крестьян, «и без того нищих», в связи с новым единовременным обложением.³⁰ Трудно судить об общественных взглядах Шемиота, но, вероятно, политические настроения декабристской эпохи в какой-то мере на них отразились. Об этом сохрани-

²⁵ M. Dubiecki. Pierwszy rok wygnania Adama Mickiewicza. «Kurier polski», Kraków, 1890, № 182; Wł. Mickiewicz. Żywot Adama Mickiewicza, t. I. Poznań, 1929, стр. 219, 220—221. — «Таянственной» называет семью Шемиотов Л. Гомолицкий в своей книге «Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji 1824—1829» (изд. «Książka i wiedza», Warszawa, 1949, стр. 69).

²⁶ Наиболее полные, хотя и не всегда точные, данные о В. Л. Шемиоте, встречающиеся в печати, собрал С. П. Шестериков («Известия по русскому языку и словесности Академии Наук СССР», т. III, кн. 1, 1930, стр. 44—46), но ему не были известны архивные материалы, которыми мы пользуемся.

²⁷ Одесский областной архив, ф. 199, семейная переписка В. Л. Шемиота.

²⁸ На это обратил внимание М. П. Алексеев в книге: Пушкин. Статьи и материалы вып. III (Одесса, 1926, стр. 17); см.: А. М. Фадеев. Воспоминания, ч. I. Одесса 1897, стр. 78.

²⁹ «Илиада» Гнедича и другие книги из библиотеки Шемиота находятся в отделе укопий Одесской Гос. публичной библиотеки имени М. Горького.

³⁰ Одесский областной архив, ф. 199, д. 8, л. 7.

лось вполне официальное мнение малороссийского военного губернатора генерал-адъютанта князя Н. Г. Репнина (Волконского). В своем отношении от 30 января 1826 года к новороссийскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову он пишет следующее:

«Г. военный министр в отношении своем ко мне известил меня о высочайшей его императорского величества воле, дабы некоторые из членов бывшей в Полтаве ложи Новикова, а в числе их и Алексеев, были представлены его величеству.

«Сделав по сему надлежащее исполнение и зная из показаний взятых лиц, что к сообществу их принадлежит и губернский предводитель дворянства Екатеринославской губернии статский советник Дмитрий Алексеев, я нужным почитаю препроводить к сведению Вашего сиятельства копию означенного отношения г. военного министра, — екатеринославского же гражданского губернатора «Шемиота» не известил я о сем по той причине, что он сам, как мне известно, принадлежал к упомянутой ложе».³¹

Не в этих ли связях Шемиота с декабристами кроются причины его неожиданного отстранения от должности гражданского губернатора «по болезни» без пенсии?

Об интересах В. Л. Шемиота и его семьи говорят также личные бумаги «фамильного архива помещика Шемиота», среди которых находятся разнообразные выписки из следственных дел декабристов, из «философического письма» Чаадаева и списки стихотворений Пушкина, Рылеева и Державина, большая часть которых была переписана между 1823 и 1825 годами. Впоследствии, после восстания декабристов, под некоторыми из политических произведений Пушкина и Рылеева Шемиот, вероятно, в целях предосторожности, проставил «нейтральные» имена — графа Хвостова, князя Шаликова, княгини Э. Волконской.³² Среди этих стихотворений привлекает внимание список последней части стихотворения Пушкина «Свободы сеятель пустынный...», находящийся рядом со стихотворением Рылеева «К временщику» и эпиграммой Державина «На сенат» — на листе бумаги с водяными знаками 1821 года.³³

Список этого стихотворения Пушкина содержит некоторые разночтения по сравнению с известными текстами, что очень важно, так как список сделан лицом, лично знакомым с Пушкиным, возможно, даже во время пребывания поэта в Одессе. Кроме того, не лишено вероятия также предположение, что список Шемиота явился основой для первой публикации стихотворения в польском переводе.

Впервые на русском языке стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» было напечатано Герценом в сборнике «Полярная звезда на 1856 год» (кн. II) в Лондоне, а в России — Бартеневым в 1866 году. Но еще задолго до того, вскоре после разгрома польского восстания в 1831 году, стихотворение Пушкина было переведено уже известным нам Ф. Ковальским.³⁴ В те годы переводчик принимал деятельное участие в польском национально-освободительном движении и был одним из видных поэтов варшавского восстания (в 1831 году в Варшаве вышла книга революционных стихов Ф. Ковальского «Miecz i lutnia» — «Меч и лира»). Перевод был сделан Ковальским непосредственно после поражения ноябрьского восстания и прозвучал как гневное обличение европейских народов, не оказавших поддержки

³¹ «Україна», Киев, 1925, № 6, стр. 47.

³² Одесский областной архив, ф. 199, д. 11, Альбом стихотворений, лл. 1—4.

³³ Там же, ф. 199, д. 59, л. 1.

³⁴ Перепечатано в книге: Wspomnienia roku 1830—1831. Zebrał i wydał J. Horoszkiewicz, zes. I, Lipsk, 1880, стр. 105.

восставшей Польше.³⁵ Ковальский мог познакомиться с стихотворением Пушкина еще в 1825 году, когда он находился в Одессе и часто встречался с Мицкевичем в доме Шемиотов и Залеских,³⁶ где, как он сам писал в старости, «звучали вместе» имена Пушкина и Мицкевича. Наконец, в самом переводе есть сходство со списком, находящимся в альбоме Шемиотов. Ковальский переводит не весь текст стихотворения, а лишь его завершающую строфу. Общим в списке Шемиотов и переводе Ковальского является также выражение «добрые народы» (вместо «мирные народы»).

Обратим, однако, внимание на то, что в потаенной рукописной литературе 20-х годов прошлого века получила распространение именно вторая часть указанного стихотворения Пушкина. В одном из первых донесений агента Бенкендорфа жандармского полковника И. П. Бибикова приводилось это стихотворение, как распространенное «даже в провинции».³⁷ В 1827 году штабс-капитан Мозевский, приятель В. Ф. Раевского, был арестован и обвинен в переписке и распространении стихов Раевского и того же стихотворения Пушкина. Копия Мозевского (может быть, полученная от В. Ф. Раевского) почти полностью совпадает со списком Шемиота:

Пасятесь, добрые народы,
Вас не разбудит чести клич.
На что стадам дары свободы,
Их надобно резать или стричь.
В потомство из рода в род
Ярмо с гремушками да бич!³⁸

Список Шемиота

Пасятесь, добрые народы,
Вас не разбудит славы клич;
К чему стадам дары свободы,
Их нужно резать или стричь.

В потомство им — из рода в роды
Ярмо с гремушками — и бич.³⁹

Перевод Ф. Ковальского Do narodów

(Myśl z Aleksandra Puszkina)

Paście się dobrze narody,
Obca wam sława i cześć;
Trzodzie nie trzeba swobody,
Trzeba ją strydź, bić i jeść.
Trzoda się światłem nie chlubi,
Niech i tysiące trwa lat;
W swej poziomuści cóż lubi? —
Jazrmo, brzękadło i bat.

Перевод Ф. Ковальского отличается для своего времени высокими поэтическими достоинствами. Первое четверостишие полностью передает особенности списка, завершающие две строки стихотворения расширены Ковальским, но сохраняют пушкинский смысл. Конечно, нет точных све-

³⁵ Рядом с переводом в указанном выше сборнике 1880 года помещены оригинальные стихотворения Ф. Ковальского, выдержанные в таком же политическом духе «Rocznica 29 listopada w więzieniu 1831», «Do Polski», «Pieśń tułaczów polskich do narodów» (стр. 105, 106, 114).

³⁶ Повидимому, Ковальский встречался с Мицкевичем в конце октября — начале ноября 1825 года, после его освобождения из-под ареста. Ковальский вскоре после своего приезда в Одессу был арестован в числе трех поляков из-за отсутствия у них паспортов. 30 сентября 1825 года Александр I из Таганрога рескриптом М. С. Воронцову разрешил выпустить Ковальского из крепости и позволил ему вернуться на родину. На рескрипте имеется помета Воронцова: «27 октября 1825 г.» (Одесский областной архив, Рескрипты и грамоты; «Былое», 1925, № 4 (32), стр. 160).

³⁷ Б. А. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е, изд. «Атеней», Л., 1925, стр. 16, 18.

³⁸ П. Бейсов. Дело Мозевского. «Ученые записки Ульяновского Гос. педагогического института. Пушкинский юбилейный сборник», Ульяновск, 1949, стр. 68—70.

³⁹ См. разночтения в академическом издании (т. II, 1947, стр. 302).

дений, позволяющих нам утверждать, что именно список Шемиота послужил основой для перевода Ковальского, но мы можем предположить, что в доме Шемиотов звучали не только произведения Мицкевича, но и политическая поэзия Пушкина и Рылеева. И не эти ли чтения отразились впоследствии на воспоминаниях Мицкевича, когда он в лекциях о славянских литературах говорил, что стихи Пушкина, проникнутые «духом мрачного якобинства и глубокой ненавистью к существующему строю...», распространялись от Петербурга до Одессы и Кавказа, переписывались, страстно обсуждались...».⁴⁰

Так уже в 20-х годах XIX века складывался в сознании передовых кругов польского общества образ великого русского поэта, гениального выразителя революционных настроений эпохи декабризма. Этот образ был углублен и расширен в польской публицистике, литературной критике и поэзии 1830—1840-х годов. Мы уже упоминали о поэтических высказываниях А. Мицкевича, С. Яшовского, П. Дальмана; отметим лишь несколько фактов, оставшихся неизвестными М. Топоровскому и не упомянутых в его книге.

Выступление И. Лелевеля 25 января 1834 года в Брюсселе, в котором он представил Пушкина поэтическим идеологом революционной русской молодежи, привлекало внимание русских и польских исследователей.⁴¹ Но это была не единственная характеристика Пушкина в выступлениях польского историка и демократа. В речи на праздновании десятой годовщины польской революции в Брюсселе в 1840 году Лелевель снова (как и в речи 1834 года) привел для оценки положения в России приписывавшуюся им Пушкину («русскому поэту») ⁴² следующую «сказку»: «... однажды некий путник проходил мимо пещеры, из глубины которой доносились стоны, плач и сетования. Путник, тронутый этими муками, хотел оказать помощь несчастным, но глубокая темнота не позволила ему войти. Тогда он взял горящий факел и вошел с ним вглубь пещеры, где увидел странную и чудовищную картину: множество искалеченных людей, облитых кровью, покрытых ранами. Между ними один человек с кнутом в руке хлестал по ним направо и налево. Напрасно заслоняли матери своих детей, которых этот тиран истязал с большим, чем взрослых, наслаждением; люди в расцвете сил, такие же беспомощные, как дети, сами подставляли спины и ни один из них не знал, кто их палач. Так было в пещере до тех пор, пока там не появился свет. Тогда тиран, удваивая побои, хотел его погасить, но свет не погас и люди, освещенные им, схватили тирана и обуздали его. С тех пор прекратились стоны, измученное население пещеры отдохнуло в мире, согласии и счастье». Обращаясь к своей современности, Лелевель добавил: «Известно, что в российской пещере эта повесть всё еще остается сказкой».

Пушкин изображен в речи Лелевеля как убежденный сторонник революционных методов борьбы с царским самодержавием, как выразитель идей русского революционного движения, в развитии которого видел Лелевель будущее славянских народов. Сама «сказка» превращается в символ декабристской эпохи, и не случайно ее образы проникают в характе-

⁴⁰ Adam Mickiewicz. Rzecz o literaturze słowiańskiej. Rok drugi (1841—1842). Poznań, 1851, стр. 198.

⁴¹ Н. О. Лернер. Пушкин и Лелевель. «Исторический вестник», 1905, № 8, стр. 620—623; Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.), Гиз, М.—Пгр., 1923, стр. 402—404; М. Топоровский. Puszkín w Polsce, 1950, стр. 153—154.

⁴² О том, что «русским повтом» был Пушкин, говорит сам Лелевель (J. L e l e w e l . Polska, dzieje i rzeczy jej, t. XX. Mowy i pisma polityczne. Poznań, 1864, стр. 188, сноска).

ристику международного значения восстания 1830—1831 годов. «Орудийный огонь последней польской революции, — говорил далее Лелевель, — распространил по всем углам огромной пещеры множество искр, занес горящий жар, который воспламенит великий пожар в будущем. Трудно сказать, когда он вспыхнет, но это время придет, и тогда засияет весна для Польши».⁴³

Не менее характерен отзыв Ю. Словацкого о Пушкине в седьмой песне поэмы «Беньовский» (1840). Словацкий раскрывает значение Пушкина на широком литературном и общественно-политическом фоне. Он отмечает заслуги Жуковского, который украсил баладами русскую поэзию, но это еще «не большое достоинство», так как, по мнению польского революционного романтика, только прогрессивное содержание может представлять ценность в искусстве. Подлинно народно для Словацкого творчество Пушкина, чей «язык прекрасен, полон бриллиантов»,⁴⁴ и Лермонтова, истинного виновника гибели которого предвидел польский поэт:

Теперь, я слышал, пишет Лермонтов,
Который полжизни гостит на Кавказе —
С таким отвращением относится к нему царь,
К нему и к лавровой поросли,
Которая, не тронутая ножом и ножицами,
Может расти . . . и стать когда-нибудь — виселицей.⁴⁵

С глубоким сочувствием изображая трагическую судьбу русских поэтов, которым грозят тюрьмы, ссылка на Кавказ или в Хиву, Словацкий с едким сарказмом бичует Сенковского, «полного подлости», разоблачает официально-монархический смысл «диких» трагедий Кукольника, панславистские теории, которые захватили даже «милого чеха» Ганку. Подобно Лелевелю Ю. Словацкий связывает будущее славянских народов с развитием революционного движения в России и видит в Пушкине гениального провозвестника революционных идеалов. В одном из вариантов к седьмой песне «Беньовского» Словацкий начал следующую октаву о Пушкине:

Puszkina pokazał kiedyś na latarnie
I radził . . . carem Petersburg oświecić.
Sądzę, że radził . . . bardzo gospodarnie,
Bo car jest sferą gwiazd . . . dosyć rozniecić
Jedną, a nigdy już noc nie ogarnie
Słowiańskich ludów . . .⁴⁶

На то, что в этих стихах Словацкого содержится указание на четверостишие о фонаре, некогда приписывавшееся Пушкину, еще не обращалось внимания в пушкинской литературе. В 30—40-е годы XIX века это четверостишие в различных редакциях тайно ходило по рукам с именем Пуш-

⁴³ J. Lelewel. Polska, dzieje i rzeczy jej, t. XX. Mowy i pisma polityczne, стр. 319—320.

⁴⁴ Об отзыве Словацкого (в поэме «Беньовский») о языке Пушкина напомнил С. П. Щипачев («Славяне», 1949, № 4, стр. 60—61). К. Н. Державин в предисловии к избранным произведениям Ю. Словацкого на русском языке отметил восторженный отзыв польского поэта о стихотворении Пушкина «Черная шаль» (Ю. Словацкий, Избранное, Гослитиздат, М., 1952, стр. 10). Отметим попутно, что отношения Ю. Словацкого к Пушкину еще недостаточно обследованы в советском пушкиноведении.

⁴⁵ J. Słowacki. Dzieła, t. III, Poezmaty. Wrocław, 1952, стр. 274.

⁴⁶ Пушкин, указывая на фонарь, однажды советовал вместо фонаря царя повесить. Я думаю, советовал он верно. Только тогда пришел бы конец той ночи, которая охватывала славянские народы (J. Słowacki. Dzieła, t. III, 1949, стр. 357).

кина, но, как уже указывалось не раз, едва ли принадлежат ему в действительности.⁴⁷ В русском тексте оно напечатано было в первый раз как пушкинское в лондонском сборнике, изданном Н. П. Огаревым, «Русская потаенная литература XIX столетия» (1861, стр. 79):

Фонарь

Друзья, не лучше ли на место фонаря,
Который темен, тускл, чуть светит в непогоды, —
Повесить нам царя?
Тогда бы стал светить луч пламенной свободы.

Другой вариант приведен в «Полярной звезде» Герцена (1862, кн. VII, вып. 1, стр. 103):

Когда бы вместо фонаря,
Что светит тускло в непогоду,
Повесить деспота-царя,
То заблестал бы луч свободы.

Однако уже в 1848 году в чартистском журнале «Рабочий» («Labourer». A monthly Magazine of Politics, Literature, Poetry etc.), издававшемся под редакцией известных лидеров чартистского движения Фергюса О'Коннора и Эрнеста Джонса, в статье о Пушкине, принадлежавшей, повидимому, Э. Джонсу, находится свидетельство о том же четверостишии. Оно не только приписано здесь Пушкину, но даже названо «последними словами» умиравшего поэта, «завещанными им его соотечественникам»: «Самый жалкий фонарь, светящий тусклым светом, разгорится великолепным пламенем, освещающим всё человечество, если на нем будет болтаться царь».⁴⁸ Едва ли подлежит сомнению, что и Словацкий, и автор статьи о Пушкине в лондонском рабочем журнале пользовались в данном случае одним и тем же устным источником; в качестве пушкинского указанное четверостишие, несомненно, распространено было в польских эмигрантских кругах после 1831 года.

Постоянно интересовались творчеством Пушкина поэты так называемой «кавказской группы» — политические ссыльные по делу Конарского (1839). В 1855 году был напечатан перевод «Кавказского пленника», принадлежащий Т. Лада-Заблоцкому, который был сделан значительно раньше.⁴⁹ В 1842 году в журнале «Biblioteka warszawska» появился перевод (поэмы «Цыганы») другого поэта «кавказской группы» Леона Янишевского. В предисловии переводчик выразил свои мысли об общенародном значении Пушкина, который коснулся «всех струн той чародейственной лютни, чье эхо было сердцем народа. Пушкин был для своей страны первым совершенно понятным, первым совершенно любимым поэтом, больше того, Пушкин стал для молодого поколения книгой поэзии, прорицанием благоденствия, источником духовного воспитания, указанием честных устремлений,

⁴⁷ Н. О. Лернер. Мелочи прошлого. Из прошлого русской революционной поэзии. «Каторга и ссылка», 1925, № 8, стр. 241. — Это четверостишие упоминалось в процессе братьев Критских еще в 1827 году и приписывалось А. И. Полежаеву, который находился в то время под судом и будто бы признал его своим. Однако и авторство Полежаева в данном случае не может быть установлено с полной достоверностью.

⁴⁸ Е. В. Догель. Неизвестная статья о Пушкине в чартистском журнале «Рабочий». «Доклады и сообщения Филологического факультета Ленинградского Гос. университета», вып. 3, 1951, стр. 198, 200, 201.

⁴⁹ «Jeniec kaukaski». В книге: Fantazje wierszem i prozą. Warszawa, 1855, стр. 53—77.

зарей прекрасных надежд, светящейся над его колыбелью, солнцем, лучи которого... проникали в самые недоступные сердца». Впервые Л. Янишевский приводит слух о том, что Мицкевич должен был вызвать на дуэль Дантеса, причем этот эпизод получает в интерпретации бывшего повстанца, конспиратора и революционера смысл большого политического обобщения: «Печальная смерть поэта в пору высшего расцвета его духовных сил... была мучительным ударом для всего народа. Небезразлична была эта потеря и нам, а всеобщий голос, называя автора Гражины мстителем за преждевременную смерть Пушкина, выразил этим искреннюю к нему симпатию, основанием которой должна была быть общая дружба двух славянских народов».⁵⁰

Некоторые переводы произведений Пушкина не были по политическим или иным соображениям опубликованы и оставались в списках. К сожалению, немногие из них уцелели, хотя в свое время они переписывались и широко распространялись. Об этом свидетельствует неизвестный перевод на польский язык стихотворения Пушкина «Цветок», который нам удалось обнаружить среди революционных стихотворений и песен в альбоме Мрозовского, студента Киевского университета, деятельного участника тайного общества, руководимого Ш. Конарским. Этот альбом сохранился в следственном деле Мрозовского (1839). Последний в своих ответах показал: «стихотворения и летучие <lotne> песни я доставал в разное время и от разных лиц».⁵¹

В литературно-библиографическом очерке М. Топоровского приводятся также материалы иного идеологического звучания: отклик на смерть Пушкина в сообщениях польских аристократов и реакционеров, трагедия поэта в преломлении С. Моравского, шовинистические выпады Дараша и Пилсудского. Но эти единичные факты не заслоняют образа поэта, как это было в довоенных исследованиях, а, напротив, подчеркивают гуманизм и свободолюбие творчества Пушкина, всем своим духом враждебного космополитизму польских магнатов и националистически настроенной шляхте и буржуазии.

В последней четверти XIX века польское буржуазно-шляхетское литературоведение под лозунгом «позитивизма» и «органического труда» начало переоценку всех культурных ценностей прошлого. Экономическое и политическое сотрудничество польской буржуазии с царизмом, страх перед растущим революционным движением в России и на польских землях выражался в отказе от революционного романтизма Мицкевича и Словацкого, в бойкоте прогрессивной русской культуры, носительницы народных и революционных идей. Именно в этих общественных условиях создавалась выдвинутая «школой» В. Спасовича и Ю. Третьяка историческая и эстетическая концепция творчества Пушкина, которая почти без поправок усвоена была польским буржуазным литературоведением межвоенного двадцатилетия. К сожалению, Топоровский почти не комментировал статьи Спасовича и Третьяка, но факты, приведенные в его очерке, неопровержимо свидетельствуют, что и тогда в Польше шла напряженная борьба за творчество Пушкина.

Именно к таким фактам относится критическая деятельность в области славянских литератур известного польского этнографа, археолога и журналиста А.-Г. К. Киркора (1818—1886), которая в течение многих лет оставалась почти неизвестной и лишь в последнее время постепенно на-

⁵⁰ „Biblioteka warszawska“, 1842, т. II, стр. 344—346.

⁵¹ ЦГИА УССР (Киев), ф. 470, л. 91, 1839, л. 215.

чинает проявляться.⁵² Уже в годы учебы в Дворянском институте в Вильне (1833—1837) Киркор проявляет глубокий интерес к русской литературе и Пушкину, что отразилось в его студенческих дневниках, полных восторженных высказываний о творчестве великого русского поэта.⁵³ В своей издательской деятельности он постоянно обращался к русской литературе, помещал в издаваемых им альманахах переводы произведений русских писателей⁵⁴ и даже собирался в 40-е годы издавать в Одессе газету на польском языке под названием «*Odessa*», которая должна была служить пре-красной цели — «знакомить поляков с русской литературой».⁵⁵

Но с наибольшей полнотой Киркор высказал свои взгляды на историю русской литературы в книгах «Очерки современной русской литературы» и «Лекции о литературных родственниках славянских народов», изданных в 70-е годы. В своих историко-литературных оценках Киркор находился под влиянием Белинского, Герцена, Чернышевского и других представителей русской революционно-демократической мысли.

Демократические симпатии Киркора, его глубокие познания в русской культуре позволили ему выступить с оригинальной концепцией развития русской литературы, которая, несомненно, явилась одним из высших достижений польской критической мысли XIX века. И в очерках, и в лекциях польский критик постоянно подчеркивает, что русская литература теснейшим образом связана с историей русского народа и что она развивалась и крепла в ожесточенной борьбе с силами деспотизма, сковывавшими

⁵² M. Jakóbiec. *Literatura rosyjska wśród polaków w okresie pozytywizmu*, стр. 358—359; M. Toporowski. *Puszkin w Polsce*, стр. 177—179. — М. Якубец в статье «*Niekrasow w oczach polaków*» («*Kwartalnik Instytutu polsko-radzieckiego*», 1953, № 5, стр. 30) преувеличивает реакционный характер деятельности А. К. Киркора до 1871 года. Конечно, путь польского критика был достаточно сложен, и он не сразу пришел к демократическим убеждениям 70-х годов. Но утверждение, что он был издателем крайнего органа русской реакции («Новое время»), основано на недоразумении. А. К. Киркор издавал газету «Новое время» в 1868—1871 годах, когда она занимала прогрессивные позиции в польском вопросе, а в 1872 году (редактором в это время был И. Сухомятин) даже начала печатать рецензию на «Капитал» Маркса, о чем последний писал в письме Ф.-А. Зорге 23 мая 1872 года: «*Русская социалистическая газета «Новое время»... поместила недавно весьма хвалебную передовую статью в пять столбцов о моей книге; статья эта, однако, должна была служить лишь введением к целому ряду других статей. За это газета получила от полиции предостережение, и ей пригрозили закрытием*» (К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. XXVI, стр. 253). Репутацию самой реакционной и беспринципной газеты, заглаженной Салтыковым-Щедринным в сатирическом образе «чего изволите?», газета «Новое время» получила значительно позже, после 1876 года, когда она перешла в собственность ренегата из лагеря демократии А. С. Суворина. Но в это время Киркор не имел к ней никакого отношения.

⁵³ И. С. Абрамов в заметке «К характеристике читателя пушкинского времени» («Пушкин и его современники», вып. XVI, СПб., 1913, стр. 100—104) приводит выписки из записной книжки А. К. Киркора (писанной в Вильне в 1837 году), относящиеся к смерти Пушкина. Эти выписки свидетельствуют, что уже в то время девятнадцатилетний юноша А. Киркор относился к Пушкину с восторгом и благоговением. В ту же тетрадь он переписал полностью большое количество произведений столь любимого им русского поэта.

⁵⁴ Укажем на несколько переводов произведений Пушкина: «*Rusałka*» (*Ballada z Puszki*) — переводчик N. P. — «*Radegast*». *Pismo zbiorowe*, t. I, wyd. A. H. Kirkor, Wilno, 1843, стр. 47—49; «*Prorok*» (*Z Puszki*) — переводчик А. Е. Одынец. — «*TeKa wileńska*», *wydawana przez Jana ze Śliwina*, Wilno, 1858, N 3, стр. 8—10.

⁵⁵ См. письмо И. И. Крашевского к историку Новороссии А. А. Скальковскому в заметке М. Г. Попруженко «И. И. Крашевский в Одессе» («*Записки Одесского общества истории и древностей*», т. XXXI, Одесса, 1913, отд. II, стр. 41—42); В. Францев. *Славянские элементы в литературной деятельности И. И. Крашевского*. «*Русский филологический вестник*», 1913, № 2 (т. 69, вып. 2), Варшава, 1913, стр. 364—365. Ср. M. Brenstein. *Adam-Honory Kirkor*. Wilno, 1930.

развитие народа. Киркор объясняет развитие русской литературы историей русского революционного движения, и, хотя он далек от подлинной исторической периодизации освободительного движения в России, сама постановка вопроса в ту пору была глубоко прогрессивна.

С большой симпатией отзываясь Киркор о мужественном поведении русских писателей, об их гражданском подвиге, вызывая в памяти известные высказывания Герцена.

«Среди толпы прислужников, прихлебателей, ничтожных людей, — пишет Киркор, — которые видели в литературе только возможности личного обогащения и карьеры... появились люди больших достоинств; это были мученики, ибо почти каждый из них пал жертвой правительственных преследований, но их мысли, их идеи не умирали; напротив, они находили всегда новых сторонников и новые жертвы.

«Не знаем, есть ли хотя бы один народ, который имел бы столь многочисленную когорту мучеников за свободу мысли, за независимое положение литературы, как русский народ. Благороднейшие и возвышенные устремления многих и многих тружеников литературы... часто приводили их к виселице, к тачкам в рудниках, в подземные казематы, к гибели в заснеженных полях Сибири, либо в вынужденных сражениях в горах Кавказа или среди оренбургских степей».⁵⁶

В свете высокого общественного назначения русской литературы польский автор подходит к оценке литературной деятельности русских писателей и поэтов. Он пишет «о самых выдающихся и благороднейших ученых и мыслителях» XVIII века, Радищеве и Новикове, которые пали жертвами мести «либеральной и просвещенной Екатерины II, этого друга Вольтера и Руссо!», о Рылееве — «замечательном поэте и благородном патриоте»,⁵⁷ поэмы «Войнаровский» и «Гражданское мужество» которого говорят о «высоком таланте и гражданских устремлениях»⁵⁸ и др. Но главное внимание Киркор уделяет творчеству Пушкина, в котором, по мнению критика, ярко отразились основные черты русской литературы, ее героический характер, свободолюбие, связь с народными массами, стремление к независимости и самостоятельности. Особенный интерес представляют высказывания Киркора об отношении Пушкина к декабристскому движению и придворным кругам, которые намного переросли современное ему литературоведение и не потеряли своего значения и в наши дни. Прекрасно ориентируясь в архивных публикациях, Киркор утверждает, что «Пушкин находился в приятельских отношениях не только с Рылеевым и Бестужевым, но и с Пестелем, с которым встречался в Кишиневе, а также с Николаем Муравьевым,⁵⁹ Якушкиным, М. Орловым, Охотниковым, В. Давыдовым, Раевским, Пушиным и многими другими заговорщиками. В письме к Жуковскому сам Пушкин признает, что был связан с большинством заговорщиков».⁶⁰ Польский исследователь делает вполне обоснованный вывод, что Пушкин «если и не принадлежал, то, несомненно, знал о заговоре и находился под влиянием заговорщиков».⁶¹ Утверждая близость Пушкина к декабристскому движению, Киркор энергично защищает его перед обвинениями реакционной критики в якобы имевшем место поправении поэта

⁵⁶ Jan ze Śliwina. Zarysy współczesnej literatury rosyjskiej. Poznań, 1873, стр. 2.

⁵⁷ Там же, стр. 4, 5.

⁵⁸ A. H. Kirkor. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich. Odczyty publiczne w Muzeum techniczno-przemysłowym w Krakowie, 1874, стр. 146.

⁵⁹ Очевидно, описка. Следует читать, вероятно: с Никитой Муравьевым.

⁶⁰ A. H. Kirkor. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich, стр. 188.

⁶¹ Там же, стр. 160.

после поражения восстания декабристов в 1825 году. «Пушкин, приняв титул камер-юнкера, не изменил себе, не стал предателем. Чувствовал, как раньше. Слишком свежими были раны, смерть Рылеева, страдания в рудниках Бестужева, чтобы он мог забыть своих друзей, отказаться от убеждений молодости». После сочувственного описания действительных отношений Пушкина с царским двором, когда поэт вынужден был издавать свои произведения под надзором «свирепой и произвольной цензуры», Киркор с негодованием отзываясь о тех, кто «еще имеет смелость упрекать этого поэта-узника, которого одной рукой умирляли, а другой — украшали лавровыми венками... Пушкин не унизился, не стал придворным по собственному желанию, не льстил никому; напротив, многих бичевал едкими эпиграммами».⁶²

Подробно рассматривает польский критик творчество Пушкина, обнаруживая при этом глубокое знание русской литературы, тонкий вкус и меткость оценок. Анализируя «южные» поэмы Пушкина, критик отмечает то новое, что внесли они в русскую литературу.

«Первые три поэмы дают поэтический образ Кавказа, Крыма и бессарабских степей, жизнь горцев и бродячих цыган. Кроме поэтических достоинств, в этих описаниях такая точность и, главное, такая простота, что эти поэмы стали на высоту, какой еще ни один русский поэт не достиг. Эти три поэмы отмечены главной мыслью автора — определить характер героя».⁶³ Исключительно интересны наблюдения Киркора над реализмом «Евгения Онегина», в которых он подчеркивает энциклопедичность романа Пушкина, его прогрессивное общественное значение. «Кажется, что автор не имел даже намерения коснуться важнейших жизненных вопросов, — а сколько, однако, он их затронул незаметно для себя, затронул, глубоко убедительно, изображая те или иные стороны быта, связанного в своих лучших стремлениях народа, лишенного средств для их полного проявления. Произведение это заставляет задумываться над собою, над жизнью, над общественным строем».⁶⁴

Не останавливаясь более на отношении Киркора к русской литературе, — это выходит за пределы данной статьи, — можно сделать вывод, что очерки и лекции Киркора, в которых впервые после Адама Мицкевича с прогрессивных позиций была рассмотрена история русской литературы, займут видное место в истории польской критической мысли.

Выступление Киркора не было одиноким. В эти же годы (1869—1879) переводит Пушкина революционер Бронислав Шварце, член Центрального народного комитета в 1863 году и редактор его органа «Ruch» («Движение»). Арестованный за несколько дней до начала восстания, Шварце был приговорен к смертной казни, но впоследствии помилован и после семилетнего заключения в Шлиссельбургской крепости сослан на поселение в город Верный.

Шварце переводил политическую свободолюбивую поэзию Пушкина, Лермонтова и Некрасова. В его переводах поражает сила политической страсти, не подавленная испытаниями тюрьмы и ссылки.

Против официального, окрашенного в монархические цвета культа Пушкина выступил в 1899 году прогрессивный польский публицист В. М. Козловский. Характерно, что в это же время появился польский перевод стихотворения русского революционера, этнографа и политического ссыль-

⁶² Там же, стр. 173—175.

⁶³ Там же, стр. 170—172.

⁶⁴ Там же, стр. 183.

ного В. Г. Богораза (Тана) «А. С. Пушкину», в котором автор гневно заклеил попытки реакционеров представить Пушкина верноподданным приверженцем самодержавия. Стихотворение Тана было переведено известным польским поэтом Лео Бельмонтом под заглавием «Разбойникам пера».⁶⁵ Своим переводом польский поэт выступил против польской реакционной прессы, стремившейся превратить пушкинский юбилей в изъявление верноподданнических чувств.

Эти и им подобные факты борьбы за прогрессивное и демократическое наследие великого русского поэта являются главными в истории Пушкина в Польше, но она была бы не полна без учета художественного освоения творчества Пушкина, без анализа переводов произведений поэта на польский язык.

М. Топоровский сообщает почти исчерпывающие сведения о польских переводах произведений Пушкина, указывает на их историческое своеобразие и литературные достоинства. От первого, совершенно беспомощного, интересного лишь временем своего появления перевода Линде («К портрету Жуковского») до замечательных переводов Тувима и блестящих образцов пушкинской лирики в стихотворных переводах С. Полляка, М. Яструна, А. Важика и др. — таков путь совершенствования польских переводов из Пушкина, представленный в книге Топоровского (в разделе о переводах) многочисленными и характерными цитатами. Читатель имеет возможность не только познакомиться с отдельными образцами переводческого мастерства, но и сравнить одно и то же произведение (например, начало «Цыган», «Евгения Онегина», «Послание в Сибирь», «Пророк») в переводах нескольких авторов. Так, наряду с отличающимися высокими художественными достоинствами переводами «Евгения Онегина» Тувима и Важика приводятся отрывки из лучшего перевода того же произведения в XIX веке Якуба Юркевича (Бенедикта Доленги). Отмечаются также переводы А. Плуга и В. Гомулицкого. Даже графоманские опыты Сикорского и Станкевича неожиданно получают дополнительное «освещение», как факты глубокой и постоянной любви к творчеству Пушкина в Польше. В поэтическом обращении к Пушкину, художественно очень слабом, но трогательном по своей искренности, Станкевич объясняет причины, побудившие его приступить к переводу «Евгения Онегина»:

О, родственного племени гениальный поэт!
Еще под гимназическим мундиром дрожало
Мое сердце от сочувствия и восторга —
Как теперь . . . только в зрелом возрасте с меньшей силой —
При чтении Твоих творений, в слезах восхищения . . .
От мысли присвоения Твоего идеала
Своему языку я не мог уже отказаться.

Сообщая краткие сведения о происхождении и качестве перевода, М. Топоровский обращает наше внимание на старые, ныне забытые, но в свое время пользовавшиеся значительной известностью переводы, нередко восстанавливает имена неизвестных переводчиков. Примером могут служить талантливые переводы И. Д. Зеновича; к тому же они являются наиболее ранними. Читатель узнает о том, что друг Шевченко, Эдвард Желиговский (Антони Сова), перевел в 1858 году пушкинского «Пророка», об оставшихся в рукописях переводах Юлиана Бартошевича («Борис Годунов», «Каменный гость»), Юлиана Добровольского («Медный всадник»),

⁶⁵ T a n. Rozbojnikom pióra (Z powodu jubileuszu Puszkina). Przełożył L. Belmont. В книге: Leo Belmont. Rymy i rytmy. Wybór poezyj, t. III, Warszawa, 1900.

Зигмунда Грохольского («Борис Годунов») и др. Некоторые цитаты, сообщаемые Топоровским, имеют теперь значение единственных первоисточников. Таков отрывок из незаконченного замечательного перевода Е. Либберта «Моцарт и Сальери», рукопись которого погибла в 1944 году.⁶⁶ Трагично сложилась судьба одного из переводов Л. Янишевского, политического ссыльного на Кавказе. Радикальный журнал «*Pamiętnik naukowo-literacki*», в котором в 1851 году Янишевский печатал отрывки из «Кавказского пленника» вместе с эпилогом и своими дополнениями, был конфискован цензурой, а его редактор Р. Подбереский, подозреваемый в связях с «Демократическим обществом», вскоре был арестован и сослан в Архангельск. Полиция обратила внимание на политическую «неблагонадежность» одной из статей Янишевского и разыскивала его в Варшаве, не зная, что он уже находился в ссылке на Кавказе. Тем временем в Варшаве появился в отдельном издании перевод Янишевского тиражом в пятьсот экземпляров. Это издание также подверглось конфискации. Перед войной М. Топоровскому удалось обнаружить в Варшавской публичной библиотеке единственный уцелевший экземпляр этого издания, но и он сейчас не существует, так как книгохранилище библиотеки было сожжено гитлеровцами в 1944 году. Сохранился лишь отрывок («Черкесская песня»), переписанный перед войной Топоровским, который приводится им в разделе переводов.⁶⁷

В исторической перспективе проблематика перевода не сводится к вопросам формы и интерпретации содержания, она включает в себе такие важные моменты, как распространенность перевода, его общественное звучание и т. п. И в этой области книга М. Топоровского отмечает ряд любопытных фактов. Не только в переводах Мицкевича,⁶⁸ Одынца, Кондратовича и других видных поэтов становилась известной поэзия Пушкина польскому читателю; она проникала и менее заметными, но более многочисленными путями в польскую культуру. Вот почему мы с интересом читаем названия альманахов и литературных сборников, в которых печатались теперь безнадежно устаревшие, но сохранившиеся, как справедливо пишет М. Топоровский, «очарование изменчивых вкусов эпохи» переводы пушкинских произведений. Из очень редкого издания «Драматический букет»⁶⁹ мы узнаем о первых театральных постановках пушкинских пьес в Польше. Составитель сборника, провинциальный актер и писатель Кароль Гоффман, среди различных драматических отрывков поместил в своем «букете» сцену из «Бориса Годунова» — «Ночь. Келья в Чудовом монастыре» и драматизированную в трех картинах поэму «Цыганы» в переводах К. Гоффмана и М. Добжанского. Отрывки сопровождаются постановочными указаниями. Так, для усиления эффекта сцены в монастыре, по мнению Гоффмана, «может быть использована мелодрама... Мотивом

⁶⁶ M. Toporowski. Puszkina w Polsce, стр. 132—134.

⁶⁷ *Jeniec kaukaski. Powieść Aleksandra Puszkina. Z rosyjskiego wierszem polskim przetłumaczył Leon Janiszewski w Tyflisie. Warszawa, 1851, 32 стр.* — Подробно о Янишевском сообщает В. Францев в статье «Неизвестный польский перевод „Кавказского пленника“ Пушкина» («*Slavia*», 1934, rocznik XIII, sešit 1, стр. 109—113).

⁶⁸ М. Топоровский отмечает, что из произведений Пушкина, помимо стихотворения «Воспоминание», Мицкевич перевел прозой на французский язык стихотворение «Чернь» в лекциях о славянских литературах (см. №№ 9 и 48). В библиографии М. Топоровского отсутствуют два других таких же прозаических перевода в лекциях Мицкевича стихотворений Пушкина: «Пророка» в лекции от 20 декабря 1842 года и завершающей строфы «Наполеона» в лекции от 10 января 1843 года (Adam Mickiewicz. *Rzecz o literaturze słowiańskiej. Rok trzeci (1842—1843)*. Poznań, 1851, стр. 15, 32; H. Batowski. *Mickiewicz a słowanie do roku 1840*. Lwów, 1936, стр. 80—84).

⁶⁹ Karol Hoffman. *Bukiet dramatyczny*. Radom, 1889, стр. 134.

мелодрамы должна быть какая-нибудь мелодия вроде церковной или гимна». Среди необходимых реквизитов указаны также... бенгальский огонь и магний.

Любопытные факты сообщает М. Топоровский о переводах на польский язык драматических произведений Пушкина. Из них чаще всего переводили «Моцарта и Сальери». Первый перевод был сделан в 1844 году Б. Доленгой (Я. Юркевичем).⁷⁰ В 1872 году вышел перевод А. Колянковского.⁷¹ Этот перевод вошел также в его сборник стихотворений, изданный в 1875 году.⁷² О малой известности этих переводов говорит тот факт, что в 1912 году польский поэт Лео Бельмонт счел нужным сопроводить свой перевод «Моцарта и Сальери» следующим замечанием: «Из непереверженных произведений Пушкина».⁷³ Помимо указанных переводов, в 1928 году «Моцарт и Сальери» был переведен на польский язык П. Машинским, а в 1935 году В. Слободником. М. Шимановский в 1843 году перевел вторую сцену из «Скупого рыцаря», а полный перевод был сделан М. Бежинским в очень редком издании — «Tydzień Piotrkowski», 1878, rocznik VI, №№ 6—8. Песнь председателя из «Пира во время чумы» переводилась дважды: Ю. Тувимом в 1937 году и С. Поляком в 1947 году. «Борис Годунов» был известен в польских переводах лишь отдельными фрагментами, хотя существует указание В. Пшиборовского, что Ю. Бартошевич оставил в рукописи полные переводы «Бориса Годунова» и «Каменного гостя».⁷⁴

Несмотря на относительно большое число пушкинских переводов в XIX веке, интерес к творчеству поэта значительно опережал творческую практику. В год трагической смерти Пушкина, вызвавшей в Польше многочисленные отклики, переводчик некролога, написанного Н. Полевым, отмечал, что «никто не будет возражать против той истины, что, хотя нам были мало известны его произведения, с именем этого поэта мы были очень хорошо знакомы. Пушкин и у нас был у всех на устах...».⁷⁵

Не всегда формальные достоинства перевода определяли его распространенность и читаемость. Вышедший в 1902 году первый полный перевод «Евгения Онегина» Лео Бельмонта оставлял желать много лучшего. В обширной статье В. Наконечного⁷⁶ путем сопоставления оригинала и перевода убедительно доказывается произвол, искусственность, банальность и штамп в переводе Бельмонта, на котором отразилось влияние польского «позитивизма» и настроений декаданса. Тем не менее перевод Бельмонта выдержал несколько изданий, пользовался постоянным вниманием читателя и даже вызвал полное энтузиазма и восторга стихотворное послание Ч. Янковского к Бельмонту, тем более интересное, что этот образованный литератор прекрасно знал «Евгения Онегина» в оригинале:

Pańskiego czytam „Oniegina“...
(Wybaczy nawet Puszkin sam
Ze Panu prym dziś przed nim dam)

⁷⁰ «Niezabudka». Noworocznik, rok piąty. Petersburg, 1844, стр. 230—242.

⁷¹ «Tygodnik ilustrowany», 1872, t. I, стр. 271, 285.

⁷² A. K o l a n k o w s k i. Ostatnie akordy. Zbiór poezji... Suwałki, 1875, стр. 83—95.

⁷³ «Wolne słowo», 1912, № 66.

⁷⁴ Warszawski rocznik literacki. Warszawa, 1872, стр. 91.

⁷⁵ Wizerunki i roztrząsania naukowe. Poczet nowy, t. XIX. Wilno, 1837, стр. 67.

⁷⁶ Włodzimierz N a k o n i e c z n y. Die neueste Uebersetzung des «Evgenij Onjegin» ins Polnische. «Archiv für slavische Philologie», Berlin, Bd. XXVII, 1905, стр. 433—440; М. Т о п о р о в с к и. Puszkin w Polsce, 1950, стр. 79, 82, 196; S. P o l l a k. Nad nowym przekładem «Eugeniusza Oniegina». «Nowa Kultura», 1952, № 50.

*Panskiego czytam «Oniegina».
Czytam go, jak poemat nowy...
I nie przychodzi mi do głowy,
Żem to już kiedyś czytał gdzieś;
Tak mnie zajmuje wszystko w nim...⁷⁷*

Таких примеров немало в библиографии М. Топоровского, но и они по-своему характерны, так как бросают дополнительный свет на популярность пушкинского творчества в Польше. Глубокий и постоянно растущий интерес к Пушкину, в котором отражались прогрессивные русско-польские культурные связи, никогда не ослабевал, даже в самых неблагоприятных политических условиях. Так, в годы санации, когда правящие круги буржуазной Польши стремились помешать знакомству поляков с творчеством Пушкина, в Польше резко усилилась переводческая деятельность, в которой нельзя не видеть искреннего внимания и любви польского общества к культурным ценностям советского народа. В наши дни, когда польский народ, освобожденный от буржуазного рабства, строит новое, социалистическое общество, наступил новый расцвет пушкинской поэзии в Польше.

Мы остановились далеко не на всех вопросах, освещенных в книге М. Топоровского, которая раскрывает образ того исключительно благородного и большого явления, каким вошел Пушкин в польскую культуру. Но даже немногие факты, перечисленные нами, говорят о серьезном интересе, который вызовет книга польского исследователя у советского пушкиниста и историка русско-польских общественных и литературных отношений.

Может быть, настоящий обзор новейшей польской пушкинианы окажется не полным, хотя мы и стремились отметить здесь всё существенное и заслуживающее внимания советских литературоведов. Но приведенные в данной статье перечни книг, статей и заметок, посвященных Пушкину в печати Польской Народной Республики, а также переводов его произведений, неопровержимо свидетельствуют, что польское пушкиноведение находится в настоящее время на подъеме и что мы вправе ожидать в недалеком будущем многих других исследовательских и переводческих работ, которые с признательностью встречены будут и советскими исследователями жизни и творчества великого русского поэта.

БИБЛИОГРАФИЯ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. С. ПУШКИНА И ЛИТЕРАТУРЫ О НЕМ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ ЗА 1945—1954 ГОДЫ

Переводы

Бахчисарайский фонтан и мелкие произведения

Fontanna Baczysaraju i drobne utwory. [Переводчик] Kazimierz Chyliński Łódź, „Poligrafika“, 1947, 51 str.

С о д е р ж а н и е. Бахчисарайский фонтан. — Послание в Сибирь. — Восстань, о Греция, восстань. — Брожу ли я вдоль улиц шумных. — Делибаш. — Ты и вы. — Прозаик и поэт. — Супругою твоей я так пленился. — Зимнее утро. — Зимний вечер. — Зимняя дорога. — Руслан и Людмила: Пролог. — Бесы. — Утопленник. — Песнь о вещем Олеге. — Евгений Онегин: Сон Татьяны (глава V, строфы XI—XXI).

⁷⁷ Читаю Вашего «Онегина»... (и меня простит сам Пушкин, что я отдаю Вам предпочтение). Читаю Вашего «Онегина», читаю его, как новую повесть... и я даже не вспоминаю, что уже читал ее когда-то, так все меня занимает в ней (Cz. Janowski. List do tłumacza Oniegina. «Wolne słowo», 1909, № 44 и 45, стр. 18).

Драмы

Dramaty. [Переводчик] Seweryn Pollak. Łódź, «Książka», 1947, 251 str.

Содержание. Борис Годунов. — Скупой рыцарь. — Моцарт и Сальери. — Каменный гость. — Пир во время чумы.

Dramaty. [Переводчик] Seweryn Pollak. Wydanie 2, Warszawa, «Książka i wiedza», 1950, 211 str.

Избранная лирика

Liryki wybrane. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. Warszawa, Państwowy instytut wydawniczy, 1950, 111 str.

Избранная поэзия

Wybór poezyj. [Составитель] Seweryn Pollak. Warszawa, Państwowy instytut wydawniczy, 1950, 151 str.

Wybór poezyj. [Составитель] Mieczysław Jastrun. Warszawa, «Czytelnik», 1951, 227 str.

Избранные произведения

Utwory wybrane. [Редакторы] Ziemiowit Fedeciński, Adam Ważyk. Warszawa—Kraków, «Czytelnik—Książka i wiedza», 1950, 508 str.

Избранные произведения, тт. I—VI

Dzieła wybrane. Warszawa, Państwowy instytut wydawniczy, tt. I—VI, 1953—1954.

Tom I. Wiersze [Стихотворения. Переводчики] A. Mickiewicz, J. Tuwim, M. Jastrun и др. 1953, 415 str.

Tom II. Poematy i baśnie [Поэмы и сказки. Переводчики] J. Brzechwa, M. Jastrun, S. Pollak, J. Tuwim и др. 1954, 318 str.

Tom III. Eugeniusz Oniegin [Евгений Онегин. Переводчик] Adam Ważyk. 239 str.

Tom IV. Utwory dramatyczne [Драматические произведения. Переводчики] S. Pollak, A. Stern, M. Toporowski. 1954, 273 str.

Tom V. Opowieści [Повести. Переводчик] S. Pollak. 1954, 362 str.

Tom VI. Córka kapitana [Капитанская дочка. Переводчик] T. Stępniewski. 1954, 143 str.

[Избранные стихотворения в сборниках]

Dwa wieki poezji rosyjskiej. Antologia [Два века русской поэзии. Антология]. Ułożyli i opracowali Mieczysław Jastrun i Seweryn Pollak. Warszawa, «Czytelnik», 1947, XII + 487 str.

Стр. 36—85: Евгений Онегин — глава VI, 2 строфы VII-й главы и часть эпилога (переводчик Лео Бельмонт). — Брожу ли я вдоль улиц шумных (переводчик Мечислав Яструн). — Воспоминание (переводчик Адам Мицкевич). — Песня из «Пира во время чумы», отрывок из «Вольности» (переводчик Северин Полляк). — Узник (переводчик Владислав Сырокомля) — Подражания Корану — I, V, VI, Зимний вечер, Пророк, Послание в Сибирь, Поэт, Блажен в златом кругу вельмож, Анчар, Дорожные жалобы, Приметы, Бесы, Закливание, Сонет, Разлука, В часы забав иль праздной скуки, О муза пламенной сатиры!, Не дай мне бог сойти с ума, Он между нами жил, Мирская власть, из оды «Вольность», Памятник, Евгений Онегин — глава I, Медный всадник — Вступление (переводчик Юлиан Тувим). — Редеет облаков летучая гряда, Наперсница волшебной старины, Буря (переводчик Адам Важик).

Dwa wieki poezji rosyjskiej. Antologia [Два века русской поэзии. Антология]. Użyli i opracowali Mieczysław Jastrun i Seweryn Pollak. Wydanie drugie, Warszawa, «Czytelnik», 1951, 621 str.

Стр. 57—144: Воспоминание (переводчик Адам Мицкевич). — Из оды «Вольность», Деревня, песня председателя из «Пира во время чумы» («Когда могущая зима...») (переводчик Северин Полляк). — Из оды «Вольность», О муза пламенной сатиры, К Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы...»), Подражания Корану — I, V, VI, Зимний вечер, Пророк, Послание в Сибирь, Поэт, Блажен в златом кругу вельмож, Анчар, Дорожные жалобы, Приметы, Бесы, Закливание, Сонет, Разлука, В часы забав иль праздной скуки, Он между нами жил, Мирская власть, Памятник, Евгений Онегин — глава II, строфы IV—XXVI, глава VIII, строфы I—XV, Медный всадник — Вступление (переводчик Юлиан Тувим). — Редеет облаков летучая гряда, Наперсница волшебной старины, Буря, Евгений Онегин — глава I, строфы XVI—LX (переводчик Адам Важик). —

Песнь о вешем Олеге, Воспоминание (продолжение стихотворения «Я вижу в праздности, в неистовых пирах...»), Брожу ли я вдоль улиц шумных (переводчик Мечислав Яструн). — Восстань, о Греция, восстань (переводчик Ян Тшинадловский). — Напрасно я бегу к сионским высотам (переводчик Тадеуш Стемпневский). — Евгений Онегин — глава VI, строфы XX—XXXII, глава VII, строфы VI, VII, Отрывки из путешествия Онегина — «Воображенью край священный...» (переводчик Лео Бельмонт).

Lodwicz-Ledwa Ewald (Adam Kaszubski). «Przyjacielu mój, bracie!» [«Друг мой, брат!»]. Przekłady liryki rosyjskiej. Działdowo, «Oświata», 1947, 64 str.

Стр. 48—59: Зимний вечер. — Конь. — Если жизнь тебя обманет. — Брожу ли я вдоль улиц шумных. — Я думал сердце позабыло. — Туча. — Я помню чудное мгновенье. — Бесы. — Отрывки: Любопытный, Эпиграмма на смерть стихотворца, Нет ни в чем вам благодати, На Воронцова, Всегда так будет, как бывало, Экспромт на Огареву («В молчаньи пред тобой сижу...»). — Узник. — В поле чистом серебрится. — Золото и булат. — Что можем наскоро стихами молвить ей. — Ты и вы. — Цветы последние милей.

A. S. Puszkini — T. J. Tiutczew. Wybór liryk [Избранная лирика]. W przekładzie Tadeusza Stępniewskiego. Łódź—Wrocław, wyd. Wł. Bała, 1947, 81 str.

Из Пушкина: Нерета. — Редает облаков летучая гряда. — Птичка. — Я помню чудное мгновенье. — У лукоморья дуб зеленый. — Анчар. — Отрывки из «Полтавы». — Пред испанкой благородной. — Я здесь, Инезилья. — Напрасно я бегу к сионским высотам. — Обвал. — Конь. — Туча. — Клеопатра.

Повести

Opowieści. [Переводчики] Seweryn Pollak i Stanisław Strumf-Wojtkiewicz. Warszawa, «Książka i wiedza», 1949, 416 str.

Содержание. Арап Петра Великого, Повести Белкина, История села Горюхина, Дубровский, Пиковая дама, Кирджали (переводчик Северин Поляк). — Капитанская дочка (переводчик Станислав Струмф-Войткевич).

Стихотворения

Lutnia Puszkina [Лирика Пушкина. Переводчик] Julian Tuwim. Wydanie drugie, Warszawa—Kraków, «Czytelnik», 1945, 153 str.

Lutnia Puszkina [Лирика Пушкина. Переводчик] Julian Tuwim. Wydanie trzecie uzupełnione, Warszawa, «Czytelnik», 1949, 254 str.

Lutnia Puszkina [Лирика Пушкина. Переводчик] Julian Tuwim. Wydanie 4 uzupełnione, Warszawa, «Czytelnik», 1952, 257 str. Lutnia Puszkina [Лирика Пушкина. Переводчик] Julian Tuwim. Wydanie 5, Warszawa, «Czytelnik», 1954, 260 str.

Стихотворения

Z liryki Aleksandra Puszkina. [Переводчик] Adam Ważyk. — В журнале: Nowe widnokregi, 1945, № 21—22.

Стихотворения и отрывки

Wiersze i fragmenty. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Życie literackie, 1952, № 7.

Анекдоты

Anegdoty. [Переводчик] Jan Brzechwa. — В газете: Express włączony, 1949, z 9 sierpnia.

Анчар

Anczar. [Переводчик] T. Liszniewicz. — В кн.: T. Liszniewicz. Gwiazdy nad otchłanią Bałtyku. Poezje pomorskie. Bydgoszcz, 1946, str. 14.

Anczar. [Переводчик] Tadeusz Stępniewski. — В журнале: Życie literackie, Poznań, 1946, № 9.

Аптеку позабудь ты для венков лавровых

Na doktora piszącego wiersze [На доктора, пишущего стихи. Переводчик] L. Lewin. — В журнале: Szpilki, 1952, № 6.

Арion

Arion. [Переводчик] L. Flaszyn. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 42.

Arion. [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 27.

Барышня-крестьянка

Rapna-włóścianka. [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Nowiny literackie, 1948, № 47.

Бахчисарайский фонтан (отрывок «Поклонник Муз, поклонник мира...»)

Dokoła urwisk Ajudahu. [Переводчик] J. Górski. — В журнале: Dziś i jutro, 1952, № 8.

Безумных лет угасшее веселье

«Szalonych lat...». [Переводчик] T. Liszniewicz. — В книге: T. Liszniewicz. Gwiazdy nad otchłanią Bałtyku. Poezje pomorskie. Bydgoszcz, 1946.

Брожу ли я вдоль улиц шумных

«Gdy błędzę po ulicach szumnych...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В газетах: Robotnik, 1946, № 40; Trybuna wolności, 1949, № 23.

Буря

Burza. [Переводчик] Adam Ważuk. — В журнале: Rolnik polski, 1947, № 25, str. 10.

В еврейской хижине лампада

«W żydowskiej chacie płomyk lampki...». [Переводчик] Jerzy Jędrzejewicz. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 33.

В степи мирской, печальной и безбрежной

«W pustyni ziemskiej, smutnej i bezbrzeżnej...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 38.

В твою светлицу, друг мой нежный

«W komnatę twą przychodzę w gości...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 38.

Вакхическая песня

Pieśń bachiczna. [Переводчик] Stanisław Ciesielczuk. — В журнале: Wieś, 1949, № 22.

Вертоград моей сестры

«Tam ogrójec siostry mojej...». [Переводчик] Włodzimierz Słobodnik. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Виноград

Winograd. [Переводчик] Włodzimierz Słobodnik. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 23.

Вновь я посетил

«Otom odwiedził znów...». [Переводчик] Władisław Jerzy Kasiński. — В журнале: Twórczość, 1949, zesz. 7.

Во глубине сибирских руд

«We wnętrzach syberyjskich rud...». [Переводчик] Włodzimierz Weber. — В журнале: Pracownik państwowy, Warszawa, 1949, № 7.

Вольность (отрывок)

Z ody «Wolność» (fragment). [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Płomień. Czasopismo dla młodzieży, 1947, № 3.

Z ody «Wolność» (fragment). [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Kuźnica, 1947, № 24.

Z ody «Wolność». [Переводчик] Julian Tuwim. — В приложении к журналу: Dodatek do numeru 7—8 «Życia słowiańskiego», 1949, str. 485.

Воротился ночью мельник (отрывок из «Сцен из рыцарских времен»)

Młynarz wrócił różną nosą. [Переводчик] Marian Turogowski. — В журнале: Szpilki, 1952, № 6.

Воспоминание (продолжение стихотворения «Я вижу в праздности, в неистовых пирах...»)

«Widzę w straceńczych uczt uciechach i w próżniactwie...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 28.

Воспоминания в Царском Селе (отрывки)

Wspomnienia w Carskim Siole (fragmenty). [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 41.

Восстань, о Греция, восстань

«Powstań, o Grecjo, powstań...». [Переводчик] Jan Trzynadłowski. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 41.

Всё в жертву памяти твоей

«Wszystko pamięci twej na pastwę...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Всегда так будет, как бывало

«Na świecie zawsze tak bywało...». [Переводчик] Jan Brzechwa. — В газете: Express wieczorny, 1949, z 26 czerwca.

Выстрел

Strzał. [Переводчик] Jan Krusz. — В газете: Rzeczpospolita, 1949, № 153, z 5 czerwca. Wystrzał. [Переводчик не указан]. Warszawa, «Czytelnik», 1950, 35 str.

Глухой глухого звал к суду судьи глухого

«Głuchego głuchy...». [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Szpilki, 1949, № 23.

Гречанке

Do Greczynki [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 28.

Гробовщик

Trumniarz. [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Przekrój, 1948, № 188.

Движение

Ruch. [Переводчик] Bolesław Ałapin. — В журнале: Szpilki, 1949, № 24, z 12 czerwca.

Деревня

Wieś. [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 41.

Wieś. [Переводчик] Stanisław Strumph-Wojtkiewicz. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 153, z 5 czerwca.

Десятая заповедь

Dziesiąte przykazanie. [Переводчик] W. Nakonieczny. — В журнале: Szpilki, 1952, № 6.

Для берегов отчизны дальней

«Dla brzegów pod ojczystym niebem...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 38.

«Dla brzegów swej dalekiej ziemi...». [Переводчик] Włodzimierz Słobodnik. — В журнале: Wieś, 1949, № 22.

Домик в Коломне

Domek w Kolonie. [Переводчик] Włodzimierz Słobodnik. — В журнале: Szpilki, 1949, №№ 23, 24.

Дубровский

Dubrowski. [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Dziennik literacki, 1948, №№ 23—32.

Dubrowski. [Переводчик] Seweryn Pollak. Warszawa, «Książka i wiedza», 1950, 133 str.

Дубровский (инсценировка)

Dubrowski. Widowisko sceniczne w 3 aktach. Przełożył i wskaźowki inscenizacyjne według wydania radzieckiego opracował Jakub S z e c h t e r. Warszawa, 1949, 39 str.

Евгений Онегин

Eugeniusz Oniegin. [Переводчик] Adam W a ż y k. Warszawa, «Książka i wiedza», 1952, 429 str.

Eugeniusz Oniegin. [Переводчик] Adam W a ż y k. Wydanie 2, Warszawa, Państwowy, Instytut wydawniczy, 1954, 200 str.

Евгений Онегин (отрывки)

Eugeniusz Oniegin (z rozdziału I, strofy I—XXII) [Глава I, строфы I—XXII. Переводчик] Adam W a ż y k. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Eugeniusz Oniegin (z rozdziału I, strofy XXIII—XXXVIII) [глава I, строфы XXIII—XXXVIII. Переводчик] Adam W a ż y k. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 23.

Eugeniusz Oniegin (rozdziału I i II) [главы I и II. Переводчик] Julian Tu w i m. — В журнале: Odrodzenie, 1946, №№ 14, 27.

Eugeniusz Oniegin (z księgi I, strofy I—XVII) [глава I, строфы I—XVII. Переводчик] Julian Tu w i m. — В приложении к журналу: Dodatek do numeru 7—8 «Życia słowiańskiego», 1949, str. 488—491.

Eugeniusz Oniegin (z rozdziału III, strofy I—XV) [глава III, строфы I—XV. Переводчик] Julian Tu w i m. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 35.

Eugeniusz Oniegin (księga V, strofy I—II, IV) [глава V, строфы I—II, IV. Переводчик] Henryk A n d e r s. — В приложении к газете: Panorama. Ilustrowany dodatek «Dziennika Łódzkiego», 1949, № 32.

«On skinie — wszystko idzie w ruch...». [«Он знак подаст: и все холопочут...» — четверостишие из XXVIII строфы V главы. Переводчик] Jerzy R o m i a n o w s k i. — В журнале: Szpilki, 1949, № 23.

Eugeniusz Oniegin (rozdział VI, strofy XXVI—XXXV) [глава VI, строфы XXVI—XXXV. Переводчик] Jerzy Władysław K a s i Ń s k i. — В журнале: Kuźnica, 1946, № 40.

Album Oniegina [Альбом Онегина — из XXI строфы VII главы. Переводчик] Władysław Jerzy K a s i Ń s k i. — В журнале: Twórczość, 1949, zesz. 7.

Eugeniusz Oniegin (początek rozdziału VIII, strofy I—XV) [глава VIII, строфы I—XV. Переводчик] Julian Tu w i m. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 27.

Eugeniusz Oniegin (fragment z części ósmej, strofy XLI—XLVII) [глава VIII, строфы XLI—XLVII. Переводчик] Andrzej C e z a r z. — В газете: Wolność, 1949, № 117, z 27 maja.

Urywki z podróży Oniegina [Отрывки из путешествия Онегина. Переводчик] Władysław Jerzy K a s i Ń s k i. — В журнале: Twórczość, 1949, zesz. 7.

Египетские ночи

Noce egipskie. [Переводчик] Seweryn P o l l a k. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Еще одной высокой, важной песни

«Wysokiej, jeszcze jednej ważnej pieśni...» [Переводчик] Seweryn P o l l a k. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 27.

Жил на свете рыцарь бедный

«Żył na świecie rycerz biedny...». [Переводчик] Julian Tu w i m. — В журнале: Odrodzenie, 1947, № 40.

Заклинание

Zaklęcie. [Переводчик] Julian Tu w i m. — В приложении к журналу: Dodatek do numeru 7—8 «Życia słowiańskiego», 1949, str. 497—498.

Земля и море

Ziemia i morze. [Переводчик] Mięczyśław J a s t r u n. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 38.

Зима. Что делать нам в деревне?

«Zima. Cóż robić na wsi?...». [Переводчик] Włodzimierz S ł o b o d n i k. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Зимнее утро

Zimowy poranek. [Переводчик] Helena B u c h o w s k a. — В газете: Gazeta pomorska, 1949, z 3 lipca.

Zimowy ranek. [Переводчик] J. K a w e s k i. — В газете: Głos powszechny, 1952, № 47.

Зимний вечер

Wieczór zimowy. [Переводчик] Włodzimierz W e b e r. — В журнале: Pracownik państwowy, Warszawa, 1949, № 7.

Зимняя дорога

Zimowa droga. [Переводчик] J. K a w e s k i. — В газете: Głos powszechny, 1952, № 47.

Зорю бьют... из рук монах

«Gra robudka...». [Переводчик] L. F l a s z e n. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 42.

«Capstrzyk grają... z dłoni mych...» [Переводчик] Mieczysław J a s t r u n. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Из письма к Гнедичу

Z listu do Gnedicza. [Переводчик] Mieczysław J a s t r u n. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 28.

История села Горюхина

Historia wsi Goriuchino. [Переводчик] Seweryn P o l l a k. — В журнале: Wieś, 1948, № 26.

История села Горюхина (отрывок «Баснословные времена. Староста Трифон»)

Z „Historii wsi Goriuchino“ — Czasy bajeczne. Wójt Trifon. [Переводчик] Seweryn P o l l a k. — В газете: Głos robotniczy, Łódź, 1948, № 210.

Истина

Prawda. [Переводчик] Marian T o r o g o w s k i. — В журнале: Szpilki, 1952, № 6.

К* («Я помню чудное мгновенье...»)**

Do A. P. Kern. [Переводчик] Maria B e c h e z y s - R u d n i c k a. — В журнале: Kamena, 1949, № 1—2.

Do A. P. Kern. [Переводчик] Eugeniusz M o r s k i. — В журнале: Arkona, 1948, № 10/12.

Do A. P. Kern («Pamiętam nagłe zachwycenie...»). [Переводчик] Marian P i e c h a l. — В приложении к газете: Panorama. Ilustrowany dodatek niedzielny «Dziennika łódzkiego», 1949, № 23, z 5 czerwca.

Do A. P. Kern. [Переводчик] Seweryn P o l l a k. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Do A. P. Kern. [Переводчик] Tadeusz S t ę p n i e w s k i. — В журнале: Życie literackie, Poznań, 1946, № 13.

К Лицинию

Do Licyniusza. [Переводчик] L. L e w i n. — В журнале: Przyjaźń, 1952, № 4.

К портрету Чаадаева

«Wyrokiem niebios, jak to u nas zwykle...». [Переводчик] Stanisław S t r u m p h - W o j t k i e w i c z. — В книге: A. W i n o g r a d o w. Trzy barwy czasu. Warszawa, «Książka i wiedza», 1949, str. 208.

Na portret Czaadaejewa. [Переводчик] Julian T u w i m. — В журнале: Szpilki, 1949, № 23.

К Чаадаеву

Do Czaadaejewa. [Переводчик] L. L e w i n. — В журнале: Przyjaźń, 1952, № 4.

Do Czaadaejewa. [Переводчик] Stanisław S t r u m p h - W o j t k i e w i c z. — В газете: Rzeczpospolita, 1949, № 153, z 5 czerwca.

Do Czaadaejewa. [Переводчик] Julian T u w i m. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 153, z 5 czerwca.

Какая ночь, Мороз трескучий

«O, jaka noc...». [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 23, z 5 czerwca.

Калмычке

Do kałmuczki. [Переводчик] Włodzimierz Słobodnik. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Капитанская дочка

Córka kapitana. [Переводчик] Tadeusz Stępniewski. Łódź, wyd. W. Bąka, 1948, 187 str.

Капитанская дочка (отрывок)

Bunt w forcie [Бунт в крепости]. Fragment z «Córki kapitana». [Переводчик] Stanisław Strumph-Wojtkiewicz. — В газете: Trybuna wolności, 1949, № 23, z 8—14 czerwca.

Книжал

Sztylet. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 38.

Do sztyletu. [Переводчик] Br. Szwarce. — В журнале: Świat, 1952, № 6.

Когда за городом задумчив я брожу

«Gdy się za miastem nieraz błąkam...». [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 23, z 5 czerwca.

Колокольчики звенят

Suganeczka. [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, z 7 sierpnia.

Красавице, которая нюхала табак

Do piękności, która zażywała tabakę. [Переводчик] Artur Chojecki. — В журнале: Arkona, 1948, grudzień, № 10/12.

Кто, волны, вас остановил

«Kto, fale, wasz powstrzymał bieg...». [Переводчик] Maria Bęchcysz-Rudnicka. — В газете: Sztandar ludu, 1949, № 194.

Люблю ваш сумрак неизвестный

«Kocham nieznanе wasze zmierzchy...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Моя эпитафия

Mój nagrobek. [Переводчик] Jan Brzechwa. — В газете: Express wieczorny, 1949, z 26 czerwca.

Mój nagrobek. [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Szpilki, 1949, № 23.

Муза

Muza. [Переводчик] L. Lewin. — В журнале: Przyjaźń, 1952, № 4.

Мятель

Zamieć. [Переводчик] Jan Krusz. — В газете: Życie Warszawy, 1949, № 153, z 5—6 czerwca.

Zamieć. [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Twórczość, 1948, № 6.

На Александра I

Na Aleksandra I. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 38.

На Аракчеева

Na Arakczejewa. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 51/52.

Na Arakczejewa. [Переводчик] L. Lewin. — В журнале: Szpilki, 1952, № 6.

На Булгарина

Na Bułgarina. [Переводчик] Br. Szwarce. — В журнале: Szpilki, 1952, № 6.

На Карамзина («Напялив на себя придворную ливрею . . .»)⁷⁸

Na Karamzina («Założywszy na siebie lokajską obrozę . . .»). [Переводчик] Anatol Stern. — В журнале: Szpilki, 1949, № 24.

На Фотия

Na Focjusza. [Переводчик] Jan Brzechwa. — В газете: Express wieczorny, 1949, z 26 czerwca.

Na Focjusza. [Переводчик] Jan Brzechwa. — В журнале: Szpilki, 1952, № 6.

На холмах Грузии лежит ночная мгла

«Na wzgórzach Gruzji . . .». [Переводчик] Andrzej Cesarz. — В газете: Wolność, 1949, № 126, z 9 czerwca.

Urywek [«Na chołmach Gruzji . . .»]. [Переводчик] Leonard Podhorski-Okołów. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 36.

На цензоров

Na cenzorów. [Переводчик] L. Lewin. — В журнале: Szpilki, 1952, № 6.

На это скажут мне с улыбкою неверной

«Powiedzą na to mi z uśmiechem jadowitym . . .». [Переводчик] Anatol Stern. — В журнале: Szpilki, 1949, № 24.

Надеждой сладостной младенчески дыша

«Jak młodzieniec, co słodką nadzieją się wzrusza . . .». [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Наперсник

Powiernik. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 38.

Наперсница волшебной старины

«O powiernico urody zamierzchłej . . .». [Переводчик] Adam Ważuk. — В журнале: Kuźnica, 1945, № 13.

«O powiernico urody zamierzchłej . . .». [Переводчик] Adam Ważuk. — В журнале: Twórczość, 1945, zesz. 3.

Напрасно я бегу к сионским высотам

«Daremnie wzlecieć chcę na gór syjońskich szczyty . . .». [Переводчик] Tadeusz Stępniewski. — В журнале: Życie literackie, Poznań, 1946, № 13.

«Daremnie biegnę w skrusze pod Syjon podobłoczny . . .». [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, z 7 sierpnia.

Не пой, красавица, при мне

«Nie śpiewaj przy mnie urodziwa . . .». [Переводчик] Adam Ważuk. — В журнале: Kuźnica, 1945, № 13.

Ненастный день потух

«Dzień słotny zwolna zgasł . . .». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Нереида

Nereida. [Переводчик] Włodzimierz Słobodnik. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

⁷⁸ Пушкину приписано ошибочно. Принадлежит А. А. Бестужеву-Марлинскому (см. Летописи Гос. литературного музея, кн. 1, Пушкин, М., 1936, стр. 515).

Ночь

Нос. [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 22.

Няне

Do piastunki. [Переводчик] Leonard Podhorski-Okółów. — В журнале: *Odrodzenie*, 1949, № 36.

О дева-роза, я в оковах

«O, dziewo-rózo...». [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: *Odrodzenie*, 1949, № 23, z 5 czerwca.

О муза пламенной сатиры

«O muzo gniewu...». [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: *Szpilki*, 1949, № 23.

Обвал

Lawina. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 22.

Lawina. [Переводчик] Tadeusz Stępniewski. — В журнале: *Życie literackie*, Poznań, 1946, № 9.

Ответ анониму

Odpowiedź anonimowi. [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: *Odrodzenie*, 1949, № 23, z 5 czerwca.

Отрывки из писем, мысли и замечания

Fragmenty szkiców i notatek. [Переводчик] Aleksander Ziemięty. — В приложении к газете: *Panorama*. Ilustrowany dodatek niedzielny «Dziennika łódzkiego», 1949, № 23, z 5 czerwca.

Fragmenty szkiców i notatek Puszkina. — В газете: *Rzeczpospolita*, 1949, № 153, z 5 czerwca.

П. А. О* [Осиповой] («Быть может, уж недолго мне...»)**

Do P. A. Osipowej. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 38.

Певец

Pieśniarz. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 38.

Песнь о вещем Олеге

Pieśń o wieszczym Olegu. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 14.

Пиковая дама

Dama pikowa. [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: *Kuźnica*, 1948, № 17.

Под небом голубым страны своей родной

«Pod lazurowym niebem krainy szczęśliwej...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 22.

Полтава

Połtawa. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. Warszawa, «Książka i wiedza», 1952, 88 str.

Полтава (отрывок «Кто при звездах и при луне...»)

Goniec (z poematu „Półtawa“). [Переводчик] Tadeusz Stępniewski. — В журнале: *Życie literackie*, Poznań, 1946, № 16.

Портрет

Portret. [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: *Dziennik literacki*, 1949, z 7 sierpnia.

Приметы («Старайся наблюдать различные приметы»...)

Znaki. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 51/52.
Znaki. [Переводчик] L. Lewin. — В журнале: Przyjaźń, 1952, № 4.

Пробуждение

Przebudzenie. [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 23, z 5 czerwca.

Прозерпина

Prozerpina. [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 51/52.

Пророк

Prorok. [Переводчик] T. Liszniewicz. — В книге: T. Liszniewicz. Gwiazdy nad otchłanią Bałtyku. Poezje pomorskie. Bydgoszcz, 1946, str. 15.

Простите, верные дубравы!

«Żegnaj, beztroskie, ciche pole...». [Переводчик] Włodzimierz Słobodnik. — В журнале: Wieś, 1949, № 22.

Простишь ли мне ревнивые мечты

«Czy mi wybaczysz moje zazdrosne rojenia...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 38.

Путешествие из Москвы в Петербург (отрывок из черновой редакции главы «Подсолнечная»)

Rozmowa z Anglikiem o rosyjskich chłopach [Разговор с англичанином о русских крестьянах. Переводчик] Józef Bielicki. — В журнале: Odra, Wrocław, 1949, № 21, z 12 czerwca.

[Пушкин о себе]

Puszkín o sobie. [Переводчик] Aleksander Ziemię. — В приложении к газете: Zwierciadło. Dodatek niedzielny «Słowa polskiego», 1949, № 23, z 12 czerwca.

В. Ф. Раевскому («Ты прав, мой друг — напрасно я превзрел...», строфы I, III—VII)

«Tak, przyjacielu, na próżno przejrzałem...». [Переводчик] Mieczysław Jastrun. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 38.

Разговор книгопродавца с поэтом

Rozmowa księgarza z poetą. [Переводчик]. Remigiusz Kwiatkowski. — В журнале: Przyjaźń, 1949, № 36.

Редает облаков летучая гряда

Elegia («Na niebios rzędą tle obłoków lotne stada...»). [Переводчик] Tadeus Stępniewski. — В журнале: Życie literackie, Poznań, 1946, № 13.

«Pierzcha lotnych obłoków gromada niesforna...». [Переводчик] Adam Ważyk. — В журнале: Kuźnica, 1945, № 13.

«Pierzcha lotnych obłoków gromada niesforna...». [Переводчик] Adam Ważyk. — В журнале: Twórczość, 1945, zesz. 3.

Рифма

Rym. [Переводчик] Seweryn Pollak. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 27.

Румяный критик мой, насмешник толстопузый

«Krytyku mój rumiany...». [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 23, z 5 czerwca.

Руслан и Людмила

Ruslan i Ludmiła. [Переводчик] Jan Brzechwa. Wydanie 2, Warszawa, Państwowy instytut wydawniczy, 1954, 98 str.

Руслан и Людмила (отрывок «У лукоморья дуб зеленый...»)

Wstęp do «Rusłana i Ludmiły». [Переводчик] Artur Chojecki. — В журнале: Nauka i sztuka, 1945, № 2/3, str. 204—205.

Na brzegu morza. Wstęp do poematu «Rusłan i Ludmiła». [Переводчик] Wanda Grodzieńska. — В приложении к газете: Rejsy. Ilustrowany dodatek «Dziennika bałtyckiego», 1949, № 23, z 5 czerwca.

Wstęp do Rusłana i Ludmiły. [Переводчик] Eugeniusz Morski. — В приложении к газете: Świat. Ilustrowany dodatek tygodniowy «Głosu wielkopolskiego», Poznań, 1949, № 23, z 5 czerwca.

Prolog do «Rusłana i Ludmiły». [Переводчик] Tadeusz Stępniewski. — В журнале: Życie literackie, 1946, № 16.

С Гомером долго ты беседовал один

«Z Homerem na wyżynie długo w samotności...». [Переводчик] Włodzimierz Słobodnik. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

«Z Homerem wiele lat...». [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 23, z 5 czerwca.

Сапожник

Szewc. [Переводчик] Jerzy Romianowski. — В журнале: Szpilki, 1949, № 23.

Сказали раз царю, что наконец

Pochlebcy. [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Szpilki, 1949, № 23.

Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях (отрывок)

Bajka o umarłej carewnie i o siedmiu bohaterach. Fragment. [Переводчик] Wanda Grodzieńska. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 41.

Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях

Bajka o śpiącej królownie i siedmiu junakach. [Переводчик] Wanda Grodzieńska. Warszawa, «Nasza księgarnia», 1951, 37 str.

Bajka o śpiącej królownie i siedmiu junakach. [Переводчик] Wanda Grodzieńska. Wydanie 2, Warszawa, «Nasza księgarnia», 1952, 35 str.

Сказка о попе и его работнике Балде

Bajka o popie i jego parobku Jołopie. [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 40.

Bajka o popie i jego parobku Jołopie. [Переводчик] Julian Tuwim. Warszawa, «Nasza księgarnia», 1951, 32 str.

Bajka o popie i jego parobku Jołopie. [Переводчик] Julian Tuwim. Wydanie 3, Warszawa, «Nasza księgarnia», 1954, 28 str.

Bajka o popie i jego parobku Osiłku. [Переводчик] Wanda Grodzieńska. Warszawa, «Nasza księgarnia», 1951, 32 str.

Bajka o popie i jego parobku Osiłku. [Переводчик] Wanda Grodzieńska. Wydanie 3, Warszawa, «Nasza księgarnia», 1954, 28 str.

Сказка о рыбаке и рыбке

Bajka o rybaku i rybce. [Переводчик] Julian Tuwim. — В журнале: Świerszczyk, Łódź, 1948, №№ 41, 42, 43.

Bajka o rybaku i rybce. [Переводчик] Julian Tuwim. Warszawa, «Książka i wiedza», 1949, 23 str.

Bajka o rybaku i rybce. [Переводчик] Julian Tuwim. Warszawa, «Książka i wiedza», 1952, 30 str.

Bajka o rybaku i o złotej rybce. [Переводчик] Julian Tuwim. Inscenizacja Marii Rososzowej. Warszawa, «Nasza księgarnia», 1950, 31 str.

Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди

Bajka o królu Sałtanie, jego synu sławnym i notężnym Gwidonie Sałtanowiczu i o przepięknej królownie-Łabędziu. [Переводчик] Władysław Sebyła. — В книге: Aleksander Puszkina. Materiały do obchodów szkolnych dla uczczenia 150 rocznicy urodzin. Warszawa, «Nasza księgarnia», 1949, str. 114—140.

Bajka o caryku Sałtanie, o jego synu sławnym i potężnym bohaterze księciu Gwidonie Sałtanowiczu i o pięknej księżniczce Łabędzi. [Переводчик] J. S. Brzechwa. Wydanie 2, Warszawa, «Nasza księgarnia», 1952, 59 str.

Сказки (инсценировки)

Baśnie Puszkina na scenie. Inszenizacje opracowała Anna Butlerlewicz. (Przekłady z jęz. ros. Wandy Grodzieńskiej, Władysława Sebyły i др.). Warszawa, «Nasza księgarnia», 1951, 172 str.

Сказки. Ноël

Bajki (Noël). [Переводчик] Marian T o r o g o w s k i. — В журнале: Nowa kultura, 1953, № 10.

Станционный смотритель

Poczmistrz. [Переводчик] Seweryn P o l l a k. — В журнале: Twórczość, 1948, № 6.

Сцены из рыцарских времен

Sceny z czasów rycerskich. [Переводчик] Marian T o r o g o w s k i. — В журнале: Teatr, 1952, № 5.

Сцены из рыцарских времен (отрывок, см. **Воротился ночью мельник)****Таласман**

Talizman. [Переводчик] Mieczysław J a s t r u n. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.

Телега жизни

Wóz życia. [Переводчик] Julian T u w i m. — В журнале: Szpilki, 1949, № 23.

Труд

Praca. [Переводчик] L. F l a s z e n. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 42.

Узник

Więzień. [Переводчик] Leonard P o d h o r s k i - O k o ł b w. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 36.

Царское Село

Carские Sióło. [Переводчик] Włodzimierz S ł o b o d n i k. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 23.

Цыганы (отрывок «Над лесистыми берегами...»)

Cyganie. [Переводчик] Wł. R a d e c k i. — В газете: Ilustrowany Kurier polski, Bydgoszcz, 1949, z 27 czerwca.

Эпиграмма на смерть стихотворца

Nagrobek. [Переводчик] Jan B r z e c h w a. — В газете: Express wieczorny, 1949, z 26 czerwca.

Nagrobek poety. [Переводчик] Janusz M i n k i e w i c z. — В журнале: Szpilki, 1949, № 23.

Эпиграммы

Epigramaty. [Переводчик] L. L e w i n. — В журнале: Szpilki, 1952, № 36.

Я здесь, Инезилья

«Jam tu, Inezyllo...». [Переводчик] Seweryn P o l l a k. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 27.

Я видел Азии бесплодные пределы

«Widziałem granic Azji jałową dziedzinę...». [Переводчик] Mieczysław J a s t r u n. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 51/52.

Я пережил свои желанья

«Wygasty dawno me pragnienia...». [Переводчик] Marian P i e c h a l. — В приложении к газете: Panorama. Ilustrowany dodatek niedzielny «Dziennika łódzkiego», 1949, № 23, z 5 czerwca.

Table-talk

Table-talk. [Переводчик] Jerzy P o m i a n o w s k i. — В журнале: Szpilki, 1949, № 23.

Литература о Пушкине

- A. G. Tę wystawę muszą obejrzeć wszyscy [Эту выставку должны увидеть все]. — В приложении к газете: Dodatek tygodniowy «Dziennika zachodniego», 1949, № 26, z 3 lipca.
- A. G. Wystawa Mickiewicza i Puszkina w Muzeum narodowym [Выставка Мицкевича и Пушкина в Народном музее]. — В газете: Polska zbrojna, 1949, № 187, z 21 czerwca.
- Akademia puszkiniowska w Warszawie [Пушкинский академический вечер в Варшаве]. — В журнале: Teatr, 1949, № 6, str. 34.
- Antologia dramatu rosyjskiego. I. Fonwizin, Gribojedow, Puszkini, Lermontow, Gogol, Ostrowski, A. Tołstoj [Антология русской драмы. I. Фонвизин, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь Островский, А. Толстой]. Warszawa, «Czytelnik», 1952, 757 str.
- Васевичówna Wanda. Proza puszkiniowska [Проза Пушкина]. — В журнале: Odra, Wrocław, 1949, № 21, z 12 czerwca.
- Bagricki Edward. Puszkini. Przełożył K. A. Jaworski [Пушкин]. Перевел К. А. Яворский]. — В журнале: Dziennik literacki, 1948, № 52.
- Bagricki Edward. A. S. Puszkini. Tłumaczył Mieczysław Jastrun [А. С. Пушкин]. Перевел М. Яструн]. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 40.
- Balicki Stanisław Witold. Melodramat o Puszkini [Мелодрама о Пушкине]. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 14.
- Barcikowski Wacław. Puszkini [Пушкин]. — В приложении к журналу: Dodatek do numeru 7—8 «Życia słowiańskiego», 1949, str. 419—428.
- Bart. Mickiewicz i Puszkini [Мицкевич и Пушкин]. — В газете: Dziennik ludowy, 1949, № 156.
- Belinskij V. G. Wybór pism o Puszkini. Opracował Jan Tszynadłowski [Избранные произведения о Пушкине. Подготовил к печати Я. Тшинадаловский]. Wrocław, Zakład im. Ossolińskich, 1953, 248 str.
- Beulin Karolina. Droga Puszkina przez Polskę [Путь Пушкина по Польше]. — В газете: Echo Krakowa, 1949, № 150, z 7 czerwca.
- Beulin Kar[ol]ina. Stoperćdziesiąt lat temu urodził się Puszkini [Сто пятьдесят лет назад родился Пушкин]. — В газете: Inwalida, Warszawa, 1949, № 21—22.
- Beulin Stefania. Wystawa mickiewiczowska i puszkiniowska w Muzeum narodowym [Выставка Мицкевича и Пушкина в Народном музее]. — В газете: Kobieta, 1949, № 27.
- Beulin Kar[ol]ina. Pamiętki po wielkich wieszczach zgrupowane na interesującej wystawie [Материалы о великих поэтах, собранные на интересной выставке]. — В газете: Express wieczorny, 1949, № 171, z 21 czerwca.
- Bielczyk M. Ludowy poeta. Rewolucjoniści-demokraci o Puszkini [Народный поэт. Революционные демократы о Пушкине]. — В газете: Wolność, 1949, № 123.
- Bielicki W. Genialny pisarz ziemi rosyjskiej [Гениальный писатель русской земли]. — В газете: Gazeta robotnicza, 1949, № 132.
- Włagój D. D. Aleksander Puszkini. Przekład autoryzowany Seweryna Pollaka [Александр Пушкин. Авторизованный перевод С. Поляка]. Warszawa, Państwowy instytut wydawniczy, 1951, 153 str.
- Włagój D. Człowiek, który słał wolność [Человек, который славил свободу]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 153, z 5 czerwca.
- Włok Aleksander. Dom Puszkina. Tłumaczył Mieczysław Jastrun [Пушкинскому Дому]. Перевел М. Яструн]. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 40.
- Wodnicki Władysław. «Córka kapitana» Puszkina [«Капитанская дочка» Пушкина]. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 13.
- Worzecki M. «Eugeniusz Oniegin» [Евгений Онегин]. — В газете: Rzeczpospolita, 1949, № 187.
- Brevis H. «Opowieści» Puszkina [«Повести» Пушкина]. — В журнале: Przyjaźń, 1949, № 22.
- Brodzki N. Puszkini a twórczość ludowa [Пушкин и народное творчество]. — В журнале: Wieś, 1949, № 26, z 26 czerwca.
- Brzechwa Jan. Żal bezbrzeżny [Бескрайняя печаль]. — В журнале: Nowa kultura, 1954, № 2, str. 5.
- Brzeziński Stanisław. Film o Puszkini («Puszkini») [Фильм о Пушкине («Пушкин»)]. — В приложении к газете: Kurier szczeciński. Dodatek ilustrowany, 1949, № 24.
- Buřhakow M. Aleksander Puszkini. Sztuka w 4 aktach, 10 odsłonach. Przekład Aleksandra Bachracha [Александр Пушкин. Пьеса в 4 актах, 10 картинах. Перевод А. Бахраха]. Warszawa, «Współpraca», 1949, 85 str.
- Cejtlin Aleksander. Życie i twórczość Puszkina [Жизнь и творчество Пушкина]. — В газете: Rzeczpospolita, 1949, № 146, z 29 maja.
- Centralna wystawa mickiewiczowska i puszkiniowska [Центральная выставка Мицкевича и Пушкина]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 156, z 9 czerwca. Polski dział na Wystawie puszkiniowskiej w Moskwie [Польский отдел на Пушкинской выставке в Москве]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 154, z 7 czerwca.

- Dąbkowska Zofia. Bieliński o Puszkynie [Белинский о Пушкине]. — В журнале: *Odrodzenie*, 1949, №№ 23, 24.
- Doniecki W. Przyjaźń wieszczów [Дружба поэтов]. — В газете: *Wolność*, 1949, № 125, z 6 czerwca.
- Dudziński Bolesław. Aleksander Puszkina. Dramaty, w przekładzie S. Pollaka [Александр Пушкин. Драмы, в переводе С. Поляка]. — В газете: *Głos ludu*, 1947, № 253, z 14 września.
- Dudziński Bolesław. Jak i dlaczego zginął Puszkina [Как и почему погиб Пушкин]. — В газете: *Głos ludu*, 1947, № 183, str. 5.
- Dudziński B. Nowe książki o Puszkynie [Новые книги о Пушкине]. — В газете: *Głos szczeciński*, 1952, № 10.
- Dudziński Bolesław. «Opowieści» Puszkina [«Повести» Пушкина]. — В газете: *Trybuna wolności*, 1949, № 25, z 22—26 czerwca.
- D[udziński] B. Puszkina i dekabryści [Пушкин и декабристы]. — В газете: *Trybuna ludu*, 1949, № 153, z 5 czerwca.
- D[udziński] B. Rok puszkiniowski: Gorki o Puszkynie [Пушкинский год: Горький о Пушкине]. — В газете: *Trybuna ludu*, 1949, № 156, z 9 czerwca.
- Dudziński B. Z życia wielkiego poety [Из жизни великого поэта]. — В газете: *Głos robotniczy*, 1952, № 21.
- Dzierżawin Konstanty. Bliski sercu wszystkich słowiom [Близкий сердцу всех славян]. — В газете: *Wolność*, 1949, № 138, z 24 czerwca.
- E. S. Opowieść o Aleksandrze Puszkynie [Повесть об Александре Пушкине]. — В газете: *Ilustrowany Kurier polski*, Bydgoszcz, 1949, № 147, z 30 maja.
- «Eugeniusz Oniegin» Czajkowskiego na scenie Opery stołecznej [«Евгений Онегин» Чайковского на сцене столичной оперы]. — В газете: *Gazeta ludowa*, 1949, № 147, z 23 czerwca.
- «Eugeniusz Oniegin» w Operze warszawskiej [«Евгений Онегин» в Варшавской опере]. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 33.
- «Eugeniusz Oniegin» w Teatrze rapsoicznym [«Евгений Онегин» в Театре рапсодий]. — В журнале: *Dziennik literacki*, 1949, № 23.
- F. M. Geniusz poezji rosyjskiej [Гений русской поэзии]: — В газете: *Życie Warszawy*, 1949, № 143, z 26 maja.
- Fiszler Włodzimierz. Dramaty Puszkina [Драмы Пушкина]. — В журнале: *Nowiny literackie*, 1949, № 34.
- Fiszman Samuel. Czy Puszkina tłumaczył Mickiewicz z oryginału? [Переводил ли Пушкин Мицкевича с оригинала?]. — В журнале: *Odrodzenie*, 1949, № 13.
- Fiszman Samuel. Listy Adama Mickiewicza do Piotra Wiazemskiego [Письма Адама Мицкевича к Петру Вяземскому]. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 22.
- Fiszman Samuel. Mickiewicz w Rosji [Мицкевич в России]. Warszawa, PIW, 1949, 115 str.
- Fiszman Samuel. Nie ktoś nieznany, lecz Mickiewicz [Не неизвестный, а Мицкевич]. — В журнале: *Kuźnica*, 1947, № 47.
- Fiszman Samuel. Półście mickiewiczowskie z archiwów moskiewskich [Материалы о Мицкевиче в московских архивах]. — В журнале: *Twórczość*, 1947, № 3, str. 5—24.
- Fłaszen L. «Oniegin» na nowo przełożony [«Онегин» в новом переводе]. — В журнале: *Życie literackie*, 1952, № 23.
- Garny z Krystyna. Poeta i carat [Поэт и царизм]. — В журнале: *Razem*, 1949, № 22.
- Gildina Z. Mickiewicz po rosyjsku [Мицкевич на русском языке]. — В журнале: *Nowe widnokregi*, 1945, № 21—22.
- Gosławska Cecylia. Mickiewicz i Puszkina [Мицкевич и Пушкин]. — В журнале: *Płomień*, 1947, № 3.
- Gomolicki Leon. Aleksander Puszkina [Александр Пушкин]. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 22.
- Gomolicki Leon. Aleksander Puszkina (Z okazji stu pięćdziesiątej rocznicy urodzenia wielkiego poety) [Александр Пушкин (По поводу 150-й годовщины со дня рождения великого поэта)]. Warszawa, «Współprasa», 1949, 31 str.
- Gomolicki Leon. Aleksander Puszkina [Александр Пушкин]. — Warszawa, «Wiedza powszechna», 1953, 83 str.
- Gomolicki Leon. Dziennik pobytu Adama Mickiewicza w Rosji. 1824—1829 [Дневник пребывания Адама Мицкевича в России]. Warszawa, «Książka i wiedza», 1949, str. 16—17.
- Gomolicki Leon. Kwarantanna bołdiniowska [Болдинский карантин]. — В журнале: *Kuźnica*, 1947, № 1.
- Gomolicki Leon. Mickiewicz w Moskwie [Мицкевич в Москве]. — В журнале: *Kuźnica*, 1948, № 29.

- Gomolicki Leon. Mickiewicz wśród rosjan [Мицкевич среди русских]. Warszawa, «Książka i wiedza», 1950, 164 str.
- Gomolicki Leon. Mickiewicz wśród rysunków Puszkina [Мицкевич среди рисунков Пушкина]. — В журнале: Przekrój, 1949, № 221.
- Gomolicki Leon. Nie napisany rozdział «Oniegiina» [Ненаписанная глава «Онегина»]. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 33.
- Gomolicki Leon. Pierwsi rosyjscy tłumacze Mickiewicza [Первые русские переводчики Мицкевича]. — В журнале: Zeszyty wrocławskie, 1948, № 4.
- Gomolicki Leon. Pod jednym płaszczem [Под одним плащом]. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 37.
- Gomolicki Leon. Proza Puszkina [Проза Пушкина]. — В журнале: Kuźnica, 1948, №№ 17, 18.
- Gomolicki Leon. Rysopis Puszkina [Рисунья Пушкина]. — В журнале: Świat, 1953, № 6.
- Gomolicki Leon. Wielki realista Aleksander Puszkini [Великий реалист Александр Пушкин]. Warszawa, PIW, 1954, 236 str.
- Gomolicki Leon. «Wojnarowski» (Fragment pracy o Mickiewiczu) [«Войнаровский» (Фрагмент книги о Мицкевиче)]. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 28.
- Gomolicki Leon. Wojnarowski [Войнаровский]. Wallenrod [Валленрод]. Połtawa [Полтава]. — В журнале: Twórczość, 1949, № 6.
- Gomolicki Leon. Z badań nad rosyjskim okresem życia Mickiewicza [Из исследований о русском периоде жизни Мицкевича]. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 52.
- Gomolicki Leon. Z historii puszkinologii polskiej. — В книге: Prace polonistyczne, seria XI. Wrocław, Zakład imienia Ossolińskich, 1953, str. 341—354.
- Gomolicki Juliusz. Aleksander Puszkini [Александр Пушкин]. — В газете: Gazeta rozpoznawska, 1949, № 154.
- Gomolicki Juliusz. Nieznany polski komentarz do Fontanny Bakczysarajskiej [Неизвестный польский комментарий к Бахчисарайскому фонтану]. — В газете: Kurier codzienny, 1949, № 153.
- Gorodyński W. Puszkini i muzyka rosyjska [Пушкин и русская музыка]. — В газете: Kurier codzienny, 1949, № 172.
- Grabowski Tadeusz Stanisław. Jeszcze raz o Puszkynie w Polsce [Еще раз о Пушкине в Польше]. — В журнале: Życie słowiańskie, 1946, № 7—8, str. 213—215.
- Gruszczynski Krzysztof. W świecie polszczyzny [О польском языке в переводах Ю. Тувины]. — В журнале: Kuźnica, 1946, № 17.
- Grzegorzczak Piotr. A. S. Puszkini i F. J. Tyuczew. Wybór liryki w przekładzie T. Stempiewskiego [А. С. Пушкин и Ф. И. Тютчев. Избранная лирика, в переводе Т. Стемпневского]. — В журнале: Tygodnik powszechny, 1948, № 33.
- Grzegorzczak Piotr. Puszkini w Polsce [Пушкин в Польше]. — В журнале: Pamiętnik literacki, t. 39, Warszawa, 1950, str. 422—428.
- Grzegorzczak Piotr. Wiersze rosyjskie po polsku [Русские стихи на польском языке]. — В журнале: Tygodnik powszechny, 1948, № 4.
- J. D. Wystawa mickiewiczowska i puszkiniowska w Muzeum narodowym [Выставка Мицкевича и Пушкина в Народном музее]. — В газете: Kurier codzienny, 1949, № 186, z 19 czerwca.
- J. K. Bogaty program obchodu stoipięćdziesiątej rocznicy urodzin Puszkina [Богатая программа проведения 150-й годовщины со дня рождения Пушкина]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 145, z 28 maja.
- Jackiewicz Aleksander. Zapiski d'Archiaca [Записки д'Аршиака]. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.
- Jakóbiec Marian. Literatura rosyjska wśród polaków w okresie pozytywizmu [Русская литература среди поляков в период позитивизма]. — В книге: Studia historyczno-literackie, t. II, Pozytywizm, część I, Wrocław, 1950, str. 322—325.
- Jakóbiec Marian. Nad autografem mickiewiczowskiego wspomnienia o Puszkynie [Над автографом воспоминания Мицкевича о Пушкине]. Wrocław, Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1948, 27 str.
- Jakóbiec Marian. Puszkini i Mickiewicz [Пушкин и Мицкевич]. В приложении к журналу: Dodatek do numeru 7—8 «Życia słowiańskiego», 1949, str. 455—461.
- Jakóbiec Marian. Słowacki w kręgu poetyckim Puszkina [Словацкий в поэтическом окружении Пушкина]. — В журнале: Zeszyty wrocławskie, 1949, № 1—2, str. 3—12.
- Jakubiszyn Anna. Przed wystawą Mickiewicza i Puszkina w Muzeum narodowym [Перед выставкой Мицкевича и Пушкина в Народном музее]. — В приложении к газете: Kultura i życie. Dodatek tygodniowy do dziennika «Polska zbrojna», 1949, № 23.
- Janowski Jarosław. Godzina szczerości [Час откровенности]. — В журнале: Warszawa, 1946, № 6, z 29 września.
- Jastrun Mieczysław. Mickiewicz [Мицкевич]. Warszawa, PIW, 1949, str. 105—136, 185, 187.

- Katalog Wystawy jubileuszowej. 1799—1949 [Каталог юбилейной выставки. 1799—1949]. Warszawa, Ogólnopolski komitet uczczenia 150-tej rocznicy urodzin Aleksandra Puszkina, 1949, 53 str.
- Kawska N. Na tropach Puszkina [На пушкинских тропах]. — В приложении к газете: Rejsy. Dodatek «Dziennika bałtyckiego», 1949, № 24.
- Kerner S. Tu spędzał dzieciństwo Puszkina [Здесь проводил детство Пушкин]. — В газете: Głos ludu, 1947, № 192.
- Ki. O hołdzie dla Aleksandra Puszkina i o tym, jak go u nas przekładają [Об уважении к Александру Пушкину и о том, как его у нас переводят]. — В журнале: Odra, Wrocław, 1949, № 22, z 19 czerwca.
- Kiełdysz J. Glinka i Puszkina [Глинка и Пушкин]. — В газете: Głos kutnowski, 1949, № 193, z 18 lipca.
- Klaminek Andrzej. Dwie wzorowe wystawy: Mickiewiczowska i Puszkiniowska [Две образцовые выставки: Мицкевича и Пушкина]. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 27, z 3 lipca.
- Koczarowski Stanisław Piotr. Wystawa puszkiniowska w Warszawie [Пушкинская выставка в Варшаве]. — В журнале: Bibliotekarz, 1949, rocznik XVI, № 7—8, str. 13.
- Kolbuszewski Stanisław. Aleksander Puszkina. O niektórych rysach jego poezji [Александр Пушкин. О некоторых чертах его поэзии]. — В газете: Polska zachodnia, Poznań, 1949, № 22—23, z 5—12 czerwca.
- Kolbuszewski Stanisław. Puszkina a romantyzm [Пушкин и романтизм]. — В газете: Dziś i jutro, 1949, № 50.
- Konkurs na pracę o Puszkinie [Конкурс на книгу о Пушкине]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 154, z 7 czerwca.
- Korzeniowska Ewa. Śmierć poety [Смерть поэта]. — В журнале: Kuźnica, 1947, № 41.
- Kowalski Tadeusz. «Słuch pójdzie o mnie w dal przez całą Ruś...» [«Слух обо мне пройдет по всей Руси...»]. — В журнале: Pokolenie, 1949, № 28, z 5 czerwca.
- Kowalski Władysław. Źródła wielkości Puszkina! [Источники величия Пушкина]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 153, z 5 czerwca.
- Kozakow M. Ostatnie mieszkanie wielkiego poety [Последнее жилище великого поэта]. — В газете: Wolność, 1949, № 117, z 27 maja.
- Kozłowski Jastrzębiec Zdzisław. Z notatek Puszkina [Из пушкинских заметок]. — В газете: Odra, 1946, № 1, str. 4—5.
- Kr. Zb. Nauka polska cześci Aleksandra Puszkina [Польская наука чтит Александра Пушкина]. — В газете: Dziennik polski, 1949, № 329, z 30 listopada.
- Kragen Wanda. Puszkina, twórca nowoczesnej powieści rosyjskiej [Пушкин — творец современной русской повести]. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 23.
- Kronika puszkiniowska [Пушкинская хроника]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 153, z 5 czerwca.
- Kruczkowski Leon. Na puszkiniowskim szlaku [На пушкинском пути]. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 27.
- Kruczkowski Leon. Puszkina z nami [Пушкин с нами]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 156, z 9 czerwca.
- Kruczkowski Leon. O uroczystościach puszkiniowskich w Moskwie [О пушкинских торжествах в Москве]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 154, z 7 czerwca.
- Krzyżanowski Julian. Dramaturgia Puszkina [Драматургия Пушкина]. — В журнале: Teatr, 1949, № 6, str. 4—7.
- Krzyżanowski Julian. Puszkina w świtce bajora ludowego [Пушкин в облике народного сказочника]. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 23.
- Krzyżanowski Julian. Sienkiewicz a literatura rosyjska [Сенкевич и русская литература]. — В журнале: Nauka i sztuka, 1946, № 5—6; отдельный оттиск: Jelenia Góra, 1946, 16 str.
- Kudliński Tadeusz. Teatr rapsodyczny. Eugeniusz Oniegin Al. Puszkina [Театр рэпсодий. Евгений Онегин Ал. Пушкина]. — В журнале: Tygodnik powszechny, 1948, № 10.
- Kulisiewicz Aleksander. Pod jednym płaszczem dwaj młodzieńce [Микiewicz i Puszkina]. [Под одним плащом двое юношей (Мицкевич и Пушкин)]. — В журнале: Młoda Rzeczpospolita, Kraków, 1947, № 7.
- Ku cześci Mickiewicza i Puszkina [К юбилею Мицкевича и Пушкина]. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 28, z 10 lipca.
- Kuryluk Jerzy. Piotr Czajkowski i jego «Oniegin» [Петр Чайковский и его «Онегин»]. — В журнале: Przyjaźń, 1949, № 27.
- Kuryluk Jerzy. Puszkiniowskie widowisko w Teatrze polskim (w Warszawie) [Пушкинский вечер в Польском театре (в Варшаве)]. — В газете: Dziennik ludowy, 1949, № 161, z 16 czerwca.
- Kurza T. Puszkina-prozaik [Пушкин-прозаик]. — В журнале: Pokolenie, 1952, № 6.

- Kwiatkowska Jadwiga. Jubileusz Puszkina w Polsce [Юбилей Пушкина в Польше]. — В приложениях к журналу: Dodatek do numeru 7—8 «Życia słowiańskiego», 1949, str. 501—506.
- Lehr-Spławiński Tadeusz. Puszkini w dziejach rosyjskiego języka literackiego [Пушкин в истории русского литературного языка]. — В журнале: Język rosyjski, Warszawa, 1949, część II, № 3, str. 23—30.
- Lermontow M. Na śmierć Puszkina. Tłumaczył Wiesław Karczewski [Смерть поэта. Перевел В. Карчевский]. — В газecie: Wolność, 1949, № 125, z 6 czerwca.
- Liewszowa S. Puszkini — wielki rosyjski poeta narodowy [Пушкин — великий поэт русского народа]. — В газecie: Rzeczpospolita, 1949, № 153, z 5 czerwca.
- Lissa Zofia. Poezja Puszkina w muzyce rosyjskiej i radzieckiej [Поэзия Пушкина в русской и советской музыке]. — В приложении к журналу: Dodatek do numeru 7—8 «Życia słowiańskiego», 1949, str. 472—477.
- Lissa Zofia. Puszkini a muzyka rosyjska [Пушкин и русская музыка]. — В газecie: Trybuna Wolności, 1949, № 23, z 8—14 czerwca.
- Lissa Zofia. Puszkiniana muzyczna [Музыкальная пушкиниана]. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.
- Łubieński Henryk. Mickiewicz i przyjaciele Rosjanie [Мицкевич и русские друзья]. — В газecie: Czerwony sztandar, Lwów, 1945, № 233.
- Lubowicz Z. Aleksander Puszkini [Александр Пушкин]. — В газecie: Nowa wieść, 1949, № 24.
- m. List z Moskwy z r. 1827 [Письмо из Москвы в 1827 году]. — В журнале: Kuźnica, 1947, № 42.
- M. J. Rok puszkiniowski w ZSRR [Пушкинский год в СССР]. — В журнале: «Wieść, 1949, № 22.
- Macierakowski Jerzy. Opera w Poznaniu [Опера в Познани]. — В газecie: Nowiny literackie, 1948, № 24.
- Małecksi Feliks. Wybór liryki A. S. Puszkina i T. J. Tiutczewa. Przekład T. Stępniewskiego [Избранная лирика А. С. Пушкина и Ф. И. Тютчева. Перевод Т. Стемпневского]. — В журнале: Odrodzenie, 1948, № 12.
- Mańska F. Geniusz poezji rosyjskiej [Гений русской поэзии]. — В газecie: Kurier szczeciński, 1949, № 144.
- Marciniakowa A. Aleksander Puszkini — największy poeta rosyjski [Александр Пушкин — величайший русский поэт]. — В газecie: Chłopska droga, 1949, № 26, z 26 czerwca.
- Markiewicz Henryk. Mickiewicz w rosyjskiej szacie [Мицкевич в русской одежде]. — В журнале: Życie słowiańskie, 1948, № 6.
- Markiewicz Henryk. Puszkini i Mickiewicz [Пушкин и Мицкевич]. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 23.
- Markiewicz Henryk. Puszkini z bliska [Пушкин вблизи]. — В газecie: Rzeczpospolita, 1949, № 116, z 19 czerwca.
- Markiewicz Henryk i Kasprzyski Michał. Dzieje poety [Творчество поэта]. — В журнале: Przekrój, 1949, № 217, z 5 czerwca, str. 1—6.
- Materiały świetlicowe. Niesięcznik. Numer poświęcony Aleksandrowi Puszkiniowi [Юбилейные материалы. Ежемесячный номер, посвященный Александру Пушкину], 1949, maj, № 5.
- Mazurkiewicz Tadeusz. Z Opery warszawskiej: «Eugeniusz Oniegin» [В варшавской опере: «Евгений Онегин»]. — В газecie: Kurier codzienny, 1949, № 176, z 29 czerwca.
- Michalsi H. E. Od Puszkina do Fadiejewa (Przegląd przekładów literatury rosyjskiej na język polski) [От Пушкина до Фадеева (Обзор переводов русской литературы на польский язык)]. — В газecie: Głos ludu, 1948, № 306.
- Mickiewicz i Puszkini w Muzeum narodowym [Мицкевич и Пушкин в Народном музее]. — В газecie: Express wieczorny, 1949, № 159, z 9 czerwca.
- Mickiewicz o Puszkini [Мицкевич о Пушкине]. — В газecie: Głos robotniczy, 1947, № 204.
- Mościcki Henryk. Puszkini i dekabryści [Пушкин и декабристы]. — В приложении к журналу: Dodatek do numeru 7—8 «Życia słowiańskiego», 1949, str. 437—444.
- Najważniejsze daty w życiu i twórczości Aleksandra Puszkina [Важнейшие даты жизни и творчества Александра Пушкина]. — В журнале: Przyjaźń, 1949, № 22.
- Naród w sercu utwierdził. W storiędziesiątą rocznicę Aleksandra Puszkina [Народ запечатлел его в своем сердце. 150-летие со дня рождения Александра Пушкина]. — В газecie: Rolnik polski, 1949, № 67.
- Natanson Wojciech. «Ty także będziesz Szekspirem...» [«Ты также будешь Шекспиром...»]. — В журнале: Twórczość, 1947, № 9, str. 104—106.
- Niegasnące słońce literatury rosyjskiej. 115 rocznica zgonu A. S. Puszkina [Неугасимое солнце русской литературы. 115-я годовщина со дня смерти А. С. Пушкина]. — В газecie: Wolność, 1952, № 33.

- Nowa sztuka o Puszkynie [Новая пьеса о Пушкине]. — В журнале: Dziś i jutro, 1952, № 7.
- Nowe materiały o Puszkynie [Новые материалы о Пушкине]. — В журнале: Dziennik literacki, 1949, № 8.
- Novik o I. Aleksander Puszkina. Tłumaczyła Eleonora Mendelson [Александр Пушкин. Перевела Э. Мендельсон]. Warszawa, «Książka i wiedza», 1950, 168 str.
- O życiu i twórczości Aleksandra Puszkina [О жизни и творчестве Александра Пушкина]. — В приложении к газете: Panorama. Ilustrowany dodatek niedzielny «Dziennika łódzkiego», 1949, № 23, z 5 czerwca.
- Oścień Z. Mickiewicz i Puszkina [Мидкевич и Пушкин]. — В приложении к газете: Kurier szczeciński. Dodatek ilustrowany, 1949, № 25.
- Ost. Dwie wystawy jubileuszowe [Две юбилейные выставки]. — В журнале: Żołnierz polski, 1949, № 28.
- Ostrowski Stanisław. Aleksander Puszkina (1799—1837) [Александр Пушкин (1799—1837)]. — В журнале: Żołnierz polski, 1949, № 22, z 3—9 czerwca.
- Piechał Marian. Dramaty Puszkina [Драмы Пушкина]. — В журнале: Dziennik literacki, 1947, № 2.
- Piechał Marian. Nowe przekłady z Puszkina i Tjutczewa [Новые переводы из Пушкина и Тютчева]. — В журнале: Nowiny literackie, 1948, № 17.
- Pietrowska A. Eugeniusz Oniegin a Pan Tadeusz [Евгений Онегин и Пая Тадеуш]. — В газете: Polska zbrojna, 1949, № 157.
- Piewca wolności i swobody [Певец вольности и свободы]. — В газете: Młoda wieś, 1949, № 12.
- Pistolet Puszkina [Пистолет Пушкина]. — В газете: Zicie Warszawy, 1949, № 173.
- Pitera Zbigniew. Puszkina zfilmowany [Пушкин в кино]. — В журнале: Film polski, 1949, № 10, z 1 czerwca.
- Płomieński Jerzy Eugeniusz. Śmierć poety [Смерть поэта]. — В журнале: Arkona, Bydgoszcz, 1948, № 10/12.
- Podhorska-Okołów Stefania. Wola ludu w «Borysie Godunowie» Puszkina [Воля народа в «Борисе Годунове» Пушкина]. — В журнале: Teatr, 1949, № 6, str. 25—26.
- Podhorski-Okołów Leonard. Duch poetycki w Muzeum narodowym [Дух поэзии в Народном музее]. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 34.
- Polanowski Jerzy. Twórczość Puszkina źródłem natchnienia kompozytorów radzieckich [Творчество Пушкина — источник вдохновения советских композиторов]. — В газете: Gazeta kujawska, Włocławek, 1949, № 132, z 15 maja.
- Pollak Seweryn. Aleksander Puszkina [Александр Пушкин]. — В газете: Robotnik, 1946, № 40.
- Pollak Seweryn. Krakowski «Teatr rapsodyczny» na nowej drodze [Краковский «Театр рапсодий» на новом пути]. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 20.
- Pollak Seweryn. Nad nowym przekładem «Eugeniusza Oniegina» [О новом переводе «Евгения Онегина»]. — В журнале: Nowa kultura, 1952, № 50.
- Pollak Seweryn. Nad tuwimowskim przekładem Puszkina [Над тувимским переводом Пушкина]. — В газете: Rzeczpospolita, 1946, № 177, z 28 czerwca.
- Pollak Seweryn. Nowe przekłady poezji rosyjskiej [Новые переводы русской поэзии]. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 23.
- Pollak Seweryn. «Nowe spojrzenie» na Puszkina i Lermontowa [«Новый взгляд» на Пушкина и Лермонтова]. — В журнале: Kuźnica, 1948, № 4.
- Pollak Seweryn. O Aleksandrze Puszkynie [Об Александре Пушкине]. В журнале: Płomień, Warszawa, 1949, № 20.
- Pollak Seweryn. O życiu i twórczości Aleksandra Puszkina [О жизни и творчестве Александра Пушкина]. — В приложении к газете: Kultura i życie. Dodatek tygodniowy do «Polski zbrojnej», 1949, № 23.
- Pollak Seweryn. Puszkina a dekabryści [Пушкин и декабристы]. — В газете: Wola ludu, Warszawa, 1952, № 36.
- Pollak Seweryn. Ten, który śmiał wysławiać wolność [Тот, кто смел прославлять свободу]. — В журнале: Nasza myśl, 1949, № 7—8, str. 105—108.
- Pollak Seweryn. Varia puszkiniowskie [Пушкиноведческие мелочи]. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.
- Polska czci pamięć wielkiego poety. Program obchodu stu pięćdziesiątej rocznicy urodzin Puszkina [Польша чтит память великого поэта. Программа встречи 150-й годовщины со дня рождения Пушкина]. — В газете: Wolność, 1949, № 121, z 2 czerwca.
- Pomianowski Jerzy. Uwagi o Mickiewiczu i Puszkynie [Замечания о Мидкевиче и Пушкине]. — В журнале: Wieś, 1949, № 22.
- Powołowski Stefan. Akademie puszkiniowskie w Łodzi [Пушкинские академические собрания в Лодзи]. — В журнале: Wolność, 1949, № 136, z 22 czerwca.
- Pozdniewa Olga. Balet «Jeździec miedziany» z muzyką Gliera na tle poematu Puszkina [Балет «Медный всадник» с музыкой Глиера на основе поэмы Пушкина]. — В газете: Kurier wielkopolski, 1949, № 205, z 28 lipca.

- Poznań uczcił rocznicę urodzin wielkiego poety [Познань чтит годовщину рождения великого поэта]. — В газете: Gazeta poznańska, 1949, № 178, z 4 lipca.
- Poznański Marcełi. Polski Puszkini [Польский Пушкин] — В журнале: Bibliotekarz, 1949, rocznik XVI, № 7—8, str. 132—134.
- Poznański Marcełi. Polski żywot Puszki [Польский Пушкин]. — В журнале: Odrodzenie, 1949, № 36.
- Preger Janina. Puszkini [Пушкин]. — В журнале: Teatr ludowy, 1949, maj.
- Preger Janina. Śmierć poety [Смерть поэта]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 205, z 2 sierpnia.
- Pregerówna Janina. Lutnia Puszki [Лира Пушкина]. — В журнале: Twórczość, 1946, zesz. IV, str. 151—156.
- Proksza L. Poeci-wygnañci [Поэты-изгнанники]. — В газете: Wolność, 1946, № 33.
- Puszkini Aleksander. Przewodnik po wystawie jubileuszowej [Александр Пушкин. Путеводитель по юбилейной выставке]. Warszawa, Wydawnictwo Komitetu uczczenia stópiedziesiątej rocznicy urodzin Aleksandra Puszki, 1946, 46 str.
- Puszkini Aleksander. Z okazji stópiedziesiątej rocznicy urodzin wielkiego poety [Александр Пушкин. По поводу 150-й годовщины со дня рождения великого поэта]. Warszawa, Wydawnictwo Towarzystwa przyjaźni polsko-radzieckiej, 1949, 10 str.
- Puszkini a sport [Пушкин и спорт]. — В журнале: Przyjaźń, 1949, № 22.
- Puszkini Aleksander, poeta i rewolucjonista [Александр Пушкин, поэт и революционер]. — В газете: Gazeta rolnicza — Chłopi, 1949, № 26.
- Puszkini — symbolem postępu i braterstwa narodów słowiańskich. Jnauguracyjne posiedzenie komitetu uczczenia stópiedziesiątej rocznicy urodzin Puszki [Пушкин — символ прогресса и братства славянских народов. Торжественное заседание юбилейного комитета, посвященное 150-й годовщине со дня рождения Пушкина]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 128, z 11 maja.
- Puszkini w teatrach ZSRR [Пушкин в театрах СССР]. — В газете: Kurier codzienny, 1949, № 153, z 5 czerwca.
- Puszkini — wiecznie żywy [Пушкин вечно жив]. — В журнале: Przyjaźń, 1949, № 22.
- Rassalski St. Aleksander Puszkini [Александр Пушкин]. — В журнале: Stolica, 1949, № 26, z 26 czerwca.
- Rok puszkiniowski. Miejsce pisarza zawsze w awangardzie ludzkości [Пушкинский год. Место писателя всегда в авангарде человечества]. — В газете: Dziennik literacki, 1949, № 26, z 26 czerwca.
- Rokoszowa Maria. Opowieść o Puszce. Inscenizacja świetlicowa. Wstęp H. Markiewicza [Повесть о Пушкине. Праздничная инсценировка. Предисловие Г. Маркевича]. Warszawa, «Sztuka», 1949, 75 str.
- Rubach Lubomir. Aleksander Puszkini w Polsce [Александр Пушкин в Польше]. — В журнале: Przyjaźń, Warszawa, 1947, № 2.
- Rubach Lubomir. Puszkini i jego utwory na ekranie [Пушкин и его произведения на экране]. — В журнале: Przyjaźń, 1949, № 25.
- Rybski Maksym. Mickiewicz wśród rosyjskich przyjaciół [Мицкевич среди русских друзей]. — В газете: Głos ludu, 1947, № 267.
- Ryszkiwicz Andrzej. Zapomniane polonica puszkiniowskie [Забятая пушкинская полоника]. — В журнале: Odra, 1949, № 33.
- Sandauer A. Nowy przekład «Eugeniusza Oniegina» [Новый перевод «Евгения Онегина»]. — В газете: Świat i ludzie, 1950, № 41.
- Sokorski Włodzimierz. Aleksander Puszkini i polska kultura [Александр Пушкин и польская культура]. — В журнале: Poradnik społeczny, Warszawa, 1949, № 12—13, z 15 czerwca, str. 27—30.
- Sokorski Włodzimierz. Naród polski w hołdzie Aleksandrowi Puszce [Польский народ чтит Александра Пушкина]. — В газете: Gazeta robotnicza, Wrocław, 1949, № 138, z 21 maja.
- Sokorski Włodzimierz. Symbol naszego braterstwa. Przed stópiedziesiątą rocznicą urodzin Puszki [Символ нашего братства. Перед 150-й годовщиной со дня рождения Пушкина]. — В газете: Trybuna ludu, 1949, № 137, z 20 maja.
- Sowiński Adolf. Dwie wystawy jubileuszowe [Мицкевичowska i Puszkiowska] [Две юбилейные выставки [Мицкевича и Пушкина]]. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 27.
- Sowiński Adolf. Spojrzenie na prozę Puszki [Взгляд на прозу Пушкина]. — В журнале: Kuźnica, 1949, № 22.
- Spink Józef. Aleksander Puszkini [Александр Пушкин]. — В газете: Dziennik bałtycki, 1949, № 143.
- Spink Józef. Wpływ Puszki na literaturę rosyjską i światową [Влияние Пушкина на русскую и мировую литературу]. — В газете: Dziennik zachodni, 1949, № 163, z 16 czerwca.

- Sz. M. Rzeźba «Mickiewicz i Puszkina» w Moskwie [Скульптура «Мицкевич и Пушкин» в Москве]. — В журнале: *Odrodzenie*, 1949, № 2.
- Szczerańska Maria. Seweryn Pollak o przekładach z poezji rosyjskiej [Северин Поляк о переводах из русской поэзии]. — В журнале: *Dziennik literacki*, Kraków, 1947, № 30.
- Szewczyka Wilhelm. Niezrównane ogniwo kulturalnej wspólnoty. Puszkina — wielki geniusz słowiańszczyzny [Замечательное звено культурного единства. Пушкин — великий гений славянских народов]. — В приложении к газете: *Świat i życie*. Ilustrowany dodatek tygodniowy «Dziennika zachodniego», Katowice, 1949, № 22, z czerwca.
- Szydłowski Roman. Dramaturgia Puszkina [Драматургия Пушкина]. — В газете: *Trybuna wolności*, 1949, № 24, z 15—21 czerwca.
- Szyszko A. Droga. Fragment noweli [Дорога. Фрагмент новеллы]. — В газете: *Wolność*, 1949, № 126.
- Świdarska Alina. Przyjaciele Moskale (Fragmenty z powieści biograficznej «Adam») [Русские друзья (Фрагменты из биографической повести «Адам»)]. — В журнале: *Nauka i sztuka*, Warszawa — Jelenia Góra, 1946, № 3, str. 298—312.
- Timofiejew Grzegorz. Aleksander Puszkina — piewca wolności i braterstwa narodów [Александр Пушкин — певец свободы и братства народов]. — В газете: *Głos robotniczy*, 1952, № 35.
- Timofiejew Grzegorz. «Dramaty» Puszkina [«Драмы» Пушкина]. — В газете: *Robotnik*, 1947, № 258.
- Timofiejew Grzegorz. Mickiewicz i Puszkina [Мицкевич и Пушкин]. — В газете: *Dziennik łódzki*, 1952, № 274.
- Timofiejew Grzegorz. Mickiewicz i Puszkina. Tradycja przyjaźni polsko-radzieckiej [Мицкевич и Пушкин. Традиция польско-советской дружбы]. — В журнале: *Wiśń*, 1952, № 47.
- Timofiejew Grzegorz. Piewca wolności [Певец свободы]. — В газете: *Wolność*, 1949, № 122.
- Timofiejew Grzegorz. Losy i twórczość geniusza pod panowaniem koronowanych despotów [Судьбы и творчество гения под властью коронованных деспотов]. — В газете: *Kurier popularny*, Łódź, 1947, № 32.
- Timofiejew Grzegorz. O sztuce dramatycznej Puszkina [О драматургическом искусстве Пушкина]. — В газете: *Polska zachodnia*, 1947, № 39.
- Torowski Marian. O nieznanym poecie, który tłumaczył Puszkina. . . [О неизвестном поэте, переведившем Пушкина. . .]. — В журнале: *Odrodzenie*, 1949, № 23, z 5 czerwca.
- Torowski Marian. O nieznanym tłumaczu Puszkina [О неизвестном переводчике Пушкина]. — *Wrocław, Zakład narodowy im. Ossolińskich*, 1949, 32 str.
- Torowski Marian. Puszkina, Aleksander I i sejm polski [Пушкин, Александр I и польский сейм]. — В журнале: *Nowa kultura*, 1953, № 10.
- Torowski Marian. Puszkina w Polsce. Zarys bibliograficzno-literacki [Пушкин в Польше. Литературно-библиографический очерк]. Warszawa, Państwowy instytut wydawniczy, 1950, 321 str.
- Torowski Marian. Puszkina w scenicznej oprawie Karola Hoffmana [Пушкин в сценической обработке Кароля Гоффмана]. — В журнале: *Teatr*, 1952, № 19.
- Torowski Marian. W sprawie J. D. Zenowicza (wyjaśnienie autora) [Относительно И. Д. Зеновича (выяснение автора)]. — В журнале: *Odrodzenie*, 1949, № 24, str. 8.
- Torowski Marian. Wystawić wolność śmiało. . . [Прославил он свободу]. — В журнале: *Świat*, 1952, № 6.
- Torowski Marian. Zagadkowy utwór Puszkina [Загадочное произведение Пушкина]. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 33.
- Truchanowski Kazimierz. «Pałac damy pikowej». Fantazja czy rzeczywistość? [«Дворец пиковой дамы». Фантастика или действительность?]. — В газете: *Kurier codzienny*, 1949, № 153, z 5 czerwca.
- Truchanowski Kazimierz. Jeszcze o «Damie pikowej» [Еще о «Пиковой даме»]. — В газете: *Kurier codzienny*, 1949, № 158, z 11 czerwca.
- Trylewicz D. «. . . był wieszczem ruskiego narodu». W 115 rocznicę śmierci Aleksandra Puszkina [«. . . он был поэтом русского народа». 115-я годовщина со дня смерти Александра Пушкина]. — В газете: *Trybuna robotnicza*, 1952, № 39.
- Tuwiłm Julian. Aleksander Puszkina [Александр Пушкин]. — *Trybuna ludu*, 1949, № 153, z 5 czerwca.
- Tuwiłm Julian. «Cukrowana» relacja [«Сахарный» доклад]. — В журнале: *Nowa kultura*, 1953, № 28.
- Tuwiłm Julian. Czterowersz na warsztacie [Четверостишие на верстаке]. — В журнале: *Problemy*, 1949, № 7, str. 434—442.

- Tuwim Julian. Nie jestem matematykiem... [Я не математик...]. — В журнале: *Przekrój*, 1952, № 390, str. 5.
- Uroczyste otwarcie wystaw: Mickiewiczowskiej i Puszkiniowskiej [Торжественное открытие выставок: Мицкевича и Пушкина]. — В газете: *Trybuna ludu*, 1949, z 21 czerwca.
- Uspiewski J. Cywilizacja i demokracja Zachodu w oczach Puszkina [Цивилизация и демократия Запада в глазах Пушкина]. — В газете: *Polska zbrojna*, 1949, № 145, z 29 maja.
- W. J. G. Lutnia Puszkina [Лири Пушкина]. — В журнале: *Tygodnik warszawski*, 1946, № 15.
- W stopięćdziesiątą rocznicę urodzin Aleksandra Puszkina. 6 VI 1799—6 VI 1949 [150-я годовщина со дня рождения Пушкина. 6 VI 1799—6 VI 1949]. Warszawa, 1949, 16 str.
- Ważyk Adam. Arytmetyka i styl poetycki [Арифметика и поэтический стиль]. — В журнале: *Nowa kultura*, 1953, № 30.
- Ważyk Adam. 2 i pół roku nad «Eugeniuszem Onieginem» [Два с половиной года над «Евгением Онегиным»]. — В газете: *Zycie Warszawy*, 1952, 11—12 maja.
- Ważyk Adam. Mickiewicz i wersyfikacja narodowa [Мицкевич и народное стихосложение]. Warszawa, «Gzytelnik», 1951, 143 str.
- Ważyk Adam. Mickiewicz i wersyfikacja narodowa [Мицкевич и народное стихосложение]. Warszawa, «Czytelnik», 1954, 144 str.
- Ważyk Adam. O tłumaczeniu wierszy rosyjskich [О переводах русских стихотворений]. — В журнале: *Kuźnica*, 1945, № 13.
- Ważyk Adam. Polska strofa «Oniegina» [Польская строфа «Онегина»]. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 15.
- Webber Włodzimierz. Aleksander Puszkini [Александр Пушкин]. — В журнале: *Pracownik państwowy*, 1949, № 7.
- Wolności śpiewał chwałę [Он прославлял свободу]. — В газете: *Głos wielkopolski*, 1952, № 36.
- Wolności śpiewał chwałę. W 115 rocznicę zgonu Aleksandra Puszkina [Он прославлял свободу. 115-я годовщина со дня смерти Александра Пушкина]. — В журнале: *Panorama*, 1952, № 6.
- wr. Wystawa w Muzeum narodowym: Puszkini — poeta wolności [Выставка в Народном музее: Пушкин — певец свободы]. — В газете: *Zycie Warszawy*, 1949, № 170.
- Z. P. Naród polski — Puszkiniowi. Prace Komitetu uczczenia stopięćdziesiątej rocznicy urodzin Aleksandra Puszkina [Польский народ — Пушкину. Труды Комитета 150-летнего юбилея со дня рождения Пушкина]. — В журнале: *Przyjaźń*, 1949, № 22.
- Zakrzewski Bordan. Nieznany wiersz polski «Do Puszkina» [Неизвестное польское стихотворение «Пушкину»]. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 34.
- Zawadowska J. Młodość Puszkina [Юность Пушкина]. — В газете: *Dziennik ludowy*, 1949, № 158.
- Zawodziński K. W. Dramaturgia Puszkina w nowej szacie [Драматургия Пушкина в новом переводе]. — В журнале: *Kuźnica*, 1947, № 44.
- Zawodziński K. W. Po jubileuszu Puszkina [После пушкинского юбилея]. — В газете: *Dziś i jutro*, 1949, № 46.
- Zb. «Oniegin» na sekcji poezji [«Онегин» на поэтической секции]. — В журнале: *Nowa kultura*, 1953, № 26.
- Zgorzelski Czesław. Mickiewicz w Rosji [Мицкевич в России]. — В журнале: *Twórczość*, 1947, № 11, str. 94—103.
- Ziemny Aleksander. «Pokazał się talent niemały...» [«Появился немалый талант...»]. — В приложении к газете: *Świat i zycie*. Ilustrowany dodatek tygodniowy «Dziennika zachodniego», Katowice, 1949, № 22, z 5 czerwca.
- Związek Radziecki otacza opieką potomków Puszkina [Советский Союз окружает заботой потомков Пушкина]. — В газете: *Kurier codzienny*, 1949, № 153, z 5 czerwca.
- Żółkiewski Stefan. Puszkini a my [Пушкин и мы]. — В журнале: *Kuźnica*, 1949, № 24; отдельный отиск: Warszawa, Komitet słowiański w Polsce, 1949, 11 str.
- Żujewski Aleksander. Puszkini rewolucjonista i trybun wolności [Пушкин — революционер и трибун свободы]. — В газете: *Ziemia pomorska*, Bydgoszcz, 1949, № 139, z 23 maja.
- Żukowski Wasyl. Do umarłego (Pamięci Aleksandra Puszkina). Przełożył S. Pollak [«Он лежал без движения, как будто по тяжелой работе...»] — В журнале: *Odrodzenie*, 1946, № 38.
- Żywow Marek. Puszkini i Mickiewicz [Пушкин и Мицкевич]. — В приложении к газете: *Kultura i zycie*, dodatek tygodniowy do *Polski Zbrojnej*, 1949, № 23.

Х Р О Н И К А

ВСЕСОЮЗНЫЕ ПУШКИНСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

В 1949 году в ознаменование 150-летия со дня рождения А. С. Пушкина Президиум Академии Наук СССР постановил проводить ежегодно Всесоюзные Пушкинские конференции для подведения итогов изучения жизни и творчества великого русского поэта. Эти конференции должны были также служить делу координации работ советских пушкиноведов, ставить проблемы дальнейших исследований в области пушкиноведения и содействовать популяризации творчества Пушкина среди широких народных масс. Организация конференций была поручена Институту русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР в Ленинграде. В соответствии с этим постановлением Первая Пушкинская конференция состоялась в апреле 1949 года. С тех пор ежегодно в начале июня (в дни, близкие к дате рождения Пушкина — 6 июня) происходят Всесоюзные Пушкинские конференции. В работе конференций принимают участие не только историки литературы — специалисты по Пушкину, но и ученые других специальностей: историки, искусствоведы, музыковеды, географы и т. д.

Вторая Всесоюзная Пушкинская конференция состоялась в 1950 году, третья — в 1951 году. Большая часть докладов и сообщений, прочитанных на этих конференциях, опубликована в книгах: «Труды Первой и Второй Всесоюзных Пушкинских конференций. 25—27 апреля 1949 г. и 6—8 июня 1950 г.» (Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1952) и «Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции» (Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1953).

Сообщения о работе первых трех конференций помещены в газетах,¹ а отчеты — в периодических изданиях Академии Наук СССР.²

Доклады и сообщения Четвертой Всесоюзной Пушкинской конференции, состоявшейся в 1952 году, объединены были общей темой: «Пушкин и наука». Член-корреспондент Академии Наук СССР М. П. Алексеев прочитал доклад «Пушкин и русская наука его времени», профессор Б. С. Мейлах — «Эстетическое новаторство Пушкина», академик Е. В. Тарле — «Исторические взгляды Пушкина», профессор И. Ф. Бэлза — «Новые данные о „Моцарте и Сальери“»³ и др. Ф. Я. Прийма сделал сообщение на тему «Пушкин и кружок А. Н. Оленина», Т. Г. Цявловская — о дневнике А. А. Олениной.

Сообщения и отчеты о четвертой конференции помещены в газетах⁴ и академических периодических изданиях.⁵

В 1953 году состоялась Пятая Всесоюзная Пушкинская конференция, на пленарных заседаниях которой прочитали свои доклады профессора: Б. В. Томашевский — «Проблемы языка в творчестве А. С. Пушкина», Б. С. Мейлах — «Пушкин в период следствия над декабристами», Д. Д. Благой — «Пушкин — мастер композиции», В. Г. Базанов — «Пушкин и А. Бестужев» и др. В настоящем издании публикуются доклад Б. В. Томашевского⁶ и его же сообщение, сделанное на пятой конференции об эпиграммах Пушкина на

¹ Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1949. Изд. Академии Наук СССР. М.—Л., 1951, стр. 373—374; то же за 1950 год — 1952, стр. 119—121; то же за 1951 год — 1954, стр. 98—99.

² «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1949, т. VIII, вып. 4, стр. 389—391; 1950, т. IX, вып. 2, стр. 152—159; 1951, т. X, вып. 5, стр. 516—523; «Вестник Академии Наук СССР», 1949, № 6, стр. 83—94; 1951, № 9, стр. 89—92.

³ Доклад лег в основу первой части книги И. Ф. Бэлза «Моцарт и Сальери» (Трагедия Пушкина. Драматические сцены Римского-Корсакова. Музгиз, М., 1953, стр. 3—68).

⁴ «Ленинградская правда», 1952, 5 июня; «Вечерний Ленинград», 1952, 5—7 июня.

⁵ «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1952, т. XI, вып. 6, стр. 564—571; «Вестник Академии Наук СССР», 1952, № 7, стр. 120—122.

⁶ См. стр. 126—184.

Карамзина.⁷ О работе конференции появились заметки информационного характера в газетах,⁸ более подробные отчеты — в периодических изданиях Академии Наук СССР.⁹

Шестая Всесоюзная Пушкинская конференция состоялась в 1954 году и была посвящена 300-летию воссоединения Украины с Россией. Действительный член Академии наук УССР, член-корреспондент Академии Наук СССР А. И. Белецкий прочитал доклад «Образ Пушкина в украинской советской литературе». О новейших украинских переводах произведений Пушкина доложил действительный член Академии наук УССР Н. К. Гудзий. Доклады профессоров С. М. Бонди и П. Н. Беркова были посвящены поэме Пушкина «Полтава». Т. Г. Цявловская сделала сообщение о новонайденном автографе Пушкина «К морю», публикуемое в настоящем издании.¹⁰ Ф. Я. Прийма прочитал доклад на тему: «Пушкин и украинское народно-поэтическое творчество», В. И. Маслов — «Пушкин в дневнике Н. А. Маркевича», профессор Ю. Г. Оксман — «Пушкин в работе над историей Украины», географ И. И. Бабков продемонстрировал составленную им карту путешествий Пушкина по Украине, снабдив ее необходимыми комментариями. Информации о шестой конференции помещены в газетах,¹¹ отчеты — в изданиях Академии Наук СССР.¹²

В 1955 году состоялась Седьмая Всесоюзная Пушкинская конференция, посвященная вопросам изучения лирики Пушкина. Были прочитаны доклады: профессором Б. С. Мейлахом — «Вопросы изучения лирики Пушкина», кандидатом филологических наук В. А. Архиповым — о реализме лирики Пушкина, профессором Ю. Г. Оксманом — о датировке политических эпиграмм поэта. Профессор Б. В. Томашевский предложил новое чтение стихотворения «Клеопатра», член-корреспондент Академии Наук СССР Д. Д. Благой выступил с докладом об «Анчаре», о лирических циклах в поэзии Пушкина доложил кандидат филологических наук Н. В. Измайлов. Т. Г. Цявловская поделилась своими соображениями о предполагавшемся и неосуществленном сборнике эпиграмм Пушкина. Доклад профессора Н. Н. Фатова был посвящен рассмотрению «эзоповского» языка в лирических произведениях поэта. О неосуществленном пушкинском замысле окончания «Евгения Онегина» прочитал доклад кандидат филологических наук А. И. Гербстман. Профессор Б. П. Городецкий посвятил свой доклад теме «Лирика Пушкина и общественно-литературная борьба второй половины XIX века». О. Ф. Берггольц говорила о значении лирики Пушкина для творчества современных советских поэтов, профессор И. Ф. Бэлаз сделал доклад о лирике Пушкина в русской музыке. О седьмой конференции упомянуто в газетах;¹³ отчеты помещены в изданиях Академии Наук СССР.¹⁴

Е. М. Хмельская.

ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

В мае 1940 года постановлением президиума Союза советских писателей СССР в Москве была учреждена Пушкинская комиссия Союза советских писателей СССР. Комиссия ставила своей задачей объединить московских писателей и исследователей Пушкина, членов Союза советских писателей, в их работе по изучению жизни и творчества великого поэта.

В период с 1940 по 1955 год комиссия провела ряд докладов, научных заседаний и вечеров, посвященных Пушкину. Приводим перечень важнейших из них, начиная с юбилейного 1949 года.

8 февраля 1949 года состоялось заседание, посвященное 112-й годовщине со дня смерти Пушкина. С речью «Бессмертный Пушкин» выступил И. А. Новиков. Главы из исследования о пушкинской «Истории Петра» прочитал А. Л. Фейнберг, поэмы «Медный всадник» и «Цыганы» — заслуженный артист РСФСР Д. Н. Журавлев. 28 мая состоялся вечер, посвященный 150-й годовщине со дня рождения Пушкина. Н. Л. Бродский выступил с докладом «Пушкин и наша современность». Сцены из кинопесни И. А. Новикова «Молодой Пушкин» прочитал заслуженный артист РСФСР А. И. Шварц; сцены из пьесы К. Г. Паустовского «Наш современник» — артист Государственного ака-

⁷ См. стр. 208—215.

⁸ «Вечерний Ленинград», 1953, 6 июня; «Смена», 1953, 10 июня.

⁹ «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1953, т. XII, вып. 5, стр. 494—496; «Вестник Академии Наук СССР», 1953, № 7, стр. 93—95.

¹⁰ См. стр. 187—207.

¹¹ «Ленинградская правда», 1954, 5, 6 и 8 июня; «Вечерний Ленинград», 1954, 5, 6 и 8 июня.

¹² «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1954, т. XIII, вып. 5, стр. 492—496; «Вестник Академии Наук СССР», 1954, № 8, стр. 101—103.

¹³ «Литературная газета», 1955, № 71, 16 июня.

¹⁴ «Вестник Академии Наук СССР», 1955, № 10, стр. 98—99.

демического Малого театра Е. Велихов. В заключение состоялся концерт из произведений Пушкина.

9 февраля 1950 года на заседании, посвященном 113-й годовщине со дня смерти Пушкина, выступили: И. А. Новиков — со вступительным словом, Н. Л. Бродский — с докладом «Из итогов юбилейного пушкинского года», И. Л. Фейнберг — с докладом «Советское академическое издание сочинений Пушкина».

9 февраля 1953 года состоялось заседание Пушкинской комиссии, посвященное 116-й годовщине со дня смерти Пушкина. Д. Д. Благой прочитал доклад «Пушкин в борьбе с буржуазным Западом». И. А. Новиков выступил с чтением новых страниц романа «Пушкин в изгнании». И. Л. Фейнберг доложил свою работу о «Дневнике» поэта. 5 июня на заседании, посвященном 154-й годовщине со дня рождения Пушкина, были прочитаны доклады: С. М. Бонди «О „Моцарте и Сальери“» и И. Л. Фейнберга «Об автобиографических записках Пушкина», И. А. Новиков сделал сообщение о стихотворении Пушкина «Всё в жертву памяти твоей...».

10 февраля 1954 года состоялось заседание, посвященное 117-й годовщине со дня смерти поэта. Вступительное слово произнес И. А. Новиков. С докладом об «Анчаре» выступил Д. Д. Благой. Доклад «Пушкин и дело царевича Алексея» прочитал И. Л. Фейнберг. 5 июня на заседании, посвященном 155-й годовщине со дня рождения Пушкина, И. А. Новиков прочитал свой рассказ «Часок в Захарове», Н. Н. Асеев — «Стихотворные переводы Пушкина из Мицкевича», М. Ромм выступил с сообщением «„Пиковая дама“ глазами режиссера».

6 июня 1955 года состоялось заседание, посвященное 156-й годовщине со дня рождения Пушкина. Вступительное слово произнес И. А. Новиков. С докладом о «Борисе Годунове» выступил С. М. Бонди. И. Л. Фейнберг сделал доклад «Исторические замыслы Пушкина». Поэт П. Антокольский прочитал свои новые стихи о Пушкине.

И. Л. Фейнберг.

ПУШКИНСКАЯ ГРУППА ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В апреле 1955 года начала свою работу Пушкинская группа, организованная при Секторе новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР. Первое заседание ее состоялось 8 апреля 1955 года. С докладом «Пушкин и наука его времени» выступил член-корреспондент Академии Наук СССР М. П. Алексеев. Доктор филологических наук Б. П. Городецкий (председатель группы) ознакомил собравшихся с задачами и программой работ Пушкинской группы, являющейся преемницей ранее существовавшей Пушкинской комиссии Академии Наук СССР.

Следующее заседание Пушкинской группы состоялось 6 мая 1955 года и было посвящено столетию со дня рождения видного русского ученого, руководителя Пушкинского семинара при Петербургском — Петроградском университете, редактора лучшего дореволюционного собрания сочинений А. С. Пушкина С. А. Венгерова. Доктор филологических наук Б. П. Городецкий в кратком вступительном слове охарактеризовал значение научной деятельности С. А. Венгерова. С докладом о жизни и деятельности С. А. Венгерова выступил участник этого семинара, кандидат филологических наук Н. В. Измайлов. Бывшие участники Пушкинского семинара — член-корреспондент Академии Наук СССР В. М. Жирмунский, профессор А. С. Долинин, поэт В. А. Рождественский — поделились своими воспоминаниями о С. А. Венгерове.

После летнего перерыва Пушкинская группа возобновила свою работу заседанием 13 октября 1955 года, на котором с докладом «К вопросу о десятой главе „Евгения Онегина“» выступил кандидат филологических наук А. И. Гербстман. Доклад А. И. Гербстмана вызвал оживленные прения, в которых выступили член-корреспондент Академии Наук СССР Н. К. Пиксанов, кандидаты филологических наук Н. В. Измайлов, В. А. Мануйлов, С. А. Рейсер и др.

Очередное, последнее в 1955 году, заседание Пушкинской группы состоялось 2 декабря. С докладом «О Пушкинском заповеднике (Новые данные)» выступил директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, ознакомивший собравшихся с результатами проводившихся там реставрационных работ и обнаружившимися в ходе их новыми данными о пушкинских местах.

На следующем заседании Пушкинской группы, 6 января 1956 года, аспирант Ю. А. Андреев прочитал доклад «Эволюция замысла „Капитанской дочки“». После доклада собравшиеся обменялись мнениями по ряду поставленных в нем дискуссионных вопросов.

Л. С. Сидяков.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА, УПОМИНАЕМЫХ В НАСТОЯЩЕЙ КНИГЕ

В настоящем указателе все произведения Пушкина, упомянутые в этой книге, перечислены в алфавитном порядке. Названия произведений даны в том виде, в каком они обычно приводятся в последних изданиях сочинений Пушкина; в тех же случаях, когда в тексте книги то или иное произведение Пушкина не названо, но из него дается цитата, ссылка на страницу сопровождается поставленным в скобках указанием тома и страницы академического полного собрания сочинений Пушкина в 16-ти томах, где это произведение напечатано.

Для облегчения справок ряд произведений Пушкина указан не только по названию, но и по первой строке.

- Адели (Играй, Адель) 224.
Альманашик 268—277.
Анджело 163.
Анчар (В пустыне чахлой и скупой) 399, 412, 452, 453, 476, 477.
Аптеку позабудь ты для венков лавровых 453.
Арап Петра Великого 165—167, 172, 173, 384, 453.
Арион (Нас было много на челне) 410, 417, 453.
Барышня-крестьянка 171, 411, 454.
Бахчисарайский фонтан 146, 167—169, 180, 255, 265, 336, 337, 385—387, 397, 399, 424, 426—428, 430, 434, 435, 447, 451, 454, 466.
Безверие (О вы, которые с язвительным упреком) 387.
Безумных лет угасшее веселье (Элегия) 399, 424, 453.
Бесы (Мчатся тучи, вьются тучи) 399, 410, 451—453.
Благослови, повт!.. В тиши Парнасской сени (К Жуковскому) 132.
Блажен в златом кругу вельмож 452.
Бова 387.
Бова, план поэмы 244.
Богами вам еще даны (Друзьям), вторая лицейская редакция 358—360, 376.
Бог помочь вам, друзья мои (19 октября 1827) 375, 376.
Борис Годунов 31, 153, 165, 166, 172, 179, 190, 266, 316, 317, 364, 383, 385, 397, 400, 411, 416, 422, 423, 429, 448—450, 452, 469, 477.
Братья разбойники 174, 385, 387, 397, 434, 447.
Брожу ли я вдоль улиц шумных (Стансы) 261, 399, 411, 451—454.
Буря (Ты видел деву на скале) 413, 452, 454.
Буря мглою небо кроет (Зимний вечер) 417, 451—453, 457.
Была пора: наш праздник молодой (19 октября 1836 г.) 51.
Быть может, уж недолго мне (П. А. О***) 460.
В Академии наук (На Дондукова-Корсакова) 400.
Вакхическая песня (Что смолкнула веселия глас?) 399, 454.
«Вастола, или желания». Повесть в стихах соч. Вланда 291.
В еврейской хижине лампада 419, 454.
В его «Истории» взяточность, простота 208, 213—215.
Вертоград моей сестры 169, 412, 454.
Виноград (Не стану я жалеть о розах) 399, 412, 454.
В крови горит огонь желанья 169.
В младенчестве моем она меня любила (Муза) 458.
В молчаньи пред тобой сижу (Экспромт на Огареву) 453.
Внимает он привычным ухом (История стихотворца) 399.
Вновь я посетил 399, 454.
Во глубине сибирских руд (Послание в Сибирь) 399, 400, 410, 448, 451, 452, 454.
Воевода (Поздно ночью из похода) 171.
Возражение на статью «Атenea» 152 (XI, 72).

- Возражение на статью Кюхельбекера в «Мнемозине»** 22 (XI, 42, 41).
Вольность 197, 366, 387, 410, 417, 452, 464.
Вольтер 153 (XII, 79).
Ворон к ворону летит 400.
Воротился ночью мельник (Отрывок из «Сцен из рыцарских времен») 454, 463.
Воспитанный под барабаном (На Александра I) 399, 458.
Воспоминание (Когда для смертного умолкнет шумный день) 424, 427, 449, 452, 453, 455.
Воспоминания в Царском Селе (Навис покров угрюмой ночи) 164, 180.
Восстань, о Греция, восстань (Опять увенчаны мы славой) 451, 453, 455.
Вот Виля — он любовью дышит 312.
Вот муза, резвая болтувья 312.
Вот перешед чрез мост Кокушкин (На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе») 312.
В печальной праздности я лиру забывал (К ней) 180, 399.
В поле чистом серебрится 453.
В последний раз, в сени уединенья (Разлука) 452.
В пустыне чахай и скупой (Анчар) 399, 412, 452, 453, 476.
Всегда так будет, как бывало 453, 455.
Всей России притеснитель (На Аракчеева) 459.
Всё в жертву памяти твоей 400, 455, 477.
Всё мое, — сказала злато (Золото и булат) 453.
В степи мирской, печальной и безбрежной 454.
В стране, где Юлией венчанный (Из письма к Гнедичу) 411, 457.
В стране, где я забыл тревоги прежних лет (Чаадаеву) 35, 36, 154.
В твою светлицу, друг мой нежный 454.
В часы забав иль праздной скуки 452.
Вчера за чашей пуншевою (Слеза) 272.
Выстрел 175, 396, 399, 455.
Гаврииллада 167, 430.
Глухой глухого звал к суду судья глухого 455.
Гнедичу (С Гомером долго ты беседовал один) 412, 462.
Горишь ли ты, лампада наша (Из письма к Я. Н. Толстому) 228.
Городок (Прости мне, милый друг) 23.
Граф Нулин 171, 397.
Гречанка верная! не плачь, — он пал героем 399, 400.
Гречанке (Ты рождена воспламенять) 455.
Гробовщик 171, 399, 400, 455.
Дар напрасный, дар случайный 424.
Движение (Движенья нет, сказал мудрец брадатый) 38—43, 45—51, 455.
Движенья нет, сказал мудрец брадатый (Движение) 38—43, 45—51, 455.
19 октября 1827 года (Бог помочь вам, друзья мои) 375, 376.
19 октября 1836 г. (Была пора: наш праздник молодой) 51.
Дельваш (Перестрелка за холмами) 230—233, 451.
Дельвиг (XI, 274) 14, 18, 19, 35.
Девнида 183 (XI, 104).
Деревня 272, 366, 385, 387, 399, 400, 412, 452, 455.
Десятая заповедь (Добра чужого не желать) 455.
Джон Теннер 107, 287.
Для берегов отчизны дальной 410—412, 455.
Добра чужого не желать (Десятая заповедь) 455.
Домик в Коломне 25, 26, 455.
Дорожные жалобы 91, 452.
Дробь о мрачные скалы (Обвал) 412, 417, 453, 460.
Друзьям (Что дружба? Легкий пыл похмелья) 39, 40.
Друзьям (Богами вам еще даны), вторая лицейская редакция 358—360, 376.
Дубровский 170, 172, 173, 363, 384, 385, 398, 399, 453, 455, 456.
Евгений Онегин 11, 20, 21, 26, 37, 39, 54, 79, 82, 91, 92, 94—98, 100, 101, 104, 115, 130, 140, 147, 148, 150, 151, 157—161, 167, 172, 174—177, 181, 190, 222, 223, 261, 265, 316, 331, 364, 379, 381, 384—386, 394, 397—401, 405—407, 411, 413, 422, 434, 447, 448, 450—453, 456, 464—470, 472, 476, 477.
Египетские ночи 170, 384, 456.
Его стихов пленительная сладость (К портрету Жуковского) 448.
Ее глаза (Она мила — скажу меж нами) 273.
Если жизнь тебя обманет 399, 453.
Еще одной высокой, важной песни 456.
Желание славы (Когда, любовью и негой упоенный) 424.
Жил на свете рыцарь бедный 409, 410, 456.
Забудь, любезный мой Каверин (К Каверину) 273.
Заздравный кубок (Кубок янтарный) 272.
Закливание (О, если правда, что в ночи) 399, 452, 456.
Заметки на полях статьи П. А. Вяземского «О жизни и сочинениях В. А. Озерова» 131, 136 (XII, 242).
Земля и море (Когда по синеве морей) 456.
Зима. Что делать нам в деревне? 177, 254, 399, 412, 456.
Зимнее утро (Мороз и солнце; день чудесный) 177, 254, 399, 400, 451, 457.
Зимний вечер (Буря мглою небо кроет) 417, 451—453, 457.

- Земляя дорога (Сквозь волнистые туманы) 399, 451, 457.
- Золото и булат (Всё мое, — сказало золото) 453.
- Зорю быют:.. из рук монх 457.
- Играй, Адель (Адели) 224.
- Известно буди всем 378. См. Фатам или разум человеческий.
- Издавна мудрые искали (Истина) 457.
- Издатель «Современника» не печатал (От редакции в III томе «Современника») 209, 291, 303.
- (Из Пандемонта) (Не дорого ценю я громкие права) 377.
- Из письма к Гасдину (В стране, где Юлией венчаный) 411, 457.
- Из письма к Я. Н. Толстому (Горишь ли ты, лампада наша) 228.
- Истина (Издавна мудрые искали) 457.
- История Петра 149 (X, 32), 254, 377, 384, 386, 424, 476.
- «История поэзии» С. П. Шевырева 311 (XII, 65).
- История Пугачева 155, 254, 383—385, 387, 430.
- История села Горюхина 170, 172, 384, 385, 411, 453, 457.
- История стихотворца (Внимает он привычным ухом) 399.
- К*** (Я помню чудное мгновенье) 409, 411, 412, 434, 453, 457.
- К А. Б.*** (Что можем наскоро стихами молвить ей) 453.
- Кавказ (Кавказ подо мною. Один в вышине) 399, 400.
- Кавказ подо мною. Один в вышине (Кавказ) 399, 400.
- Кавказский пленник 146, 147, 167, 180, 190, 385, 387, 391—394, 397, 423, 424, 435, 443, 449.
- Казаки (Раз, полунощной порою) 196, 197.
- Какая ночь! Мороз трескучий 458.
- Как весенней теплою порою (Сказка о медведихе) 245.
- Как с древа сорвался предатель ученик (Подражание итальянскому) 377.
- Калмычке (Прощай, любезная калмычка!) 412, 458.
- Каменный гость 432, 433, 448, 450, 452.
- Капитанская дочка 165, 167, 170, 171, 173, 363, 364, 368, 384—386, 397—399, 412, 430, 452, 453, 458, 464, 477.
- Картины (Фавн и пастушка) 272.
- К Жуковскому (Благослови поэт!.. В тиши Парнасской сени) 132.
- Кинжал (Лемносский бог тебя сковал) 410, 411, 458.
- Кирджали 231, 232, 315, 399, 424, 435, 453.
- К Каверину (Забудь, любезный мой Каверин) 273.
- Клеопатра 412, 453, 476.
- К Лицинию см. Лицинию.
- К морю (Прощай, свободная стихия!) 47, 187—207, 351, 375, 376, 399, 476.
- К ней (В печальной праздности я лиру забывал) 180, 399.
- Когда великое свершилось торжество (Мирская власть) 377, 452.
- Когда для смертного умолкнет шумный день (Воспоминание) 424, 427, 449, 452, 453, 455.
- Когда за городом задумчив я брожу 178, 458.
- Когда, любовию и негой упоенный (Желание славы) 424.
- Когда по синеве морей (Земля и море) 456.
- Когда твои младые лета 424.
- Колокольчики звенят 458.
- Конь (Из «Песен западных славян») 412, 453.
- К Н. Я. Плюсковой (На лире скромной, благородной) 387.
- К портрету Жуковского (Его стихов пленительная сладость) 448.
- К портрету Чаадаева (Он вышней волею небес) 457.
- К Пушкину (Любезный именинник) 196.
- Красавице, которая нюхала табак 13, 458.
- Кто, волны, вас остановил 458.
- Кубок янтарный (Заздравный кубок) 272.
- Куда вы? За город конечю (Чиновник и поэт) 232.
- К Чаадаеву (Любови, надежды, тихой славы) 273, 387, 399, 400, 452, 457.
- К чему холодные сомненья? (Чаадаеву) 315.
- Леда (Средь темной рощицы, под тенью лип душистых) 399.
- Лемносский бог тебя сковал (Кинжал) 410, 411, 458.
- Лицинию (К Лицинию) 387, 457.
- Любови, надежды, тихой славы (К Чаадаеву) 273, 387, 399, 400, 452, 457.
- Любезный именинник (К Пушкину) 196.
- Любимец ветреных Лаис (Юрьеву) 273.
- Люблю ваш сумрак неизвестный 458.
- Любопытный 453.
- Мадригал М...ой (О вы, которые любовью не горели) 39, 40.
- «Маленькие трагедии» 383, 411, 416.
- Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» 151.
- Медный всадник 102, 174, 181—183, 314, 377, 409, 420, 448, 452, 469, 476.
- Метель см. Мятель 399, 458.
- Мечты, мечты, где ваша сладость? (Пробуждение) 358—360, 376, 461.
- Миг вождельный настал (Труд) 463.
- Мирская власть (Когда великое свершилось торжество) 377, 452.
- Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной 35, 78.
- Мои замечания об русском театре 136.

- Мой голос для тебя и ласковый и томный (Ночь) 460.
- Монах 12.
- Мороз и солнце; день чудесный (Зимнее утро) 177, 254, 399, 400, 451, 457.
- Моцарт и Сальери 416, 449—450, 452, 475, 477.
- Моя родословная (Смеясь жестоко над собратом) 399.
- Моя эпитафия 273, 458.
- Мстислав, план поэмы 244.
- Муза (В младенчестве моем она меня любила) 458.
- Мчатся тучи, выются тучи (Бесы) 399, 410, 451—453.
- Мятель см. Метель.
- На Александра I (Воспитанный под барабаном) 399, 458.
- На Аракчеева (Всей России притеснитель) 459.
- Наброски предисловия к «Борису Годуну» 172.
- На Булгарина (Не то беда, что ты поляк) 289, 459.
- Навис покров угрюмой ночи (Воспоминания в Царском Селе) 164, 180.
- На Воронцова (Сказали раз царю) 453, 462.
- На выздоровление Лукулла 178, 181, 300.
- Надеждой сладостной младенчески дыша 189, 355, 459.
- Над Невою резов выются (Пир Петра Первого) 130, 165.
- На Дондукова-Корсакова (В Академии наук) 400.
- На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе» (Вот перешед через мост Кокушкин) 312.
- На лире скромной, благородной (К Н. Я. Плюсковой) 387.
- Наперсник (Твоих признаний, жалоб нежных) 459.
- Наперсница волшебной старины 452, 459.
- Наполеон (Чудесный жребий совершился) 449.
- Напрасно я бегу к сионским высотам 412, 453, 459.
- Нас было много на челне (Арион) 410, 417, 453.
- На Фотия (Полу-фанатик, полу-плут) 459.
- На холмах Грузии лежит ночная мгла 263—267, 399, 459.
- «На цензоров» 459.
- На это скажут мне с улыбкою неверной 459.
- Невод рыбак растянул по берегу студеного моря (Отрок) 130.
- Невский Альманах на 1830 год 152 (XI, 117).
- Недавно я в часы свободы 222.
- Не дай мне бог сойти с ума 452.
- Не дорого ценю я громкие права (Из Пиндемюкты) 377.
- Ненастный день потух 459.
- Не пой, красавица, при мне 459.
- Нереида (Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду) 412, 453, 459.
- Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем 289.
- Не стану я жалеть о розах (Виноград) 399, 412, 454.
- Нет ни в чем вам благодати 453.
- Не то беда, что ты поляк (На Булгарина) 289, 459.
- Нет, я не дорожу мятежным наслаждением 399.
- Ночь (Мой голос для тебя и ласковый и томный) 460.
- Ночь светла; в небесном поле 376.
- Поэзия 381.
- Няня (Подруга дней моих суровых) 399, 460.
- Обвал (Дробясь о мрачные скалы) 412, 417, 453, 460.
- Об «Истории Пугачевского бунта» 289.
- «Об обязанностях человека». Сочинение Славико Пеллико 296 (XII, 100).
- Обстоятельства не позволили издателю (Редакционные заметки, связанные с изданием «Современника») 296, 297, 312.
- О вдохновении и восторге см. Отрывки из писем, мысли и замечания.
- О вы, которые любовью не горели (Мадригал М...ой) 39, 40.
- О вы, которые с язвительным упреком (Безверие) 387.
- О дева-роза, я в оковах 460.
- О, если правда, что в ночи (Заклинание) 399, 452, 456.
- О, кто бы ни был ты, чье ласковое шепель (Ответ анониму) 380, 460.
- О муза пламенной сатиры! 452, 460.
- Она мила — скажу меж нами (Ее глаза) 273.
- О народной драме и драме «Марфа Посадница» 153, 162.
- Он вышей волею небес (К портрету Чаадаева) 457.
- О ничтожестве литературы русской 311.
- Он между нами жил 399, 420, 432—434, 452.
- О переводе романа Б. Коствана «Адольф» 150 (XI, 87).
- О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова 34, 35, 130, 131 (XI, 33), 139, 141, 148, 154, 173.
- О причинах, замедливших ход нашей словесности 149 (XI, 21).
- Опровержение на критики 139, 140 (XI, 159), 141, 154, 174, 310.
- О прозе 26, 138 (XI, 18).
- О публикации Бестужева-Рюмина в «Северной звезде» 274 (XI, 82).
- Опять увенчаны мы славою (Восстань, о Греция, восстань) 451, 453, 455.
- Орлову (О ты, который сочтал) 222, 273.

- Осгар 180.
 О сколько нам открытий чудных 62, 63, 65.
 Ответ анониму (О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье) 380, 460.
 От редакции в III томе «Современника» (Издатель «Современника» не печатал) 290, 291, 303.
 Отрок (Невод рыбак расстилал по берегу студеного моря) 130.
 Отверьки из писем, мысли и замечания 21, 22, 154, 161, 210, 460.
 Отцы пустынноики и жены непорочны 377, 399, 400.
 О ты, который сочетал (Орлову) 222, 273.
 О французской словесности 140 (XII, 191).
 О чем, прозаик, ты хлопчешь? (Прозаик и поэт) 451.
- П. А. О*** (Быть может, уж недолго мне) 460.
 Памятник (Я памятник себе воздвиг нерукотворный) 303, 364, 399, 400, 410, 418, 419, 425, 467 (Слух обо мне...).
 Певец (Слышали ль вы за рошей глас ночной) 410, 460.
 Первое послание к Жуковскому 381.
 Перестрелка за холмами (Делибаш) 230—233, 451.
 Песня западных славян 174, 315, 412, 453.
 Песнь о вещем Олеге 411, 451, 453, 460.
 Песнь о полку Игореве 155.
 Пиковая дама 11, 76—84, 86, 87, 101, 174, 315, 363, 368, 380, 384, 399, 400, 453, 460, 471, 477.
 Пир во время чумы 450—452.
 Пир Петра Первого (Над Невою резво выются) 130, 165.
 Письмо к издателю 155, 290—293, 296—298, 303, 309, 310.
 Письмо к издателю «Литературной газеты» 303.
 Письмо к издателю «Московского Вестника» 162, 179.
 Повести покойного Ивана Петровича Белкина 175, 266, 267, 368, 384, 385, 416, 453.
 Под каким созвездием 36, 37.
 Под небом голубым страны своей родной 411, 460.
 (Подражание итальянскому) (Как с древа сорвался предатель ученик) 377.
 Подражания Корану 38, 167—169, 452.
 Поедем, я готов; куда бы вы, друзья 61, 65.
 Поздно ночью из похода (Воевода) 171.
 Пока не требует поэта (Поэт) 452.
 Покойник Клит в раю не будет (Эпиграмма на смерть стихотворца) 453, 463.
 Подата 140, 153—155, 174, 233, 234, 316, 317, 399, 409, 412, 419, 424, 435, 453, 460, 466, 476.
 Полу-фанатик, полу-плут (На Фотия) 459.
- Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит 399.
 Портрет 460.
 Послание в Сибирь (Во глубине сибирских руд) 399, 400, 410, 448, 451, 452, 454.
 Послание к Великопольскому (Так элегическую лиру) 315.
 Послание Ляде (Тебе, наперсница Венеры) 46.
 Послание цензору (Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой) 167.
 Последняя туча рассеянной бури! (Туча) 399, 400, 412, 453.
 Послушайте: я скажу вам начну (Эпиграмма на Карамзина) 209, 211, 212, 215, (Послушайте, я вам скажу про старину).
 Поэт (Пока не требует поэта) 452.
 Поэт и толпа (Поэт по лире вдохновенной) 449 («Чернь»)
 Поэт! не дорожи любовью народной (Поэту) 399.
 Поэт по лире вдохновенной (Поэт и толпа) 449 («Чернь»)
 Поэту (Поэт! не дорожи любовью народной) 399.
 Пред испанкой благородной 412, 453.
 Предчувствие (Снова тучи надо мною) 399.
 Приметы (Старайся наблюдать различные приметы) 461.
 Приметы (Я ехал к вам: живые сны) 452.
 Пробуждение (Мечты, мечты) 358—360, 376, 461.
 Прозаик и поэт (О чем, прозаик, ты хлопчешь?) 451.
 Прозерпина 461.
 Пророк 169, 399, 425, 448, 449, 452, 461.
 Прости мне, милый друг (Городок) 23.
 Простите, верные дубравы! 412, 461.
 Простишь ли мне ревнивые мечты 461.
 Прощай, любезная калмычка! (Калмычке) 412, 458.
 Прощай, свободная стихия! (К морю) 47, 187—207, 351, 375, 376, 399.
 Прощание с жизнью 381.
 Птичка 399, 400, 412, 453.
 Путешествие в Арзрум 169, 171, 188, 231, 351—356, 375, 384, 386, 399.
 Путешествие из Москвы в Петербург 34, 35, 79, 89—91, 97, 118, 119, 132, 134, 384, 385, 461.
- Раевскому В. Ф. (Ты прав мой друг) 461.
 Разговор книгопродавца с поэтом 461.
 Разлука (В последний раз, в сени уединенья) 452.
 Раз, полунощной порою (Казак) 196, 197.
 Редакционные заметки, связанные с изданием «Современника» (Обстоятельства не позволили издателю) 296, 297, 312.

- Редеев облаков летучат гряда 36, 410, 412, 413, 452, 453, 461.
- Рифма (Эхо, бессонная рифма) 461.
- Родословная моего героя 289.
- Роман в письмах 384.
- Роман на Кавказских водах 174.
- Рославлев 170, 384.
- Российская Академия 287.
- Румяный критик мой 399, 461.
- Русалка (Драма) 173, 383, 385.
- Руслан и Людмила 82, 141—146, 163, 175, 216—221, 244, 389, 390, 392, 399, 412, 424, 431, 435, 451, 453, 461.
- Русский Пелам 194, 197.
- Сапожник (Картину раз высматривал сапожник) 462.
- Свободы сеятель пустынный 399, 439, 440.
- С Гомером долго ты беседовал один (Гнедичу) 412, 462.
- Сажу за решеткой в темнице сырой (Узник) 399, 452, 453, 463.
- Сказала раз дарю (На Воронцова) 462.
- Сказка о Золотом Петушке 245, 399, 400.
- Сказка о медведике (Как весенней теплою порою) 245.
- Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях 245, 385, 412, 430, 462.
- Сказка о попе и о работнике его Балде 245, 410, 462.
- Сказка о рыбаке и рыбке 166, 245, 385, 398, 410, 430, 462.
- Сказка о царе Салтане 243—247, 385, 412, 430, 462.
- Сказки (Noël) 381, 387, 463.
- Сквозь волнистые туманы (Зимняя дорога) 399, 451, 457.
- Скупой рыцарь 416, 450, 452.
- Слеза (Вчера за чашей пуншевою) 272.
- Сленину И. В. (Я не люблю альбомов модных) 160.
- Словарь о святых 311.
- Слыхали ль вы за рошей глас ночной (Певец) 410, 460.
- Смесь жестоко над собратом (Моя родословная) 399.
- Снова тучи надо мною (Предчувствие) 399.
- Совет 39.
- Соловей и Кукушка 39.
- Сонет (Суровый Дант не презирал сонета) 452.
- Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду (Нереида) 412, 453, 459.
- Средь темной рощицы, под тенью лип душистых (Леда) 399.
- Стансы (Брожу ли я вдоль улиц шумных) 261, 399, 411, 451—454.
- Станционный смотритель 91, 172, 175, 463.
- Старайся наблюдать различные приметы (Приметы) 461.
- Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы 399.
- Суровый Дант не презирал сонета (Сонет) 452.
- Сцена из «Фауста» 181.
- Сцены из рыцарских времен 67—71, 73, 74, 383, 454, 463.
- Талисман (Там, где море вечно плещет) 463.
- Там, где море вечно плещет (Талисман) 463.
- Татарская песня из «Бахчисарайского фонтана» 424.
- Твоих признаний, жалоб нежных (Наперсник) 459.
- Тебе, наперсница Венеры (Послание Лиде) 46.
- Телега жизни (Хоть тяжело подчас в ней бремя) 91, 400, 463.
- Тимашевой К. А. (Я видел вас, я их читал) 376.
- Торжество дружбы или оправданный Александр Анфимович Орлов 289.
- Труд (Миг вождеденный настал) 463.
- Туча (Последняя туча рассеянной бури!) 399, 400, 412, 453.
- Ты видел деву на скале (Буря) 413, 452, 454.
- Ты и Вы 451, 453.
- Ты прав, мой друг (В. Ф. Раевскому) 461.
- Ты рождена воспламенять (Гречанке) 455.
- Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой (Послание цензору) 167.
- Узник (Сажу за решеткой в темнице сырой) 399, 452, 453, 463.
- У лукоморья дуб зеленый (Руслан и Людмила) 453.
- Умолкну скоро я!.. Но если в день печали 399.
- Утопленник 451.
- Участь моя решена. Я женюсь 107.
- Фавн и пастушка (Картины) 272.
- Фатам или разум человеческий, несохранившийся лицейский роман 378. См. Известно буди всем.
- Философ, несохранившаяся лицейская комедия 17.
- Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова 1836 153 (XII, 90).
- Хоть тяжело подчас в ней бремя (Телега жизни) 91, 400, 463.
- Царское Село (Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений) 412, 463.
- Цветок, засохший, безуханный (Цветок) 399, 444.
- Цветы последние милей 453.
- Цыганы 146, 181, 192, 193, 260, 364, 387, 391, 392, 397, 399, 409, 434, 435, 443, 447—449, 463, 476.

- Чаадаеву** (В стране, где я забыл тревоги
прежних лет) 35, 36, 154.
Чаадаеву (К чему холодные сомненья?)
315.
Черкесская песня из «Кавказского плен-
ника» 423, 449.
Черная шаль 423, 442.
Чернь см. **Поэт и толпа**.
Чиновник и поэт (Куда вы? за город ко-
нечно) 232.
Что дружба? Легкий пыл похмелья
(Дружба) 39, 40.
Что можем наскоро стихами молвить ей?
(К А. Б.***) 453.
Что смолкнул веселая глас? (Вакхическая
песня) 399, 454.
Чудесный жребий совершился (Наполеон)
449.
Эвлега 180.
Экспромт на Огареву (В молчаньи пред
тобой сию) 453.
Элегия (Безумных лет угасшее веселье)
399, 424, 453.
Эпиграмма на Карамзина (Послушайте:
я сказку вам начну) 209, 211, 212,
215 (Послушайте, я вам скажу про
старину).
Эпиграмма на смерть стихотворца (По-
койник Клит в раю не будет) 453,
463.
Эпиграммы 463.
Эхо 399.
Эхо, бессонная рифма (Рифма) 461.
Юрий Милославский, или русские
в 1612 году 166 (XI, 93).
Юрьеву (Любимец ветреных Лаис) 273
Я видел Азии бесплодные пределы 463.
Я видел вас, я их читал (К. А. Тимаше-
вой) 376.
Я думал, сердце позабыло 400, 453.
Я ехал к вам: живые сны (Приметы)
452.
Я здесь, Инезиля 412, 453, 463.
Я не люблю альбомов модных (И. В. Слѣ-
нину) 160.
Я памятник себе воздвиг нерукотворный
(Памятник) 303, 364, 399, 400, 410,
418, 419, 425, 452, 467 (Слух обо
мне...).
Я пережил свои желанья 463.
Я помню чудное мгновенье (К***) 409,
411, 412, 434, 453, 457.
Ex ungue leonem 399, 400
Mon portrait 399, 400.
Noël (Сказки) 381, 387, 463.
Table-Talk 463.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В указатель включены все упоминаемые в данной книге фамилии как в русской, так и в иностранной транскрипции. Фамилии, воспроизведенные в книге только в иностранной транскрипции, помещены после русского алфавита, в конце указателя.

- А. К. 421.
 Абрамкин В. М. 78.
 Абрамов И. С. 445.
 Агасфер 419.
 Ади Э. 397.
 Адлерфельд Г. (Adlerfeld G.) 234.
 Адмони В. Г. 360.
 Азадовский М. К. 258.
 Аксаков Г. С. 284.
 Аксаков И. С. 110, 354.
 Аксаков С. Т. 284.
 Аксаковы 354.
 Аладьин Е. В. 271.
 д'Аламбер Ж. (Даламбер) 19, 23, 25, 26, 71.
 Алапин Б. (Ałapin B.) 412, 455.
 Александр I 84, 90, 314, 399, 440, 458, 471.
 Алексеев Д. Л. 438, 439.
 Алексеев М. П. 9—125, 187, 217, 438, 475, 477.
 Алексеев Н. С. 194, 231.
 Алексей Петрович, царевич 477.
 Алябьева А. В. 256.
 Ампер Ж.-Ж. 103.
 Анастасия Романовна, царица 212.
 Андерс Г. (Anders H.) 412, 456.
 Андерсен Г. К. 357—362, 376.
 Андерсен Нексе М. 365, 368.
 Андерсон В. 117.
 Андреев А. С. 323.
 Андреев Н. П. 431.
 Андреев Ю. А. 477.
 Андроников И. Л. 119, 324.
 Андросов В. П. 75, 287.
 Анненков П. В. 21, 22, 36, 42, 116, 117, 194, 198, 208, 209, 212, 220, 354, 419.
 Антисфен 42, 45, 49.
 Антокольский П. Г. 477.
 Ар. В. 19, 20.
 Араго Д. Ф. (Arago) 249.
 Арагон Л. 365.
 Аракчеев А. А. 459.
 Арань Л. 397.
 Арань Я. 397.
 Арапепов Я. 331.
 Арндт Н. Ф. (Arndt) 321—323.
 Арина Родионовна 244, 245, 405 (Няня), 460 («Няне»).
 Аристотель 46, 48, 50.
 Арндт Н. Ф. см. Арндт Н. Ф.
 Арсеньев-Заблудский 341.
 Архимед 12, 19.
 Архипов В. А. 476.
 Асатиани Л. 386.
 Асеев Н. Н. 366, 477.
 Астафьева О. В. 385.
 Астахова А. М. 239.
 Ахлопкова В. Н. 23.
 Ашукин Н. С. 12, 101, 356.
 Ашукина М. Г. 12, 101.
 Бабков И. И. 476.
 Багрицкий Э. Г. (Bagrickj E.) 464.
 Баженов И. Г. 341, 342.
 Базанов В. Г. 108, 122, 436, 475.
 Байрон Дж. 155, 167, 190, 191, 201—203, 206, 252, 274, 319, 352, 364, 425, 429.
 Бакунин Н. А. 122.
 Балашов И. 389.
 Бальзак О. 354, 435.
 Бантыш-Каменский Д. Н. 234.
 Баратынский Е. А. 23, 26, 39, 40, 49, 58, 107, 108, 122, 125, 147—150, 179, 199, 274, 275, 314, 316, 395.
 Барбе О. 104.
 Бармин А. 110.
 Барсуков Н. П. 39, 56, 354.
 Бартенев П. И. 117, 119, 179, 189, 219, 220, 223, 225, 226, 252, 253, 263, 338, 344, 439.
 Бартошевич Ю. 448, 450.
 Басаргин Н. В. 193, 222, 223, 226.
 Батенков Г. С. 38.
 Батовский Г. (Batowski H.) 423, 449.
 Батте Ш. 161.
 Батюшков К. Н. 17, 18, 25, 26, 34, 55, 129, 136, 137, 141—147, 189, 217, 380.
 Бахрах А. 464.
 Бацевичувна В. (Bacewiczówna W.) 416.
 Башуцкий А. П. 117, 339, 340.
 Бежинский М. 450.
 Безбородко И. А. 108.
 Бейль П. 45—48, 50.
 Бейсов П. С. 148, 440.

- Белецкий А. И. 476.
Белинский В. Г. 9, 75, 88, 122, 125, 140, 216, 221, 268, 279, 282—286, 288, 291—298, 301, 323, 329—332, 337, 352, 353, 364, 382, 383, 397, 417 (Bielinski), 445, 465 (Belinskiy).
Бельмонт Л. (Belmont L.) 448, 450, 452, 453.
Бельчиков Н. Ф. (Bielczykow) 464.
Беляев М. Д. 369—371.
Белятович 410.
Бенедиктов В. Г. 109, 314, 317.
Бенитцкий А. П. 30.
Бенкендорф А. X. 56, 65, 67, 98, 332, 378, 440.
Берггольц О. Ф. 476.
Бергсон А. (Bergson H.) 50.
Берд 109.
Бередников Я. И. 341.
Березина В. Г. 96, 278—312.
Берков П. Н. 476.
Бернштейн-Коган С. В. 89.
Беррийский, герцог 435.
Бертольд Шварц (Der Schwarze Berthold) 75.
Берци К. (Berczy K.) 397, 398, 401, 403, 404.
Бестужев А. А. (Марлинский) 34, 53, 130, 134, 138, 139, 148, 149, 165, 268, 269, 393, 417, 446, 447, 459, 475.
Бестужев М. А. 258, 259.
Бестужев Н. А. 65, 113, 259.
Бестужев П. А. 113.
Бестужев-Рюмин М. А. (Аристарх Заветный) 272—275.
Бестужев-Рюмин М. П. 417, 435.
Бехциг-Рудницкая М. (Beczyc-Rudnicka M.) 412, 457, 458.
Бжехва Я. (Brzechwa J.) 411, 412, 452—454, 458, 459, 461—464.
Бибииков И. П. 440.
Био Э. 112.
Бичурин И. Я., в монашестве Иоакимф 56—58, 61, 65, 66.
Благой Д. Д. (Błagoi D.) 213, 216, 328, 378, 391, 400, 434, 464, 475—477.
Блекмор Р.-Д. 32.
Блок А. А. 464 (Blok).
Блудов Д. Н. 142.
Бобров Е. 77, 82, 96.
Бобров С. С. 28, 29, 37.
Богатырев П. Г. 359, 410.
Богданова О. Э. 376.
Богданович И. Ф. 140, 143.
Богомолов С. А. 49.
Богораз В. Г. (Тан) 448.
Болдырев Н. В. 340.
Бомарше Н. 83.
Бонди С. М. 264, 265, 377, 476, 477.
Бороzdна И. П. 109.
Борский Б. 371.
Боткин В. П. 352.
Брандт Р. Ф. 108.
Брауде Л. Ю. 357—362, 376.
Браун М. 32.
Брашман Н. Д. 340.
Бродский Н. Л. 11, 37, 91, 97, 323, 464 (Brodzki), 476, 477.
Броневский В. Б. 289.
Брук Г. 32.
Брут М.-Ю. 276.
Брюллоу А. П. 341, 342.
Брюллоу К. П. 356.
Буачидзе Т. П. 386.
Бугославский С. А. 238.
Будагов Л. Э. 232.
Булгаков А. Я. 55, 57, 66, 323, 346.
Булгаков М. А. 464 (Bułhakow).
Булгарин Ф. В. 22, 78, 98, 106, 107, 140, 270, 274, 276, 281, 284, 287—290, 298, 299, 301—304, 315, 317, 319, 326, 327, 330—332, 336, 339, 459.
Буняковский В. Я. 85, 341, 342.
Бурачок С. А. 98.
Бурдин С. М. 35.
Бурцов И. Г. 222.
Буссе 42.
Буменов И. П. 341, 342.
Бутовский А. И. 339.
Быкова Е. 412.
Бычков И. А. 219, 313, 325.
Бьернсон Б. 363.
Бэла И. Ф. 475, 476.
Бюргер Г.-А. 137.
Бюффон Ж.-Л. 26.
Вавилов С. И. 62, 64.
Важик А. (Wazyk A.) 411, 413, 448, 452—454, 456, 459, 461, 472.
Валевский 436.
Вальховский В. Д. 13, 222.
Вариксон 19.
Варнгаген. См. Фарнгаген фон Энзе К. А.
Василевский Д. Е. 193.
Введенский Д. Н. 384.
Везирова Л. А. 383.
Вейденбаум Е. Г. 263, 264.
Великопольская С. М. 23.
Великопольский И. Е. 23, 315.
Велихов Е. 477.
Велланский Д. М. 82, 96.
Веневитинов Д. В. 341.
Веневитинов М. А. 422.
Венгероу С. А. 199, 209, 210, 232, 279, 307, 477.
Венецианов А. Г. 55.
Вергеланн Г.-А. 363.
Вергилий 25.
Веревкин М. И. 38, 168.
Вересаев В. В. 366.
Веритов И. 20.
Верн Жюль 116.
Веселовский А. Н. 219.
Вигель Ф. Ф. 329.
Видок Э.-Ф. 331.
Виге Лебрен Е.-Л. 80.
Виланд X.-М. 26, 291, 299, 318.
Вилар де Гонекор 71.
Вильмен А.-Ф. (Villemain) 262.
Виноградов А. 457 (Winogradow).
Виноградов В. В. 37, 78, 107, 141, 144, 145, 154.
Виньи А. де 103.

- Виргинский В. С. 88, 90, 91, 112, 113, 115—117, 119.
 Витгенштейн П. X. 223.
 Витковский 424.
 Владимир, князь 217—220, 240.
 Владимиров П. В. 216.
 Воейков А. Ф. 25, 34, 143, 145, 218.
 Вожла К. 161.
 Волков А. Р. 385, 431.
 Волков М. С. 88, 117—119, 123, 341, 342.
 Волков Н. С. 341, 342.
 Волконская Э. А. 259, 263, 266, 267, 439.
 Волконская М. Н., рожд. Раевская 257—267, 435.
 Волконский М. С. 257.
 Волконский П. М. 225.
 Волконский С. Г. 257—260, 266, 331, 439.
 Волконский С. М. 258.
 Вольта А. 77.
 Вольтер Ф.-М. 19, 23, 24, 26, 84, 153, 162, 165, 179, 446.
 Вордсворт В. 33, 104.
 Воронцов М. С. 90, 370, 439, 440, 453.
 Востоков А. X. 30, 217.
 Вошинин М. И. 381.
 Враский Б. А. 329.
 Вьельгорский М. Ю. 107.
 Вяземская В. Ф. 192, 199, 259—263, 266, 267.
 Вяземские 222.
 Вяземский П. А. 34, 39, 40, 55, 56, 60, 66, 91—95, 98—100, 107—109, 111, 112, 114, 115, 118, 122, 123, 131, 136, 137, 139, 141, 142, 150, 168, 179, 180, 189, 191—196, 200, 207, 210—213, 215, 219, 222, 224, 225, 244, 250, 252, 255, 256, 261—263, 273, 276, 283, 288, 292, 294, 295, 298, 302, 313, 314, 316, 323, 324, 326, 328, 330, 336, 338, 343, 344, 348, 349, 353, 354, 380, 401, 421, 426, 433, 465 (Wiazjemski).
 Вяземский П. П. 224.
 Габор А. 400. (Gabor A.) 400, 404.
 Гагарин Ф. Ф. 295.
 Гаевский В. П. 422.
 Галлей Г. 25, 29, 40, 42, 47, 51.
 Галич А. И. 43—45.
 Гальвани А. 76, 77.
 Гаммер Ж. 319.
 Гампельн К. 57.
 Ганка В. 442.
 Гастфрейнд Н. 13.
 Гафиз 168.
 Гашпар Э. 400.
 Гегель Г.-Ф. 48, 50.
 Гейне Г. 417.
 Гейтман Е. 57.
 Гейченко С. С. 477.
 Геккерн Л. (Heckeren L.) 346—349.
 Гельти Л. 19.
 Геннади Г. Н. 199, 226, 227.
 Гербарт И.-Ф. 48.
 Гербель Н. В. 208, 209, 213, 215, 306.
 Гербстман А. И. 476, 477.
 Гергель Ш. 400, 401.
 Гернгросс В. (Всеволодский) 168.
 Герстнер Ф. А. 118, 119, 121.
 Герцен А. И. 97, 197, 254, 382, 384, 385, 410, 415, 431, 439, 443, 445, 446.
 Гершель В. 38, 49.
 Гершель Дж. 38.
 Гершензон М. 79, 80, 224.
 Гесс Г. И. 341.
 Гессен С. Я. 253.
 Гете В. 11, 104, 253, 318, 319, 417.
 Гжегорчик П. 432.
 Гидаш А. 398, 399.
 Гизо Ф.-П. (Guizot) 259, 262, 318.
 Гиппиус В. В. 75, 280, 281, 299.
 Глаголев А. Г. 141, 143.
 Глазунов И. И. 299.
 Глебов Гл. 11, 42.
 Глинка В. А. 225.
 Глинка М. И. 110, 111, 338, 467.
 Глинка Ф. Н. 109, 120, 122, 131.
 Глинка-Маврин Б. Г. 336.
 Глинский А. Ю. (Glinski A. J.) 385, 430, 431.
 Глиэр Р. М. 469.
 Глухов В. И. 386.
 Глушенко И. Е. 359.
 Гнедич Н. И. 55, 106, 137, 164, 370, 411, 438, 457.
 Гоголь Н. В. 9, 75, 76, 98, 119, 128, 183, 278—288, 291—398, 300—302, 306—312, 331, 337, 354, 362, 383, 464 (Gogol).
 Годунов Б. Ф., царь 31.
 Годунов Ф. Б., царевич 31.
 Голиков И. И. 130, 386.
 Голицын А. Н. 268.
 Голицын С. 56.
 Голицына Н. П. 380.
 Голлербах Э. Ф. 369.
 Головкин Г. И. 234.
 Гомер 412, 462.
 Гомолицкий Л. (Gomółicki L.) 415, 416, 418, 419, 438, 465, 466.
 Гомонов И. Т. 384.
 Гомулицкий В. 448.
 Гомулицкий Ю. (Gomulicki J.) 430, 466.
 Гончаров Д. Н. 350.
 Гончаров И. А. 110, 361.
 Гончаров И. Н. 344, 350.
 Гончаров С. Н. 350.
 Гончарова Е. Н., в замужестве Дантес. 345—347, 349, 350.
 Гончарова Н. Н. см. Пушкина-Ланская.
 Горадий 274.
 Горецкий А. Н. 307, 383.
 Горихвостов Д. П. 90.
 Горностаев И. М. 340.
 Городецкий Б. П. 383, 422, 476, 477.
 Горский И. 382 (Gorski I.), 382, 454.
 Горчаков А. М. 194, 195, 220.
 Горький М. 128, 165, 245, 365, 382, 383, 387, 404, 438, 465 (Gorki).
 Гофман А. Г. 16, 17.

- Гофман М. А. (Hoffman) 10.
 Гоффман К. (Hoffman K.) 449, 450, 471.
 Граббе П. X. 228.
 Графф И. И. 329.
 Гребёнка Е. П. 317.
 Греч А. Н. 110.
 Греч Н. И. (Gretch N.) 54, 100, 134, 135, 140, 154, 218, 221, 228, 250, 256, 276, 286, 288, 302, 304, 317—319, 330, 331, 336, 339, 379, 390, 393.
 Грибоедов А. С. 56, 107, 137, 209, 215, 337, 338, 354, 380, 419, 464 (Gribojedow).
 Григ Н. 363—368.
 Григорович В. И. 340.
 Григорович-Оленин 341.
 Григорьев В. В. 341.
 Гродзенька В. (Grodzieńska W.) 412, 462, 463.
 Гродштейн А. 417.
 Гроссман Л. П. 221, 344, 354, 416, 435.
 Грот Я. К. 13, 16, 17, 81, 134, 236.
 Грохольский Э. 449.
 Грузинцов А. 217.
 Губер Э. И. 86, 314, 331, 339.
 Гудар де ла Мотт 24.
 Гудзий Н. К. 71, 476.
 Гулянов И. А. 380.
 Гумбольдт А. Ф. 249—256.
 Гурский А. 421.
 Гурьев В. П. 94, 102, 110—112.
 Гуттенберг В. 313.
 Гюго В. (Hugo V.) 59, 161—163, 259.
 Давыдов А. Л. 227.
 Давыдов В. А. 227.
 Давыдов В. Л. 224, 259, 446.
 Давыдов Д. В. 10, 189, 288, 289, 341, 342, 354.
 Давыдов И. И. 44.
 Давыдова А. А. 224.
 Давыдова А. И. 224, 225.
 Давыдовы 223, 224.
 Даламбер Ж. (D'Aламбер) 19, 23, 25, 26, 71.
 Даль В. И. 83, 171, 252, 321—323.
 Дальман П. (Dahlman P.) 425, 430, 441.
 Данелла С. 386.
 Данзас К. К. 252, 333, 344 (d'Ansas) 347, 349, 350, 401.
 Данилов В. В. 375—381.
 Данте А. 139.
 Дантес-Геккерн Ж. (Heckeren-d'Anthes) 344—350, 444.
 Дарвин Э. 33.
 Дараш В. 444.
 Д'Аршиак (d'Archiac) 347, 349, 401, 466.
 Дашков Д. В. 128.
 Двигубский А. И. 77.
 Двигубский И. А. 114.
 Дегай П. И. 341, 342.
 Дегтеревский И. М. 100.
 Дедов М. В. 421.
 Декарт Р. 19, 48.
 Делиль Ж. 25, 26, 161.
 Делорм И. (Сент-Бев) 161.
 Дельвиг А. А. 14—22, 25, 29, 34, 49, 53, 58, 82, 87, 92, 114, 195, 210, 226—228, 244, 256, 261, 262, 269, 271—274, 277, 290, 308, 314, 380, 422.
 Дельвиг А. И. 86—88, 117.
 Ден Т. П. 222—229.
 Деницкий Ю. 380.
 Державин Г. Р. 16, 18, 81, 137, 364, 433, 439.
 Державин К. Н. 442, 464 (Dzierzawin).
 Дефонтен 24.
 Джонс Э. 443.
 Дибич И. И. 107.
 Диоген 42, 45—48, 50.
 Диоген Лаэртский 45.
 Диодор 47.
 Дмитриев В. В. 392.
 Дмитриев И. И. 40, 127, 136, 137, 140—143, 148, 155, 302, 324, 389, 426, 427.
 Дмитриев-Мамонов А. И. 250.
 Дмитрий Самозванец 422, 423.
 Добжанский М. 449.
 Добровольский Б. М. 242.
 Добровольский Ю. 448.
 Добровольский 228.
 Добролюбов Н. А. 9, 122.
 Догель Е. В. 443.
 Долгоруков А. Н. 226.
 Долгоруков Н. А. 226.
 Долгоруков П. И. 223.
 Доленга Б. см. Юркевич Я.
 Долинин А. С. 477.
 Долиннина А. А. 385.
 Дондуа К. 386.
 Дондуков-Корсаков М. А. 327.
 Дранков Д. Л. 383.
 Дружинин Н. 196.
 Дульская, княгиня 233, 234.
 Дурылин С. Н. 102, 195.
 Дьерди-Югас Е. 398.
 Дьюлай П. 397.
 Дюгамель Ж.-Б. 19.
 Дюкан М. 103.
 Дюпен А.-М.-Ж. 97.
 Дюпен Ш. (К.) 95—100.
 Дягилев С. П. 187.
 Евгеньев-Максимов В. Е. 369.
 Еж Т. (Э. Милковский) (Joz I. T. <Z. Milkowski>) 418.
 Ежовский Ю. 435.
 Екатерина II 83, 287, 314, 378, 446.
 Емичев А. И. 339.
 Ениколопов И. 386.
 Еремин М. П. 383.
 Ермолов А. П. 249.
 Ермолов 249, 252.
 Ерофеев В. В. 384.
 Ефремов Д. В. 73.
 Ефремов П. А. 209, 263, 351, 357.
 Жадимировский, купец 379.
 Жданов А. А. 383, 385, 387.
 Ждановский Н. П. 384.
 Железняк С. 353.

- Желиговский Т. 417.
 Желиговский Э. (Антони Сова) 448.
 Жеребцов Н. А. 340.
 Жирмунский В. М. 477.
 Житков С. М. 84—86.
 Жичинский Г. (Zyczyński H.) 116.
 Жуковский В. А. 16, 32, 55, 60, 65, 107, 118, 127, 132, 135—137, 141—145, 147, 152, 157, 168, 189, 216—221, 256, 261, 283, 313, 314, 318, 321, 323, 326, 330, 331, 333, 338, 345, 346, 348, 349, 364, 370, 371, 377, 381, 392, 425, 433, 442, 446, 448, 472 (Zukowski).
 Жуковский П. В. 369.
 Жулкевский С. 415.
 Журавлев Д. Н. 476.
 Заблочкий-Десятковский А. П. 225.
 Заборова Р. Б. 304, 313—342.
 Завадовский П. В. 194, 391.
 Завалишин И. 217.
 Заводзинский К. В. (Zawodziński K. W.) 415, 416, 472.
 Загарин П. 218.
 Загоскин М. Н. 166.
 Заикин 302.
 Зайцева И. С. 382.
 Закшевский Б. (Zakrzewski B.) 430, 472.
 Заленский, иезуит 233.
 Залесские 440.
 Здобнов Н. В. 311, 388.
 Зегерс А. 365.
 Зейдель К. 270.
 Зеленецкий К. (Zieleniecki K.) 437.
 Зеленин Д. К. 238.
 Земный А. (Ziemny A.) 412, 460, 461, 472.
 Зенгер Т. Г. см. Цявловская Т. Г.
 Зенович И. Д. 424, 430, 448, 471.
 Зенон 42—44, 46—50.
 Зенон Элейский 42—50.
 Зенон-эпикурец 46.
 Зибель В. И. 144, 145.
 Зилахи-Киш И. (Черени) 396, 397.
 Зилахи-Киш К. 396, 397.
 Зиссерман П. И. 23.
 Зорге Ф.-А. 445.
 Зубов Ю. С. 384.
 Зыков 142, 143.
 И. В. С. 65.
 Иберверг-Гейнце Ф. 50.
 Ибсен Г. 363.
 Иван Васильевич IV, Грозный 208, 212, 422.
 Иваненко А. 11.
 Иванов А. А. 111.
 Иванов, литограф 105.
 Ивановский А. А. 269.
 Игорь Святославич 145, 155, 208, 220.
 Иеремия, пророк 152.
 Иеропольский К. А. 237.
 Измайлов В. В. 14.
 Измайлов Н. В. 47, 70, 168, 199, 202, 234, 333, 336, 337, 377, 433, 476, 477.
 Илличевский А. Д. 13, 16, 17, 40, 41, 47, 227.
 Ильинская Т. Г. 386.
 Инзов И. Н. 223, 232.
 Иоакимф см. Бичурин Н. Я.
 Иовский П. 271.
 Ипсиланти А. 231.
 Иенсен А. 234.
 Йокай М. (Jokai M.) 404, 406.
 Каверин В. А. 115.
 Каверин П. П. 199, 273.
 Казинцы Г. 396.
 Калашников И. Т. 122.
 Калиостро 58, 61, 64.
 Каллаш В. В. 83, 256, 380, 390.
 Калленбах Ю. (Kallenbach J.) 116, 420.
 Калмыков П. Д. 341, 342.
 Камашев 316.
 Каменев Г. П. 217.
 Каменецкий О. К. 30.
 Каменский П. П. 340.
 Канкрин Е. Ф. 438.
 Кант И. 48.
 Кантагони 231.
 Кантемир А. Д. 26, 27.
 Капнист А. В. 362.
 Капнист В. В. 17.
 Капнист Е. Е., рожд. Мандерштерн 360, 361.
 Капнист И. П. 362.
 Капнист П. И. 357, 358, 360—362.
 Каразин В. Н. 228.
 Карамзин Ал. Н. 321 (А. Лаголов), 322, 324, 345.
 Карамзин Н. М. 31—33, 37, 127—129, 132, 134—138, 140—144, 151, 157, 208—215, 218, 270, 271, 314, 318, 321, 360, 364, 424, 459, 476.
 Карамзина Е. А. 119, 321, 323.
 Карамзина С. Н. 324, 345.
 Карамзины 65, 222.
 Каргин Д. И. 59, 71.
 Карл Великий 218.
 Карл XII 234, 235.
 Карцов Я. И. 13.
 Карчевский В. 468.
 Касинский В. Е. 412.
 Кафель П.-Л. 24.
 Катенин П. А. 137, 142, 143, 276.
 Кацнельсон Д. Б. 382.
 Каченовский М. Т. 20, 141.
 Качковский К. 437.
 Кашталёва К. С. 38.
 Кашубский А. 412.
 Квятковский Р. (Kwiatkowski R.) 412, 461.
 Кеневич В. Ф. 390.
 Кепеш Г. (Kéres G.) 399, 405.
 Кеплер И. 25.
 Кеппен П. И. 341, 342.
 Керн А. П. 457.
 Кильгур Б. 188.
 Кине Э. 288, 295.
 Кирджили Г. 231, 232, 315, 399.
 Киреевские, братья 252, 253.
 Киреевский И. В. 26, 54, 76, 98.

- Киркор А.—Г. К. (Kirkor A.-H., Jan ze Sliwina) 444—447.
 Кирпичев М. В. 106.
 Кирьяков М. М. 438.
 Киселев П. Д. 56, 222, 223, 225, 226, 228, 229, 340.
 Китс Дж. 33.
 Клейнер Ю. (Kleiner J.) 116, 418, 427, 429, 436.
 Клопшток Ф. Г. 19.
 Клуге 82.
 Кляри-и-Альдринген А. (Clary et Aldringen A.) 343.
 Кнцгм 271.
 Ковалинская 81.
 Ковальский Ф. (Kowalsky F.) 437, 439—441.
 Козаков М. (Kozakow) 467.
 Козлов А. П. 340.
 Козлов И. И. 314.
 Козловский В. М. (Kozłowski W. M.) 418, 447.
 Козловский П. Б. 12, 54, 123, 124, 384.
 Козоча Ш. (Kozocsa S.) 396, 398.
 Колосова А. М. 138.
 Колотушкин 87.
 Колошин П. И. 108.
 Кольцов А. В. 198.
 Колянковский А. (Kolańkowski A.) 450.
 Комлош А. 397 (Komlós A.), 397, 405.
 Конарский Ш. 443, 444.
 Кондратович Л.-Ф. (Сырокомля В.) 449, 452.
 Кононов А. Н. 232.
 Констан Б. 150.
 Коперник Н. 26, 29, 31, 40—42.
 Коплан Б. И. 35.
 Кордош Т. 398.
 Корнель П. 139.
 Корнилович А. О. 139, 269.
 Коростин А. Ф. 55, 57, 65.
 Корсаков П. А. 327.
 Корф М. А. 13.
 Косарик Д. М. 224, 356.
 Костин В. Г. 385.
 Котикова Н. А. 242, 243.
 Котт Я. (Kott J.) 410.
 Кочубей В. П. 55, 234, 380.
 Кошелев А. И. 324.
 Кравец Т. П. 73.
 Краг Э. 363, 364.
 Краевский А. А. 118, 287, 305, 313, 315—320, 323—331, 337—339, 341, 352, 384.
 Крам Р. Б. (Crum R. B.) 23—25, 104.
 Красиловец 245.
 Красильников А. И. 41.
 Красногорский В. П. 278—280.
 Крачковский И. Ю. 38.
 Крашевский И. И. 445.
 Крашенинников С. П. 341.
 Криволесова 245.
 Кривцов П. И. 58.
 Констенс И. 363.
 Критские, братья 443.
 Крюг Х. 363.
 Кропотов А. Ф. 389.
 Крупская Н. К. 385.
 Крутова А. В. 382.
 Кручковский Л. (Kruczkowski L.) 414, 467.
 Круш Я. (Krusz J.) 412, 455, 458.
 Крылов И. А. 17, 34, 35, 107, 108, 130, 136, 139, 141, 142, 148, 152, 154, 173, 283, 319, 370, 390—392, 424.
 Крылова Н. И. 366.
 Крючков С. 242.
 Ксенофан 43.
 Кузен В. 48.
 Кузнецов Б. Г. 35.
 Кузнецов Н. 36.
 Куканов А. М. 386.
 Кукольник Н. В. 110, 111, 317, 442.
 Кулибин И. П. 59, 71.
 Кулиш П. А. 306, 309.
 Кульман Н. К. 195.
 Куницын А. П. 46.
 Куприянов А. С. 385.
 Курганов Н. Г. 41, 47, 195.
 Курис И. И. 188.
 Курочкин В. С. 93.
 Курторга С. С. 341, 342.
 Кутузов М. И. 343, 378.
 Кшижановский Ю. (Krzyzanowski J.) 416, 430, 467.
 Кьер Н. 363. (Kjaer N.) 363, 368.
 Кюхельбекер В. К. 19, 21, 22, 34, 47, 131, 147, 148, 151, 152, 191—193, 204 (Кюхля), 206, 222, 225, 228, 259, 269, 274, 417.
 Л. Я. 307.
 Лаваль И. С. 422.
 Лагарп Ж.-Ф. 161, 274.
 Лаголов А. см. Карамзин Ал. Н.
 Лада-Заблоцкий Т. 443.
 Лажечников И. И. 59.
 Лазарев П. П. 51, 52.
 Лазарев Х. Е. 66.
 Лайта Г. 401.
 Ланда С. С. 408—472.
 Лани Ш. 398, 399.
 Лапкина Г. А. 384.
 Лаплаз П.-С. 123.
 Лаугасте Э. Г. 242.
 Лафонтен Ж. 173.
 Лебрен Э. (Le Brun) 23.
 Левак А. (Lewak A.) 432—434.
 Левашов Н. В. 87.
 Левкович Я. Л. 268—277, 385, 396—407.
 Ледницкий В. (Lednicki W.) 418, 421, 435, 444.
 Леер Г. А. 233.
 Лейбниц Г.-В. 19, 48.
 Лекс Н. И. 232.
 Лелевель И. (Lelewel I.) 425, 441, 442.
 Лемке М. К. 98.
 Лемонте П.-Э. 34, 35, 130, 131, 139, 141, 148, 149, 154, 173.
 Лемьерр А.-М. 25.
 Ленин В. И. 50, 110, 154, 187, 353, 354, 377, 382—384, 389, 405.

- Ленин М. В. 340, 341.
 Ленкевич Ф. И. 30.
 Ленц Э. X. 52, 77, 78.
 Лепарский С. Р. 257.
 Лелехин И. И. 30.
 Лермонтов М. Ю. 60, 331, 345, 350, 383, 397, 410, 442, 447, 464 (Lermontow), 468, 469.
 Лернер Н. О. 12, 82, 101, 117, 198, 199, 209, 223, 224, 230, 255, 306, 307, 312, 323, 353, 390, 422, 433, 441, 443.
 Леруа Ж. 83.
 Леруа П. 83, 84.
 Лерхенфельдт 346.
 Лещинский С. 234.
 Либерт Е. 449.
 Либрович С. 370.
 Лидин А. 397.
 Лидин В. 365.
 Линде 448.
 Линней К. 25.
 Липранди И. П. 222—224, 436.
 Лисенко И. В. 188.
 Лисенко М. В. 239 (Лысенко Н. В.).
 Лисенков 299.
 Лисовский Н. М. 388, 389, 391.
 Лисса С. (Lissa Z.) 417, 468.
 Лифарь С. 187.
 Лихонин М. Н. 96.
 Лобанов М. Е. 35, 296.
 Лобанов-Ростовский А. Я. 90.
 Лобачевская В. А. 23.
 Лобачевский Н. И. 22, 23, 51, 52.
 Лобикова Н. М. 386.
 Локк Дж. 48.
 Ломакин Г. 230.
 Ломоносов М. В. 26—28, 32, 34, 35, 41, 47, 128—133, 137, 141, 163, 164, 364, 384, 386, 387.
 Лоренц Ф. Ф. 341, 342.
 Лорер Н. И. 189, 249, 250, 353.
 Лотман Л. М. 217.
 Лунин М. С. 55, 259.
 Львов Н. А. 217.
 Львов Ф. П. 81.
 Лысенко Н. В. 239 (Лисенко М. В.).
 Любарский А. 52, 74.
 Любимов Н. И. 341.
 Любомирский Г. 434.
 Людовик XIV 139.
 Людовик XV 84.
 Люс де Лансиваль 25.
 Лютославский В. 417.
 Люценко Е. П. 299, 318.
 Ляпунова О. В. 387.
 Магомед 168.
 Мазепа И. С. 233—235, 353, 380.
 Майков А. Н. 353, 354.
 Майков В. В. 143, 245.
 Майков Л. Н. 23, 216, 245, 353, 357, 358, 361, 362.
 Макадам Дж. (Mac-Adam J. L., Македам) 92—94.
 Маковельский А. 42.
 Максвелл Д.-К. 52.
 Максимович М. А. 53, 54, 60, 92, 96, 269, 354.
 Максимовский М. 85.
 Малевский Ф. (Malewski F.) 40, 419, 420.
 Малер Э. (Mahler E.) 242, 243.
 Малинин В. А. 387.
 Малиновская Е. А. 188.
 Мальцов И. С. 341, 342.
 Манасеин П. П. 259.
 Мандерштерн А. К. 359.
 Мандерштерн В. К. 359.
 Мандерштерн Е. Е. 361.
 Мандерштерн Е. К. 359—361.
 Мандерштерн К. Е. 359.
 Мандерштерн, сестры 361.
 Мандес М. И. 49.
 Манн Г. 365.
 Мануйлов В. А. 477.
 Марин С. Н. 391.
 Маркевич А. И. 227.
 Маркевич Г. (Markiewicz H.) 415, 468, 470.
 Маркевич Н. А. 476.
 Маркс К. 445.
 Марлинский см. Бестужев А. А.
 Мартынов И. И. 391.
 Маршццкий К. 437.
 Маслов В. И. 476.
 Матвеева-Исаева Л. В. 410.
 Махарадзе Ф. 386.
 Машинский П. 450.
 Маяковский В. В. 410.
 Межев В. С. 340.
 Межев В. И. 388.
 Мейлах Б. С. 89, 475, 476.
 Мелисс 43.
 Мельгунов Н. А. 252—255, 325.
 Мельников П. П. 119.
 Мендельсон Э. 469.
 Меншенин Н. С. 249.
 Меншиков А. С. 90.
 Мерзляков А. Ф. 18, 218.
 Мериме П. 83.
 Меринский А. 198.
 Мессей Г. 398.
 Месмер Ф. А. 80—82.
 Мецдерские 107.
 Милентий, архиепископ 235.
 Милковский (Milkowski Z.) 418.
 Мильтон Дж. 139.
 Минкевич Я. (Minkiewicz J.) 412, 463.
 Михаил Павлович, вел. кн. 86.
 Михайлов П. А. 187, 188.
 Михайловский-Данилевский А. И. 341, 342.
 Михальский И. (Michalski H. E.) 415, 468.
 Мицкевич А. (Mickiewicz A.) 40, 56, 115, 116, 168, 169, 171, 259 (Фариз), 363, 382, 406, 408, 413, 414, 416—429, 432—435, 437, 438, 440, 441, 444, 447, 449, 452, 464, 465, 467—472, 477.
 Мицкевич В. 421.
 Могиланский А. П. 338, 342, 388—395.
 Модзалевский Б. Л. 21, 23, 38, 45, 56,

- 65, 117, 123, 124, 250, 258, 351, 358, 369, 371, 420, 440.
 Модзалевский В. Л. 188.
 Модзалевский Л. Б. 23, 37, 70, 107, 196, 230, 253, 256, 375, 432.
 Мозевский 440.
 Молотов В. М. 383.
 Молчанова С. Ф. 387.
 Монго А. (Mongault H.) 83.
 Монгольфье Ж.-М. и Ж.-Э. 80—82.
 Моравский С. 444.
 Мордвинов А. Н. 67.
 Мордвинов Н. С. 114, 229.
 Мордовченко Н. И. 216.
 Морзе С. 59.
 Моричева М. Д. 363—368.
 Морозов П. О. 37, 42, 232.
 Морский Е. (Morski E.) 412, 457, 462.
 Мосьцицкий Г. (Mościcki H.) 417, 468.
 Мрозовский 444.
 М—ский П. 317, 318.
 Муравьев М. Н. 134.
 Муравьев Н. М. 196, 209, 211, 214, 446.
 Муравьев-Апостол С. И. 435.
 Муравьевы 224, 225.
 Мур Т. 168.
 Муханов Н. А. 56.
 Муханов П. А. 259.
 Мухина С. Л. 387.
 Мюссе А. де. 103, 104, 122.
 Мясоедова Е. П. 348.
 Надеждин Н. И. 53, 60, 140, 276, 339.
 Назаревский А. А. 381.
 Назарова Л. Н. 216—221, 382—387.
 Найдич Э. Э. 331, 375, 376, 379.
 Наконечный В. (Nakonieczny W.) 450, 455.
 Наполеон I 201—203, 288, 295.
 Нарезный В. Т. 392.
 Нарышкина М. А. 10.
 Нащокин П. В. 67, 252, 295, 296, 299, 344.
 Нащокина В. А. 350.
 Небольсин Г. П. 341.
 Неборячок Ф. М. 385.
 Неверов Я. М. 325, 326, 341.
 Незеленов А. И. 216.
 Нейштадт В. 410, 434.
 Некрасов Н. А. 447.
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 137.
 Нелюбин А. П. 340.
 Немоевский А. 430.
 Неронов И. 249.
 Неустроев В. П. 360.
 Нефедов Г. Ф. 237, 243—248.
 Нефедьева А. И. 346.
 Нечкина М. В. 196, 353.
 Никитенко А. В. 106, 189, 323, 353, 354, 356.
 Никифоров, полковник 339.
 Николадзе Н. 386.
 Николай I 65, 86, 98, 102, 193, 196, 197, 254, 257, 333, 345, 346, 348, 350 (император), 370, 378.
 Никольсон М. (Nicolson M. H.) 32, 33.
 Никон, летописец 132.
 Никулин Л. В. 410.
 Новиков И. А. (Novikov I.) 469, 476, 477.
 Новиков М. И. 439.
 Новиков Н. И. 446.
 Новикова В. 245.
 Новлянская М. Г. 72.
 Норов А. С. 331.
 Ньютон И. (Невтон) 19, 25, 29, 31—34, 38, 71, 318.
 Оболенский Е. П. 193, 259.
 Обручев С. В. 369—371.
 Огарев Н. П. 110, 197, 443.
 Огарева Е. С. 453.
 Огиньский М. 437.
 Одобевский А. И. 259.
 Одобевский В. Ф. 12, 19, 43—45, 47, 48, 57, 74, 76, 82, 117—119, 123—125, 147, 191, 192, 269, 287, 304, 305, 313—315, 317—319, 321—333, 336—338, 340—342, 379, 384.
 Одынец А. (Odýniec A. E.) 116, 423, 428, 429, 445, 449.
 Озеров В. А. 131, 136, 139, 179.
 Окен Л. 318.
 О'Коннор Ф. 443.
 Оксман Ю. Г. 173, 195, 258, 280, 328, 353, 476.
 Олег, князь 152.
 Оленин А. А. 56.
 Оленин А. Н. 108, 256, 341, 342, 475.
 Оленина-Андро А. А. 56, 475.
 Оленины 107.
 Олешкевич Ю. 116.
 Олизар Г. Ф. 435—437.
 Ольдекоп Е. 78.
 Ольшки Л. 24.
 Онегин А. Ф. 68, 369, 371, 433.
 Орлик Ф. 233, 234.
 Орлов А. А. 289, 290, 317.
 Орлов А. С. 144.
 Орлов В. Н. 30, 59, 60, 96.
 Орлов М. Ф. 194, 211, 222, 224, 225, 228, 261, 273, 436, 446.
 Орлов Ф. Ф. 194.
 Орлова Е. Н., рожд. Раевская 224, 225, 264.
 Осипова А. О. 460.
 Осмонов А. 386.
 Оссолинские 421, 434.
 Остолопов Н. Ф. 81, 218, 221, 393.
 Островский А. Н. 71, 384, 464 (Ostrowski).
 Остроградский М. В. 52, 85, 341.
 Отрешков Н. И. (Атрешков) см. Тарасенко-Отрешков Н. И.
 Охотников К. А. 225, 446.
 Павлищева О. С., рожд. Пушкина 343.
 Павлов М. Г. 44, 77.
 Павлов Н. Ф. 283, 330.
 Павлова К. К. 109, 256.
 Павловский Е. Н. 33.
 Павский Г. П. 341, 342.
 Панаев И. И. 285.
 Парланд 74.
 Парменид 43.

- Парни Э.-Д. 137.
 Паскаль Б. 21, 22, 25.
 Паскевич И. Ф. 58, 107.
 Паустовский К. Г. 476.
 Пекарский П. П. 388.
 Пелликс С. 296.
 Пелчинский 435.
 Перевощиков Д. М. 77, 340.
 Перовский А. А. (Антоний Погорельский)
 143, 255, 256, 261, 262, 422.
 Перцов Э. П. 340.
 Пестель П. И. 197, 222, 223, 225, 228, 446.
 Петерс 71, 72.
 Петерсен Х. Л. 361.
 Петефи Ш. 363, 397, 404, 406, 407.
 Петин 17, 18.
 Петр I 32, 33, 89, 130, 139, 165, 166,
 172, 173, 217, 233, 235, 352, 353,
 377, 378, 384, 386, 388, 391, 418,
 419, 424, 425.
 Петров А. А. 31.
 Петров В. В. 77.
 Петров В. П. 37, 132.
 Петров С. М. 232, 233.
 Пехаль М. (Piechal M.) 412, 416, 457,
 463, 469.
 Пигонь С. (Pigoń S.) 116, 421.
 Пиксанов Н. К. 117, 477.
 Пилсудский Ю. 444.
 Пиндар 34.
 Пипер К. 234.
 Пипуныров В. Н. 59, 71.
 Писарев А. А. 192, 391.
 Писарев А. И. 59, 60.
 Пифагор 19, 42.
 Плавильщиков П. А. 389.
 Плаксин В. Т. 316.
 Платон 19, 43.
 Плетнев П. А. 10, 87, 114, 118, 142,
 152, 220, 230, 236, 272—274, 308,
 309, 313, 321, 322, 330, 338, 341,
 354, 357.
 Плауг А. 448.
 Плюскова Н. Я. 387.
 Плаушар А. А. 54, 77, 95, 318, 379.
 Пнин И. П. 29, 30.
 Погодин М. П. 39, 56, 57, 93, 94, 124,
 209, 214, 215, 252, 253, 269, 276,
 291, 292, 294, 312, 314, 325, 340,
 353, 354, 428.
 Погоцкий А. Ф. 238.
 Подбереский Р. 449.
 Подгорска-Околув С. (Podhorska-Oko-
 łów S.) 416, 469.
 Подгорский-Околув Л. (Podhorski-Oko-
 łów L.) 412, 435, 459, 463, 469.
 Поджио А. В. 258, 259, 262.
 Подолинский А. И. 352, 354.
 Подшивалов В. С. 134.
 Покровский М. М. 46.
 Полевой К. А. 427, 429.
 Полевой Н. А. 40, 53, 59, 60, 72, 95,
 96, 98, 114, 155, 193, 276, 315, 316,
 326, 426—428, 450.
 Полевые, братья 96.
 Полежаев А. И. 108, 443.
 Полибий 19.
 Поляк С. (Pollak S.) 411, 413, 416,
 448, 450, 452—461, 463—465, 469,
 471, 472.
 Полонский Я. П. 59, 110.
 Полторацкий А. П. 222.
 Полторацкий М. А. 222.
 Полторацкий С. Д. 40, 286, 376
 Полуденский М. П. 376.
 Поляков А. С. 323.
 Помяновский Е. (Pomianowski J.) 412,
 456, 462, 463, 469.
 Пономарев С. И. 60, 92, 94, 352, 353.
 Попов А. С. 57.
 Поповский Н. Н. 27.
 Попруженко М. Г. 445.
 Попугаев В. В. 30.
 Порошин В. С. 340, 341.
 Потемкин В. П. 100, 211, 384, 386.
 Потемкин Г. А. 81.
 Потоцкая 225.
 Потоцкие 223.
 Прегер Я. (Preger J.) 432, 470.
 Прийма Ф. Я. 376, 475, 476.
 Прокофьева 245.
 Пронь Н. А. 386.
 Протей 26.
 Протопопов Д. С. 339.
 Птоломей 26, 29, 41.
 Пугачев Е. И. 155, 328, 383—385, 387,
 429.
 Путята Н. В. 56, 122, 341, 342.
 Пуштин А. А. 377.
 Пушкин В. Л. 55, 127, 128.
 Пушкин Л. С. 141, 152, 188, 190, 225,
 244, 352, 353, 356, 357, 362.
 Пушкин С. Л. 323, 345.
 Пушкина-Ланская Н. Н., рожд. Гончарова
 66, 117, 263, 266, 267, 329, 343, 344,
 346 (Natalie Gontcharoff), 347—350,
 378.
 Пушин И. И. 187, 193—197, 199, 200,
 222, 259, 446.
 Пушин М. И. 196.
 Пушин Н. И. 196.
 Пуэссине 24.
 Пшецлавский Ю. (Ципринус) 429.
 Пшиборовский В. 450.
 Радецкий В. (Radecki W.) 412, 463.
 Радищев А. Н. 26, 29, 58, 81, 89, 217,
 383, 386, 387, 446.
 Радищев Н. А. 143, 163, 217.
 Радлов В. В. 232.
 Радовский М. И. 73.
 Раевская Е. Н. 264.
 Раевская С. Н. 264, 266.
 Раевская-Орлова Е. Н. 224, 225, 264.
 Раевские 265, 351, 436.
 Раевский А. Н. 224, 225, 362.
 Раевский В. Ф. 38, 225, 228, 436, 440,
 446, 461.
 Раевский Н. А. 343.
 Раевский Н. Н., генерал 225, 258, 261,
 356, 362.
 Раевский Н. Н. (младший) 188, 190,
 224, 258.
 Раэумовская 123.

- Райков Б. Е. 26, 41.
 Расин Ж. 139, 161.
 Рафаэль 333, 334.
 Рачинский С. А. 256.
 Резанов В. И. 32.
 Рейсер С. А. 477.
 Репнин Н. Г. 439.
 Римский-Корсаков Н. А. 384, 475.
 Рихман Г.-В. 28.
 Рогальский А. 427, 428.
 Родзянко А. Г. 438.
 Рождественский В. А. 477.
 Розанов И. Н. 92.
 Розанов Н. И. 96—98.
 Розберг М. П. 96.
 Розе Г. 249.
 Розен А. Е. 257.
 Розен Е. Ф. 114.
 Розенмейер Н. 271.
 Ромер М. 436.
 Ромм М. 477.
 Ронсар П. 153.
 Ростопчина Е. П. 314.
 Ростоцкий Б. 416.
 Руссо Ж.-Ж. 28, 446.
 Руфин, епископ 234, 235.
 Рыбаев К. Ф. 72, 137, 139, 152, 193,
 195, 268, 364, 392, 417—419, 436,
 439, 441, 446, 447.
 Рыльский М. Ф. (Rylski) 470.
 Рысалиев К. 386.
 Рыскин Е. И. 307, 309, 311, 312.
 Рюттер У. 363, 366.
 Саади 168, 265.
 Сабо Л. 399.
 Сабуров А. А. 55.
 Савельев П. С. 340, 341.
 Савенко П. Н. 341, 342.
 Садовников 105.
 Сакулин П. Н. 19, 44, 76, 117, 124, 320,
 325, 330, 333, 336.
 Салтыкова М. Н. 385.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 108, 278, 287,
 304, 306, 313, 322, 360, 376, 425,
 445.
 Самарин Ю. Ф. 354.
 Сами Ш. 232, 233.
 Сафьянос 231.
 Сватковский В. П. 49.
 Свинын П. П. 71, 112, 256, 329, 338,
 340.
 Святослав, князь 218.
 Себыла В. (Sebyła W.) 412, 462.
 Севастьянов 85.
 Секст Эмпирик 45, 46.
 Селезнев И. 13, 111.
 Сельский С. 331.
 Семенов С. М. 249, 250.
 Сенкевич Г. (Sienkiewicz H.) 430, 467.
 Сенковские 330.
 Сенковский О. И. (барон Брамбеус) 54,
 114, 115, 280, 281, 283, 284, 286,
 291—293, 299—301, 303—306, 315,
 317—319, 325, 326, 332, 442.
 Сен-Ламбер Ж.-Ф. 24.
 Сен-Симон А.-К. 426.
 Сент-Бев Ш.-О. (Делорм) 161.
 Сербинович К. С. 65, 378.
 Сергиевский И. В. 382.
 Серебровская Е. 282, 283.
 Сигов Д. 271.
 Сидонский Ф. Ф. 341.
 Сидяков Л. С. 477.
 Сикорский А. 448.
 Симонов И. М. 52.
 Синявский Н. 47, 389, 391.
 Сиповский В. В. 31.
 Сиркур А. С., рожд. Хлюстина 10, 433.
 Сиянов Г. 259.
 Скальковский А. А. 437, 445.
 Скотт В. 191, 319.
 Славинский М. 421.
 Сладковский Р. 217.
 Слэнин И. В. 160, 389.
 Слободник В. (Slobodnik W.) 411, 412,
 450, 454—456, 458, 459, 461—463.
 Словацкий Ю. (Słowacki J.) 382, 414,
 420, 442—444.
 Словцов П. А. 122.
 Слонимский А. Л. 216, 217, 369.
 Смельский Е. Н. 341, 342.
 Смирдин А. Ф. 255, 290, 299, 424.
 Смирнов Н. А. 38.
 Смирнов Н. М. 252.
 Снегирев И. М. 192, 193, 235, 341.
 Соболевский А. И. 40, 238, 240, 252.
 Соболевский С. А. 256, 326, 338, 420.
 Совицкий А. (Sowiński A.) 415, 470.
 Соколов А. Н. 216.
 Соколов Г. И. 227.
 Соколовская Т. О. 219.
 Соколовский В. И. 314.
 Соколовский Евг. 59, 75, 84—86.
 Сологуб В. А. 341, 342, 345.
 Солнцев Ф. Г. 194, 341.
 Соловьев Ф. 271.
 Сольский М. Д. 341, 342.
 Сомов О. М. 53, 262, 272.
 Спасович В. Д. (Spasowicz W.) 418, 444.
 Спасский Г. И. 112, 323.
 Спасский И. Т. 401.
 Спинк Ю. (Spink J.) 415, 470.
 Срезневский В. И. 21, 71.
 Станкевич Н. В. 448.
 Стединг В.-К. 339.
 Стемпневский Т. (Stępniewski T.) 411,
 452, 453, 457—461, 466, 468.
 Степанов А. Н. 282.
 Степанов Н. Л. 281, 282, 287.
 Стерн А. (Stern A.) 412, 452, 459.
 Стогов Э. И. 65.
 Стойчев И. К. 230—235.
 Столянский П. 78, 298, 299, 302, 303,
 305, 370.
 Строев П. М. 96, 217.
 Струве В. Я. 52.
 Струве О. (Struve, Otto) 16.
 Струмф-Войткевич С. (Strumph-Wojtkie-
 wicz S.) 412, 453, 455, 457, 458.
 Суворин А. С. 209, 353, 445.
 Султан-Шах М. П. 123, 257—267.
 Сумароков А. П. 34, 131, 132, 153.
 Сумцов Н. Ф. 245.

- Сусанин И. 139.
 Сухомлин И. 445.
 Сухомлинов М. И. 41.
 Сухоруков В. Д. 269.
 Сухтелен 360.
 Сырокомля В. (Кондратович Л.-Ф.) 449, 452.
 Тагиев М. Т. 387.
 Такоева Т. А. 386.
 Тампере Г. Т. 242.
 Таненбаум А. С. 102.
 Танк М. 410.
 Тарасенко-Отрешков Н. И. 11, 91, 116—118.
 Тарле Е. В. 475.
 Татищев И. 90.
 Теннер Дж. 107, 287.
 Теннисон А. 104.
 Тепляков В. 152, 153.
 Тизенгаузен Е. Ф. (Катрин) 344.
 Тизенгаузен Ф. И. 343.
 Тимаев М. 218.
 Тимашева Е. А. 376.
 Тимковский И. 391.
 Тимофеев А. В. 317.
 Тимофеев Г. (Timofiejew G.) 416.
 Тихонова 224, 225.
 Тихонравов Н. С. 306.
 Токомбаев А. 386.
 Толстой А. К. 110, 354, 464 (Tolstoj A.).
 Толстой А. Н. 184.
 Толстой Л. Н. 79, 169, 364.
 Толстой Ф. П. 340.
 Толстой Я. Н. 228, 341, 393.
 Тольди Ф. (Toldy F.) 396.
 Томашевский Б. В. 14, 37, 70, 95, 102, 126—184, 196, 208—215, 230, 236—238, 244, 267, 357, 358, 375, 378, 475, 476.
 Томсон Дж. 32, 33.
 Топоровский М. (Toporowski M.) 408, 411, 412, 414, 418, 419, 423—425, 428—432, 434, 441, 444, 445, 448—452, 454, 457, 463, 471.
 Торричелли Е. 25.
 Тругубов И. Н. 10.
 Тредьяковский В. К. 131, 132.
 Третяк Ю. 444.
 Трилунный (Д. Ю. Струйский) 270.
 Трубицын Н. 218, 245.
 Трубникова М. Н. 359.
 Тувим Ю. (Tuwim J.) 408—413, 448, 450, 452—463, 466, 471, 472.
 Туманишвили Д. 169.
 Туманский В. И. 438.
 Туманский Ф. 354.
 Тургенев А. И. 55, 65, 107, 142, 143, 192, 195, 211, 213, 217—219, 222, 250, 256, 288, 302, 314, 343, 346, 348, 349, 352, 380, 389, 433, 434.
 Тургенев И. С. 353, 364, 384, 433.
 Тургенев Н. И. 90, 91, 192, 250, 256.
 Тургенев С. И. 90, 91.
 Тургеневы, братья 195, 261.
 Турчанинов А. А. 255.
 Тучков С. А. 58, 233.
 Тшинадловский Я. (Grzynadłowski J.) 412, 453, 464.
 Тынянов Ю. Н. 142.
 Тьерри А. 259.
 Тютчев Ф. И. 189, 354, 412, 466, 468, 469.
 Уваров С. С. 178, 323, 326, 340.
 Уейский Ю. (Ujejski J.) 429.
 Укатова Е. Ф. 239, 243.
 Улыбышев 227.
 Уметалиев У. 386.
 Урбю А. 368.
 Уродков С. А. 116, 120.
 Усов С. М. 61, 98, 340.
 Ушаков Д. Н. 233.
 Ушакова Е. Н. 56, 194 (К. Н. Ушакова), 263, 380.
 Ушаковы, сестры 56, 380, 381.
 Фадеев А. А. 468.
 Фадеев А. М. 438.
 Фалес 30.
 Фан дер Фельде Ф. К. 262.
 Фан дер Флит В. (Van der Vliet W.) 359—361.
 Фарадей М. 52, 73 (Фареде), 77, 78.
 Фарнгаген фон Энзе К. А. (Варнгаген) 256, 338.
 Фатов Н. Н. 476.
 Федоров Б. М. 272, 274.
 Фейнберг И. Л. 196, 377, 378, 476, 477.
 Фет А. А. 352.
 Фикельмон Д. Ф. 343—346, 378.
 Фикельмон К.-Л. 343.
 Филиппов Н. П. 341.
 Филиппова Н. Ф. 387.
 Фишер фон Вальдгейм А. Г. 341, 342.
 Фишер В. (Fischer W.) 416, 465.
 Фишман С. (Fiszman S.) 426—428, 433, 465.
 Флашен Л. (Flaschen L.) 412, 453, 457, 463, 465.
 Флориан Ж.-П. 137.
 Фомин А. Г. 299, 307.
 Фонвизин Д. И. 140, 141, 171, 261, 287, 464 (Fonwizin).
 Фонвизин М. А. 228.
 Фонтенель Б. 24, 26, 179.
 Фонтон Ф. П. 49, 58, 61.
 Фотий, архимандрит 459.
 Франклин В. 34.
 Франко И. 385.
 Францев В. 445, 449.
 Фролов С. С. 378.
 Фукс К. Ф. 254.
 Фультон Р. 106.
 Фурье Ш. 426.
 Фусс П. Н. 16, 17.
 Фюзиль К. (Fusil C.) 23.
 Хаупт Г. 397.
 Хвостов Д. И. 439.
 Хейденстам 235.
 Херасков М. М. 28, 217.
 Херсонский Н. Х. 49.
 Хитров П. М. 341.

- Хитрово А. Э. 341 (Хитров), 342.
 Хитрово Е. М. 343, 344.
 Хлюстин С. С. 299, 341, 432, 433.
 Хлюстина А. С. см. Сиркур.
 Хмелевская Е. М. 343—350, 379, 476.
 Ходзько А. 423.
 Ходзько Л. 437.
 Хоецкий А. (Chojecki A.) 412, 430, 458, 461.
 Холодковский Н. А. 33.
 Хорти 397.
- Цезаж А. (Cezarz A.) 412, 459.**
 Цейтлин А. Г. (Cejtlin) 464.
 Церетели А. 386.
 Цесельчик С. 412.
 Циммерман 307.
 Цицерон 34.
 Цявловская-Зенгер Т. Г. 40, 56, 187—207, 219, 224, 255, 351—356, 376, 380, 381, 419, 475, 476.
 Цявловский М. А. 47, 79, 189, 199, 211—213, 219, 223, 224, 226, 232, 233, 256, 344, 358, 381, 389—392, 419, 433, 436.
- Чаадаев П. Я. 35, 154, 256, 315, 387, 399, 439, 452, 457.
 Чавчавадзе И. 386.
 Чайковский П. И. 177, 384, 467.
 Чаруковский Я. 341.
 Ченцов Н. М. 261.
 Черейский Л. А. 249—256.
 Черени см. Эилахи-Киш И.
 Черепанов М. 110.
 Черепановы 110.
 Чернецовы Г. Г. и Н. Г. 369—371.
 Черницкий Е. М. 387.
 Чернобаев В. Г. 435.
 Черный К. Г. 384.
 Чернышев В. И. 238, 239, 245.
 Чернышевский Н. Г. 157, 288, 386, 445.
 Черняев Н. И. 42.
 Чехов А. П. 384.
 Чижевский Д. (Cyżevskij D.) 40, 188.
 Чижов Ф. В. 119, 341, 354.
 Чиковани С. 386.
 Чирахов Ф. Х. 74.
 Чичерин Б. Н. 254, 256.
 Чулков М. Д. 239.
 Чулков Н. П. 194, 196.
 Чхеидзе А. И. 383, 386.
- Шабельский А. П. 250, 251.
 Шадури В. 386.
 Шадури Т. Н. 382.
 Шаликов П. И. 60, 139, 193, 439.
 Шампольон Ж.-Ф. 318, 319.
 Шапп К. 58.
 Шармуа Ф.-Б. 319.
 Шатобриан Ф.-Р. 19, 20.
 Шатров Н. М. 132.
 Шафиров П. П. 234.
 Шафрановский К. И. 72.
 Шахматов А. А. 129.
 Шаховской А. А. 78, 128, 142, 381.
 Шварц А. Л. 476.
- Шварц Бертольд, см. Бертольд Шварц.
 Шварце Б. (Szwarcze Bg.) 447, 458.
 Швейковский И. С. 436.
 Шевченко Т. Г. 381, 385, 448.
 Шевырев С. П. 40, 253, 293—297, 325, 326, 354.
 Шекспир В. 68, 468.
 Шелехов Д. П. 341, 342.
 Шеллер 254.
 Шелли П.-Б. 33.
 Шеллинг Ф.-В. 43, 44, 318.
 Шемиот В. Л. 438—440.
 Шемиот С. В. 438.
 Шемиоты 437, 438, 440, 441.
 Шенье А. 25.
 Шереметьев 194.
 Шереметьев П. С. 195.
 Шестериков С. П. 438.
 Шеффер П. Н. 216.
 Шидловский Р. (Szydłowski R.) 416, 471.
 Шиллер Ф. 19, 318, 417.
 Шиллинг П. Л. 52, 55—61, 64—67, 73—75, 107, 256, 380.
 Шильдер К. А. 58.
 Шимановская М. 250, 256, 432, 433.
 Шимановский М. 450.
 Шипова А. Е. 256.
 Ширинский-Шихматов С. А. 217, 391.
 Шишкин А. П. 379.
 Шишкина Е. В., рожд. Сновидова 379.
 Шишкина Л. А. 379.
 Шишков А. С. 37, 127—130, 132, 133, 154, 163.
 Шляпкин И. А. 42, 258.
 Шмидт В. В. 238—243.
 Шнеерсон М. А. 217.
 Шольц А. Е. 384.
 Шольц А. 323.
 Штейнгель В. И. 258.
 Штрайх С. Я. 65, 193, 195, 196.
 Шумилов В. Н. 378.
- Щастный В. И. 259.
 Щеглов Н. П. 77, 85, 113—115.
 Щеголев П. Е. 10, 21, 263—267, 321, 345, 346, 358.
 Щепкин М. С. 296.
 Щербаков В. Ф. 199.
 Щипачев С. П. 442.
 Щукин П. И. 56, 96.
- Эдлинг Р. С. 256.
 Эйлер Л. 16, 29, 51.
 Экенсайд М. 33.
 Эккерман И. П. 253.
 Элиас 42.
 Энгельгардт А. Л. 199.
 Энгельгардт С. С. 341, 342.
 Энгельс Ф. 445.
 Эренберг С. 249.
 Эренбург И. Г. 365, 409.
 Эрстед Г.-Х. 52, 78.
 Эстеррейх Э. 217.
 Эттингер П. Д. 433.
- Юзефович М. В. (поэт Ю.) 188—190, 200, 351—356.

- Юлий Цезарь 288, 295.
 Юркевич Я. (Бенедикт Доленга) 448, 450.
 Юрьев Ф. Ф. 273.
 Юцевич Л. 424.
 Юшкова А. П. 219.
 Юшневский А. Т. 259.
- Яворский Г. И.** 383.
 Яворский К. А. (Jaworski K. A.) 464.
 Яворский Ю. А. 245.
 Языков Д. И. 391.
 Языков Н. М. 86, 109, 152, 283, 314.
 Якоби Б. С. 52, 66, 72—74.
 Якубец М. (Jakóbiec M.) 420—424, 426, 430, 445.
 Якубович А. И. 380.
- Якубович Д. П.** 67, 70, 84, 86.
 Якубовский В. (Jakubowski W.) 416.
 Якушкин В. Е. 62, 65, 194, 196, 209, 244.
 Якушкин Е. И. 193—199.
 Якушкин И. Д. 193, 228, 259, 446.
 Янишевский Л. (Janiszewski L.) 443, 444, 449.
 Янковский Ч. (Jankowski) 450, 451.
 Яроцкий А. В. 57, 59, 65—67, 75, 256.
 Ястребцев Е. 351.
 Яструн М. (Jastrun M.) 411, 413, 448, 452—461, 463, 464, 466.
 Яцевич А. Г. 102.
 Яценко П. 234.
 Яшовский С. 424, 425, 441.
- А. G.** 464.
 Angual E. 403.
 Antal G. 403.
- Baleczky E.** 403.
 Balicki S. W. 464.
 Barcikowski W. 464.
 Bart 464.
 Bartoldus см. Berthold.
 Bécsi T. 403.
 Benedek M. 403.
 Berthold der Schwarze 75.
 Beylin K. 464.
 Beylinówna K. 464.
 Bielicki J. 461.
 Birkenmajer J. 430.
 Blüth R. 418.
 Bodnicki W. 464.
 Boka L. 404.
 Borzecki M. 464.
 Boufflers m-me 139.
 Brevis H. 464.
 Brenstein M. 445.
 Brückner A. 418, 421.
 Brzeziński S. 464.
 Bush D. 104.
 Buterlewicz A. 463.
 Bychowska H. 456.
- Cajou F.** 50.
 Chyliński K. 451.
 Ciesielczuk S. 454.
 Cole A. H. 122.
 Csañadi J. 404.
- Dąbkowska Z.** 417, 465.
 Daul A. 71.
 D'Epinaу 139.
 Doniecki W. 465.
 Dubiecki M. 438.
 Du Deffand M. 139.
 Dudley F.-A. 33.
 Drennon H. 32.
 Dudziński B. 465.
- È.** S. 465.
 Èk S. 404.
- Endre K.** 404.
 Erdödi J. 404.
 Erichsen H. 363.
- Falkonet, E.-M.** 418.
 Faludy G. 404.
 Fedeci Z. 452.
 Felkai F. 404.
 Fo 404.
 Fodor J. 404.
 Földényi E. 404.
 Frobenius V. 104.
- G. V.** 404.
 Gaai G. 404.
 Gáldi L. 404.
 Garnysz K. 465.
 Gáspár E. 404.
 Gerling L. 48.
 Gezarz A. 456.
 Gildina Z. 465.
 Goctawska C. 465.
 Godolák L. 404.
 Gorodyński W. 466.
 Görög I. 404.
 Grabo C. 33.
 Grabowski T. S. 466.
 Grandkovskaia I. 404.
 Grant E. M. 59, 103, 104, 106, 108, 122.
 Gruszczynski K. 466.
 Grzegorzczak P. 466.
 Gyárfás M. 404.
- Hámory Z.** 404.
 Harhala J. 430.
 Hagedüs G. 404.
 Haskell D. C. 122.
 Hatvany L. 404.
 Hausjokob H. 75.
 Heiss 50.
 Hertstlet W. L. 75.
 Hoefel F. 35.
 Horoszkiewicz J. 439.
 Horváth M. 404.

- Illes B. 404.
- J. D. 466.
J. K. 466.
Jackiewicz A. 466.
Jakóbiec M. 466.
Jakubiszyn A. 466.
Janowski J. 466.
Jędrzejewicz J. 454.
- Kasiński J. 454, 456.
Kasprzycki M. 415, 468.
Kardoss L. 405.
Kardoss S. 405.
Kardoss T. 405.
Karpéti A. 405.
Katona J. 405.
Kawecki J. 456, 457.
Kawska N. 467.
Kawyn St. 418.
Kelemen J. 405.
Keresztury D. 405.
Kerner S. 467.
Keszi I. 405.
Ki 467.
Kiełdysz J. 467.
Kłominek A. 467.
Koczorowski S. P. 467.
Kolbuszewski S. 467.
Koncsalovszki P. 405.
Korzeniewska E. 467.
Kósa J. 405.
Kosztolányi D. 405.
Koyre A. 50.
Kowalski T. 467.
Kowalski W. 467.
Kozłowski J. C. 467.
Kr. Z. 467.
Kragen W. 467.
Krejci K. 430.
Kridl M. 420.
Kristóf K. 405.
Kudliński T. 467.
Kulisiewicz A. 467.
Kuryluk J. 467.
Kurzawa T. 467.
Kwiatkowska J. 414, 468.
- Lehr-Spławiński T. 417, 468.
Lepki B. 419.
Leroy, 80, 82.
Lewin L. 453, 457—460, 463.
Liewszowa S. 468.
Lisziewicz T. 453, 454, 461.
Lodwich-Ledwa E. (Adam Kaszubski) 453.
Logan V. 33.
Łosonczy G. 405.
Lubieński H. 468.
Lubowicz Z. 468
Lukács G. 405.
- Macierakowski J. 468.
Madarász E. 405.
Małeckci F. 468.
Mańska F. 468.
Marciniakowa 468.
- Máthe-Haupt G. 405.
Mátraí-Betegh B. 405.
Mazurkiewicz T. 468.
Michelet K.-L. 48.
Mniszchówna M. 425.
Murányi-Kovács E. 405.
- N. P. 445.
Natanson W. 468.
Nógrádi L. 405.
Norwid 419.
- Országh L. 405.
Orzechowski O. 437.
Oscień Z. 469.
Ost 469.
Ostrowski S. 469.
- Pánczel L. 406.
Partridge E. 93.
Passuth L. 406.
Pietrowska A. 469.
Pitera Z. 469.
Płomieński J. E. 469.
Polanowski J. 469.
Polgár I. 406.
Pommier V. 108.
Powołowski S. 469.
Pozdniewa O. 469.
Poznański M. 470.
Pregerówna J. 470.
Proksza L. 470.
- R. Gy I. 406.
Rádo G. 398, 406.
Rassalski S. 470.
Rexa D. 406.
Rokoszowa M. 470.
Rozványi V. 407.
Rubach L. 470.
Ruffy P. 407.
Ryszkiewicz A. 470.
- S. 407.
Sandauer A. 470.
Sas Ák. 407.
Sas An. 407.
Schnitzler J. H. 106.
Sebestyén G. 407.
Sebyła W. 462, 463.
Sesemann W. 50.
Śliwina J. ze см. Kirkor A. 444—447.
Sokorski W. 470.
Sós E. 407.
Sós L. 407.
Staël 170.
Stern A. 452.
Still A. 77.
Swann H. J. 122.
Swiderska A. 471.
Sz. Nagy M. 407.
Szabó L. 407.
Szczepańska M. 471.
Szechter J. 455.
Szentimrei J. 407.

Szewczyk W. 471.
Sznitko B. M. 407.
Szolnoki A. 407.
Szydłowski R. 416.
Szyszko A. 471.

Tamás E. 407.
Thurzó G. 407.
Trencsényi-Waldapfel I. 407.
Trócsányi Z. 407.
Truchanowski K. 471.
Truszkowski M. H. 412.
Trylewicz D. 471.

Uspiewski J. 472.

Vajda G. M. 407.
Veres P. 407.
Vozári D. 407.

Weber W. 457, 472.
Weintraub W. 419.

Zawadowska J. 472.
Zgorzelski C. 472.
Zolnay V. 407.
Zótkiewski S. 415, 472.
Zujewski A. 472.
Żywow M. 472.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ

	Стр.
П. Л. Шиллинг. Рисунок А. С. Пушкина в альбоме Е. Н. Ушаковой. 1829—1830. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.	56—57
П. Л. Шиллинг. Акварель неизвестного художника. 1828. Всесоюзный Музей А. С. Пушкина.	56—57
Черновой набросок стихотворения «О, сколько нам открытий чудных...». Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.	63
Черновой набросок плана к «Сценам из рыцарских времен». Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.	69
Английская набережная в Петербурге (пароход «Ижора» на Неве). Рисунок Садовникова, литография Иванова. Начало 1830-х годов.	105
Сухопутный пароход от Ораниенбаума до Петербурга. Литография И. Селезнева. Из книги В. Гурьева «Учреждение торцовых дорог», 1836.	111
Железная дорога. Рисунок из книги Ф. А. Герстнера «О выгодах построения железной дороги из Санкт-Петербурга в Царское Село и Павловск». СПб. 1836.	121
«Морю». Беловой с поправками автограф Пушкина. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.	200—201
«Морю». Беловой с поправками автограф Пушкина. Обрат сторона листа. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР.	200—201
Шмуцтитул книги А. Шабельского с посвящением А. Гумбольдту и дарственной надписью автора Пушкину.	251
Карандашная записка В. Ф. Одоевского о Пушкине. Государственная Публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.	323
Лист из «Капнистовской тетради» Пушкина, принадлежавший Г. К. Андерсену. Копенгагенская Королевская библиотека.	360—361
Лист из «Капнистовской тетради» Пушкина, принадлежавший Г. К. Андерсену. Обрат сторона листа. Копенгагенская Королевская библиотека.	360—361
Вариант картины «Пушкин в Бахчисарайском дворце». Акварель Н. Чернецова. 1837. Из частного собрания (№ 3).	368—369
Фонтан слез в Бахчисарайском дворце. Акварель Н. Чернецова. 1835. Всесоюзный музей А. С. Пушкина (№ 2).	370—371
«Пушкин в Бахчисарайском дворце». Картина маслом братьев Н. и Г. Чернецовых. 1837. Всесоюзный музей А. С. Пушкина (№ 4).	370—371

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
СТАТЬИ	
М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени (Разыскания и этюды)	9
Б. В. Томашевский. Вопросы языка в творчестве Пушкина	126
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
Т. Г. Цявловская. Автограф стихотворения «К морю»	187
Б. В. Томашевский. Эпиграммы Пушкина на Карамзина	208
Л. Н. Назарова. К истории создания повмы Пушкина «Руслан и Людмила»	216
Т. П. Ден. Пушкин в Тульчине	222
И. К. Стойчев. Заметки о Пушкине	230
По поводу сцены в «Делибаше»	230
К «Полтаве»	233
Пушкин и народное творчество	236
Б. В. Томашевский. Сказка об орле (Из бумаг Пушкина)	236
В. В. Шмидт. Новая запись песни «Разбойники и сестра»	238
Г. Ф. Нефедов. Новая запись сказки о царе Салтане	243
Л. А. Черейский. Пушкин и Александр Гумбольдт	249
М. П. Султан-Шах. М. Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830—1832 годов	257
Я. Л. Левкович. К истории статьи Пушкина «Альманашик»	268
В. Г. Березина. Из истории «Современника» Пушкина	278
Р. Б. Заборова. Незаданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине	313
Е. М. Хмелевская. Из дневника графини Д. Ф. Фикельмон (Новый документ о дуэли и смерти Пушкина)	343
Т. Г. Цявловская. «Поэт Ю.» в «Путешествии в Арзрум»	351
Л. Ю. Брауде. Автограф Пушкина в архиве Г. К. Андерсена	357
М. Д. Моричева. Пушкин в стихотворении Нурдаля Грига	363
С. В. Обручев. Незвестный вариант картины братьев Чернецовых «Пушкин в Бахчисарайском дворце»	360
КРИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	
В. В. Данилов. Новейшие публикации автографов Пушкина (1949—1954)	375
Л. Н. Назарова. Библиографический перечень авторефератов диссертаций о Пушкине (1949—1954)	382
А. П. Могилянский. К уточнению некоторых данных первого тома «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина»	388
Я. Л. Левкович. Печать народно-демократической Венгрии о Пушкине (1949—1952)	396
С. С. Ланда. А. С. Пушкин в печати Польской Народной Республики в 1949—1954 годах <i>Пушкинский кабинет ИРЛИ</i>	408

ХРОНИКА

Всесоюзные Пушкинские конференции (Е. М. Хмелевская)	475
Пушкинская комиссия Союза советских писателей СССР (И. Л. Фейнберг)	476
Пушкинская группа Института русской литературы (Л. С. Сидяков)	477
<hr/>	
Указатель произведений Пушкина, упоминаемых в настоящей книге (Е. М. Хмелевская)	478
Указатель имен (Е. М. Хмелевская)	485
Список иллюстраций	500
